

Annotation

Человеческая жизнь — миг в безбрежном море вечности. Но душа человека бессмертна, она хранит память о любви к другой душе, пронесит ее через века.

Эта красивая сказка начинается в Уэльсе в одиннадцатом веке, но память возвращает героев во времена еще более далекие.

- [Бертрис Смолл](#)
 - [Пролог. ГДЕ-ТО В ВЕЧНОСТИ](#)
 - [Часть I. УИНН ИЗ ГАРНОКА УЭЛЬС, 1066](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть II. ХОЗЯЙКА ЗАМКА. СКАЛА ВОРОНА. УЭЛЬС, 1061](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть III. ЖЕНА ТАНА ИЗ ЭЛФДИНА](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Часть IV. НАЛОЖНИЦА БОЛЬШОГО ЗАЛА](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Эпилог. УЭЛЬС. 1805 ГОД](#)
- [notes](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Бертрис Смолл

Ворон

*В память о моем
друге Томе Е. Хаффе:*

*Тому, который
всегда оставался
Томом, за исключением
того времени, когда он
был Дженнифер.*

*До новой встречи,
дорогой*

*Любовь отдает
только себя и ничего не
берет взамен, Любовь
ничем не владеет, и ею
нельзя обладать,
Поскольку любви нужна
любовь.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

Пролог. ГДЕ-ТО В ВЕЧНОСТИ

В Большом Зале Дифида, окруженная зловещим облаком фиолетового тумана, внезапно появилась Анхарид, королева Справедливого народа.

О ее появлении возвестил удар грома, который так мощно потряс кровлю, что все находящиеся в зале в страхе посмотрели вверх, опасаясь быть погребенными под ее обломками.

Когда туман рассеялся, перед взорами присутствующих предстала женщина необычайной красоты. Справедливости ради надо заметить, что Анхарид все же была не столь прекрасна, как ее сестра, Рианон, жена принца, владельца Дифида. Наряд королевы мерцал таинственными переливами перламутра. Ее длинные золотистые волосы были заплетены в семь кос, каждую из которых украшали жемчуг и драгоценные камни, вспыхивающие при малейшем движении головы, когда королева неторопливо оглядывалась по сторонам, рассматривая все своим серебристо-голубым взором.

Тейрнион, лорд Гвента, и его хорошенькая жена, Илейн, стояли со своим сыном, Анвиллом. Взгляд Анхарид на мгновение потеплел, когда она увидела маленького мальчика. Заметив же Бронуин Белую Грудь, дерзко сидевшую рядом с Пауелом, принцем Дифида, глаза королевы вновь стали суровыми. Стыда не было у этой Бронуин. Она восседала на половине скамьи властелина, словно имела на то право, и вызывающе смотрела на королеву Справедливого народа как на непрошеную гостью. Пауел, надо отдать ему должное, чувствовал себя неловко и выглядел подавленным.

— Сестра! — раздался нежный, но вместе с тем настойчивый голос.

Анхарид обернулась и обняла свою старшую сестру. С едва заметной торжествующей улыбкой она взглянула на Рианон. Народу Кимри не удалось ее уничтожить, хотя одному Богу известно, как они старались. Красота Рианон еще больше расцвела за эти мучительные четыре года.

— Будь милосердна, сестра. — Эти беззвучно произнесенные Рианон слова были тем не менее услышаны Анхарид.

— Сомневаюсь, что они проявили к тебе хоть каплю сострадания, — также беззвучно ответила королева Справедливого народа.

— Некоторые из них заботились обо мне, — заметила Рианон.

— Я знаю, и мой гнев их не коснется, — сказала Анхарид и, отвернувшись от старшей сестры, громко обратилась к присутствующим.

Она обдуманно и осторожно подбирала слова. Тех, кто был добр к ее сестре, Анхарид осыпала благодеяниями и сказочными богатствами, которые будут сопутствовать их семьям и потомкам на тысячу поколений вперед. На тех же, кто умышленно и расчетливо обижал Рианон, королева наложила страшное проклятье. Тишина, воцарившаяся в Большом Зале во время речи Анхарид, была такая, что казалась зримой.

Потом королева взглянула на мужа Рианон, восседавшего на троне, обхватив голову руками. Силой воли она заставила его посмотреть на нее, и, когда их взгляды встретились, Анхарид заговорила вновь. В ее голосе уже не было гнева, а только глубокая печаль.

— Пауел, властелин Дифида, — обратилась она. — Когда ты приехал, чтобы взять в жены мою сестру, Рианон просила тебя только о двух вещах: любить только ее и полностью доверять ей. Это все, что она хотела взамен тех жертв, на которые пошла, чтобы стать твоей женой. Ты предал ее. Ты не смог доверять Рианон, когда твои люди осуждали ее только за то, что она не была из народа Кимри, и по этой причине сомневались в ее верности. Но если даже Справедливый народ и простит тебя, останется ли твое сердце верным ей?

Нет, Пауел Дифида. Твоя любовь не выдержала испытаний, как и твоя вера в Рианон. Даже зная о великих жертвах, на которые она пошла ради тебя, ты оставил ее без помощи, неспособной защитить себя и зажатой между двумя мирами. За это, Пауел Дифида, ты понесешь наказание.

Затем Анхарид, королева Справедливого народа, объявила приговор Пауелу, приговор столь суровый, что все присутствующие затаили дыхание в благоговейном страхе перед его изощренностью. Когда смысл наказания полностью дошел до сознания Пауела, его глаза широко раскрылись от ужаса и он всем своим существом восстал против возмездия, которое заслужил.

Перед пораженными взорами придворных Дифида зал стал наполняться серебристой дымкой.

Раздался еще один ужасающий удар грома, который мгновенно рассеял туман, и все увидели, что Анхарид и Рианон исчезли. Бронуин Белая Грудь скулила, охваченная страхом, с жалобным видом уцепившись за руку Пауела. Он яростно сбросил ее руку и закричал вслед жене:

— Рианон! Рианон! Ри-а-нон!

Ответа не последовало, и по мере того как голос Пауела отдавался эхом и затихал в стенах Большого Зала, глубокая, скорбная тишина окутывала всех и все.

Часть I. УИНН ИЗ ГАРНОКА УЭЛЬС, 1066

*Если в сумерках
памяти нам суждено
еще раз встретиться,
мы вновь поговорим
друг с другом и ты
споешь мне
таинственную песню.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

Глава 1

Уинн из поместья Гарнок пристально смотрела на могилу своего отца. Всего месяц прошел с того момента, когда Оуен ап Льюилин случайно встретил свою смерть. Могильный холм уже начал зарастать травой, и скоро он будет похож на соседний, под которым покоится ее мать. Как будто все так и было во веки веков. Как будто под холмом не было ничего, кроме земли. Она почувствовала, как слеза потекла по щеке, и нетерпеливо смахнула ее. Уинн не плакала, когда умирал отец. Слезы для слабых, а она не могла быть слабой, как другие женщины. На их плечи не ложилась ответственность за большое, доходное поместье, которое надо сохранить для подрастающего наследника. Им не надо было беспокоиться о безопасности младшего брата и трех сестер.

«Ты оставил мне тяжелую ношу, отец», — с глубоким вздохом сказала Уинн. Оуен ап Льюилин был высоким красивым мужчиной в расцвете лет. Хотя он владел одним из самых богатых поместий во всем Морганнуиге, никто не завидовал ему, включая короля, Граффидда ап Льюилина, его дальнего кузена. В воинственном Уэльсе он прослыл миролюбивым, хотя, когда того требовал случай, он брался за свой меч.

Но все же всему остальному он предпочитал свои земли и стада, свою жену и семью, и он старался не совершать ничего такого, что подвергло бы опасности его родных и близких.

Люди считали, что ему во всем сопутствует удача. В двадцать два года он взял в жены первую красавицу Уэльса, Маргиад, прозванную Жемчужиной. Она подарила ему четырех дочерей и сына. Родив последнюю дочь, она умерла, но даже после такой утраты его по-прежнему считали счастливым.

Дети росли здоровыми, и он, конечно, мог жениться второй раз. Оуен был завидным женихом, однако вторично он не женился. Он страстно любил свою жену и глубоко переживал ее смерть. Те, кто знал Оуена ап Льюилина близко, заметили, что после потери Маргиад он перестал смеяться легко и часто, как раньше. Последнюю дочь он назвал Мар, что означало на древнем языке Кимри «печаль». Он любил девчужку не меньше других сестер, так как не был жестоким, но он не был уже и прежним, таким, как до смерти Маргиад, Жемчужины. Оуен безжалостно перегружал себя работой, словно пытаясь убежать от реальности вдовства. Не будучи слишком гордым, он не видел ничего зазорного в том, чтобы

взять в руки серп и поработать в поле вместе со своими крепостными и рабами. В тот самый день, когда Оуен ап Льюилин погиб, он решил перекрыть крышу амбара соломой. Весенние дожди и зимняя непогода разрушили кровлю. Нагруженный соломой, он оступился и упал с крыши прямо на кучу сена. Вилы, небрежно оставленные в сене, пронзили ему сердце, и он мгновенно умер.

Наследнику Гарнока было всего десять лет, и, хотя фактически имение принадлежало ему, управлять им он не мог из-за столь юного возраста. Эта тяжелая ноша легла на плечи его старшей сестры, пятнадцатилетней Уинн; поскольку не было подходящего родственника мужского пола. К счастью, у сирот осталась бабушка по отцовской линии, Энид, которая вела дом, оставив Уинн надзор за большим наследством брата. Были еще и другие проблемы, которые надо было уладить, и Уинн опасалась, что не сможет справиться с ними.

Как лорд Гарнока, ее маленький брат был желанным женихом, но Уинн сомневалась в разумности обручения Дьюи ап Оуена в таком раннем возрасте. В те времена не было ничего необычного в женитьбе десятилетних мальчиков. Но если вдруг Дьюи умрет в детстве, семья его жены может от ее имени потребовать богатые земли Гарнока. Что тогда будет с сестрами и бабушкой? Стоя у могилы отца, Уинн нахмурилась, ибо она знала ответ на этот вопрос. Все они останутся без крова и без пенни в кармане. Все было так сложно. Надо подыскать мужей для Кейтлин, Дилис и Мар. Как ей подступиться к этому? У нее самой еще не было мужа.

— Кар! Кар!

Уинн обернулась на резкий голос и хлопанье крыльев. Большой черный ворон глядел на нее с соседнего дерева. Он склонил голову набок, словно вопрошая, что держит девушку на вершине открытого холма под порывами резкого ветра, в котором уже чувствовалось приближение дождя. Слабая улыбка коснулась губ Уинн. Ворон был ее старинным другом. Казалось, у него нет возраста, он все время присутствовал в ее жизни. Ее отец всегда подшучивал над ней, говоря, что это, должно быть, самый старый ворон из всех живущих, поскольку, по его мнению, вороны не относятся к числу особых долгожителей. Но сейчас Уинн была уверена, что птица, смотрящая на нее, именно та, которую она знала всю свою жизнь.

— Привет, Дью! — поздоровалась Уинн, чувствуя себя удивительно спокойно в присутствии ворона. — У меня сегодня нет для тебя хлеба, извини.

Птица, казалось, была огорчена ее словами и издала слабый гортанный звук.

— О, — ласково сказала Уинн. — Я оскорбила твои чувства, верно? Ты прилетел вовсе не за хлебом, а чтобы успокоить меня, старина Дью.

Что ж, мои заботы сегодня, конечно, серьезнее твоих.

Она тихо засмеялась.

— А вдруг люди подумают, что я сумасшедшая или колдунья, потому что я разговариваю с вороном? Мы ведь с тобой старые друзья, правда?

Ворон, казалось, кивнул головой.

Уинн это позабавило.

— Я, пожалуй, пойду, старина Дью. Мне не решить все трудности, стоя здесь и болтая с тобой. Позаботься сам о себе и не слишком воруй зерно, когда мы на следующей неделе будем сеять.

И она стала спускаться с холма, а ворон продолжал наблюдать за ней, удобно устроившись на дереве; но когда упала первая капля дождя, птица ворча улетела в поисках укрытия.

Торопясь домой, Уинн накинула на голову шерстяную шаль. Весенние дожди могут быть коварно обманчивы, а ей не хотелось схватить простуду. Дома по крайней мере будет тепло. Странно, но, несмотря на близость к реке, в нем всегда было сухо. В детстве ее интересовал предок, который построил дом на мысу возвышающемся над рекой. Взрослея, она поняла, что, расположенный таким образом, дом был уязвим лишь с одной стороны, но та сторона дома была окружена каменной стеной с тяжелыми дубовыми воротами, окованными железом, которые закрывались и запирались на засовы на закате солнца или во время опасности.

За этими стенами находились основные постройки имения, главный амбар, кузница, кухня, конюшни, псарня, голубятня, колодец и огород.

Дом был построен из камня и дерева, крыша покрыта соломой, в которой было несколько отверстий для дымоходов, что указывало на богатство хозяина поместья. Внутри основной этаж занимал зал, протянувшийся вдоль всего здания и поднимающийся на два этажа вверх.

Над той частью зала, которая занимала лишь один этаж, на втором этаже находилась небольшая солнечная комната — спальня Оуена ап Льюилина и его жены. Это было исключением из общепринятого правила, когда лорд и его семья спали в одной комнате, занавесками отделяя одну кровать от другой.

Уинн быстро пробежала сквозь ворота, так как небеса буквально разверзлись, и добралась до дома, облегченно вздохнув. Она стряхнула капли дождя с тяжелой шали, и та стала почти что сухой. Завернувшись в нее, Уинн вошла в зал. В двух очагах весело горел огонь, и, как обычно,

было уютно и сухо. Ее зеленые глаза обежали зал, заметив бабушку Энид, говорившую что-то слугам, которые принесли вечернюю трапезу, затем остановились на брате Дьюи, весело игравшем со щенками и сестричкой Мар, потом Уинн перевела взор на двух сестер, Кейтлин и Дилис, которые, по обыкновению, сидели и сплетничали. Увидев ее, Дилис вскочила и подбежала к старшей сестре.

— Где ты была? — захныкала она. — Мы так боялись! Мы узнали, что на нашем берегу вновь появились ирландские работорговцы. Что, если они схватили бы тебя? Что тогда с нами будет? — Ее хорошенький ротик принял обиженный вид.

Кейтлин подошла к ним и тоном превосходства сказала:

— Она опять была на могиле, ведь правда, Уинн? Не понимаю, почему ты туда ходишь. Там ничего нет. Отец давно умер. Дилис права.

Ирландцы совершают налеты. Тебе следует быть более благоразумной в своих странствиях.

— Спасибо тебе, дорогая сестра, за заботу, — сухо ответила Уинн. — Откуда ты узнала об ирландцах? Их нечего бояться. Мы слишком далеко от берега, чтобы они смогли побеспокоить нас.

— Приезжал гонец! — воскликнула Дилис. — Когда ты ушла.

— Разве я была так далеко, что за мной нельзя было послать? — резко спросила Уинн. — В конце концов, мне виден был дом. Я не заметила никакого всадника.

— Ты его не видела, возможно, потому, что опять предавалась мечтам, — ответила Кейтлин. — Гонец прискакал, сообщил новость и немедленно покинул нас, — так приказал ему его хозяин. Я полагаю, Ризу из Сант-Брайда нужен каждый человек, пока опасность не минует.

— Так это Риз прислал гонца, чтобы предупредить об ирландских работорговцах? — Уинн была озадачена. — Любезно с его стороны, но, думаю, необязательно.

— Нет! Нет! — глупо хихикала Дилис, танцуя около старшей сестры; ее золотисто-каштановые волосы разлетались в разные стороны.

— Замолчи, ты, глупая негодница! — прикрикнула на сестру Кейтлин. — Я передам Уинн послание. — Она повернулась к старшей сестре. — Риз из Сант-Брайда придет навестить нас. Он будет говорить с тобой об очень важном деле, — гордо сказала Кейтлин, — а это значит только одно: он хочет на тебе жениться. Я сказала гонцу, чтобы он передал своему хозяину, что ты будешь рада и сочтешь за честь принять его, когда ему будет удобно. Если ты выйдешь за Риза, тогда и мы сможем найти богатых мужей! Какая возможность для нас! Ты рада, Уинн?

Слова сестры сначала поразили, а потом обеспокоили Уинн.

— Нет, — наконец сказала она, тщательно подбирая слова. — Нет, я совсем не в восторге от перспективы стать предметом его ухаживаний.

Мне придется отказать ему, если он будет просить моей руки, а отказывая, трудно сохранить дружбу, Кейтлин.

— Отказать ему? Почему ты откажешь ему? — завизжала Кейтлин. — Ты погубишь всех нас, ты, эгоистка, до того как разделаются с тобой!

Уинн вздохнула.

— Кейтлин, подумай немного. Почему могущественный военачальник, владелец большого замка, хочет взять меня в жены? О, у меня неплохое приданое, но имя не столь знатное. Риз из Сант-Брайда может иметь жену и с приданым, и с именем. Зачем ему я?

— Кого это волнует, почему он хочет именно тебя? — раздраженно сказала Кейтлин. — Неужели ты ничего не понимаешь, Уинн? Имея Риза свояком и вдобавок наше приличное приданое, мы можем выбрать хороших мужей. Кроме того, мы в родстве с самим королем.

— Наша родственная связь с Граффилом ап Льюилином столь тонка, что едва различима, — небрежно ответила Уинн. — Если Риз и собирается ухаживать за мной, то только из-за нашего брата.

— Какое Дьюи имеет к этому отношение? — поинтересовалась Дилис, наморщив свой хорошенький лобик.

— Наш брат — ребенок. Если с ним что случится до того, как он вырастет, женится и станет отцом, Гарнок будет принадлежать мне. К счастью, у нас нет ближайших родственников-мужчин, которые представляли бы угрозу наследству Дьюи. Можешь быть уверена, что именно это и имеет в виду Риз, желая поухаживать за мной, — возможную кончину Дьюи. Я не позволю ускорить переселение брата в мир иной, что даст возможность Ризу через меня заполучить Гарнок. Линия передачи поместья по наследству вполне ясна. Сначала через мужскую линию к третьему колону, а затем через женскую, начиная со старшей сестры. Риз из Сант-Брайда никогда даже не видел меня. А может, я лысая или беззубая? Но он все равно возьмет меня, чтобы завладеть Гарноком.

— Ты с ума сошла? — сказала Кейтлин, не глядя на сестру — Нет, — вступила в разговор бабушка. — Она, возможно, права. Но все же мы не будем судить строго Риза из Сант-Брайда, пока не выслушаем его. А вдруг его предложение окажется искренним? Уинн — практичная девочка. Она ясно видит, в чем ее притягательная сила для могущественного лорда. Хотя Дьюи и является лордом Гарнока, она наследница Гарнока до тех пор, пока у него не появится собственный сын. И все же, моя девочка, — сказала

Энид, нежно обняв внучку, — Кейтлин поступила правильно, сказав гонцу, что ты примешь лорда из Сант-Брайда.

— Будем надеяться, что ирландцы отвлекут его на несколько месяцев, — пробормотала Уинн. — Меньше всего сейчас мне нужен поклонник. Надо посадить пшеницу и позаботиться о сене, чтобы было чем кормить скот зимой. Вы же знаете, как трудно на нашей почве вырастить хлеб.

— Сегодня еще четыре коровы отелились, — сказал Дьюи, подойдя к сестрам.

— Старушка Блодвен опять принесла близнецов, и один из них — это крошечный бычок, Уинн.

Она улыбнулась ему, вытаскивая соломинки из его черных волос и нежно взъерошив их.

— Малютка бычок, — повторила она. — Если он хоть наполовину пойдет в собственного отца, он для нас будет просто незаменим.

Довольный Дьюи улыбнулся, а Кейтлин помрачнела.

— Быки и коровы! — раздраженно сказала она. — Неужели это все, о чем ты можешь думать, Уинн?

— Кто-то из нас должен думать о хозяйстве, если мы хотим сохранить поместье, если ты хочешь сохранить свое приданое, — пока я не выдам замуж тебя и Дилис, — ответила ей Уинн.

— Мое приданое — это мое приданое, — твердо сказала Кейтлин.

— Твое приданое — часть поместья, и в первую очередь надо думать о Гарноке, — ответила ей Уинн.

— Есть еще одна причина, по которой ты должна выйти замуж за Риза из Сант-Брайда, если он попросит твоей руки, — упрямо продолжала настаивать Кейтлин. — Ни одна женщина не может управлять поместьем. Я просто не понимаю, почему бы тебе не выйти замуж. Сделай это, и пусть Риз возьмет на себя все хозяйские заботы, пока ты не разорила нас!

— Уинн не надо выходить замуж, если она не хочет этого, ты, эгоистичная корова! — вступился за старшую сестру Дьюи, гневно сверкая голубыми глазами. — Я лорд Гарнока, я сказал вам свое слово!

— Лорд Гарнока! Лорд Гарнока! — передразнила его Дилис, поскольку они с Кейтлин были близки. — Ты всего лишь коротышка!

— Я такой же большой, как и ты, — ответил он смело, протягивая руку, чтобы дернуть Дилис за одну из ее длинных кос, и усмехаясь от удовольствия, предвкушая ее вопли.

Кейтлин хотела шлепнуть брата, чтобы защитить Дилис, но он увернулся от ее руки и, хорошенько нацелившись, пнул ее по голени.

Кейтлин взвыла от ярости, потому что удар Дьюи оказался метким.

— Промахнулась! Промахнулась! — смеялся он над ней, прыгая вокруг, пока она терла больное место.

Уинн схватила брата за шиворот и крепко держала его.

— Проси прощения у сестер, — твердо приказала она извивающемуся Дьюи.

— Извините, — проговорил он медовым, раскаивающимся голосом, но в глазах его плясали озорные огоньки. Если Уинн не могла видеть его взгляда, то Кейтлин и Дилис заметили притворство брата. Холодные голубые глаза Кейтлин пригрозили младшему брату, что ему не поздоровится, если она застанет его где-нибудь одного. Кейтлин с уважением относилась к двум вещам: власти и золоту. У Дьюи не было ни того, ни другого, поэтому ее месть могла настигнуть его в любом месте и в любой момент. Однако он мог рассчитывать на забывчивую натуру Дилис. Хотя Дилис была эгоистична и погружена в себя, она редко имела зуб против кого-нибудь, в отличие от Кейтлин.

А за стенами дома бушевал ветер, дождь громко барабанил по закрытым окнам. Порывы ветра задували в дымоход, рассыпая в воздухе снопы искр, которые падали, не причинив вреда, обратно в круглое углубление очага.

— Довольно, — твердо сказала Энид. — Остывает вечерняя трапеза, пока мы здесь стоим и спорим о деле, о котором имеем слабое представление. Может, Риз из Сант-Брайда хочет всего-навсего купить у нас скот.

— Всем хорошо известно, что мы не торгуем скотом, — нетерпеливо произнесла Кейтлин.

За столом семью терпеливо ожидал отец Дрю. Это был тихий человечек с карими мигающими глазами, их единственный близкий родственник-мужчина, но, как лицо духовное, он не имел права наследовать Гарнок. Он прожил здесь всю жизнь, за исключением тех лет, которые провел в английском монастыре, откуда вернулся спустя несколько месяцев после рождения Уинн. Как раз в это время умер бывший священник Гарнока, другой кузен, и он занял его место.

Сейчас в животе у него урчало от голода, но он сохранял спокойствие, пока все родственники не уселись за стол. Затем он быстро пробормотал благодарственную молитву за обильную еду, которую им предстояло съесть, и, не успело последнее «аминь» смолкнуть на устах, как он потянулся за своей кружкой.

Энид сдержала смешок и дала знак слугам подавать на стол. Она

знала, что никто не ценил еду так, как Дрю, и все же он не был настоящим мужчиной. Баранина, тушенная с луком, морковью и капустой, была разложена на отдельные деревянные тарелки. Это было вкусное, ароматное блюдо, посоленное морской солью и сдобренное заморским перцем. У Энид был утонченный вкус, и ей не нравилась пресная еда. Морская соль была доступна, а что касается перца, он считался роскошью, которую привозили из дальних мест, — о них она ничего не знала. На столе был сыр и свежее испеченный хлеб, а также кувшин с охлажденным элем.

Когда все принялись за еду, в комнате воцарилась тишина. Уинн, строго нахмутив брови, сделала Дьюи замечание, чтобы он ел ложкой, а не руками. На столе была простая пища деревенских жителей, и ее было в достатке. Когда они покончили с трапезой и слуги убрали остатки, внесли блюдо со сморщенными яблоками. Они хранились всю зиму с прошлого урожая в холодном погребе и знавали лучшие дни.

— Унесите их, — приказала Энид, — и сварите к завтраку.

— Не забудьте подсластить их, — крикнула вслед уходящему слуге Кейтлин.

— Если она даже съест весь мед в мире, то все равно не будет лучше, — пробормотал Дьюи.

Уинн бросила на брата предупреждающий взгляд, но ей не удалось скрыть легкую улыбку, и он озорно улыбнулся ей в ответ.

— Что он сказал? — требовательно произнесла Кейтлин.

— Тебя это не касается, — ответила Уинн, решительно пресекая продолжение ссоры.

— Интересно, когда Риз из Сант-Брайда начнет ухаживать за Уинн? — сказала Дилис.

— Мы что, должны все время только и говорить о лорде из Сант-Брайда? — раздраженно ответила Уинн.

— Что с тобой? — обрушилась на старшую сестру Кейтлин. — Ты ведешь себя так, словно сам дьявол посватался к тебе. Говорят, Риз прекрасный человек, ему тридцать с небольшим. Он молод и силен. Только раз был женат, но детей у него нет. Твой сын унаследует Сант-Брайд, Богатый и могущественный человек собирается свататься к тебе, Уинн!

Ей-богу, как бы мне хотелось быть на твоём месте!

— Я тоже этого хочу, — спокойно ответила Уинн. — Сейчас мне не нужен никакой муж.

— Тогда ты просто дура! — разозлилась на нее Кейтлин. — Тебе уже пятнадцать лет, сестра, и моложе ты не становишься!

— Если тебя так сильно волнует замужество, я предлагаю заключить

брак между тобой и Ризом из Сант-Брайда, если он действительно явится к нам за женой.

— Он не захочет меня, — небрежно призналась Кейтлин, раздраженная своим честным ответом.

— Ты права, — ответила сестра, — и мы обе знаем причину, верно, Кейтлин? Вот почему я не выйду замуж, пока Дьюи не вырастет и у него не родится сын.

— А что будет с нами? — запричитала Кейтлин. — Мы обречены остаться старыми девами только потому, что ты избрала для себя такой путь? Это эгоистично!

— Хватит! — резко оборвала ее Энид. — Постыдись, Кейтлин! Когда это Уинн была эгоисткой? Это ты самая эгоистичная из всей семьи, нам этого вполне хватает. Уинн, я и наш прекрасный юный лорд Гарнока уверяем тебя, что у вас с Дилис будут хорошие мужья.

— Мне не нужен хороший муж, — угрюмо заявила Кейтлин бабушке. — Я хочу богатого и могущественного!

Уинн рассмеялась.

— Ей-богу, Кейтлин, ты тупица.

— Хорошие мужчины обычно скучны, — заметила Кейтлин.

— Ну а если он окажется богатым и хорошим человеком, — подтрунивала над ней Уинн. — Это сделает его более привлекательным для тебя?

— Она, вероятно, сведет его поскорее в могилу, — съязвил Дьюи.

— Только в том случае, если заведу себе любовника, — уточнила Кейтлин.

— Что?! — Энид была потрясена. — Внучка, что это за разговор? Какое зло ты замыслила, моя девочка?

— Ой, бабушка, не волнуйся, — утомленно ответила Кейтлин. — Я не собираюсь лишаться невинности ради минутной страсти, когда я могу продать ее подороже. Тем не менее мне, конечно, очень понравятся плотские отношения между мужем и женой. Так что если я овдовею, то, разумеется, не собираюсь обходиться без них. Я не Уинн, холодная и сдержанная. Я — существо горячее!

— Ты нахалка, — воскликнула Энид и больно ударила ее по щеке, но девушка только посмеялась над бабушкой, потирая хорошенькое дерзкое личико.

Дилис глуповато хихикнула и тоже получила оплеуху в назидание.

Из ее больших голубых глаз потекли слезы.

— Отправляйтесь спать, — потеряв терпение, приказала Энид двум

девушкам. — Ты тоже, мой бесценный мальчик, — обратилась она к Дьюи. Не произнеся ни слова, Кейтлин встала и гордо удалилась из зала. Дилис торопливо последовала за ней.

Дьюи поднялся со своего места, поцеловал старшую сестру и бабушку и тоже пошел спать.

— Она плохо кончит, — мрачно предрекла Энид.

— Нет, бабушка, — нежно возразила Уинн. — Это просто потому, что она открыла в себе женщину. Она хочет быть себе хозяйкой в своем собственном доме.

— Но ты ведь не хочешь, — сказала Энид. — Почему так, мое дитя?

Уинн покачала головой.

— Я не смею выходить замуж, чтобы не навредить брату, — ответила она.

— Ты можешь дурачить кого-нибудь другого этой сказкой, но только не меня. В чем дело? Что мешает тебе подыскать мужа? Не отрицаю, возможно, ты и права в отношении Риза. Но кроме него есть и другие, кому нужна только ты, а не Гарнок. Перед смертью твоего отца были двое, которые просили твоей руки, но ты отказала им. Почему?

Уинн глубоко вздохнула, нервно перебирая ткань своего просторного платья.

— Бабушка, я, наверное, глупая, что верю в настоящую любовь, в то время когда браки заключаются по расчету? Я не смогу чувствовать себя спокойно, если выйду замуж за человека, которого не люблю или не уважаю; но ведь так не поступают в нашем мире, ведь правда? Кейтлин справедливо упрекает меня, но я ничего не могу с собой поделать, дал маю, что и не стоит, потому что брак — это таинство между Богом и человеком. К нему надо относиться серьезно. Но как я могу воспринимать супружество серьезно, если выхожу замуж ради самого замужества и буду несчастлива в браке?

Энид понимающе кивнула.

— У меня было два мужа. Первого выбрал мне отец. Твой дедушка был замечательный человек, и я любила его. Когда он умер, я думала, мир померк для меня. Но, чтобы не обременять твоих родителей, я вышла замуж вторично. Это было ошибкой. Если бы Хауел ап Мерридид не умер своей смертью, думаю, я бы ускорила его уход в иной мир. Он был жесток. От меня ты не услышишь никаких возражений, дитя мое. Если ты собираешься замуж только по любви, послушайся своего сердца, вот что я тебе скажу!

Уинн соскользнула со стула и обняла бабушку, а старая женщина

ласково потрепала ее по волосам.

— Ты всегда понимала меня, бабушка. Всегда. Лучше всех. И почему это так?

Энид рассмеялась.

— Ты похожа на меня, детка. Я ежедневно вижу в тебе себя. Ты привыкла видеть меня седой и старой, но ведь когда-то и я была молода, как и ты, и во мне кипели те же страсти, хоть ты и не осознаешь этого.

— Зато Кейтлин уже поняла, что с ней происходит, хотя и моложе меня, — заметила Уинн.

Энид издала какой-то неопределенный звук.

— Ух, Кейтлин уже родилась всезнайкой. Есть такие женщины, хотя их и немного. Они, кажется, понимают все еще до того, как им скажут.

А ты оставайся такой как есть! У тебя, дитя мое, такое невинное и чистое сердце.

Мудрые слова бабушки понравились Уинн, правда, она не знала почему И все же они успокоили ее, и это чувство было с ней все те несколько недель, когда лили непрерывные дожди и нельзя было посеять зерно, а то, что уже было в земле, дождь полностью вымыл, и теперь нужно было пересевать.

— Вот видишь, — придиралась Кейтлин. — Нам в Гарноке нужен мужчина.

— Ты думаешь, он сможет остановить дождь? — подшучивала над ней Уинн.

— Не будь глупой! Если бы ты, Кейтлин, захотела помочь, я бы предложила тебе помолиться, чтобы хорошая погода продержалась до тех пор, пока зерно не проросло и окрепло и посева могли выдержать ливень.

Кейтлин бросила на сестру едкий взгляд.

— Я лучше помолюсь, чтобы скорее приехал Риз из Сант-Брайда, — парировала она.

— А может быть, нам помолиться, чтобы он не нашел более подходящей невесты, — дурачилась Дилис.

— Или чтобы он сломал себе шею, прежде чем начнет надоедать сестре, — хитро добавил Дьюи, а Уинн от души рассмеялась.

— Ты, глупый маленький гаденыш, неужели ты не понимаешь всей выгоды от брака Риза с нашей старшей сестрой? — зло сказала Кейтлин.

— Я понимаю, какую выгоду ты хочешь извлечь для себя, — ответил Дьюи. — Но если Риз женится на Уинн, это вовсе не значит, что он поможет тебе или Дилис. Пусть Уинн поступает как хочет. Я не буду ее принуждать к браку и тебе, Кейтлин, не позволю делать этого.

— А если она влюбится в него?

— Тогда она получит мое благословение, — ответил мальчик — Мне бы хотелось, чтобы мои сестры были счастливы в замужестве.

— Я буду счастлива только с богатым и могущественным мужем, — сказала ему Кейтлин.

— Ты это повторяешь уже не первый раз, сестра, — ответил Дьюи. — Не буду говорить слишком высокопарно, Кейтлин, но мне кажется, что в мужчине важны не его имя, положение или богатство.

— Да и в женщине, — добавила Уинн.

— Какие же вы оба дураки! — воскликнула Кейтлин. — Мужчина ищет в женщине многое. Больше золота, чтобы набить сундуки. Больше власти для своей семьи. Сыновей. Золота у нас мало, о власти и говорить не приходится. Зато у нас есть красота, а наша мамочка умела прекрасно разводить скот, что также ценится. А теперь соедини все это с браком сестры с самым могущественным лордом на побережье. — Ее голубые глаза сверкали от удовольствия при мысли, что ей не мешали говорить.

Дьюи покачал головой. Хотя он и был очень молод, но понимал Кейтлин лучше, чем она предполагала или чем ей хотелось. И еще он знал, что никогда не любил ее. Ему жалко было человека, которого она в конце концов поймает в свои сети и женит на себе. У Кейтлин каменное сердце, если оно вообще у нее есть. Она думала только о себе и была равнодушна ко всем остальным.

— Мужчину надо любить, Кейтлин, — сказал Дьюи, хотя понимал, что она не способна никого любить, возможно, даже себя.

— Повторяю тебе, маленький братец, ты дурак! — последовал грубый ответ. — Мужчин не волнует, любят ли их женщины. Власть! Золото! Вот истинные цели. Ты убедишься сам, когда вырастешь и перестанешь верить сказкам, которые так любят рассказывать бабушка и наша старшая сестра.

— Я женюсь только по любви, Кейтлин, — спокойно ответил мальчик. — Какой прок от богатого приданого в доме, в котором поселился раздор между мужем и женой. Каких детей вырастят эти бедные души? Золото не может утешить больное сердце.

Прежде чем Кейтлин возразила брату, Уинн подняла руку.

— Вы не сможете прийти к единому мнению, поэтому я приказываю вам прекратить вашу детскую перебранку. Когда к нам наконец явится Риз из Сант-Брайда, мы со всей почтительностью выслушаем его, что бы он нам ни сообщил.

Сестры кивнули в знак согласия, хотя на уме у каждой было свое.

Кейтлин считала, что, когда Риз сделает предложение ее сестре, она

уговорит ее принять его, таким образом, обеспечит прекрасное будущее себе и Дилис. Она с самодовольной улыбкой посмотрела на всех.

Дьюи, сощурив глаза, с отвращением смотрел на Кейтлин. Она напоминала злобную кошку, выслеживающую беззащитную мышь. Она не будет поступать по-своему, если он против, а он не одобряет ее поведения. Его права как хозяина Гарнока будут защищены. Он, возможно, и молод, но понимает, что если сейчас не начнет оказывать свое влияние, то позже ему с трудом удастся заставить окружающих воспринимать его всерьез. Он не проявит никакой слабости ради будущего счастья Уинн.

— Только ради тебя, дорогая сестра, — сказал Дьюи Уинн, нежно коснувшись ее щеки своей маленькой рукой.

Кейтлин нахмурилась. От нее не ускользнули ни значение его жеста, ни его слова, но она сдержалась. В конце концов ее слова окажутся решающими в этом деле, а не какого-то мальчишки.

Погода улучшилась, и вскоре поля вновь зазеленели всходами. Уинн и Дьюи ежедневно объезжали поместье. Они были привычны для крестьян и рабов Гарнока, молодой хозяин на своем упитанном сером в яблоках пони и его сестра на кроткой черной кобыле. Хотя мальчик в роли хозяина пугал их, но люди Гарнока доверяли леди Уинн и надеялись, что все будет хорошо. В течение многих лет до внезапной смерти старого хозяина леди Уинн каждый день сопровождала его в поездках по поместью. Даже когда она была еще ребенком, они знали, что в ней есть что-то особенное. Когда же она выросла, оказалось, что чутье их не обмануло. Уинн умела врачевать, но не знание лекарств, микстур, трав, припарок отличало ее, а благотворное прикосновение ее рук, редкий дар, которым Бог награждал немногих. Поэтому они доверяли сестре своего юного хозяина.

Весна выдалась славная. Скот жирел на лугах, покрытых после обильных дождей сочной травой. Среди молодняка не было потерь, болезни и хищники обошли его стороной, спрос на сыр был небывалый, и не только из-за его качества, а еще благодаря тому, что они делали лишь определенное количество, которое, в свою очередь, повышало цены на сыр, наполняя сундуки Гарнока золотом. Объезжая как-то утром вместе с братом поместье, Уинн подумала про себя, что судьба милостива к ним.

— А Кейтлин больше не жалуется, что нам в Гарноке нужен мужчина, — заметил Дьюи. — Позволив ей купить вдоволь материи и немного драгоценностей у торговца, ты, кажется, несколько смирила ее раздражительность. — Он засмеялся.

— Новые покупки просто отвлекли ее, — мудро заметила Уинн. — Она воспринимает все, что ей позволяют купить, как должное.

Дьюи громко расхохотался, потом лицо его стало серьезным.

— Мы ничего больше не слышим о Ризе из Сант-Брайда, сестра. Но если он сказал, что придет, значит, так оно и будет. Я не сомневаюсь в этом. Что ты собираешься делать, если он на самом деле попросит твоей руки?

— Я откажу ему, Дьюи. Я ведь тебе уже говорила, что не оставлю Гарнок, пока ты не вырастешь и не женишься. Наши родители, упокой Бог их души, одобрили бы мое решение. Мы как можно скорее выдадим замуж Кейтлин и Дилис, хотя сама по себе Дилис безвредная и простая душа. Кейтлин, однако, нужен муж. Она потеряла покой и поэтому сеет раздор в нашем доме. Она переменится, когда у нас будет собственный дом.

— Ей придется не по душе то, что ты ее так хорошо знаешь, — заметил он.

— В таком случае мы ей просто ничего не скажем, мой маленький братец, — с улыбкой ответила Уинн. — Но у тебя инстинкт такой же острый, как и у меня, верно?

— Думаю, что ты станешь очень земной женщиной, сестра, — сказал мальчик, но вдруг что-то отвлекло его внимание, и он закричал, доставая рогатку. — Взгляни! Это тот самый черный бродяга, который ворует зерно! — Найдя в сумке камень, он быстро вложил его в рогатку и выстрелил, не обращая внимания на крики Уинн.

— Нет, Дьюи! Это мой ворон! Не убивай его!

Обычно очень меткий, Дьюи в этот раз промахнулся или, возможно, ворон был более проворным. С негодующим криком птица пролетела мимо над ними, сердито ругаясь.

Уинн засмеялась.

— Не надо даже знать языка воронов, чтобы понять, что он сильно бранит тебя, маленький братец.

— Госпожа! Госпожа! — раздался голос со склона холма, и вскоре к ним подскакал Эйнион, домашний раб. Это был крупный мужчина, такой высокий, что его ноги почти касались земли, когда он сидел на лошади. Широкоплечий, с мускулистыми руками и ногами, с головой, заросшей львиной гривой рыжих волос, падающих на плечи, он являл собой впечатляющее и устрашающее зрелище. Но он сильно хромал, из-за чего и попал в плен. Его схватили после битвы с ирландцами и продали в рабство. Оуену ап Льюилину сказали, что он из Норвегии, далекой северной страны. Хотя походка Эйниона из-за хромоты была неуклюжей, он обладал невероятной силой. Оуен ап Льюилин сразу же полюбил его и инстинктивно доверял ему. Сняв с него ошейник раба, хотя и не отпустив к родной семье, Оуен поручил Эйниону охранять детей. В то время в доме

была только малышка Уинн.

— Меня послала к вам леди Кейтлин, — сообщил Эйнион. — Лорд из Сант-Брайда неподалеку и просит разрешения остановиться в Гарноке.

— Наша сестрица, несомненно, передала с гонцом разрешение, — проворчал раздраженный Дьюи.

Эйнион усмехнулся.

— Да, хозяин, — сказал он, а потом добавил:

— Она даже не дала бы гонцу утолить жажду, так ей не терпелось, если бы не вступилась бабушка.

— Как жаль, что мы не можем обручить Кейтлин с Ризом, — пробормотал мальчик. — Она бы прекрасно ему подошла!

— Дьюи! — Уинн засмеялась. — Ты опозоришь нас своими дурными манерами, мой юный лорд Гарнока. Риза из Сант-Брайда надо встретить со всей учтивостью, несмотря на то, что я откажу ему — А если ты его полюбишь? — спросил мальчик.

— Мне не нужно замужество, которое угрожает тебе, — тихо проговорила Уинн. — Я не пойду на это ради мужской любви, Дьюи, потому что любовь, в которой пылко клянутся, может угасать, пока не потухнет совсем. Нет, мой дорогой, любовь никогда не повлияет ни на одно мое серьезное решение.

Мальчик кивнул, вполне довольный. Из слов сестры он понял, что она не оставит его и оградит от опасности его жизнь, но в карих глазах Эйниона было беспокойство. Леди Уинн слишком молода, чтобы так уж хорошо разбираться в жизни, особенно не имея достаточного представления о мужчинах и женщинах. Она уже не первый раз говорила таким образом, и каждый раз он с любопытством вглядывался в нее, ощущая присутствие еще кого-то. Но перед ним стояла именно леди Уинн, и никого больше. Он озадаченно тряхнул своей большой головой и пришпорил коня вслед за братом и сестрой.

Они прискакали в Гарнок и увидели, что Риз из Сант-Брайда уже опередил их, его воины на конях кружили по двору, пока конюхи пытались навести порядок. Они вздохнули с облегчением, когда вернулась Уинн. Главный конюх подбежал к ней, чтобы взять ее лошадь под уздцы.

— Займись нашими гостями, — тихо приказала она. — Я сама справлюсь.

Как только слуга отошел, его место занял человек среднего роста в богатой одежде.

— Правы были те, кто говорил мне, что Уинн из Гарнока красавица, — начал он. — Однако они недостаточно воздали должное вашей красоте,

госпожа.

— А мне не доводилось слышать, что Риз из Сант-Брайда льстец, мой господин, — ответила Уинн, глядя на него сверху. Лицо человека, смотревшего на нее, имело чисто кельтские черты.

Голова большая и овальная с почти квадратным лицом, которое лишь немного сужалось к хорошо подстриженной черной бороде и усам, обрамлявшим чувственный рот. Нос был прямой, а глаза, внимательно изучавшие ее, светло-серые. Мощная, как у быка, шея свидетельствовала о закаленном в битвах теле. Густые темно-каштановые волосы были коротко подстрижены.

Уинн не отвела взгляда, не желая проявлять слабость. Ей показалось разумным сразу же дать понять Ризу, что ее не запугать и она не будет игрушкой в чужих руках.

— Позвольте мне помочь вам сойти с лошади, госпожа, — сказал он и, не дожидаясь ответа, крепко взял ее за талию и поставил на землю.

Уинн отступила в сторону, стряхнула пыль с одежды, разглаживая невидимую складку на желтом платье-тунике.

— Спасибо, мой господин, — сказала она. — Не зайдете ли вы в зал отдохнуть? — И, повернувшись, пошла в дом.

Риз на мгновение почувствовал замешательство. Ему передавали, что Уинн неопытная, невинная девушка. А она оказалась достаточно сильной и уверенной в себе молодой особой. И хотя его опыт общения с молодыми девушками был невелик, он не одобрил ее поведение. Однако ему ничего не оставалось, как последовать за ней, что он и сделал.

Сердечко Уинн, возможно, билось немного сильнее обычного. И так, это и сер, Риз из Сант-Брайда, думала она про себя, стараясь рассуждать логично. Он не производит впечатления покладистого человека, однако нельзя сказать, что он похож и на жестокого. Скорее он напомнил ей цепкую охотничью собаку. Если он хочет заполучить Гарнок, она будет бороться, чтобы отстоять его, и ей это удастся. Гарнок принадлежит Дьюи, и она очень надеется, что брат вырастет, женится и передаст поместье наследникам.

Они вошли в зал. Кейтлин и Дилис выступили вперед, расточая приветствия лорду из Сант-Брайда, когда Уинн представляла его. На каждой было надето одно из лучших платьев-туник. Кейтлин красовалась в розовом с серебристо-черной вышивкой, которое подчеркивало ее светлую кожу. Дилис была в бледно-голубом с сине-розовой вышивкой.

Обе хихикали и скромно опускали глаза, когда откровенный взгляд Риза скользнул по ним.

— Ваши сестры прекрасны, — прямо сказал он.

— Они еще очень молоды, мой господин, — ответила Уинн, давая знак слуге принести вино.

— Мы обе достаточно взрослые, чтобы выйти замуж, — смело возразила Кейтлин.

— Сестра! — резко прервала ее Уинн. — Что лорд из Сант-Брайда подумает о такой дерзости? Присаживайтесь, пожалуйста, мой господин. Вы оказали нам большую честь, остановившись в Гарноке.

— Я не просто остановился, госпожа, и вы это прекрасно знаете.

Разве я не посылал к вам гонца сообщить, что приеду к вам? Ваша сестра права. Она уже достаточно взрослая для замужества, как и вы. Вот цель моего визита.

Уинн повернулась к Кейтлин и Дилис.

— Покиньте зал, — приказала она, — и пришлите сюда бабушку А вас, мой господин, я прошу быть сдержанным в речах, пока сестры не уйдут и к нам не присоединится леди Энид, — обратилась она к Ризу.

Он кивнул, весьма довольный. У нее есть манеры, и, что более важно, она благоразумна. Красота, манеры, благоразумие — все это несколько успокоило его тревогу после ее довольно резкого поведения при встрече.

Кейтлин и Дилис ушли, разочарование было написано на их лицах, когда Уинн, слегка улыбаясь, сказала:

— Они будут сплетничать, мой господин, но наше дело, я думаю, должно остаться между нами.

— Ненадолго, — уверенно ответил Риз.

Уинн на мгновение сдержала себя, потом, опять став радушной хозяйкой, предложила гостю еще вина, свежеиспеченный хлеб и сыр собственного изготовления, при виде которого он причмокнул губами.

В зал вошла Энид. Ее седые волосы были заплетены в косы и уложены короной вокруг головы, сделав ее еще выше. Нижняя туника на ней была красного цвета, а сверху было надето платье-туника ярко-синего, расшитое по рукавам серебряными нитями. Ее голова была покрыта квадратным куском тонкой ткани, украшенной серебряной вышивкой и укрепленной наголовной повязкой. В ушах были превосходные гранаты, а эмалевый крест, с гранатами и жемчугом, покоился на груди на массивной золотой цепи.

— Надеюсь, внучка позаботилась, чтобы вы, мой господин, чувствовали себя у нас уютно, — сказала Энид, таким образом приветствуя дорогого гостя. — Я леди Энид, добро пожаловать в наш дом.

Он поднялся из-за стола при ее приближении и поцеловал ей руку —

Леди Уинн, кажется, прекрасно справляется с обязанностями хозяйки дома. Прекрасная репутация леди Уинн и слава о ее красоте дошли до меня в Сант-Брайде. — Он сел между бабушкой и внучкой. — Такие достоинства в женщине радуют мужчину, который ищет себе жену, Уинн покраснела, не промолвив ни слова, а Энид спокойно спросила:

— Вам нужна супруга, мой господин?

— Да, — прямо ответил он. — Вот уже несколько лет, как я овдовел.

Пришло время выбрать себе невесту. Человеку моего положения необходимы законные сыновья, чтобы иметь наследников.

— У вас есть незаконнорожденные сыновья? — тихо спросила Уинн.

Его поразила ее прямота. Он полагал, что юным девушкам из хороших семей не следует знать о подобных вещах.

— Да, — медленно ответил он. — У меня несколько сыновей. Старшему 17. Как вы, должно быть, знаете, они не имеют права на наследство.

— Ваша честность, мой господин, похвальна, — сказала Энид и, подняв свой бокал, поспешила скрыть улыбку. Как это похоже на Уинн — смутить такого могущественного воина побережья. Внешность девочки так обманчива. Ее бледное лицо, ясное, с гладкой кожей, создавало впечатление кротости. Но только до тех пор, пока она не начинала говорить, подумала, усмехнувшись про себя, Энид, ставя бокал на стол.

— Скажите, зачем вы приехали в Гарнок, мой господин? — спросила она. — Лучше сразу же вернуться к делу.

Риз из Сант-Брайда с шумом прочистил горло, затем, глубоко вздохнув, сказал зычным голосом, который поднимался из самой груди.

— Госпожа, я хочу взять вашу внучку себе в жены.

— Вы имеете в виду конечно, Уинн, — спокойно промолвила Энид. — Не Кейтлин или Дилис.

— Мне нужна старшая, — последовал ответ.

— Вы, разумеется, оказали нам честь, — начала Энид, которую вдруг прервала предполагаемая невеста.

— Благодарю вас, мой господин из Сант-Брайда, за оказанную честь, но я не могу быть вашей женой, — просто сказала Уинн.

— Не можете? Почему госпожа? Вы уже просватаны? Или вы, возможно, хотите посвятить себя церкви? — спросил Риз.

— Нет, мой господин, я не собираюсь заточать себя в монастырь. У меня есть долг перед семьей, перед моим братом, Дьюи ап Оуеном, лордом Гарнока, который еще слишком мал, перед моими родителями, упокой Господь их души, которые надеялись, что я неотлучно буду при брате, пока

он не вырастет и не сможет сам о себе позаботиться. Я не могу покинуть Гарнок, пока не исполню свой долг, а это будет не скоро. Поэтому, мой господин, я благодарю вас за ваше любезное предложение, но, думаю, вам лучше поискать жену в другом месте, — вежливо закончила Уинн.

— Я не хочу никого другого, госпожа, только вас, — сердито ответил Риз.

— Мой господин! Вы ведь не знаете меня. Моя семья едва может сравниться с вашей, и хотя у меня приличное приданое, но все же не такое, на которое может рассчитывать человек с таким громким именем.

— Вам, госпожа, нечего стыдиться. Разве вы не наследница этого поместья? Гарнок известен на много миль вокруг своими травами и сыром. Это значительное наследство, достойное моей жены.

— Я никогда не унаследую Гарнок, мой господин, — твердо сказала Уинн.

— Вы не можете быть так уверены, госпожа, — возразил он. — Ваш брат молод, пройдет много лет, прежде чем он повзрослеет и у него появятся собственные сыновья. До этого многое может случиться.

— Этого не произойдет, если я буду рядом с ним в Гарноке, чтобы уберечь и защитить его. И я это сделаю, мой господин. Это я вам обещаю, — сказала Ризу из Сант-Брайда Уинн.

— А ваши младшие сестры, госпожа? Вы их тоже будете держать в Гарноке? Разве они не хотят выйти замуж?

— Все мои внучки в свое время выйдут замуж за подходящих мужей, мой господин, — сказала Энид.

— Если вы будете моей женой, леди Уинн, я позабочусь, чтобы у ваших сестер были богатые и с положением мужья. Два моих кузена как раз ищут себе жен. Они молоды, и у каждого есть поместье.

Вы вряд ли сможете найти для своих сестер мужей с таким положением, как это могу сделать я. Мы могли бы даже выдать их замуж до того, как вы станете моей женой. Если хотите, это доверие с моей стороны.

— У меня есть маленькая сестричка, — сказала Уинн, интересуюсь, каков будет ответ. — Ее зовут Мар, и ей 6 лет.

— Ребенок, который своим рождением убил свою мать? После нашей свадьбы ее следует определить в монастырь, чтобы она провела остаток дней, искупая свой грех, — ответил Риз.

— Никогда! — Уинн задохнулась от ярости. — То, что моя мать умерла во время родов, — несчастье, но не грех малютки. Я никогда не заточу ее в монастырь, если, конечно, она сама того не захочет. Если таковы ваши планы в отношении Мар, то я с содроганием представляю, что вы

приготовили для Дьюи.

— Мальчик будет воспитываться в Сант-Брайде, — ответил Риз. — У меня есть несколько питомцев. Он может вместе с ними обучаться боевому искусству. Это замечательные, грубые, сообразительные парни.

— Место Дьюи в Гарноке. Ему надо учиться управлять своими землями и заботиться о людях, а не учиться убивать их! — с негодованием заметила Уинн своему поклоннику.

Он сощурил глаза, словно заново оценивая ее, но уже как противника.

— Госпожа, вы, очевидно, находитесь под чрезмерным впечатлением от моего предложения. Я мог бы пойти к нашему королю, Графидду ап Льюилину, главе вашей семьи, и попросить вашей руки и опеки над вашим братом и его землями. Как вы думаете, каков будет его ответ, госпожа? Когда я объяснил бы ему серьезность ситуации, вы думаете, он оставил бы Гарнок и его маленького лорда в руках неопытной девчонки? Однако я предпочитаю, чтобы вы приняли мое предложение по собственной воле. Я буду вам хорошим мужем и заботливо буду охранять ваши интересы, чтобы вы могли свободно воспитывать моих законных сыновей, которые со временем унаследуют мое состояние.

Что вы на это скажете, госпожа?

— Мне нужно время, чтобы подумать, — ответила Уинн. — То, что вы сказали, заслуживает внимания, мой господин, но я должна решить для себя, правильно ли я поступаю. Знаю, что вы поймете мои чувства, хотя я просто девчонка перец вами.

Риз из Сант-Брайда улыбнулся, обнажив ряд коротких белых зубов.

— Сегодня первый день новолуния, — сказал он. — Когда луна вновь станет полной, я приеду за ответом, моя госпожа.

— Вы останетесь переночевать? — поинтересовалась Уинн, надеясь, что Риз откажется.

Но вместо этого он кивнул.

— Да, я воспользуюсь случаем, чтобы мы могли лучше узнать друг друга.

— Бабушка, я должна проследить за ужином. Вы ведь не дадите скучать нашему гостю?

— Вы хорошо ее обучили, госпожа, — одобрительно заметил лорд из Сант-Брайда. — А обязанности жены она знает так же хорошо, как и хозяйки дома?

— Она узнает в день свадьбы, — довольно резко ответила Энид. — Такие знания надо хорошенько хранить, чтобы девушка не стала чересчур любопытной до срока.

— Да, — согласился он и широко улыбнулся. — Учите ее хорошенько, госпожа. Я большой охотник до женского тела. Я приму ее девичью скромность в первую брачную ночь, но потом мне не нужна застенчивость и непокорность. Убедитесь, что ваша внучка понимает это. Я буду часто делить с ней ложе, и не только потому, что хочу наследника, мне просто нравится этим заниматься.

Энид была сражена его откровенностью.

— Надеюсь, — прямо сказала она, — вы будете с женой столь же честны, как и со мной, мой господин.

Он засмеялся. Сочный, глубокий звук заполнил зал.

— Да, конечно. Я не столь глуп, чтобы не понять, что женщины бывают разные. Большинство из них слабые, беспомощные существа, у которых на уме только дом и дети. Но встречаются такие, как леди Уинн.

Я вижу, ваша внучка умна. Для меня это ценное качество. Случись мне отправиться на войну, я могу доверить ей сохранность моего замка и земель, она не станет обворовывать меня, как это сделал бы один из родственников.

Теперь пришел черед Энид расхохотаться. Рассуждения Риза, к ее радости, были здравыми и проницательными. Она понимала нежелание Уинн выходить сейчас замуж за кого-либо, но, несомненно, ее внучка прогадает, не взяв Риза в мужья. Она не придавала большого значения тому, как Риз распорядится судьбой Дьюи ап Оуена, если такая возможность возникнет, поскольку он не казался ей злым.

— Я не буду противиться вашему браку, — сказала она Ризу.

— Спасибо, госпожа, — ответил он.

В зал вошел Дьюи, и Энид с радостью увидела, что он переоделся. На нем была оранжево-красная туника, отделанная по вороту вышивкой, а желтые чулки были подвязаны крест-накрест. Тяжелая золотая цепь отца спускалась с шеи. Он прошествовал к столу и произнес:

— Как лорд Гарнока, я приветствую вас, Риз из Сант-Брайда, в моем доме.

Риз обратил внимание, что хорошо натренированный слуга немедленно подал в руку мальчика кубок. Старшая сестра, очевидно, проследила, чтобы слуги считались с мальчиком.

— Благодарю вас, Дьюи ап Оуен. Вы, несомненно, хотите знать причину моего визита.

Мальчик кивнул.

— Я хочу взять в жены вашу сестру Уинн. Вы дадите мне ваше позволение жениться на ней?

— Решение должна принять сама сестра. Брак — серьезный шаг для женщины. Если ей позволено выбирать свободно, у нее будет счастливая семейная жизнь. Если же она выйдет замуж по принуждению, на ее долю выпадут горечь и печаль. Я слишком сильно люблю Уинн, чтобы заставить ее вступить в брак против ее воли.

— Если твоя сестра, Дьюи ап Оуен, выйдет за меня замуж, тебе надо будет поехать с нами в Сант-Брайд и обучаться рыцарскому искусству.

Придется ли тебе это по душе? — бросил пробный камень Риз.

— Место лорда Гарнока в Гарноке, а не в Сант-Брайде. Я не горю желанием быть воином, мой господин, — но, увидев строгий взгляд бабушки, добавил:

— Но я благодарю вас за предложение.

Кейтлин и Дилис вновь появились в зале и поспешили присоединиться к остальным.

— Не будь ребенком, Дьюи, — сказала Кейтлин, услышав слова брата. — Лорд Сант-Брайда предлагает тебе сказочную возможность, которой удостаиваются не все юноши. Я слышала, мой господин, что вы принимаете не всех мальчиков, чьи семьи просили вас заняться их воспитанием, а только самых смелых и сильных. Правда?

— Да, — кратко ответил он, раздраженный ответом Дьюи. — Кто из мальчиков не хочет быть воином?

— Мы тоже будем жить в Сант-Брайде, когда вы женитесь на нашей сестре? — скромно спросила Кейтлин.

Ее вопрос дошел до него, и он улыбнулся. Подходящая особа, подумал он, прекрасная пара для его слабовольного кузена, лорда Коуда. В той ветви семьи было слишком много браков между кровными родственниками. Эта девушка возьмет его кузена на попечение и вырастит сильных сыновей.

— Если ваша сестра, леди Уинн, выйдет за меня замуж, — ответил он Кейтлин, — я дам вам в мужья своего кузена, лорда Коуда.

— А что будет с моими сестрами?

— Малютка Мар слишком мала, чтобы думать о замужестве, но у меня есть еще кузен, лорд Длина, который подойдет для леди Дилис. Оба мои кузена молоды и имеют богатые поместья. Вы довольны, леди Кейтлин?

Леди Дилис?

— Да, — ответила Кейтлин. — Это меня очень порадовало, мой господин. Мы будем просить нашу сестру принять ваше предложение, уверяю вас.

Дилис бессмысленно рассмеялась.

Тем временем слуги начали накрывать на стол, ставя перед каждым

хорошо отполированную оловянную тарелку и кубок. Нарезанный хлеб был разложен на подносы. Кувшины с охлажденным элем и горшочки со свежим маслом, небольшой круг домашнего сыра на особой дощечке уже были на столе.

Уинн вернулась в зал со словами:

— Прошу прощения, мой господин, за простую еду. Увы, нам не сообщили достаточно точно о вашем прибытии.

Она сделала знак слугам, и они начали вносить в зал блюда с разнообразными кушаньями. Тут были и вареный кролик, и форель, и каплуны, и оленина, два пирога, дичь, плавающая в жирном соусе с красным вином, блюда с морковью, тушеным латуком, зеленым горошком, а также буханки свежего, только что из печи хлеба, такого горячего, что на нем таяло масло. Все это украсило стол.

— Вы прекрасно руководите своим поваром в выборе блюд по сезону, — похвалил Риз. — А вы можете, леди Уинн, обучить челядь на кухне более сложным блюдам?

— Конечно, она сможет, — быстро отозвалась Энид. — Уинн искусна в домашнем хозяйстве, умеет даже готовить лекарства, припарки, микстуры. А Кейтлин делает прекрасные благовония и мыло. Самые лучшие, которые я когда-либо видела.

— Ну а леди Дилис? — спросил Риз.

— У нее ласковый нрав, мой господин, но нам надо еще определить занятие, в котором она будет совершенствоваться, — честно призналась Энид.

Когда подали последнее блюдо — пирог, пропитанный сладким вином, покрытый кремом и украшенный земляникой, все воздали ему должное. Риз откинулся назад с довольной улыбкой на лице.

— Госпожа, — обратился он к Уинн, — я буду в восторге от вашей простой еды, когда вы воцаритесь в Сант-Брайде в роли моей жены.

— Мой господин, — мягко упрекнула его Уинн, — я еще не приняла ваше предложение.

— Вы та женщина, которая понимает значение слова «долг», госпожа. Вы исполните свой долг перед Гарноком и братом, перед вашими сестрами, Кейтлин и Дилис, перед вашей младшей сестрой Мар, которой со временем я тоже подыщу подходящего мужа.

— Нас должны пообещать лордам из Коуда и Длина, — сообщила Кейтлин старшей сестре. — Они молоды и богаты!

Хохот Риза прокатился по залу.

— Конечно, леди Уинн, вы не разочаруете эту жадную особу, вашу

сестру, — пошутил он.

Уинн остановила на нем взгляд своих зеленых глаз.

— Вы ведете нечестную игру, мой господин, — неодобрительно сказала она.

Риз насмешливо посмотрел на нее.

— Любовь, госпожа, это такая же битва, которую надо выиграть, как и войну — Я не думаю, что любовь имеет какое-то отношение к нашему браку, — резко заметила Уинн.

— Если вы допустите ее, госпожа, она будет между нами, — вдруг серьезно произнес Риз.

— Любовь, мой господин, иллюзия. Боюсь, ее часто путают с желанием или страстью. Если брак не удался, любовь тоже уходит, — сказала ему Уинн.

— Моя сестра не верит в любовь, — сообщил Дьюи Ризу из Сант-Брайда.

— А я верю, — тихо ответил тот.

— Вы удивляете меня, мой господин, вот уж никогда бы не подумала, что такой свирепый человек, как вы, способен на подобную глупость. С этими словами Уинн поднялась из-за стола. — Бабушка проводит вас к месту ночлега, мой господин. Вы должны извинить меня, я очень устала. Завтра я встану вовремя, чтобы попрощаться с вами. — Сделав реверанс, она покинула зал.

— Она слишком мудра для девушки, — подозрительно заметил Риз, внезапно заинтересовавшись, какой мужчина так повлиял на ее отношение к любви и на самом ли деле она невинна. Его жена должна быть девственницей. Он не хочет, чтобы кто-то другой был первым. Его отцовство должно быть вне всякого сомнения.

Прежде чем Энид смогла защитить доброе имя Уинн, до того молчавшая Дилис разумно ответила Ризу:

— Мой господин, Уинн всегда была такой. Когда мы были детьми и наша матушка рассказывала нам сказки, Уинн никогда не верила. Она говорит, что любовь наших родителей друг к другу очень большая редкость.

— Значит, леди Уинн всегда была такой? — Риз не мог не поверить столь невинной и бесхитростной девушке, как Дилис.

— Да, — просто ответила Дилис.

— А что скажет моя леди Кейтлин? — спросил Риз. — Вы верите в любовь или, как старшая сестра, считаете ее иллюзией?

— Ваш кузен, лорд Коуд, будет добр со мной? — задала ему встречный

вопрос Кейтлин.

Риз взглянул на хорошенькую девушку, сидящую перед ним, с темно-каштановыми шелковистыми волосами и ярко-голубыми глазами — Да, — ответил Риз. — Он, несомненно, будет от вас без ума, госпожа.

— В таком случае я буду его крепко и долго любить, — ответила Кейтлин.

Риз вновь рассмеялся.

— Вы, госпожа, ответили честно, хотя, без сомнения, вы удивлены не меньше моего. — Он поднялся и обратился к Энид:

— Покажите, где я могу отдохнуть. Завтра я должен отправиться в Сант-Брайд с первым лучом солнца.

Энид проводила его к большой нише, находившейся вблизи очага.

Набитый соломой матрас был покрыт мягкой периной, поверх которой были положены шкуры.

— Вам здесь будет удобно, мой господин, — вежливо сказала Энид. — Вам прислать женщину?

— Благодарю, госпожа, не надо. Думаю, что воздержусь от этого удовольствия, чтобы не обидеть вашу внучку, — ответил он.

— Как вам будет угодно, мой господин. Тогда желаю вам спокойной ночи. Эйнион поможет вам снять кирасу. — Она поспешно удалилась, а Риз заметил гиганта, которого уже видел с Уинн и юным Дьюи.

— На тебе нет ошейника раба, — отметил Риз. — Ты крепостной или вольный?

— Я раб, мой господин, но Оуен ап Льюилин снял с меня ошейник в первый же день, как я попал в Гарнок. Он поручил мне охранять детей, и я выполняю его наказ. Позвольте мне, мой господин, помочь вам.

Ловкие пальцы Эйниона начали развязывать ремни, которые удерживали панцирь, наподобие кирасы, из кожи и позолоченных бронзовых пластин.

— Все готово, мой господин, — сказал Эйнион, снимая панцирь.

Затем он разул Риза, поставив сапоги рядом с панцирем у постели. — Спокойной ночи, мой господин, — сказал он и ушел.

Риз посмотрел, как удаляется огромный раб, затем снял с себя верхнюю тунику, оставшись в рубашке и нижней тунике, и подумал, что не замерзнет под шкурами. Забравшись в постель, он почувствовал себя удивительно уютно. Похоже, что в постели не было вшей и блох. Уинн, несомненно, прекрасная хозяйка.

Зал погрузился в тишину. Заслышав вдруг шаги, он насторожился.

Повернув голову, Риз увидел Уинн. Он улыбнулся про себя. Как

хорошая хозяйка дома, она перед сном проверяла сама все, даже собраны ли в кучки угли в очагах! Он наблюдал сквозь щелочки глаз, как Эйнион подошел к ней. Их голоса нельзя было различить. Затем раб-великан поклонился Уинн, и они оба покинули зал.

Риз из Сант-Брайда почувствовал, как его тело стало расслабляться, что случалось с ним крайне редко. Покой и уют царили в Гарноке. И все благодаря стараниям Уинн. Он мечтал о том времени, когда Уинн принесет вместе с собой в большой замок в Сант-Брайде такой же покой и уют. Так оно и будет. У нее нет выбора. С довольной улыбкой на лице Риз с наслаждением захрапел.

Глава 2

Уинн с облегчением наблюдала за отъездом Риза. Хотя она и не почувствовала в нем жестокости, он был сильной личностью, и это раздражало ее. Он решил, что она станет его женой, а Уинн, несмотря на свою хрупкую внешность, была полна решимости не уступать ему. По крайней мере сейчас она не собиралась замуж. Как отказать Ризу, не обидев его? А что, если он обратится к королю? Великий Льюилин вряд ли будет возражать против брака незнатной родственницы с могущественным лордом. Конечно, как откровенно признался Риз, король предпочтет, чтобы мужчина взял опеку над Гарноком, а не девчонка вроде нее.

— Чума на всех мужчин! — пробормотала Уинн, поддав ногой кусок гальки. Затем, увидев, как Риз повернулся в седле, чтобы помахать ей в последний раз, она, не улыбнувшись, тоже махнула ему рукой. Ущербная луна висела в утреннем небе над лордом из Сант-Брайда, напоминая Уинн о том, что ей осталось только несколько недель, чтобы найти выход из создавшегося положения, если он вообще был.

Ей нужно работать. Ей нужен тяжелый физический труд, который проясняет мысли. Как и покойный отец, Уинн не чуралась работы, которая доводила ее сестер до приступов истерики.

Уинн пошла следом за повозкой на луг, и, когда лошадь остановилась, девушка взяла вилы и стала выгружать из повозки сено и складывать в копну — молодой травы еще не хватало, чтобы прокормить коров. Она работала без остановки, идя по полю вслед за повозкой от копны к копне. Когда повозка опустела, она вместе с возницей поехала обратно к сенному сараю, забралась на сеновал и начала вновь нагружать повозку сеном. Подмышки у платья стали мокрыми, подол платья, чтобы не мешал, она подоткнула повыше. Спустившись с сеновала она вновь двинулась за повозкой в поле.

День за днем Уинн работала с крепостными Гарнока от зари до зари.

Но ответа так и не нашла. А тем временем ее сестры каждый вечер болтали в зале о своем блестящем будущем в качестве жен кузенов Риза.

Они были так поглощены своими разговорами, что не замечали страдания старшей сестры. Зато Дьюи и бабушка видели все.

— Не выходи за него, Уинн, если не хочешь, — как-то вечером серьезно сказал Дьюи. — Разве я этого не говорил раньше или я здесь не хозяин? — Он сказал так тихо, чтобы сестры ничего не услышали и не

начали опять надоедать Уинн.

— Похоже, у меня нет другого выхода, — неохотно призналась девушка. — Если я откажу ему, он поедет к Льюину. Я уверена, что ни один благородный человек не захочет, чтобы его невесту тащили к алтарю силой. Отвергнет ли он меня, если я его опозорю таким образом? Если же мне придется выйти за него замуж, надеюсь, я сделаю его похожим на себя, брат.

Энид кивнула.

— Ты мудра, дитя мое. Нехорошо ссориться с мужем, в чьей власти ты находишься. Ты должна примириться с судьбой до следующего приезда Риза, чтобы встретить его с улыбкой.

Уинн глубоко вздохнула.

— Я не хочу выходить замуж. Я ничего не имею против Риза, хотя и подозреваю, почему он выбрал именно меня. Он наверняка мечтает когда-нибудь завладеть Гарноком, но думаю, бабушка, мы с тобой сможем перехитрить его. Он не кажется мне злым, но все же мне следует отказать ему.

Энид часто слышала возражения старшей внучки против замужества, но ей не приходило в голову поинтересоваться, почему она так настроена против него.

— Что тебя пугает, дитя? — мягко спросила она. — Может, тебе будет легче решиться, если я объясню тебе тайну брачного ложа прямо сейчас? Супружество — естественное состояние женщины. Браки между мужчинами и женщинами были всегда. Разве церковь не этому учит нас?

— Я боюсь не брачного ложа, бабушка, — честно ответила Уинн. По правде сказать, подумала она про себя, это было единственное в супружестве, что бы ей хотелось познать на собственном опыте.

— Что же тогда? — спросила Энид, не в состоянии понять, почему внучка хочет отвергнуть Риза, не питая к нему отвращения, не боясь близости с ним, не имея желаний посвятить себя Богу!

Уинн минуту подумала, потом медленно заговорила, словно взвешивала каждое слово:

— Я хочу сама распоряжаться своей судьбой. После смерти отца я вольна поступать по собственному разумению. Поймет ли меня Риз?

Не думаю. Он будет потрясен такой женой и силой добьется повиновения. Бабушка! Я не хочу такой жизни! Возможно, когда-нибудь я встречу человека, который поймет меня и полюбит, несмотря ни на что, но до тех пор я предпочла бы не выходить замуж. Две женщины сидели у очага, совершенно забыв о Дьюи. Энид подалась вперед и взяла руки Уинн

в свои и с чувством пожалала их.

— Бедное дитя, — проговорила она, ее глаза были влажными от переполнявших ее чувств. — То, чего ты хочешь, — совершенно невозможно. Женщины не живут так, как предлагаешь ты. Они либо выходят замуж, либо идут в монастырь. Монастырь не для тебя. У тебя нет выбора, Уинн, и ты должна смотреть правде в глаза.

Девушка промолчала, и Энид продолжила свой монолог:

— Риз грубый малый, но в нем чувствуется доброта. Нетерпеливый мужчина не дал бы тебе время для размышления. Он полюбит тебя, если ты дашь ему такую возможность. И не потому, что любовь необходима в супружестве, но она делает брак крепче. Обручившись с Ризом, ты обеспечишь будущее по крайней мере двум сестрам. Это немало, дитя.

— А что будет с Дьюи? — тихо спросила Уинн.

Энид усмехнулась.

— Ты, дитя, поглощена его судьбой, но в таком деле тебе нужно проявить еще и мудрость. Риз будет счастлив, если ты примешь его предложение, но тебе совершенно незачем выходить за него замуж по крайней мере в течение года. Скажи ему, что свадьба будет через год, в весенний праздник Белтейн¹. А мы тем временем отправим послание королю с просьбой разрешить брак, а Дьюи одновременно попросит Льюилина, чтобы его не принуждали покидать Гарнок и его земли, когда лорд из Сант-Брайда станет его опекуном. Дьюи сам отправится к королю вместе с отцом Дрю, чтобы молить о своем деле. Король добр к родственникам, какими бы дальними они ни были. Решимость Дьюи и его страстная любовь к Гарноку подействуют на Льюилина, к тому же Риза, хлопчущего о собственном благе, там не будет. Король, несомненно, удовлетворит просьбу мальчика. Мне кажется, Риз не осмелится спорить с ним, вряд ли у него вообще появится такое желание.

Уинн кивнула.

— Хороший план, бабушка, но я все же не могу согласиться на такую судьбу. — С каждым днем она чувствовала себя все больше в западне, беспомощной и неспособной найти выход.

— Ты должна принять предложение Риза, дитя, — сказала Энид. Есть ли у тебя другой выбор? Две недели ты работаешь, словно крепостная. Сам собой напрашивается только один ответ. Осталась, правда, последняя надежда. Отправляйся завтра в лес и приведи свои мысли в порядок. Лес всегда был твоим любимым местом. Поброди по нему и насладись чудесами весны. Может, и придет к тебе другое решение. Не знаю, что тебе еще посоветовать.

— Да, — задумчиво сказала Уинн. — Я пойду в лес! Возьму корзину для трав. Эйнион говорит, что вдоль ручьев уже растет кресс-салат. Если найду, то нарву каперсов. Мне не хватает их для лечения зубов. Этой весной ко мне обращаются с зубной болью больше, чем в прошлые годы.

На следующее утро, перед самой зарей, Уинн выбралась из дома босая, одетая в старое зеленое платье, из которого почти выросла. Ноги от росы стали мокрыми и холодными. Как только она вошла в лес, ее умело подобранный костюм сделал Уинн почти невидимой, если б не нижняя неокрашенная туника, выглядывающая из-под зеленого платья.

Хотя лучи солнца еще не проникли в лес, но птицы уже начали просыпаться, будя друг друга. Это время Уинн любила больше всего — краткие минуты перед восходом солнца.

Еле различимой тропинкой, мимо поднимающихся к небу дубов и буков, Уинн пробиралась к небольшой ложине, где было озерцо с чистой, прозрачной водой и песчаным дном Кружевной водопад падал со скал в это озеро. Улыбаясь, Уинн поставила корзину на землю, скинула одежду и вошла в воду, дрожа от ее первого прикосновения, затем быстро нырнула и мгновенно вновь появилась, разбрасывая вокруг себя брызги и радостно смеясь. Она неторопливо поплыла по озеру, ее длинные темные волосы, как шлейф, плыли за ней. Уинн окончательно проснулась, и мысли ее прояснились. Несмотря на предстоящий выбор, она впервые за две недели почувствовала умиротворение.

Приплыв на мелководье, она встала, озаряемая единственным лучом солнца, пробившимся сквозь листву, и отжала волосы. Внезапно поднявшийся легкий ветерок вызвал у нее слабую дрожь, и соски ее маленьких грудей сморщились от холода. Обнаженная, она села на поросший мхом берег, чтобы обсохнуть. Девушка сидела тихо, еле дыша, стараясь слиться с окружающей природой. Семейство красных оленей вышло из леса на том берегу озера, чтобы напиться, и опять скрылось в чаще. Лисица прибежала на водопой, увидев Уинн, села и с любопытством разглядывала ее несколько минут, прежде чем удалиться по своим делам.

Внезапно Уинн почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Она быстро огляделась по сторонам и увидела на дереве наблюдавшего за ней ворона.

— Это ты, старина Дью? — засмеялась девушка. — Как не стыдно! Фи!

Подглядывать за дамой во время купанья! — Уинн вскочила и погрозила ворону пальцем. Птица склонила голову набок и разглядывала ее с таким восхищением, а может, Уинн от смущения это только казалось, что

девушка залилась краской и потянулась за рубашкой, чувствуя себя при этом несколько глупо. Ей стало как-то неудобно, и она поспешила одеться, взяла корзину и пошла прочь от озера.

Весь день птица сопровождала ее, время от времени отлучаясь по своим делам, но всегда возвращаясь к ней, и они вместе продолжали путь. Уинн любила лес вокруг Гарнока. Но если спросить, что же привлекало ее в нем, она не смогла бы дать разумный ответ. Уинн чувствовала себя в нем как дома. В нем для нее не было ничего угрожающего, даже в самую плохую погоду или во мраке ночи. Были такие, кто старался избегать леса в определенное время, вспоминая старинные легенды и рассказы, чтобы оправдать свои страхи и суеверия о колдовстве, эльфах и Справедливом народе, который населял этот лес в древнем Уэльсе.

Она нашла нежные молодые каперсы и быстро нарвала их, поскольку их лучше всего собирать рано утром, до того как высохнет роса. Лес начал редеть, пока перед ней наконец не открылся солнечный луг в полном цвету. Уинн собрала бледную лаванду и белые цветы тысячелистника, из которых делается прекрасный тоник, а также чудесная мазь для ран. Говорили, что их можно использовать и в волшебном зелье, но Уинн об этом ничего не знала. Она увидела розовый окопник и выкопала его вместе с корнями, которые помогают при болезни почек, а из цветов, если правильно извлечь сок, получается замечательное протирание для кожи. Потом она обнаружила одуванчики и выкопала несколько растений. Молодые листочки хороши для еды, из цветов делают приятное вино, а корни используют как тонизирующее средство для печени. Перед тем как вернуться в лес, Уинн остановилась, чтобы нарвать большой пучок фиалок. Их засахаренные цветы были изысканным угощением, а отвар из них облегчал головную боль и снимал раздражение. Даже просто понюхав их, человек чувствовал облегчение, но Уинн его не испытала. По узкой тропинке она поспешила к маленькому ручейку, который весело журчал по заросшим лишайником камням. Вдоль него рос кресс-салат, но девушка решила сначала подкрепиться хлебом и сыром, которые прихватила с собой. Она присела около дуба, порылась в корзинке и вытащила аккуратно завернутую салфетку. Развернув ее, она разложила на ней хлеб и сыр.

Ворон, усевшись на сук ближайшего дерева, с надеждой смотрел на еду, издавая горлом мягкие звуки. Уинн засмеялась.

— Значит, ты тоже проголодался, старина Дью? Что ж, ты мне сегодня утром составил компанию, и я с радостью поделюсь с тобой. Держи! — Она бросила птице кусочек хлеба.

Слетев на землю, ворон подобрал хлеб и вернулся на прежнее место,

чтобы съесть его.

Уинн вздохнула, вдруг став серьезной.

— Что мне делать? — заплакала она. Затем посмотрела на своего спутника, словно ожидая от него помощи. Действительно, ей иногда приходила в голову причудливая мысль, что ворон, возможно, меняет свой облик. Может, он один из тех существ, которые с незапамятных времен жили среди ее народа и о которых шептались люди? Церковь запрещала подобные разговоры, но такие вещи проникли глубоко в душу народа, гораздо глубже, чем церковь.

— Если ты на самом деле оборотень, старина Дью... если ты действительно волшебное существо... пожалуйста! О, пожалуйста, помоги мне сейчас! Риз из Сант-Брайда не злой человек, но он упорно добивается меня в жены, хочу я того или нет! Я не хочу выходить за него замуж!

Не хочу! Если б ты только мог мне помочь! — Она обхватила голову руками и разрыдалась.

Ворон с любопытством разглядывал девушку и, поддавшись ее настроению, нежно каркнул, как будто в знак симпатии.

Уинн почувствовала на себе его взгляд, но, подняв голову, увидела только большую черную птицу со склоненной головой. Она громко рассмеялась, но в смехе не звучала радость. В нем звенело ее отчаяние.

— Бедный Дью. Как тебе понять меня? Ведь ты только птица. Как бы мне хотелось свободно летать, как и ты, и так же свободно выбирать себе супруга. — Она опять вздохнула. — У меня нет выхода. Я должна выйти замуж за Риза, хотя и не люблю его. Я должна пойти на это, чтобы у моих сестер, Кейтлин и Дилис, были богатые мужья.

Чтобы бабушка и брат могли жить в спокойствии и безопасности, мне придется держать Риза на расстоянии. Чтобы обеспечить будущее малышки Мар.

Уинн опять горько заплакала.

— Как мне перенести все это? Ох, как же мне перенести? — всхлипывала она. — У меня нет другого выбора. Вряд ли церковная жизнь для меня, а если я убегу от Риза в монастырь, кто позаботится о брате и сестрах? Кто сохранит Гарнок для Дьюи? Конечно, не Кейтлин и не Дилис! Я должна выйти замуж за Риза из Сант-Брайда. И мне надо покориться своей судьбе до его приезда. Луна уже прибывает, и через несколько дней настанет полнолуние. Он вернется за ответом, заранее зная, каков он будет. Я не осмелюсь предстать перед ним в слезах, мне надо встретить его улыбкой.

Уинн смахнула слезы и потянулась за сырком. Какая польза в слезах?

Они не помогут. Она машинально жевала сыр и небольшой кусочек хлеба. Еда казалась ей безвкусной и застревала в горле, прежде чем лечь в желудок. Она раскрошила остаток хлеба и сыра и разбросала под деревом, чтобы птицы и мелкие твари могли полакомиться.

Со своего удобного места ворон молча наблюдал за ней. Она погрузилась в дремоту. С раннего детства ей снился один и тот же непонятный сон. Неясные краски и образы окружали и обволакивали ее, но не угрожали. Скорее ее угнетало ощущение глубокой, огромной печали.

Мрачное уныние было столь велико, что после пробуждения, услышав свое имя, она не сразу поняла, что кто-то ее настойчиво зовет. Ее лицо было мокрым от слез. Глаза Уинн раскрылись, и на миг она подумала, что перед ней стоит большой темный человек, но потом, сосредоточив взгляд, она увидела только дерево и своего друга, старину Дью, который терпеливо ждал в ветвях.

С неуверенным смешком она встала на ноги, определив по солнцу, что день скоро начнет клониться к вечеру. Затем, вспомнив о кресс-салате, она опустилась у ручья на колени, нарвала большой пучок, положила его в корзину и пошла домой. Короткий сон не освежил ее, и она по-прежнему не знала, как ей избежать брака с Ризом. В оставшиеся до полнолуния дни она должна будет смириться с неизбежностью замужества. Хотя желание Риза взять ее в жены основано не на таких возвышенных чувствах, как у влюбленного человека, но он мог не опасаться быть обманутым своей избранницей. Она будет ему хорошей женой хотя бы потому, что собирается во что бы то ни стало увидеть своего брата дожившим до зрелого возраста, когда Ризу уже не удастся унаследовать через нее Гарнок.

Выйдя из леса, она увидела свой дом, и мягкая улыбка озарила ее лицо. Это был не замок, но она его любила всем сердцем. Старый камень и дерево, увитые зеленым плющом, говорили о любви и преданности этой земле нескольких поколений. В доме всегда царилло счастье, и солнце лило на него свой свет. Уинн не сомневалась, что будет тосковать по дому, но в тайниках души девушка знала, что однажды покинет Гарнок. Когда у брата появятся дети, она уйдет, удовлетворенная тем, что выполнила свой долг.

Она помедлила, чтобы в последний раз подумать обо всем, и, поискав глазами Дью, увидела его сидящим среди переплетенных веток ближайшего куста.

— Что ж, старый друг, выбора у меня нет, я приму предложение Риза, — сказала она ворону.

— Кар! — ответила птица.

— Знаю, знаю! — Уинн уныло улыбнулась. — Но у тебя тоже нет

ответа, старина. Я бы вышла замуж по любви, но в мире, в котором я живу, так не принято. Как мои сестры подсмеиваются надо мной из-за этого! И кто скажет, что они не правы? Я поступила бы эгоистично, отказав Ризу. Он обеспечит богатое будущее моим сестрам. Думаю, мы с бабушкой сумеем уберечь Дьюи от жадности Риза. А если нет, то у меня все равно нет такой роскоши, как выбор. Но если бы только он у меня был! Я бы отказала Ризу. Отказала!

— Кар! — ответил ворон и улетел, совершив один круг над домом, прежде чем отправиться к ближайшим холмам.

— Прощай, Дью! — крикнула Уинн ему вслед, немного опечаленная, что он покинул ее, и вошла в дом, передав корзину слуге.

— Где ты была? — грубо спросила Кейтлин, ее бледные щеки пылали от раздражения. — Ты проходила целый день! — Она смотрела на Уинн со своего места у камина и одновременно расчесывала длинные темно-каштановые волосы.

— Я тебе была нужна? — поинтересовалась Уинн. — Я была в лесу. Бабушка знала.

— Как ты можешь бродить по этим сырым и ужасным лесам? — Кейтлин изящно вздрогнула и, отложив гребень в сторону, заплела волосы в две аккуратные косы.

— Кому-то надо собирать травы для припарок, тоников, лекарств, — ответила Уинн сестре. — Тебе, Кейтлин, придется заниматься этим в доме твоего мужа. Я пыталась научить тебя, но ты этим не интересуешься. Хорошая хозяйка замка должна знать, как ухаживать за людьми.

— У меня будет богатый муж, — последовал ответ Кейтлин. — Одни слуги будут собирать травы, другие готовить из них лекарства, о которых ты всегда так много болтаешь.

— И у меня тоже! — выпалила Дилис.

Уинн вздохнула. Спорить с ними бесполезно. Они думают только о себе.

— Ты уже решила принять великодушное предложение Риза и перестать вести себя как дурочка? — спросила Кейтлин. — Если он хочет взять тебя в жены, то добьется своего. Но если тебе вздумается противиться ему, тогда он может не дать нам в мужья своих кузенов.

— Я как можно любезнее приму предложение Риза, Кейтлин, хотя, будь у меня выбор, я бы отказала ему, — грубо ответила сестре Уинн.

Ее поглощенность собственной персоной была сегодня особенно раздражающей.

— Дитя мое, тогда, наверное, вот ответ, который ты искала, —

произнесла Энид, услышав слова Уинн при входе в зал.

— Мне кажется, другого выхода нет, — согласилась она. — Но все же, бабушка, я надеюсь выйти замуж по любви.

— Ты несправима, — сказала ехидным тоном Кейтлин. — У тебя, однако, хватило благоразумия не совершить ошибку. Теперь, когда ты наконец пришла в согласие сама с собой, доставив всем нам много неприятных минут, позаботься заранее, до своего брака, получить у Риза брачные контракты для меня и Дилис, чтобы он нас не обманул.

— Да, Уинн, ты не должна продешевить, добейся для нас от Риза самой высокой цены, — добавила Дилис.

— Я поступлю лучше, чем вы хотите, — ответила сестрам Уинн. — Я буду настаивать, чтобы вы первыми вышли замуж и хорошо устроились во владениях своих мужей. А уж только после этого я стану женой Риза.

Вы довольны? — спросила она сестер, слегка подшучивая над ними. Но они ничего не заметили.

— Да! — Кейтлин широко улыбнулась, глядя на старшую сестру. Очень практично с твоей стороны!

— Да! — вторила ей Дилис.

— А у меня будет когда-нибудь муж? — спросила крошка Мар, которая, оставшись незамеченной, слышала весь их разговор.

— Да! — Уинн улыбнулась сестричке. — У тебя будет прекрасный молодой лорд, который приедет в Гарнок верхом на коне и увезет тебя, чтобы ты стала его красивой невестой.

— Какая чушь! — пробормотала Кейтлин.

— Я хочу кучу детей, — объявила Мар.

— Они у тебя будут, мой ягненок, если ты того хочешь. — Уинн рассмеялась, взъерошив светло-каштановые волосы Мар, отливающие золотом.

— Вот видишь! — Мар показала Кейтлин язык, которая сейчас была в хорошем расположении духа и не обратила внимания на ребенка.

— Ты вовремя приняла решение, — сказала она Уинн. — Риз обязательно будет здесь завтра.

— Нет, — возразила Уинн. — Раньше полнолуния он не приедет.

— Завтра, — повторила Кейтлин. — Ты потеряла счет дням, сестра. — Сердце Уинн на мгновение упало, но потом она собрала всю свою волю и попыталась рассмеяться.

— Если завтра на самом деле полнолуние, тогда я действительно потеряла счет дням.

— Зато я нет, — резко ответила Кейтлин. — Я мечтаю о том дне, когда

выйду замуж за кузена Риза и уеду из Гарнока в собственный дом.

Это время тянется для меня так долго.

— И для меня, — откликнулась Дилис.

Уинн с грустью покачала головой. Для нее самое тяжелое — покинуть Гарнок, а сестры готовы были расстаться с родным домом как можно быстрее.

— Не думай о них плохо, мое дитя, — тихо сказала бабушка, когда Кейтлин и Дилис вернулись к своим делам. — Ты старше и, естественно, любишь Гарнок больше, чем они. Они знают, что не унаследуют эти земли. Поэтому их ничего с ними не связывает. Они озабочены тем, чтобы получить место, которое можно было бы назвать собственным.

— Но ведь я тоже не получу в наследство Гарнок, — заметила Уинн, — однако я люблю его.

— С благословения Бога, дитя, ты не унаследуешь его, но всегда есть шанс, что Дьюи не достигнет зрелости или у него не будет наследников. Если такое случится, тогда ты будешь хозяйкой Гарнока. Вероятность того, что и ты, и Дьюи умрете, невелика. Твоя сестра не глупа.

Возможно сварлива, но не глупа.

— Кстати, где мой бездельник братец? Я что-то его не вижу после возвращения из леса. Куда он, бабушка, запропастился?

— Он сказал, что пойдет днем ловить птиц, — ответила Энид.

— Эйнион пошел с ним?

— Нет. В этом не было необходимости. Дьюи оскорбился бы, если бы ему дали провожатого. Ты чересчур оберегаешь его, Уинн. Он мальчик и лорд Гарнока, и к нему надо соответственно относиться. Кроме того, Эйнион обучал Мар верховой езде. У нее был бы разрыв сердца, если бы урок не состоялся. Она так любит своего толстенького пони. — Энид улыбнулась. Малышка была ее любимицей.

Уинн глянула в окно и нахмурилась. Небо покрылось тучами, хотя она и не видела заката солнца, становилось темно, как ночью.

— Эйнион, — позвала она великана, когда тот вошел в зал. — Ты видел брата?

— Нет, госпожа, с тех пор как он ушел, но я пойду на двор и спрошу у людей. Он, может быть, в конюшне. — Эйнион удалился.

— Бабушка, я понимаю, что с моей стороны глупо, и в душе осознаю, что чрезмерно опекаю Дьюи, но на мне лежит ответственность за него!

Если с ним что случится до его совершеннолетия, я буду винить себя за то, что не оправдала ожиданий родителей и не выполнила своего долга перед Гарноком. Мне претит сама мысль, что я могу извлечь для себя

выгоду за счет брата. Ты можешь это понять? — Обычно спокойные черты лица Уинн были искажены страданием.

— Я понимаю, дитя мое, — успокоила ее бабушка, но сердце ее переполнял гнев за жестокую судьбу, которая возложила на это юное создание столь огромную ответственность. Еще она в душе сердилась на своего умершего сына, упокой Господь его душу, за то, что он внушил своей любимой дочери Уинн такую страсть к Гарноку, которая не может быть никогда удовлетворена. Они жили в суровое время, и дети умирали часто. То, что у Оуена и Маргиад родились здоровые дети — благословение Божье и чудо, но Дьюи и Мар еще очень маленькие, и их подстерегают всякие опасности. Если несчастный случай или болезнь унесет их, Уинн не может нести всю ответственность, и Энид сказала внучке об этом, пожимая ей руку.

Уверяя девушку, она видела, что хоть та и кивает в знак согласия, но по ее зеленым глазам было видно, что она не желает, чтобы ее успокаивали.

В зал вошел Эйнион со словами:

— Молодой господин еще не вернулся, госпожа.

Уинн побледнела и, еще раз взглянув в окно, с беспокойством сказала:

— Наступила ночь. Что, если с ним что-то случилось и он лежит раненый или напуганный? Мы должны немедленно отправить людей на поиски!

— Госпожа, — ласково обратился к ней Эйнион, — ночь темная, небо закрыто тучами. Если бы не это, молодой господин вернулся бы домой сам при свете луны, а если тучи рассеются через несколько часов, он так и поступит. Я не думаю, что он ранен. Когда молодой лорд забирается на дерево, он очень осторожен. Хотя, конечно, у вас может быть другое мнение.

— Но он такой маленький, один В лесу, в темноте. Мы должны найти его.

— Дитя мое, Эйнион прав, — спокойно сказала Энид, волнуясь в душе не меньше внучки. Но лучше ей этого не показывать. Энид дала знак слугам подавать ужин и позвала семейство к столу. Кейтлин и Дилис болтали без умолку, пока накрывали на стол.

— Как ты думаешь, лорд Алин красив? — интересовалась Дилис. Ой, я надеюсь, что он красивый мужчина. Терпеть не могу уродов.

— Какая разница? — бросила Кейтлин. — Был бы туго набит его кошелек и был бы он щедр к тебе; если у него мощное «копье» и он доставляет тебе удовольствие, кого волнует его красота? В темноте брачного ложа это не имеет значения, глупая ты гусыня.

— Но если он урод, я даже в темноте буду помнить об этом, сестра, — упорствовала Дилис — Тогда ты еще глупее, чем я думала, — зло ответила Кейтлин, не замечая льющихся слез обиды из нежных голубых глаз сестры. — Мне все равно, если мой лорд Коуд некрасив, как грязь, или у него блошинные мозги, до тех пор, пока набит его кошелек и он мне ни в чем не отказывает.

— Как ты можешь так рассуждать, Кейтлин, — не выдержала Уинн. — Наша мамочка, упокой Господь ее душу, и наша бабушка, конечно, не учили тебя этому.

— Мать Маргиад, ваша другая бабушка, была даже большей эгоисткой, чем Кейтлин, — сухо заметила Энид. — Я ее очень хорошо помню.

Она родила своему мужу трех сыновей и двух дочерей, которые благодаря чуду были добродушными. Дилис очень похожа на свою тетку, в честь которой была названа. Она умерла в 11 лет. Та Дилис тоже была младшей сестрой, и ей не хватало ума, но сестра, которая была старше, лучше влияла на нее, чем Кейтлин на Дилис.

— Твои слова, бабушка, не могут огорчить меня, я скоро выйду замуж и покину этот дом.

— Как ты можешь сейчас думать только о себе? — разгневалась Уинн. — Неужели тебя не волнует, что Дьюи потерялся? А вдруг он ранен или мертв?

— Чему быть, того не миновать, — отрезала Кейтлин. — Моя болтовня ничего не может изменить, Уинн. Ты слишком беспокоишься. Ночь застала Дьюи, и он где-нибудь укрылся. Утром ты в этом убедишься сама.

Она поднялась из-за стола.

— Пошли, Дилис. Нам надо хорошенько выспаться. Мы должны беречь свою красоту. Я не хочу, чтобы Риз из Сант-Брайда сожалел о своем решении, когда приедет.

Когда ее младшие сестрицы утомленной походкой покидали зал, Уинн закрыла рот рукой, чтобы сдержаться. Если брак с Ризом освободит ее от Кейтлин и Дилис, то это не такая уж плохая сделка. Малютка Мар смотрела на старшую сестру широко раскрытыми глазами и не могла сдержать смех. Уинн опустила руку, улыбнулась девчужке и нежно взъерошила ей волосы.

— Они так меня разозлили, — сказала она.

— Они очень плохие, — заметила Мар. — Я знаю, что должна любить их, но не могу — Она со страхом посмотрела на отца Дрю. — Святой отец, Господь отправит меня за это гореть в огне? Это грех, я знаю, не любить

сестер, но я просто не могу!

Чувства священника боролись с его совестью.

— Дурно ненавидеть, Мар, — сказал он девочке. — Но я думаю, что Господь не проклянет тебя за то, что ты не любишь Кейтлин и Дилис.

Наш Бог понимает такие чувства. — Он погладил девочку по головке и тихо пробормотал себе под нос:

— Кроме того, только святой может любить их.

— Пора спать, Мар, — поднимаясь из-за стола, сказала Энид, еле сдерживая смех, поскольку услышала замечание отца Дрю. Взяв внучку за руку она повела ее спать.

— Отец Дрю, другие священники так же гуманны, как и вы? — спросила Уинн. — Она тоже расслышала его последние слова, и в ее глазах заиграли веселые огоньки.

Священник взглянул на нее, моргая карими глазами.

— Я уже даже не припомню, Уинн, когда встречался с другими священниками, — ответил он честно. — Мой мир — это Гарнок, и я в нем единственный священник. Много лет я учился в монастыре, готовил себя к духовной жизни, чтобы в один прекрасный день я смог вернуться в Гарнок, служить там Богу и его людям. Мои воспоминания о том времени ослабели. Все, что сохранила память, это учеба и молитва.

— И никаких друзей?

— Только один, — медленно ответил отец Дрю. — Такой же, как я, который должен был вернуться в семью, чтобы наставлять на путь истинный обитателей поместья. Как бишь его звали? Элфрик, мне кажется. Он был саксонцем, откуда-то из Винчестера.

— А что ты о нем помнишь? — поинтересовалась Уинн.

Отец Дрю нахмурил брови, вспоминая, затем улыбнулся.

— Он любил смеяться, моя дорогая. Даже тяжелая монастырская жизнь не изменила его. Нас одновременно призвали домой. С тех пор я его не видел.

— Вы редко рассказываете о себе, но, когда это случается, мне нравится вас слушать.

— В обязанности священника не входит рассказывать о себе. Кроме того, что можно поведать о Дрю ап Дэффиде? Я единственный сын младшего дядюшки твоего отца, который давно умер. Ты это знаешь.

— Мне кажется, что на самом деле вы можете рассказать о себе гораздо больше, чем говорите, — подшучивала над ним Уинн, потом вдруг серьезно спросила:

— Я правильно поступаю, принимая предложение Риза?

— Твоя бабушка и я будем беречь Дьюи, не беспокойся. Понимаю, что это твоя главная забота. Риз из Сант-Брайда, несомненно, получит жену лучше, чем заслуживает, но Гарнок ему не достанется, обещаю тебе. Потом он усмехнулся и добавил:

— А мы к тому же избавимся от Кейтлин и Дилис.

Уинн улыбнулась ему в ответ, но, посмотрев в окно, опять нахмурилась.

— Луна должна уже быть высоко, святой отец, облака такие густые, что она никак не пробьется сквозь них. Бедный Дьюи! Дай Бог, чтобы он был цел.

— Ложись спать, дитя мое, — посоветовал отец Дрю. — Ты не можешь помочь брату. Если он утром не вернется, тогда я сам поведу людей на его поиски. Мы отправимся на рассвете.

— Я глаз не сомкну! — причитала Уинн, но она так устала за день в лесу, да к тому же сказывалось напряжение последних дней, что в конце концов она решила последовать совету священника. Как обычно, Уинн обошла дом, проверив, все ли в порядке, а потом поднялась по лестнице в семейную спальню, где на цыпочках пробралась к своей кровати. Кейтлин и Дилис спали вместе, и их похрапывание раздавалось из-за полога. Уинн улыбнулась, представив себе, как бы ужаснулись сестрицы, узнав, что они храпят во сне.

Мар спала на низенькой кроватке на колесиках, на день задвигавшейся под кровать бабушки. Уинн растрогалась при виде спящей девочки, щеки которой пылали здоровьем, мягкие каштановые волосы вились вокруг лица, большой пальчик был наполовину засунут в розовый ротик. Уинн отвернулась и начала раздеваться, аккуратно складывая одежду в свой сундук, и, достав на завтра другую, разложила ее на крышке сундука. Присев на кровать, она разулась, затем расплела косы и, взяв из-под подушки гребень, расчесала длинные черные волосы. Наконец со вздохом задернула полог и скользнула под одеяло. Некоторое время она лежала без сна, мысли путались в голове. Затем ей с трудом удалось сосредоточиться на молитве. Дочитав ее до конца, она погрузилась в освежающий сон. С Дьюи все будет в порядке. Первоначальный испуг прошел, интуиция подсказала ей, что брату ничего не угрожает.

Она на самом деле почувствовала, что он в безопасности. И не один.

Внезапно проснувшись, Уинн села на кровати. Почему она так подумала? Раздвинув полог, Уинн увидела, что заря начала освещать край неба. Близилось утро, она проспала несколько часов, хотя и не ощутила этого. Что ее разбудило? Она не могла вспомнить и сидела спокойно,

прислушиваясь к звуку, который, безусловно, лишил ее сна, но все вокруг было тихо. Кейтлин, Дилис и бабушка храпели. В своей постельке мирно спала Мар. Снизу, из зала, не раздавалось ни единого звука.

Даже птицы еще не начали свою утреннюю песню.

Ей больше не заснуть. Уинн выскользнула из постели, дрожа от холода, в одной полотняной рубашке. Она прошла к алькову, где стояли глиняная лохань и кувшин с водой. Зимой вода часто замерзала, сейчас она была просто ледяной. Налив немного воды в лохань, она умыла лицо и руки, почистила зубы кусочком грубой ткани, опустив ее предварительно в порошок, состоящий из мяты и мелко истолченной пемзы. Прополоснув рот и кусочек ткани, она открыла окно в алькове и выплеснула использованную воду. День обещает быть ясным, хотя сейчас все окутывал туман.

Вернувшись к кровати, она начала одеваться. Сначала нижнюю фиолетово-синюю тунику с длинными облегающими рукавами, которые доходили до лодыжек, затем короткую, до колен, верхнюю тунику ярко-зеленого цвета с длинными рукавами, широкие манжеты которых были расшиты золотыми нитками и заканчивались у узких запястий. Это было ее лучшее платье. Уинн подпоясала верхнюю тунику позолоченным кожаным ремнем, украшенным серебряной с позолотой пряжкой и необыкновенно красивым горным хрусталем, который придавал ей спокойный блеск. Открыв еще один сундук, она достала пару мягких кожаных туфель, сделанных как раз по ее узенькой ножке. Сегодня она удостоит Риза чести видеть ее в лучшем наряде, когда тот придет в Гарнок за ответом.

Покопавшись поглубже в сундуке, Уинн извлекла маленькую резную шкатулку и, открыв ее, достала и надела пару сережек из горного хрусталя в виде груши. Сидя на кровати, она расчесала волосы и заплела их в косу, конец которой украсила зеленой лентой. По обычаю девушки до замужества ходили с распущенными волосами, лишь завязывая их лентой, но Уинн, когда на нее внезапно обрушилась ответственность за всю семью, стала заплетать косу, чтобы казаться старше при общении с незнакомыми людьми. Она гордилась своими густыми черными волосами, которые, когда не были заплетены в косу, окутывали ее, как ночное облако. Уинн полагала, что волосы, несомненно, были самым главным ее достоинством. Она вздохнула с облегчением, когда было покончено с неприятным обычаем отрезать девушкам волосы вскоре после первого замужества, чтобы показать ее покорность. Отрезать ее прекрасные косы? Никогда!

Она вынула из шкатулки еще одну драгоценность — золотой круглый кулон, украшенный зеленой и синей эмалью и прикрепленный к тяжелой

цепи червонного золота. Рисунок был кельтский. И цепь, и кулон были привезены из Ирландии. Отец получил их взамен большой партии сыра много лет назад, когда Уинн была еще ребенком. Она восхищалась кулоном и, несмотря на то, что это была ценная вещь, отец подарил ее дочери просто потому, что она ей нравилась. «Уинн так редко хочет что-то из земных ценностей», — заметил он Маргиад. Девушка дорожила кулоном, особенно после смерти отца. Ей всегда казалось, что Оуен был с ней, когда она носила это украшение, и она чувствовала, что кулон принадлежит ей, как только она его увидела.

Готовая встретить новый день, Уинн вышла из спальни. Внизу в зале слуги расторопно разжигали огонь в очагах. Через открытую дверь дома был виден поднимающийся над пекарней дым. Риза придется просить отобедать, и, судя по его последнему визиту, аппетиту него был немалый. Им потребуются весь хлеб и пироги, которые пекарь напечет за день.

Рядом с ней заговорил Эйнион:

— Будет ясный день, госпожа, и, поскольку молодого господина еще нет, святой отец и я соберем отряд, отправимся на его поиски и доставим домой.

Уинн на мгновение охватило чувство вины. Она совсем забыла о Дьюи!

— Да, ему достанется за это, — твердо сказала она Эйниону. — Неважно, лорд из Гарнока или нет, он все еще десятилетний мальчишка и в моей власти. Своей выходкой он проявил бессердечность к нам.

Передай ему, что его зад узнает, что такое ореховый прут, как только Риз уедет. Я не стану смущать лорда Гарнока перед другим лордом, но он будет наказан.

— Кто это будет наказан? — Дьюи ал Оуен стоял прямо в дверях зала.

— Дьюи! — воскликнула Уинн, бросилась к двери, схватила брата и крепко обняла его, пока он не вырвался из ее объятий.

— Слава Всевышнему, Богородице и нашему святому Давиду, что ты жив и невредим! — Уинн чуть не всхлипывала.

— Кто будет наказан? — повторил Дьюи, встряхиваясь, как щенок.

— Ты! Ты, беспечный бездельник! — сказала старшая сестра. — Ты напугал нас, мы все так о тебе волновались. Как же ты мог так уйти, Дьюи!

— Я пошел ловить птиц, — спокойно ответил Дьюи. — Я ведь уже с шести лет сам хожу за птицами. Поблизости есть гнездо сокола, я наблюдал за ним, потому что хотел взять одного птенца и выдрессировать тебе в качестве свадебного подарка.

— Ох, Дьюи! — Глаза Уинн наполнились слезами, но потом она

гневно спросила:

— Почему ты не вернулся вечером домой?

— Я так увлекся, наблюдая за птенцами, что не заметил, как наступил вечер, — ответил он раздраженно, как бы не понимая, почему она такая недогадливая. — Ты думаешь, я провел ночь в сырости и холоде, сестра? Если бы не Мейдок, я бы умер от голода.

— Мейдок? — озадаченно переспросила Уинн и только тогда увидела человека, стоящего рядом с братом. Когда ее удивленный взгляд встретился с глазами незнакомца, жгучее пламя охватило все ее тело, и она долго не могла перевести дух.

В это мгновение внимание всех привлекла Энид, которая, торопясь, спускалась по лестнице из спальни, овеваемая широкими одеяниями шафранного и фиолетового цветов.

— Дьюи! Дитя мое! Слава Богу и святому Давиду, ты вернулся невредим.

— Доброе утро, бабушка, — поздоровался с ней мальчик. — Позволь представить тебе моего друга, Мейдока из Пауиса. Мы познакомились прошлой ночью.

Энид обняла внука и посмотрела долгам, изучающим взглядом на его спутника.

— Вы Мейдок Пауиса Венвинвина, мой господин? — спросила наконец она.

— Да, госпожа.

— Благодарю вас за заботу о моем внуке и добро пожаловать в Гарнок, мой принц, моя внучка Уинн присоединяется ко мне.

«Принц?» — К Уинн вернулась способность дышать и говорить, их взгляды вновь встретились, но на этот раз Мейдок не позволил ей отвести глаза. У Мейдока они были замечательные, овальной формы, темно-синие, с черными густыми бровями, опущенные длинными ресницами, которым позавидовала бы любая женщина. Но в нем самом не было ничего женственного. Уинн ощутила, как тонет в глубине этих синих глаз. Она не могла отвести взгляд и в конце концов закрыла в отчаянии глаза, почувствовав, как теряет сознание, сердце бешено забилося, и ноги у нее подкосились.

— Уинн!

Голос бабушки доносился как бы издалека; ее подняли, голова девушки очутилась на чьем-то крепком плече. На какой-то миг Уинн растворилась в небытии, потом постепенно стала вновь ощущать тело, и сознание вернулось к ней. Девушка поняла, что сидит на скамье подле

главного очага.

Открыв глаза, она увидела мужчину, крепко обнимающего ее за талию. Уинн с трудом вздохнула, и почти тотчас силы вернулись к ней.

— Как вы себя чувствуете, госпожа? — донесся до нее вопрошающий голос.

— Бедная девочка! — Уинн услышала голос бабушки. — Она так переволновалась за брата! — Энид встала перед внучкой на колени. — Тебе сейчас лучше, дорогая?

Чувства и разум девушки снова ожили.

— Да, — медленно ответила она. — Бабушка, не могу себе представить, что со мной случилось. Я ведь не падаю в обморок. — Она взволнованно посмотрела на руку незнакомца, и та немедленно покинула ее талию. «Он прочел мои мысли», — подумала про себя Уинн, вспоминая, что именно его проникающий взгляд так сильно подействовал на нее. Она поднялась со скамьи и с удивлением обнаружила, что ноги стали вновь служить ей. Она нервничала, что придется смотреть ему прямо в лицо, но у нее не было выбора.

— Мой господин, — начала она, скромно потупив взор. — Благодарю вас от всего сердца, что прошлой ночью вы проявили заботу и внимание к лорду Гарнока. Если б я только знала, что он в надежных руках, я бы так не волновалась. Не разделите ли вы с нами трапезу после мессы?

— С удовольствием, госпожа, — последовал ответ. Голос у него был глубокий, но лишенный грубости, почти что музыкальный.

— Итак, паршивец, явился! — прервала их Кейтлин, спускаясь по лестнице в своем лучшем наряде — алой шелковой тунике, расшитой золотом, поверх темно-синей нижней. За ней шла Дилис, тоже разодетая, в серебристо-розовой парчовой тунике поверх темно-розовой и, наконец, Мар — в обычном голубом платье.

— Дьюи цел и невредим, Кейтлин, — мягко сказала Уинн, но в ее тоне чувствовалась едва заметная резкость. — Мне бы хотелось знать, почему вы так вырядились сегодня?

— Ты думаешь, мы не окажем честь Ризу из Сант-Брайда, когда он придет просить твоей руки? Кроме того, мы не хотим, чтобы он забыл о своем обещании тоже дать нам мужей, сестра. — Взгляд Кейтлин остановился на Мейдоке, которого она тщательно изучила, обратив внимание на длинную тунику из сине-зеленой шелковой парчи, отороченной роскошной коричневой кунницей, но скромно украшенную по вороту и длинным рукавам. Однако прекрасный шелковый пояс, опоясывающий тонкую талию, с золотой пряжкой искусной работы,

украшенной янтарем, говорил о нем как о человеке с определенным положением.

— Кто это? — спросила она хитро.

— Мой господин, это мои младшие сестры, Кейтлин и Дилис, — сказала Уинн. — Сестры, я представляю вас Мейдоку, принцу Пауиса. Это он нашел нашего брата прошлой ночью и приютил его до утра.

— Вас привело в Гарнок какое-нибудь дело или вы просто проезжали по нашим землям? — грубо спросила Кейтлин. Никто, кроме нее, не решился бы на подобный вопрос.

Мейдок из Пауиса улыбнулся, признавая в ней возможного противника.

— У меня здесь дело, но не к вам, — ответил он.

Уинн хотелось рассмеяться при виде раздраженной Кейтлин. Вместо этого она сказала;

— Пора на мессу, мы должны быть благодарны за этот день. Наш брат, лорд Гарнока, вернулся невредимым.

— А еще приезжает лорд из Сант-Брайда просить твоей руки и дать нам богатых мужей. Да, я поблагодарю Бога за это!

Мейдок заметил, как помрачнело лицо Уинн при упоминании Риза из Сант-Брайда. Он улыбнулся про себя и проследовал за всем семейством в домашнюю церковь, находившуюся за стенами, окружавшими дом. Отец Дрю, кареглазый человечек, похожий на эльфа, широко улыбнулся, увидев Дьюи, и пропел мессу особенно удачно, к удовольствию Мейдока, который любил музыку. На крыльце церкви, когда их представляли друг другу, он сделал комплимент святому отцу и улыбнулся, заметив, как зарделся от удовольствия этот старый человек.

Уинн теперь смотрела на Мейдока почти безбоязненно, оставшись особенно довольна его добротой к отцу Дрю. Он ответил ей улыбкой, а ее занимала мысль, почему его появление так странно повлияло на нее. Ей все же пришлось признать, что присутствие принца заставляет всю ее плоть гореть непривычным огнем, сердце биться быстрее, а пальцы и ступни ног загадочно покалывало. С ней никогда раньше такого не случалось, и она недоумевала, почему Мейдок так странно на нее действует. Он несколько не похож на злодея.

— Вернемся в дом и разоведемся, — сказала Уинн, вспоминая о своих обязанностях хозяйки дома.

— С удовольствием, сестра, — ответил Дьюи. — Вспомни, что я вчера не ужинал дома и очень голоден!

— Так тебе и надо! Ты так нас напугал, — отозвалась Кейтлин.

— Что? Только не рассказывай мне сказки, будто ты хоть на минуту! вспомнила обо мне, Кейтлин. Вот уж не поверю тебе. Ты только о себе и думаешь. А если вдруг случайно и подумала, то лишь потому, что моя преждевременная смерть заставила бы тебя носить траур и отложить день твоей свадьбы.

Кейтлин рассвирепела, но, к ее чести, рассмеялась.

— Да, — согласилась она, — ты, братец, возможно, и прав.

— Я молила за тебя святого Давида, — тихо пролепетала Мар.

— Так, значит, это ты спасла меня, моя дорогая малышка, — великодушно сказал Дьюи, взлохматив мягкие волосики сестренки. — Господь всегда услышит молитвы хорошего человека.

— Но я молилась святому Давиду, — решительно повторила Мар.

— А святой Давид молил Господа Бога, — пояснил отец Дрю, улаживая спор.

Они были так очарованы малышкой, направляясь к дому, что даже не услышали приближающихся лошадей, которые чуть не смяли их.

— Это Риз из Сант-Брайда, — возбужденно зашептала Кейтлин. Царица небесная, он жаждет твоего ответа, хотя знает, каков он должен быть! Как ты думаешь, лорд Коуд и лорд Длин сопровождают его? Дилис, как я выгляжу? Волосы у меня в порядке? А наряд изящен?

— Ради Бога, Кейтлин, не жеманься перед человеком на сей раз, — бросил Дьюи сестре, затем, повернувшись, громко сказал:

— Добро пожаловать в Гарнок, мой лорд из Сант-Брайда. Вы прибыли как раз к завтраку.

— Несомненно, он старался поспеть именно к завтраку, — тихо пробормотала Уинн. — Слава Богу, пекарь напек достаточно хлеба, чтобы удовлетворить чудовищный аппетит моего лорда.

Дилис и Мар захихикали, а Энид спрятала улыбку.

Риз из Сант-Брайда был поглощен одной только Уинн. Он жадно пожирал ее своими серыми глазами, подъехав к ней на огромном черном жеребце. Цирюльник потрудился над его бородой и усами, запах ароматического масла облаком стоял вокруг него в сыром утреннем воздухе. Нежный аромат дамасской розы, исходящий от растительности на лице этого грубого воина, был почти комичен, но никому не пришло на ум рассмеяться.

— Госпожа, я приехал за ответом, — начал он прямо, — как и обещал. Сегодня первый день полнолуния. Я спрашиваю вас в последний раз. Вы будете моей женой? — Жеребец Риза нервно пританцовывал при звуке его голоса, а лошади под его стражниками переминались на месте.

Уинн глубоко вздохнула, как вдруг раздался голос Мейдока:

— Уинн Гарнока не может быть вашей женой, мой господин из Сант-Брайда, поскольку обещана мне с рождения.

Риз соскочил с лошади, чтобы взглянуть на соперника, и сердито зарычал:

— А вы кто... мой господин?

— Я Мейдок из Пауиса, — спокойно ответил принц, но Уинн послышалась в его словах скрытая угроза.

Серо-голубые глаза Риза расширились.

— Лорд Венвинвина? — медленно спросил он, и Уинн инстинктивно почувствовала, что ее поклонник надеется на отрицательный ответ Мейдока.

— Да, — ответил принц, стараясь скрыть веселую улыбку.

Почему Риз испугался, а Мейдок едва ли не смеется, думала Уинн. И самое главное, что имел в виду Мейдок, говоря, что она обручена с ним с рожденья? Она впервые о таком слышит! К ее величайшему удивлению, Риз, которого она считала бесстрашным человеком, начал что-то истерично лепетать.

— Мой принц! Я не хотел быть непочтительным с вами! Я не думал вас оскорбить! Девушка ничего не сказала мне о том, что обручена с другим! Она не сказала, что обещана такому могущественному лорду! Он повернулся к Уинн. — Госпожа, подтвердите мои слова! Скажите ему.

— Конечно, я вам ничего не говорила, мой господин, — ответила Уинн. — Как я могла это сделать, если и сама не знала?

— Что? — Маленькие глаза Риза подозрительно сощурились, придавая ему вид злого кабана, готового к нападению.

— Может, мы обсудим это дело в зале? — разумно предложил принц, глядя вниз на цыплят, роющихся у его ног.

— Да, — поспешила сказать Уинн, вспомнив о своих обязанностях хозяйки Гарнока. — Мне кажется, нам надо именно сейчас обсудить это, но сначала мы разговеемся. Серьезные дела лучше всего решать на полный желудок. Пойдемте в дом, мои господа!

Они проследовали за ней в зал, где слуги уже накрыли стол к завтраку. Уинн с удовольствием отметила, что слуги положили достаточно свежее испеченного хлеба. Не спрашивая согласия едоков, в тарелки была наложена ячменная каша. Уинн одобительно улыбнулась Ди, главной служанке в зале, которая рядом с тарелками положила серебряные ложки с отполированными костяными ручками, поставила кувшины со свежими сливками, тарелки с недавно сбитым маслом, горшочки меда, несколько

свежих деревенских лепешек и блюдо сваренных вкрутую яиц Коричневый эль был разлит в прекрасные серебряные кубки. Мейдок, Риз и Дью с жадностью набросились на еду — Что происходит? — зашипела на старшую сестру Кейтлин. — Ты что, разрушила все наши планы и мы не получим богатых мужей? Я тебе этого никогда не прощу!

— Успокойся! Я сама не знаю, что здесь творится, но, когда наши гости насытятся, постараюсь все выяснить. Ты хочешь, чтобы я нарушила законы гостеприимства ради утоления твоей жадности?

— Вы не голодны, госпожа? — тихо прошептал Мейдок, так, что только Уинн могла его услышать. Она ответила ему сердитым, уничтожающим взглядом.

— Ешьте, мой господин, и поживее. Я не хочу показаться негостеприимной, но коль скоро вы осмелились перевернуть мою жизнь, мне бы хотелось побыстрее получить от вас объяснения!

Он одарил ее обаятельной улыбкой и, взяв кусок хлеба, обильно намазал маслом и полил медом. Кончиком языка быстро облизал губы, чтобы снять крошки и несколько капелек золотистого меда. Еще раз Уинн заметила, как быстро становится легкой ее голова, когда она зачарованно смотрит на Мейдока. Она была не в состоянии понять своего поведения.

Вернувшись к действительности, она увидела, что Мейдок держит приготовленный для нее такой же кусок хлеба с маслом и медом. Она взяла его, но пальцы Мейдока не отпустили ее пальчики, даже когда Уинн поднесла хлеб ко рту. Она неловко откусила, опасаясь привлечь всеобщее внимание, и ощутила прикосновение своих губ к его пальцам. Уинн попыталась освободиться от Мейдока, но с проницательной улыбкой он поднес ее руку ко рту и облизал мед с ее пальцев, медленно обсасывая каждый, прежде чем отпустить его.

Ее вновь обдало жаром, проникающим в каждую клеточку тела, он испепелял ее жадным пламенем. Она осознавала, что не в состоянии понять природу чувств, охвативших ее, поскольку ничего подобного раньше не испытывала. В этот миг на земле существовали только они двое.

— Мне нравится ваш вкус, — услышала Уинн его шепот.

— Отпустите мою руку, — удивляясь своей смелости, ответила она тоже тихо. Он не спорил с ней. Виновато оглядевшись вокруг, Уинн увидела, что Риз и ее семейство поглощены едой, не ведая, что произошло только что между ними. А что в самом деле произошло? Она даже сама не была уверена и, взяв кубок, жадно начала пить эль, ощутив мучительную жажду.

Риз из Сант-Брайда, проглотив кашу, с жадностью съел четыре яйца,

прикончил каравай деревенского хлеба. Слуги по крайней мере трижды наполняли его кубок элем. Теперь, с удовлетворением отрыгивая, он слегка отодвинулся от стола и уставился на Мейдока.

— Теперь я почтительно прошу объяснений, мой господин, — сказал он умиротворенно. — Я хотел просить руки леди Уинн из Гарнока.

Вы объявили, что обручены с ней, однако она заявляет, что ничего не знает об обручении. Вы, конечно, поймете мое смятение. — Его взгляд смягчился, Риз отряхнул крошки со своих черно-золотых одежд и, как умел, обаятельно улыбнулся Мейдоку.

— В самом деле, лорд, мне бы самой было интересно узнать, каким образом я оказалась обрученной с человеком, которого никогда раньше в глаза не видела. — Такой поворот событий странным образом раздражал Уинн, даже несмотря на то, что неожиданный, но вместе с тем своевременный приезд Мейдока избавлял ее от необходимости выходить замуж за Риза.

«Нет худа без добра», — непрошенная мысль пришла ей на ум.

— Святой отец, вы ведь не тот священник, который присутствовал при рождении Уинн? — обратился Мейдок к отцу Дрю. — Где же тот?

— Давно умер, мой господин, упокой Господь его душу, — ответил священник.

— Его звали отец Давид, не так ли? — спросил Мейдок. — Он был небольшого роста, полный, с лысой головой, правда, макушку обрамляло несколько седых волос. У него были самые синие глаза, которые мне довелось видеть, что особенно поражало в лице такого старого человека. Его глубокий громкий голос раздавался в стенах этого зала, верно? А большая розовая родинка размером с горошину на левой щеке?

— Вы абсолютно точно описали моего предшественника, — взволнованно воскликнул отец Дрю. — Он был моим кузенком, это только благодаря моей любви к нему я стал священником, чтобы походить на него.

— Когда родилась леди Уинн, — продолжал Мейдок, — я приехал к Оуену ап Льюилину и попросил обручить меня с малышкой. Я тогда недавно получил наследство. Моя мать дважды овдовела, и я счел своим долгом не жениться до тех пор, пока не вырастет сестра Неста. Я искал невесту из хорошей семьи, но которая достигнет брачного возраста через много лет. Именно отец Давид заключил брачный контракт. — Мейдок вытащил из недр своего одеяния аккуратно свернутый пергамент и вручил отцу Дрю.

Священник осторожно развернул документ, разгладил его и внимательно прочитал. Наконец он поднял глаза и объявил:

— Все в порядке, моя госпожа, это почерк отца Давида. Я хорошо его знаю.

— Но почему мне ничего не сказали?

Мейдок улыбнулся ей.

— Этого не сделали по нескольким причинам, госпожа. Мне нужна была не жена-ребенок, а взрослая девушка, способная следить за домом и растить моих сыновей. Я хотел с любовью ухаживать за ней, а не брать в жены против ее воли, да к тому же влюбленную в другого.

Мы договорились, что я появлюсь в Гарноке летом на шестнадцатом году вашей жизни, Уинн, чтобы посвататься и взять вас в жены. Если бы вы до этого встретили другого, вам бы сообщили об обручении, но окончательный выбор остался бы за вами. Я лишь совсем недавно узнал о безвременной кончине вашего отца и, предполагая, что он еще ничего не сообщил вам (поскольку вы не прислали ко мне гонца), я отправился в Гарнок сам.

— И увидели себя в любовном треугольнике, — тихо заметила Энид.

— Если, моя госпожа, вы любите Риза из Сант-Брайда, я уступаю дорогу, — сказал Мейдок. — Я не сделаю вас несчастной.

— Нет! — сдавленным голосом выдохнула Уинн и, покраснев до корней волос, повернулась к Ризу — Я не хотела вас обидеть, мой господин, но если мой отец, упокой Господь его душу, устроил этот брак для меня, я чувствую, что должна уважать его желание так же, как я исполняю свой долг по отношению к Гарноку и семье.

— Вы представили свою копию брачного соглашения, — сказал Риз, слегка расстроившись, но не желая упускать из рук такой лакомый кусочек, как Уинн, окончательно. — Конечно, у Оуена ап Льюилина был свой экземпляр брачного документа. Я бы желал непременно взглянуть на него, прежде чем отказаться от прав на эту леди. — Он мог легко откусить себе язык, произнося эти слова. «Ну не сумасшедший ли я?» — думал про себя Риз. Он прекрасно знал о репутации Мейдока. Принцы Венвинвина были из рода чародеев, чья волшебная сила была дана им самим великим Мерлином², как гласила людская молва. Риз молча проклинал себя за свою глупость. Если Мейдок оскорбится, — а волшебники, говорят, отличаются горячим нравом, — его собственный род может на нем и закончиться, если Мейдок превратит его в жука и раздавит ногой.

Мейдок, однако, улыбался, встретив беспокойный взгляд Риза. Улыбка означала: «Я понимаю и буду милосерден».

— Прекрасная мысль, — ответил принц; — Мне известно, что у Оуена ап Льюилина была копия этого документа, потому что я ставил подпись на

двух экземплярах. — Он повернулся к Уинн. — Скажите, госпожа, вы не знаете, где ваш отец мог хранить такой документ?

— У него в спальне была шкатулка, ключ от нее у меня, но я ее не открывала. Он хранил в ней документы, касающиеся хозяйственных дел Гарнока. У меня не было времени просмотреть их.

— Я принесу шкатулку, — с готовностью откликнулся Дьюи. — Я знаю, где она.

Не успел никто опомниться, как мальчик бегом бросился наверх и быстро вернулся назад, сгибаясь под тяжестью резной дубовой шкатулки. Он поставил ее на стол и взглянул на старшую сестру Сняв связку ключей, висевших у нее на поясе, Уинн отыскала нужный, вставила в замок и открыла шкатулку. Она удивленно подняла брови, когда Риз попытался отстранить ее.

— Вы ведь не умеете читать, — заявил он. — Я помогу вам найти документ.

Уинн сердито отодвинула его в сторону.

— Я, мой господин, умею читать! У меня к тому же прекрасный почерк. Как бы я могла вести хозяйство после смерти отца? — Она аккуратно стала перебирать бумаги.

— Вы читаете, пишете и ведете документы? — Риз почти со стоном произнес эти слова. Он потерял настоящее сокровище. Он мог бы все время воевать со слабыми соседями, зная, что жена, чьи интересы будут и его интересами, присматривает в Сант-Брайде за всем поместьем. Имея такую жену, он мог бы увеличить свои владения. Боль от потери была слишком ощутима.

Пальчики Уинн быстро перебирали пергаменты, пока наконец на дне шкатулки она не обнаружила то, что искала. Вытащив документ, она сравнила его с экземпляром Мейдока, потом, посмотрев на собравшихся, тихо произнесла:

— Такой же. Мой отец на самом деле обручил меня с Мейдоком, когда мне было шесть недель. Теперь не может быть и речи о браке между мной и Ризом из Сант-Брайда.

Риз застонал, от расстройства сжимая и разжимая кулак.

— Я не могу позволить, чтобы вы уехали из Гарнока моим врагом, — к удивлению Риза, сказал Мейдок.

«Его врагом? Кто я такой, чтобы в волшебнике наживать себе врага? — с горечью подумал Риз. — Неужели принц смеется над ним? Нет, не похоже».

— Вам нужна жена, — спокойно продолжил Мейдок. — Но не всякая

женщина подойдет вам, поскольку мать ваших наследников должна быть такой же редкостной жемчужиной, как моя Уинн. Вы не знали, что эта девушка была обещана мне, и я в каком-то смысле украл у вас невесту. Позвольте мне заменить ее вам моей собственной сестрой Нестой, прекрасной девушкой, о которой можно только мечтать, и к тому же хорошо обученной домашнему хозяйству — Вашей сестрой? — Риз знал, что выглядит в этот момент настоящим дураком, повторяя слова принца, но это его уже не волновало.

Неста из Пауиса славилась красотой. Говорили, что ей знакомо искусство волшебства. Он породнится с Мейдоком! Какое теперь имеет значение, что он потерял Гарнок! У него будет Неста и ее могущественные родственники. Риз чуть не прыгал от радости.

— Моей сестре семнадцать лет, и она сообщила, что готова выйти замуж, — продолжал Мейдок. — Она доверила свое состояние мне. Если вы согласитесь взять ее в жены, тогда я буду уверен, что мы уладим это дело ко всеобщему удовлетворению. Что скажете вы, мой господин из Сант-Брайда?

— Я скажу — да! — с восторгом ответил Риз, довольная улыбка осветила его лицо.

— А что будет с нами? — воскликнула Кейтлин, не в силах больше сдерживать себя. У ее старшей сестры будет принц, сестра принца получит Риза. А что с ней? И Дилис? — Мой господин, а как будет с мужьями, которых вы обещали нам? — потребовала ответа Кейтлин.

— Это ничего не меняет, госпожа, — ответил Риз, добродушно настроенный от свалившегося на него счастья. — Мы породнимся через брак, неважно, что я беру в жены другую женщину, моим кузенам из Коуда и Длина нужны хорошенькие холодные жены, чтобы обогреть и осчастливить их этой зимой, а также в будущем. Я обещал вам богатых молодых мужей, мои госпожи, вы их от меня получите!

— А когда нас обвенчают? — не вполне доверяя Ризу, спросила Кейтлин.

Лорд из Сант-Брайда повернулся к Мейдоку.

— Я должен обратиться к вам, мой господин, — учтиво произнес Риз:

— Гарнок теперь под вашим попечением.

Дьюи ап Льюилин прыгнул на стол и сердито посмотрел на двух мужчин.

— Нет, господа, я протестую, — яростно заявил он. — Я лорд Гарнока, хотя еще и мальчик. Я отвечаю за Гарнок, и никто другой! — Он стоял, расставив ноги, со сжатыми на бедрах кулаками, его темно-синие глаза

сверкали гневом.

— Мой юный шурин абсолютно прав, — добродушно произнес Мейдок — Мы с вами, Риз, провинились, грубо нарушив приличия. — Мейдок посмотрел на Дьюи и улыбнулся. — Спускайтесь на пол, мой господин. Вы завладели нашим вниманием. Если мы сейчас же не договоримся о дне бракосочетания вашей сестры, боюсь, это разгневет леди Кейтлин. — Он подал Дьюи руку и помог спрыгнуть со стола. — Что вы скажете о шестом дне сентября после сбора урожая, мой лорд Гарнока?

— А раньше нельзя? — Дьюи был разочарован.

— Мне кажется, твоим сестрам потребуется время, чтобы закончить приготовление приданого. Затем надо подумать и о моей сестре. Я думаю, что привезу ее в Гарнок, чтобы познакомиться с будущим мужем во время бракосочетания леди Кейтлин и леди Дилис. Конечно, с вашего позволения.

— Да, мой господин, славно придумано! — согласился Дьюи, хотя в душе мечтал поскорее избавиться от Кейтлин и Дилис.

— Я не увижу леди Несту до сентября? — разочарованно спросил Риз, как мальчик, впервые познавший любовь.

— Сначала надо составить брачный контракт и уладить между нами вопрос о приданом, — ответил Мейдок. — Наша покойная матушка всегда хотела, чтобы Несте достался Пендрагон, ее фамильный дом, последней наследницей которого по прямой линии она была. Я, безусловно, исполню волю моей матушки в этом деле, но, кроме того, мы с сестрой должны уладить вопрос с золотом, и ей еще нужно время, чтобы приготовить приданое. Думаю, мы назначим день свадьбы в день зимнего солнцестояния, мой господин, если это устроит вас. Пришлите ко мне как можно скорее священника, чтобы он позаботился о формальностях.

Неожиданно свалившееся на него богатство вскружило Ризу голову. Потеря Гарнока легко и быстро забылась в предвкушении приобретения Пендрагона, небольшого, но стратегически удачно расположенного замка на берегу моря неподалеку от его собственного поместья. Он всегда жаждал заполучить Пендрагон, который был неприступен для нападающих. Подобно своим соседям, Риз вынужден был отказаться от притязаний на него, не видя разумного способа овладеть им. Получение Пендрагона в качестве приданого Несты удвоит его владения. Хотя сам замок и невелик, но земли, принадлежащие ему, обширны и богаты.

Женившись на Несте из Пауиса, он, без сомнения, станет самым могущественным лордом на побережье. Взамен эфемерной возможности он получил абсолютную уверенность. Риз снял с мизинца золотой перстень с печатькой.

— Передайте это вашей сестре, мой господин, — сказал он важно. Это залог моей верности ей.

— Ваше внимание доставит Несте радость, — сказал ему Мейдок — У нее нежное сердце, и она ценит изящные поступки. Даря ей это кольцо, вы завоюете ее расположение.

От слов Мейдока Риз зарделся. Его бесхитростная куртуазность доставит наслаждение Несте. Как, должно быть, отличается эта девушка от холодной леди из Гарнока, с которой он едва не связал свою судьбу, чтобы защитить эти земли от мародеров, которые иначе могли попытаться украсть их у юного Дьюи ап Льюилина.

Он поднялся.

— Теперь я возвращаюсь в Сант-Брайд, — объявил он. — Мой принц, я вскоре дам вам о себе знать! — Риз сделал знак своим воинам, которые в Гарноке туго набили утробы свежим хлебом, знаменитым сыром и коричневым, как орех, эдем. — По коням! — скомандовал он, и все они с шумом затопали за ним из зала.

— Что ж! — сварливо сказала Кейтлин, подозрительно щуря глаза. Надеюсь, он сдержит слово и не проведет нас. Мне бы хотелось, чтобы день свадьбы наступил как можно скорее.

— Моя госпожа, отсрочки вашей свадьбы не будет, — заверил ее Мейдок. — Помните, Риз женится на моей сестре только после вашего и Дилис брака с его кузенами. В сердце Риза нет злобы. Вам нечего опасаться. Теперь, с разрешения вашего брата, я попросил бы вас и ваших младших сестер покинуть зал, поскольку у меня есть дело к лорду Гарнока, которое к вам не имеет отношения.

Шелестя юбками и, к удивлению, не проронив ни слова, Кейтлин удалилась из зала, за ней Дилис, ведя за руку Мар.

— Нам тоже уйти, мой господин? — учтиво спросила Энид.

— Не надо, госпожа, — ответил он, ласково улыбнувшись.

— Дело, которое я должен обсудить с лордом Гарнока, касается леди Уинн. Думаю, ей следует остаться. Вам тоже, поскольку вы умудрены опытом и, полагаю, внуки уважают ваше мнение.

Энид ответила ему улыбкой, думая про себя, что он самый обаятельный человек, несмотря на репутацию его семьи. Она посмотрела на старшую внучку, но ничего не могла прочесть по ясному лицу Уинн, что было плохим знаком.

— Ну что ж, мое дитя, — обратилась она к ней, желая выведать ее мысли, — ты молила Бога, чтобы он спас тебя от Риза, и вот он услышал твои молитвы.

— В самом деле, бабушка, я избавлена от Риза, но с какой целью? — воскликнула Уинн. — Почему ты мне ничего не сказала о брачном контракте?

— Потому что я не знала сама, — честно призналась Энид. — Вспомни, я появилась в Гарноке, когда тебе не исполнилось и годика. После смерти второго мужа я не захотела оставаться в его доме беспомощной вдовой, чтобы жестокий сын Хауела и его злая жена помыкали мной, как крепостной. Я предпочла вернуться в Гарнок и помогать Маргиад управляться с растущим семейством. Твоя мать радушно приняла меня. В промежутке между тобой и Кейтлин родился ребенок, который вскоре умер. Маргиад была счастлива иметь под рукой преданного и опытного человека. Твой отец никогда ничего не упоминал о брачном контракте, но подобная скрытность так похожа на него. Он редко обсуждал что-нибудь важное с твоей матерью или со мной, если только это напрямую не касалось нас или было неизбежно. И с тобой он оставался таким же. Поскольку его смерть — это просто несчастный случай, он был относительно молод и здоров и никак не ожидал столь ранней кончины, поэтому он никому из нас ничего не рассказал о документе. Если бы ты влюбилась в другого, тогда, по условиям контракта, выбор оставался за тобой. Нам повезло, что Мейдок узнал о смерти Оуена до твоего обручения с Ризом. — Энид побледнела. — Такой брак в глазах церкви был бы двое мужним, а дети считались бы незаконнорожденными.

— Не волнуйтесь, добрая госпожа, — успокаивал ее Мейдок — Сейчас все в порядке.

— Когда вы женитесь на моей сестре Уинн? — прямо спросил Дьюи.

— В следующий Белтейн, если ее это устроит и если она захочет выйти за меня замуж, — тихо сказал принц.

— У меня сейчас нет желания выходить замуж, — ответила Уинн, удивляясь сама себе, откуда у нее взялась смелость произнести подобные слова, когда она чувствовала себя еще слабой и беспомощной, только что избежав брака с Ризом.

— Вы решили посвятить себя церкви, госпожа? — спросил Мейдок, и, когда она отрицательно покачала головой, он продолжал:

— Тогда вы в конце концов должны выйти замуж. Поскольку мы с вами обручены и у вас никого нет, вы должны стать моей женой. — Он взял ее изящную ручку в свою. Пораженная, она чувствовала, как от него к ней переходила сила, наполняя ее тело.

— Я вас чем-нибудь огорчил, госпожа? — сказал он нежно, прекрасными глазами изучая ее лицо.

— Как вы можете огорчить меня, мой господин, когда я вас не знаю, — ответила Уинн, старательно избегая встретиться с ним взглядом.

— Вот поэтому я и назначил день нашей свадьбы почти что через год, дорогая, — ответил он, и что не удалось его взгляду, оказалось под силу нежному обращению. Жар вновь охватил ее.

— Это более чем справедливо, — сказал, к великому удивлению Уинн, Дьюи. — Это великодушно. Поскольку у тебя нет стремления посвятить себя церкви, то ты должна исполнить волю отца и выйти замуж за принца Мейдока.

— Разве ты не клялся, что выбор останется за мной? — почти что сердито настаивала Уинн.

— Да, я не отказываюсь от своего слова, сестра, но если не Мейдок, то кто тогда? В декабре тебе будет 16 лет, а ты уже отказала нескольким поклонникам из хороших семей с хорошей репутацией. Насколько я знаю, ты ни в кого не влюблена, и вот теперь мы узнаем, что ты обручена с этим человеком. Я знаю, мне не придется бояться за свою жизнь, когда он станет твоим мужем, как должен был бы я опасаться Риза из Сант-Брайда. Мейдоку не нужны мои земли. В самом деле, репутация его семьи оградит и меня, и Гарнок от возможных посягательств.

Уинн поразились, как ее младший брат верно понял ситуацию. Вчера он был лишь маленьким озорником, ушедшим ловить птиц. Сейчас он говорил с достоинством и логикой зрелого человека. Она была в растерянности и не знала, как в этих обстоятельствах ответить ему.

Несмотря на его юный возраст, он был во всем прав.

— А если, мой господин, узнав вас поближе, я пойму, что мы не подходим друг другу... вы отступитесь от меня?

Он медленно кивнул головой.

— Я не хочу брать женщину в жены против ее желания. После сбора урожая и свадеб ваших сестер я возьму вас с собой в свой замок на Скале Ворона. Вы составите компанию моей сестре Несте до зимнего солнцестояния, когда мы отпразднуем ее брак с Ризом. За это время мы и узнаем друг друга ближе. Наступит долгая зима, когда мы останемся одни и по-настоящему убедимся, подходим ли друг другу. Вы довольны, Уинн Гарнока?

— Оставить Гарнок?! — запротестовала она.

— Успокойся, сестра, — несколько нетерпеливо сказал Дьюи. — Ты ведь, конечно, не рассчитываешь, что принц Венвинвина останется здесь ухаживать за тобой. После урожая ты отправишься с ним в его замок и начнешь знакомиться с новыми владениями. Теперь, когда обо всем

договорились, я переоденусь. После моих приключений я вымок до костей. — Он встал из-за стола. — Бабушка, пойди и помоги мне.

— У вас глаза, как у пойманной птицы, — заметил Мейдок, когда они смотрели вслед уходящим Дьюи и Энид.

Уинн повернулась к нему, испуганная и пораженная его способностью читать ее мысли.

— Вы понравились моему брату, — сказала она, сделав вид, что не обратила внимания на последнее замечание Мейдока, — поэтому он постарается, чтобы наш брак состоялся, хочу я этого или нет, и неважно, что он предоставил мне свободу выбора. Первый раз после смерти отца он ведет себя как истинный лорд Гарнока, без скидок на возраст и отсутствие опыта.

— Вы хорошо его учили, госпожа, но не стоит бояться. Я не столь самонадеян, чтобы думать, что в случае вашего отказа пострадаю я или Гарнок. Выбор за вами. Клянусь вам в этом!

— Почему никто не хочет понять, что я просто не хочу выходить замуж? — в отчаянии произнесла Уинн.

— Но почему же, госпожа? — мягко спросил он. — Вы испытываете неприязнь к мужчинам?

— Не думаю, мой господин. Нет! Мне нравятся мужчины.

— Тогда что заставляет вас биться, как зверь в капкане, против неизбежного, госпожа?

— Свобода! Никому не принадлежать! Быть хозяйкой самой себе!

— Так оно и будет, когда вы станете моей женой, Уинн. Даже более свободной, чем сейчас, дорогая, ибо сейчас вы в собственных силках.

Вы прочно опутаны ими с помощью страха и неведения, но скоро вы освободитесь из западни, дорогая, я дам вам самое грозное оружие, чтобы побороть собственные страхи.

— Что же это за оружие? — шепотом спросила она, трепет пробежал в жилах от его слов.

— Любовь, — последовал простой ответ. — Любовь — величайшее оружие, которое знает человек, Уинн. Вы убедитесь сами, моя дорогая.

Скоро вы сами убедитесь!

Глава 3

Урожай выдался на славу, собрали его без потерь. Грядущей зимой его хватит, чтобы прокормить и скотину, и людей Гарнока. Лето было не таким сырым, как в Прошлые годы. Солнце помогло вырастить зерно и высушить сено. Когда урожай поспел, погода установилась солнечная и мягкая. Коровы мирно паслись на лесистых склонах холмов, где была густая и сочная трава. В садах висели яблоки, становясь с каждым днем тяжелее и слаще.

Уинн, Энид и малышка Мар присматривали в зале за многочисленными приготовлениями к двум свадьбам, которые будут праздноваться через три дня. Дьюи и Эйнион в последний раз отправились поохотиться, чтобы пополнить запасы кладовой. Женихи, сопровождаемые Ризом, приедут только накануне свадьбы. Мейдока и его сестру ожидали завтра.

Три месяца назад он провел в Гарноке всего одну ночь и с тех пор больше не появлялся. За все это время он написал ей несколько писем, одни были нежными, другие носили деловой характер. Он прислал Уинн подарки, при виде которых Кейтлин позеленела от зависти, поскольку ее жених прислал всего лишь одно дурно исполненное ожерелье, которое даже Уинн вынуждена была признать уродливым. В шкатулке из слоновой кости лежало полдюжины красивых золотых заколок для волос, украшенных розовым жемчугом. Прекрасная ирландская цепь червонного золота. Гранатовое и аметистовое ожерелья, к каждому из которых подобраны серьги. А однажды Уинн получила от него клетку из ивовых прутьев с бледно-зеленым зябликом. Ей не доводилось слушать ничего лучше его нежного пения. Мягкосердечная Уинн попыталась выпустить маленькое создание на волю. Но птичка, налетавшись по залу и саду, каждый вечер возвращалась в свою клетку, где прятала под крыло свою крошечную головку и крепко спала всю ночь до первого луча солнца.

Через месяц после своего отъезда из Гарнока Мейдок с гонцом прислал несколько кусков ткани: парчу, шелк, прекрасную мягкую шерсть, легкое тонкое полотно и украшенные драгоценностями ленты всех цветов радуги.

— С поклоном от моего господина, — сказал юный паж, когда его стражники внесли все это внезапное и нежданное изобилие в дох — Мой господин подумал, что, возможно, вы найдете среди его даров ткани,

которые понравятся вашим сестрам, и они сошьют из них свадебные платья.

С воплем восторга Кейтлин и Дилис, нимало не смущаясь, упали на ткани, и мгновенно началась дикая ссора из-за понравившегося куска материи.

— Передайте, пожалуйста, лорду Мейдоку мою благодарность за его доброту и заботу, — ответила пажу Уинн, предлагая ему и его людям отдохнуть и перекусить перед обратной дорогой. Затем ее внимание обратилось на сестриц. — Немедленно прекратите перебранку или ничего не получите, — пригрозила она им. — Напоминаю всем, что ткани мои и я вольна поступать с ними по своему усмотрению. Первой выберет себе бабушка, затем Дьюи и Мар. И только после них я позволю вам.

— Несправедливо! — возмутилась Кейтлин. — Мы невесты! Мы первыми должны выбирать!

— Поспори еще со мной, — мрачно сказала Уинн с угрозой в голосе, — и пойдешь под венец в сорочке с подстриженными волосами, чтобы показать лорду Коуду твою супружескую покорность.

— Я согласна подождать своей очереди, — быстро сказала Дилис, выронив из рук кусок парчи и проводя рукой по длинным золотисто-каштановым волосам, как бы желая убедиться, что они все еще на месте. Волосы были ее главным украшением, поскольку она была худенькой девушкой с резкими чертами лица, ее грудь только начала придавать ее фигуре мягкие очертания.

— Ты не посмеешь, — угрожающе зашипела Кейтлин, прижимая к груди особо любимившийся ей кусок шелка и вызывающе глядя на Уинн.

— Ничто, моя сестра, не доставит мне большего удовольствия, — заверила она Кейтлин, — но запомни: первое впечатление очень важно. Если надеешься командовать своим мужем, а я знаю, что именно этого ты и хочешь, Кейтлин, тогда ты должна привязать его к себе с самого начала. Сможешь ли ты это сделать, если я остригу тебя, как Эйнион стрижет овец?

Шелк выскользнул из ее рук, и она раздраженно отбросила его прочь.

— Цвет все равно мне не подходит, — расстроенным голосом проговорила она.

Уинн улыбнулась.

— Не знаю, но, возможно, ты права. Твой вкус в этих вещах тебя не подводит.

В конце концов Кейтлин досталась ткань, которую она выбрала первой. Энид облюбовала себе сине-фиолетовую материю, которая подходила к ее серебристо-седым волосам, и еще розовый шелк. Дьюи взял

черно-желтую парчу, оставив для Кейтлин медно-черную шелковую парчу, которая ей показалась необычной и элегантной. Дилис остановила выбор на своем любимом нежно-голубом шелке, который подходил к ее глазам и был расшит крохотными серебряными звездочками.

Энид настаивала, чтобы оставшиеся ткани взяла себе Уинн и сшила несколько новых красивых платьев и нижних туник. Она же считала, что сестры могут сделать еще несколько лишних платьев.

— Не знаю, зачем ты настаиваешь, чтобы я нашла себе столько новых вещей, — возражала Уинн. — Мне есть что носить. Более чем достаточно!

— Дитя, ты никуда не уезжала из Гарнока, — наставляла внучку Энид. — Хотя мне не приходилось бывать в замке Скала Ворона, знаю, что это место, которое ты себе и представить не можешь. Мейдок был необычайно добр, прислав все эти ткани, чтобы ты могла обновить свой гардероб. Тебе он пригодится, когда станешь его женой. Подожди, и увидишь сама! Я права, потому что я жила не только в Гарноке. Я знаю!

Слова бабушки задели Уинн за живое, но она не знала почему. Какой провинциалкой она покажется тем, кто живет в замке Скала Ворона? А что, если она им не понравится? Ее всегда все любили, но это были обитатели Гарнока, а не незнакомцы с неизвестным образом жизни и в чужом месте. С тех пор эта мысль не давала ей покоя. И вот сейчас она ждала приближения завтрашнего дня. Мейдок с сестрой будут здесь.

Через несколько дней она покинет свой родной дом. Единственное место, которое любила.

Уинн сердилась на себя за свою робость. То малое, что она узнала о Мейдоке, говорило о нем как о добром человеке. Конечно, и его люди тоже будут добры. А если ей не хватит опыта для жизни в прекрасном замке, она быстренько научится, как вести себя, и восполнит все пробелы в своих знаниях. Она заведет себе друзей. У нее их никогда не было. Только сестры. Нет, это не совсем верно. Эйнион был всегда ее другом, но он должен остаться в Гарноке, чтобы оберегать Дьюи и Мар.

И сестра Мейдока вскоре покинет родной дом и поселится в Сант-Брайде. Возможно, это единственное сходство поможет им подружиться, а вот найдет ли она там еще друзей? На сердце было беспокойно, но она выбросила из головы эти тревожные мысли, так как считала все это глупостью.

— Все вычищено, — удовлетворенно сообщила Энид, — В этом зале нет ни единой вещи, которую бы дважды не вычистили и не отполировали. — Она оглядела все вокруг и улыбнулась, заметив облегчение на лицах присутствующих. Всем им пришлось потрудиться на

славу — А если женихи поинтересуются, нам поклясться, что это все сделали Кейтлин и Дилис? — созорничала малышка Мар.

Бабушка и Уинн громко рассмеялись.

— К счастью, Мар, женихи молоды, их в первую очередь интересует красота невест. А так как наши сестры хорошенькие, мы можем смело так им и сказать, наши новые родственники не будут огорчены.

— Кейтлин и Дилис только и делали в эти последние недели, что поливались духами и натирались твоим кремом из жира ягненка и розовой воды, — сказала Мар.

— В моем креме не только это, — засмеялась Уинн. — Мне стоит научить тебя готовить его до моего отъезда, вдруг не представится больше случая.

— Да, — согласилась Мар, — лучше научи меня, сестра, а то Кейтлин и Дилис попрятали все баночки с кремом, которые ты запасла, в свои сундуки и ни одной не осталось!

Энид покачала головой.

— Что они станут делать, когда крем кончится, хотела бы я знать, ведь их совершенно не интересовало, как его приготовить.

— Они немедленно отправят ко мне гонцов, — со смехом ответила Уинн. Затем она посмотрела на сестричку — У меня припрятано немного крема, а завтра мы с тобой сделаем еще!

— Но уже не для Кейтлин и Дилис, — твердо сказала Мар.

— Нет, не для Кейтлин и Дилис, — успокоила ее Уинн.

На следующий день ранний приезд Мейдока и его сестры застал ее врасплох. Она была вместе с Мар в своей домашней аптеке, в старой выцветшей тунике, несколько коротковатой и с пятнами под мышками. Дьюи пришел позвать ее. В спальню можно было пройти только через зал. Не избежать осмотра со стороны принца и его сестры, утонченной сказочной девушки, у которой при виде босой Уинн глаза расширятся от удивления.

— Вы не могли прислать гонца, чтобы заранее уведомить о вашем приезде? — вместо приветствия раздраженно сказала Уинн.

— Но вы знали, что мы приедем сегодня, — смущенно ответил Мейдок.

— Но не точно, — смело ответила Уинн. — Я учила Мар готовить кремы для лица и тела в домашней аптеке, поскольку Кейтлин и Дилис опустошили мой запас полностью. Что подумает обо мне ваша сестра, когда я встречаю вас в таком виде?

Неста из Пауиса рассмеялась.

— Ох, — задыхалась она от веселья — Я так рада, что вы не трепещете перед Мейдоком! Я очень боялась, что он достанется какому-нибудь смиренному безмозглому существу, которое будет подпрыгивать при каждом его вздохе. И если ваш восхитительный цвет лица от крема, то я тоже хочу научиться его делать! Мы можем вернуться в вашу аптеку, сестра? Мой брат в состоянии позаботиться о себе сам.

Сестра! Неста назвала ее сестрой так легко, словно они знали друг друга всю жизнь. Уинн почувствовала, как в глазах ее закололо от слез, она с трудом сглотнула их, лицо ее озарилось улыбкой, когда сестра Мейдока взяла ее под руку. Они станут друзьями!

— Вам не стоит бояться, что сестра моя послушна и застенчива, — подтрунивал Дьюи, — Она никого не боится... или по крайней мере в этом меня уверяет. Я ведь еще не взрослый.

— Паршивец. — Уинн рассмеялась, хорошенько шлепнув его.

Потом она повела Несту в аптеку, где Мар добавляла розовую воду в жирную массу. Представив ей сестру Мейдока, Уинн начала обучать обеих девочек искусству приготовления крема красоты. С помощью трех пар рук ее маленькие каменные горшочки вскоре были наполнены, аккуратно запечатаны пчелиным воском, покрыты кусочками холста и поставлены подальше на высокую полку, где ни Кейтлин, ни Дилис не смогут найти их. После этого Мар убежала, а Уинн и Неста остались, чтобы навести в аптеке порядок.

— Расскажи мне о Ризе из Сант-Брайда, — попросила Неста. — Он ведь был твоим поклонником, верно? — Она мыла ступку и пестик, которыми недавно пользовалась Уинн.

— Нежеланным, — ответила Уинн, медленно вытирая утварь.

— Почему? — В слегка золотистых глазах Несты отразилось любопытство. — Он показался тебе физически неприятным?

— Нет, просто нежеланным поклонником, потому что я сейчас не хочу выходить замуж, — объяснила Уинн. — Что же до его внешности, думаю, ты сочтешь ее привлекательной. Он среднего роста, крепкого телосложения, с бычьей шеей. Воин до мозга костей. Похоже, в нем нет никакой деликатности. Сила буквально исходит от него. — Уинн начисто вытерла каменные стойки.

— И все же ты не боишься его, — заметила Неста.

— Я не показала своего страха, но боялась его. Вероятно, не столько его самого, сколько того, что он может увезти меня из Гарнока и причинить вред Дьюи. Он хотел взять меня в жены отнюдь не по романтическим мотивам. Брат слишком юн и не достиг зрелости. Если он умрет, я

унаследую эту землю. Думаю, именно это и привлекало во мне Риза. Он честолюбив.

— В честолюбии нет ничего плохого, — задумчиво проговорила Неста, — но мне понятны твои опасения за маленького брата, ты умно поступила, послушавшись внутреннего голоса, сестра. Расскажи мне еще о Ризе. Какого цвета у него глаза? Волосы? Не могу представить себе его лицо.

— Ты не боишься? — спросила Уинн. — Твой брат обещал тебя человеку, которого ты даже не знаешь, и сможешь ли его полюбить.

Неста улыбнулась.

— У меня нет призвания служить Богу. Поэтому я должна выйти замуж.

Я никого не люблю. Я доверяю Мейдоку в выборе мне мужа. Надеюсь, он поступит мудро. Я унаследовала от матери Пендрагон, но не могу жить в нем без мужа. Выбери Мейдок человека с владениями внутри страны, что проку тогда в Пендрагоне для меня или для него? Замок Риза совсем близко от моего. Но расскажи мне о нем побольше! — Неста сняла фартук, который ей дала Уинн, чтобы не испачкать платье.

— Лицом он настоящий кельт. У него светло-зеленые, почти серебристые глаза, а волосы темно-каштанового цвета. Он носит бороду, думаю, это предмет его неустанной заботы, поскольку она красиво подстрижена, и усы, которые обрамляют рот и спускаются к бороде.

Рот у него большой, губы полные и чувственные. Да, он привлекателен.

Не думаю, что он разочарует тебя, но что касается характера, знаю только, что он упрям.

Неста опять заливисто рассмеялась.

— Иначе говоря, тебе не удалось отпугнуть его, — сказала она.

Уинн печально покачала головой.

— Я не смогла. Если б не появился твой брат, не знаю, что со мной было бы.

— Мейдок искусен в этом, — ответила Неста. — Он всегда появляется в тот момент, когда в нем больше всего нуждаются.

— Это правда, что люди говорят о вашей семье? — спросила Уинн, одолеваемая одновременно любопытством и страхом, какой последует ответ. Неста улыбнулась.

— Да, — просто ответила она, — но одни искуснее других.

— А Мейдок?

Неста кивнула.

— Он умный человек, Уинн, но я не знаю ни одного случая, чтобы он использовал свою волшебную силу несправедливо либо со злобой.

По правде говоря, мне даже неизвестна глубина его мудрости.

— А твои способности? Они такие же? Прости меня, но мне надо знать, с чем я столкнусь в замке Скала Ворона. Мне неведом другой мир, кроме Гарнока. Наверное, по-твоему, я рассуждаю, как ребенок, — закончила Уинн, вытерев каменный стол.

— Нет, ты не ребенок Твои заботы, сестра, естественны. — Неста вновь взяла ее под руку. — Мои способности лишь чуть больше твоих. Видишь ли, я сводная сестра Мейдока. У нас разные отцы, а лорды Венвинвина наследуют свою силу по мужской линии, не по женской. Большинство людей не знает об этом и думает иначе. У нас с Мейдоком есть еще брат, Брайс, у которого со мной один отец. Брайс позволяет людям думать, что он тоже наделен волшебной силой, хотя на самом деле это не так.

— Я и не знала, что у тебя есть еще брат!

— Брайс отдалился от нас. У него свое поместье в Кей. Не думай о нем. Теперь скажи мне, когда придет Риз? Мне не терпится познакомиться с ним.

— Он будет накануне свадеб, — сообщила ей Уинн по дороге к дому. — Риз сопровождает двух женихов, своих кузенов. Но я предложила ему погостить у нас несколько дней после торжества, поскольку подумала, что тебе потребуется время для знакомства с ним.

— Вероятно, мы позволим ему вместе с нами вернуться на Скалу Ворона. Не знаю, что из себя представляет Сант-Брайд, но, думаю, будет справедливо дать Ризу возможность познакомиться с моим изысканным домом, чтобы он мог как следует подготовиться к моему приезду после свадьбы, — гордо сказала Неста.

Уинн кивнула.

— Да, ты умна, сестра. — Она покраснела, произнесла слово «сестра», хотя ей казалось, что они давно знают друг друга. С Нестой было так легко говорить, и она была столь искренна в своих суждениях. — Риз долгое время жил холостяком, некому было присматривать за домом.

Если он подобен большинству мужчин, тогда дом его, возможно, похож на свинарник!

А в зале, удобно устроившись, Мейдок беседовал с Энид. Уинн отметила, что впервые за долгие месяцы бабушка чувствовала себя счастливой и спокойной. Принц явно нравился ей. Если б только я могла быть уверена, подумала про себя Уинн, затем вся вспыхнула, когда Мейдок

поднял глаза и посмотрел прямо на нее, словно она вслух произнесла эти слова, — Не делайте этого! — сердясь, сказала она ему. — Вы не имеете права.

Чувствуя за собой вину, он покраснел.

— Простите меня, дорогая, но моя душа настолько созвучна вашей, что трудно не услышать ваши мысли.

— В таком случае научите и меня, чтобы мы с вами были на равных, — сказала Уинн, слегка смягчившись.

— В чем дело? — спросила Энид, смущенная их словами.

— Ничего такого, бабушка, что обеспокоило бы тебя, — ответила ей Уинн.

— Погуляйте с принцем в саду, который выходит на реку, — посоветовала она внучке. — Пока ты трудилась в аптеке, он все это время развлекал старую женщину. Восполнила запасы крема?

— Да, и спрятала так, что ни Кейтлин, ни Дилис не найдут. Они не подумали о других, взяв без разрешения весь запас.

— Но это так на них похоже, — ответила Энид. — Пойди с Мейдоком, дитя. А я провожу Несту в спальню, чтобы она смогла там отдохнуть. Пока она у нас в гостях, вы будете спать на одной кровати.

— Расскажите мне про этот сад с видом на реку, — сказал Мейдок, беря Уинн за руку, когда они вышли из зала в солнечный полдень.

— Это всего лишь маленький клочок земли, — ответила с улыбкой Уинн. — Моя мать и бабушка настояли разбить на нем сад и выходили его.

Как вы видите, дом построен на высоком мысу, который выдается в реку. Завладеть домом с тыла невозможно, поскольку стены предохраняют с двух сторон, а скала такая крутая, что с реки на нее влезть невозможно. — Она грациозно взмахнула рукой. — А вот и наш крошечный садик, мой господин. Ничего в нем нет особенного, но бабушка его очень любит.

— Вам он тоже нравится, — заметил Мейдок, и она кивнула в знак согласия.

— Да, я люблю сидеть здесь на маленькой скамье и смотреть на дальние холмы. Так спокойно. Как вы успели заметить, стена тут совсем не нужна, садик обрывается над рекой, но матушка посадила там розы, чтобы нельзя было подойти к краю и упасть.

— Дамасская роза, мне нравится аромат.

— Вам знакома дамасская роза? — удивилась Уинн.

— В моем поместье, дорогая, есть красивые сады, и они с нетерпением ждут прикосновения ваших нежных и умелых рук. Вот уже два года, как умерла моя мать, и они несколько запущены. Вам бы

понравилась моя мать. Неста на нее очень похожа.

— Неста мне сказала, что у вас есть еще брат, — обронила Уинн.

Тень промелькнула по лицу Мейдока.

— Брайс из Кей. Да, но мы не встречаемся. К сожалению, у Брайса беспокойный характер. Он мог бы оказаться опасным, если бы я допустил это, но я этого никогда не сделаю. Я вижу, вы в своем саду выращиваете душистые травы, — обратил внимание Мейдок, ловко меняя тему разговора, которой он явно не хотел касаться.

Проявив уважение к его желанию избежать дальнейшего разговора о брате, хоть ей и было интересно, Уинн сорвала кусочек лаванды, растерла между пальцами и поднесла руку к его лицу — Моя лаванда необычная, я ее выращивала так, как кто-то, возможно, выращивает корову Мне кажется, она душистее других, я захвачу с собой семена, чтобы посадить в замке Скала Ворона.

Он оценивающе понюхал траву, а затем, взяв ее пальчики, поцеловал их.

— Мне кажется, вы питаете склонность к пальцам, мой господин. — И, хотя взор ее был мрачен, в глазах загорелись огоньки.

Отпустив ее руку, он сказал:

— Вы для меня загадка, Уинн. Я не знаю, как обращаться с вами, чтобы своими действиями не напугать и не обидеть вас. То вы колючи, как морской еж, то пугливы, как лань. Мне приходится действовать интуитивно. Что мне еще остается делать?

— Что вы хотите от меня, мой господин? — прямо спросила его Уинн. — Я чувствую, что здесь кроется нечто большее, чем просто женитьба.

— Сейчас, дорогая, мне бы просто хотелось вашей любви, — ответил Мейдок, искусно избегая прямого ответа, поскольку правда сейчас была бы слишком крепким напитком для нее.

— Не знаю, смогу ли полюбить вас, мой господин. Я люблю своего брата, Мар, бабушку. Думаю, могу питать чуточку нежных чувств к Кейтлин и Дилис Я любила родителей, люблю Эйниона, который оберегает меня с детства. Я даже привязана к большому ворону, которого зову старина Дью. Но то, что я питаю к этим добрым душам, мне кажется, совсем не то, что вы ждете от меня, Мейдок Пауиса. Я даже не знаю, способна ли я на это. Кроме того, существует ли на самом деле чувство, именуемое любовью?

— Вы говорите мне, дорогая, что никогда не любили мужчину, однако рассуждаете как опытная женщина, которую кто-то глубоко обидел, —

ответил он.

— В самом деле? — Уинн искренне была удивлена. — Как странно, тем не менее я сказала вам правду, так я чувствовала с детских лет.

— Вероятно, в другое время и в другом месте вы приобрели этот печальный опыт, который сохранился, чтобы мучить вас в это время и в этом месте.

Она медленно кивнула.

— Возможно.

Мейдок счел весьма интересным то, что она приняла на веру его слова, его занимала мысль, поняла ли она теорию перевоплощения. Это была мудрость, старая как мир, понимаемая и признаваемая их кельтскими предками и когда-то даже проповедуемая христианской верой.

Жертва Христа делала это простое учение еще более понятным для тех, кто верил. Бессмертная душа, дар Творца, будет возрождаться вновь и вновь в человеческой оболочке, борясь за свое совершенствование. Человеческая душа, как необработанный драгоценный камень в своей первоначальной ипостаси, постоянно трудится над собой, отшлифовывая себя до совершенства, чтобы однажды она могла переместиться на следующий уровень духовного существования. Много веков назад церковь перестала проповедовать учение о перевоплощении. В те далекие времена масса верующих состояла из простых людей, которые не правильно понимали его. Перевоплощение для них было оправданием порочной жизни, расплата за которую наступит для них в другой жизни. Но поскольку цель учения состояла не в этом, церковь просто перестала проповедовать достижение высшего духовного совершенства. Это знание составляло существенную часть многих других религий.

Сердцем и душой Мейдок был кельтом. Он знал, что нежелание Уинн выходить замуж исходит из другой жизни. Причина этого, конечно, таится не в сегодняшнем дне и не в этом месте. Он знал, откуда оно пришло. Эту загадку Уинн должна решить для себя сама. Он ничем не мог помочь ей, только любить и успокаивать. Возможно, со временем в ее душе воцарится согласие. Или, может быть, она вспомнит. Он ждал и одновременно боялся этого момента.

— Когда ваши сестры выйдут замуж, мы возвратимся в мой замок Скала Ворона. Там мы лучше узнаем друг друга. Возможно, вы даже научитесь любить меня. Придет праздник Белтейн, и я возьму вас в жены, Уинн Гарнока.

— А вы, Мейдок, научитесь любить меня?

— Думаю, я уже научился, дорогая. Разве вы забыли, что я знаю вас с

детства?

— Как это может быть, мой господин? Я ведь узнала вас всего три месяца назад! Вы выглядите льстецом.

— В свое время вы все узнаете, Уинн, — пообещал Мейдок, — но до многого вам придется дойти самой. Я расскажу вам только часть и только тогда, когда наступит нужный момент.

Она рассмеялась.

— Вы говорите загадками, мой лорд Пауиса, но вы по крайней мере не напыщенны и не скучны.

Мейдок сорвал цветущую дамасскую розу с живой изгороди и вдел в густую косу Уинн.

— Неужели я такой прозрачный, что вы видите меня насквозь, — с улыбкой подшутил он над ней.

— Не уверена, что вообще вижу перед собой вас настоящего, мой господин, — мудро ответила Уинн.

Он засмеялся.

— Это временное преимущество, которое я буду недолго смаковать, потому что мужчина не может хранить его при более длительном знакомстве с дамой сердца.

Уинн рассмеялась.

— Так вот, мой господин, я бы вам не посочувствовала, знай я вас лучше.

— Насколько я понимаю, мне не ждать от вас пощады, госпожа?

— Никакой, — весело согласилась она, удивленная тем, что ей начинает нравиться этот человек.

Кейтлин и Дилис не вышли к ужину, передав со служанкой, что им нужно отдохнуть перед утомительными празднествами.

— Я бы могла понять их, если б они помогли в приготовлениях к их же свадьбам, но ведь они палец о палец не ударили, часами отмокали в дубовой ванне и мазались кремом, пока, должно быть, не стали скользкими как угорь, — пробормотала Энид.

— Неужели, бабушка, тебе на самом деле хотелось, чтобы Кейтлин и Дилис помогали тебе? — сказал Дьюи, озорно сверкая голубыми глазами. — Нам всем гораздо лучше было без них. Что касается меня, я просто благодарен им за их отсутствие.

— Дьюи! Что подумают принц и его сестра, не увидев у тебя братской любви к сестрам?

— Есть сестры, — тихо заметила Неста, — которых нелегко, нет, просто невозможно любить. Боюсь, мы не можем любить человека только

потому, что он наш родственник.

— Вот видишь! — воскликнул Дьюи. — Леди Неста понимает, а ты, Уинн, нет.

— Я вижу, у леди Несты манеры лучше, чем у лорда Гарнока, мой брат.

Она пришла тебе на помощь, а ты поставил нас всех в неловкое положение.

Дьюи быстро понял свою сестру и покраснел.

— Прошу прощения, мой лорд, дамы.

Следующие два дня пролетели незаметно. В Гарноке стояла суматоха от приготовлений к свадьбам. Дьюи объявил праздник в честь двух невест, и его крепостные в тот день будут освобождены от работ в поле, хотя коров дважды в день все равно надо будет доить. Надеялись, что день будет ясным, поскольку торжества хотели проводить вне дома.

Хотя их семья была невелика и они пригласили всего несколько близких соседей, народу ожидалось много. Риз прибудет с большим отрядом воинов, и женихи, конечно, приедут со своими родственниками.

Они получили известие от Риза, когда тот со своими людьми был лишь в часе езды от Гарнока.

Уинн пробежала глазами послание. Лорды Коуда и Длина везут с собой вдовствующих матерей и еще есть сестра, правда, Риз не сообщал, чья она.

— В коровнике рядом с домом хранятся кровати, — вспомнила Энид. — Пошлю за ними, мы поставим их в спальню. — Она повернулась к Кейтлин и Дилис, которые мазали друг другу руки кремом. — В конце зала, в сундуках, есть матрасы и занавески. Принесите их и приготовьте постели для наших гостей.

— Но мы испортим себе руки, — заскулила Дилис.

— Если вы этого не сделаете, — пригрозила Энид, — никто за вас не станет делать. Вы думаете, матери женихов позволят вам выйти за них замуж, если вы не удосужились позаботиться об их удобстве? Но если вы предпочитаете остаться здесь старыми девами, я вам в этом не помеха, Без возражений Кейтлин и Дилис поднялись и поспешили исполнить бабушкино поручение. Энид хитро улыбалась.

Риз и его отряд наконец прибыли. Когда лошадей поставили в конюшни, а гостей провели в зал, началось знакомство.

Артур из Коуда был долговязым парнем с большим адамовым яблоком. Цвет его прямых волос не поддавался описанию. Как ни старалась Уинн, она не смогла определить и какого цвета его внимательно разглядывающие все глаза. Он ухмыльнулся, довольный, показав дурные зубы, когда его

представили Кейтлин. Он сгреб ее и запечатлел мокрый звонкий поцелуй на ее безупречной щечке.

— Клянусь распятием, кузен, — обратился он к Ризу, словно Кейтлин вовсе здесь не было, — ты посадил прелестную голубку в мое гнездо! С радостью наполню ее живот своим семенем. — Он крепко обнимал Кейтлин за талию и, похоже, не скоро собирался отпустить ее.

Кейтлин вспыхнула. В глазах появилось злое выражение, но она не могла дать выход ярости, так как будущий супруг представлял ее женщине огромных размеров, чьи крошечные глазки едва виднелись на заплывшем жиром лице. Это была его мать, леди Блодвен.

— Какая ты хорошенькая, — медовым голосом сказала леди Блодвен. — Я так рада, что мой сын берет тебя в жены и ты приедешь в Коуд ухаживать за мной. Ты, должно быть, знаешь, что у меня слабое здоровье.

Прежде чем Кейтлин смогла произнести хоть слово, Риз вытолкнул вперед другого кузена, Хауела из Длина, чтобы представить Дилис. Это был необыкновенно красивый молодой человек, со светлой кожей, темно-кариими глазами и белокурыми волосами. Он критически оглядел Дилис, потом заскулил.

— Риз, она не такая хорошенькая, как первая. Почему у Артура должна быть лучше? Что ты думаешь, матушка? — Он обратился к женщине, которая могла сойти за его сестру Она совсем не была похожа на мать.

— Она прекрасно подойдет, Хауел. Не все такие красивые, как ты, мой дорогой мальчик. Она довольно хорошенькая, и ты сможешь получать от нее удовольствие без отвращения, но не такая красивая, чтобы другой мужчина домогался ее. С ней ты будешь уверен, что сыновья будут твоими. Поцелуй ее сейчас же, а то люди подумают, что я совсем не научила тебя хорошим манерам.

Дилис, несмотря на их слова, пришла в восторг. Красивее Хауела из Длина она никого не видела.

— Ох, — прошептала она тихо, — как вы красивы, мой господин!

Довольный ее почтительностью, Хауел поцеловал Дилис и, отступив назад, улыбнулся ей.

— Я дам тебе красивых сыновей, госпожа, — сказал он.

Леди Глэдис, так звали мать Хауела, затем представила свою дочь, Пвенду, гордую девочку одиннадцати лет. Она взяла ее с собой, узнав, что лорд Гарнока еще ни с кем не обручен. Пвенда была такая же светленькая, как ее мать и брат. Чертами характера девочка напоминала Дьюи его

сестрицу Кейтлин, и он не проявил к ней большого интереса. Поскольку это осталось незамеченным, леди Глэдис возлагала на Дьюи большие надежды. Она нашла Дилис безобидной, и тем не менее оставаться в Алине вечно леди Глэдис не хотела.

Хорошо было бы закончить свои дни в Гарноке. Да и старая бабушка не вечна.

Обрученные пары гуськом удалились. Энид предложила матерям вино и удобно усадила их у камина, думая при этом, как привлекательны стоящие рядом Мейдок и Уинн. Риз нервно переминался с ноги на ногу, стараясь не слишком явно оглядываться по сторонам.

— Вы найдете мою сестру в саду за залом, — сказал ему Мейдок. — Она не захотела уменьшать радостного волнения Кейтлин и Дилис. — Он улыбнулся, Уинн тоже. — Ступайте к ней, мой лорд.

Риз могучим усилием воли постарался не показать своего нетерпения, но он едва смог сдержать себя, чтобы не броситься опрометью из зала. Когда он вошел в маленький садик, у него от изумления открылся рот. Самая восхитительная в его жизни девушка, безусловно, самая утонченная на всем белом свете, стояла, ожидая его, протянув к нему навстречу руки. Его поразила мысль, что он всю жизнь ждал эту женщину, он понял это с первого взгляда. Она стояла у живой изгороди из цветущих дамасских роз — дикий завораживающий фон для ее темно-рыжих волос с огоньками цвета меди, которые, кажется, перемещались по ней почти как гранатовая изморось. Ее лицо напоминало сердечко, с прямым крохотным носиком, ротиком, словно бутон розы, по обеим сторонам которого были глубокие ямочки, и самые восхитительные золотистые глаза, которые Ризу доводилось видеть.

Неста была облачена в голубовато-зеленую с золотом парчу, а под ней виднелась нижняя шелковая туника такого же цвета. Узкий золотой обруч обвивал лоб, удерживая ее замечательные волосы. В центре его украшал лунный камень.

— Приветствую вас, мой дорогой лорд Сант-Брайда, — сказала Неста своим чистым музыкальным голосом и шагнула ему навстречу Риз из Сант-Брайда упал перед ней на колени и поцеловал маленькие ручки девушки. Это замечательное создание предназначено ему!

Внезапно он почувствовал робость и чуть не закричал от радости, если б его не душили слезы. Чем он, большой грубый человек, заслужил такое истинное сокровище?

— Госпожа, — смог наконец вымолвить он, нимало не смущаясь тем, что, должно быть, выглядит нелепо.

Обхватив своими пальчиками, насколько можно было, его руки, она заставила его подняться и с восхищением сказала, когда он снова встал:

— Вы такой огромный! Мне кажется, я никогда не знала такого большого человека, но я вижу, вы еще и нежны, хотя и скрываете это, чтобы никто не подумал, что вы слабый. — Она поднялась на цыпочки и, наклонив его голову, нежно поцеловала в губы.

К своему удивлению, Риз почувствовал, как по бородатой щеке его скатилась слеза.

Неста широко улыбнулась ему и пальчиком смахнула слезу — Все хорошо, мой господин. Мы нашли друг друга, и ничто не разлучит нас. — Потом она еще поцеловала его. Риз задрожал, обняв ее сильными руками, опасаясь, как бы ненароком не причинить ей боль, уж таким она была хрупким созданием.

Уинн вместе с Мейдоком, наблюдая за ними, покачала от удивления головой.

— Она совсем не боится его, а я боялась. Не понимаю.

— Он был не для тебя, моя дорогая, — ответил Мейдок.

— А вы? — слегка улыбнувшись, спросила она.

— Я — да, — тихо ответил он, крепко обнимая ее рукой. Затем, нежно взяв пальцами за подбородок и слегка повернув к себе ее голову, он на миг коснулся губами ее губ.

Почувствовав тепло его прикосновения, она от удивления широко раскрыла глаза. Услышав в его голосе веселые нотки, Уинн резко заметила:

— Конечно, я не знаю, как надо целоваться! Я никогда не занималась этим раньше. Несомненно, вам достанется не распутная жена! — Затем она подступила к нему ближе. — Научите меня правильно целоваться, Мейдок. Я заметила, что люди, должно быть, находят в этом большое удовольствие.

— С радостью научу вас, моя дорогая, и доставлю столько удовольствия, сколько захотите, клянусь вам! — пообещал Мейдок.

— Хорошо! Начнем сегодня после ужина, когда я освобожусь от дневных забот. Хотя мы и обещаны друг другу, вы должны ухаживать за мной, если хотите завоевать меня. Поцелуйи ведь часть ухаживания, не так ли, мой господин?

Он заметил, как щеки у нее порозовели.

— Да, очень большая часть, — ответил он.

Держась за руки, они вернулись в зал. Уинн не позволила бы собственному любопытству одержать верх над обязанностями хозяйки дома. Она, к своей радости, не застала ни одного из кузенов Риза, а у сестер жалоб не было вовсе. После первого потрясения, когда жених обращался с

ней, как с племенной кобылой, Кейтлин искусно приступила к завоеванию Артура и леди Блодвен. Она пришла к заключению, что ее суженый клонет на лесть, несмотря на его мужественность. И она немедленно начала ему льстить, позволив самые неистовые и смелые вольности, включая страстные поцелуи и шаловливые ласки в укромных уголках зала, где их никто не мог видеть.

— Ох, — нежно воскликнула Кейтлин, когда Артур с жаром стиснул ее полную грудь. — Вы разожгли во мне пожар, мой лорд! Я невинная девушка, но чувствую, вы будете могучим любовником. Я никого, кроме вас, никогда не захочу! — Она прижалась к нему, влажные губы полуоткрыты, вытянутая рука смело ласкала его. Кейтлин едва не рассмеялась над его остекленевшим взглядом, увидев, с какой легкостью она превратила его в своего раба. И теперь, принимая его влажные поцелуи, она была уверена, что в браке будет поступать по-своему. Что же касается старой жирной коровы, то есть леди Блодвен, Кейтлин моментально поняла, что ее свекровь желает только выслушивать лесть, иметь неиссякаемый запас засахаренных фруктов и ничего не делать. Девушка надеялась, что в Коуде есть умелые рабы. А если они окажутся неумехами, Кейтлин проследит, чтобы в доме все шло гладко, хотя сама предпочитала не заниматься домашними делами. Она многому научилась, наблюдая за старшей сестрой. То, что она руки не подняла, чтобы сделать какую-нибудь работу по дому, не означало, что Кейтлин не знала, как ее следовало выполнить. Своим женихом она осталась довольна.

И Дилис тоже. Она не отличалась умом, как Кейтлин, но своим постоянным невинным обожанием сразу же завоевала расположение Хауела. Красавец Хауел был тщеславен сверх меры. Дилис, очевидно, не собирается ничего менять в их жизни. Так же как леди Глэдис, она будет осыпать похвалами красивого супруга. Ее сразу же радушно приняли в новую семью. Ее свекровь была особенно нежна с Дилис. Она надеялась лестью найти в девушке союзницу, которая помогла бы повлиять на Дьюи, чтобы тот был благосклонен к ее дочери. Леди Глэдис не знала, что Дилис совсем не имеет влияния на юного лорда Гарнока.

После ужина женщины удалились в спальню. На первой мессе завтра утром молодые будут обвенчаны. До полудня их будут чествовать, затем они уедут, — в Гарноке не было возможности разместить одновременно две пары новобрачных в первую брачную ночь. Поэтому они разъедутся по своим поместьям, чтобы завершить свадебный обряд.

Уинн лично проследила, чтобы дамы с комфортом расположились на ночь в спальне. Были поставлены две кровати для свекровей. Гвенда будет

спать в одной постели с матерью, а две служанки, сопровождающие этих дам, разместятся на выдвижных кроватях подле своих хозяек. Для умывания приготовили большой запас воды.

Внизу в зале Энид проследила за приготовлением постелей для мужчин и проводила каждого на его место, проверила, достаточно ли покрывал и сгребли ли угли в очагах на середину. Стражников устроили в конюшне и надежно закрыли дверь. Заметив Мейдока, устремившего взор на лестницу, Энид тихо сказала;

— Она должна отдохнуть, мой господин. Все завтрашние приготовления лягут на ее плечи.

— У нас назначена встреча, госпожа, — признался он.

Энид покачала головой.

— Думаю, не сегодня.

Он учтиво поклонился.

— Как пожелаете, госпожа. Но передайте Уинн мои сожаления.

— Хорошо, — пообещала Энид и ласково похлопала его по щеке. — У вас будет много времени узнать мою внучку после завтрашних торжеств.

Он улыбнулся ей в ответ.

— Теперь я вижу, откуда берет силы Уинн, госпожа.

Энид рассмеялась.

— Возможно, но Уинн очень самостоятельна, мой господин. Никогда не забывайте об этом.

— Подозреваю, что она не позволит мне забыть, госпожа, — последовал его ответ. Энид кивнула, поднимаясь по лестнице в спальню. Там она увидела Уинн, собиравшуюся спуститься в зал.

— Нет, дитя, я сказала Мейдоку, что тебе нужен отдых. Завтра у нас будет трудный день и большая часть забот ляжет на тебя. Я слишком стара для этого.

Уинн была разочарована, но понимала, что бабушка права. Кроме того, ей хотелось услышать впечатление Несты о Ризе. Ей было интересно, как миниатюрная сестра Мейдока столь легко покорила великана Риза. Как только они вернулись вдвоем в зал далеко за полдень, стало ясно, что он трогательно влюблен в сияющую Несту Пауиса.

Оставшись в одной рубашке, Уинн, как обычно, умылась и забралась в постель.

— Я думала, у тебя встреча с Мейдоком, — сказала удивленная Неста.

— Бабушка велела ложиться спать, завтра у нас тяжелый день, — ответила Уинн. — Расскажи о Ризе. Ты, должно быть, так легко приручила столь свирепого человека с помощью волшебных чар?

Раздался нежный, как звон колокольчика, смех Несты.

— Уинн, здесь нет никакого волшебства, клянусь тебе! — Она перевернулась на своей половине кровати и посмотрела в красивое лицо Уинн — С детства я мечтала выйти замуж за человека, похожего на Риза.

Огромного, как медведь, и с сердцем нежным, как яичная скорлупа.

— Риз? Мягкосердечный? — не веря своим ушам, прошептала Уинн.

Неста опять рассмеялась.

— Да, — ответила она. — Мягкосердечный! Клянусь, это правда, Уинн.

Только он не смеет показать себя таким на людях. Ты ведь понимаешь, верно?

Уинн кивнула.

— И ты его любишь?

— Сейчас еще нет, — честно призналась Неста, — но когда узнаю лучше, полюблю. — Она улыбнулась. — Когда твои сестры выйдут замуж и разъедутся, мы так хорошо будем проводить время! Возьмем хлеб, ваш замечательный сыр, сладкое вино и устроим пикник в холмах около Гарнока.

— Если позволит погода, — практично заметила Уинн.

— Она будет хорошей, — убежденно ответила Неста — Давай спать, леди Энид права. Тебе нужно отдохнуть.

Впервые за долгое время Уинн хорошо выспалась. Когда главная домашняя рабыня Ди коснулась ее плеча, чтобы разбудить за час до зари, Уинн поднялась освеженная. Одеваться в нарядное платье было слишком рано. Она вынула из сундука старую тунуку, перехватила ее поясом и поспешила вниз. С удовольствием она отметила, что огонь в камине весело полыхал. Отперев дверь зала, она заторопилась в пекарню, где из печей вынималась уже вторая порция свежих хлебов. Одобрительно улыбнувшись и помахав рукой пекарю, она поспешила в хлев, где коров уже подоили, а в сыроварне на каменных столах лежали свежие сыры, приготовленные для отправки в зал. В домике, где размещалась кухня, повар Гвир, размахивая ложкой, давал указания помощникам, что они должны сделать на кухне и на дворе, где были уже установлены вертелы для большой туши оленя, быка и четырех молодых барашков, которых сейчас поворачивали над огнем. На кухне повар жарил каплунов, уток и молодого кабана. Уинн чуть не столкнулась с поваренком, несущим в пекарню противень пирожков с дичью.

Гвир, суетливый мальй, громко закричал:

— Только урони пироги, ты, неуклюжий дурак, — угрожал он, — и я

из тебя самого сделаю фарш!

Мальчик бросил на повара нахальный взгляд, нисколько не боясь его угроз.

— Сначала поймай меня! — засмеялся он.

— Рыба будет к столу? — спросила Уинн.

— Да, моя госпожа! Морская форель, фаршированная лобаном, который начинен устрицами. Она будет сварена в вине и с травами на пару и подана с ломтиками лимона на листьях свежего кресс-салата.

— Ты художник, — похвалила Гвира Уинн. — А сладости готовы?

— Да, Гарри, пекарь, приготовил невестам сахарный торт, а мы залили в формочки розовое желе, сделали засахаренные фиалки и еще яблочный пирог.

— Вы все так хорошо потрудились, что мне почти ничего не осталось, — похвалила Уинн Гвира и его помощников.

— Вы должны беречь свою красоту для принца, — лукаво сказал Гвир. Уинн рассмеялась.

— У меня нет времени для моего лорда Мейдока, пока я не увижу благополучный отъезд своих сестер.

Гвир не сказал ничего, но голос откуда-то из глубины кухни отчетливо произнес:

— Который нельзя, к сожалению, ускорить, госпожа!

— Как не стыдно! — ответила Уинн, погрозив пальцем провинившемуся, едва сдерживая смех. Ни Кейтлин, ни Дилис не пользовались любовью слуг, и, надо заметить, вполне заслуженно. Обе были грубы, требовательны, им трудно было угодить.

Затем Уинн заторопилась в церковь, где застала отца Дрю, под руководством которого несколько молоденьких девушек украшали церковь свежими цветами, еще влажными от росы, и зелеными ветками.

Отперев длинную, узкую шкатулку, Уинн вынула несколько свечей из пчелиного воска и дала их священнику.

Возвратившись в зал, она обнаружила, что мужчины уже зашевелились. Уинн подозвала Эйниона и сказала:

— Позаботься, чтобы лорды Коуна и Длина помылись перед свадьбой. Подозреваю, что они не видели воды несколько недель. Вчера от них несло. Возможно, от быстрой езды.

— Я вымою их сам, госпожа, — с усмешкой сказал Эйнион. — Не могу сказать, что ваши сестры заслужили мою любезность. Принц поможет мне. Он любит воду.

— Возьми их на реку, а потом проследи, чтобы как можно скорее

наполнили дубовую ванну для дам.

Большая дубовая ванна, используемая для мытья, быстро была установлена в алькове спальни и наполнена горячей водой. Уинн разбудила сначала своих гостей, но и леди Блодвен, и леди Глэдис пришли в ужас от предложения Уинн принять ванну.

— Я продрогну до костей, если вымоюсь, — запротестовала слабым голосом леди Блодвен. — И, уж конечно, умру от простуды, а если и выживу., то месяцы проваляюсь в постели...

— А я моюсь только в своей ванне, — высокомерно ответила леди Глэдис, — и мылась всего лишь в прошлом месяце. Мне, безусловно, не нужно принимать ванну.

— Мама! Можно мне? — капризно захныкала Гвенда.

— Конечно, нет, мое сокровище, — ответила Глэдис дочери.

— Как вам будет угодно, леди, — учтиво сказала Уинн и разбудила сестер.

Увидев большую ванну, Кейтлин и Дилис тотчас же заспорили, кто будет первой.

— Кейтлин старшая, — уладила спор Уинн.

— Самая старшая ты, — выпалила Мар.

— Я буду последней, как подобает хорошей хозяйке дома, — ответила Уинн. — Пусть сначала вымоются невесты, а потом уже мы. Кейтлин — старшая из невест.

В спальню вошли несколько служанок помочь в приготовлениях к торжеству К удивлению Уинн, все были готовы за несколько минут до начала мессы. Уинн про себя поблагодарила Мейдока за его щедрость, поскольку она, бабушка, Дьюи и невесты выглядели замечательно в новых туалетах. Им не пришлось краснеть перед гостями.

Кейтлин была элегантна и выглядела почти что красавицей в медно-черной парчовой тунике, под которую надела блестящую шелковую, тоже цвета меди. Верхняя была перехвачена поясом из чеканных медных колец, покрытых черным эмалевым рисунком. Мягкие кожаные туфельки плотно облегли ее ножки. Шею обвивала длинная нитка жемчуга, а из каждого ушка свисали большие серьги из крупных жемчужин. Длинные темно-каштановые волосы свободно струились по спине, сдерживаемые на лбу золотым обручем, украшенным мелкими жемчужинками.

У хорошенькой Дилис был тоже красивый свадебный наряд. Поверх бледно-голубой нижней шелковой туники она надела небесно-голубое платье, расшитое изящными серебряными звездочками и перехваченное плетеным серебряным пояском. На ножках были крошечные серебряные

туфельки. Шею украшала такая же, как у Кейтлин, нитка жемчуга. Аквамариновые сережки в виде капелек были в серебряной оправе и подходили к овальному аквамарину в центре обруча, который удерживал на лбу золотисто-каштановые волосы. Как и у Кейтлин, волосы были распущены по спине.

— Ваши сестры замечательно одеты, — с завистью заметила леди Глэдис, которую затмила юная красота невест. — Никак не ожидала этого, вы ведь простые сельские жители.

— Гарнок — поместье отнюдь не бедное, госпожа, — мягко ответила Уинн. — У моих сестер солидное приданое, и они хорошо одеты, как и подобает сестрам лорда Гарнока.

— Какой у них замечательный жемчуг, — заметила леди Блодвен, уставившись на ожерелье Кейтлин.

— Мой покойный сын подарил своей жене по нитке жемчуга после рождения Кейтлин и Дилис, — пояснила Энид. — Я подумала, что будет правильно, если девочки возьмут их себе, когда будут выходить замуж.

— Отец Дрю будет искать нас, — сказала Уинн. — Пойдемте в церковь, чтобы наконец наши семьи породнились. — Она грациозно отошла назад, пропуская вперед гостей, но Неста задержалась подле нее.

— Предупреди своих сестер, чтобы они не позволили этим двум гарпиям запугать их. — Они жаждут жемчуга, но если Кейтлин и Дилис проявят твердость, этим ведьмам не удастся заполучить ожерелья.

— О, Кейтлин, не стоит беспокоиться, — ответила Уинн. — Леди Блодвен не получит от нее ничего, как бы она ни старалась. Подозреваю, что ее счастливые дни в Коуде сочтены. Насколько я могу знать, она мечтает иметь невестку, которая будет угождать ее прихотям. Но ее ожидает разочарование, единственная забота Кейтлин — это она сама.

Дилис другое дело. Я прослежу, чтобы мой брат удостоверился, что леди Глэдис не давила на бедную Дилис. Если ему удастся скрывать свою неприязнь к ее дочери Пвенде достаточно долго, думаю, все будет в порядке. Без Кейтлин Дилис не такая плохая. Она несмышленная девочка, но в ней есть привлекательность.

— Думаю, нам больше повезло с сужеными, — заметила Неста.

Энид улыбнулась про себя, услышав эти слова. Она так же любила Несту, как и Мейдока. Девушка своей чувствительной душой напоминала ей Уинн. Неста даже смогла приручить Риза есть из ее рук, чего Энид никогда в жизни не видывала. Она расправила ткань на платье, довольная богатым видом сине-фиолетовой серебристой парчи. Риз из льва прямо на глазах превратился в ягненка, и это дело рук Несты. Если это не

волшебство, так что же тогда, хотелось бы ей знать? Энид глубоко вдохнула теплый воздух позднего лета и ощутила, как чувство глубокого удовлетворения окутывает ее. Если бы полгода назад ей сказали, что к осени в Гарноке все будет именно так, она сочла бы человека безумцем. Она посмотрела вдаль на холмы, где похоронен ее сын. [Ах, Оуен! Судьба милостива к нам. Кейтлин и Дилис сегодня выходят замуж и покидают Гарнок. За Уинн явился ее суженый, он защитит права Дьюи. Нам не надо его бояться, как боялись других. Верю, мы в безопасности, хотя с тобой, мой сын, нам было бы спокойнее. Если б только Уинн была счастлива в будущем браке, но это все девичьи заботы. У одних они есть, у других нет.

Думаю, все будет хорошо».

Старая женщина стояла в маленькой церквушке Гарнока, с улыбкой наблюдая, как отец Дрю соединяет священными узами брака ее внучку Кейтлин с Артуром из Коуда и внучку Дилис с Хауелом из Длина. Она, довольная, кивнула головой, заметив, как Мейдок взял в свою руку ручку Уинн и та не нахмурилась и не отдернула ее! Ох эта любовь! Ох эта любовь! И все же, мудро подумала она, в ее возрасте есть тоже свои преимущества. Юность не может знать столько, сколько зрелость. С возрастом приходит терпимость, а иногда, как в ее случае, мир и покой. Хорошо подниматься рано утром, несмотря на боли то тут, то там, радуясь, что жив и впереди предстоит новый день. Не менее приятно лежать на перине после длинного дня, в тепле и спокойствии, и позволить сну овладевать твоими мыслями. Энид снова улыбнулась. Если б только Господь Бог дал ей время увидеть невредимыми других, подумала она. Вдруг малышка Мар потянула ее за руку.

— Бабушка, пошли! Служба кончилась, — радостно сказала она. — Пора праздновать!

— Да, — ответила Энид. — Конечно, пора праздновать!

Глава 4

Она была в лесу, окутанная бледным розовато-лиловым легким туманом, который, подобно лоскутам шелкового газа, струился между деревьев. Мир замер во времени, как вдруг у нее над головой раздался крик ворона.

— Вспомни!

Она скорее почувствовала слово, чем услышала его, и попыталась понять значение.

«Вспомни!» — кто-то настойчиво и нежно нашептывал это слово ей на ухо.

Еще раз прозвучал резкий, хриплый крик ворона.

Вспомнить? Что вспомнить? Она не знала, что. Потом, как всегда, ужасная печаль начала обволакивать ее. Она слышала, как голос звал кого-то, но не могла разобрать имени. Беспокойно она металась по кровати и проснулась вся в поту. Придя в себя, она с облегчением подумала, что Неста спала на бывшей кровати Кейтлин и Дилис. Ей не хотелось ни с кем обсуждать этот повторяющийся сон. Он смущал и пугал ее.

Раздвинув полог, она выскользнула из постели. За окном она увидела свет зарождающейся утренней зари, медленно поднимающейся над горизонтом. В темно-синем небе ярко сияла утренняя звезда, словно настоящий хрусталь. Открыв сундук, стоявший в ногах кровати, Уинн достала старую любимую тунику зеленого цвета и надела ее, не подпоясав. Затем побрызгала холодной водой на лицо, медленно спустилась по лестнице в зал и направилась к входной двери. Как можно тише отодвинула засов, открыла дверь и вышла из дома.

Босиком побрела через двор, кивнув стражнику, открывшему перед ней ворота. Слуги в Гарноке привыкли к ранним прогулкам молодой хозяйки. Пройдя половину поля напротив ворот, Уинн внезапно замерла, когда большой олень с пятнадцатью ответвлениями на рогах грациозно и неслышно вышел из леса. Уинн сорвала пучок зеленой травы и протянула оленю. Сердце бешено заколотилось от волнения, но, несколько раз глубоко и медленно вздохнув, она сумела унять сердцебиение, уменьшив таким образом бьющую через край жизненную силу, чтобы не показаться враждебной оленю.

Несколько долгих минут животное с любопытством разглядывало девушку. Затем, нежно фыркнув, тряхнуло головой и мягко ударило по

земле копытом, продолжая наблюдать, какое впечатление произведут его действия на это человеческое существо. Когда Уинн тихонько засмеялась, олень нервно отступил на шаг или два назад.

— Как не стыдно, — нежно сказала она. При звуке ее голоса, хотя и миролюбивого, олень наострил уши. — Ты вдвое больше меня, а боишься, почему? — продолжала Уинн. — Не будь глупеньким! Подойди и возьми эту чудесную луговую траву, которая сорвана для тебя. Она сладкая и вся еще в росе.

Словно поняв ее, олень медленно приблизился к девушке, заинтересованный и соблазненный восхитительным запахом травы. Он насколько мог вытянул шею, пытаясь достать зелень, одновременно надеясь сохранить расстояние между собой и девушкой. Уинн протянула небольшой пучок, чтобы помочь животному, которое сразу начало жевать траву и, отвлеченное таким манером, не обратило внимания на то, что хрупкая девушка немного приблизилась к нему. Рука, скользя по ее талии, ужасно напугала бы ее, если бы голос Мейдока не прошептал ей на ухо:

— Это всего лишь я, дорогая. Вижу, вы приручили оленя. — Протянув руку, он погладил морду большого самца костяшками пальцев.

Великолепный олень, покончив с травой, поднял голову и внимательно посмотрел на них обоих. Потом, грациозно повернувшись, медленно удалился, пощипывая на выбор лакомые листочки.

Мейдок повернул Уинн к себе лицом и улыбнулся.

— Вы поступаете умно, завоевывая расположение лесных зверей.

— В этом нет никакой хитрости, мой господин. Я просто стараюсь ничем не напугать их, — ответила ему Уинн и беспокойно заерзала в его руках. И повторилось то же самое. Она почувствовала, как жар вновь охватил ее. Почему он так странно на нее действовал?

Мейдок явно видел ее беспокойство, но, казалось, не спешил выпустить ее из своих рук, а Уинн не просила его об этом.

— Мне кажется, я должен был вчера вечером дать вам урок поцелуя, — тихо сказал он. — Так как вчера нам не удалось встретиться, думаю, сейчас для этого подходящий момент. — Он приподнял ее лицо. — Приоткройте немного губы.

— Что? — Просьба показалась ей странной.

— Надо разомкнуть губы, чтобы правильно поцеловаться, — с серьезным видом объяснил он, едва сдерживая смех. Странное занятие — учить девушку целоваться. Большинство из них вполне естественно справляются с этим сами.

— Вот так? — Уинн, полная решимости добиться правильного положения губ, восхитительно наморщила их.

— Закройте глаза, — сказал он.

— Зачем?

— Думаю, лучше целоваться, когда глаза закрыты.

Ее прелестные зеленые глаза послушно закрылись, густые темные ресницы веером легли на бледной коже. Мейдок взглянул на нее в благоговейном восхищении. Она была невероятно красива. Кто мог, подумать, что пухленький ребенок, с которым он много лет назад обручился, превратится в такую красивую девушку. Он улыбнулся про себя.

Он всегда это знал. Не медля больше, Мейдок коснулся губами ее губ, наслаждаясь их свежестью и нежностью.

Ей показалось, что душа рассталась с телом. На мгновение она была почти уверена в этом, она как бы воспарила, но потом жар охватил ее с небывалой силой. Сердце отбивало бешеный ритм, и когда страсть, неведомое дотеле чувство, сжала Уинн своей крепкой хваткой, она опьянела от полноты ощущений. Неожиданно она умело ответила на его поцелуй, это была уже не ученица. Она горячо прижалась к Мейдоку, от удивления у него перехватило дыхание. Она не могла понять желаний, овладевших ею, ни тех чувств, которые она возбуждала в нем.

Поцелуй, как поняла Уинн, самое восхитительное занятие. Восторг переполнял ее.

Мейдок знал, что если он сейчас не остановит ее, они вскоре окажутся в нежной зеленой траве, завершая их соединение способом, который Уинн не может даже себе вообразить. Не то чтобы он не мог научить ее наслаждаться и этим, но для таких откровений время еще не подошло. Он прервал поцелуй и твердо отстранил ее, улыбкой давая понять, что все в порядке.

— Дорогая, вы такая способная ученица, о которой можно только мечтать, — похвалил он.

— Еще! — потребовала она, бросившись к нему. — Мне нравится вас целовать!

Он нежно потерся губами о ее губы, а затем, смеясь, сказал:

— И мне нравится целовать вас, дорогая, но в любви есть большее, чем просто поцелуи. Мы скоро откроем для себя другие наслаждения, и я с радостью буду не спеша ухаживать за вами, чтобы сначала мы стали друзьями.

— Разве такое возможно, чтобы мужчина и женщина были друзьями, мой господин?

— Да, Уинн, самые лучшие друзья становятся лучшими любовниками, уверяю тебя.

— Поцелуйте меня, — уговаривала она его. — Я чувствую в себе сильное волнение, только ваши поцелуи могут унять его.

— Но ваши поцелуи пробуждают во мне бурю, дорогая, — ответил он. — Доверьтесь мне, и не будем спешить, чтобы наше первое соединение было достойно ожидания.

Она покраснела от его слов, и внезапно к ней вновь вернулась робость.

— Что вы, должно быть, подумали обо мне, мой господин? Я была с вами так смела. — Она отвернулась от него.

— Взгляните на меня, Уинн, — умолял он, приподняв ее лицо. — Я обожаю вашу смелость, но у страсти так много ступенек, и мне хотелось, чтобы вы сначала прошли по ним. Позвольте мне быть в этом вашим наставником, как, впрочем, и в других вещах. Разве вам не понятно, я хочу, чтобы вы полюбили меня?

Уинн выглядела огорченной.

— Ах, мой господин, я уже говорила вам, что не верю, что я способна на это чувство. Я не хочу никому принадлежать.

— Любовь, Уинн, это своего рода обладание. Но когда любишь настоящего, становишься свободным. Я хочу, чтобы вы полюбили меня, но, если вы не верите, что сможете, тогда я буду рад иметь в вас жену и друга. Теперь ты должна называть меня по имени, я не хочу, чтобы ты обращалась ко мне как незнакомка или служанка.

— Кто ты, Мейдок Пауиса, что так терпелив со мной? Не думаю, чтобы Риз Сант-Брайда так считался с моими чувствами.

— Риз не был предназначен тебе. Он не любил тебя.

— Неста, однако, другое дело, — с улыбкой заметила Уинн. — Ах, Мейдок, меня разбирает смех, когда я вижу их вместе! Он напоминает огромного медведя, который очень старается быть мягким и нежным с твоей сестрой. Она говорит, что в ней нет никакого волшебства. Но я не верю ей!

— Она его, безусловно, околдовала, — согласился Мейдок, — но околдовала Риза любовью. Ничем другим, клянусь тебе.

— А ты, Мейдок? — смело спросила Уинн. — Какая волшебная сила заключена в тебе? Молва о твоей семье опередила тебя. Сознаюсь, я любопытна. Очень любопытна!

— Не бойся, — успокоил он. — Я расскажу, дорогая, все, что тебе нужно знать, когда мы вернемся в мой замок Скала Ворона. А сейчас я голоден как волк! Поскольку я не позволил себе удовольствия насладиться

твоим нежным телом, мы должны возвратиться домой за более привычной пищей.

— Ты испорченный! — обвинила она Мейдока, вспыхнув от его слов.

— Нет, я хороший! — ответил он со скрытым смыслом. — Исключительно хороший, клянусь тебе, Уинн!

— Я не осмелюсь думать иначе, Мейдок, — ответила она и, взяв его за руку, повела обратно в дом.

Следующие несколько дней были самыми идиллическими в короткой жизни Уинн. Погода оставалась теплой и ясной. Две пары влюбленных гуляли по лугам, холмам и лесам, счастливые от возможности быть вместе. Они устраивали пикники у быстро бегущих лесных ручьев, по вечерам сидели у главного очага, пели по очереди баллады под аккомпанемент лютни, на которой играл то один, то другой.

Уинн, полюбившая Несту с первого взгляда, теперь обнаружила, что смотрит на Риза совсем другими глазами. К ее удивлению, она полюбила его. Это был грубовато-добродушный, честный человек с твердыми принципами, кроме того, он обладал замечательным чувством юмора, которое восхищало Уинн. Она всегда считала, что человеку с чувством юмора можно доверять. Отчаянно влюбленный в Несту, он теперь относился к Уинн с нежностью старшего брата. Ее занимала мысль, разглядела бы она в нем его истинную сущность, если б они поженились? И она решила, что нет.

Между ними всегда бы стоял Гарнок Она считала невероятным везением, что судьба вовремя послала ей Мейдока, избавившего ее от помолвки с Ризом. «Мейдок», — Уинн мечтательно улыбнулась про себя. После утренней встречи на лугу было много таких же уроков, хотя оба прекрасно знали, что Уинн не надо больше совершенствоваться в этом искусстве, особенно после того, как Мейдок продемонстрировал ей, как приятно могут шалить два язычка. Она никогда и не думала, что язык может играть такую роль в любовных играх, но Мейдок убедил ее в этом.

Наступил момент отъезда из Гарнока, и Уинн обуревали противоречивые чувства. Как она может оставить так глубоко ею любимый дом?

Бабушку, Мар и особенно Дьюи? Как они проживут без нее?

— Я должна сейчас ехать с тобой? — спросила она Мейдока уже в сотый раз. — Мы уже знаем друг друга, и я больше не отказываюсь быть твоей женой. Я нужна здесь!

— Нет, — быстро и резко сказала Энид. — Ты думаешь, несколько поцелуев откроют тебе достоинства этого человека, дитя мое? Ох, как же

много тебе надо узнать о нем. Даже если ты замужем тысячу лет, ты все равно всего не узнаешь.

— Не волнуйся о своей семье, дорогая, — мягко уговаривал ее Мейдок. — У меня есть человек по имени Давид. Он был управляющим одного из моих фамильных поместий. Он несчастлив с той поры, как наследник этого имения стал независим и отправил его обратно ко мне. Я уже договорился о его приезде сюда, в Гарнок, чтобы наставлять Дьюи в его обязанностях хозяина дома. Это добрый и умный человек.

Он хорошо будет учить твоего брата.

— Уезжай, сестра! — поддразнивал ее Дьюи. — Мне надоело держаться за твои юбки! Я буду настоящим хозяином в собственном доме. А пока ты здесь, я себя им не чувствую.

— Ты помнишь, чему я тебя учила? — упорствовала она. — Будешь ли ты любить бабушку и Мар и учтиво с ними обращаться? А защищать их? Обещай мне, что будешь справедлив и добр с нашими людьми.

— Да, да и еще раз да! — ответил он утомленно.

— Я буду скучать по тебе, — со слезами на глазах сказала Уинн.

— Твоя первая любовь — Гарнок, — интуитивно заметил Дьюи. — А в качестве последнего подарка я отправляю с тобой Эйниона, чтобы он оберегал тебя.

— Но Эйнион должен остаться в Гарноке, присматривать за тобой и Мар! — Уинн запротестовала, готовая расплакаться. — Отец выбрал его для охраны детей.

— Он поедет с тобой, — твердо сказал лорд Гарнока. — Сейчас я здесь хозяин, и я позабочусь о Мар. У моего брата из Пауиса нет возражений, не так ли, Мейдок?

— Нет, Дьюи ап Льюилин, я ничего не имею против этого дара вашей сестре, но вы сомневаетесь, что я могу сам защитить свое?

— Как я защищаю свое, — ответил мальчик, к большому удивлению принца.

Мейдок изящно поклонился, понимая, что тема исчерпана. Взяв Уинн за руку, он вывел ее из зала во двор, где их уже дожидались Неста и Риз.

Посадил на лошадь — спокойную белую кобылу, которая предназначалась ей.

На мгновение в глазах Уинн мелькнул панический страх, но Энид, подойдя к ней, похлопала успокаивающе ее по руке.

— У нас все будет прекрасно, мое дитя. Пиши мне, когда сможешь, и помни, что я довольно хорошо управлялась сама в этом мире до того, как ты пришла в него! Думаю, что смогу жить так и дальше, находясь здесь, а

ты там.

Бабушкиного напутствия оказалось достаточно, чтобы снять напряжение, и Уинн рассмеялась.

— Это ведь приключение, бабушка, правда?

— Да, мое дитя. У каждой молоденькой девушки должны быть приключения до того, как она приступит к скучному занятию — быть женой и матерью! Это естественный порядок жизни для женщин, которым дан дар рожать и растить детей, вить свое гнездо, но такая жизнь не самая интересная.

Отец Дрю выступил вперед, чтобы благословить их и предстоящее путешествие. Когда он осенил их крестным знаменем, Уинн почувствовала, как по ее щекам потекли слезы, которые она не в силах была больше сдерживать. Она не была несчастной. Нет! Но она с грустью покидала Гарнок. Когда лошади тронулись, вид бабушки и малышки Мар запечатлелся у нее в сердце. Ее брат, быстро махнув в ее сторону, исчез за углом дома, поглощенный своим делом. Внезапно печаль оставила ее.

— Дьюи, конечно, хотелось избавиться от меня, — заметила она, смеясь сквозь слезы.

— Он стремится быть сам себе хозяином, — мудро ответил Риз. Вы не можете жаловаться на парня, Уинн. При хорошем дальнейшем руководстве он принесет пользу Гарноку Нам всем надо пораскинуть мозгами и найти ему через несколько лет хорошую жену но только не мою кузину Гвенду из Длина. Я заметил, что она ему совершенно справедливо не понравилась, хотя ее мать, конечно, лелеет надежды.

— Она своим поведением напоминает ему Кейтлин, — ответила Уинн. — А Дьюи никогда ее не любил.

— Мы знаем много восхитительных юных девочек, каждая из которых стала бы прекрасной женой твоему брату, — сказала Неста.

Мейдок посмеялся над ними.

— Дайте мальчику время, — посоветовал он. — Он только что освободился от старшей сестры, ему сначала нужно немного вырасти, а потом завести себе несколько подружек — Ах, подружки! — одобрительно усмехнулся Риз.

— И много их у тебя было, мой дорогой господин? — нежно спросила Неста. Ее приветливое лицо было обманчиво спокойно, а золотистые глаза дьявольски мерцали.

— Думаю, достаточно, чтобы ты осталась довольна мной в спальне, — смело ответил он.

Неста, застигнутая врасплох его ответом, очаровательно покраснела.

Риз удовлетворенно засмеялся.

— Ты околдовала меня, моя прекрасная Неста, — признался он, — но не забывай, что я мужчина!

— Я никогда больше не забуду, — быстро ответила она. Но когда она это говорила, Уинн почувствовала в словах, предназначенных ее одурманенному мужу, скрытый смысл.

Дорога от Гарнока к дому Мейдока заняла несколько дней. Им не всегда удавалось найти приют в монастыре или монастырской гостинице, или в какой-нибудь благородной семье, или у зажиточного крестьянина, готового накормить так много ртов. Две ночи они провели в лесу, поддерживая огонь в кострах, чтобы отпугивать диких зверей, и выставив надежную охрану, чтобы не подпустить грабителей, которые охотятся за беспечными путешественниками, а жестокостью и свирепостью превосходят лесных тварей.

Риз сопровождал их лишь часть пути, он не мог надолго отлучаться из Сант-Брайда, чтобы какой-нибудь безумец не стал оспаривать его власть. Однажды рано утром большой отряд вооруженных людей подъехал к ним, выкрикивая имя принца. Мейдок с улыбкой выехал им навстречу, помахивая рукой в знак приветствия.

— Я оставляю вас, моя госпожа, — обратился Риз к Несте, — и возвращусь в Сант-Брайд, чтобы все хорошенько приготовить к вашему приезду.

— Без вас время покажется мне вечностью, — ответила ему Неста.

Слезы хлынули у нее из глаз, когда она наклонилась с лошади, чтобы поймать его руку и прижать ее к своей щеке.

Уинн вынуждена была отвернуться, ибо выражение лица Риза разрывало ей душу. Было ясно, что он с трудом переносил предстоящую разлуку с Нестой. А она с ним. «Так любить после столь короткого знакомства», — подумала Уинн. Казалось, что они знают друг друга всю свою жизнь, а не несколько дней. Почему же у нее нет и половины той любви к Мейдоку, что питает Неста к своему суженому? Чувства Несты к Ризу совсем иные, чем ее к Мейдоку. Уинн достаточно умна, чтобы понять это. Нет, она не могла сказать, что ее увлечение Мейдоком было чем-то неприятным, но она инстинктивно чувствовала — этого недостаточно. Она вспомнила, что ее родители вели себя так же, как и Неста с Ризом. Придут ли наконец и к ней эти чувства?

Голос Риза вывел ее из задумчивости.

— Прощайте, Уинн Гарнока.

— Прощайте, мой господин. Да хранит вас Бог и святой Давид до

нашей встречи, — ответила она. Он улыбнулся ей, и Уинн впервые поняла, что он красив. — Благодарю вас за то, что дали моим сестрам таких прекрасных мужей, мой господин.

Смех Риза захохотал в его могучей груди.

— Думаю, никто из нас не проиграл от этой сделки, Уинн. Надеюсь, вы тоже так считаете?

— Да, — согласилась Уинн со смехом, понимая, что он также хотел заполучить для своих отнюдь не восхитительных родственников жен, как и она для сварливой Кейтлин и глупенькой Дилис мужей.

— И нам придется редко, если когда-нибудь вообще, видеться с ними, — усмехнулся Риз.

— Если это так, мой господин, тогда я перед вами в долгу, — засмеялась Уинн.

— Вы оба просто ужасны! — едва сдерживая улыбку, распекала их Неста.

Мейдок подъехал к ним и подал Ризу на прощание руку.

— Приезжай, брат, за два дня до зимнего солнцестояния за невестой.

Она будет тебя ждать. Возьми с собой отряд побольше, у Несты солидное приданое и имущество. Имей в виду, Риз, эта женщина не упускает ничего, что попало ей в руки. Она до сих пор хранит свою детскую одежду.

— Которую я убрала и которая еще прекрасно послужит моим дочерям, — чопорно ответила Неста. — Я не люблю бросать на ветер добро, Мейдок. У меня нет твоих запасов.

— Клянусь, ты же увезешь с собой половину моего замка, — подтрунивал над ней Мейдок.

— Я заслужила его целиком за то, что терпела тебя столько лет, живо парировала она.

Риз с улыбкой пожал Мейдоку руку Приветливо помахал Уинн, потом наклонился к Несте и сердечно поцеловал ее, отчего у той порозовело личико и перехватило дыхание.

— Прощайте, моя госпожа. Ускорьте бег времени, разделяющего нас с вами, моя любовь. До скорой встречи! — Он повернул коня и дал команду своим воинам следовать за ним.

Отряд Мейдока оседлал коней, минуту посмотрев вслед удаляющемуся Ризу и его людям, а затем по сигналу принца двинулся в противоположном направлении. Уинн промолчала почти весь остаток пути. Она никогда не удалялась от Гарнока более чем на одну-две мили, поэтому путешествие внушало ей благоговейный трепет и пленяло ее. Они ехали

темными лесами, через обширные долины, напоминающие луга, переходящие в болота, по холмам отлогим и крутым, и всегда перед глазами поднимались горы, манившие их вперед.

Замок Мейдока на Скале Ворона располагался в Черных Горах Пауиса. Впервые увидев его, Уинн подумала, что это сон. Никогда раньше ей не приходилось видеть ничего подобного. Казалось, он вырос из самой горы. Создавалось впечатление, что гора и замок составляют одно целое.

— Волшебное место, — тихо сказала Уинн при первом взгляде на свой новый дом.

— Вот как? — сказал он.

— Не надо шутить со мной, мой господин, — резко откликнулась Уинн. — Люди говорят, что волшебная сила вашей семьи идет от Мерлина. Разве не Мерлин помог Артуру придать вид Камелогу? Как бы вам удалось высечь в горе замок?

— Замок просто выглядит как одно целое с горой. Это потому, что он построен из того же самого гранита, что и скала, дорогая. Мой предок считал это прекрасной маскировкой.

— Возможно, я ничего не понимаю в замках, но я никогда не видела места, подобного Скале Ворона. Он выглядит чужестранцем.

— Да, — согласился принц. — В нем соединились разные стили, еще не распространенные на Британском острове. Мой предок привез эти идеи из своих путешествий. Он много лет провел, странствуя по свету. Основная часть здания — это круглая башня.

— Их четыре, — заметила Уинн.

— Посмотри внимательно, — сказал ей Мейдок, когда лошади спускались по крутой тропе к ущелью. — Две башни круглые, а две квадратные, основная башня на западной стороне.

— А где твои сады?

— Открытые пространства, которые расположены по краям скал, называются террасами, Уинн. Там-то и разбиты мои сады, они очень приятны для глаз. Я уже отправил заранее гонца, чтобы он велел садовнику приготовить место для твоих трав. Тогда они успеют прижиться до зимы. Приятно, что женская рука вновь коснется садов. Они теперь совсем не те, что были при жизни матери. Земля откликается добром на женское прикосновение. Неста не могла заставить себя ухаживать за садом матери. Она говорила, что тоска съедает ее.

— Женщины понимают землю, мой господин. И земля, и женщина дают жизнь.

Тропа, по которой они ехали, спускалась вниз, в ущелье, где весело

бежала небольшая речушка. Крепко построенный каменный мост соединял ее берега. Они переехали на другую сторону и по узкой тропе стали подниматься к воротам замка. Вокруг него не было обычного рва, поскольку по тропе, ведущей к замку, могла проехать лишь одна лошадь.

Он был неприступен, если вдруг какому-нибудь сумасшедшему взбредет в голову напасть на него.

— Когда впервые приближаешься к Скале Ворона, замок представляется могущественным и ужасающим, — сказал Мейдок, — но, пройдя под опускной решеткой ворот, ты увидишь, что попала в добрый и красивый мир.

— Он кажется таким черным и свирепым, — заметила Уинн, глядя на поднимающиеся вверх темные башни и четко очерченные парапеты замка.

— Чтобы напугать наших врагов, — ответил Мейдок — У тебя есть недруги, мой господин?

— Боюсь, что нет, моя дорогая.

Раздался громкий крик воинов, стоявших на стенах замка. Они вновь приветствовали принца.

— Мейдок! Мейдок! Мейдок!

— Они его так любят? — поинтересовалась Уинн у Несты.

— Да, у принцев Венвинвина есть нечто, что делает их людей верными им. Говорят, Мейдок очень похож на своего отца, принца Гвалчмала.

— А что с ним случилось? Я так мало знаю семью, в которую вхожу.

— По-настоящему ее никто не знает, — ответила Неста. — Однажды ранним весенним утром принц Гвалчмал был найден у подножия горы с переломанной шеей. Считается, что он упал, но никто не знает, почему и как это произошло. Он был в расцвете лет, что тем более смущает. Мейдоку в то время было семь лет. Наша мать, Гвенхвивар, поспешно вышла второй раз замуж. Многим это показалось неприличным. Но она чувствовала, что ей нужно защитить Мейдока. Он был ребенком, не способным постоять за себя. Она взяла в мужья брата-близнеца своего первого мужа, Синбела из Кей. Отец Мейдока умер в марте. Гвенхвивар вышла замуж за Синбела в мае того же года. Наш брат, Брайс, родился в следующем году в феврале.

— Брат-близнец! — повторила изумленная Уинн. — В Гарноке одна крепостная родила сразу двух дочек. Никто не мог отличить их, так они были похожи.

— Отец Мейдока и мой, хотя и родились в одно и то же время, были совсем разные. Мейдок, говорят, похож на отца: темные волосы, белая кожа и замечательные голубые глаза. Гвалчмал выглядел, как все принцы Пауиса-Венвинвина, но мой отец пошел в семью нашей бабушки, у

которых светлые волосы.

— Значит, твой отец вырастил Мейдока?

— Да, — кратко ответила Неста, а когда Уинн вопросительно посмотрела на нее, она тихо продолжила:

— Мой брат, Брайс, похож на отца.

Красивый и очаровательный внешне, но злой! Говорят, что Гвалчмал и Синбел чуть не убили при рождении свою мать, каждый спешил первым попасть в этот мир, чтобы унаследовать замок Скала Ворона. И еще говорят, когда Гвалчмал-первенец появился из чрева матери, Синбел крепко зажал в кулачок его лодыжку, словно не пускал.

Глаза у Уинн расширились от удивления.

— Близнецы все детство и юность воевали друг с другом. Они соперничали во всем. Всегда находилось то, что Синбел старался сделать лучше Гвалчмала. Когда умер наш прадедушка по материнской линии, у него не осталось живых наследников-мужчин. Его замок в Кей достался матери Гвалчмала и Синбела. Синбела отправили туда, чтобы отделить от брата. Боялись, что они убьют друг друга и прервется линия принцев Пауиса-Венвинвина. После двух сыновей у моей бабушки не было больше детей. Слишком велико было напряжение при их рождении. Но тем не менее она дожила до глубокой старости.

— Подожди минутку, — остановила ее Уинн. — Ты мне сказала, что у тебя нет волшебной силы, так как она передается по мужской линии, а у тебя и у Мейдока разные отцы. Теперь я узнаю, что твой отец и отец Мейдока — близнецы. Тогда как же получается, что у него есть сила, а у тебя нет? А у твоего брата, Брайса?

— Мой дед, Карадок, когда увидел злобность Синбела, заколдовал его, лишив волшебной силы, которую он иначе мог бы получить, достигнув зрелости. Эти чары распространяются и на потомков Синбела, на тысячу будущих поколений. Мне проще объяснить свою ситуацию тем, что у нас с Мейдоком разные отцы, а этот дар передается по линии его отца.

— Почему ты ближе с Мейдоком, чем со своим родным братом, Брайсом?

— Это очень заметно? — Неста выглядела огорченной. Потом она «объяснила»:

— Брайс на три с половиной года старше меня. Когда мне не было и шести лет, Брайс попытался лишить меня невинности. Я дралась с ним, зная, что его желание гнусно. Вошел отец, я бросилась к нему, обливаясь слезами и ища защиты. Но вместо того чтобы наказать Брайса, отец рассмеялся. Он был доволен его ранней зрелостью и сказал: «Нет, парень,

ты все не правильно делаешь. Неважно, что тебе не удалось. Я сам покажу тебе, как надо!» — И он схватил меня. В тот момент он был пьян. И отец совершил бы грех кровосмешения, если б не появился Мейдок. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, какую мерзость задумали мой отец и брат. Он схватил меня за руку, беря под свою защиту. Отец никогда не был к нему по-настоящему добр. Но у него ни разу не появилось возможности навредить Мейдоку, поскольку тот был умен, да и слуги в замке отличались бдительностью. Все же отец не мог смириться с тем, что Мейдок — принц Венвинвина, а не он. Отец стал кричать на Мейдока, что тот не имеет права вмешиваться в это дело. Я его дочь, и он может делать со мной, что хочет. Мейдок, который к тому времени был уже почти взрослый, ответил, что это Синбел не имеет никаких прав в замке Скала Ворона. С того момента он сослал его и Брайса в Кей. Слуги в замке с радостью стали повиноваться Мейдоку и были счастливы, что отца и сына изгнали. Спустя два года отец умер, говорили, что он упал в бочку с молодым вином.

— А твоя мать? Она не последовала за ними в Кей?

— Нет. Мама облегченно вздохнула, когда Синбел уехал. Боюсь, у нее был слабый характер. Она не любила ссор и многого боялась в жизни, Это была мягкая, добрая женщина. Ей хотелось мира, и она любой ценой желала защитить себя от окружающего мира. Мой отец принудил ее к браку с ним, напугав, что Мейдоку грозит опасность и что ей нужен сильный человек, чтобы удержать замок. В молодости он был красив, пока не пристрастился к вину и элю. Его красота, однако, была всего лишь маской. По натуре жестокий и злой человек, он с каждым днем становился еще злее и жестче. Только сильное давление моей бабушки удерживало его от серьезного насилия по отношению к Мейдоку. Думаю, только ее отец по-настоящему боялся. Она умерла почти сразу же после того, как отец утонул. Похоже, что она не осмеливалась оставить нас, пока он был жив, — сказала Неста.

— А твоя мать? Она ведь умерла недавно?

— Немногим больше года, — ответила Неста.

— И Брайс все эти годы жил один в Кей? Странно, почему твоя мать не поехала к нему после смерти отца?

— Она предложила, но Брайс отказался и не вернулся сюда, хотя Мейдок пригласил его ради матери. Когда он отказался приехать, Мейдок отправил в Кей сильного и надежного управляющего, чтобы приглядывать за Брайсом. В день своего восемнадцатилетия Брайс отослал управляющего обратно со словами, что тот ему больше не нужен, и справился о здоровье

матери.

— И ты его в последнее время не видела?

— Нет, с того самого ужасного дня, когда он попытался изнасиловать меня. Я не хочу его видеть, и Мейдок не желает этого.

— Теперь понятно, почему вы с Мейдоком отделились от брата. Надеюсь на более мирную жизнь.

— И никаких близнецов, — заметила Неста с легкой улыбкой. — А вот мы и дома!

Они и в самом деле проехали под опускающей решеткой ворот замка Скала Ворона. Глаза Уинн широко открылись от удивления. Они очутились в огромном дворе, в котором кипела жизнь. Одного быстрого взгляда ей было достаточно, чтобы увидеть конюшни, скотный двор, оружейную мастерскую и бассейн с запасом воды. Подбежали приветливые слуги взять их лошадей, в их глазах было откровенное любопытство.

Подле нее мгновенно очутился Эйнион. Нежно приподняв, он осторожно опустил ее на землю. Великан с любопытством огляделся вокруг.

— Это, несомненно, больше Гарнока, — заметил он. — Но я не вижу недружелюбных лиц, госпожа.

Уинн улыбнулась ему.

— Где появляешься ты, Эйнион, нет неприветливых лиц. Сколько разбитых сердец ты оставил в Гарноке? Я уже вижу, что несколько молоденьких девушек бросают взгляды в твою сторону Эйнион усмехнулся.

— Женщина — часть жизни мужчины, госпожа. Это естественный порядок вещей.

— Пойдем, я покажу тебе, где мы живем, — сказала Неста, беря ее за руку. Она повела Уинн по маленькой лестнице в шесть ступенек наверх, а потом по каменной галерее.

— О Боже! — Уинн, окончательно сраженная, разглядывала все вокруг.

Перед ней, расстилался сад, разбитый на нескольких уровнях. У нее разбегались глаза от окружавшей ее красоты. Наконец по трем мраморным ступеням она сошла на террасу, которая шла на всю ширину садов. За балюстрадой сразу же начинался провал в поросшую лесом горную долину. Открывающийся вид поражал своей первозданной красотой. У нее перехватило дух. Теперь Уинн поняла, что замок находился на вершине горы, разделяющей две долины. Уинн обернулась и увидела улыбающуюся Несту.

— Я, должно быть, кажусь тебе дурочкой, но никогда прежде я не

видела ничего столь... столь... столь прекрасного!

— Рада, что тебе понравилось, но открою тебе секрет, сестра. Хотя я прожила с этой красотой всю жизнь, она по-прежнему очаровывает и внушает благоговейный трепет. В мире нет места, подобного Скале Ворона.

В голубом небе прямо над ними раздался крик птицы. Обе девушки посмотрели вверх.

— Так это же старина Дью! — воскликнула Уинн. — Я уверена, это он!

Он прилетел сюда следом за мной!

— Старина Дью! — удивилась Неста.

— Мой ворон, — рассмеялась Уинн. — Он всю мою жизнь был в Гарноке. Мы с ним друзья! Ох, мне просто не верится, ! Это предзнаменование. Хорошее предзнаменование! Его не было в Гарноке, когда мы уезжали. Я искала его, искала несколько дней, но нигде не могла найти.

— У нас здесь много воронов, — заметила Неста с успокаивающей логикой. — Почему ты уверена, что это именно та птица?

— Я просто знаю, — ответила абсолютно уверенная Уинн.

Неста засмеялась.

— Еще одна кельтская мистика, — сказала она с юмором. — Думаю, вы с моим братом поладите. А теперь пошли в дом. Меня начинает знобить, становится прохладно.

Уинн поняла, что красивые сады, в которых она стояла, окружены с трех сторон самим замком. Жилая часть Скалы Ворона была отделена от хозяйственного двора. Единственный путь сюда — через галерею. Отгороженные от всего мира, обитатели замка были не просто защищены, а совершенно неуязвимы. Уинн последовала за Нестой через сады. Справа от галереи, куда они пришли, была изящная лестница в шесть ступенек, ведущая к главному входу в жилую часть замка.

Внутри замка слуги бросились им навстречу, приняли их дорожные плащи, Уинн пошла следом за Нестой. Они вступили в Большой Зал, построенный из камня и дерева. Шелковые знамена свисали с балок В Зале было четыре больших очага, хотя это были не совсем те очаги, как в Гарноке. Эти были устроены в стене как спальные места. Но тем не менее огонь в них весело горел, и они не дымили. За высоким столом было большое сводчатое окно, из которого открывался тот же самый вид на горы, прельстивший Уинн в саду. На западной и восточной стенах высоко располагались сводчатые окна поменьше.

— Ну как тебе Большой Зал? — поинтересовалась Неста.

— Замечательный, — последовал ответ. — Никогда не видела ничего подобного. Как вы избавляетесь от дыма очагов, Неста? Я такого не видела.

— Мы называем их каминами, Уинн. Дым выходит не через дымовые отверстия в крыше, а через специальный проход в стене. Он называется дымоход.

— Не думаю, что ты найдешь такую роскошь в Сант-Брайде, — честно призналась Уинн. — Как ты сможешь перенести отъезд из дома?

— Когда Риз увидит, как мы здесь живем, — засмеялась Неста, — думаю, мне не составит труда заставить его сделать для меня в Сант-Брайде некоторые улучшения. Пойдем, я покажу тебе твои покои. Я вся пропахла лошадьё и мечтаю о горячей ванне.

Они вышли из зала и поспешили наверх по широкой лестнице. Лестницы были каменные, а не деревянные, как у них в Гарноке, отметила Уинн. Наверху они повернули направо в коридор, освещенный множеством факелов.

— Это самая темная часть дома, — сообщила Неста. — Та стена, — она небрежно махнула левой рукой, — выходит во двор, поэтому ради безопасности у нее нет окон. Комнаты на другой стороне выходят окнами в сад. — Она указала направо.

Они дошли до конца коридора и вновь повернули направо. Неста открыла резную дубовую дверь.

— Это наши семейные апартаменты, — сказала она. — Здесь моя комната, а твоя в покоях принца, вон там. — Она указала рукой.

— Как, у каждой из нас — отдельная комната? — Уинн была поражена. В Гарноке лишь лорд и его жена имели личные покои. Потом она вспыхнула. — Я не могу спать в комнате Мейдока, Неста. Мы обручены, но еще не обвенчаны.

Неста рассмеялась звонким смехом.

— В покоях моего брата не одна комната, Уинн. Пойдем посмотришь! — Она открыла еще ряд комнат и провела ее по ним. — У Мейдока есть комната, где он сидит у камина и читает. Другая — для мытья. Есть для сна. Разумеется, есть комната для жены принца, не говоря уже о комнатах для одежды и слуг. А так как ты станешь его женой, тебе надлежит занять соответствующую комнату.

— Я приехала сюда посмотреть, сможем ли мы с Мейдоком понравиться друг другу, — беспокойно запротестовала Уинн. — Если я решу, что мы не подходим, меня нельзя будет удержать.

— Ах, Уинн, если ты не выйдешь замуж за моего брата, что с тобой будет? — спросила расстроенная Неста.

Прежде чем Уинн смогла ответить, дверь в комнату жены принца открылась, и на пороге появилась хорошенькая девушка в простой тунике бледно-голубого цвета. У нее были каштановые волосы и карие глаза.

— Добро пожаловать в замок, госпожа. Меня зовут Меган, я буду вашей служанкой, — сказала она нежным, мелодичным голосом.

— Ну что ж, — сказала Неста с некоторым облегчением, — оставляю тебя в надежных руках, дорогая сестра. Пойду приму ванну.

— Гвин уже приготовила ее для вас, моя леди Неста, — сказала Меган. Неста поспешила к себе, не оглянувшись.

Уинн позволила провести себя в другую комнату, где стояла огромная дубовая ванна, опоясанная большими обручами из начищенной меди. Над ней поднимался пар от горячей воды.

— Я взяла на себя смелость и тоже приготовила для вас ванну, моя леди Уинн, — сказала Меган. — Позвольте мне помочь вам раздеться.

Вы, должно быть, устали после такой долгой дороги из Гарнока.

— Ох, — промолвила Уинн, когда теплая вода коснулась ее кожи. — Замечательно! Спасибо тебе, Меган, за заботу.

— В ванне есть стул, садитесь на него, моя госпожа. Пока вы будете нежиться в воде, я отнесу вашу одежду прачке.

Только когда девушка убежала, Уинн впервые за несколько дней поняла, что осталась совершенно одна. Это было восхитительное чувство. Она огляделась. Ванная комната. Совершенно новая и весьма полезная идея. Ванна, очевидно, остается здесь все время и ее не надо никуда убирать с глаз долой. А откуда берется вода, заинтересовалась Уинн. Внимательно оглядевшись, она увидела то, что вначале приняла за каменную трубу. Так и есть, рядом висело ведро. В ванной комнате был собственный колодец! Идея была проста, даже более того, очевидна. И, конечно, вода нагревалась в большом камине, который занимал почти всю стену комнаты. Сдвинутый в сторону от огня, висел котел.

К тому же камин нагревает и саму комнату!

Было даже окно, через которое она могла любоваться прекрасными горами. Все было великолепно!

Сады. Ванная комната. Горы Нетрудно быть счастливой в замке Скала Ворона. Конечно, он больше ее дома в Гарноке. Она еще не видела кухни, пекарни, не встретила никого из слуг, но у нее для этого будет еще много времени. Ее поразило, что замок был в таком порядке, учитывая, что матери Мейдока уже не было в живых. Неста, должно быть, прекрасная хозяйка. У Уинн будет всего три месяца, чтобы узнать все о доме и быте замка, если она хочет так же успешно вести хозяйство.

Мысли Уинн резко оборвались. И угораздило же ее думать об этом.

Она не хотела выходить замуж, однако здесь она обдумывала то, что ей надо будет узнать о доме Мейдока. Она была в ловушке, которая медленно закрывалась за ней. Мейдок добивался ее своим очарованием и терпением, а теперь еще этот замечательный замок. Так нечестно. Все в сговоре против нее, и все же... Она погасила волну гнева. Ей надо быть хладнокровней в этой ситуации. Что здесь плохого? Почему она решила не выходить замуж?

Уинн перебрала в уме все факты. Отец обручил ее с Мейдоком. Она свободна в своем выборе. Мейдок принял ее условия. Отец не согласился бы на эту партию, будь Мейдок дурным человеком. Богатство и престиж не имели для него значения. Мейдок был привлекателен, хотя и в несколько таинственном плане. Он был добр, заботлив и терпелив.

Он сказал, что любит ее и хочет, чтобы и она тоже полюбила его. Он предложил ей жизнь, полную комфорта и счастья. Логически подумав, она не могла найти в этом ничего плохого.

Даже ведя уединенную жизнь в Гарноке, она слышала о женщине, которой было неприятно прикосновение мужчины. Но она ведь не такая.

Поцелуи Мейдока казались ей восхитительными, и ей было любопытно узнать больше об отношениях между женщиной и женщиной. Давно прошло то время, когда кельтские племена бродили по земле и ее народ считал естественным удовлетворить физическую страсть с кем угодно и когда появится к тому желание. Сейчас люди не настолько открыты друг другу и не так восторженны, но Уинн не боялась страсти. Разумеется, женщина вольна насладиться физической любовью с мужем.

Время, давно ушедшее. Непрошенные слова незаметно проникли в ее сознание. Древние кельты верили в перевоплощение. Это не было церковным учением. Уинн часто интересовалась, почему церковь не проповедует его. Перевоплощение, как считали кельты, не противоречило догмам. Перевоплощение. О нем много не говорили, и все же многие продолжали верить. А она? Не это ли было причиной ее нежелания выходить замуж? А если это так, то почему?

Неужели Уинн и Мейдок знали друг друга в ином времени и ином месте? А если это правда, что произошло, если она так противится браку? Она, разумеется, ничего не имеет против Мейдока. Ее на самом деле все больше и больше тянуло к нему, но этого казалось недостаточно. Какая незавершенность лежала между ними? Или она просто глупа? А может, ее отвращение к браку — просто страх перед неизвестным, и она придает ему слишком большое значение, больше, чем он того заслуживает? Она решила все выбросить из головы, все тревоги и любопытство. Она постарается

принять замужество, а не бороться без толку против того, что на самом деле оказывается весьма приятным жребием.

Дверь в ванную комнату отворилась, и торопливо вошла Меган.

— Прошу прощения, моя госпожа, что я так долго пробыла у прачки. — Она взяла мыло и кусочек ткани и начала мыть новую хозяйку. — Ну, на самом деле меня задержала не прачка, а тот красивый парень с искалеченной ногой, ваш слуга. Хотел точно знать, где вы. Он так оберегает вас.

Уинн засмеялась.

— Это его работа, Меган, приглядывать за мной. Его приставили ко мне, когда я была совсем ребенком. Мой брат отправил его со мной, но тебе лучше остерегаться Эйниона. Это веселый мошенник, который любит хорошеньких девушек. Коли на то пошло, всех хорошеньких девушек.

— То-то у него блуждающий взгляд, — ответила Меган, сверкая карими глазами, — но у меня самой такие же глаза. А теперь давайте вымоем ваши красивые волосы, моя госпожа. В них столько дорожной пыли!

Эйнион, возможно, встретил себе пару, подумала про себя Уинн, пока Меган мыла ее длинные волосы. Совсем неплохо, потому что он останется с ней в замке на всю жизнь. Пора ему обзавестись женой и успокоиться. Уинн улыбнулась про себя, размышляя, что подумал бы ее любимый защитник о таких мыслях, и, зная его реакцию, рассмеялась.

Глава 5

Разумом она приняла решение. Внутренний голос не соглашался, но Уинн не стала его слушать. Она заставила его замолчать, дать волю трезвому уму и решила примириться с жизнью в замке Скала Ворона в роли жены Мейдока. В тот же вечер, одетая в красивое фиолетовое платье из шелковой парчи и расшитое серебристыми цветами, она вошла в зал и направилась прямо к Мейдоку. Встала перед ним на колени, открыто покоряясь воле своего господина.

Принц, более созвучный с ней, чем Уинн могла предположить, мгновенно поднял ее и представил собравшимся вассалам и слугам.

— Я подчиняюсь тебе, Уинн из Гарнока, будущая принцесса Пауиса.

Все подвластные ей будут беспрекословно выполнять ее приказания и оказывать ей почтение, — строгим голосом объявил Мейдок — Уинн! Уинн! Уинн! — раздался крик из сотни глоток, когда она, улыбаясь, смотрела на собравшихся.

— Дорогая, никогда больше не преклоняй предо мной колени. Как моя жена, ты равна мне, ты моя другая половина. — Затем он вручил ей кубок вина, поцеловав при этом ее руку. Они сели за богато убранный стол, и Уинн спросила:

— Здесь так много мужчин, мой господин. Разве в замке, кроме Несты и служанок, нет больше женщин?

— Ни одной. Моя мать не любила посторонних. А поскольку она и Неста были довольны, меня это тоже устраивало. Если тебя это огорчает, можно пригласить девушек из других домов составить тебе компанию.

— Когда Неста уедет в Сант-Брайд, я останусь одна, мой господин.

— Может, мой брат позволит моей сестре Мар приехать к нам?

— Думаю, бабушке станет одиноко без девочки. Я видел, что она без ума от нее, — заметил Мейдок.

— Моя мать умерла неожиданно, родив Мар. Бабушка вырастила ее, она для нее скорее дочь, а не внучка.

— Твоя бабушка может приехать к нам, если захочешь, — предложил Мейдок — Бабушка должна остаться с Дьюи, — напомнила ему Уинн. — Брат не может самостоятельно управлять имением.

— Я обещал тебе, Уинн, отправить кого-нибудь в помощь мальчику.

Завтра я поговорю с человеком, которого выбрал в качестве управляющего для твоего брата. Его зовут Давид. Он преданный и умный

человек. Когда мой брат поехал в замок Кей, я послал Давида с ним. Мой отчим не мог управлять именем, а брат был слишком молод и неопытен. Ему было фактически столько же лет, сколько и Дьюи. Давид говорит мне, что они довольно хорошо поладили. Если твоя интуиция против, скажи мне, и я подберу другого. Бабушка, думаю, с удовольствием приедет к нам в замок, если Давид и Дьюи найдут общий язык. Мы могли бы предложить леди Энид больше удобств в ее возрасте, а Мар в нашем доме может рассчитывать на лучшую партию, чем в Гарноке. Ну что скажешь, госпожа?

— Ты так добр, мой господин, — искренне ответила Уинн. — Ты, кажется, заботаешься о моих чувствах на каждом шагу. Не знаю, смогу ли я быть такой же заботливой. Да, мне очень хотелось бы, чтобы бабушка и Мар были здесь со мной, если, конечно, Дьюи будет в безопасности.

— С твоего позволения, Давид вскоре отправится в Гарнок, и если все успешно устроится, тогда леди Энид и Мар после нашей свадьбы переедут к нам жить, — сказал он Уинн.

— Не раньше? — В голосе ее звучало явное разочарование. — Неста выходит замуж в день зимнего солнцестояния. Я всю долгую зиму буду одна.

Он улыбнулся.

— Я хочу, чтобы это время принадлежало только нам, чтобы мы по-настоящему узнали друг друга и никто нас не отвлекал. Обещаю тебе, та не захочешь никаких развлечений, — сказал он, и его взор внезапно вспыхнул.

Она ощутила, что кости ее стали мягкими, как желе. Это было уже знакомое чувство. И она понимала, что Мейдок знает, что с ней творится. Дыхание внезапно участилось, она облизала пересохшие губы.

— Что это за волшебство? — тихо спросила она.

Он медленно улыбнулся и, наклонившись вперед, с наслаждением поцеловал ее в губы. Уинн понимала, что не в состоянии отстраниться. Она даже не была уверена, что хочет этого.

— Думаю, что пришло время идти от поцелуев дальше, — нежно произнесен.

— Когда? — затаив дыхание, спросила Уинн и покраснела, представив, что может он подумать о таком неподобающем девушке рвении.

— Очень скоро, — пообещал он.

— Что идет за поцелуями?

— Ласки.

— Кто кого ласкает?

Он усмехнулся.

— Я ласкаю тебя, а ты меня.

— Как мне надо ласкать тебя? — серьезно спросила Уинн.

— Я хорошенько научу тебя этому искусству, очаровательная бесстыдница, — рассмеявшись, пообещал он.

— Ой, Мейдок, — сердце бешено забилося, потому что она редко называла его по имени, — наверное, это плохо — быть такой любопытной и нетерпеливой? Я знаю, я такая, но ничего не могу с собой поделать. Когда ты меня целуешь, меня обуревают чувства, которых я не могу понять. Но признаюсь, мне хочется узнать, что следует дальше. У меня не было матери, которая могла бы просветить меня, а бабушка рассказала слишком мало об отношениях между мужчиной и женщиной.

— Ах, дорогая, — ответил Мейдок, стараясь скрыть собственные эмоции, — я рад, что у тебя ко мне появились чувства, хотя ты и не понимаешь их. В них нет ничего плохого, мне приятно, что ты не боишься меня.

— Мейдок, брат мой, — прервала их беседу Неста, — думаю, нам с Уинн пора удалиться. Мы несколько дней не спали в нормальных постелях, она, должно быть, измучена, как и я.

Уинн поднялась, и, увидя это, Гвин и Меган покинули свои места на нижнем конце стола, чтобы последовать за своими хозяйками.

Девушки пожелали друг другу спокойной ночи, поцеловались, и Неста, широко зевая, с удовольствием вошла в свою спальню. Уинн не обратила большого внимания на свою комнату раньше. Совсем не желая спать, она с интересом оглядывала ее. В прекрасном камине ярко горел огонь, было тепло и сухо. Красивые гобелены нежно-розового, голубого, зеленого и кремового цвета изображали изысканные пейзажи с цветами, птицами, бабочками. Они свисали с потолка до самого пола, закрывая холодные каменные стены. Уинн ничего подобного не видела. Из окон открывался вид на горы и сад. Для ее вещей было три сундука прекрасной работы, стоял стол, кресло с шерстяным сиденьем и подушкой и великолепная кровать с бледно-розовым пологом, который, казалось, был сплетен из паутины, хотя на самом деле это была тончайшая шерсть. Уинн пришла от него в восторг — он защитит постель от сквозняка, и, кроме того, полог такой изысканный. На кровати лежала высокая перина и необыкновенно красивые, самые пушистые белые меховые покрывала из всех, которые она когда-либо видела.

Меган помогла ей снять элегантный туалет и даже рубашку, к удивлению Уинн, но моментально надела на нее свободного покроя платье с длинными рукавами из прекрасного полотна.

— Ваша ночная рубашка, моя госпожа, — сказала Меган, зашнуровывая ее шелковыми лентами от пупка до шеи.

— У меня ее никогда не было, — призналась Уинн. — Она очаровательна.

— Здесь вы найдете много такого, чего нет нигде в наших землях, — сказала ей Меган. — Наш господин побывал даже в Византии. — Затем она подошла к маленькой дверце в стене и открыла ее. — Это ваш туалет, моя госпожа, — объяснила она.

Заглянув внутрь, Уинн увидела каменную скамью между стен с ровно вырезанной в ней круглой дырой. На полке над скамьей горел масляный светильник. Рядом с сиденьем лежала стопка аккуратно сложенных кусочков материи.

— Поразительно, — сказала Уинн.

— Это всего лишь одна из тысячи вещей, которые изумят вас, моя госпожа. Скала Ворона не похожа ни на одно другое место. — Она закрыла дверь в туалет и живо сказала:

— Позвольте расчесать ваши прелестные волосы, а потом я уложу вас в постель, моя госпожа. Вы, должно быть, измучены путешествием. — Она ловкими пальчиками расплела тяжелую косу, расчесала волосы, пока они не заблестели, как черный шелк, затем заколола их, чтобы ее хозяйке удобно спалось.

— Я сплю в маленькой комнатке и там же развешу вашу одежду, моя госпожа. Ваш Эйнион будет спать вместе с камердинером принца, Бэррисоном, в гардеробной нашего хозяина.

— А ты не замерзнешь? В зале, конечно, тебе было бы потеплее.

Забота Уинн тронула девушку.

— Не беспокойтесь, моя леди Уинн. Камин в кабинете лорда обогревает своей задней стенкой и наши спальные места. Нам всем вполне тепло. Принц иначе и не поступил бы. Он хороший хозяин, и лучше его нет!

Уинн видела эту преданность в течение всего долгого дня с момента их приезда в замок. Искренние заверения Меган и ее явная привязанность к Мейдоку были хорошим знаком, подумала Уинн, когда служанка оставила ее одну. Все будет прекрасно, коль скоро она смирилась со своей судьбой и перестала на каждом шагу беспокоиться.

Уинн попыталась заснуть, но не смогла. Ее переполняли впечатления от приезда в замок и всего того удивительного, что она здесь увидела. Она беспокойно поднялась с постели, отбросив пахнувшие лавандой простыни и теплые меховые покрывала. Подойдя к окнам, Уинн посмотрела в одно из

них. В небе висел полумесяц, при его неярко свете она могла разглядеть мириады звезд, щедро разбросанные небесной рукой по ночному небосклону. Все было так красиво и волшебно, что она вздохнула от одного лишь удовольствия созерцать это великолепие. Рука скользнула по ее талии, и она очутилась в чьих-то нежных объятиях.

— Ты не удивлена, что я здесь, — сказал Мейдок, и это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Нет, — спокойно ответила Уинн. — Я ведь знаю, что ты так же сильно хочешь ласк, как и я, мой господин.

Он тихо засмеялся.

— Ты всегда говоришь, что думаешь, Уинн?

— Да, меня учили, что правда — самое лучшее.

— А тебе не интересно, как я проник в твою комнату, моя дорогая? —

Он наклонился и поцеловал ее плечо.

— В этой комнате три двери, мой господин. Одна ведет в ваш кабинет, другая в туалет, а третья, я думаю, в вашу спальню. Это ведь комната жены принца. Логика подсказывает, что должен быть проход из твоей комнаты в мою.

— Ты наблюдательна, — заметил он, умело расшнуровывая ее ночную рубашку и осыпая быстрыми поцелуями ее шею.

— Что ты делаешь? — ее голос резко зазвучал в собственных ушах, сердце быстро затрепетало.

— Разве логика не подсказывает тебе, что надо снять с тебя рубашку, чтобы я мог как следует тебя ласкать? — поддразнил он.

— А ты не можешь ласкать через ткань? — спросила она, ухватившись за его руки.

— Могу, — согласился он, — но ни ты, ни я не получим полного удовольствия, дорогая. — Он нежно убрал ее руки и закончил развязывать рубашку, которая распахнулась от живота до горла.

Мейдок осторожно спустил с ее плеч рубашку, и она быстро соскользнула на пол, оставив Уинн совершенно обнаженной.

— Ох, — воскликнула она от удивления, поскольку не ожидала, что он разденет ее. Это было первое среди нескольких потрясений, ибо, когда он привлек ее к себе, она поняла, что он тоже обнажен. — О-ох-х! — воскликнула Уинн во второй раз. И:

— О-о-ох-х! — в третий, когда его руки скользнули ниже ее маленьких грудок, чтобы нежно взять их в ладони, как в чаши.

— Не бойся, возлюбленная, — пробормотал он, целуя ее в ушко, а затем легонько покусывая его.

— Я не боюсь, — ответила Уинн, затаив дыхание. — Я просто не ожидала этого. Не так скоро. — Она сделала глубокий вдох и, выдохнув, с наслаждением вдохнула опять. — Мне нравятся твои руки, мой господин.

Он легкими прикосновениями ласкал ее тело, большие пальцы нежно играли с сосками, которые сжались в упругие бутоны. Она бормотала что-то одобрителное, бессознательно прижимаясь к нему спиной. Мейдок вдруг сделал резкий вдох, поскольку нашел свою суженую слишком восхитительной, чем следовало в данный момент. Наклонившись, он поцеловал то место, где встречаются плечо и шея, вдыхая ее свежий, чистый аромат.

Глаза Уинн закрылись, по-видимому, по собственной воле, в самом начале его ласк. Она расслабилась, полностью наслаждаясь его прикосновением и восхитительными чувствами, рождаемыми его искусными руками. Руки безвольно опущены, голова покоилась на его крепком плече. Состояние было столь прекрасно, что она почти мурлыкала от удовольствия, как кошка.

Мейдок отпустил ее грудь и рукой стал круговыми движениями поглаживать нежную кожу живота. Уинн с трудом вздохнула и напряглась под его прикосновением.

— Не надо, дорогая, — тихо успокаивал он, — я не обижу тебя.

Его пальцы посылали возбуждающие заряды в ее кровь.

— Когда, мой господин, я научусь ласкать тебя? — спросила Уинн слегка дрожащим голосом.

В ответ он повернул ее к себе лицом и стремительно поцеловал глубоким и испепеляющим поцелуем.

— Сейчас! — почти простонал он сквозь губы.

Трепещущими пальцами она пробежала по его крепким плечам, в то время как Мейдок продолжал ее целовать, но теперь уже нежно, слегка покусывая ее нижнюю губу, пока, смущенная, она не прошептала:

— Остановись, прошу тебя, мой господин!

Он мгновенно прекратил поцелуи и молча замер.

Все еще робея, Уинн скользнула руками по его гладкой коже. Ее прикосновение напоминало волну, играющую с берегом. Она набегала, потом отступала, неуверенная, не отважась опуститься ниже талии. Мейдок опустил ладони на ее ягодицы, и Уинн последовала его примеру, ее маленькие ручки ласкали его теперь со смелой непринужденностью.

— Тебе приятно, мой господин?

— Наверное, даже слишком, дорога», — последовал ответ. Его руки скользнули вверх, на ее талию, привлекая ее ближе.

Она почувствовала, как его мужской орган прижимается к ее ноге.

Уинн не смела взглянуть на него, но ей показалось, что он довольно твердый и очень большой. Ее ладошки распрямились у него на гладкой груди, а потом с нарастающей уверенностью стали гладить его кожу маленькими круговыми движениями.

— Я хочу еще поцелуй, Мейдок. — И он охотно откликнулся на ее призыв, вызвав новый стремительный прилив тепла в ее теле. — А-аах-х, мой господин, поцелуи и ласки доставляют мне еще большее наслаждение! А тебе?

Кровь стучала у него в висках. Что вопреки здравому смыслу заставило его подумать, что он мог допустить такое и не захотеть полностью овладеть ею? Неужели он получал удовольствие, как и она? Господи, да! Но это был предел, который он мог себе позволить, чтобы не взять ее здесь же и сейчас.

— Как могу я не получать удовольствие от такой нежной ручки и таких сладких губ, Уинн? — Отпустив ее, он наклонился и, надев ночную рубашку на ее восхитительное тело, дрожащими руками начал зашнуровывать ее.

Когда он отступил назад, она увидела его состояние и, протянув руку, взяла его мужское «копье».

Мейдок застонал, как от ужасной боли. Другая девушка могла бы отшатнуться, но Уинн этого не сделала. Она нежно начала ласкать его, приговаривая при этом:

— Какое у тебя сильное и мощное «копье», Мейдок Пауиса. Почему ты закричал? Я сделала тебе больно?

— Я страстно хочу тебя, дорогая. Ты не виновата.

— Я еще не готова полностью отдаться тебе.

— Я знаю. Я думал, что сегодня вечером, возможно, научу тебя получать удовольствие, но понял, что не в состоянии прикоснуться к тебе и при этом не возжелать тебя.

— Я тоже хочу тебя, Мейдок, — услышал он удивительный ответ. — Но повторяю, что еще не готова позволить тебе обладать моим телом и душой. — Она убрала любознательную ручку.

— Дорогая, никто никогда не обладал чужой душой, — сказал он.

— Но тем не менее, если двое по-настоящему любят друг друга, их души встречаются, не так ли, мой господин?

Он медленно кивнул, поразившись ее интуиции.

— Мы были возлюбленными в другое время и в другом месте, — сказала Уинн. — Верно?

— Да.

— Расскажи мне, я уверена, ты знаешь!

— Не могу, дорогая. Ты должна вспомнить. В этом часть нашей судьбы. — Он обнял ее и привлек к себе.

Прижавшись щекой к его плечу, Уинн поняла, что к нему есть подход. Не в состоянии удержаться, она проговорила.

— Мейдок, с того времени, как я начала помнить себя, у меня был сон, — начала она. — Я его никогда не понимала, но теперь, думаю, он имеет какое-то отношение к нам.

— Расскажи мне, — вымолвил он.

Она потерлась об него щекой.

— Собственно, мало что можно рассказать. Он всегда повторяется, и в нем нет смысла.

— Расскажи мне! — Сейчас его мольба звучала настойчиво.

— Я в тумане. Много печали. Я ощущаю ее вокруг себя. Она пронизывает сам воздух. Слышу зовущий голос, а надо мной парит ворон, крича слово: «Вспомни». Потом я просыпаюсь в слезах. Всегда одно и то же.

— Уинн, что говорит тебе голос? — мягко спросил он.

— Он произносит имя, но, как я ни старалась, я не могу различить его, Мейдок.

Он крепко прижал ее к себе и проговорил:

— Это начало.

— Тебе понятен мой сон? — спросила она, отстраняясь и глядя ему в глаза.

— Да. — Лицо омрачилось печалью.

— Но ты не можешь мне рассказать?

Он покачал головой.

— Дорогая, ты должна узнать сама.

— Как?

— Я еще не уверен, но, возможно, есть способ открыть твою память, Уинн. Помочь тебе узнать, что ты должна знать. Нельзя просто рассказать тебе. Я должен над этим подумать, чтобы мы не очутились в тумане, а этого я не могу допустить.

Разговор охладил их страсть. Он поцеловал ее в лоб.

— Тебе нужен отдых, моя дорогая. Последние дни были для тебя утомительны. — Он поднял ее и, пронеся через всю комнату, нежно уложил в постель.

— Очень большая кровать, — заметила она. — Приляг со мной

ненадолго, Мейдок.

— Нет, моя любовь. Если я лягу, я кончу то, что так опрометчиво начал сегодня вечером. Доверься мне, наше время еще не пришло. — Потом он удалился в свою комнату до ее возможных возражений.

Несколько минут Уинн тихо лежала в темноте. Случившееся смущало ее и одновременно приводило в восторг. А сильное душевное волнение! Она улыбнулась про себя. Прикосновение Мейдока было откровением. Робко она дотронулась до себя, почувствовав, как соски стали тугими, однако ощущение было совершенно другим. Приятным, но другим. Внезапно сон стал одолевать ее. Ей еще многое надо увидеть и узнать здесь, в замке Скала Ворона. Она вздохнула и погрузилась в сон.

В последующие дни Уинн выяснила у Несты все, что ей было необходимо знать о хозяйстве замка. Здесь было много полезных новшеств, о которых она никогда и не мечтала. Вместо отдельного дома для приготовления еды кухня располагалась в самом замке на нижнем этаже.

Огород был удобно разбит в главных садах у стены замка. Здесь выращивали латук, морковь, горох, свеклу, кабачки, пастернак, а также зелень для кухни — петрушку, розмарин, шалфей и чабрец. В небольшом фруктовом саду росли яблони, персики и вишни.

Слуги отличались приятным нравом, всегда готовы были угодить ей.

После приезда в замок Скала Ворона Уинн обнаружила, что в ее обязанности входит заказывать повару меню на день. Это был крупный веселый человек, который царил в кухне вместе со своим братом пекарем. После того как Уинн призналась, что не привыкла к такому большому дому, оба, повар и пекарь, с улыбкой успокоили ее, сказав, что скоро она пообвыкнет. А тем временем они помогут ей справиться с новой обязанностью.

— У тебя не будет трудностей, — уверяла ее Неста. — Ты прекрасно управлялась в Гарноке. А в Скале Ворона придется лишь привыкнуть к большому количеству людей, о которых надо заботиться. Я помогу тебе.

— Откуда богатство Мейдока? — однажды поинтересовалась Уинн.

— Есть несколько источников, — ответила Неста. — Наша семья считала неразумным полагаться только на один источник дохода. Лощины внизу сливаются в одну большую долину. Она принадлежит нам, там пасется наш скот. Было время, после смерти моего отца, когда Мейдок покинул Скалу Ворона и отправился путешествовать в Византию. Наша семья всегда занималась торговлей.

— Но ведь замок расположен вдали от моря, — заметила Уинн.

— В этом и нет надобности. Принцы Пауиса-Венвинвина живут здесь,

а наши торговые дома находятся в городах вдоль побережья Уэльса, Англии, а также Ирландии. У нас есть управляющие в землях франков и в городах на берегу древнего моря, которое надо проплыть, чтобы добраться до Византии, где у нас тоже есть торговый дом. Затем мой брат вкладывает средства и в другие торговые дела. Караваны, которые идут в Иерусалим и дальше. Все это довольно сложно. Я и половины не понимаю как следует, но если ты интересуешься, спроси у Мейдока. Ему нравится говорить о собственной ловкости, и он будет часами рассказывать, если ты ему позволишь.

Уинн рассмеялась.

— Думаю, это не очень любезно с твоей стороны, сестра. Мейдок, должно быть, очень умен, чтобы быть таким богатым.

Пролетели осенние месяцы, позолотив окрестные холмы. Наконец наступил декабрь. Теперь зеленели только сосны, а склоны холмов окрасились в серый, черный и коричневый цвета. Приближался день зимнего солнцестояния, а вместе с ним и свадьба Несты и Риза.

Риз прибыл в замок за два дня до бракосочетания, как и велел ему Мейдок. Он приехал с отрядом воинов в 100 человек, в сопровождении своих кузенов, лордов Коуда и Длина, их жен, юного лорда Гарнока, его бабушки и Мар. Мейдок отправил Давида управляющим в Гарнок спустя несколько недель после приезда Уинн в замок. Она порасспросила его и полностью сошлась во мнении о нем с Мейдоком.

— Я понимаю, что брат еще молод, — обратилась Уинн к Давиду, — но вы должны считаться с ним во всем, если, конечно, не будете абсолютно уверены, что он не прав. Иначе он ничему не научится, он очень горд.

— Надеюсь, его гордость ничем не отличается от гордости большинства мужчин, моя госпожа, — ответил Давид, а в глазах у него мерцали насмешливые огоньки. И Уинн он понравился еще больше.

Теперь, когда Давид остался приглядывать за Гарноком, Дьюи мог приехать на свадьбу Риза и Несты.

При виде всех чудес у Дьюи широко раскрылись глаза, но как бы он ни был поражен, он не мог удержаться от резкого замечания:

— А все же я предпочитаю Гарнок.

— Так и должно быть, — согласилась Уинн. — Это твой дом.

— Дурак никогда не меняется, — тихо сказала брату Кейтлин. — Да это место — просто рай, а ты предпочитаешь навозную кучу, откуда мы сбежали? Я продала бы душу сатане, чтобы иметь все это! — И она показала широким жестом на зал.

— Значит, тебе не нравится в Коуде? — поинтересовалась Уинн.

— Если начистоту, довольно неплохое место, но уж очень напоминает Гарнок, — ответила Кейтлин. — Мне приходится прилагать много усилий, чтобы привести его в должный порядок. Но теперь, когда леди Блодвен удалена из дома, станет легче. Я здесь вижу много такого, что могу приспособить в меньшем доме. А может, будет легче просто расширить дом. — Она погрузилась в размышления.

— А что случилось с леди Блодвен? — спросила Уинн, желая узнать, как Кейтлин удалось избавиться от свекрови.

— О, она отправилась в монастырь Сант-Фрайдсвайд, где и закончит свои дни. Ей там хорошо, а я наконец обрела покой, — довольным тоном сообщила Кейтлин.

— Как ты вынудила ее уехать из дома? — строго спросила Уинн. — Только правду, Кейтлин!

Кейтлин самодовольно рассмеялась, а затем, понизив голос, сказала:

— Не хочу, чтобы Артур услышал. Я обещала толстой корове сохранить ее секрет в тайне от сына взамен ее добровольного отъезда. — Кейтлин перешла на шепот. — Я застала мою дорогую свекруху в пекарне с задранными до талии юбками, склонившуюся над столом и набивающую свою утробу пирожными и засахаренными фруктами, в то время как пекарь, грубо схватив руками ее мясистые бедра, накачивал ее доверху своим собственным кремом. Я не один раз наблюдала ее в таком виде, но ждала момента, чтобы разоблачить, до тех пор, пока не убедилась в регулярности этих занятий. Старуха Блодвен похотлива сверх меры, хотя, взглянув на нее, никому бы и в голову это не пришло. Она навещала пекарню по крайней мере четыре раза в неделю, и это в ее-то возрасте! — закончила Кейтлин несколько огорченным тоном.

— Значит, ты заставила ее покинуть дом и уйти в монастырь? — воскликнула Уинн. — Не слишком ли это сурово?

— Я не могу, чтобы такое существо развращало моих детей своим бесстыдством, — чопорно сказала Кейтлин, на мгновение коснувшись руками живота. — Ее поведение непростительно. Она не изменилась бы, позволь я ей остаться. На самом деле, Уинн! Я могла бы простить ей благоразумного любовника из нашего круга, но, сестра, она ведь спуталась с пекарем!

— А какова же участь пекаря? — поинтересовалась Энид.

— Я сказала Артуру, что он оскорбил меня. Его хорошенько выпороли. Он легко отделался, бабушка, да к тому же пекарь не дурак. Он принял наказание и вернулся к своим печам. Я могла бы лишить его жизни.

— Но для этого, — заметила Уинн, — тебе пришлось бы разоблачить

леди Блодвен, и тогда у тебя не было бы такой удачной сделки. Возможно, она вообще не ушла бы добровольно.

Кейтлин кивнула.

— Не смотри на меня так хмуро, Уинн. Блодвен так же хорошо в монастыре, как и в Коуде. Артур проследил за этим, так как он любит ее. У нее будет неиссякаемый запас засахаренных фруктов.

— А какую причину ты придумала для мужа, чтобы отправить ее в монастырь? — спросила Энид.

— Ну что ж, — вновь самодовольным тоном произнесла Кейтлин, — старая корова всегда носилась со своим слабым здоровьем. Вот она и сказала Артуру, что не перенесет присутствия в доме кричащего младенца, будь он даже ее внуком.

— Ты ждешь ребенка? — Уинн внимательно посмотрела на сестру.

— Конечно! — ответила Кейтлин. — А разве не видно? Артур говорит, я расцветаю с каждым днем.

— Мое дитя, ты мне должна была сказать, — пожурила ее Энид. — Когда должен родиться ребенок?

— В июне, — ответила Кейтлин. — Я зачала своего сына, когда мы приехали в Коуд, сразу же после свадьбы. Артур — страстный любовник.

— А я зачала своего сына в первую брачную ночь, — внезапно заговорила Дилис. — Хауел очень доволен мной. Он говорит, что у меня все данные быть хорошей матерью, — с гордостью закончила она.

Энид от удивления покачала головой.

— Когда ваш ребенок должен появиться на свет? — сухо спросила она.

— Разумеется, раньше, чем у Кейтлин, — последовал удовлетворенный ответ. — Это я, бабушка, подарю тебе твоего первого правнука.

Уинн взглянула на Несту, которая, как и она сама, с трудом сдерживала смех. Расстояние сделало мелочность ее сестер смешной. Как и брат, Уинн, как ни старалась, не могла полюбить своих сестер. Они не знали покоя за все время пребывания в Скале Ворона. Они бродили по замку, заглядывая в каждый укромный уголок, наблюдали за хозяйственной жизнью. Они откровенно завидовали старшей сестре, ее богатству, которое, как каждая из сестриц уверяла всех, кто соглашался выслушать их, на самом деле принадлежало ей. Уинн была слишком занята, чтобы уделять много внимания своим сестрам, поскольку заботы о свадьбе Несты легли на нее. Празднование должно быть достойным сестры принца Пауиса. Надо накормить более трехсот гостей, включая вассалов. Но сейчас Уинн уже почувствовала себя уверенно и знала, что сможет приготовить достаточно еды.

С побережья привезли двенадцать бочонков устриц, которые установили в колотый лед и снег, доставленный с ближайших гор. Четыре говяжьи туши зажарят на кухне на больших вертелах. Будет целый бык, два оленя, а также ветчина, гуси, утки, тушеный кролик, приправленный луком, петрушкой и морковью, пироги с куропатками, перепела, зажаренные до золотистого цвета, и павлин, начиненный сухими фруктами, которого внесут в зал на серебряном подносе со всеми его красивыми перьями; форель, пойманная в местных ручьях, будет зажарена в масле и подана с лимоном; лососина на листьях салата; треска, приготовленная в сливках и в сладком вине. Будет крошечный зеленый горошек, мелкая отварная свекла, молодой латук, сваренный в белом вине на пару с луком-пореем и каперсами.

Пекари работали не покладая рук, чтобы испечь превосходный белый хлеб, который подадут на верхний конец стола. Для тех, кто будет сидеть на нижнем конце стола, они напекли сельские буханки и хороший черный хлеб. Масло и мед будут в изобилии, так же как и несколько сортов сыра, из которых шесть кругов Гарнокского Золота привез Дьюи ап Оуен. Сахарные вафли, сваренные в сахаре фиалки и дудник, а также несколько яблочных пирогов, которые подадут с обильным кремом.

Свадебный пирог из сахарной ваты с марципаном станет заключительным угощением для всех гостей. На столах, кроме всего прочего, будут стоять чаши с яблоками и грушами. Октябрьский эль, а также несколько сортов вина утолят жажду гостей. Погребка Мейдока глубоки, и Уинн позаботилась, чтобы не было недостатка в напитках. В качестве особого угощения для сидящих на верхнем конце стола Уинн приготовила праздничный обманчиво крепкий напиток из меда, от которого, как известно, быстрее бежит кровь по жилам.

К этому Риз из Сант-Брайда, разумеется, подготовился, поскольку трехмесячная разлука с Нестой лишь увеличила его страсть к ней. Это было взаимное чувство. Чтобы понять значение слова «любовь», надо было просто посмотреть на них вместе. К несчастью, подумала про себя Уинн, она не может испытывать такого же чувства. Риза и Несту, казалось, связывала тонкая невидимая нить. Они едва могли дождаться дня свадьбы, так они стремились соединиться в браке.

Мейдок рассчитал момент зимнего солнцестояния, и именно в этот миг жених и невеста стали мужем и женой. Неста, светящаяся, как само зимнее солнце, была облачена в золотой наряд — прекрасный фон для темно-рыжих волос и кожи цвета сливок. Ее платье из золотистого шелка все было расшито жемчугом и золотыми нитями. Кайма и широкие рукава

оторочены роскошной коричневой куницей. В шелк кремового цвета, из которого была сшита нижняя туника, были вотканы полосы из чистого золота. Наряд опоясывал свободно свисающий ремешок из крученого золота с жемчужными кисточками. Тонкую шею украшало золотое витое ожерелье с зеленой и синей эмалью. В ушах висели жемчужные серьги. Золотой с жемчугом обруч удерживал длинные струящиеся волосы. На ножках были надеты крошечные золотые туфельки.

Риз блистал, как и его красавица невеста. Его могучее тело было облачено в длинное одеяние из красно-золотой парчи, открытый ворот украшали гранаты и жемчуг. Туника была перехвачена золотой цепью. Из-под длинного наряда выглядывали лишь сапоги, но такие, каких никто из гостей не видывал. Из красной кожи! У жениха не было при себе меча. Явиться в день собственной свадьбы вооруженным — значит нанести самое большое оскорбление.

Они были красивой парой. И когда священник объявил их мужем и женой, Риз сердечно поцеловал Несту под приветственные возгласы гостей. Почти сразу же заиграла музыка. После окончания пира будут танцы. Древний менестрель развлекал гостей, распевая уверенным и благозвучным голосом, невероятным для столь почтенного возраста.

Когда-то он бродил по свету со своими песнями. Но сейчас он уютно доживал свой век в замке Скала Ворона. Уинн оценила историю менестреля как новое проявление доброты Мейдока к людям.

— Ты все прекрасно устроила, — похвалил ее Мейдок во время празднества. — Все предусмотрела. Ты оказала более чем достаточно почестей моей сестре и ее мужу. Я благодарен тебе, дорогая.

Уинн покраснела от удовольствия. Никогда прежде ей не приходилось быть хозяйкой на таком большом торжестве. По мере приближения дня свадьбы Неста, обуреваемая обычным для невесты беспокойством, не могла быть ей полезной.

— Пир удался, мой господин, — согласилась Уинн. — Все гости, похоже, довольны. Признаком моего успеха можно считать то, что Кейтлин за весь вечер ни разу не пожаловалась. Она довольна и местом за столом, и едой, и музыкой, всем! Как ты думаешь, может, будущее материнство смягчило ее?

— Скорее у нее просто нет слов, — ответил Мейдок, а потом зашептал, чтобы только она могла услышать:

— Как ты сегодня прекрасна, Уинн. Зеленый и золотой, несомненно, твои цвета. Как бы мне хотелось, чтобы это была наша свадьба, но, увы, мы должны ждать до Белтейна.

Его слова заставили, сильно забиться сердце Уинн. Она начала понимать, что Мейдок из Пауиса был романтиком. И ей хотелось остаться наедине с ним. Она не могла дождаться, когда разъедутся гости. Он оказался прав, когда сказал, что им нужно побыть одним. Они останутся одни. Ей хотелось лучше узнать его, выяснить, что именно связывает их. И все же она опасалась еще раз соединить с ним свою судьбу. Внезапно Уинн почувствовала желание переступить барьер, разъединяющий их, каким бы он ни был.

Уинн взглянула на своего суженого и заметила, что он улыбается.

— Плутишка! — бросила она ему и слегка шлепнула по руке. — Опять читал мои мысли. — Она глубоко вздохнула. — Мейдок, ты неисправим!

— Я люблю тебя, — просто ответил он, словно это его оправдывало.

Уинн засмеялась.

— Что мне с тобой делать, Мейдок Пауиса?

— Любить меня, дорогая. Это все, что я хочу от тебя.

— Нет, — внезапно став серьезной, ответила Уинн. — Есть большее, но оно придет, я знаю. Я чувствую, как меняюсь здесь, в Скале Ворона.

Молодых уложили в постель, добродушно подшучивая и делая недвусмысленные намеки. Гости разбрелись по своим спальням. А утром из окна комнаты Несты была вывешена простыня с красными пятнами, доказательством ее невинности и удали Риза. Гости, хорошо позавтракав, начали разъезжаться. Уинн, вернувшись в свою спальню поменять туфли, которые натирали ей ноги, удивилась, услышав голос Несты, доносившейся из комнаты Мейдока. Заинтересовавшись, она подошла поближе, не в силах удержаться.

— Ты счастлива? — спросил Мейдок.

— Да, — ответила Неста. — Очень, но я боюсь за тебя, мой брат. Вчера приехал Брайс, я знаю. Ты думал, что утаишь это от меня?

— Он доехал только до моста через реку, до того как я отправил его назад. Он не будет тебя больше беспокоить, Неста.

— Ах, Мейдок, он не меня ищет, чтобы навредить, а тебя! Он также ненавидит тебя, как наш отец ненавидел твоего. Та же горечь, та же зависть. Кажется, он весь пропитан ею. Мой брат — ужасное проклятие, черное и злое.

— Он не причинит мне вреда, Неста, — уверял Мейдок сестру. — Он знает размеры моей силы.

— Он так же знает, что, несмотря на твою волшебную силу, у тебя доброе сердце и ты не причиняешь никому вреда. Будь у Брайса твоя сила, он охотно разделался бы с тобой и получил бы от этого удовольствие.

Возможно, сам по себе ты неуязвим, Мейдок. Но сейчас ты стал уязвимым через свою любовь к Уинн.

— Брайс ничего не знает об Уинн.

— Знает! — уверенно ответила Неста, — Возможно, ему неизвестно, что ты много лет назад обручился с ребенком, но можешь быть уверен, он знает, что твоя суженая живет в замке! Он часть этого, Мейдок. Важная часть! У Уинн не было еще проблесков памяти?

— С детства она видит один и тот же сон, — сказал он Несте и затем пересказал ей содержание сна. — И ничего больше.

— Ей надо знать правду, Мейдок. Особенно чтобы Брайс не попытался вновь разрушить твоё счастье, — твердо сказала Неста.

— Я не могу ей рассказать, Неста, ты ведь знаешь. Она должна вспомнить все сама.

— Ты можешь ей помочь, ничего не рассказывая, и прекрасно это знаешь, — горячо возразила Неста.

Уинн была зачарована разговором между братом и сестрой. Что все это значило? Она надеялась на чудо, что никто не войдет в покои принца и не увидит ее подслушивающей. Ей хотелось узнать больше.

— Я надеялся, что здесь, в Скале Ворона, в моем обществе она начнет вспоминать.

— У тебя осталось мало времени, брат. Твоя свадьба назначена на первое мая. Помоги ей! Я не могу спокойно уехать в Сант-Брайд, зная, какая вам обоим грозит опасность от Брайса, пока вы не решите это дело между вами раз и навсегда. Мейдок, я люблю Уинн. Как и когда-то, она и сейчас милейшая душа, — сказала Неста с чувством.

— Я последую твоему совету, сестра. А сейчас ты должна найти своего мужа и собираться в дорогу, потому что я горю желанием остаться с моей прекрасной госпожой один.

Уинн тихонько проскользнула на прежнее место, услышав его последние слова. Она была бы очень смущена, если бы ее застали подслушивающей столь интимный разговор. Поменяв туфли, она вернулась в Большой Зал как раз вовремя, чтобы тепло распрощаться с Нестой и Ризом и вместе с Мейдоком проводить их на главный двор замка, где ждали лошади и отряд воинов.

Неста, сияющая от счастья, сердечно обняла Уинн.

— Я приеду весной на вашу свадьбу, — пообещала она.

— Мне не хочется, чтобы ты так скоро уезжала, — сказала Уинн.

— Будет буря, — предсказала Неста, — нам лучше поскорее выбраться из гор, пока она не разразилась.

— Но через несколько дней Рождество, а вы все еще будете в пути, сокрушалась Уинн.

— В таком случае отпразднуем в дороге, — рассмеялась Неста. Хочу поскорее быть в своем доме. Увидев первый раз Риза, я поняла, что мне придется хорошенько потрудиться, чтобы сделать замок Сант-Брайд пригодным для жилья.

Она в последний раз обняла Уинн и поцеловала в щеку.

— Позаботься о Мейдоке, Уинн, а если придется встретиться с нашим братом Брайсом, остерегайся его. У него ангельская внешность, но сам он — дьявольское отродье.

— Жена! — проревел Риз, счастливый и довольный собой. — Ты теряешь время, сплетничая во дворе с нашей сестрой На лошадь, говорю я!

— Да, мой господин! — кратко ответила Неста, незаметно подмигнув Уинн. Он поднял ее и посадил в седло, вложив ей в руки поводья.

Мейдок обнял Уинн. Стоя у входа в замок, они вместе помахали на прощание лорду и леди Сант-Брайда, пока гости не скрылись из виду за поворотом.

— Ну вот, сейчас мы одни, дорогая, — сказал он, улыбаясь ей.

— Я рада этому, Мейдок, — искренне ответила Уинн и улыбнулась ему в ответ, когда они входили в замок.

Глава 6

Неста, которая чувствовала изменения погоды, правильно предсказала приближение бури. К вечеру следующего дня после тихого серого затишья пошел снег. Он падал всю ночь. Хрупкие маленькие снежинки прилипали ко всему, чего они касались, пока замок и его окрестности не окутал белый покров. Окна покрылись морозными узорами.

Снежная буря принесла с собой глубокий покой, который проник даже сквозь стены замка.

Они были вдвоем в Большом Зале, который казался огромным. Огонь весело пылал в четырех больших каминах. Искры время от времени с треском отскакивали от горящих поленьев, неизменно вызывая испуг.

Вчера после обеда они совершили прогулку верхом. Мейдок согласился с сестрой, что приближается непогода, и предложил Уинн воспользоваться возможностью прокатиться на лошадях, пока это еще возможно. Сегодня Уинн наблюдала, как слуги наводили в замке порядок после торжеств.

Они уютно сидели вместе, смакуя превосходное сладкое вино. Мейдок немного поиграл на маленькой свирели. Внезапно положив ее, он взглянул на Уинн.

— Что тебя беспокоит, дорогая? Я чувствую, что ты огорчена.

— Меня охватила тоска, ведь я несколько дней не видела старину Дью, моего ворона. У меня не было времени поискать его из-за приготовлений к свадьбе Несты. Мы вчера проехали верхом почти до ужина, а он так и не появился. Теперь, когда разыгралась непогода, я беспокоюсь, все ли с ним в порядке. Для птицы он довольно стар, Мейдок.

— Неужели это уродливое черное существо так много для тебя значит, Уинн, что может нарушить твой покой?

— Он вовсе не урод! — защищала птицу Уинн. — Для меня он самый красивый ворон.

Мейдок рассмеялся.

— Почему он так много для тебя значит, что ты даже защищаешь его от моих нападок?

— Старина Дью был мне другом всю мою жизнь, — нежно ответила Уинн. — Я верю, он охранял меня от беды, хотя знаю, что это невозможно.

— Почему же, вполне возможно.

— Не понимаю тебя, Мейдок.

— Закрой на мгновение глаза, дорогая, — тихо попросил он.

Она ему уже вполне доверяла и поэтому послушно закрыла глаза.

Через мгновение Уинн открыла глаза и с трудом поверила тому, что увидела. По залу парил старина Дью, летая среди балок Большого Зала с торжествующим карканьем.

Уинн рассмеялась и радостно захлопала в ладоши.

— Я знала это! Я все время догадывалась! Я просто не знала, что это ты, — воскликнула она. — Ты оборотень, Мейдок!

Большой черный ворон летел прямо к ней, и не успела Уинн моргнуть глазом, как перед ней опять стоял Мейдок.

— ТЫ не испугалась? — спросил он.

— Нет! Мне хочется узнать, как ты это делаешь! Ты научишь меня? Ох-х-х, Мейдок. Значит, это ты охранял меня все эти годы. И тебе я доверяла все свои секреты. Это был ты!

— Да, Уинн, я. Я никогда не хотел вторгаться в твою личную жизнь, дорогая. Сначала мне было интересно знать, как ты растешь. Хотел убедиться, что ты здорова и счастлива. Затем появилось новое желание.

Оказалось, мне нужно было быть рядом с тобой. Без этого я не мог чувствовать себя счастливым. Иногда случалось, что собственные заботы не давали мне возможности видеть тебя по несколько дней, недель, тогда я становился раздражительным. А что стоил мне тот год, когда я отправился в Византию! Это была пытка! После нескольких месяцев я так отчаянно мечтал тебя увидеть, что притворился больным, чтобы на некоторое время уединиться и с помощью сильных чар несколько коротких минут глядеть на тебя.

— Да, ворона не было целый год, — задумчиво проговорила Уинн. — Мне было тогда, я полагаю, лет восемь. — Она посмотрела на него. — Это всегда было частью тебя? Я имею в виду волшебство. В другом времени?

— Нет, — ответил он. — Только в этом времени и месте.

— Но как ты узнал об этом? Ты был ребенком, когда умер твой отец. — Она взяла его за руку и подвела к скамье перед камином.

Когда они сели, Мейдок сказал:

— Мой отец был убит, Уинн. Рукой своего брата. Это не несчастный случай. Видели, как дядя совершил грязное дело. Свидетельницей преступления была бабушка, но она всего лишь женщина. Она ничего не могла сделать. Поэтому она рассказала об этом нескольким верным слугам и взяла с них клятву сохранить все в секрете. Остаток дней она провела, оберегая меня от Синбела.

— Когда мне было семь лет, я уже знал, как уничтожать. Но отец

внушил мне, что жизнь — священная для Богородицы и Всевышнего. С того момента, как я научился ходить, я стал бывать с отцом в лаборатории.

После его смерти я учился самостоятельно по его тайным книгам, которые были спрятаны от моего дяди. Он непременно взял бы их себе, несмотря на то, что они не принесли бы ему пользы. Он всегда считал, что, отыскав эти книги, сможет изменить судьбу, которую ему и его потомкам предопределил собственный отец. — Мейдок вздохнул. — У моего дяди была такая испорченная душа, Уинн. Он женился на моей матери, чтобы завладеть Скалой Ворона, но не сумел сделать этого. После рождения Брайса его безумие — а это было именно безумие — стало проявляться еще сильнее. Он решил, что его сын должен иметь то, что принадлежало мне. Он с ранних лет учил Брайса ненавидеть. Зависть, пожиравшая его, проникла и в Брайса. Конечно, под неусыпным оком бабушки и верных слуг я был в безопасности. У дяди не было возможности навредить мне. Он из-за пустяка настроил против меня брата. Но коль скоро дело сделано, изменить уже ничего нельзя. Брайс пытался овладеть Нестой, зная, как сильно я люблю нашу сестру. Своим извращенным умом он считал, что это насилие будет для меня смертельным ударом.

— Но ему не удалось, — мягко проговорила Уинн, — и он очутился в изгнании, которое только усилило его горечь и гнев против тебя.

Мейдок печально кивнул.

— После этого ни о каком примирении не могло быть и речи, хотя после смерти отца я ради матери сделал такую попытку.

— Он женился? — поинтересовалась Уинн.

Мейдок резко засмеялся.

— Нет! Он открыл для себя, по его мнению, прекрасный путь мщеника. Церковь. Несколько лет назад он принял духовный сан. А после смерти старого епископа в Кей два года назад мой брат бесстыдно купил его место. Он один из самых молодых епископов в церкви. Теперь Брайс пытается уничтожить меня, заявляя, что моя сила исходит от дьявола. В суде короля Граффиды есть несколько болванов, которые опасаются моего влияния и охотно поверят в это.

— Тогда женитьба на мне очень выгодна для тебя, ибо я в родстве с королем, — задумчиво заметила Уинн.

— Я не потому обручился с тобой, дорогая, — ответил он.

— Я знаю, Мейдок, и не боюсь узнать причину, по которой ты берешь меня в жены. Я верю тебе. А теперь покончим с твоим братом! Я хочу, как и ты, принимать другое обличье.

Он усмехнулся.

— Зачем? Я думал, ты любишь меня не за мои знания в искусстве магии, Уинн. Сомневаюсь, что мне не следует оскорбиться.

— Я не знаю, почему я люблю тебя, Мейдок. — Произнеся эти слова, Уинн выглядела более пораженной, чем мужчина, сидевший с ней рядом. — Ох-х-х! — выдохнула она, широко распахнув от удивления зеленые глаза.

— Ты меня любишь? — спросил он слегка сдавленным голосом.

— Мне кажется, я произнесла именно это, не так ли? — Уинн от досады прикусила нижнюю губу, а потом, осторожно подбирая слова, продолжила:

— Думаю, я люблю тебя, Мейдок. Я, конечно, не осознавала этого, пока слова сами не сорвались с моих губ. Когда такое могло случиться? Я знаю, что хочу тебя, и это правда, но любить тебя? Что ж, я произнесла эти слова, и, похоже, у меня нет желания отрицать это, значит, так оно и есть на самом деле. Это, однако, не изменило того, что было между нами в другое время и в другом месте и что должно быть завершено. Видимо, сейчас мы сможем уладить наше прошлое разногласие, поскольку в моем сердце зародилось к тебе нежное чувство.

Впервые в жизни у Мейдока не нашлось слов. Он знал, что должен что-то сказать, но боялся своими словами опять отдалить ее от себя.

Уинн быстро решила за него эту задачу.

— Теперь, когда мы пришли к соглашению, мой господин, скажи, когда начнешь учить меня перевоплощаться.

Ему удалось справиться с волнением.

— Это просто, Уинн, но может оказаться опасным занятием. Мир, в котором мы с тобой живем, уже совсем иной, чем у наших кельтских предков. Меня многие называют волшебником, приписывая мне большую силу, чем есть на самом деле. Знание, которым я владею, когда-то высоко почиталось и ценилось нашим народом. В этом нет зла, если только знание не стало достоянием злых людей. И так было всегда.

Сейчас, однако, говорят, что все это исходит от дьявола. Поэтому я должен скрывать большую часть того, что знаю, от окружающих, чтобы меня не сочли учеником дьявола. Все же молва обо мне продолжает гулять по свету из-за истории принцев Пауиса-Вснвинвина. История, заново выдуманная и приукрашенная моим братом Брайсом для услады невежественных, глупых и суеверных людей.

— Ты должен передать свои знания, мой господин, — спокойно сказала ему Уинн. — Это часть нас самих. Не просто тех, кем мы были вчера, но и нас сегодняшних, и тех, кем мы будем завтра.

— Возможно, сегодня, но не уверен относительно завтра дорогая. Тем не менее я научу тебя всему, что знаю сам. Но прежде чем я передам тебе секрет изменения облика, ты должна будешь узнать много других вещей. У тебя в Гарноке есть маленькая лаборатория. В моем замке тоже.

Завтра мы с тобой туда и отправимся. Я посмотрю, насколько ты преуспела в приготовлении микстур, а потом буду учить тому, что тебе надо знать. Нам придется усердно поработать, Уинн, и предупреждаю, я строгий учитель.

— Меня тоже не устраивает плохая работа, Мейдок, — ответила она.

Он улыбнулся, услышав ее гордый ответ, взял за руки и поднял со скамьи.

— Уже поздно, дорогая. Пора в постель. — Он нежно поцеловал ее в губы.

Утром, когда Уинн поднялась и умылась, вошла Меган с подносом, на котором лежали свежий хлеб, тарелка горячей ячменной каши, ломтик ветчины, глиняный горшочек несоленого масла, медовые соты и кубок сладкого вина, разведенного водой.

— Когда вы будете готовы, госпожа, мне ведено отвести вас к принцу.

От волнения Уинн ела медленно и опустошила весь поднос. Она не знала, сколько они пробудут в лаборатории Мейдока и когда у нее будет возможность поесть вновь. Когда она покончила с завтраком, Метан подала полоскательницу с ароматной водой, чтобы Уинн могла вымыть руки и лицо после еды. Затем она протянула хозяйке наряд цвета травы.

— Что это? — спросила Уинн, впервые увидев незнакомый туалет.

— Хозяин просил вас надеть его, чтобы доставить ему удовольствие, — ответила Меган.

Уинн надела шелковое платье до самого пола, с простым круглым вырезом, которое облегалo ее фигуру. Узкие рукава доходили до запястьев. Поверх него — зеленое парчовое с рукавами чуть ниже локтя, от шеи до каймы оно имело спереди разрез. Трехдюймовая тесьма с национальным кельтским рисунком, вышитая золотом, спускалась сверху донизу и украшала горловину платья, отвороты на рукавах и подол.

— Присядьте, госпожа, я причешу вас.

Уинн села на стул, и Меган начала осторожно распутывать сбившиеся после сна длинные, до колен, черные волосы, расчесывать их, пока они не заблестели, и заплела в одну толстую косу, которую ее хозяйка так любила. Когда она закончила, то надела на лоб простой узкий обруч из червонного золота и, встав на колени, обула хозяйку в мягкие фетровые туфли.

— Вот вы и готовы, моя госпожа. А теперь я отведу вас к принцу

Мейдоку — Меган поднялась и грациозно пошла к двери. Уинн последовала за служанкой. Они быстро прошли по замку до конца коридора, освещенного мерцающими факелами, потом вверх по лестнице с каменными ступенями в башню. На верху лестницы была маленькая дверь, перед которой Меган остановилась.

— Постучите один раз и входите, моя госпожа.

— Ты дальше не пойдешь? — поинтересовалась Уинн.

— Нет, моя госпожа. Никому в замке, кроме принца, нельзя переступить порог этой комнаты. Это особое место, освященное старинными обычаями нашего народа. Простой смертный, нарушивший святость этой комнаты, совершит великое кощунство. Вас, как и принца, этот запрет не касается. Мы все знаем это, иначе он не выбрал бы вас в жены.

Уинн тихо стояла перед дубовой дверью, слушая эхо шагов Меган, удалявшейся по узкой лестнице. Наконец, подняв руку она стукнула один раз и отчетливо услышала через толстую дверь его голос, приглашающий ее войти. Что она и сделала.

— Доброе утро, дорогая, — приветствовал ее Мейдок, когда она вошла в комнату — Надеюсь, ты готова усердно потрудиться. — Он улыбнулся.

На Мейдоке был такой же наряд, как и на Уинн, только фиолетового цвета. На шее висела тяжелая серебряная цепь с кулоном, в который был вставлен самый большой лунный камень из всех виденных Уинн. Он был размером с маленький абрикос, который Мейдок прислал ей прошлым летом. Серебряная диадема, удерживающая его непокорные черные волосы, была усыпана лунными камнями небольшого размера. Он казался ей больше, и Уинн внезапно пришло в голову, что она немного побаивается его.

Она учтиво поклонилась, стараясь скрыть эту мысль и надеясь, что он не прочтет ее.

— Я готова выучить все, что ты мне скажешь, Мейдок, если в конце ты научишь меня изменять облик.

— Со временем, дорогая. Не будь такой нетерпеливой.

Уинн с откровенным интересом оглянулась вокруг.

— Где мы? — спросила она.

— Это восточная башня Скалы Ворона, — последовал ответ.

— Одна из круглых башен, — произнесла Уинн. — Я бы сказала, главная башня замка. — Она осмотрелась. В закруглении стены был небольшой камин в форме перевернутой буквы U. На каменной плите ярко пылал торф. В комнате стоял большой стол в виде буквы L с грифельной

столешницей и такой же, но только Т-образной формы. На каждом из них стояли ступка и пестик. В углублении одной из стен находились полки, заставленные пузырьками, чашами, колбами и другими сосудами из стекла и камня разнообразных размеров и форм, заполненными колышущимися жидкостями, пастами, порошками и другими веществами, происхождение которых она в этот момент понять не могла. На каждом столе стояло несколько жаровен с древесным углем.

Со стен свисали пучки трав, корней и сухих цветов.

Все это напоминало ей собственную маленькую аптеку в Гарноке, где она смешивала лекарства и мази, чтобы лечить людей.

В комнате было светло от небольших факелов, укрепленных в стене. Они были просто необходимы, так как через окно проникал лишь тусклый свет хмурого утра. Под окном на высоком трехногом пюпитре лежал толстый манускрипт.

— Замечательная комната, — искренне похвалила Уинн.

— Ты, наверное, заметила, — сказал он с мрачным юмором, — что здесь нет маленьких рогатых чертей, прячущихся по углам и готовых выполнить мое злое приказание. Нет ни одной черной кошки, как, впрочем, и других, которая была бы мне помощницей. Боюсь, я разочарую тех, кто считает мое искусство дьявольским. У меня, кажется, отсутствуют все необходимые атрибуты.

— Думаю, если подобные вещи были бы тебе необходимы, Мейдок, вряд ли бы они бросались в глаза, — пошутила Уинн. — Странно, что мир, в котором мы живем, отрицает такую замечательную часть нашего наследия. Однако я понимаю необходимость быть осторожной и буду соответственно вести себя.

Он кивнул.

— Говорят, Уинн, что нам, бывшим когда-то хозяевами этой земли, нужно учиться искусству компромисса. Компромисс ограничивает и тушит пламя таланта. Тем не менее мы должны выжить в этом новом и праведном мире, в котором очутились... Но хватит с нас этой пустой болтовни, дорогая. Ты пришла за знаниями, я буду учить тебя. Сначала я должен выяснить, как много ты на самом деле знаешь. Подойди к столу в форме L и приготовь любовный напиток. Ты знаешь, как его готовить?

Уинн подняла брови.

— Я не была бы целительницей, если б не знала секрета любовного напитка, Мейдок. — Затем она повернулась к полкам и, осторожно поискав среди банок и сосудов, сняла именно те составные части, которые ей были нужны, поставив все аккуратно на стол. Умело отмерила необходимое

количество каждого вещества, поместила его в ступку, где измельчила до необходимой тонкости, а потом пересыпала в большую чашу, в которой и начала готовить смесь. Закончив, Уинн выжидающе посмотрела на Мейдока. — Ну что? — спросила она.

— Как ты дашь его? — задал вопрос он, не проявляя своего отношения к ее работе.

— Щепотка в кубке вина — и трюк обычно удастся, — ответила она.

— Действие будет даже сильнее, если ты добавишь... — Он помолчал, быстро пробежав глазами по полкам, пока не нашел то, что искал. — Измельчить три цветка фиалки до средней тонкости. Запомни, цветки, а не листья. И щепотку фиалкового корня. Смесь с этими двумя компонентами получается более вязкая и более эффективная. Приготовив ее таким образом, ты можешь также добавить смесь в красное вино. Его нужно довести до кипения, но не кипятить, — предупредил он, — иначе любовный напиток теряет силу. Обработанное вино может благополучно храниться несколько месяцев в каменной бутылки и не потеряет свои свойства. Одна лишь маленькая ложка, добавленная в кубок холодного вина или кружку эля, подействует как надо. Давай мы истолчем твои вещества в тонкий порошок. Затем я покажу тебе, сколько надо взять вина и как правильно нагреть смесь. Сделав раз все удачно, ты никогда не забудешь.

— Могу ли я доверять тебе столь сильное средство, Мейдок? — поддразнивала его Уинн.

— Мне не нужно никакого любовного напитка, чтобы привязать себя к тебе, дорогая. Моя преданность пережила века. Надеюсь, ты скоро вспомнишь это.

Уинн порозовела от комплимента, но ничего не сказала. Вместо этого она принялась растирать составленную смесь в порошок. Мейдок в это время зажег одну из горелок и установил недалеко от себя на столе. Некоторое время они работали бок о бок; он спрашивал один компонент за другим; Уинн показала ему свои знания, и они оказались достаточно обширны для юной девушки. Она многому научилась в раннем детстве от своей матери, опытной целительницы. После смерти Маргиад, Энид завершила образование Уинн. К тому же Уинн поступала разумно, запоминая рецепты, которые предлагали ей старики Гарнока. У стариков есть запас мудрости, и грех не воспользоваться ею.

Сейчас, работая с Мейдоком, она поняла, как многому ей надо научиться. Это была еще одна нить, которая, как она надеялась, свяжет их и, возможно, даже поможет ей вспомнить, что разделяло их. Иногда, как в случае с любовным напитком, он улучшал ее составы. Другие он не трогал,

быстро кивая в знак одобрения, прежде чем уничтожить некоторые смеси, а иные убрать на хранение.

Время летело незаметно, день убывал. Наконец Мейдок объявил, что пора заканчивать.

— Этот стол и эта комната открыты для тебя, когда бы ты ни пожелала прийти сюда, чтобы приготовить лекарства и мази для наших людей.

Она кивнула, а потом сказала:

— Объясни, почему из всех красивых птиц на свете ты выбрал ворона? Тихая улыбка стерла серьезное выражение его лица.

— Это верно, я мог быть кем-то другим, но подумай, Уинн. Ворон простая и распространенная птица. Люди на него не обращают внимания. В полете у него нет врагов, поскольку хищные птицы не станут беспокоить ворона, который занимается своим делом. Ворон похож на заурядное лицо в толпе людей. Один похож на другого. В целом этой птицей быть не опасно. Когда я изменяю свой облик, я не подвергаю жизнь опасности.

— Что же это за секрет? — спрашивала Уинн.

— Еще рано, дорогая. Тебе надо многое узнать, а поскольку я не стану рисковать собой, то уж, конечно, не подвергну и тебя риску. В конце концов я научу тебя волшебству, но не сейчас.

Она вздохнула, но благоразумно согласилась с его решением.

— Ты устала? — заботливо спросил он, когда они вернулись в свои покои.

— Да, — кивнула она, вздыхая.

— Нас только двое, дорогая. Давай искупаемся, отдохнем, а потом отужинаем в моем кабинете перед камином. Тебе это доставит удовольствие?

— Да, мне бы хотелось принять ванну и провести спокойный вечер в наших покоях, — согласилась Уинн. — Чтобы нам принесли сюда еду и мы бы уютно устроились перед камином. Потом отпустить слуг, они нам не нужны. Я сама буду прислуживать тебе, мой господин.

Предусмотрительная Меган, как всегда, приготовила для хозяйки ванну. Она расплела ей косу, расчесала, а потом, свернув пряди кольцом, заколола их наверху головы золотыми шпильками. Помогла ей раздеться и залезть в большую дубовую ванну. А потом, к ее удивлению, была на весь вечер отпущена своей госпожой.

— Я вымоюсь сама, — сказала она Меган. — А ты проведи время, сводя с ума Эйниона, как мне кажется, совсем недавно ты это с ним уже проделала. Это самая невинная забава и, думаю, весьма ему приятная, — усмехнулась Уинн. — У него, как правило, свой подход к женщинам.

— Со мной такое не пройдет, госпожа, — бойко ответила с ухмылкой Меган. — Я не из тех служанок, довольствующихся быстрыми поцелуями, за которыми он привык волочиться. — Она прелестно присела в реверансе. — Если я вам не понадобится, моя госпожа, тогда я пожелаю вам спокойной ночи.

— Ну беги, — улыбаясь сказала Уинн, наблюдая, как Меган буквально вылетела из комнаты. Между Эйнионом и служанкой определенно зародился роман.

Она удобно устроилась в большой круглой ванне, мурлыча от удовольствия, когда горячая вода успокаивала ее уставшие плечи и мышцы шеи, которые болели после длительной работы согнувшись. Аромат диких цветов поднимался вместе с паром и наполнял комнату. В камине уютно потрескивал огонь, а за окном завывали зимние ветры и тяжело вздыхали вокруг замка. Уинн прикрыла глаза и расслабилась.

Внезапно она почувствовала, что не одна.

— Не хочешь ли присоединиться ко мне, мой господин? — спросила она, даже не утруждая себя открыть глаза.

— А я не огорчу тебя? — спросил он.

Теперь Уинн открыла свои зеленые глаза и посмотрела прямо на него. Он стоял перед ней обнаженный и прекрасный как бог. Она никогда не видела взрослого обнаженного мужчину. Вид Мейдока не удивил ее и не напугал. Тело гармонировало с красивым мужественным лицом. Он был строен. Ноги покрыты волосами, тело было гладким, кроме небольшого треугольника густых черных кудрей в паху, обрамляющих его детородный орган.

Уинн опять перевела взгляд на лицо.

— Наши предки не видели ничего плохого в близости, Мейдок. Ты мой жених, я твоя невеста. — Она подбадривающе улыбнулась ему. Иди ко мне, вода восхитительная. Возьми щетку, я потру тебе спину.

— Ты вновь меня удивляешь, дорогая, — сказал Мейдок.

Уинн рассмеялась.

— Наша свадьба будет первого мая, мой господин. Я в замке уже три месяца. Хотя я замечаю, как с каждым днем во мне все больше растет желание и я на самом деле полюбила тебя, этого недостаточно. Я должна вспомнить до нашей свадьбы все, что было между нами в прошлой жизни. Ты признался, что когда-то мы были возлюбленными.

Возможно, если мы вновь станем любовниками, моя память о минувших временах вернется ко мне и мы завершим то, что раньше осталось незаконченным между нами, прежде чем снова соединим наши

жизни.

— Уинн, ты понимаешь, о чем говоришь?

— Не отказывай мне в этом, Мейдок, — серьезно ответила она. — Тебя огорчит, если я перестану быть девственницей? — Он погрузился в ванну, она потянулась к нему, соблазнительно обвивая руками его шею. — Ты не сердись на меня, Мейдок? — Маленькие упругие груди прижались к его груди.

Погиб. Полностью растворился в бездне ее зеленых, как лес, глаз.

Перед ним мерцал ее ротик, кораллово-розовый, сладкий, словно ягода, и жаждущий поцелуя. Его называли волшебником, и все же это Уинн была волшебницей, с ее невинностью и древними инстинктами, развлекающая и околдовывая его до тех пор, пока он не мог больше устоять перед ее чарами. Мейдок знал, что в его власти пробудить у нее в памяти воспоминания их прошлого, которые она подавила в своем сердце и разуме; но сейчас его обуревало одно желание — насладиться с нею любовью. Она продолжала обольщать его. Он чувствовал, как ручка искусительницы, обняв его за шею, влекла его к своему восхитительному, желанному роту.

— Я не смогу остановиться, — в отчаянии прошептал он, делая последнюю попытку не потерять рассудок.

— Я не начинала бы этого, если б ожидала, что ты остановишься, Мейдок, моя любовь, — пробормотала она, покусывая его нижнюю губу — Я не та скромница, которая распаляет мужчин лишь для того, чтобы в решительный момент пойти на попятный. Я — твоя!

Он сдался со стоном, неистово впившись в нее сильным, почти что грубым поцелуем. Победный гимн звучал в его ушах. Она принадлежала ему!

Уинн ответила на его страстный поцелуй. Время девичьей скромности давно ушло. Разгоряченная кровь лихорадочно стучала в висках от желания полностью соединиться с этим человеком. Научиться обладать им. С этой стороны их взаимоотношений все было замечательно. Она приоткрыла губы, как он ее учил, и почувствовала, как его язык проскользнул ей в рот и стал играть с ее язычком. Ее гибкий стан прижался к нему, когда их губы слились в безумном и влажном поцелуе.

Господи! Ему немедленно нужно взять себя в руки, иначе он овладеет ею прямо здесь, в ванне. Она невинна и заслуживает лучшего, чем это, в первый раз близости. Он с трудом оторвался от нее, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы прийти в чувство, прежде чем твердо отстранить ее от себя. Боль в ее глазах поразила Мейдока.

— Что случилось? — Мольба звучала в ее голосе.

Он улыбнулся, желая успокоить ее.

— Нам еще представится случай насладиться любовью в ванне, моя дорогая, но не в этот раз. Сегодня все должно быть для тебя прекрасным. По крайней мере настолько, насколько мне удастся. Это право каждой женщины, когда она лишается невинности, и я не отберу его у тебя. Сейчас потри мне спину, Уинн, а потом мы перейдем в мою спальню, где я постараюсь доставить тебе наслаждение, которое должны испытать все женщины.

Дрожащими руками Уинн потерла его, промыв потом кусочком мягкой материи. Затем, к ее удивлению, он проделал то же самое.

— Ты говоришь, что доставишь мне удовольствие, Мейдок, — тихо сказала она, — но мне бы хотелось научиться и тебе доставлять удовольствие.

— Я научу тебя, моя дорогая, но сегодня, Уинн, я буду господином нашего наслаждения, ибо принести радость тебе, значит, и самому получить ее. Сейчас тебе не понять, но вскоре ты узнаешь, что это так. — Он нежно поцеловал ее, слегка погладив тыльной стороной руки ее подбородок. Затем, выйдя из глубокой дубовой ванны, поднял ее и поставил на теплые камни пола. Достав грубое полотно, Мейдок насухо растер ее.

— Ты простудишься, — нежно проговорила Уинн и, взяв другой кусок ткани, вытерла его.

5 Ворон — Мне скоро будет жарко, — пошутил он, опустившись перед ней на колени и продолжая растирать ее.

Слегка дрожа, Уинн чуть-чуть нагнулась, чтобы высушить его широкие плечи, и задохнулась от изумления, когда Мейдок, положив на ладонь ее небольшую грудь, захватил губами сосок и начал нежно посасывать его.

— Ох-х-х! — слабо воскликнула она. — Ох-х-х! — раздался еще один стон, когда принц перенес внимание на другую грудь. Чувства, рожденные его ласками, были восхитительны, но почему-то у нее каждый раз возникали покалывающие ощущения в сокровенном месте между бедрами.

Мейдок поднялся, обнял ее и крепко прижал к себе. Уинн безбоязненно посмотрела ему в лицо и, протянув руку, погладила его по щеке, пальцем ласково провела по полной нижней губе. Он нежно прикусил этот палец, его темно-синие глаза взяли в плен зеленые глаза Уинн, подзадоривая ее. Она положила щеку ему на плечо, мягко потеревшись об него головой, и Мейдок ответил на ее невысказанные слова. Он наклонился и взял ее на руки. Так они и проследовали в его

спальню; он осторожно поставил ее на ноги, затем налил два кубка прекрасного красного вина и отнес их на низенький стол подле кровати.

Уинн быстро оглядела спальню, в которой еще не была. Большая, просторная комната с большим камином, в котором ярко горел огонь, уютно согревая воздух. Огромная кровать находилась на возвышении.

На ней лежало темно-синее шелковое покрывало с широкой каймой, расшитой золотом и мелкими драгоценными камнями. За кроватью с потолка до пола висела яркая шпалера, изображающая пурпурные горы; зеленые леса со зверями, сказочными и живущими в природе, птицами, порхающими с дерева на дерево. Окна смотрели на горы, она догадывалась об этом, хотя ночь и непогода скрывали их. В комнате были расставлены красивые резные стулья, столы, сундуки из теплого золотистого дуба. Обстановка, несмотря на всю элегантность, была проста.

Мейдок взял Уинн за руку и повел к большому ковру из белой овечьей шкуры, который лежал на полу у камина. Он осторожно положил ее. Она встала на колени лицом к нему. Взяв в ладони лицо Уинн, он поцеловал ее в губы, сначала нежно, потом все более страстно. Ее руки, доселе спокойные, сейчас поднялись и начали медленно гладить его грудь, потом крепко обвили вокруг шеи, притягивая его к себе. Затем она откинулась на мягкий ковер.

Его губы продолжали ласкать Уинн, и он подумал, сколь смела она в своей невинности.

Чтобы не напугать Уинн, Мейдок постарался не лечь на нее, а, извиваясь, опустился рядом с ней на колени. Взяв в руки одну из ее стройных ножек, он стал целовать изящные пальчики, поигрывая с ними, качая ножку в своих теплых ладонях, нежно поглаживая ее, а потом принялся ласкать вторую. Уинн захихикала от легкой щекотки.

— Сначала ты терзал пальцы на руках, теперь на ногах, — прошептала она. — Неужели, Мейдок, все мужчины любят так своих дам?

Вдруг она слегка взвизгнула, потому что его язык начал лизать изгиб ее ступни, и ощущение было чувственным.

— Умный мужчина, — заметил он, водя носом по ее колену, — любит женщину с головы до ног, Уинн. Прискорбно, если женщина не получит всех наслаждений. Она больше, чем просто прибежище для грубого мужского естества. — Сильными теплыми руками он ласкал ее икры.

Уинн подумала, что это отношение к женщине ей было незнакомо.

Умелые руки вызвали во всем ее теле восхитительный трепет истинного наслаждения. Это было замечательное открытие. Она вытянулась и замурлыкала от его ласк, потом хихикнула, когда он вновь

поцеловал ее круглое колено.

— Ты безумный, мой господин, — полусмеясь проговорила она.

Он вновь поцеловал ее, бормоча:

— Бедные маленькие коленочки. Они говорят мне, что их никто раньше не целовал, но им это нравится. — Потом, к ее величайшему удивлению, он быстро перевернул ее на живот и начал ласкать ягодичи нежными руками, которые мягко погружались в ее плоть.

Она почувствовала его поцелуи, его язык, теплый и ласкающий.

Дрожь пробежала по ее телу. Это было совсем иное ощущение, не то, что прежде. Он осыпал поцелуями ее спину, они сопровождались влажным теплом его ласкающего языка. Она нервно изогнулась на мягком ковре, когда почувствовала, что он полулежит на ней. Он нежно покусывал ей ухо и пылко бормотал в него, вызывая в ней дрожь.

— Не бойся меня, дорогая. Я люблю тебя, — успокаивал он. — Запомни, тебе сегодня ничего не надо делать, только наслаждаться. Потом я научу тебя, как доставлять мне удовольствие, как сейчас я это делаю для тебя. — Он нашел губами нежную чувствительную шейку и после того, как воздал ей должное, он перевернул Уинн вновь на спину. — Скажи мне.

Она сразу же поняла, что он имел в виду, и ответила:

— Меня переполняет избыток чувств, которые набросились на меня, словно ветер на стены этого замка.

— Дорогая, ты ничего не сказала, приятны ли они тебе или нет.

— Необыкновенно приятны, так мне кажется. Меня беспокоит неведомое, — ответила задумчиво Уинн.

Он схватил ее руку и, перевернув, страстно поцеловал ладонь.

— У тебя хватит смелости продолжить ласки без дальнейших объяснений, веря, что я не причиню тебе вреда, моя любовь? — Он посмотрел на нее нежным взглядом, однако она могла разглядеть огонь, разгоревшийся в его глазах.

«Моя любовь». Как волновали ее два этих простых слова. Собственная мудрость подсказывала ей, что с приходом зари она вновь начнет спрашивать себя, что на самом деле связывало их во времени, но сейчас эти мысли не тревожили ее.

— Я стану твоей женой, Мейдок, в полном смысле этого слова. Освободи меня от этой ужасной невинности, чтобы мы могли вместе открывать новые миры. — Она притянула к себе его голову и пылко поцеловала.

«Она всегда поражает меня», — подумал он, начиная осыпать ее ответными поцелуями, жадно припадая к ее рту пылающими губами,

оставляя след на ее напряженном горле, руками и губами находя ее сладкие, молодые груди. Он трепетно ласкал ее, слегка сжимая ртом каждый маленький бутон, чувственно посасывая его, пока соски ее не стали томимы каким-то неясным, сладостным желанием.

Уинн глубоко вздохнула и изогнулась навстречу его губам, испытывая боль от истинного наслаждения, которое он ей доставлял. Она воспротивилась, когда его губы, оставив ее нежные, слегка распухшие груди, начали опускаться ниже. Однако поцелуи и ласковые прикосновения языком вызвали в ней вихрь новых чувств. Кончик его языка поиграл с пупком. Она вновь что-то беспокоило пробормотала, когда его голова слегка коснулась ее сомкнутых бедер, которые инстинктивно сжались еще плотнее.

— Нет, дорогая, — мягко пожурил он. — Ты должна открыться мне.

Я полностью подготовлю тебя к нашему слиянию.

Уинн заставила себя расслабиться. Ее стройные бедра раздвинулись как раз в тот миг, когда он потерялся щекой о живот. Она резко вздохнула, почувствовав, как пальцы коснулись нижних губ, потом у нее перехватило дыхание, когда они мягко проникли между ними.

— Мейдок!

— Все в порядке, Уинн, — успокаивал он. — Доверься мне, дорогая.

Палец коснулся того самого чувствительного бугорка, и она вновь задохнулась. Никогда прежде она не испытывала подобных чувств, которые сейчас постепенно зарождались в ней. Этот палец начал двигаться по крошечному кусочку плоти, и ее охватила сильная дрожь.

Мейдок устроился между ее трепещущих бедер. К ее величайшему потрясению, его рот оказался там, где только что находился ласкающий палец. Она ощутила прикосновение его языка и не в силах была сдержать стон, вырвавшийся из глубин ее существа. Его губы сомкнулись вокруг этого маленького кусочка плоти, и он начал нежно посасывать его. Прилив тепла захлестнул ее, оставив обессиленной от неведомого дотоле желания.

— Я не перенесу этого, — воскликнула Уинн. Но вместо того чтобы прекратить эту сладостную пытку, Мейдок, казалось, удвоил свои усилия. — Ох-х-х! Пожалуйста! — почти всхлипывала она, смутно осознавая, что, моля его об этом, она не хочет прекращения этой любовной игры и что он об этом знает. Несколько вспышек наслаждения потрясли ее. Потом внезапно, расставив ноги, он оказался на ней. В этот момент было бы просто ускользнуть, но вместо этого Уинн открыла глаза и, взглянув на Мейдока, подалась вперед, чтобы направить его «кинжал» в хорошо подготовленные ножны. — Не медли, — молила она, опьяненная

страстью. — Я буду твоя!

Со стоном он вошел в нее, она оказалась сладкой, как спелый персик. Когда на его пути возникла преграда и он на мгновение остановился, Уинн с силой подбросила вверх свое юное тело, полностью вовлекая его в свою спелую плоть. Он поцелуями осушил на щеках ее тихие слезы. Потом, убедившись, что первоначальная боль потери невинности прошла, Мейдок начал медленно продвигаться вперед, потом отступал томительно назад, чтобы доставить ей полное наслаждение.

Боль первого вхождения в нее Мейдока вспыхнула перед глазами. Не в состоянии избавиться от робости, Уинн закрыла их. Потом, когда острота и жжение внезапно прошли, Уинн стала расслабляться, сочтя действия Мейдока необычайно восхитительными. Он попросил ее ничего не делать, а только наслаждаться его ласками. Теперь, избавившись от прежних страхов, она отдалась страсти. Хныча, непонятно для себя почему, она, вцепившись пальцами в его плечи, все глубже погружалась в его плоть и все с большей настойчивостью, почувствовав прилив экстаза, устремляющийся вверх, чтобы овладеть ею.

Каждое новое чувство, обрушивающееся на нее, было сильно. Она ощутила в себе его «кинжал», теплый и пульсирующий. Каждый его удар уносил ее все дальше и дальше от действительности. Но самой величайшей реальностью было его ненасытное обладание ею. Как певчая птичка, она парила все выше и выше в поисках вершины, которой никогда не знала. Потом внезапно она нашла ее. Сильная дрожь возникла в глубине тела и охватила ее как раз в тот момент, когда радуга света бурно прорвалась из-за век Уинн ловила ртом воздух и, вдохнув несколько раз, выдохнула почти сразу, прежде чем потерять сознание.

Ее последним ощущением было чувство тепла.

Мейдок застонал от удовлетворения, поскольку его собственные эмоции прорвались наружу в нужный момент. Он наполовину скатился с нее, когда дрожь экстаза охватила его тело в последний раз. Впервые в жизни он довел себя до полусознательного состояния. Никогда ни с одной женщиной он не знал такого блаженства, как с Уинн. Ничего не изменилось в этом отношении, подумал он сквозь туман в голове.

Потом позволил своим мыслям несколько минут свободно плыть, наслаждаясь нахлынувшими на него, как вечерняя заря, приятными чувствами. По мере того как его разум прояснялся, он начал осознавать, что девственная Уинн за один раз прошла весь курс науки страсти. Она была поразительна и обладала, очевидно, невероятными способностями к любви. Тень между ними должна исчезнуть.

Уинн начала шевелиться подле него. Мейдок сел и взял свою суженую на руки. Он тихо баюкал ее, убирая с лица длинные черные волосы, растрепавшиеся от любовной игры. Какие прекрасные волосы, подумал он. Мягкие, пахнущие белым вереском, шелковистые.

Уинн открыла глаза, изучая суровые черты, внезапно ставшие мягкими от его откровенного обожания.

— Всегда так будет неистово между нами, мой господин? — спросила она нежно. — Я каждый раз буду как бы умирать от наслаждения, которое ты доставляешь мне своим «кинжалом». Ты мне покажешь, как я смогу принести тебе такую же радость? Я перед тобой в долгу, Мейдок, ты мне открыл такой замечательный мир.

— Твое удовольствие — это мое удовольствие, — искренне сказал он. — Нет ничего больше.

— И нет никаких способов одарить тебя таким же блаженством?

Разве ты не говорил, что научишь меня? Не лишай меня права осчастливить тебя, как ты осчастливил меня!

Он успокаивающе улыбнулся при виде ее расстроенного лица.

— Я покажу тебе, как поцелуями и прикосновениями вызвать восторг, Уинн, но мое величайшее наслаждение приходит вместе с твоим, клянусь тебе!

— Но я хочу видеть твоё счастье, как ты видишь мое! — запротестовала она.

— Это возможно, поскольку иногда один любовник может быть быстрее другого. Тогда так же можно доставлять и получать массу восторгов в порыве страсти, — сказал он ей.

— О да! Научи меня этому, мой господин! — Она почти что извивалась от возбуждения, напоминая нетерпеливого щенка.

Мейдок засмеялся, очарованный ее энтузиазмом, о котором он и не догадывался за все годы, что наблюдал за нею. Вероятно, не будь он так увлечен ею, он бы заметил. Она обладала огромной жаждой жизни.

Затем он протрезвел. Его страстный порыв имел еще и определенную цель — встряхнуть ее память, — Скажи мне, дорогая, ты сейчас что-нибудь вспомнила из прошлого?

Уинн подумала, потом покачала головой.

— Неважно, — ответила она, беззаботно отмахнувшись от его вопроса. — Я тебя люблю, Мейдок, и это важно для меня. Что было между нами — это дела давно минувших дней. Меня заботит наше настоящее.

— Нет. Ты должна вспомнить, Уинн. Если ты меня любишь, ты должна вспомнить ради меня, если не ради себя.

— Тогда помоги мне, Мейдок! Помоги вспомнить, что я должна, ради нас обоих! Ради наших детей, которых, конечно, я рожу тебе. В конце концов, мы впервые насладились любовью, по крайней мере в этой жизни. — Она озорно улыбнулась ему. — Думаю, нам надо не единожды предаться любви, чтобы я начала вспоминать.

Он рассмеялся.

— Ты самка, клянусь, моя обожаемая дорогуша. Хотя, может быть, ты и права. — Он взял в ладонь ее маленькую грудь и, поддразнивая, поиграл с нею.

— Я буду делать, что прикажет мой господин, — ответила она сладким голосом и повернула к нему личико для поцелуя.

Глава 7

Мейдок открыл Уинн целый новый мир любовных наслаждений, в котором она почувствовала себя удивительно уютно. Она наслаждалась этим миром больше, чем он предполагал. Уинн оказалась способной ученицей в искусстве эроса. Она на самом деле стремилась доставить ему такое же удовольствие, как и он ей. С каждым уходящим днем росла ее искренняя любовь и страсть к нему. Но как ни стремилась Уинн отдать ему всю себя, все равно этого было недостаточно, пока она не вспомнит трагический момент в прошлом, который определил ход их общих судеб. Все это тяготило Мейдока.

Прошел январь. Затем и февраль. В середине марта на них внезапно обрушилась весна, и горы ярко запестрели от цветущих растений.

Уинн всем своим существом ощущала растущее отчаяние Мейдока.

— Я приехала в замок не для того, чтобы сделать тебя несчастным, Мейдок, — сказала ему однажды вечером Уинн, когда они лежали вместе. — Я здесь, чтобы стать твоей любимой женой. Но одно мое присутствие, несмотря на всю нашу страсть, разрывает твое сердце. Я не могу больше переносить это, любовь моя. — Она откинула назад непокорный локон черных, как вороново крыло, волос. Лицо было бледнее обычного. — Я пыталась вспомнить, но не смогла! Ты говоришь, что не можешь сказать мне, что связывает нас, но я должна знать ради нашего счастья. Помоги мне, Мейдок! Помоги вспомнить прошлое, самой мне это оказалось не под силу.

Мейдок глубоко вздохнул, и посмотрел в ее прекрасное лицо.

— Я приготовлю для тебя особую смесь трав, дорогая. Когда будешь готова совершить путешествие во времени, размешай их в кубке вина и выпей. Ты погрузишься в глубокий сон. Травы в вине освободят твой разум от оков времени, и ты вспомнишь наше общее прошлое. Вино расслабит тебя, и ты не будешь бояться.

— Разве у нас было только одно общее прошлое, Мейдок? — мягко настаивала она. Теперь, когда решение созрело у нее, в ней ожил глубинный инстинкт.

— Нет, не одно.

— А почему сейчас, а не раньше? — поинтересовалась она.

— У Творца прекрасное чувство и справедливости, и юмора, Уинн.

Выбор времени никогда не был особенно удачным. С тех давних пор

мы впервые стали любовниками.

Она понимающе кивнула.

— Как я могу быть уверена, что вспомню именно ту жизнь, которая, кажется, так сильно беспокоит тебя?

— Потому что это именно та жизнь, которую ты хочешь вспомнить, дорогая. Это та дверь, которая откроется для тебя. Проще простого.

— И сколько я просплю, мой господин? — Она вновь нервно откинула волосы.

— Несколько часов. А может, несколько дней, — спокойно ответил он. — Все зависит от того, как много ты захочешь вспомнить.

— Я узнаю все, Мейдок, — решительно заявила она. — Хотя думаю, прошлое лучше не ворошить. Но вижу, что боль от него не покинет тебя, пока я не переживу его заново, но зачем, не понимаю. Все же я иду на это ради тебя, потому что люблю тебя! И хочу, чтобы мы прожили жизни, дарованные нам в этом времени. Нас многое ждет впереди, моя любовь!

— Хвала Богу, Уинн, ты права! — чистосердечно воскликнул он и привлек ее в свои нежные объятия.

Она на мгновение прижалась к нему, потом спросила:

— Я ведь не потеряюсь во времени, Мейдок? — Казалось, это было единственное, что сильно пугало Уинн.

— Нет, дорогая, — пообещал он. — Ты только будешь спать. Твое очаровательное тело останется именно там, где ты ляжешь. И проснешься ты, когда захочешь. Тебе не надо бояться этого.

— Мне нужно что-нибудь еще узнать? — волновалась она.

— Ничего. — Он помедлил и наконец сказал:

— Когда ты желаешь проделать это?

— Не в ближайшие дни. Но приготовь заранее свои травы, Мейдок, потому что я буду ждать момента, когда у меня будет достаточно смелости. Вот тогда я и отправлюсь в это рискованное путешествие, так что подготовься.

Он, казалось, почувствовал облегчение от ее ответа. Уинн это заинтересовало. Ее любопытство было возбуждено более прежнего. Он любил ее. В этом не было сомнений. Но, несмотря на любовь к ней, этот неоспоримый факт, Мейдок внезапно проявил признаки страха. Он явно хотел, чтобы она совершила это путешествие во времени. Что ей предстоит узнать? Эта загадка начала ее зачаровывать больше прежнего.

Несколько дней после их разговора Уинн отдыхала, занималась с Мейдоком в лаборатории в высокой башне. Его познания в древней кельтской медицине просто поражали ее, и он охотно делился ими с Уинн.

К несчастью, некоторые сведения оказались бесполезны, поскольку многие растения, которые когда-то были доступны, сейчас уже больше не росли. Они просто исчезли. И их, разумеется, нельзя было заменить, потому что никто не знал замены им в формуле.

Когда-то существовала особая омела, которая росла только на священных дубах, так любимых кельтами. Ею лечили злокачественные опухоли, но сейчас омела — это совсем другое растение, чем в те стародавние времена. Мейдок поведал ей, что омела исчезла после того, как римляне и другие завоеватели злобно повырубали священные дубы, чтобы искоренить кельтскую культуру.

Мейдок научил бы Уинн некоторым видам заклинания и чарам, но она не позволила ему. Его особые познания были большим соблазном, и она боялась, что не сможет устоять. Уинн знала: если она овладеет искусством волшебства, несмотря на все ее добрые намерения, однажды она может, выйдя из себя, причинить вред, о котором позднее будет сожалеть и не сможет исправить. Ей припомнилась сказка, которую рассказывала ей бабушка о несчастной королеве, мачехе четырех красивых детей, трех сыновей и дочери короля Лира. Завистливая королева превратила их в лебедей. Вскоре, пожалев о содеянном, королева, как ни пыталась, не смогла исправить зло. Горе разбило сердце короля, и он умер.

Были у Уинн и другие опасения. Соседи и те, кто не знал Мейдока близко, боялись его. Если ее собственные познания зайдут дальше просто медицины и об этом пойдет молва, что всегда случается, она может привлечь к себе внимание тех, кто захочет использовать ее в своих корыстных целях. Что греха таить, были и такие, особенно в церкви, которые сочли бы ее знания слишком обширными для женщины. А подобные женщины всегда представляют опасность. Ей надо подумать о ее будущих детях, которых она принесет Мейдоку. У нее должен быть безупречный образ жизни.

Погода потеплела, возможно, даже чересчур для конца марта. Уинн беспокоилась, что не останется цветущих веток, которыми собиралась украсить большой зал замка к свадьбе. Она пожаловалась Мейдоку во время верховой прогулки по горам. Он рассмеялся.

— Тепло — лишь временное явление, дорогая. К сумеркам погода изменится, и похолодает, обещаю тебе. Но к первому мая у тебя будет более чем достаточно цветов и цветущих веток, — уверял он ее.

— Если станет слишком холодно, бутоны замерзнут и погибнут, — ворчала она.

— Морозов не будет, — ответил он.

— Ты уверен?

— Да, — усмехнулся он. — Как и Неста, я чувствителен к погоде. Несколько дней будет дождь, обещаю тебе.

— В таком случае, возможно, сегодня вечером, — сказала ему Уинн, — я начну свое путешествие во времени.

— Так скоро, дорогая? — В его синих глазах отразилось страдание.

— Мейдок, — сказала Уинн строгим тоном матери, урезонивающей непокорное дитя. — Ты хочешь, чтоб я перенеслась в прошлое, и вместе с тем не хочешь! Мне все равно! Я делаю это для тебя. Скажи мне сейчас же, да или нет! И покончим с этим!

— Ты должна пойти на это, — наконец согласился он, — хотя боюсь твоего возвращения больше, чем ухода.

Уинн взяла его руку в свою.

— Я люблю тебя, Мейдок Пауиса. Для меня что сделано, то сделано.

Настоящее и будущее — вот что я люблю и к чему стремлюсь, но не прошлое, которое, кажется, так преследует тебя.

— Я молю, чтоб так и было, дорогая, — сказал он, сжимая ей руку.

— Хотя я должна это сделать сама, Мейдок, прошу тебя об одном, — мягко сказала Уинн.

— Все, что угодно, — поклялся он.

— Будь рядом, когда я проснусь, мой господин. Пусть твое дорогое лицо будет первым, что я увижу, открыв вновь глаза в этом мире.

— Я буду подле тебя, любовь моя! Клянусь тебе, — пообещал он, и Уинн поразились, увидев в его прекрасных синих глазах слезы.

Уинн протянула руку и коснулась его лица, как могла успокаивая его.

Хотя прошлое ничего сейчас не значило для нее, ради их общего блага ей придется узнать правду о том, что было между ними в прошлом.

Ее беспокоила печаль, отразившаяся у него на лице. Что было такое ужасное, чего он боялся, что она узнает, и все же настаивал на этом?

— Поспешим домой, мой господин, а то я чувствую, что присутствие духа начинает изменять мне перед путешествием во времени, которое я тем не менее должна совершить!

Когда они вернулись в замок, Уинн так поцеловала Мейдока, что он сразу же понял, что это прощальный поцелуй. Он не смог оставаться в их покоях и поднялся в башню успокоиться. Меган приготовила хозяйке ванну, и Уинн быстро искупалась, надев после мягкий шелковый халат своего любимого цвета зеленой травы, подбитый таким же мягким кроличьим мехом. Меган было ведено налить хозяйке кубок сладкого вина. Уинн добавила в него травы, приготовленные Мейдоком.

— Отправляйся к моему хозяину, Меган, и передай, что я приняла его снотворную микстуру Когда проснусь, буду знать все. Напомни еще о его обещании мне. — Потом, подняв кубок, Уинн тотчас же осушила его.

Она вручила ей сосуд и легла на подушки.

Почти сразу же веки стали необычайно тяжелыми. Все ее существо, казалось, погружалось в бездну, но не успела она даже подумать о страхе, как заснула глубоким сном. У нее было ощущение, что она падает, падает, падает, но сейчас ее тело было невесомо. Она хотела открыть глаза, но не смогла. Не было ни звука. Казалось, она плывет в небытие. «Я хочу вспомнить, — отчаянно думала она. — Я должна знать, что связывает меня с тобой и одновременно разъединяет, Мейдок! Я должна знать!»

Внезапно над ней прокричал ворон: «Вспомни! Вспомни!» Вокруг нее струился слабый розовато-лиловый туман, как куски разорванного шелкового газа, мешая ей разглядеть, где она. Потом неожиданно он рассеялся. Уинн очутилась в густом лесу. Чей-то голос звал ее, однако отвечала все же не она, или она? Она чувствовала, как убывает ее собственная жизненная сила, тогда как другая жизнь рвалась вперед, но ей не было страшно.

— Рианон! Рианон, где ты?

— Здесь, Анхарид. Ой, подойди и взгляни! Да подойди же!

Анхарид, наконец взглянув на старшую сестру, пришпорила коня и выехала на опушку темно-зеленого с золотом леса, где сидела верхом на своей лошади Рианон, всматриваясь напряженно в деревья.

— Что тебя так заинтересовало, что ты даже не отвечаешь мне? — Будучи моложе своей сестры, Анхарид всегда чувствовала себя старше, умнее и покровительствовала своей красивой сестре.

Рианон показала тонким пальцем.

Сапфирово-синие глаза посмотрели в том направлении, куда указала ее сестра. Спустя мгновение Анхарид разочарованно проговорила:

— Да ведь это всего-навсего отряд охотников Кимри. В них нет ничего особенного.

— Не во всех, глупая, — увещевала Рианон сестру. — Он! Пауел, принц Дифида. Разве он не самое красивое существо, которое ты видела в своей жизни?

Анхарид вновь взглянула в ту сторону и, не заметив ничего необычного, наморщила хорошенький носик.

— Он ведь Кимри, — повторила она, словно этого объяснения было достаточно для сестры.

— Ой, погляди! — воскликнула одурманенная Рианон. — Он танцует

на кургане. Разве он не забавен, сестра?

— Он опьянел от меда, — уточнила Анхарид, — иначе он не осмелился бы сделать это. Кимри считают эти могильные холмы входом в подземное царство. Какие они глупые. Я слышала, что если они даже случайно ступят на те поросшие травой холмы, то навлекут на себя злые чары. Какие глупые!

— Пауел! — позвал один из охотников танцора. — Слезай с этого дьявольского холма! Ты что, хочешь накликать беду? Ты навлечешь на всех нас проклятье!

— Это всего лишь суеверная чепуха, — храбро рассмеялся Пауел. — Давай, Таран, присоединяйся ко мне! Или победоносный воин ста битв испугался духов?

— Я не боюсь духов, но и не настолько пьян, чтобы творить подобные глупости, — добродушно засмеялся Таран.

Из своего укрытия Рианон озорно сверкнула глазами и захихикала.

Повернувшись к младшей сестре, она сказала:

— Думаю, у красивого принца из Дифида нет должного уважения, Анхарид. Возможно, я смогу внушить его.

— Что ты собираешься делать, Рианон? — строго спросил Анхарид. — Кимри лучше избегать.

— Оставайся там, где стоишь, малышка. Поскольку я старшая, я отвечаю за тебя. Ты, однако, можешь понаблюдать за мной, — последовал веселый ответ Рианон, которая слегка прищипорила лошадь и выехала из укрытия в лесу на поляну, где собрались охотники.

Изящные копыта не издали ни одного звука, касаясь земли.

Таран первым увидел ее, появившуюся из лесной чащи, которая окружала небольшую поляну, где он со своими спутниками остановился утолить голод и жажду. У него от удивления широко открылся рот.

Лишившись дара речи, он смог лишь поднять руку и показать пальцем.

Пораженный тем, что его обычно говорливые спутники смолкли, Пауел и другие посмотрели в том направлении, куда указывал дрожащий палец, и обомлели.

Поначалу они даже не могли разобрать, что это такое сверкающее и мерцающее приближалось к ним. То ли это игра света среди нежных листьев золотистых буков и трепещущих крепких веток темно-зеленых сосен? То ли спяну им померещилось что-то? А может, они стали свидетелями какого-то волшебства? Потом постепенно их затуманенные глаза все же разглядели молодую девушку на лошади.

Не было ни одного мужчины на поляне, который не подумал про себя,

что девушка — самое прекрасное создание, которое ему доводилось видеть. Высокая, стройная, с ясным лицом, на изящной черной кобыле с высокой элегантной поступью; красная кожаная уздечка, украшенная драгоценными камнями, позвякивала, словно маленькие серебряные колокольчики. Лицо девушки, по форме напоминающее сердце, обрамляла копна густых волос, в которых, казалось, слилось вместе серебро и золото. Они волнами струились по спине, покрывая блестящие бока лошади. Ее просторное платье переливалось перламутром и казалось сотканным из паутины и лунного света. Оно развевалось вокруг нее. Красивые изящные руки с тонкими, унизанными драгоценными перстнями пальцами покоились на поводьях. Она почти что слилась с лошадью. Ее глаза были устремлены вдаль на какую-то незримую тропу. Она ни разу не обронила взгляд на охотников, когда верхом прошествовала мимо них и исчезла в лесу на противоположной стороне поляны так же тихо и загадочно, как и появилась.

Они глазели на нее с открытыми ртами. Наконец Пауел пришел в себя и крикнул юному охотнику:

— Гвир! За ней! Быстро! Я хочу знать, кто она и куда едет. — Приведенный в чувство звуком голоса Пауела, молодой охотник бросился к коню и исчез следом за девушкой.

Проводив его взглядом, Таран произнес:

— Думаю, мы видели какое-то волшебное создание из другого мира, мой господин. Возможно, тебе не стоило танцевать на могильном холме.

— Да, мой господин, сегодня мы видели волшебство, — произнес один из приятелей принца, Эван ап Риз. — Надеюсь, ты не оскорбил никого из Справедливого народа.

— Их нечего бояться, — попытался успокоить своих людей Пауел. — Они наши друзья.

— Они не такие, как мы, Пауел, — ответил Таран. — Да, я знаю, у тебя с ними раньше были торговые дела и все шло хорошо. Но никто из нас не знает, где они живут, даже как они живут. Они просто появляются и исчезают по своему желанию. Они процветают, но знает ли кто-нибудь из нас, откуда у них богатство? Все это внушает мне недоверие к Справедливому народу.

— Ты слышал, что они когда-нибудь причинили кому-то большой вред? — парировал Пауел.

Таран покачал головой.

— Нет, — признал он.

— Этого более чем достаточно, что мы можем сказать в защиту наших

близких соседей, — проворчал Эван ап Риз.

Охотники возвратились домой. Вечером, когда они пировали в зале Пауела, прискакал Гвир, уставший, грязный и промокший до нитки под дождем. Юноше дали сочный кусок оленины и кубок вина. Его приятели вежливо ждали, когда он покончит с едой, чтобы разузнать все о его приключении.

Наконец, подкрепившись, Гвир поставил кубок и обратился к Пауелу:

— К сожалению, мой господин, я не смог догнать леди.

— Неужели у нее такая быстрая лошадь? — рассерженно спросил Пауел.

Гвир покачал головой, в глазах была тревога.

— Некоторое время я не упустил леди из вида, но, как ни прищипывал коня, не смог догнать ее. Казалось, она и не придерживала свою лошадь, и не торопила ее. Потом ее вдруг просто больше не стало. Не могу, однако, припомнить, чтобы я видел, как она исчезла. У меня в голове не укладывается все это, мой господин, — закончил он, беспомощно пожав плечами.

— Ты видел колдовство, — тихо проговорил Таран.

— Какое колдовство? — Вопрос задала девушка, сидевшая рядом с Пауелом. — О чем вы толкуете? После охоты вы все такие загадочные.

Вы должны мне все рассказать. — Она победоносно улыбнулась Пауелу, посмотрев на него нежными, соблазнительными глазками.

— Нечего рассказывать, Бронуин, — ответил он. — Сегодня в лесу мы видели необычайно прекрасную девушку Я послал Гвира выяснить, кто она, потому что никто из нас не видел ее раньше. Она, однако, кажется, ускользнула от юного Гвира.

— Ах, и это все? — весело засмеялась Бронуин. Потом она протянула руку за кубком, поднесла его к губам и задумчиво стала потягивать вино, в то время как мужчины возобновили прерванную беседу. Бронуин Белая Грудь была единственной дочерью Синбела, лорда Тейфи.

После семейства Пауела семейство Синбела из Тейфи было самым могущественным в Дифиде. При дворе все считали, что в один прекрасный день Пауел сделает Бронуин своей женой. Однако официальной помолвки никогда не было. И все дамы его двора время от времени наслаждались флиртом с Пауелом, хотя ни одна из них не осмеливалась домогаться стать его женой. Это место займет Бронуин. Так, по крайней мере, думали при дворе.

Бронуин была хорошенькой девушкой с молочно-белой кожей. Темно-карие глаза, возможно, немного грубовато смотрелись на бледном лице.

Золотисто-каштановые волосы она заплетала в две аккуратные косы, которые спускались по обеим сторонам головы. Черты лица были привлекательны и пропорциональны. А так как предполагалось, что она будет женой Пауела, никто не осмеливался критиковать ее. Хотя на Бронуин приятно было посмотреть, находились такие, которые ощутили на себе силу ее злобного нрава, если становились поперек ее пути или ей это просто казалось. Она была единственная дочь Синбела из Тейфи.

Сейчас, сидя за столом Пауела с зажатым в руках кубком, она тщательно обдумывала события прошедшего дня. Зачем Пауел послал вдогонку за этой загадочной женщиной? Почему он так заинтересовался ею? Инстинкт подсказал Бронуин, что его поступок не сулит ничего хорошего. Ей и в голову никогда не приходило, что Пауел может найти жену на стороне. Но он не поступит так, если она воспротивится этому. Он принадлежит ей! Она мягко посмеялась над своими глупыми страхами. Незнакомка исчезла. Они ее больше не увидят, но, возможно, это было ей предупреждением. Она решительно поговорит с отцом, чтобы он как можно скорее устроил ее свадьбу с Пауелом. Пора стать его женой. С чувством собственности она протянула руку, чтобы коснуться его руки, и лицо ее озарила довольная улыбка сытой кошки.

Пауел не почувствовал ее прикосновения. Принц Дифида был по-настоящему встревожен. Он не отличался слабым сердцем, не был во власти предрассудков, но, подобно всем окружающим его, Пауел знал о существовании Справедливого народа. Они принадлежали к более древнему роду, чем его собственный народ. Они редко общались с Кимри, поскольку до некоторой степени презирали их. Пауел знал это.

Но если они снисходили до общения с его народом, это случалось, когда им было удобно. Даже гордые Кимри знали о превосходстве Справедливого народа, о волшебстве которого ходили слухи.

Пауел понимал, что с ними лучше жить в мире. У него раньше были торговые дела с некоторыми из их могущественных кланов, которые принесли пользу ему и его народу. Его пьяные прыжки в лесу сегодня днем могли оскорбить их, и это только сейчас дошло до Пауела. Хотя никто не понимал значения загадочных холмов, возможно, прекрасная дева была их хранительницей. Не чувствуя прикосновения руки Бронуин, он встал, и рука ее соскользнула.

— У меня раньше были дела со Справедливым народом, — начал он медленно. — Девушка незнакома мне, но из рассказа Гвира я понял, что она одна из них. Они справедливые люди, а так как я не желаю оскорбить их, то завтра утром отправлюсь в лес один к тому самому покрытому травой

холму и буду ждать. Может, та девушка вновь появится. Я извинюсь перед ней за глупую выходку и милостиво попрошу прощения.

— Нет! — Слово прозвучало громко и резко. Все глаза повернулись в сторону Бронуин. — Ты не должен туда идти, мой дорогой господин, — закричала она, и ее карие глаза наполнились слезами. — Справедливому народу нельзя доверять! — Она вцепилась в его руку, словно его поступок принесет неминуемую опасность.

— Глупости! — рассмеялся Пауел. — Мои дела с ними довольно выгодны.

— Они не похожи на нас, — твердо сказала Бронуин. — Они сумели внушить тебе ложное чувство безопасности. Завоевали твое доверие.

А вот теперь у тебя перед самым носом внезапно появляется еще и загадочная девушка. Зачем? Думаю, ее послали, чтобы погубить тебя, мой господин Пауел. Что станет с Дифидом, если что-то случится с тобой?

— Выберут нового принца, дорогое дитя. Может, даже твоего отца, Синбела. — Он усмехнулся. — Существование Дифида зависит не только от меня, как ты думаешь, Бронуин, — закончил Пауел.

Присутствующие в зале разошлись во мнениях. Одни одобрительно отзывались о предостережении Бронуин, другие поддерживали решение принца найти девушку и извиниться перед ней. Пауел не мешал им некоторое время. Потом поднял руку, призывая всех к тишине.

— Я еще принц Дифида, — спокойно произнесен, прекращая таким образом дальнейший спор.

На следующий день Пауел нетерпеливо прищпорил своего белого жеребца и направился в глубь леса, что окружал его маленький замок.

Отыскав дорогу к могильному холму, он спешил и стал ждать возвращения девушки. Он не был уверен, появится ли она, но сердцем чувствовал, что вновь увидит ее. Восемь дней подряд он ждал ее, но она так и не пришла. На девятый день, когда он в отчаянии собирался бросить свою затею, девушка выехала из лесной чащи на поляну и проскакала мимо Пауела. Он смотрел на нее не отрываясь, открыв рот, но когда первое изумление прошло, вскочил на своего жеребца и поскакал вдогонку.

Сердце Рианон бешено колотилось. В тот самый первый день она совершила самый бесстыдный поступок, как потом ругала ее Анхарид.

Но он стоил того! Она не впервые видела принца, хотя сначала не знала, кто он. До этого дважды она следила за ним. Каждый раз одни и те же чувства охватывали ее. Необъяснимое волнение переполняло ее существо, сердце болезненно сжималось в груди, и так случалось каждый раз, когда она бросала на него взгляд. Так было и сегодня.

Вблизи Пауел Дифида был еще красивее, чем издалека. Черные, как вороново крыло, волосы он носил собранными сзади, что не было принято у Кимри. Голову охватывала золотая лента, которая подчеркивала темноту волос. У него была такая же светлая кожа, как и у нее, но цвет глаз определить не удалось, так как она никогда так близко не находилась от него. После того рокового дня, когда она впервые показалась ему, Рианон не смела взглянуть на принца. У него были мужественные черты лица. Исключение составлял рот, который обладал какой-то, мягкостью. Однако ей страстно хотелось поцеловать этот рот.

Пауел пришпорил своего жеребца, сначала сохраняя тот же самый аллюр, а потом пустил его «галопом. Во всем Дифиде не было скакуна, равного его жеребцу. Однако, к удивлению Пауела, расстояние между ними не уменьшалось, хотя кобыла девушки, казалось, не убистряла темп.

Пауел рассмеялся. Это на самом деле оказалось сильным колдовством.

Он остановил своего тяжело дышащего жеребца и окликнул девушку;

— Прошу вас, остановитесь, чтобы я смог с вами поговорить. Я должен знать, кто вы!

Она знала, что это безумие с ее стороны. Одно дело поиграть в прятки с Кимри. Но тем не менее Рианон остановила свою кобылу. Когда она обернулась, Пауелу показалось, что между их лошадьми вообще нет никакого расстояния.

Она улыбнулась принцу и бросила сочувствующий взгляд на загнанного коня с мокрыми от пота боками.

— Бедное животное, — приговаривала она коню, похлопывая его по холке. Потом, взглянув на Пауела, она сказала:

— Вам не надо было гнаться за мной по лесу, если вы хотели просто поговорить со мной, мой господин. Я остановилась бы раньше, если б вы меня попросили, Пауел-Дифида.

Он был очарован непередаваемой прелестью ее улыбки, веселым тоном ее голоса. Затем до него дошло, что она знает его имя. Конечно, она знает его имя!

— Кто вы? — спросил он, одновременно ликуя и впадая в отчаяние.

— Меня зовут Рианон. Я дочь Дилана и Корнелии, правителей Справедливого народа этого леса. — У нее был мелодичный, чистый и вместе с тем мягкий голос — Почему вы преследовали меня, Пауел-Дифида? Мне говорили, что вы возвращались на это место несколько дней подряд.

— Я хотел извиниться за нанесенное вам оскорбление, — начал он свою речь, заинтересованный тем, откуда она знает о его возвращении на

поляну.

— Оскорбление? Каким образом?

— Разве вы не хранительница того могильного холма, на котором я плясал?

Мгновение Рианон удивленно смотрела на него. Потом, не в силах сдержаться, разразилась смехом. Веселый звук, напоминающий журчанье воды по каменистому дну, отнюдь не был обидным для него.

— Мой лорд Дифида, — наконец смогла выговорить она, борясь со смехом, — те поросшие травой холмы были здесь с незапамятных времен. Даже мы не знали их настоящего происхождения. В действительности это я должна извиниться перед вами, поскольку, зная о предрассудках вашего народа, решила сыграть с вами шутку, когда увидела вас пляшущим на холме. Я подумала, что, если я появлюсь перед вами, не говоря ни слова и также молча проеду мимо, вы и ваши охотники примете это за колдовство, связанное с могильным холмом. Моя сестра, которая была со мной, резко отругала меня за это.

— Значит, вы не сердитесь на меня? — сказал облегченно Пауел.

— Нет, мой господин, и надеюсь, вы тоже не в обиде на меня, — ласково промолвила Рианон.

Он покачал головой.

— Я не сержусь, принцесса. Будет только справедливо, однако, если я потребую от вас фант за ваше озорство, — смело сказал Пауел. — Нечестно так жестоко шутить.

Легкий румянец окрасил бледные щеки Рианон. Она посмотрела прямо на него и сказала:

— У вас есть право, принц.

Пауел лишился дара речи, глядя в невероятно прекрасные глаза Рианон. Бесспорно, это было колдовство. Никогда прежде не видел он таких фиалковых глаз. Он был счастлив погрузиться в их бесконечную глубину. Как ни странно, но Рианон овладели те же мысли. Пока он смотрел в ее глаза, она любовалась им впервые. Его глаза были такого же замечательного темно-синего цвета, что и море у берегов острова, где правил дед по материнской линии. Для Рианон это были самые прекрасные глаза. Именно в этот миг она поняла, почему искала встречи с ним.

Она любила его, правда, не знала почему. В самом деле, она даже не знала его, но любила. И была в этом уверена. Она любила его и будет любить всегда.

Молчание показалось долгим, но наконец, придя в себя, она ласково подбодрила принца:

— Что вы хотите от меня, мой господин Дифида, в качестве фанга?

— Вашего общества, — просто ответил он. Потом, спрыгнув с жеребца, опустил ее тоже на землю.

Прикосновение его пальцев, казалось, опалило сквозь тонкую одежду ее чувствительную кожу. Она вздрогнула. Его дерзость возбуждала.

Такое поведение было несвойственно ее народу, который привык к сдержанности. Рианон молча наблюдала, как Пауел привязал лошадей к рябине, чтобы не убежали. Наконец она кротко сказала:

— Не хотите ли немного погулять? Неподалеку есть прелестный пруд, я могу вам его показать.

— Да, госпожа, — просто ответил он и, взяв ее изящную ручку в свою, позволил ей повести его.

Они брели по лесу. Солнечные лучи пробивались сквозь деревья, увенчивая макушки их голов золотым светом и согревая плечи. Сначала беседа не клеилась. Наконец они пришли к пруду Пауелу. Казалось, что здесь нет источника, но тем не менее пруд был полон кристально чистой водой, сквозь которую можно было разглядеть песчаное дно и плавающих маленьких рыбешек. Он не мог припомнить, что бывал когда-нибудь в этой части леса. А может, и был? Все казалось ему незнакомо. Пугающая мысль прокралась в его голову — Мы в моем мире или в вашем, госпожа? — спросил он полуиспуганно. Он, как всякий разумный человек, знал, что ворота, разделяющие разные миры, часто незримы. Неужели это волшебное существо сбило его с пути? Значит, Бронуин была права?

— Мой господин, — спокойно промолвила Рианон, — мы живем в едином мире. Все дело в том, чтобы видеть не только глазами, но и сердцем. Часто мы не замечаем самые очевидные вещи либо потому, что заняты, либо думаем, что заняты. Или мы не хотим узнать, что впереди нас, потому что это может потребовать более сложного объяснения, чем мы готовы допустить. Я считаю это большим грехом. Намного проще принять очевидное.

Он не до конца понял ее, но почувствовал себя несколько спокойнее.

— Где вы живете? Это рядом или далеко?

— Замок моего отца здесь, в лесу.

— Не может быть! — воскликнул Пауел. — Я знаю этот лес! Я охочусь в нем с тех пор, как сел в седло. Это самое дикое и непроходимое место.

— Вы видели когда-нибудь этот пруд раньше? — поинтересовалась она.

— Нет, — последовал ответ.

— А он был здесь всегда, — сказала она со спокойной логикой. — Вы

совсем не знаете этот лес, мой господин. Вы его никогда не видели раньше потому, что невнимательно смотрели. И так же с замком моего отца. Вы не видели его, потому что не искали. Когда-нибудь я покажу его вам, Пауел.

— Когда? — Внезапно ему страстно захотелось узнать эти новые миры, о которых Рианон раскрывала ему.

— В тот день, когда ты придешь просить моей руки, Пауел Дифида, услышал он поразительный ответ.

— Что? — вырвавшееся слово прозвучало глупо в его ушах, но Пауел не помнил, чтоб когда-либо в своей жизни был так удивлен, как сейчас.

В Британии он был хорошо известным и уважаемым правителем. Он отнюдь не считал себя дураком. В его власти находилось семь самостоятельных земель, в каждой по меньшей мере сто ферм и деревень. Еще во время царствования его отца Пауел завоевал репутацию сильного и храброго воина, сражающегося за справедливость в других землях.

Он думал, что прошло то время, когда его можно было столь сильно удивить. Однако эта прекрасная девушка, чье имя означало «Восхитительная королева», поразила его.

— Разве ты не хочешь взять меня в жены? — невинно спросила Рианон. — Я наблюдала за тобой некоторое время и чувствую, как растет любовь к тебе, — продолжала она. — В нашем народе не придают большого значения застенчивости. Это черта характера женщин народа Кимри. Мы открыты. Нам дорого время. Терять его для нас — величайший грех. Я люблю тебя, Пауел Дифида, и буду с тобой всегда. Я стану твоей женой.

У него кружилась голова. Она — дочь короля. И не простого короля, а Дилана, короля Справедливого народа! Она хотела его в мужья! Самая красивая женщина, которую он встречал в своей жизни, хотела его в мужья! Бронуин. Ее имя непрощено проскользнуло в его голове. Все уже считали, что он женится на ней. Даже он сам смирился с этой мыслью, хотя не любил ее. В этом он абсолютно был уверен. Женитьба на дочери Синбела из Тейфи была всего лишь политическом шагом. Если учесть еще и то, что ни одна девушка не завладела его воображением. Пока. Он еще не дал обещания Бронуин ни публично, ни наедине. Они не были помолвлены.

Ему оказана невероятная честь, но он немного побаивался. Ходили рассказы о мужчинах и женщинах из народа Кимри — возлюбленных Справедливого народа. Он лихорадочно припоминал, что мало этих сказок имело счастливый конец. Рианон была очень красива. Намного красивее любой девушки из его собственного народа, и вместе с этой красотой соседствует ласковый характер, который обезоружит Кимри, успокоив их

возможный страх перед прелестной волшебной девушкой.

Пауел внезапно понял, что полюбил ее с первого взгляда. Он на самом деле хотел, чтобы она стала его женой. Никто другой не подойдет, но все же...

Рианон почувствовала его озабоченность.

— Ты думаешь о других молодых людях из наших двух народов, которые любили друг друга. Никто из них не стал мужем и женой, как станем мы.

— А почему они не женились?

— Потому что люди из моего рода не хотели менять свой образ жизни ради Кимри, которых они любили. А я пойду на это. Я стану одной из вас в тот день, когда ты женишься на мне, Пауел Дифида. Мы будем жить счастливо всегда. Взамен этого обещаю тебе две вещи. Абсолютную любовь и доверие. Сможешь ли ты дать мне два этих дара, мой господин? Подумай как следует, прежде чем ответить.

— Нет, Рианон, здесь не о чем и думать! — страстно воскликнул он. — Я могу завоевать весь мир ради любви к тебе.

— Если ты любишь меня и веришь, мне не надо никаких иных миров, — ответила серьезно Рианон, а потом вдруг рассмеялась. — Если мы договорились, мой прекрасный принц из народа Кимри, то я должна вернуться домой. Через год ты вернешься за мной на тот могильный холм, где мы впервые встретились. Я отведу тебя ко двору отца, и мы поженимся, а потом я вместе с тобой отправлюсь навсегда в Дифид.

Он схватил руки Рианон, в первый раз касаясь ее, и поразился, как пульсирует в ней жизнь.

— Если тебе так дорого время, зачем нам ждать год? — горячо молил он. Она была такая хрупкая и нежная, что он почувствовал биение жизни в кончиках ее пальцев.

Она привлекла его к себе и, посмотрев в глаза, произнесла:

— Время Кимри отличается от времени Справедливого народа, любовь моя Увы, есть и другие обстоятельства, касающиеся нашего брака. По обычаю нашего народа женщина имеет полное право выбирать спутника жизни. Я избрала тебя, но мне придется преодолеть возражения моей семьи, народа. Видишь ли, Пауел, я не просто королевская дочь. Справедливый народ избрал меня преемницей отца, поскольку мой народ со временем исчезнет с лица земли, как и Кимри. Выйдя за тебя замуж, я должна лишиться прав члена семьи. Мое решение принесет много горя и несчастья. Справедливому народу потребуется время, чтобы выбрать нового наследника престола. Думаю, что моя младшая сестра Анхарид

больше, чем я, подходит на роль королевы Справедливого народа. Мне надо убедить в этом мой народ. Они, в свою очередь, будут пытаться найти способ удержать меня. Вот поэтому ты должен быть абсолютно уверен в своей глубокой любви и верности мне, несмотря на все превратности судьбы Беря тебя в мужья, принц, я отказываюсь от наследств! Но делаю это с радостью ради любви к тебе! У тебя такое же храброе и верное сердце?

Он был ошеломлен ее откровенностью и покорился ей. Эта невероятно прекрасная девушка, избранная судьбой стать королевой, охотно, более того, страстно желала оставить все, что ей было дорого, единственно ради того, чтобы быть его женой.

— Ах, дорогая, боюсь, я недостоин тебя.

— Ты любишь меня, Пауел Дифида? — тихо спросила она.

— Да, Рианон, — ответил он без колебания и сердцем чувствовал, что это правда.

— Тогда, конечно, ничто не помешает нашему браку и не разрушит наше счастье.

В этот самый момент, когда Пауел привлек Рианон в свои объятия, подул легкий ветерок, расшевелив золотистые листья буковых деревьев. Он лишь слегка склонился к ней, поскольку она, несмотря на свою хрупкость, была почти что одного с ним роста. Он запечатлел на ее мягких губах нежный, почтительный поцелуй, а Рианон ответила ему пылким поцелуем, одновременно удивив и доставив наслаждение, обещая в будущем иные восторги.

Он прижал ее к себе, одной рукой держа за тонкую талию, другой лаская серебристо-золотые волосы, которые казались пухом под его огрубевшими пальцами. Ее поцелуи напоминали ему вкус клубники, и он не мог припомнить время, когда чувствовал себя таким счастливым, гармоничным, в ладу с собой и окружающим миром. И все, что чувствовал и ощущал он, передавалось и ей.

— Дорогая, — прошептал он ей на ухо. — Я никогда не перестану тебя любить. Никогда!

Внезапно их окутала розовато-лиловая дымка. А над ними раздался крик ворона. Вспомни! Ощущение от его объятий прошло, и она услышала голос, зовущий ее еще раз.

— Рианон! — Это была Анхарид.

— Рианон, дорогая моя! — Теперь с ней говорил ее отец.

Дымка рассеялась, и она увидела себя взволнованной в зале отца, в кругу семьи.

— Ах, Рианон! Как ты могла так со мной поступить! Я не хочу быть королевой Справедливого народа! На самом деле не хочу! — протестовала Анхарид. Она потерла бледно-розовым шелком своего платья между большим и указательным пальцами, как обычно делала, когда была расстроена.

— Анхарид, иного выхода нет, это прекрасный выход, хотя ты и молода, — успокаивала сестру Рианон. — Когда-нибудь ты станешь великой королевой, я уверена. И я буду тобой гордиться.

В порыве непривычных для нее эмоций Анхарид бросилась в объятия сестры и зашмыгала носом.

— Не оставляй нас, Рианон! Молю тебя, не оставляй! Я боюсь за твою жизнь среди Кимри. Хотя некоторые, вроде Пауела, относятся к нам благосклонно, большинство же настроено враждебно. Как бы ты ни старалась, ты навсегда останешься для них чужой. Предмет любопытства и подозрения.

— Ничто не имеет для меня значения, — ответила Рианон, — кроме того, чтобы стать женой Пауела и матерью его детей, дорогая сестра.

Знаю, что это удар для тебя, но ты просто еще не свыклась с этой мыслью. Всю нашу жизнь было принято считать, что я стану королевой Справедливого народа, но этому не суждено быть. Я всегда считала, что моя судьба в другом месте.

— Я не хочу быть королевой, потому что не желаю нести все бремя ответственности, — раздраженно сказала Анхарид с превосходной логикой. — Быть женой Тристана и матерью его детей — вот судьба, о которой я мечтаю.

Рианон весело рассмеялась.

— Этого будет тебе недостаточно, Анхарид, и сердцем ты понимаешь справедливость моих слов. Ты одна из тех созданий, которые призваны взять на себя заботу о мире. Наш народ будет преуспевать в твоё царствование. Что же касается Тристана, — и Рианон усмехнулась, — он так гордится тобой, я удивлюсь, если он не растает от счастья.

Анхарид не удержалась от улыбки при словах сестры. Это правда.

Тристан гордился ею и уже начал беспокоиться, что, возможно, он не совсем подходящий муж для будущей королевы Справедливого народа. Ей потребуется вся сила убеждения, чтобы унять его страхи, успокоить его. И она сделает это, поскольку любит его, к удивлению многих. Как и у всех народов, у Справедливого народа тоже были и мудрые люди, и не отличающиеся большим умом. К последней категории относился и Тристан, но Анхарид было известно то, что неведомо другим. Она знала,

что ее возлюбленный добрый, верный и надежный и отличался удивительным чувством юмора. Тем не менее ей казалось предательством по отношению ко всей семье занять место Рианон.

— Несмотря на все твои доводы, сестра, я не в восторге от принятого тобой решения. Быть королевой Справедливого народа — непростое дело!

— Сейчас это твой долг, сестра, — ответила Рианон тем самым спокойным тоном, который, как всем было известно, означал прекращение спора. — Совет согласен, значит, и весь народ тоже. Ох, Анхарид!

Ты на самом деле больше подходишь для трона, чем я. Ты сильная, уверенная в себе. Я же рискую, смущаюсь своего сердца. Королеве Справедливого народа не следует вести себя подобным образом.

Пришел черед вступить в разговор Корнелии, матери Анхарид и Рианон.

— Почему бы тебе не взять Кимри просто в любовники? — спросила она дочь. — Так поступали наши люди в прошлом. Почему ты должна выйти за него замуж и всего лишиться? — На ее красивом лице отразилась озабоченность.

— Нет, — решительно ответила Рианон. — Ни один из нас не хочет этого. Я буду женой Пауела, и, чтобы брак удался, мы должны быть одним целым. Не может быть и речи о том, чтобы Пауел стал частью нашего мира, а я смогу стать частью его. Дорогая матушка! Ты должна порадоваться за меня, потому что я хочу брака с Пауелом больше всего на свете.

В фиалковых глазах Корнелии появились слезы. Рианон была ее первым ребенком. Хотя она никогда не призналась бы вслух, чтобы не сочли ее слова предательством дорогой Анхарид, Рианон она любила больше. И ничего не могла поделать с этим. Девушка была ее копия в молодые годы. Романтическая душа, верящая в лучшее начало человека. В атмосфере, в которой живет Справедливый народ, — это не такое опасное убеждение, но в мире Кимри...

Корнелия глубоко вздохнула. Почему ее старшая дочь влюбилась в Пауела Дифида? Не было в их мире достойного мужчины, который бы не отдал за Рианон все, чем владел. Будь она дочерью даже бедняка, все равно ее ценили бы выше других девушек. Гэвин, принц Справедливого народа реки Уи; воины братья-близнецы Кэдог и Кадел, которые прибыли с ее родного острова на западе; наиболее выдающийся среди них юный король Мередидд, который правил Справедливым народом на юго-западе и чье королевство могло быть объединено с их владениями. Он огорчился больше всех. Почему не могла Рианон выбрать из собственного народа; но, увы, она не сделала этого.

Беспомощно Корнелия обратилась за поддержкой к мужу.

Дилан покачал головой.

— Мы спорим по этому поводу, словно старый пес, продолжающий грызть кость, чтобы добраться до мозга, которого давно нет, — печально сказал он. — Рианон дала нам ясно понять, что хочет взять в мужа Пауела из Дифида, Кимри, и никого другого. В этом она убедила и совет, и наш народ. Они избрали преемницей Анхарид. Да будет так!

Он улыбнулся младшей дочери.

— Хотя ты была против такого решения, Анхарид, ты уже проявила мудрость, которая в свое время будет управлять нашим народом, в выборе супруга. Передай Тристану, что мы отпразднуем вашу свадьбу в следующее полнолуние. Я полностью одобряю. Я уже устал от бремени королевских забот. В ближайшие годы я передам правление в твои руки и спокойно проведу остаток дней, как и мой отец. Решено, — закончил он, похлопав жену по руке.

Слеза скатилась по щеке Корнелии, которую Рианон осушила поцелуем, в то время как Анхарид обменялась с отцом взглядом, в котором было согласие и одобрение.

В следующее полнолуние, к радости обоих семейств, была отпразднована свадьба Анхарид и Тристана. Он был младшим сыном могущественной семьи с северо-запада. На свадебном торжестве четыре отважных поклонника Рианон пытались претендовать на нее и не принимать во внимание ее решение, но она оставалась непоколебима, к их величайшему огорчению. Особенно разгневался Мередида с юго-западных земель. С горечью воспринял он отказ Рианон.

— Лорд замка Дифид, несомненно, окажется недостойным вас. Кимри жестокие люди, — сказал он и с этими словами уехал.

Дилан поднялся и объявил;

— В следующее полнолуние нашей сестры луны, а по исчислению Кимри, через год, который дала Рианон для размышления своему возлюбленному, она приведет его к нам, чтобы мы могли отпраздновать их свадьбу. Но у меня есть одно условие, которое они оба должны выполнить, либо я отменю свое решение и не дам согласия на брак. Если кто-то из них откажется, свадьбе не бывать. Хотя твое право выбрать мужа, мое право короля — отвергнуть избранника, если мои условия не будут приняты. Это часть нашего древнего закона, и ты должна следовать ему — Что вы хотите от нас, отец? — спросила Рианон.

— Я не стану это обсуждать, пока передо мной подле тебя не встанет Пауел Дифида, дочь моя, — закончил свою речь король.

В первое утро следующего полнолуния, когда солнце только слегка окрасило горизонт, Пауел, принц Дифида, в пышном одеянии алого цвета с золотом, прибыл на зеленый холм, где впервые увидел Рианон.

Она ждала его с приветливой улыбкой, засияв от счастья при виде его.

— Добро пожаловать, мой возлюбленный, — приветствовала она его, а потом, взглянув на ярко разодетую свиту принца, не сдержала улыбки. — Добро пожаловать и вы, господа.

Те, кто уже видел Рианон, еще раз поразились ее редкостной и безупречной красоте.

Ну а видевшие ее впервые лишились дара речи от изумления, поскольку не верили в существование столь прекрасного создания. Она, казалось, была одета в платье из лунного света. Когда год назад Пауел после встречи с Рианон объявил о своем желании взять ее в жены, эта весть была принята в палате совета Дифида ужасным шумом. Некоторые считали, что девушка из Справедливого народа околдовала его.

Они грубо выкрикивали свое неодобрение, но Пауел утихомирил их.

Он не был околдован. Он просто полюбил. Те, кто знал его лучше, поняли это и вели себя спокойно, хотя их тоже пугала женитьба принца на девушке не из их народа.

А Синбела из Тейфи пришлось усмирять, настолько он пришел в ярость от новости принца. Хотя формально он никогда не делал Пауелу предложения, не было и официальной помолвки принца с его дочерью, он, как и все при дворе, свикся с мыслью, что Бронуин однажды станет женой Пауела. Он даже строил планы в ближайшем будущем обсудить с принцем этот щекотливый вопрос, так как Бронуин решительно указала ему, что давно пора отпраздновать их свадьбу. Она устала ждать, когда Пауел сам пожалует к ней. И вот теперь никакой свадьбы не будет, и только чудом можно сыскать ей жениха, к которому она отнеслась бы благосклонно после стольких лет ожидания лорда из замка Дифида. Синбел был оскорблен, его ярость трудно было успокоить.

Пауел, не зная о переживаниях Синбела, переполняемый восторгом, страстью к Рианон, пылко рассказывал совету о девушке, которую он собирался взять в жены. Они любили его, и хотя некоторых беспокоило, что он женится на девушке из Справедливого народа, в конце концов они порадовались за принца и согласились с его выбором. Все, кроме Синбела из Тейфи, который обдумывал, как лучше отомстить Пауелу за нанесенное его дочери и семье ужасное оскорбление.

И вот сейчас, видя перед собой Рианон, шаферы Пауела были очарованы ее красотой и прекрасными манерами. Они охотно последовали

за ней в темный лес, и только некоторые осознавали, что тропа, по которой они ехали, исчезала за ними или что густой подлесок загадочным образом расступался при виде лошадей Рианон. Наконец лес начал редеть, и они ступили на поляну на берегу озера с кристально чистой голубой водой, о существовании которого никто из них не знал.

Они смотрели на него, открыв от изумления рты.

— Мы оставим лошадей здесь, — сказала им Рианон. — Их накормят, напоят, о них хорошо позаботятся люди моего отца. На лодках мы — проплывем остаток пути.

— Куда, принцесса? — поинтересовался Таран голосом, в котором звучал благоговейный трепет.

— В замок моего отца, — весело рассмеялась Рианон, показывая пальцем.

Они посмотрели в том направлении, куда указывал ее палец, и от удивления буквально задохнулись. Как только розовый туман поднялся над озером, в центре его они увидели замок, который и вообразить себе никогда не могли. Он был построен из светло-серого камня с изящными башнями, которые поднимались в голубое утреннее небо.

Казалось, он вырос из глубин самого озера. Что-то волшебное было в нем, и страх вновь закрался в их сердца. Когда ужас грозил захлестнуть их, воздух вокруг наполнился яркими голубыми и золотыми бабочками, само появление которых, казалось, успокоило свиту, наполнив сердца замечательным чувством покоя и благополучия.

На песчаном берегу озера аккуратно лежало шесть серебристых лодок, каждая с высоким носом в виде головы дракона, украшенной зеленой, золотой и красной эмалью. Рианон жестом показала Пауелу и свите садиться в лодки. В первую вошла она с будущим мужем, разместив остальных в пяти небольших судах. Лодки, отплыв от берега, заскользили по воде без всяких усилий, казалось, что они плыли сами по себе по кристальной глади озера. Приблизившись к замку, они обнаружили, что он поднимается не из воды, а построен на небольшом острове. Как только лодки, движимые неведомой силой, выскользнули на берег острова, появилась группа ярко разодетых, улыбающихся молодых женщин, чтобы приветствовать их. Все они отличались красотой и держали в руках гирлянды и венки из свежих разнообразных цветов, которые они надели на шею и головы гостей.

— Пойдем, — сказала Рианон, взяв Пауела за руку — Ты должен познакомиться с моей семьей. Затем нас обвенчают в зале моего отца.

Твои мужчины останутся довольны придворными дамами. Они

нежные и любезные хозяйки. Никому из вас нечего бояться в доме моего отца.

Пауел проследовал за Рианон в небольшую, красиво обставленную комнату, где его ждала ее семья. Что поразило его больше всего, так это то, что даже самые старые в Справедливом народе выглядели молодо.

В комнате находились двое мужчин и две женщины. Один был высок, с голубыми глазами и вьющимися золотистыми волосами, голову его украшала драгоценная диадема. Делая низкий поклон и в ответ услышав учтивое приветствие, он понял, что это сам Дилан. Прелестная женщина с серебристыми волосами, заплетенными в косы и уложенными в виде короны вокруг головы, была представлена ему как мать невесты. Пауел вновь поклонился, чувствуя ее сдержанность, хотя она радушно приняла его. Он подумал, что едва ли может упрекнуть ее.

— А это моя сестра, Анхарид, и ее муж Тристан, молодожены, — объявила Рианон, выведя вперед молодую женщину, очень похожую на отца.

В белокурых локонах Тристана пробивались искры рыжих волос.

Они сели, и хрупкие маленькие служанки, которые, казалось, порхали по полу, принесли легкое золотистое вино, сверкающее в их хрустальных кубках. Когда слуги удалились, король Справедливого народа заговорил прямо, без обиняков.

— Принц Дифида. Уверен ли ты, что в глубине своего сердца Кимри ты любишь мою дочь? Можешь ли ты определенно сказать, что хочешь взять именно ее в жены, а не девушку из своего рода? Отвечай откровенно. Тебе не причинят вреда, если будешь говорить искренне и правдиво. Если твое сердце солжет, я узнаю об этом. Я ищу лишь счастья для моей любимой дочери.

— Сэр, я люблю Рианон больше самой жизни, — ответил Пауел. — Нина ком, кроме нее, я не женюсь. Спросите тех, кто сопровождал меня.

Я не знал любви до того дня, как встретил вашу дочь.

— И ты отдашь ей всю свою любовь и веру, принц Дифида? Я вновь молю тебя подумать как следует, прежде чем ответить! — сказал Дилан. — Брак между лордом из рода Кимри и принцессой Справедливого народа — дело серьезное.

— Я отдам Рианон всю свою любовь и доверие, — ответил Пауел сильным, уверенным голосом.

Рианон одарила его счастливой улыбкой. Он был очень красивый и мужественный.

— Пауел Дифида, ты понимаешь, что, став твоей женой, она, как

представительница Справедливого народа, теряет все права. Для нас она будет Кимри, как и ты. Среди твоих людей есть такие, которые хотели бы заполучить женщину из Справедливого народа только ради волшебной силы, которой мы владеем, а не по любви. Ты один из них?

— Нет, сэр. Я люблю Рианон ради нее самой, а не по какой другой причине. Я понимаю, что сила ее уйдет, но мне все равно, поскольку я хочу женщину А не волшебство.

Дилан кивнул и повернулся к Рианон.

— Спрашиваю тебя в последний раз, дочь моя. Ты решительно хочешь замуж за этого человека, даже зная, что потеряешь свое наследство?

— Да, отец, я буду женой Пауела, а все остальное не имеет для меня значения.

— Что ж, очень хорошо, — промолвил король Дилан. — Я дам согласие на этот союз, но только при одном условии. Если вы сочтете, что не можете согласиться на него, тогда свадьбе не бывать. Рианон, дочь моя, и ты Пауел, сын мой! Я вынужден потребовать, чтобы ваш брак в течение одного года не был физически завершен.

— Отец!

— Сэр!

Воскликнули оба одновременно, но Дилан жестом прервал их.

— Выслушайте меня, мои дети. Я пекусь лишь о вашем благе. Вы должны понимать, что во всей нашей общей истории не было ни единого случая, когда молодые люди из Кимри и Справедливого народа вступали в брак. Любовные связи были, это правда, но они всегда в конце концов распадались. Увы, различия, разъединяющие нас, кажутся большими, хотя, по правде сказать, они не столь уж велики. Все же существует нечто такое, что мы никак не можем преодолеть.

Моя старшая дочь, однако, настаивает на вашем браке, и ты согласен. Как ее отец я опасюсь, что зов ее сердца может завести Рианон в царство тьмы, а не света. Но я должен считаться с ее желанием, что бы я при этом ни чувствовал, таков наш обычай. Тем не менее мне хотелось бы защитить свое дитя, как это сделал бы всякий добрый отец. Если вы завершите свой брак немедленно, непременно появится дитя. Справедливый народ славится своей плодовитостью. В таком случае Рианон уже будет привязана к тебе.

Что вы теряете, если проявите оба мудрость и готовность потерпеть год? Даже в мире Кимри год — не такой уж большой срок. У нее будет шанс за это время узнать ваш образ жизни, кроме того, Рианон сможет убедиться, будет ли она по-настоящему счастлива среди твоего народа и

настолько ли крепка ваша любовь друг к другу, чтобы выдержать противодействие тех при дворе, Пауел, кто не одобряет твоего брака с моей дочерью. Я это знаю наверняка. Год даст Рианон возможность завоевать сердца Кимри из Дифида и узнать, принял ли твой народ ее как равную.

Рианон отказывается от всего, чтобы стать твоей женой. Она охотно теряет наследство как наша будущая королева. Она смирилась с потерей волшебной силы. Принадлежа полностью, тебе, она не сможет вернуться к нам. Думаю, что ее жертва во имя любви к тебе слишком велика, принц Дифида. Что можешь ты предложить ей взамен, равное ее потере? Насколько я могу судить — ничего. Рианон рискует всем.

Поэтому прошу вас согласиться на мои условия. Сегодня мы отпразднуем вашу свадьбу, но в течение года вы не должны завершить ваше супружество. Если через год вы решите, что не можете быть мужем и женой, брак легко можно расторгнуть. Рианон вернется к нам, и, хотя она отказывается от права быть моим преемником, в моей власти вернуть ей все утерянное. Она может выйти замуж за человека из нашего народа и быть с ним счастлива, как и ты, женившись на девушке из Кимри.

Этот договор сохранится в тайне между присутствующими в этой комнате. Посторонним это не нужно знать, чтобы они не причинили неприятности Пауелу и Рианон. Тщательно обдумайте мои слова, прежде чем ответить, но ради вашего общего блага прошу вас принять мое условие, — закончил Дилан.

— Это просто смешно, — взорвалась Рианон. — Мы, конечно, не согласимся! Как мог ты нас даже попросить об этом, отец?

— Подожди, моя любовь, — сказал Пауел. — Не будь так поспешна в своем гневе, подумай над тем, что сказал твой отец. Вы очень мудры, мой господин. Согласен с вами, я почти ничем не рискую, вступая в этот брак, а Рианон теряет все. Я никогда не хотел причинить ей вред.

— Неужели ты думаешь, что я не знаю это, Пауел? — воскликнула Рианон. — И все же то, что просит от нас отец, несправедливо! Нет, он даже не просит, он требует в качестве расплаты за его благословение!

Давай покинем это место и сегодня же соединимся в браке в твоём замке. Я рожу тебе сына, прежде чем пройдет год!

Дилан и Корнелия посмотрели на принца, чье красивое лицо сделалось серьезным, а голос, когда он заговорил, печальным.

— Рианон, однажды я сказал, что недостойна такой девушки, как ты.

Что просит от нас твой отец, не столь тяжело. Это единственный для меня способ доказать, что я гожусь тебе в мужья. Предоставь мне эту возможность, дорогая, молю тебя об этом! Позволь мне показать твоему

отцу, вашей семье... нет! Позволь показать всему Справедливому народу, что принц Кимри на самом деле достойный Рианон супруг, самой совершенной и прекрасной принцессы Справедливого народа этого леса. — Он опустил перед ней на колени, взял ее руку в свою и нежно поцеловал ее.

Корнелия взглянула на своего супруга, и Дилан одобрительно кивнул. Им не надо было разговаривать вслух, они могли молча обмениваться мыслями. Поведение Пауела показалось им многообещающим и, по их мнению, сулило счастливый брак Слезы навернулись на фиалковые глаза Рианон. Это были слезы страдания и расстройства. Как могла она лишиться этого человека, которого так любила, возможности доказать не только ее народу, но и самому себе, что он достоин ее? Она не могла отказать ему.

— Поднимись, Пауел, — сказала она, уступая. Когда он встал рядом с ней, она глубоко вздохнула и, взглянув на отца, промолвила:

— Я приму ваши условия, сэр. Думаю, несправедливо налагать на нас столь суровое обязательство. Но если мой возлюбленный господин не возражает, тогда я тоже должна согласиться с твоим желанием.

Внезапно розовато-фиолетовый туман окутал их, и время вокруг нее растворилось, охотно бросившись в погоню за будущим.

— Один год, — слышала она голос Пауела и ощутила теплое дыхание возле уха. — Сегодня год, как мы поженились. Время промчалось так быстро, Рианон.

Она была в его объятиях. Взглянув на него, Рианон улыбнулась. В голове ее прояснилось, и до нее дошел смысл сказанного. Прошел год их супружества.

— Мы выполнили глупые условия моего отца, — сказала ему Рианон. — И наконец-то сегодня вечером мы завершим наш союз. Народ уже начал беспокоиться о наследнике. Возможно, когда я подарю тебе сына, они станут менее подозрительно относиться ко мне.

Он поцеловал ее бледный лоб.

— Тебе не надо волноваться, любовь моя. Наш народ принял и полюбил тебя, — успокаивал Пауел жену.

Рианон ничего не ответила, ибо знала правду, которую Пауел отказывался признавать. С первого момента, как она с Пауелом приехала в замок, Кимри были охвачены волнениями и подозрениями. Особенно отличались недоброжелательностью придворные дамы, хотя и не показывали это в присутствии принца. Возглавляемые Бронуин Белая Грудь, они наедине не обращали на нее внимания, пренебрежительно отзывались о ее светло-золотистых волосах, ее очень белой коже,

завидовали ее умению ткать, которое превосходило их способности.

— Я могла бы ткать совершенно как ты, — однажды сказала ей Бронуин, — если бы в кончиках моих пальцев тоже была волшебная сила.

— В том, что я делаю, нет никакого волшебства, — воскликнула Рианон перед неверующими придворными дамами. — Я лишилась ее, когда стала женой Пауела.

— Что за сказки она нам рассказывает, — нахально смеялась Бронуин. — А Пауелу лучше было бы жениться на мне, как и предполагалось.

По крайней мере у него уже сейчас был бы сын.

Рианон сдержалась, в то время как дамы вокруг нее подло захихикали, затем, поднявшись, прошествовали за Бронуин из зала, демонстрируя откровенную грубость.

— Почему вы не расскажете Пауелу об их неуважении к вам, моя принцесса? — Таран Ста Битв был рядом с ней. Грубые черты его лица выражали тревогу. С самого начала он стал ее защитником.

— Что он может поделать, Таран? Приказать им полюбить меня? Это они должны сделать по собственному желанию, — искренне ответила ему Рианон. — Я не огорчу Пауела такой глупой мелочью. Неужели ты думаешь, что я не понимаю причины горечи Бронуин? Мне известно, что она сидела бы на моем месте. Всю свою жизнь она считала, что выйдет замуж за Пауела. Семья подогрела ее честолюбие. И никому на мгновение и в голову не пришло, а хочет ли этого брака сам Пауел.

Что ж, он не захотел. Бронуин, влюбленная в моего мужа настолько, насколько она вообще способна любить кого-нибудь, кроме себя, должна найти виновника своей обманутой надежды. Выбор логически падает на меня. Другие дамы, привыкшие во всем следовать за ней, продолжают делать то же самое, хотя ни одна из них не осмеливается проявить неучтивость ко мне перед Пауелом.

— Бронуин права в одном, — заметил Таран, и Рианон сразу же поняла, что он имеет в виду.

— Скоро, Таран, — пообещала она. — Скоро я сообщу народу желанную новость.

Это «скоро» наконец пришло, подумала Рианон в уютных объятиях Пауела. Она не была совсем одинока в замке Дифид. У нее были союзники. Таран и его друг Эван ал Риз, который в отличие от грубовато добродушного Тарана был ученый человек. Это он рассказал Рианон все, что он знал об истории Кимри, а она, в свою очередь, поведала ему летопись своего народа. Простые люди Дифида с уважением относились к

Рианон, так как с момента своего появления она была добра с ними, как и подобает хорошей хозяйке замка. Она охотно выслушивала их проблемы и заботы, давала советы, проявляя при этом присущий ей здравый смысл, который они принимали за волшебную мудрость. Когда могла, она облегчала их участь, если становилось невмоготу. Лечила травами и разными лекарственными припарками. И не жалела своего кошелька.

Несмотря на все эти занятия, ей недоставало подруги, с которой она делилась бы секретами и проводила время. Рианон скучала по Анхарид, которая всегда была ее лучшим другом. Ей хотелось узнать, как поживает ее семья, но она ничего о них не слышала. В тот день, когда она выехала после свадьбы вместе с Пауелом из леса, Рианон знала, что так будет всегда. Она уже не Рианон из Справедливого народа, но и не Кимри, поскольку они не считали ее своей. Ребенок. Сын и наследник Пауела, подумала она. Может, тогда некоторые дамы начнут благосклонно относиться к ней и жестокое влияние Бронуин наконец станет ослабевать.

Обняв Пауела за шею, она сказала охрипшим голосом:

— Не пора ли нам, дорогой муж, достичь вершины нашего союза? Год прошел. Условия договора мы выполнили. В моем народе страсти предаются не только ночью.

Он радостно рассмеялся.

— Дорогая Рианон, мое желание за этот год лишь возросло, но, увы, меня ждут сегодня утром на совете. Будем обсуждать торговый договор с землей Гвиннд. Уверяю тебя, я охотно задержался бы здесь. Не так-то легко было делить с тобой спальню все эти месяцы, сдерживая естественные порывы. Днем я освобожусь.

— Ты помнишь тот маленький пруд, который я показала тебе в тот день, когда мы впервые заговорили?

Он медленно кивнул.

— Как ты думаешь, сможешь ли ты днем отыскать к нему дорогу, Пауел? Я буду ждать тебя там с праздничной трапезой, и мы наконец восстановим естественный ход вещей. — Рианон многозначительно улыбнулась ему.

— Я буду там, — нежно сказал он, даря ей ответную улыбку.

Рианон заторопилась на кухню, где повар с улыбкой положил в корзинку провизию для прогулки. Он полюбил жену хозяина замка, которая недавно вылечила его сына от ужасной сыпи, которой тот страдал почти всю жизнь. Мальчика сторонились и боялись. А теперь его сын с радостью играл с другими детьми и даже проводил часть дня на кухне, охотно помогая отцу.

— Вот свежий зажаренный каплун, моя госпожа, — сказал повар, глядя на нее с сияющей улыбкой. — Свежий хлеб и отменный твердый острый сыр. А вот и яблоки! Хрустящие и сладкие. А это бутылка вина, чтобы согреть вашу кровь, если днем станет прохладно.

Она поблагодарила его, справилась о здоровье сына и, оставшись довольна ответом, покинула кухню. День был так хорош, что Рианон не могла оставаться в стенах замка. В большом зале ее дамы теснились вокруг Бронуин, словно куры, по обыкновению сплетничая. Мало кто заметил ее. Взяв корзинку с едой, она поспешила из замка на солнце и отправилась пешком через лес к пруду, где, к величайшему удивлению Рианон, ее ждала Анхарид.

Сестры обнялись, и Анхарид сказала:

— Я знала, что сегодня ты придешь сюда. Ты, как всегда, романтична, дорогая Рианон!

Рианон засмеялась.

— Как я похожа своей предсказуемостью на Кимри! — заметила она.

— Ты никогда не станешь одной из них! — не без горечи ответила Анхарид. — Они не приняли тебя, сестра, и плохо с тобой обращаются. Я знаю.

— Прошел только год, Анхарид, и у меня нет ребенка, который помог бы расположить их ко мне. Не пройдет и года, как все изменится, и их отношение ко мне, — ответила Рианон. — Но расскажи мне о себе и Справедливом народе. Мать и отец здоровы?

— У меня родился сын, — с гордостью произнесла Анхарид. — Мы назвали его Реном. Когда-нибудь он станет править нашим народом, когда я решу отложить королевскую мантию. А я буду коронована на Самхейне. Отец здоров, но не хочет больше царствовать. Он и мать решили посетить островное королевство, ее родину, и провести некоторое время с нашими дедушкой и бабушкой.

— Да, матушка не раз говорила о своем желании вернуться на остров, когда мы вырастем. Наши родители очень стары, — заметила Рианон.

— Возвращайся со мной к нашему народу, Рианон! — печально сказала Анхарид. — Не оставайся больше среди Кимри, мало тебе они принесли горя!

Рианон одобряюще обняла сестру, сказав при этом:

— Нет, Анхарид, я не могу вернуться с тобой, но я благодарю тебя. Я люблю Пауела больше, если это возможно, чем год назад, несмотря на то, что наш брак еще не завершен. И он любит меня. Ничто больше не волнует меня. Ни презрение Бронуин Белая Грудь, ни другие придворные дамы,

ничто не имеет значения, кроме любви друг к другу. У меня есть несколько друзей при дворе, простые люди знают, что я хороший человек. Сейчас этого достаточно. Когда я подарю Пауелу полдюжины детей, прекрасных сыновей и дочерей, истинных Кимри, которыми он будет с гордостью хвалиться в зале в кругу друзей, неужели ты думаешь, что горечь Бронуин будет оказывать какое-нибудь влияние?

Я так не думаю. Если она настолько глупа, чтобы дожидаться, когда Пауел разлюбит меня, она увянет, постареет и останется одна.

Слезы крушения надежд появились в глазах Анхарид.

— Рианон, меня не интересует эта женщина. Я боюсь за тебя.

Рианон успокаивала сестру как могла, но она знала, что Анхарид никогда не поймет, как глубоко вошла в нее любовь к Пауелу Доя представительницы Справедливого народа несвойственно такое сильное чувство. Даже сама Рианон осознавала, насколько редка и драгоценна ее любовь к Пауелу — У меня все будет хорошо, — успокаивала она сестру.

— По крайней мере позволь мне помочь тебе, — просила Анхарид. — Я сделаю так, что она без ума влюбится в первого подходящего гостя, который посетит двор Пауела! Чужестранца, который увезет ее как можно дальше.

Рианон рассмеялась.

— Бедняга! — сказала она. — Какую свинью ты собираешься подложить несчастной, не подозревающей ни о чем душе, Анхарид.

— Ты совсем потеряла способность ясно видеть то, что творится вокруг тебя, — разволновалась Анхарид. — Неужели тине понимаешь, насколько злобна эта Бронуин? Она не задумываясь разделается с тобой, если будет уверена, что сможет получить Пауела в качестве вознаграждения за свое деяние.

— Не вмешивайся в мою жизнь, Анхарид, каким бы праведным тебе ни казался повод, — предупредила сестру Рианон. — Обещай мне это!

От досады Анхарид прикусила губу — Я не могу тебе это обещать, сестра. Я слишком сильно люблю тебя, — честно призналась она.

— Тогда по крайней мере позволь мне сначала самой попытаться вылечить свои собственные болячки, прежде чем ты вмешаешься. Запомни, я стараюсь стать образцовой женой в глазах народа моего мужа.

Твое колдовство, Анхарид, не принесет мне пользы, неважно, какие бы добрые побуждения тобой ни руководили! Если б мы поменялись местами, я с уважением отнеслась бы к твоим пожеланиям и хочу, чтоб и ты уважала мои. Ты не можешь защитить весь мир, сестра!

Анхарид вздохнула.

— Мы никогда не придем к соглашению, Рианон, — печально проговорила она и поцеловала сестру в щеку. — Надеюсь, что творец защитит тебя от напастей. А теперь я должна идти. Твой муж сейчас охотно покидает комнату совета и торопится присоединиться к тебе.

Сестры еще раз поцеловались, а затем Анхарид направилась к лесу, сливаясь с солнечным светом и растаяв на глазах Рианон. Когда от Анхарид не осталось и следа, принцесса выскользнула из платья и рубашки, оставив их там, куда они упали. Заколов длинные волосы наверху, она вошла в пруд, грациозно погружаясь в согретую солнцем воду лесного пруда как раз за минуту до появления Пауела.

Он замер в восторге от ее прекрасного тела, которое до сих пор не видел.

Она улыбнулась и поманила его. Его не надо было уговаривать. Он быстро сбросил с себя одежды. Они встретились на середине пруда, под ногами у них было песчаное дно, прозрачная вода ласкала их тела. Рианон обвила руками шею Пауела и поцеловала его глубоким обжигающим поцелуем. Ее круглые налитые груди прижались к его заросшей волосами груди. И так безумно было его долгое время подавляемое желание, что детородный орган моментально ожил. Он обхватил Рианон снизу за ягодицы и, подняв, насадил ее на свой неистовый «кинжал». Она радостно приняла его, трепеща от восторга, когда он глубоко погрузился в нее.

— Ах-х-х, Рианон! — простонал он, и она вновь почувствовала себя окутанной дымкой времени. Она восстала против такого вторжения, даже когда услышала, как какой-то голос сказал: «Принцесса родила белокурого сына».

Часть II. ХОЗЯЙКА ЗАМКА. СКАЛА ВОРОНА. УЭЛЬС, 1061

*Глубоко твое
стремление к стране
твоих воспоминаний и
обители твоих сильных
страстей.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

Глава 8

Рианон открыла глаза и увидела себя лежащей на постели, усталой и счастливой одновременно. Слегка повернув голову, она заметила подле своей кровати спящего в колыбели белокурого младенца. Вдруг она почувствовала на щеке поцелуй и, повернувшись, взглянула в глаза мужа.

Пауела переполняла гордость, он одарил ее счастливой улыбкой.

— Мы назовем его Анвил, — сказала она.

— Анвил ап Пауел, — ласково поправил он.

— Анвил — значит любимый, — кротко ответила она. — Анвил — наш любимый сын.

— У него такого же цвета волосы, как и у тебя, — заметил Пауел, — но он крепьш, как все Кимри, дорогая. Наш народ в восторге от маленького принца Дифида. Анвил стоит года ожидания.

— Мне холодно, — пожаловалась Рианон. — Полежи со мной, Пауел, и согрей.

— Не могу, любовь моя. По обычаю Кимри мы несколько месяцев должны спать врозь. Эта мудрая традиция позволит тебе восстановить силы, Рианон. Я буду спать в зале с моими людьми, а ты останешься здесь. Подле тебя всегда, и днем и ночью, будут Бронуин и другие дамы, чтобы исполнять любое твоё желание и уберечь от беды.

— Только не Бронуин! — воскликнула Рианон. — Я не хочу, чтобы она была со мной!

— Пойми, я не могу обидеть ее отца, любовь моя. Я знаю, что Бронуин трудный человек, но будь с ней терпелива, — сказал он.

Рианон упрямо покачала головой.

— Мне все равно, обидится ли лорд Синбел или нет! Бронуин следовало давным-давно отправить из Дифида, чтобы она могла устроить свою судьбу, а она все еще здесь. Она осталась и продолжает ежедневно настраивать против меня придворных дам. Мой муж и господин, среди них нет ни одной, которая бы повиновалась мне, не спросившись у Бронуин. Ты понимаешь это? Я подарила тебе первенца-сына, а взамен прошу об одном: не навязывай мне это злобное существо. Неужели ты мне в этом откажешь?

Пауел выглядел встревоженным.

— Я не хочу ни в чем отказывать тебе, Рианон, но я также не хочу обидеть и Синбела. Что мне делать?

— Передай Синбелу, что я прошу его дочь заменить меня в качестве

хозяйки замка, пока я не оправлюсь после родов, — мудро посоветовала Рианон мужу. — Синбел будет рад чести, которая оказана его семье, а я освобожусь от общества Бронуин.

— Моя жена и госпожа, — с восхищением воскликнул он, — это идеальное решение! Благодарю тебя за него! А теперь отдыхай, любовь моя, чтобы набраться сил и зачать мне еще сына.

— Я не смогу этого сделать, мой господин, пока мы не будем вновь делить с тобой ложе, — надула губки Рианон.

— Обычай надо блюсти, — сказал Пауел и усмехнулся. — Я ни на один день не воздержусь больше положенного, Рианон. Если б я только знал, как ты восхитительна, я бы не был столь благороден в день нашей свадьбы, когда обещал отцу год не завершать нашего союза. — Голубые глаза его заблестели. — Ты так быстро зачала Анвила, у нас было слишком мало времени, чтобы познать друг друга. У нас есть к чему стремиться, моя прекрасная жена. Отдыхай хорошенько! — Он поцеловал ее в лоб и покинул их покои.

Оставшись одна, Рианон села на постели и взяла на руки сына.

Она распеленала новорожденного и, довольная, улыбнулась. Пауел не напрасно хвалился с такой гордостью. Малыш был само совершенство. В нем не было ее хрупкости, но она с радостью заметила спереди на левом плече маленькое родимое пятно, которое указывало на его принадлежность к ее роду, как и к отцовскому. Все члены семьи носили этот знак на своем теле. Рианон почувствовала легкий прилив удовлетворения при виде крошечной звездочки. Она осторожно перепеленала сына, который молча наблюдал за ней в течение всей процедуры. Вот сейчас он смотрел на нее взглядом своего отца. Рианон даже рассмеялась. Поцеловав пушистую головку младенца, она положила его обратно в колыбель. В комнату вошла незнакомая ей дама с кубком.

— Прошу прощения, госпожа, но вы должны выпить это лекарство, — сказала она, протягивая кубок Рианон, которая сморщила нос от неприятного запаха. Тем не менее она осушила кубок и, необычайно измученная родами, упала на подушки.

— Где дамы, которые будут приглядывать за моим сыном? — засыпая, спросила она.

Дежурная дама открыла дверь, и в комнату вошло полдюжины женщин. Болтая, они усаживались по местам.

— Охраняйте моего сына хорошенько, — передразнила одна из них Рианон, когда та заснула. — Гордая тварь! Нам следовало заботиться о сыне Бронуин, а не об отроде этой иностранки.

— Он еще и сын нашего лорда, — попыталась вступить другая дама.

— Сомневаюсь, — ядовито отозвалась первая. Она уставилась в колыбель Анвила. — Вы только поглядите на это отродье! Бледный, как его гнусная мать! Что это за принц Кимри, я вас спрашиваю?

Остальные одобрительно забормотали, а единственный среди них восставший голос умолк, не желая навлекать на себя беду. Эта дама была неглупа, она недавно появилась при дворе и, хотя нашла принцессу ласковой, доброй, быстро сообразила, что к чему.

Рианон глубоко спала всю ночь, ни разу не проснувшись, но, как только заря начала пробиваться сквозь окна комнаты, она поднялась и, повернувшись к колыбели, потянулась за сыном. Ее руки, ее хрупкие руки, были покрыты яркой кровью. С ужасным криком она села на постели. Враждебные лица алчно смотрели на нее.

— Где мой сын? Что вы с ним сделали?

— Что мы сделали? Мы ничего, это ты, женщина Справедливого народа, убила ребенка! Его кровь покрывает твои преступные руки! — объявила главная дежурная дама.

— Лгунья! — закричала на нее Рианон. — Ты — грязная лгунья! Где мой малютка Анвил? Не в обычае Справедливого народа убивать детей!

Что бы ни произошло за то время, что я спала, не моя вина, а ваша, потому что вы нарушили свой долг. Вы заснули? Скажите мне правду, прошу вас! Я защищу вас, но будьте со мной честны. Не обвиняйте меня, молю вас, в грязном преступлении, потому что сами боитесь наказания! — Рианон плакала, даже не осознавая, что слезы струятся по ее бледным щекам, опасаясь за себя и за сына.

— Да, мы спали, — призналась женщина. — Ты околдовала нас, чтобы мы заснули, а в это время убила своего ребенка, ты, Рианон, из Справедливого народа! Ты убила принца Дифида!

Рианон вскочила на ноги и с каждой унцией возвращающейся к ней силы залепила ей пощечину. Потом, накинув на себя просторное комнатное платье, она поспешила на поиски Пауела. Сердце колотилось в страхе за Анвила, Неужели приспешницы Бронуин убили ее малютку? А если нет, где он тогда? С разметавшимися в беспорядке волосами, в развевающемся платье, босоногая Рианон вбежала в Большой Зал. За ней следом устремились раскудахтавшиеся от ярости дежурные дамы, готовые поведать страшную новость любому кто согласился бы их выслушать.

— Она убила своего ребенка! Она убила своего ребенка!

Все собравшиеся в Большом Зале при виде Рианон с окровавленными руками в ужасе шарахались от нее, когда она пробежала мимо.

— Пауел! — Ее полный страдания голос прозвучал на весь зал. — Анвил пропал! Помогите мне! — Она в слезах бросилась к ногам мужа. — Я спала, а когда проснулась, наш сын исчез из колыбели. Эти женщины, которым ты поручил приглядывать за нами, не уберегли его. — Ее разбитое горем лицо беспомощно смотрело на него.

— Она лжет! — закричала главная дежурная дама. — Эта женщина из Справедливого народа околдовала нас, чтобы мы уснули, и, воспользовавшись этим, убила младенца! Посмотрите на нее! Вина написана у нее на лице и руках, обогранных кровью невинно убиенного!

— Я не убивала своего ребенка! — воскликнула Рианон, поднимаясь на ноги, чтобы взглянуть в лицо своим обвинительницам.

— Лгунья! Лгунья! — повторяла дежурная дама, отвернувшись от Пауела к другим присутствующим в зале. — Что мы на самом деле знаем об этой женщине? — вопрошала она. — Она вышла из рода волшебников, чьи обычаи отличаются от наших. Сейчас она показала себя злой волшебницей! Нашему принцу нельзя было брать в жены это существо с черной душой, которая бессмысленно убила его сына. Рианон должна быть подвергнута пыткам и осуждена за убийство ее сына Анвила! Наш принц должен удалить ее от себя и жениться на ком-нибудь из своего народа!

Шепот одобрения послышался при ее словах, но Рианон вновь страстно заявила:

— Я не убивала своего сына! Что бы с ним ни случилось, виноваты эти лживые женщины, которые проспали всю ночь вместо того, чтобы охранять нас! Я не виновата в этом ужасном преступлении, в котором меня обвиняют!

— Тогда почему твои руки в крови, женщина Справедливого народа? — раздался громкий требовательный голос из глубины зала.

В ответ послышался хор голосов.

— Да! — И сильный шум возмущения поднялся против Рианон. Пауел был глубоко потрясен. Он, казалось, лишился дара речи. Его сын мертв, а жену обвиняют в этом ужасном злодеянии. Это было больше, чем он мог вынести. Видя его состояние, заговорил Таран Ста Битв, заговорил прежде, чем кто-нибудь из обвиняющих Рианон овладеет ситуацией.

— Надо проверить эти обвинения, — сурово сказал он. — Эван ап Риз и я отправимся в покои принцессы немедленно. — И они поспешили покинуть зал.

Наконец дар речи вернулся к Пауелу.

— Принесите моей жене чашу ароматической воды ополоснуть от крови руки, — приказал он.

Ему неохотно повиновались.

Рианон стояла, дрожа всем телом от утренней прохлады в зале. Она была еще слаба после родов, и ее переполнял страх за судьбу сына. Сам воздух зала был пропитан злобой. Посмотрев вверх, Рианон встретила глазами с торжествующим взглядом Бронуин Белая Грудь. В этот миг принцесса Справедливого народа поняла, что Бронуин причастна к исчезновению Анвила, но, пока она не сможет доказать свои подозрения, она не осмеливалась обвинить завистливую девицу Впервые в жизни Рианон узнала самое человеческое из всех чувств — чувство отчаяния.

Таран и Эван вернулись в зал. Отведя Пауела в сторону, они стали что-то тихо и настойчиво говорить ему, сопровождая слова энергичными жестами. Похоже, что они показывали что-то принцу Наконец, когда они кончили, Пауел поднял руку, требуя тишины, и зал смолк.

— Таран и Эван тщательно обследовали покои принцессы. Ни в колыбели, ни на постели нет следов крови. Кровь только на руках моей жены. А под кроватью найдены кости и окровавленная шкура щенка борзой собаки. Таран проверил псарню и обнаружил, что один из щенков, родившийся три недели назад, исчез. Похоже, что кто-то нарочно подстроил все это, чтобы опорочить мою жену. — Он с гневом повернулся к главной дежурной даме. — Ты! Я хочу знать правду! Что за бред ты несла о колдовстве? Ты видела, как моя жена убила нашего ребенка? А кто-нибудь из вас?

Женщина упала на пол, бормоча что-то в истерике.

— Ой, прости нас, наш господин! Не было никакого колдовства. Мы заснули, к нашему стыду, вместо того чтобы охранять вашего сына и жену, как нам было приказано. Когда же мы проснулись, то сына вашего в колыбели не было, а руки принцессы окровавлены. Мы испугались вашего гнева и от страха предположили худшее! Прости нас, наш господин! Прости нас!

— Убирайтесь с глаз моих долой, вы все! Вы изгнаны навеки из Дифида! — гневно закричал Пауел, и женщины убежали.

— И все-таки остается небольшой вопрос таинственного исчезновения маленького принца, — сказал Синбел из Тейфи. — Хотя женщины и признали, что нарушили свой долг, ребенок тем не менее исчез.

Кто может поручиться, что Рианон из Справедливого народа тут ни при чем? Что касается меня, я думаю, что ребенок мертв. Улика, якобы найденная Тараном и Эваном, могла быть подброшена ими самими, чтобы обмануть нас. Все знают, что они находились под влиянием ее чар с момента ее появления в замке. Эта женщина не из нашего народа. Как мы

можем доверять ей? Как мы можем быть уверены, что Таран и Эван не во власти ее колдовства? Если она действительно невиновна, пусть представит ребенка!

— Рианон, моя жена и госпожа, — взмолился Пауел, обращаясь к ней в первый раз с начала ужасного происшествия. — Скажи нам, что случилось с Анвилом, прошу тебя! — Внезапно он понял, что не может взглянуть на нее. Все предостережения о женитьбе на чужестранке всплыли в его сознании. Неужели они были правы?

— Мой господин, я не знаю, где наш сын, поскольку спала, чтобы восстановить силы после родов. Я никогда не обманывала тебя, Пауел.

Почему сейчас ты позволяешь обвинять меня в таком страшном преступлении? Почему ты не пошлешь людей на поиски нашего сына?

Каждое уходящее мгновение потеряно для нас. Пошли глашатаев во все концы страны Кимри оповестить о таинственном исчезновении нашего сына, чтобы мы смогли отыскать его. Поторопись, прошу тебя!

Схватив его за руки, Рианон посмотрела в лицо мужа и почувствовала опустошение оттого, что увидела. Взгляд Пауела выражал полное смятение. Он не знал, верить ей или нет. Сердце у нее упало.

Принц разрывался между советом и женой. Он любил ее, но эта любовь не могла опровергнуть тот факт, что его сын исчез при странных обстоятельствах. У народа Кимри самые обычные привычки, но какой-то голос нашептывал ему, что Справедливый народ неуловим, ведет уединенный и скрытный образ жизни. Возможно, сама Рианон и не замешана в исчезновении Анвила, но ее народ вполне мог быть причастным к этому. Возможно, это еще одно условие их брака, о котором Рианон боялась сказать ему. Первенец — ценный товар.

Заговорила Бронуин Белая Грудь, и все повернулись выслушать ее.

— Это явно какое-то колдовство Справедливого народа, — начала она, произнеся вслух тайные, беспокойные мысли Пауела. — Оно легло не только на тебя, мой господин, а на нас всех, ибо Анвил был надеждой Дифида. Оно легло бременем на Дифид, потому что ты настаивал на браке с женщиной из Справедливого народа. Она навлекла на тебя, на всех нас беду.

— Два года мы ждали, когда она родит наследника Дифида. Сейчас, на следующий день после рождения, он мертв. Королевство без наследника. Кто поручится, что это ужасное событие не повторится вновь и вновь, пока Пауел не состарится и не сможет зачать ребенка? Что будет с нашей прекрасной землей?

Совет высказал мудрое мнение, мой господин. Он предложил, чтобы

ты отстранил эту женщину Справедливого народа. Развелся с ней!

Ты должен выбрать жену среди народа Кимри и жениться вторично как можно скорее. — Бронуин повернулась к Пауелу и встала перед ним на колени. — Я знаю, мой дорогой господин, что у меня нет никакой надежды, потому что ты не любишь меня, но прошу тебя, выбери одну из наших женщин себе в жены, чтобы Дифид не исчез под проклятием, которое навлекла на нас эта женщина.

— Я не разведусь с Рианон, — произнес Пауел, но в чуть дрогнувшем голосе слышалась неуверенность.

— Тем не менее она должна быть наказана, — сказал Сивбелиз Тейфи.

— За что? — решительно спросил Таран Ста Битв.

— Ребенок мертв, — последовал ответ.

— Ребенок пропал, — уточнил Эван ап — Риз. — Нет разумных доказательств его смерти.

— Ребенок исчез, мой господин, — поправился Синбел, — но это для нас все равно что мертв. Эта женщина, несомненно, виновна. Если бы она была невиновна, то представила бы ребенка, чтобы спасти себя. Ее надо наказать за это чудовищное преступление!

Остальные члены совета Дифида мрачно кивнули головой в знак полного одобрения. Лорд Тейфи, довольный, улыбнулся. Если б Рианон наказали, подумал он, это дало бы им всем время убедить Пауела развестись с ней и выбрать новую жену.

Несмотря на слова его дочери, Синбел знал, что ее стремление стать женой Пауела ни в коей мере не ослабело. У Пауела должна быть жена Кимри, а кто может сравниться с Бронуин Белая Грудь? Но на это потребуется время.

Если Рианон окажется в немилости, у них будет время. Синбел не знал, что произошло с Анвиллом ап Пауелом, но его это и не интересовало. Непохоже, чтобы ребенок когда-нибудь нашелся.

— Вы должны решать, мой господин, — сурово сказал Синбел.

Пауел опять посмотрел на Рианон. Он, всегда такой решительный, вдруг почувствовал смятение и страх. Ведь все было так прекрасно!

Почему с ними произошло такое?

— Рианон, любовь моя, молю тебя, прекрати это колдовство и верни нам нашего ребенка, — в отчаянии проговорил он, понимая, что бессилён спасти ее. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным.

— Пауел, любовь моя, когда я покинула замок отца, чтобы стать твоей женой, мое волшебство осталось в отчем доме, — кротко напомнила она. — Ты знаешь, что это правда. Почему ты потерял веру в меня, мой

господин? Разве не ты обещал мне, когда я согласилась стать твоей женой, что будешь всегда любить и верить мне без тени сомнений?

Почему ты говоришь о наказании, когда я просила тебя и совет отправить гонцов во все концы королевства Кимри, а также к Справедливому народу, чтобы оповестить о постигшей нас беде. Пауел, нашего сына украли, я не причастив к его исчезновению. Разве я когда-нибудь обманывала тебя? Не в природе Справедливого народа лгать. Что заставило тебя усомниться во мне? Почему ты не защитишь меня от этих обвинений и клеветы?

Пауел беспомощно перевел взгляд с жены на совет. На его синие глаза навернулись неожиданные слезы, когда она умоляла его.

— Я не могу расстаться с ней, — с трудом прошептал он совету. — Что бы там ни произошло, я люблю ее!

Совет собрался в одном конце зала и совещался зловещим шепотом.

Придворные толпились в другом конце, тихо переговариваясь и бросая злобные взгляды в сторону Рианон. Таран и Эван горячо и настойчиво говорили с принцем, а Рианон стояла в гордом одиночестве, беззвучно плача. Наконец совет вновь предстал перед Пауелом.

Синбел огласил приговор.

— Рианон из Справедливого народа, мой долг вынести тебе наказание за исчезновение принца Анвила, неважно насколько ты к этому причастив. Семь лет, начиная с завтрашнего утра, ты будешь сидеть перед замком с лошадиным хомутом на шее. Ты должна перед каждым прохожим признавать свою вину и вносить в этот зал любого, кто пожелает. Ты не будешь освобождена от этого наказания ни по какой причине, только в случае смерти или по окончании срока. Ночью с тебя будут снимать хомут и разрешать спать в дальнем углу зала подальше от очага. Питаться будешь тем, что упадет со стола и что перехватишь у собак. Запрещается разговаривать с тобой, чтобы твое колдовство не осквернило невинных, так как ты олицетворение зла. Это обычное наказание в нашем народе. Если вынесешь его, Рианон из Справедливого народа, тебя ждет изгнание из Дифида. Можешь отправляться куда пожелаешь! Но поскольку о твоём преступлении глашатаи оповестят народ, вряд ли ты найдешь приют и участие среди Кимри. Да будет так.

Это окончательное решение совета, — закончил свою речь Синбел из Тейфи, не скрывая злорадства в голосе.

Пауел выслушал приговор своей жене с разбитым сердцем. Он отвернулся от Рианон, не в силах взглянуть на нее. Несмотря ни на что, он любил ее, но он больше не знал, чему верить. Анвил пропал, а Рианон

отказалась что-нибудь предпринять. Он просто не мог поверить, что у нее по-прежнему не было волшебной силы. Не может быть! Никто не отказался бы от такого дара природы просто из-за любви к другому! Он мог бы понять женщину, утверждающую, что она отказалась ради него от бесценного сокровища, но на самом деле не сделавшую этого. Она наверняка сохранила свои чары. Так почему же Рианон отказывается прибегнуть к ним, чтобы отыскать своего сына? Если, конечно, она в самом деле не обманывает его. Если только она и вправду не замешана в этом преступлении. Неужели это возможно?

Перед лицом вооруженного врага Пауел не знал страха, но сейчас он вдруг испугался. Дрожащей рукой он взял кубок с вином. Еще вчера он владел всем, о чем мог только мечтать мужчина. Красавица жена, здоровый сын, счастливое королевство. Сейчас у него не осталось ничего. Все превратилось в прах, и он не понимал почему Прав ли совет? Неужели его наказали за то, что он женился на принцессе из Справедливого народа? У Рианон были могущественные поклонники из ее рода. Неужели один из них отомстил Пауелу? Этого не произошло бы, женись он на девушке из народа Кимри. Он жадно осушил кубок и громко застонал.

Когда Рианон попытались схватить, она сбросила их руки и гордо покинула зал, не оглянувшись на мужа. Она услышала, как заперли за ней дверь ее комнаты, но ей было все равно. Она не могла поверить в события последнего часа, но пустая колыбель сына была свидетельством ее загубленного брака и всей жизни. Какая она была глупая, полагая, что только любовь может преодолеть все препятствия на пути к счастью! Разве ее семья не пыталась предостеречь ее? Но она не слушала. Она умышленно и эгоистично шла на поводу собственных желаний.

С самого начала Рианон поняла, что Кимри не приняли ее. По крайней мере придворные Пауела, с которыми она должна была жить вместе. Рианон верила, что со временем ей удастся успокоить их страх перед ее происхождением, но, увы, подозрительное отношение ко всему и всем, отличающимся от Кимри, оставалось всегда. Уж за этим проследила Бронуин Белая Грудь, хотя в целом мужчины были добрее с ней, чем женщины. Мужчин очаровывала ее красота, так непохожая на женщин Кимри. С ними со всеми, мужчинами и женщинами, она была скромна, спокойна, дружелюбна. Никогда не старалась обращать на себя внимание, чтобы не раздражать их. Никогда не хвалила Справедливый народ, чтобы не уязвить их гордость. Она была со всеми добра, и тем не менее они не приняли ее. Сколько раз она делала вид, что не замечает, как они разглядывали ее! Прикрыв рот рукой, они перешептывались и тайком

показывали на нее пальцем. Она сносила это ради любви к Пауелу Ради любви к человеку, который предал ее. опасаясь ее чар.

Он никогда ничего не замечал, потому что она никогда не позволила ему заметить их недоброжелательность. Вместо этого она старалась изо всех сил, чтобы стереть черту, разделяющую ее и Кимри. Она умела искусно ткать, но изысканная ткань, струящаяся с ее ткацкого станка, лучшего качества и с более редким узором, чем им доводилось видеть прежде, вызывала лишь глубокую зависть среди женщин Кимри.

Дома ее считали музыкально одаренной. Но, поскольку Кимри признавали лишь свою музыку, она ни разу не взялась за лютню, чтобы не вызвать еще большую враждебность. Случайно, не удержавшись, она запела, но в ее нежном голосе они обнаружили еще одно свойство. Ее хулителям он показался сверхъестественным. После этого она пела только Пауелу, когда они оставались одни в своих покоях.

Без Пауела она обычно находилась в одиночестве. Благодаря стараниям Бронуин ни одна придворная дама не смела подружиться с ней.

Однако Таран и Эван, насколько им позволяла смелость, развлекали ее, но даже они были осторожны в ее обществе, чтобы не дать Бронуин и ее приспешникам повод к грязным сплетням. Рианон ни на что не обращала внимания, потому что была уверена в любви мужа. И вот теперь Рианон занимал вопрос, любит ли он ее вообще, потеряв в нее веру?

Что случилось с Пауелом? Он всегда казался таким сильным. Его репутация как воина была хорошо известна. Она стала источником легенд. Однако сегодня до приговора совета, как она с горечью заметила, он был буквально сломлен. Зная прекрасно, что у нее не осталось никакой волшебной силы, он тем не менее беспомощно умолял ее прибегнуть к чарам, которыми она больше не владела. Конечно, он не считал, что она похожа на Кимри, которые говорят одно, имея в виду совершенно другое. Он осудил ее, как осудил бы своих подданных.

Знал, безусловно, он знал! — что он должен был спасти ее, и в этот момент неверящее сердце Рианон было совсем разбито.

Она плакала, сидя у окна своей комнаты, глядя сквозь окно в опустившуюся на землю ночь. Что бы они ни сделали с ней, она намерена выжить. Она должна выжить, чтобы отыскать сына. Анвил жив. Ее материнский инстинкт подсказывал это. Она снова заплакала, потому что дала себе клятву после этой ночи не плакать до того дня, пока не отыщется ее сын. Она не доставит своими слезами радость Кимри.

За час до зари она услышала звук поворачивающегося в замке ключа. Дверь отворилась, и на пороге появились две высокие, закутанные в темное

фигуры. Рианон собралась было закричать, приняв их за убийц, но внезапно услышала, как голос Тарана зашептал ей:

— Принцесса, не кричите! Я и Эван ап Риз пришли к вам как друзья.

— Что вам от меня нужно?

— Принцесса, мы согласны с вами, вашего сына кто-то похитил. Мы хотим отыскать его, но не знаем, с чего начать. Поскольку скоро вступает в силу ваш приговор, нам будет опасно с вами разговаривать.

Поэтому, когда нам потребуется поговорить с вами, мы будем стоять подле, делая вид, что общаемся друг с другом. Будьте осторожны, отвечая нам, и не дайте повода Синбелу либо его дочери продлить вам наказание.

— Я знаю, что Синбел посадит свою дочь на мое место, Таран кивнул.

— Да, он постарается, но она не та, за кого себя выдает, хотя некоторых может и одурачить ее послушание и смиренность. Но скажите нам лучше, как помочь вам, моя милостивая госпожа?

— Поговорите с женщинами, которые должны были присматривать за мной и моим сыном, прежде чем они покинут замок. Несомненно, кто-нибудь из них видел что-то, но молчит, опасаясь возмездия Бронуин. Говорите с каждой отдельно. Среди них есть одна новенькая, только что появившаяся при дворе. Она была бы добра ко мне, если б не опасалась главной дежурной дамы. Только после разговора с ними я могу посоветовать вам, что делать дальше.

Таран понимающе кивнул.

— Мы начнем немедленно, моя госпожа, потому что эти женщины скроются от гнева Пауела в изгнание сегодня же, чтобы не навлечь еще большую немилость на их семьи.

— Принцесса, — тихо обратился к ней Риз. — Мы освободили бы вас от этого наказания, если б могли, но мы бессильны, несмотря на то, что оно несправедливо. Однако не бойтесь, мы не допустим, чтобы вам причинили вред. Клянусь вам!

Удивленная глубокой страстностью его голоса, Рианон взглянула в его глаза и увидела нечто такое, о чем никогда не догадывалась. Он любил ее, и это открытие опечалило Рианон, поскольку, как и она сама, Зван любил неразделенной любовью. Покраснев, она ласково коснулась его руки и поблагодарила, а потом спросила:

— Как мой муж?

— Он скорбит, — резко отозвался Таран, — но по кому — по вас или ребенку — не знаю, моя принцесса.

И они оставили ее. Несмотря на всю жестокость, с которой она столкнулась, сейчас Рианон чувствовала себя сильнее, чем в последние

несколько часов. Сознание того, что ей бесспорно верили эти два стойких воина и что она не была одинока в Дифиде, успокаивало ее тогда, когда трудно было даже ожидать утешения.

Она умылась, заплела длинные волосы в одну косу. Из всех своих платьев она выбрала одно простое цвета лаванды, которое было перехвачено на талии шелковым фиолетовым поясом. Единственным украшением служил свадебный обруч на голове. Изящные ножки остались босыми.

Как только первый свет зари коснулся далекого горизонта, к ней пришли. На тонкую шею надели тяжелый конский хомут, который грубо давил на хрупкие плечи, отчего она шла шатаясь, когда ее вели к каменной глыбе, возвышающейся перед главными воротами замка. Вокруг нее толпились лишь члены совета. Пауела нигде не было видно.

— Ты будешь сидеть здесь, женщина Справедливого народа, — сказал Синбел. Он произнес название ее народа словно проклятье. — Каждому прохожему ты будешь говорить слова стоя: «Так как я убила своего ребенка, меня приговорили сидеть здесь семь лет. Если вы хотите войти в замок Дифид, мой долг принести вас в зал на спине. Таково мое наказание». Поняла, женщина Справедливого народа?

— Я не убивала своего сына, — спокойно сказала Рианон.

— Ребенок исчез. Ты не представила его нам. Это одно и то же. Совет признал тебя виновной в детоубийстве. Если не станешь произносить положенные тебе слова, наказание твое продлится. Не ожидай ни помощи, ни вмешательства от принца. Он отдал тебя в наши руки, — холодно сказал Синбел. — А теперь повтори слова, которые я тебе сказал, чтобы я убедился, что ты их знаешь.

— Я скажу их, но твои слова не могут сделать того, чего нет, Синбел из Тейфи.

Весть о жестоком наказании Рианон разнеслась по всем землям Кимри. Те, кто проходил мимо либо посещал замок Пауела, не позволяли красивой, убитой горем женщине нести их на хрупкой спине. Им, видимо, было стыдно за такое наказание, определенное советом Дифида, и они поражались, что Пауел не снимет обвинения со своей жены.

Простые люди шептались между собой о подозрительном скором приговоре, который был вынесен Рианон. Они знали о принцессе только хорошее. Как, спрашивали они себя, могла не оправившаяся от родов женщина, с нетерпением ждавшая ребенка, участвовать в заговоре? И почему? И не раз возникал вопрос: почему никто не искал пропавшего ребенка? В большинстве своем они были бедны и бессильны, но у них не

было недостатка в добрых чувствах.

Когда прошел третий день ее наказания и Рианон тихо сидела в дальнем конце большого зала Дифида, она услышала недалеко от себя голос Тарана.

— У нас новость, принцесса. В ночь, когда пропал ваш ребенок, женщинам, присматривающим за вами и вашим сыном, принесли вино Его передали от Бронуин с поздравлениями по случаю рождения маленького принца. После того как вино было выпито, ваши придворные дамы заснули глубоким сном. Кроме одной. Дама, недавно появившаяся при дворе, не стала пить, поскольку вино ей вредно. Она бодрствовала и видела все, что случилось. Она боялась рассказать, думая, что ей не поверят.

Поэтому и поддержала ложь главной дежурной дамы. Ее терзает стыд за трусость и угрызения совести за то, что позволила втянуть себя в это дело.

Я выяснил, что мы состоим в родстве, она поэтому охотно поделилась со мной, но никому больше она ничего не расскажет.

Рианон прикрыла рот руками, делая вид, что кашляет, и спросила:

— Кто украл моего сына.

— Дама точно не знает, но вот что она мне рассказала. В середине ночи она начала дремать, как вдруг ее пробудил звук сильно дребезжащего оконного переплета. Окно распахнулось, и просунулась громадная когтистая рука, которая нежно подняла спящего младенца из колыбели. Дама была страшно напугана и не знала, что делать. Она сказала мне, что потеряла сознание от страха, а когда пришла в чувство, ребенок исчез. Она закрыла окно и крепко заперла его на замок, никому ничего не сказав, кроме меня. Больше она ничего не знает.

Говорит ли вам это о чем-нибудь, госпожа?

— Это дело рук не простого смертного существа, — уверенно ответила Рианон. — Но кто это или что это было, кто украл моего сына, я не знаю. Нам, может быть, поможет Справедливый народ. Я не могу уйти отсюда, но ты не должен идти один. Слишком опасно пускаться в путь Кимри в одиночку, поскольку мой народ уже знает о приговоре Дифида.

Хотя мы по натуре добрый народ, но мои сородичи разгневаны.

Таран оглядел зал, чтобы убедиться, не следят ли за ними, и, успокоившись, проговорил:

— Мы отправимся вместе с Званом.

— Да, милостивая госпожа, — отозвался Эван ап Риз, — но вы должны сказать нам, как попасть в замок вашего отца, потому что в День вашей свадьбы заросли расступались перед вами и закрывались, когда мы

проходили.

— Вы должны учтиво попросить лес позволить вам пройти через него, — тихо сказала Рианон. — Скажите: «Ради нашей госпожи Рианон, которая в трудном положении, позволь нам пройти, о справедливый лес», и вы увидите, что сможете пройти. — Затем она быстро сообщила, в каком направлении им нужно идти, чтобы отыскать на озере дворец сестры.

Потом они отошли от нее. А на следующий день она видела, как Таран Ста Битв и Эван ап Риз отправились на поиски, которые много месяцев будут держать их вдали от Дифида. Видя, как они удаляются от замка, она была охвачена печалью, потому что это были ее единственные друзья при дворе. В это время к воротам замка приблизился гость.

Рианон послушно поднялась и произнесла жалостливые слова, даже не подняв глаз на стоящую перед ней женщину, пока глумливый голос не скомандовал:

— В таком случае подойди, тварь Справедливого народа! Ближе, к этой глыбе, чтобы я могла взобраться на тебя!

Фиалковые глаза Рианон встретились с враждебным взглядом Бронуин Белая Грудь. Она покорно нагнулась, и Бронуин вскарабкалась ей на спину, крепко охватив шею жертвы руками, едва не задушив ее, а ногами обвив тонкую талию.

— Быстрее, тварь! — сказала, жестоко колотя каблуками по бокам принцессы. — Отнеси меня прямо в зал, тварь! Другим, может, и жаль тебя, а мне нет. Ты получила то, что заслужила, украв у меня Пауела с помощью твоих подлых чар, но теперь колдовство тебе не поможет. Ты бессильна, женщина Справедливого народа, а я нет!

— Что ты сделала с моим сыном? — задыхаясь, спросила Рианон.

Бронуин мерзко рассмеялась.

— Ты ничего не сможешь доказать против меня, а то тебе придется спасать свою шкуру. Но я еще не разделалась с тобой, женщина Справедливого народа. Задолго до окончания твоего наказания Пауел вынужден будет развестись с тобой, отстранив от себя. Он женится на мне, и я буду царствовать рядом с ним как принцесса Дифида. Наш сын, мой сын, ребенок, в чьих жилах будет течь только кровь Кимри, не оскверненная ни каплей чужой крови, будет править Дифидом после нас! Не твой сын со смешанной кровью и странными обычаями. Мой сын! А в нашу брачную ночь, мою и Пауела, тебя приведут в нашу опочивальню связанной и с кляпом во рту, чтобы ты полюбовалась, как Пауел будет наслаждаться со мной любовью и как я доставлю ему удовольствие только мне известным способом. Ты узнаешь, потому что женщины, даже из

вашего народа, инстинктивно чувствуют это, каждый миг, когда Пауел пустит в меня свое семя и оно даст корни! — И Бронуин рассмеялась, усердно работая кнутом, когда принцесса с трудом пробиралась в Большой Зал с отвратительной ношей на спине.

Рианон ничего не сказала, сдержав слезы. Что она могла сказать? Она была беззащитна. Она могла только молча и терпеливо нести свое бремя. Несколько недель подряд Бронуин каждый день заставляла Рианон носить ее в зал. Эта попытка прекратилась так же внезапно, как и началась. Рианон подслушала, как слуги ее мужа говорили, что Синбел запретил Бронуин открыто проявлять жестокость к Рианон. Это не поможет ей заполучить Пауела, а только сделает Рианон мученицей в глазах всех.

Бронуин нашла более изощренные способы терзать Рианон. Она постоянно садилась рядом с Пауелом за столом, суетясь около безмолвного принца, выбирая для него кусочки еды с деревянных блюд. Она подносила Пауелу свой кубок с вином, смеясь ему в лицо, пытаясь угодить во всем. Поначалу ее маленькие уловки не оказывали на него никакого действия, но потом перемена, сначала медленная, начала происходить в нем. Он все еще был грустен, но по крайней мере начал реагировать на тех, кто окружал его, особенно на Бронуин. Сердце Рианон сжималось, видя их темные головы, склоненные друг к другу.

Да, Пауел оставался мрачным и печальным. Его смех уже не отдавался эхом в зале, он никогда не улыбался. Иногда его глаза блуждали по тому дальнему темному концу зала, где на маленькой деревянной скамеечке сидела его жена, брошенная всеми, наедине со своими мыслями. Но со временем Рианон, казалось, растворялась в полумраке и дымке зала, он не мог иногда различить ее. Она словно исчезла, его златовласая принцесса Справедливого народа, и сердце Пауела сжималось у него в груди.

В том дальнем углу Большого Зала был маленький альков, где она спала ночью. Сначала у нее не было даже соломенного тюфяка, но однажды вечером откуда-то появилась маленькая перинка. Вынужденная состязаться с собаками за кусочек еды, она была близка к голодной смерти, потому что жестокие придворные нашли себе забаву, стравливая собак, бросая им куски еды, особенно когда они видели, как бедная принцесса пыталась подобрать себе несколько корочек. Потом однажды утром Рианон проснулась и обнаружила деревянную тарелку, наполненную дымящейся ячменной кашей. Она была поставлена в маленькое углубление в каменной стене возле места, где она спала. Она с жадностью проглотила ее, с облегчением подумав, что сегодня ее не будут кусать собаки. А вечером Рианон увидела хлеб и даже яблоко! Еда появлялась каждый день, простая

еда, иногда кусочек дичи, сыр и всегда хлеб. Она так никогда и не узнала, кто приносил все это, но была преисполнена благодарности за доброту, поскольку голод увеличивал ее страдания.

Потом пришла зима, и дни стали короче. Было мучительно холодно сидеть на ветру в одном платье, которое со временем выгорело и истончилось. Однажды к Рианон подошла розовощекая крестьянка. Она тотчас же встала, чтобы произнести унижительные слова, которым ее обучили. Женщина, однако, серьезно сказала:

— Не надо, моя принцесса, произносить этот вздор, потому что я знаю, что это не правда, что бы они там ни говорили, эти злодеи! — Затем она сняла с себя длинный толстый плащ, связанный из неокрашенной шерсти, и накинула на плечи Рианон. — Тебе не пережить без него зимы, дорогая, — сказала крестьянка и ушла туда, откуда появилась. Рианон в первый раз заплакала после того, как ее заставили сидеть перед воротами замка Пауела. Но это было не единственным проявлением доброты. Как-то зимним днем мальчик сунул ей в руку грубо вырезанный гребень из грушевого дерева и убежал. Восторгу Рианон не было конца, потому что уже много месяцев она вынуждена была расчесывать свои волосы пальцами.

Но бок о бок с добротой шла и жестокость. Однажды вечером Рианон с недоумением наблюдала, как Бронуин умышленно подносила своему отцу и Пауелу кубок за кубком, пока Пауел не свалился мертвецки пьяным под стол. Потом Бронуин повела пьяного Синбела к тому месту в зале, которое стало для Рианон ее домом, и подбадривала отца, втайне вожделевшего жены своего принца, насильно овладеть ею. Синбел с наступлением утренней зари не вспомнил о своем скотском поступке, зато Бронуин, собственной рукой закрывавшая рот Рианон чтобы она не звала на помощь, знала, что этот акт вероломства обеспечит ей победу над Рианон.

И вновь розовато-фиолетовая дымка окутала страдающую Рианон.

Ри-а-нон!

Сколько времени просидела она с тяжелым хомутом на хрупкой шее перед воротами замка? Четыре лета прошло с рождения сына и его загадочного исчезновения. Четыре долгих лета, когда она едва не задыхалась от пыли, поднимаемой каждый раз проходившими мимо купцами или иными прохожими. Три долгие холодные зимы, когда ледяной дождь, а потом и снег морозили ее изящные руки и ноги. Раны на ее теле не заживали до наступления тепла. На ней по-прежнему было то же самое платье, в котором она вышла в первый день своего наказания. Оно теперь превратилось в лохмотья, которые нельзя было уже починить, нежно-

лавандовый цвет давным-давно выгорел, превратившись в грязно-серый цвет пепла. Без подаренного ей теплого шерстяного плаща она не пережила бы суровой зимы, но носить его летом она не могла. И теперь ее занимала мысль, как бы ей раздобыть новое платье, чтобы прикрыть болезненно-хрупкое тело.

Им не удалось сломить ее дух. Простые люди по-прежнему были к ней добры. За исключением жестокого обращения со стороны Бронуин, двор не обращал на нее никакого внимания. Как таинственным образом появилась пуховая перина и каждое утро и вечер появлялась еда, так вновь вернулась к ней и ее серебряная щетка для волос. Она постоянно хранила ее при себе. Раз в день, сидя перед воротами замка, она распускала длинные золотые волосы и медленно расчесывала их, пока они не оживали и не начинали блестеть. Народ приходил на нее глазеть, наслаждаясь единственным развлечением, которое она им доставляла. Увидев однажды, как Рианон неторопливо расчесывает свои золотые волосы серебряной щеткой, Бронуин пришла в ярость.

— Отбери у нее щетку, — визжала она на отца. — Тварь только привлекает к себе внимание, чтобы вызвать сочувствие у крестьян! Все мои труды последних лет пойдут насмарку!

— Это, моя дорогая Бронуин, твои трудности, а не мои, — равнодушно ответил разъяренной дочери Синбел. — Если не можешь завоевать Пауела, не моя вина. Он все еще любит женщину Справедливого народа, хотя и недостаточно для того, чтобы преодолеть подозрения, которые я так осторожно внушил ему Будь терпелива, и ты станешь женой Пауела, обещаю тебе. Отними у Рианон ее щетку, — и ты устроишь представление. Крестьяне отвернутся от Пауела, а следовательно, и от тебя. Имей это в виду, дочь моя! Если щетка Рианон должна исчезнуть, я лично позабочусь и об этом.

Они спорили в Большом Зале, и, хотя Рианон не могла различить их слов, тем не менее она заметила между ними разлад и была рада разногласиям в стане врага. Когда потрясение от несправедливого приговора постепенно стерлось, Рианон поняла, что, хоть она никогда не вернется к Пауелу, она не может позволить Бронуин занять ее место.

Бронуин не годится на роль жены несчастного Пауела. Кроме того, где бы ни был Анвил, он является настоящим наследником Дифида.

Наступила еще одна осень. Сидя как-то днем на своем обычном месте перед воротами замка, Рианон увидела трех всадников, приближающихся к ней. Когда они подъехали поближе, Рианон увидела мужчину женщину и маленького мальчика. Она поднялась и медленно начала свое, теперь уже

знакомое, покаяние монотонным голосом. Только так она могла произносить эти отвратительные слова, не крича от отчаяния.

— Так как я убила своего ребенка, я осуждена оставаться здесь семь лет. Если вы хотите войти во двор замка Пауела Дифида, мой долг отнести вас на спине в зал принца. Таково мое наказание.

Мужчина, по виду состоятельный господин, о чем свидетельствовало крученное золотое ожерелье на шее, тихо произнес:

— Приветствую тебя, Рианон Справедливого народа. Я — Тейрнион, лорд Гвента. Эта дама — моя жена Илейн, а ребенка зовут Кант. Мы не замараем себя участием в позорной несправедливости, поразившей невинную женщину. — Лорд Гвента был высоким мужчиной с добрым лицом. Он протянул руки и осторожно снял тяжелый хомут с хрупких плеч Рианон. — Пойдемте с нами в зал вашего мужа, принцесса.

— Мой господин, мне запрещено покидать свое место до захода солнца, — кротко сказала Рианон. Доброта лорда Гвента — это больше, чем она могла перенести. С ней уже многие месяцы никто не заговаривал, а тем более с таким участием.

— Вы никогда больше не будете сидеть перед этими воротами, принцесса, — решительно сказал Тейрнион. — Мы здесь, чтобы исправить зло, причиненное вам четыре года назад теми, в чьих злобных сердцах есть место только их собственным интересам, а не интересам Дифида. Только доверьтесь нам и пойдете. — И, взяв ее за руку, он повел ее в зал Пауела. За ними шли Илейн и Кант.

Был час обеда. При виде четырех людей, вошедших в большой зал и направившихся к столу Пауела, у присутствующих от изумления вытянулись лица и перехватило дыхание. Из-за внушительной фигуры лорда Гвента никто не осмелился остановить его или его спутников, толпа расступалась, давая ему дорогу, когда он шествовал по залу прямо к главному столу.

— Как смеешь ты привести сюда, в центр зала, эту преступницу? — дерзко спросила со своего места рядом с принцем Бронуин Белая Грудь. — Разве она не сообщила, как убила своего ребенка, новорожденного сына? Она колдунья Справедливого народа, хотя ее чары оказались бессильны перед таким честным народом, как наш. Где ее хомут? Кто бы ты ни был, ты ответишь за это!

Тейрнион бросил в сторону Бронуин быстрый уничтожающий взгляд.

— Приветствую тебя, Пауел Дифида, — начал Тейрнион, обращаясь прямо к принцу и не замечая Бронуин. — Я Тейрнион, лорд Гвентч, а это моя жена, леди Илейн из Пауиса.

Пауел глубоко вздохнул и обратил печальный взгляд на посетителя. Любезная гостеприимность была первым законом среди Кимри.

— Добро пожаловать в мой замок, Тейрнион из Гвента, а также твоя семья, — ответил Пауел. Он умышленно не обращал внимания на Рианон. Видеть ее сейчас было для него слишком тяжелым испытанием.

Она так болезненно худа, однако красота ее не потускнела.

— Выслушай меня, принц Дифида, потому что я приехал сюда исправить зло, причиненное твоей семье. Ты допустил, чтобы твою верную жену Рианон несправедливо осудили. Такое поведение недостойно принца Дифида.

Пауел был поражен этим упреком и насторожился.

— Можете вы доказать невиновность моей жены, мой господин? — нерешительно спросил он Тейрниона. — Если вам это удастся, тогда вы сделаете то, что никто другой, даже она, не в состоянии были сделать.

Тейрнион медленно кивнул и начал свой рассказ.

— Несколько месяцев назад к моему дворцу приехал Таран Ста Битв и его спутник Эван ап Риз. Хотя до нас дошли слухи о постигшем вас несчастье, мы не знали всех подробностей, о которых они поведали нам в первый же вечер. Получив благословение вашей жены, они отправились из Дифида в ее страну Там они узнали, что один из бывших поклонников леди Рианон, в ярости от потери ее, искал способа отомстить. Среди вашего народа он нашел помощника. Кто был этот Кимри, им не удалось выяснить, потому что отвергнутый поклонник отказался назвать его имя. Он был наказан высшим советом Справедливого народа и больше уже не причинит никому вреда, — заверил своих слушателей лорд Гвента, а затем продолжил:

— Таран Ста Битв и его друг верили в невиновность леди Рианон. В то утро, когда вы позволили так несправедливо осудить ее, эти славные воины порасспросили женщин, дежуривших ночью в покоях вашей жены. Они узнали, что Бронуин Белая Грудь принесла этим дамам вино, выпив которое они все сразу же погрузились в глубокий сон.

Единственная дама, оставшаяся верной своему долгу, слегка вздремнула в середине ночи, но ее разбудил звук открываемой оконной рамы. С ужасом она наблюдала, как когтистая рука просунулась в комнату и подняла с колыбели вашего сына. Бедная женщина потеряла сознание, когда же пришла в себя, младенца в колыбели уже не было. Именно в этот момент проснулись остальные и, увидев, что ребенок исчез, и опасаясь наказания, попытались обвинить вашу жену в убийстве собственного сына. Та женщина, которая знала правду, боялась рассказать все. Она недавно

появилась при вашем дворе, видела враждебное отношение к вашей жене и испугалась, что ей никто не поверит. Поэтому позволила, чтобы ваша жена была безвинно осуждена. Когда Таран говорил с ней, выяснилось, что они состоят в родстве, поэтому дама и доверила ему свою тайну.

Глаза Пауела расширились при словах Тейрниона.

— Я не слышал об этом раньше, — произнес он, но в голосе его было смущение. — Почему я не слышал об этом?

— Потому что это, несомненно, ложь! — зло бросила Бронуин, не обращая внимания на предостерегающий взгляд отца.

Тейрнион вновь не обратил внимания на сварливую женщину и обратился к Пауелу:

— Сколь много слов сказали вы своей жене после того, как позволили осудить ее, а, принц Дифида? Она знала, что ее сын похищен, но вы, как мне сказали, под влиянием чужих предрассудков мгновенно отсекали ее от себя. Вы не горевали с ней вместе, не утешали ее, никак не защитили ее невиновность.

Яркая краска стыда залила лицо Пауела при резких словах лорда Гвента.

— Ах-х-х, Рианон! — впервые за четыре года вслух произнес он имя жены.

Рианон подняла на мужа фиалковые глаза, вглядываясь в него с такой щемящей печалью, что принц не выдержал и громко закричал, словно от боли, но она не проронила ни слова.

Тейрнион продолжил свой рассказ.

— Я знал об этом существе, которое искали Таран и Эван, но не представлял, каково оно из себя и где его найти. Видите ли, господин, в моих стадах есть прекрасная кобыла, которую я очень люблю. Много лет она исправно жеребится, но был период, когда новорожденные жеребята постоянно исчезали при загадочных обстоятельствах, почти сразу после их появления на свет. И вот четыре года назад я твердо решил, что не допущу пропажи жеребенка. Поэтому, когда кобыла начала рожать, я привел ее в свой замок в Пвенте ради безопасности.

Жеребенок родился хорошенький. Пока я стоял, любуясь им, окно комнаты распахнулось и появилась громадная когтистая рука, которая начала искать новорожденного, чтобы взять его у матери. Я схватил свой палаш и отрубил эту проклятую руку с жадной когтистой лапой. Снаружи раздался ужасный рев, словно поднялся ураганный ветер. Я выскочил в темный двор, чтобы сразиться с вором, кто бы он ни был. Я ничего не смог разглядеть, потому что в ту ночь не было луны. Затем я вдруг почувствовал,

как что-то упало к моим ногам и все опять стихло.

Я опустил руку вниз и поднял сверток. Каково же было мое изумление, когда в свертке я обнаружил здорового новорожденного младенца. Я принес его своей дорогой жене, Илейн, которая была бесплодна.

Мы решили назвать его Кантом, что значит — яркий, потому что волосы на его голове были золотые и блестящие. Мы не сомневались, что после стольких бездетных лет судьба послала нам на радость сына. Мы даже предположили, что неведомое существо оставило нам младенца взамен жеребенка. Мы не имели ни малейшего понятия, откуда взялось дитя, пока несколько недель назад не появились Таран Ста Битв и Эван ап Риз с их печальной историей о Рианон и Пауеле Дифида и их пропавшем сыне.

Тейрнион посмотрел на маленького мальчика, стоявшего рядом с ним.

— Кант, покажи леди Рианон ткань, в которую ты был завернут.

Все взоры обратились на крепкого маленького мальчика с золотистыми волосами, когда он выступил вперед и протянул кусок ткани — серебристо-зеленой парчи. Ее полные слез глаза нетерпеливо впились в него, и мальчик посмотрел на Рианон глазами, как две капли воды похожими на нее. Дрожащими руками Рианон взяла ткань, хотя ей совсем не нужно было осматривать ее. Она узнала ее сразу же. Это была ее собственная работа, она соткала эту ткань на своем высоком ткацком станке, когда носила под сердцем ребенка. Ее маленький сын был завернут в нее в ночь своего рождения.

Рианон, рыдая, упала на колени.

— Я назвала тебя Анвил, — проговорила она. — Анвил, мой любимый сын! — И Рианон обняла мальчика, который охотно скользнул в ее объятия и нежно поцеловал ее в мокрые от слез щеки.

Тейрнион нагнулся и вновь взял упавшую парчу. Вручая ее Пауелу, он спросил:

— Вы узнаете ее, мой господин? Это та самая ткань, в которую был завернут ваш сын в день похищения?

Пауел взял ткань, с удивлением ощупывая ее. Он молча кивнул, не в состоянии поверить в удачу. Каким-то удивительным чудом его единственный сын и наследник был только что возвращен ему.

— Как мне вас благодарить? — хрипло спросил он лорда Гвента.

Слова застревали у него в горле.

— Вы не сможете этого сделать, — резко сказал Тейрнион. — Возвращая вам вашего сына, я теряю своего и разбиваю сердце моей дорогой жены. Она полюбила Канта и с нежностью растила его с той самой

ночи, когда он появился у нас. Чем могу я заменить ей такую потерю?

Ничем, мой господин. Мы с Илейн, узнав правду о рождении нашего сына и видя на его челе отпечаток и Дифида, и Справедливого народа, не могли удерживать его у себя и позволить продолжать чернить имя его милой матери.

— Я в большом долгу перед вами, Тейрнион, и моими друзьями, Тараном и Эваном. Где только они?

— Мы здесь, мой господин, — послышался голос Тарана, когда он и Эван выступили вперед из толпы придворных.

— Что бы вы ни захотели, будет вашим. Вы сделали невозможное для меня и Дифида! — сказал им Пауел.

— Мы это сделали не для вас и не для Дифида, мой господин, — резко заметил Эван. — Мы сделали это ради леди Рианон, которую любим и почитаем, Рианон стояла, держа на руках сына. Видя их рядом, ни у кого в зале не осталось и тени сомнения, что это мать и сын.

— Благодарю вас, мои друзья, — спокойно сказала она. — Не отправитесь ли вы вместе с моим сыном обратно в Гвент, Таран Ста Битв и Эван ап Риз? Мне бы очень хотелось, чтобы вы обучали мальчика и охраняли его, пока он не станет взрослым.

— С удовольствием, госпожа, — ответили разом оба славных воина.

Потом Рианон посмотрела на Тейрниона и Илейн.

— Вы не потеряете вашего сына, нашего сына, Анвила, которого вы зовете Кантом. У Кимри есть обычай, разве не так, воспитывать детей принца? Право матери выбирать месте для воспитания ее ребенка. Мой сын теперь знает правду о своем рождении. Таран и Эван научат его всему что он должен знать о Дифиде. Я верну его в Гвент вместе с вами, пока он не станет мужчиной. Вы, Тейрнион, научите его тому, что надо знать, чтобы с честью управлять когда-нибудь Дифидом. Что такое честь, он может узнать только у благородного человека.

Всем было ясно, что она имела в виду.

Слова Рианон переполнили радостью Тейрниона и его жену и возбудили в них любопытство. Леди Илейн мягко заговорила с Рианон:

— Вы только что обрели вновь вашего сына, и вы позволяете ему вновь уйти, да, принцесса?

Рианон кивнула.

— Анвил не знал других родителей, кроме вас двоих. Я хочу чтобы мой ребенок был счастлив. Скажу вам, что, прожив шесть лет среди подозрительности и нетерпимости здешнего двора, я знаю наверняка, что в Дифиде Анвилу не обрести счастья, и даже самой его жизни угрожает

опасность. Я не смогу здесь влиять на судьбу своего сына. Они отберут его у меня и постараются стереть из его памяти половину того исторического наследия, которую он получил от меня. Вам, разумеется, понятно по его внешности, что он не чистокровный Кимри. Однако вы полюбили его безоговорочно.

В этот момент заговорил мальчик. Его голосок был высок и пронзителен.

— Я только что нашел тебя, моя дорогая мама. Я не хочу больше тебя терять.

— Ты не потеряешь меня, Анвил, мой прекрасный сын. — Я буду часто навещать тебя в Гвенте. Возможно, когда-нибудь к тебе приедет и отец.

— В таком случае я вернусь в Гвент, как ты пожелала, — нежно ответил малыш, вновь целуя ее в щеку. За стенами замка Пауела грохотал гром, предвестник приближающейся бури. За окнами Большого Замка сверкали молнии.

Пауел поднялся со своего места за главным столом и посмотрел прямо на Рианон.

— Рианон, — произнес он, — вернешься ли ты ко мне?

Прежде чем она смогла ответить, Бронуин Белая Грудь вскочила, словно ее ужалили. Вцепившись в руку Пауела хищными пальцами, она закричала:

— Нет! Ты не можешь так поступить со мной, мой господин! Отошли ее прочь! Она вызывает в тебе лишь страдания, эта женщина Справедливого народа. Как ты можешь быть уверен, что это твой сын? Это какое-то колдовство Справедливого народа против нас! Ты должен это заметить!

Пауел стряхнул с себя руку Бронуин.

— Оставь меня! — сердито бросил он. — Твоя сварливая болтовня мешает мне.

— Оставить тебя? — завизжала она с искаженным от гнева лицом. — Оставить тебя? Что ты такое говоришь, Пауел? А как насчет прошлой ночи? И многих других ночей, когда мы возлежали вместе, двое возлюбленных? Как насчет твоего обещания, которое ты мне давал каждый день, что наконец разведешься с этой тварью и уберешь ее с глаз долой, чтобы жениться на мне? Дифиду нужен наследник! Законный наследник Кимри! — Кровь бросилась ей в лицо, и ярость от рухнувших планов почти обезобразила ее.

На мгновение появился прежний Пауел.

— Дифид уже имеет наследника, госпожа, — сурово промолвил он. — Он сейчас перед нами! — Стремительно схватив Бронуин за толстую каштановую косу он с силой повернул ее голову в сторону Рианон и ребенка, которого она по-прежнему держала в своих объятиях. — Взгляни на моего сына, Бронуин! Он может быть светлым, как его мать, но лицом он похож на меня. У него лицо Дифида! Я в этом не сомневаюсь! — Пауел перевел взор на совет и придворных. — Есть ли у кого сомнения в происхождении этого мальчика? — свирепо спросил он. — У тебя, Синбел? — угрожающе прорычал он.

— Ребенок, без сомнения, принц Анвил, мой добрый господин, — вкрадчиво ответил Синбел из Тейфи. — Наследник Дифида возвращен нам, но я сомневаюсь в разумности его возвращения в Гвент.

— Почему же, мой лорд Синбел? — ледяным тоном спросила Рианон. — Не думаете ли вы, что мой сын будет в большей безопасности на нежном попечении вашей доброй дочери, чем у леди Илейн и лорда Тейрниона? — Среди собравшихся послышались смешки, несколько иронических взглядов были брошены в сторону Бронуин, когда Рианон продолжила свою речь:

— Ваша дочь может взять Пауела в мужа, если они оба хотят этого, но мой сын никогда не окажется в ее руках. Он вернется в Гвент!

— Где, — продолжил Тейрнион, — его будут усердно охранять и держать в безопасности от всяких напастей до того дня, когда он унаследует от своего отца Дифид. — Лорд Гвента широко улыбнулся Синбелу и его дочери.

— У моего народа есть обычай: если мужчина и женщина несчастливы в браке, они могут расторгнуть этот союз, просто освободив одного из супругов от клятв. Поэтому я освобождаю тебя, Пауел Дифида, от клятв, данных мне при дворе моего отца шесть лет назад. Я больше тебе не жена. Ты мне больше не муж.

Пауел безмолвно кивнул, от последнего крушения его надежд плечи его опустились.

— Наш сын Анвил тем не менее останется моим наследником, Рианон, — пообещал он ей.

— А как же мои дети? — в ярости зашипела Бронуин. — Неужели им ничего не достанется, когда этот полукровка будет иметь все?

Чудовищный удар грома потряс Большой Зал. Облако фиолетово-голубой дымки возникло прямо в центре зала, и, задохнувшись от страха, большинство придворных отпрянуло назад. Облако рассеялось так же таинственно, как и появилось, и перед ними возникла юная женщина в

мерцающем наряде с королевскими регалиями, ее золотые волосы были заплетены в семь кос, каждую из которых украшали сверкающие драгоценности.

Рианон не смогла удержать легкой улыбки, которая коснулась ее губ при экстравагантном появлении ее младшей сестры, Анхарид, теперь уже королевы Справедливого народа. Ее сердце радостно забилося, когда она вновь увидела сестру, с которой не надеялась когда-нибудь свидеться.

— Я Анхарид, королева Справедливого народа Леса и Озера, — объявила Анхарид властным голосом. Ее ледяной взор скользнул по залу, смягчившись, завидя племянника и его опекунов, потом вновь стал суровым, натолкнувшись на Бронуин Белую Грудь, у которой хватило смелости попытаться занять место сестры. — Ты говоришь о своих детях, Бронуин Белая Грудь, но у тебя их не будет ни от одного мужчины, Пауела Дифида или кого-то другого. Уже сейчас твое чрево ссыхается. Ты будешь бесплодна. Позволить, чтобы такая злобная кровь передавалась и дальше, было бы преступлением против природы. Таков приговор, вынесенный тебе Справедливым народом за твое гнусное участие в судьбе моего племянника.

Бронуин вызывающе смотрела на Анхарид, но королева уже покончила с ней и перевела взгляд на Синбела из Тейфи.

— Ты, лорд Тейфи, проклят за твое тайное преступление, и прокляты все твои потомки на тысячу поколений вперед.

Синбел из Тейфи, казалось, растворился у всех на глазах А Рианон сочла своим долгом пообщаться с сестрой. Ей не надо было обращаться к ней вслух.

— Будь милосердна, сестра!

— Сомневаюсь, что они проявили к тебе хоть каплю сострадания.

— Некоторые из них заботились обо мне.

— Я знаю, и мой гнев не коснется их, — пообещала сестре Анхарид, еще раз посмотрев на придворных Дифида.

— Тех из вас, знакомых и неизвестных, кто мыслью или делом помогал моей сестре, ждет счастливая судьба. Богатство и счастье будут сопутствовать не только вам, но и вашим потомкам на тысячу поколений вперед. Мы, Справедливый народ, на самом деле не столь отличны от вас, Кимри. Мы, как и вы, живем и умираем. Мы любим, но иногда, хоть и стараемся сдерживаться, ненавидим.

Теперь Анхарид повернулась к Пауелу. Бедный Пауел, на мгновение подумала она про себя, но потом вспомнила обо всех несчастьях, которые он принес ее сестре.

— Ты не можешь покарать его, он и так уничтожен, — молча сказала сестре Рианон.

— Могу, — последовал суровый ответ — Разве ты не обещала не вмешиваться? — мягко побранила сестру Рианон.

— Нет, — ответила Анхарид своей сестре. — Вспомни, сестра, ты просила меня дать тебе такое обещание, но я этого не сделала. Тем не менее я держалась в стороне, пока не нашелся Анвил и не была доказана твоя невиновность. Я позволила перенести тебе все эти ужасные страдания, чтобы имя нашего народа не было больше запятнано.

Пауел сидел на своем месте, опустив плечи и обхватив голову руками. Он знал: какую бы участь ни уготовила ему Анхарид Справедливого народа, он сполна заслужил ее. Он почувствовал ее взгляд и поднял голову. Сейчас в голосе Анхарид не было больше гнева, осталась только глубокая печаль, когда она строго промолвила:

— Пауел Дифида, когда ты приехал ко двору моего отца, чтобы взять Рианон в жены, она поставила тебе два условия. Она просила любить только ее и верить ей. От тебя требовалось так мало взамен тех жертв, на которые она пошла, чтобы стать твоей женой. Но ты, Пауел, не смог сохранить веру в мою сестру. Ты предал ее. Ты перестал доверять ей, когда твои люди осуждали ее только за то, что она не была из народа Кимри. Но даже это Справедливый народ мог бы простить тебе, если б ты остался верен ей сердцем, но ты изменил ей. Ты согрешил с Бронуин Белая Грудь, и твоя любовь к Рианон стала угасать, как и твоя вера в нее. Вспомнил ли ты хоть раз за эти годы о великих жертвах моей сестры ради тебя, Пауел Дифида? Ты оставил ее слабой и неспособной защитить себя. Ты оставил ее страдающей между двумя мирами, и за это, Пауел Дифида, ты понесешь наказание! Наш народ в муках смотрел, как Рианон вынуждена была страдать из-за тебя и твоих людей.

Даже ты, о глупый Кимри, не можешь постичь все глубины ее страдания! Ты погряз в жалости к самому себе. Высший совет Справедливого народа принял решение вернуть Рианон к нам. Как бы она ни старалась, она никогда не смогла бы стать одной из вас. Безжалостно поступил ты, но мы по природе своей не жестоки. Вернуть Рианон можно было только при восстановлении естественного равновесия вещей. С возвращением моего племянника Анвила на его законное место это совершилось. Рианон вновь среди нас, я пришла забрать ее домой.

— Моя волшебная сила? — тихо прошептала Рианон.

— Восстановлена, дражайшая сестра, — ответила Анхарид. — Она так же сильна, как и прежде. Ты больше никогда не окажешься

беспомощной ни перед кем.

Сердце Рианон радостно забилося, и она улыбнулась первой радостной улыбкой истинного счастья за несколько прошедших лет. Целуя сына, она сказала ему:

— А теперь поезжай вместе с Тейрнионом и Илейн. Мы скоро увидимся. — Анвил крепко обнял свою мать за шею и еще раз поцеловал в щеку. Он не возражал, когда Рианон передала его в ласковые руки Илейн.

— Я буду беречь его, — пообещала Илейн, встретившись глазами с Рианон.

— Отправимся домой, Анхарид, — просто сказала Рианон.

— Рианон! — закричал Пауел, раздираемый душевными муками. Его голос разорвал тишину зала. — Рианон, ты должна простить меня! Я люблю тебя. Я люблю!

Анхарид протянула руку и приложила палец к губам старшей сестры.

— Это, Пауел, — сказала она удовлетворенно холодным тоном, — твое наказание! Ваши души и ваши судьбы — твоя и Рианон — будут встречаться и перекрещиваться. Но ты запомнишь этот миг, эту боль, а Рианон нет. Ты не будешь знать покоя, вина твоя веками будет терзать тебя. Одна твоя жизнь будет сменяться другой, но душа твоя онемевает.

Однако придет другой миг вечности, где-то в будущем, когда душа, обитающая в теле моей сестры, вспомнит это время и это место, и если она сможет по-настоящему простить тебя, тогда, Пауел, и только тогда тебе будет даровано избавление от вины за твои преступления против Рианон. Пауел, она должна вспомнить все сама. Ты не можешь рассказать ей. До тех пор, Пауел Дифида, твоя печальная душа будет страдать от боли также, как страдала моя сестра эти четыре года. А теперь прощай!

И пред изумленными взорами собравшихся придворных Дифида Анхарид, королева Справедливого народа, и ее старшая сестра Рианон исчезли в дуновении серебряной дымки и под раскаты грома. Бронуин скулила, охваченная страхом, с жалобным видом уцепилась за руку Пауела, но он яростно сбросил ее.

— Рианон! — закричал он вслед своей жене. — Ри-а-нон! Ри-а-нон!

Розовато-лиловая дымка. Ее опять окутала розовато-лиловая дымка, бешено кружась вокруг нее. Она вновь ощутила невесомость и почувствовала, что плывет. Плывет. Плывет. Нет! Не плывет. Она падает. Падает сквозь время и пространство с такой скоростью, что боится разбиться вдребезги. Со вздохом удивления Уинн Гарнока открыла глаза и села на кровати, сердце бешено колотилось в груди, а перед ней было прекрасное лицо Мейдока.

Глава 9

— Теперь ты знаешь, — промолвил он печально.

Она медленно кивнула.

— Сколько я проспала, мой господин?

— Два полных дня и три ночи, дорогая. Это третье утро.

— А как долго ты пробыл около меня, Мейдок? — тихо спросила она.

— С того момента, когда Меган передала мне твои слова. Ты видела сон?

— Я знала легенду о Пауеле и Рианон с детства, но она имела счастливый конец. Рианон простила Пауела, и они счастливо зажили, — задумчиво ответила Уинн.

— Христианский конец кельтской сказки, — с горечью проговорил он. — Наш народ не отличался всепрощением в те стародавние времена, Уинн, как сейчас, после прихода священников.

— Что случилось с Анвиллом? — громко спросила она. — Я не помню.

— Справедливый народ осчастливил Илейн и Тейрниока, даровав им дочь. Анвил вырос и стал замечательным человеком. После смерти Пауела он много лет правил Дифидом, а также Гвентом, поскольку женился на Моргане, дочери его приемных родителей.

Она задумчиво кивнула.

— Хорошо.

— Уинн? — Она услышала в его голосе отчаянный вопрос.

— Ох, Мейдок, — сказала она, глядя на него. Разум и сердце ее были ясны, и внезапно их переполнило понимание, — конечно, я прощаю тебя! Каждой каплей своего существа я прощаю тебя. В том, что произошло между Пауелом и Рианон, виноваты они оба. Разве ты этого не понимаешь? Справедливый народ, очевидно, стоял на более высокой ступени развития, чем Кимри. Несправедливо поступила Рианон, прося Пауела любить только ее и полностью доверять ей взамен обещания стать его женой. Так же глупо было со стороны Пауела в дурмане давать подобное обещание, поскольку он не смог сдержать его. Но как часто признаем мы собственные слабости? Однако, Мейдок, более жестоко поступила Анхарид, наложив на Пауела такое наказание. Только у самого Творца есть такое право, но, коль скоро проклятие произнесено, Творец не отменит его. Скорее он обратит свой взор на того, кто его произнес. Анхарид отстранили от управления Справедливым народом, поскольку, хоть она очень любила свою сестру и

проявила сдержанность, в своих решениях обнаружила незрелость.

— Кто занял ее место? — спросил он. Чувство облегчения, казалось, окутывало все его существо.

— Рианон. Такова была ее судьба, хотя она старалась избежать ее.

Она не вышла больше замуж, после нее правил Рен, ее племянник — Уинн улыбнулась ему — Не спрашивай, откуда я все это знаю, потому что я не могу ответить тебе, мой господин. Я это просто знаю. — Она села и вытянула ноги. — Я умираю с голода, Мейдок!

Он рассмеялся.

— Тогда мы должны накормить тебя, дорогая. Я не могу допустить, чтобы ты умерла с голода, моя жена, нет, невеста. — Внезапно его лицо стало серьезным. — Ты по-прежнему моя невеста, моя прекрасная Уинн, правда?

— Да, мой господин, отныне и навеки. С прошлым покончено, Мейдок. Для нас существует только сегодня и замечательное будущее, — сказала ему Уинн. — Освободимся от прошлого в это яркое, сверкающее весеннее утро, чтобы вместе заново начать нашу жизнь.

Он взял ее руки в свои и, поднеся к губам, нежно поцеловал их.

— Как Пауел боялся, что недостойн Рианон, так и я опасаясь, что недостойн тебя, дорогая. Как может невинная деревенская девушка быть такой мудрой?

Уинн прижала его к себе и поцеловала в губы.

— Боюсь, я уже больше не невинна, любовь моя, — прошептала она и засмеялась. — Что же касается мудрости, которую ты мне приписываешь, то это скорее здравый смысл. — Она свесила ноги с края кровати. — Пришли мне Меган, мой господин. Я должна умыться и одеться.

Апрель на дворе, нам нужно подготовиться к свадьбе, осталось меньше месяца!

Мейдока поражали ее энергия и воодушевление, с которыми она готовилась к свадьбе в последующие недели после ее путешествия в прошлое. Он сомневался, что Уинн простила его, и ждал бури, которая так и не разразилась. Наконец он осознал, что она действительно простила его и что с прошлым для нее все кончено. Тогда он понял, что, пронеся в веках преступление Пауела, он стал его заложником. Обретенное прощение наконец-то принесло ему окончательное избавление от чувства вины, избавление, которого он так долго искал.

Воодушевление Уинн оказалось заразительным. В Скале Ворона царило волнение от приготовлений к свадебному торжеству. Из Гарнока приехало семейство Уинн, которое она радостно встретила. Дьюи подрос за

прошедшие месяцы. И малышка Мар стала более уверенной, чем прежде.

— Дорогое дитя! — Энид обняла свою старшую внучку, потом, чуть отступив назад и держа Уинн за плечи, она мгновение изучала ее лицо и улыбнулась довольная. — Ты счастлива! — Это была констатация факта, которую Энид произнесла с удовлетворением.

— Да, — ответила Уинн. — Я счастлива.

— Ты с радостью выходишь замуж? Нет ли сомнений в тайниках твоей души? — спросила ее Энид.

— Никаких сомнений, бабушка. Я люблю Мейдока, и он любит меня.

У нас будет долгая и счастливая жизнь и, если Богу угодно, много детей.

Энид кивнула.

— Тогда все хорошо. Я счастлива за вас обоих. — Расскажи мне о сестрах, — попросила Уинн. — Они здоровы?

Энид фыркнула, смеясь.

— Они — живое доказательство того, что дьявол заботится о себе подобных, — ответила она. — Обе цветут и скоро должны родить. Они расстроены, что не смогут приехать на твою свадьбу, но даже им понятно, что в их положении небезопасно пускаться в длинное путешествие. Кейтлин просила передать тебе, что она надеется, ты пригласишь их навестить тебя этим летом.

Теперь уже засмеялась Уинн.

— О нет! Даже мое терпение имеет границы, бабушка. Но мы с Мейдоком будем рады, если ты и Мар погостите у нас.

Энид расчувствовалась и, сдерживая слезы, сказала:

— Мое дорогое дитя, любезно с твоей стороны пригласить нас, но думаю, лучше будет остаться нам в Гарноке еще на несколько лет. Дьюи не такой самостоятельный, как сам думает, и я еще ему нужна. Надеюсь, что в будущем ты нас опять пригласишь.

— Конечно, — ответила разочарованная Уинн, но улыбнулась, что не поставила бабушку в неловкое положение.

Из Сант-Брайда прибыла Неста, сопровождаемая обожающим ее мужем.

— Ах, — воскликнула она, сверкая от удовольствия глазами, — вы с Мейдоком поладили. Я так рада! — Она обняла брата и поцеловала в щеку Уинн.

— А ты, дорогая сестра, — ласково обратилась Уинн к Несте, — будешь ли впредь думать, прежде чем произнести резкие слова, которые нельзя взять назад?

— Значит, ты знаешь, — сказала Неста, нимало не смущаясь.

— Что душа, вселившаяся в твое тело, когда-то принадлежала Анхарид? Да! Вспомнив все, нетрудно узнать тебя. Но скажи мне, Неста, как случилось, что ты знала, а я нет?

— Только несколько лет назад я начала видеть эти сны, — сказала Неста. — Сначала они пугали меня, и я старалась не обращать на них внимания. Когда же я наконец поняла, что не могу отбросить их, я все рассказала Мейдоку. Не успела я поговорить с ним, как все прояснилось у меня в голове. Можешь себе представить, как ужасно я себя чувствовала, зная, что натворила, и не имея возможности помочь моему брату, которого любила больше всех мужчин на свете. Он успокоил меня, сказав, что не держит зла против меня и что после вашей свадьбы все образуется. Так оно и вышло!

— Да, теперь с прошлым покончено, — ответила Уинн.

— Хвала Всевышнему, что все позади, — облегченно сказала Неста, а потом радостно воскликнула:

— У меня будет ребенок, дорогая Уинн!

Как раз перед Рождеством.

— Стоило ли тебе тогда пускаться в путь? — забеспокоилась Уинн. — Мои сестры побоялись приехать к нам, так как скоро должны родить.

— Мои подозрения только что подтвердились, — ответила Неста. — Мы оба, Риз и я, решили, что не можем пропустить вашу свадьбу! Я не какая-нибудь болезненная особа, чтобы сидеть у камина, усердно работая иглой несколько месяцев.

Принцы Венвинвина были старинного рода, поэтому замок наполнился гостями по мере приближения дня бракосочетания. Большинство гостей Уинн никогда раньше не видела. Мейдок успокоил ее, что, по всей вероятности, она их больше и не увидит. Тем не менее их надо было пригласить, чтобы не обидеть какую-нибудь важную персону.

Дальний родственник Уинн, король Граффидд ап Льюилин, прислал сожаление, что не сможет присутствовать на свадьбе, вместе с двумя большими серебряными подсвечниками. Ночью перед брачной церемонией Большой Зал был набит веселящимися гостями, которые ели, пили и наслаждались искусством ирландских менестрелей, которых специально привезли в замок для развлечений.

Уинн сидела рядом с Мейдоком на почетном месте за главным столом. Алая с золотом туника оттеняла ее светлую кожу и темные волосы. Всем собравшимся было ясно из взглядов, которыми обменивались Уинн и Мейдок что между ними расцвела любовь.

— Дамы и господа, — раздался в зале голос мажордома, — лорд и епископ Кей.

— Мой бог! — рука Несты прикрыла рот. — Это Брайс!

— Его не звали сюда, — зарычал Мейдок, — и он, дьявол; это хорошо знает!

— Мой господин, ты не можешь выгнать его, чтобы не возник скандал. Что бы ни было между вами, ты все должен отбросить в сторону, хотя бы на некоторое время.

— Он сделал это специально, — простонала Неста. — Он заявился публично и тогда, когда мы не осмелимся изгнать его! Мейдок, мой дорогой брат, ты должен быть осмотрительным.

— Неста, — обратилась Уинн, обеспокоенная страданием подруги, — он на самом деле такой дурной? — Она бросила взгляд в зал и увидела Брайса, прокладывающего себе дорогу к ним. Он был необычайно красивым молодым человеком. Нет, «красивый» не годилось для него. Он был прекрасен. — Несомненно, он преобразился с дней своей юности.

— Он — перевоплотившийся дьявол, — тихо сказал Мейдок. — Не позволяй его ангельской внешности обмануть себя, моя дорогая. Он будет с тобой само очарование, но он злобен больше любого смертного. Говорят, он самый молодой епископ в христианском мире. Он купил себе должность у продажного духовенства. Он не заработал его себе, не заслужил. — Мейдок поднялся, ожидая приближения сводного брата к их столу.

— Приветствую тебя, мой брат, да благословит тебя Господь, — произнес Брайс из Кей. Уинн никогда не видела такого прекрасного лица.

Она подумала, что в древности он мог быть одним из Справедливого народа. Его светлые волосы отливали чистым золотом, а голубые глаза напоминали летнее небо. На его белой шелковой тунике был вышит золотой кельтский крест, украшенный драгоценными камнями.

— Зачем ты вторгся в мой замок? — тихо спросил Мейдок — В чем дело, брат? Почему ты так неучтиво встречаешь меня? — Молодой человек усмехнулся. — Я подумал, что отсутствие моего имени в списке гостей просто случайная оплошность. Разве не так?

— Нет, и ты прекрасно знаешь это, Брайс, — ледяным тоном ответил Мейдок — Тебя никто больше сюда не пригласит.

— Но я здесь, дорогой брат, и здесь намерен остаться. Я приехал, чтобы лично обвенчать тебя с твоей восхитительной невестой. — Он милостиво взглянул на Уинн и улыбнулся. — Ты не посмеешь выставить меня из замка, Мейдок На этот раз я расстроил твои планы.

— Не будь жестоким, Брайс! Мейдок никогда не причинял тебе

вреда, — вступилась Неста.

Брайс из Кей перевел взгляд на младшую сестру — Я приезжал прошлой зимой посмотреть на твою свадьбу, но он не пустил меня, Неста. Ты знала, что он не дал мне возможности присутствовать на свадебной церемонии?

— Да, я знала! — с яростью сказала она. — И благодарна ему за это!

Ты всегда приносишь с собой зло, Брайс. Оно липнет к твоей одежде, словно зловоние хлева. Ты пришел не для того, чтобы оказать уважение Мейдоку и Уинн. Ты появился с дурными намерениями. Если ты честен, как заявляешь, тогда пожелай им счастья и возвращайся в Кей!

Ты здесь не нужен.

— Какая страсть! — мягко произнес Брайс. — Я всегда знал, что у тебя страстная натура, моя сестра. Однако я вернусь в Кей только после свадьбы. Если тебе не нравится, Мейдок, я не буду венчать вас. Но я останусь.

Взгляд Мейдока почернел, но Уинн предостерегающе сжала его руку, и он в отчаянии посмотрел на нее.

— Какая хитрая эта застенчивая невеста, — заметил Брайс. — Значит, вы миротворец, госпожа?

— Нет, мой господин епископ, я реалист. Насколько я вижу, вы пришли сюда сеять раздор, как упрекает вас Неста. Что бы между вами тремя ни было в прошлом, я к этому отношения не имею. Я не позволю вам испортить мне свадьбу. Поклянитесь мне крестом, который вы так хвастливо носите на груди, что вы не разрушите этот счастливый миг в нашей жизни.

— А если я этого не сделаю? — поддразнил он ее. — Что вы сделаете, Уинн из Гарнока?

— Я прикажу вывести вас вон из замка, невзирая на скандал, — твердо ответила ему Уинн.

Брайс из Кей захохотал.

— Думаю, у вас не хватит смелости, госпожа. Что ж, очень хорошо. Я клянусь святым крестом, на котором скончался наш Христос, что не нарушу мира во время торжеств, но ни минутой дольше. — Он усмехнулся. — Женитьба брата — это нечто такое, что я никогда не думал увидеть. Мне бы не хотелось пропустить ее.

— В таком случае садитесь за наш стол, мой господин епископ, и расскажите мне, отчего это так, — ответила Уинн, затем повернулась к Дьюи. — Брат, не уступишь ли ты свое место епископу из Кей? — Мальчик кивнул, а Уинн отдала приказание слуге:

— Принеси стул для лорда Гарнока.

Брайс занял место рядом с Уинн и, взяв у другого слуги кубок, сказал:

— Разве вам неизвестна репутация принцев Венвинвина, госпожа?

Мне казалось, что добродетельная христианская девушка побоится войти в такую семью.

— Я не верю в чепуху, которую болтают невежественные дураки о Мейдоке и его семье. Я видела от него только добро. К тому же люди Гарнока считают меня целительницей, а целители тоже предмет сплетен.

— Вы говорите о волшебстве, госпожа? — промурлыкал Брайс медоточивым голосом, и его голубые глаза засверкали.

— Я говорю о травах и врачевании, мой господин епископ. Я говорю о медицине.

— Госпожа, женщинам не следует заниматься врачеванием, — последовал резкий ответ.

— Почему? — едва сдерживая гнев, спросила Уинн.

— Это не христианское занятие, госпожа. Долг женщины рожать детей и заботиться о своих семьях. Вот их единственный интерес.

— Разве забота о семье могущественного лорда не включает в себя уход за больным и его лечение? — кротко спросила Уинн.

— Вы умны для женщины, Уинн Гарнока. Возможно, вы слишком умны. Неразумно быть чересчур умной.

— Не угрожайте мне, мой господин епископ, — ответила Уинн тихим, ровным голосом. — Вам меня не запугать. Я знаю о вас все. Больше, чем вы знаете обо мне, держу пари.

— Знание может оказаться опасным предметом, госпожа, особенно если у вас нет способности умело использовать его, а этого у вас нет.

— Пока, — парировала она и с удовольствием заметила, как удивление отразилось на его лице.

Быстро овладев собой, он рассмеялся.

— Вы самый достойный противник, Уинн из Гарнока.

— Но как печально, что мы вынуждены быть в ссоре, мой господин епископ, — ответила она.

— А нам и не нужно быть врагами, госпожа.

— Пока вы враг Мейдока, вы также и мой враг. Я связана с ним многими узами, некоторые вы даже не можете себе вообразить. Он мой господин, моя жизнь и моя любовь. Я никогда не предаю его, — с уверенностью сказала Уинн.

На миг в синих глазах Брайса зажглась необузданная ненависть.

Потом она так же быстро исчезла. Уинн поразило, что ненависть была

направлена против нее. Как мог брат Мейдока так ее ненавидеть? Он даже не знал ее.

— Рад, что ваша преданность так непоколебима, Уинн Гарнока. Это говорит о христианской добродетели, и, может быть, такая добродетель изменит его дурные привычки.

— Я буду ему хорошей женой во всем, мой господин епископ, — пробормотала Уинн таким же благочестивым тоном. — Не отведаете ли жареного поросенка? — внезапно спросила она, возвращаясь к обязанностям хорошей хозяйки.

Слуга, стоящий рядом с Брайсом, протянул ему деревянное блюдо.

С усмешкой епископ схватил с блюда хорошо зажаренный кусок и вонзил в него зубы. Уинн заметила, что зубы у Брайса были отвратительны: чуть желтоватые, с хищными резцами. К ее облегчению, он отвернулся от нее и заговорил с другом соседом. С ее стороны это была попытка отразить его зло. Неста оказалась права. В Брайсе было нечто злое, пугающее, в чем Уинн никому не призналась бы.

Свадьба Мейдока и Уинн состоялась на следующее утро. Венчал их отец Дрю, приехавший из Гарнока вместе с семьей. Единственными свидетелями были ближайšie родственники, поскольку размеры домово́й церкви на Скале Ворона не позволяли вместить всех желающих.

Солнце струилось сквозь небольшие окна, образуя на каменном полу светлое пятно. Свечи на алтаре мерцали золотыми огоньками.

Свадебный наряд невесты из кремового атласа был украшен мелким жемчугом, разбросанным по всему платью. Нижняя туника того же цвета была расшита золотыми звездочками. Вокруг шеи покоилось жемчужное ожерелье ее матери. Ножки были обуты в изящные туфельки. Косу переплетали ленты, тоже украшенные жемчугом, а на голове был венок из роз с куста, который прошлым летом Мейдок привез из Гарнока, чтобы в день их свадьбы он мог подарить Уинн розы.

Длинный кафтан жениха из сине-фиолетовой с золотом парчи был перехвачен позолоченным кожаным поясом. На ногах были надеты алые чулки с золотыми подвязками накрест и остроконечные туфли из красной кожи. Темные волосы, собранные сзади, перевязывала лента, украшенная драгоценными камнями. Вокруг шеи лежала тяжелая цепь червонного ирландского золота, которая гармонировала с золотой диадемой, богато выложенной драгоценными камнями, венчавшей его голову. Счастливые Неста и Энид наблюдали за венчанием. Мар смотрела во все глаза на прекрасную сестру и мечтала о собственном замужестве.

Дьюи откровенно скучал. Свадебные церемонии такие занудные, он

предпочел бы убежать на охоту. Риз обнял одной рукой свою шмыгающую носом жену и подумал, что Мейдок никогда, возможно, не будет так счастлив, как он с Нестой. Эйнион смахнул набежавшую слезу и бросил исподтишка взгляд, чтобы убедиться, что никто не заметил у него проявления чувствительности. Брайс из Кей сердито смотрел на своего сводного брата сквозь узкие щелочки глаз и решил, что ненависть к Мейдоку никогда не была столь велика, как в эту минуту Почему Мейдоку досталось все, о чем всегда мечтал он? Замок, красивая любящая жена. Почему Мейдок избранник судьбы, а не он? Это кончится только тогда, когда один из них будет мертв, подумал Брайс.

Мертв и глубоко похоронен.

Свадебное торжество тянулось весь день и вечер. После венчания молодые вошли в зал, где их приветствовали дружеские возгласы всех гостей. Огонь в каминах Большого Зала горел ярко и высоко, унося с собой прохладу майского утра. Цветущие ветки боярышника украшали зал. Цветы были повсюду. Слуги сновали по залу, разнося блюда с яствами, не давая им остынуть. Вареные яйца, поданные в соусе из сливок и сладких вин, яйца, нарезанные ломтиками и смешанные с сыром и молодым горошком, яйца с морской солью; ветчина, мясо косули, лососина, блюда с горячей ячменной кашей, караваи деревенского хлеба только что из печи, медовые соты и свежее мясо, круги гарнокского сыра из дома невесты. Все ели усердно, так как гости собирались участвовать в охоте в лесах, окружающих Скалу Ворона.

Уинн быстро поела и поспешила в свои покои, где ее ждала Меган, чтобы помочь переодеться в подходящее для охоты платье. В своем зеленом с золотом наряде невеста в этот день была избрана майской королевой. Утро они провели на охоте в ближайших лесах, однако .фортуна не была щедра к ним. В полдень новобрачные и их гости расположились на поляне, где слуги из замка расстелили скатерти и разложили простую еду: каплуны и маленькие пирожки с мясом, хлеб и несколько сортов сыра, небольшие пироги с начинкой из сухих фруктов, миски с нежной земляникой и кувшины густых свежих сливок, эль и вино для утоления жажды гостей. Отдохнув и подкрепившись, все вернулись в замок, где в садах уже были установлены мишени для стрельбы из лука. Слуги поставили также традиционное майское дерево³, и Уинн повела дам в традиционном майском танце. Они весело двигались под звуки свирели вокруг дерева, обвивая его яркими красными, зелеными, синими и желтыми лентами. Некоторые мужчины разделись и померились силой в борьбе.

После этих развлечений гости вернулись на час в свои комнаты, чтобы передохнуть и переодеться к вечерней трапезе. Как только оранжево-золотой закат окрасил Большой Зал, отдохнувшие и проголодавшиеся гости стали заполнять его.

— Сколько прошло времени с тех пор, как они ели, Мейдок? — проворчала Уинн. — Хорошо, что они возвращаются завтра к себе домой, а то они опустошили бы наши кладовые. — На ней опять было свадебное платье.

Мейдок, который тоже переоделся после охоты, усмехнулся.

— Это говорит о том, что ты хорошая хозяйка замка, моя прелестная жена. — И он поцеловал ее в щеку — Это говорит об их отличном аппетите, — ответила она с улыбкой, когда садилась вместе с мужем за свой стол.

Уинн подготовила славное свадебное пиршество для гостей, и, судя по их восторгам, когда подавалась очередная перемена блюд, ей это и впрямь удалось. С побережья доставили дюжину бочек устриц, переложенных льдом. На них с жадностью набросились и моментально уничтожили. Сейчас слуги разрезали на куски и раскладывали на блюда в меру зажаренные говяжьи туши. Рыл подан бык, две косули и несколько видов ветчины, гуси, жаворонки, каплуны, фаршированные сухими фруктами, несколько жирных уток, истекающих соком, огромный зажаренный кабан, несколько больших пирогов с куропатками, покрытых слоеной корочкой, из-под которой струился пар, распространяя аромат красного вина и трав, котел с кроликом, тушенным с морковью и луком. Еще была дюжина ножек молодых барашков, натертых чесноком и розмарином.

Форель, отваренная в масле, с лимоном и укропом; лососина, сваренная на пару и посыпанная петрушкой; мелко настроганная треска в соусе из сливок и сладких вин; креветки и мидии, сваренные со сладким укропом. Молодой латук, отваренный на пару с белым вином. На столах стояли миски с крошечным зеленым горошком и маленькими отварными свеколками. В изобилии были прекрасный белый хлеб, свежее масло, мягкий сыр Бри из Нормандии и несколько кругов гарнокского сыра. Пиво, эль, красное и белое вино текли рекой.

Свадебный торт украшали фигурки и цветы из марципанов. Было испечено несколько больших пирогов с начинкой из сухих фруктов и пряностей. Засахаренные цветы фиалок и бутоны роз подали к столу с крошечными вафлями, обсыпанными сахарной пудрой. На столе красовались блюда с земляникой, хотя Уинн не представляла, откуда она могла взяться после щедрого угощения в лесу на поляне.

Ирландские менестрели услаждали слух гостей замечательными любовными балладами и песнями о великих подвигах. Танцоры в костюмах героев легенд о Робин Гуде и смешной сморщенный человечек с труппой дрессированных собачек, которые танцевали и прыгали сквозь обруч по команде хозяина, развлекали гостей. Гости ели, пока на столах не осталось больше еды, и пили, сколько в них влезло. Мейдок и Уинн тихо покинули зал, поскольку никто не мог уйти прежде них. К тому же Уинн заметила, что ее бабушка и Неста утомились. Что же касается малышки Мар, то она заснула в своем кресле, а Дьюи, несмотря на свое хвастовство, тоже клевал носом. Эйнион взял обоих детей и отнес спать.

Меган раздела хозяйку и ушла, Уинн сидела на кровати и медленными, размеренными движениями расчесывала волосы, когда в комнату вошел Мейдок. Повернувшись к нему, она улыбнулась.

— Это был прекрасный день, мой господин, но я рада, что он закончился.

Он взял у нее щетку и, встав на колени, начал расчесывать ей волосы.

— Моя жена, — нежно промолвил он. — Моя прекрасная жена. Господи, дорогая! Я не могу поверить, что ты моя! — Он зарылся лицом в ее темные волосы и вдохнул их нежный аромат.

Восхитительная дрожь пробежала вверх по ее спине, и Уинн перевернулась, чтобы посмотреть на мужа. Взяв его лицо в ладони, она коснулась его губами.

— Да, — прошептала она. — Я твоя, Мейдок, но это значит, что ты — мой, и я люблю тебя. — Ее губы сделались мягкими, и она поцеловала его, язычок ее кружил у него во рту, поддразнивая и приглашая к битве. Она отпустила его лицо и сплела руки в густых темных волосах.

Щетка выпала из его рук и со стуком упала на пол.

Мейдок уткнулся головой во впадинку между ее прелестными юными грудками. Он ощутил ровное биение ее сердца, когда осыпал поцелуями ее нежную кожу. Руки, скользнув под шлейфом ее волос, обхватили тонкую талию. Уинн изогнулась, и губы Мейдока нашли чувствительный крошечный сосок. Неторопливо он посасывал нежную плоть, извлекая сладость наслаждения сначала из одного, потом из другого соска, пока она тихо не застонала в его объятиях. Его язык ласкал чувствительные соски, быстро скользя взад и вперед, а она с нарастающей настойчивостью массировала пальцами его голову. Губы отпустили распухшие сосцы и двинулись вниз по упругому телу Уинн снова охватила дрожь, ее гладкая кожа тотчас же украсилась крошечными пупырышками. Она изогнулась, и легкий смешок сорвался с ее губ.

— Щекотно, Мейдок! — воспротивилась она. Она ощущала, как в ней нарастает желание.

— Мы оба знаем, какая ты смешливая, — ответил он, глядя на нее обманчиво спокойным взглядом.

Он потянулся к ней, но она оказалась проворней и переползла через их огромную кровать.

— Ага, мой господин! — поддразнивала она его. — Надо быть расторопней, чтобы поймать меня!

Он бросился на нее, и Уинн завизжала от притворного ужаса, когда он схватил ее, чтобы взять в полон. Они катались, сцепившись, по их брачному ложу, как два щенка, щекоча друг друга пальцами.

В конце концов, обессилив от смеха, Мейдок и Уинн рухнули рядом, — тяжело дыша. Когда наконец она почувствовала, что силы возвращаются к ней, Уинн проявила инициативу, удивив Мейдока. Одарив его соблазнительной улыбкой, она крепко обхватила бедрами его тело и начала ласкать его грудь. Уинн взглянула на него глазами, похожими на ягоды терновника.

— Хочешь ли ты меня, как я этого желаю? — спросила она.

— Да, — протянул он нежно и медленно и, подняв палец, коснулся долины между ее грудями и стал спускаться вниз к животу, потом еще ниже, прокладывая путь между нижними губами. На мгновение палец замер на ее крошечном любовном сокровище, которое он безошибочно отыскал. Он стал гладить его с нежной настойчивостью.

— Я тебя очень, очень хочу, моя красивая жена.

Дрожь прошла по ее телу от первого наслаждения, которое он доставил ей, и слабость потекла по жилам, словно горячее вино. Ей так хотелось управлять ситуацией, но она еще не умела делать этого. Она сейчас желала только одного, чтобы он овладел ею, и она порывисто вздохнула.

Он улыбнулся ей, а затем нарочито слабыми движениями стал гладить ее тело от живота к груди. Его руки двигались спокойными маленькими кругами, слегка лаская ее и разжигая огонь желания.

— Ты так прекрасна, — сказал он ей, нежно сжимая ее грудь, когда она с полузакрытыми глазами начала издавать всхлипывающие звуки; ее бедра слегка вздрагивали.

— Я хочу тебя, — начала она, а он приложил предостерегающие пальцы к ее губам.

— Не сейчас, дорогая, — ответил он тихо.

— Я хочу тебя! — настаивала она и, подавшись вперед, страстно

поцеловала его.

— Я хочу тебя, — ответил он и перекатил ее на спину, — но сейчас слишком рано, Уинн. Наслаждайся любовью до полного слияния.

Уинн повернулась на бок и, протянув руку, погладила его, упиваясь ощущением его тела. Он был высок, но в отличие от Риза не был ширококостным. Его нельзя было назвать и хрупким. В нем была сила, которая не соответствовала его сложению. А кожа! Слишком мягкая и нежная для мужчины, но она прекрасно сочеталась с внешностью древнего кельтского воина. Она чувствовала мускулы на его плечах, руках и, не в состоянии сдержаться, склонилась над ним и начала лизать его кожу, опрокинув его на спину. Он простонал от удовольствия, когда ее маленький острый язычок поднялся вверх от живота и обежал вокруг сосков. Кожа Мейдока имела слегка соленый вкус, но это не отталкивало.

Длинные черные волосы Уинн, словно мантия, струились по плечам, спине и ягодицам. Он погладил ее по голове, дрожа от ее ласк.

Она игриво укусила его за плечо и горло; ее легкие любящие покусывания сопровождалось быстрым поцелуем, а потом теплым прикосновением языка. Голова Уинн вновь начала опускаться по его телу ниже, кружа язычком по чувствительной коже, отчего он опять застонал.

Вскоре перед ней восстало его «копье», твердое и прямое. Уинн обхватила его пальцами, чувствуя, как пульсирует в нем жизнь и течет по трепещущей плоти. Он ласкал ее языком. Осмелится ли она сделать то же самое? Она решительно подалась вперед и коснулась кончиком языка его детородного органа. У Мейдока перехватило дыхание. Она соблазнительно водила теплым язычком по его красной головке. Отпустив Мейдока, она поддерживала рукой только его «копье», когда, пододвинувшись поближе к нему, начала не спеша и размеренно лизать его. Он задрожал, потом все тело его сильно дернулось от удивления, когда Уинн взяла его в рот и стала посасывать до тех пор, пока он не перепугался, что его соки могут исторгнуться.

Мейдок опустил руку и, взяв легонько за волосы, нежно отстранил ее.

— Дорогая, — наконец он смог перевести дух, — ты лишишь меня мужской силы и прольешь зря мое семя.

Отодвинувшись от него, она устроилась на одном с ним уровне и мягко проговорила:

— Когда ты отведал меня, я ощутила такое блаженство. Разве ты не получаешь такого же наслаждения, когда я вкушаю тебя? — Ее лицо было над его лицом, а длинные волосы, переброшенные на одну сторону, струились вниз водопадом.

Он протянул руку и погладил ей щеку.

— Уинн, моя восхитительная жена, когда твой ротик и язычок ласкают меня, я умираю сладкой смертью, но, любовь моя, я хочу обладать тобой более полно, чем ты можешь представить себе. — Он быстро поцеловал ее в губы и стал играть с одной из прелестных грудок, которая соблазнительно покачивалась около него.

— Мой господин, ты думаешь, что только мужчины ощущают такую страсть? — спросила Уинн. — Женщины чувствуют то же. — Крошечная стрела первобытного желания прошла сквозь нее, когда он пощипывал сосок, но потом, приподняв голову, облизал его, и боль прошла.

Он мягко повалил ее на спину и навис над нею. Его пальцы, лаская, прокладывали себе путь через нижнюю плоть между бедер. Он ни на минуту не отводил темно-синих глаз от ее загадочно-зеленых, пока неторопливо входил в нее, потом он остановился.

— Я никогда прежде так страстно не желал женщины, как хочу тебя.

— Не надо мне только рассказывать о своих женщинах, — подтрунивала она над ним. — Скажи лучше, как ты меня любишь, Мейдок, мой супруг, — и она обвила руками его шею. «Какое большое копье внутри меня», — подумала она. Оно заполнило ее целиком, и она едва не кричала от наслаждения, чувствуя, как бьется в нем жизнь и любовь.

— Сквозь все времена и все пространства я люблю тебя. С того времени, которого не помнишь ни ты, ни я, и до этого мгновения я люблю тебя, Уинн. Я не перестану любить тебя, хотя мы живем, умираем и рождаемся вновь в другое время и в других местах. Ты моя другая половина. Без тебя мне нет жизни.

— Ох, Мейдок, — прошептала она, и глаза ее увлажнились, — неужели я достойна такой любви?

— Всегда, дорогая! — с чувством сказал он, надвигаясь на нее.

— Я всегда буду любить тебя, — нежно пообещала она, отдаваясь целиком сладостному моменту, позволив ему омыwać ее, как вода омывает скалу. Этот миг охватил ее всю, пока она парила, как жаворонок в небе, а наслаждение схватило ее в свои объятия и продолжало расти, расти, расти до тех пор, пока она не умерла сладостной смертью, чтобы родиться вновь новой и полной желания.

Потом они лежали, нежно обнявшись, лаская и целуя друг друга, пока не погрузились в блаженную дремоту, чтобы через несколько часов пробудиться освеженными, обновленными и готовыми разделить страсть еще раз. Когда же разгорелась заря, Мейдок и Уинн поднялись счастливые, оделись и, как подобает хорошим хозяевам, пошли проводить гостей. Если

они и обменивались тайком взглядами и улыбками, исполняя свои обязанности, отъезжающие гости находили их очаровательными. Все, кроме Брайса, епископа из Кей, который скрывал ненависть за оборожительной внешностью и весело отбыл к себе домой, словно был самым желанным гостем на свадьбе.

— Нам не придется его больше видеть, — мрачно проговорил Мейдок, наблюдая, как его сводный брат и его немногочисленная Свита спускаются по крутой тропе от Скалы Ворона.

— Нехорошо, что братья такие враги, — ответила Уинн. — Его отец вылепил ему характер, но разве мы не можем изменить его, моя любовь? Я понимаю, его попытка овладеть Нестой порочна, но тогда он был просто мальчишкой. Ты спас Несту. Серьезного зла он не причинил. Неужели мы не можем по крайней мере залатать брешь между вами?

— Ты так добра и невинна, — ответил Мейдок. — Ты не понимаешь, Уинн. В этой жизни не может быть дружбы между мной и Брайсом.

— Он безнадежен, Уинн, — подтвердила Неста, которая вместе с Ризом осталась еще на несколько дней. — Мы оба старались, Мейдок и я, установить мир с Брайсом, вернуть его в лоно семьи. Боюсь, он погряз в своей злобе и не может из нее выбраться.

— Наверное, вы оба не можете беспристрастно обсуждать этот вопрос, — проговорила Уинн. — Между вами встало убийство. Думаю, только кто-нибудь вроде меня, не связанный с вашей семьей в прошлом, может помочь вашему примирению. Плохо, когда вражда разделяет семьи. Хотя я считаю своих сестриц, Кейтлин и Дилис, пренеприятнейшими особами, но не порываю с ними.

— Я ни в чем не могу тебе отказать, дорогая, — сказал Мейдок, — но мы только что поженились, и у меня на уме лишь пиршества, веселье и проказы, а не обсуждение моего брата. Со временем, обещаю тебе, мы решим эту проблему.

Уинн одарила Мейдока счастливой улыбкой и, взяв его за руку, пошла в замок, не обратив внимания на многозначительный взгляд, которым обменялись Мейдок и Неста. Они были единодушны в своем мнении о Брайсе. Он всегда был и всегда будет отдален от них.

Глава 10

Хотя Дьюи вернулся с отцом Дрю в Гарнок спустя несколько дней после свадьбы, Энид и Мар согласились остаться на лето в Скале Ворона. Неста и Риз тоже проведут в замке несколько недель. Пришло известие, что Кейтлин и Дилис в один день и час родили сыновей.

Обеих переполняла материнская гордость.

Энид рассмеялась.

— Хотя Кейтлин должна была родить лишь в следующем месяце, она не позволила Дилис опередить ее. Как похоже на мою внучку, но по крайней мере малыши здоровы.

В честь своего замужества Уинн освободила Эйниона из рабства.

— Ты волен остаться со мной либо возвратиться на родину, — сказала она ему — Я останусь, — кратко бросил он.

На лице Уинн появилась озорная улыбка.

— Думаю, тебе следует обзавестись женой, мой добрый друг. Жена прикрепляет мужа к месту.

— Возможно, — согласился Эйнион, слегка улыбнувшись.

— А не подойдет ли тебе моя служанка, Меган? — ласково спросила Уинн.

— Если она захочет, захочу и я, — снова кратко ответил Эйнион.

— Выйти замуж за тебя? — воскликнула Меган, когда ее привели к хозяйке. Она зло посмотрела на Эйниона. — Значит, ты захочешь, если хочу я? Верно? Откуда ты взял, что я хочу взять в мужья огромного, неуклюжего, хромоногую уроду, как ты?

— Потому что ты любишь меня, — ласково ответил он.

— Люблю тебя? — голос Меган зазвучал громче, и вся она залилась краской.

— Да, ты любишь меня, — повторил Эйнион, — к тому же кто, кроме меня, женится на такой мегере с веснушчатый носом? Ты распугала всех парней на пять миль вокруг, Мэгги, моя служаночка. Я все, что у тебя осталось. Я, или оставайся старой девой, — закончил он с озорной ухмылкой.

— Ну и? — потребовала она, с яростью глядя на него, уперев руки в бока.

— Что «ну и»? — притворился он озадаченным.

— Ну и? — повторила она так же твердо и настойчиво.

— Ну, я люблю тебя, — ответил он наконец, пожав плечами.

— Что ж, думаю, я смогу привыкнуть к рыжим ребятишкам.

Уинн рассмеялась.

— Вы самая необычная пара возлюбленных, которую я когда-либо встречала. Но могу ли я считать, что вы окончательно договорились?

Вы можете пожениться, когда хотите.

— Завтра, — ответил Эйнион.

— Я не смогу подготовиться к завтрашнему дню, — разозлилась Меган.

— Сможешь, — парировал он. — Служанки готовы выскочить замуж немедленно, так мне говорили.

— Завтра подойдет, — сказала Уинн, предотвращая волну протеста, которая готова была сорваться с губ Меган. — У меня есть очаровательное платье, которое мне, похоже, стало тесно. Тебе оно будет почти впору Итак, на следующий день Меган вышла замуж за Эйниона. Хозяин и хозяйка с радостью наблюдали за венчанием.

— Он так подходит ей, — сказала позже Неста. — У него такая же сильная воля, как и у нее, и он ровня ей во всех отношениях.

— Я так счастлива! — сказала Уинн, мечтательно кружась по залу. — Мне хочется, чтобы все вокруг меня тоже были счастливы. Эйнион заслужил свободу, без нее он бы никогда не попросил Меган выйти за него замуж. Она уже начала чахнуть по нему. Мне надо было что-то сделать. — Она приподняла юбки и протанцевала несколько па. — Разве любовь не восхитительна, сестра?

На следующей неделе Неста и Риз уехали в Сант-Брайд.

— Ты приедешь к нам в декабре, договорились? — просила Неста. — Я хочу, чтобы ты была со мной, когда у меня родится ребенок.

— Постараюсь, — пообещала Уинн, — но боюсь, что не смогу сама отправиться в дорогу в то время.

Глаза Несты расширились.

— Ты?.. — начала она.

— Еще нет, — ответила Уинн, — но я каждый день молю о ребенке. Я рожу Мейдоку сына как можно скорее.

Неста улыбнулась ей.

— Мне понятны твои чувства, — призналась она, — но я все же надеюсь, что ты приедешь.

— Если я не смогу, пошли за моей бабушкой. Она незаменима при родах и с радостью приедет, чтобы побыть с тобой, — ответила Уинн.

— Приедете, моя леди Энид? — робко спросила Неста.

— Конечно, мое дитя, — ответила Энид. — Я с удовольствием навещу вас в Сант-Брайде, особенно на Рождество, и прихватю с собой Дьюи и Мар.

Прошло лето. С приходом осени Энид и Мар вернулись домой в Гарнок. Они уехали счастливые, зная, что Уинн должна родить весной.

Пока они были с ней, бабушка и сестричка отвлекали ее мысли о вражде между Мейдоком и Брайсом. Теперь, когда ее единственной заботой стало приглядывать за домашним хозяйством, Уинн начала обдумывать, как бы ей примирить братьев. Это будет нелегко, так как Мейдок отказывался даже обсуждать с ней этот вопрос, хотя она несколько раз делала попытки.

— Мой брат сам давно решил отдалиться от сестры и меня, — пытался объяснить Мейдок — Все его действия по отношению к нам с того самого дня, как он покинул Скалу Ворона, нет, даже раньше, были постоянно враждебны.

— Он пытался совершить чудовищное преступление, когда был мальчиком, я согласна с тобой и Нестой. Но после стольких лет вы можете простить его, — сказала Уинн. — Я не могу поверить, что существуют такие злые люди, каким вы считаете Брайса.

— Уинн, моя дорогая жена, — терпеливо втолковывал ей Мейдок. — Знаю, тебе трудно поверить, но поведение моего брата находится за пределами порядочности. Ты всю жизнь прожила под защитой, но даже твоя духовная зрелость не может подготовить тебя для общения с таким человеком, как Брайс. Он просто дьявол во плоти человеческой и наслаждается, причиняя людям зло. Это не просто братское соперничество, Уинн. Это борьба добра и зла. Между тьмой и светом. Ты еще не готова к такой битве, а я — да.

Для Мейдока этот вопрос был решен, но Уинн не была удовлетворена. Прошли ранние месяцы ее беременности, и она ощущала, как ее переполняет новая сила. Ей хотелось верить всему, что говорит ее супруг. В конце концов, разве Мейдок не был умнейшим среди мужчин?

Однако она не вполне доверяла ему, когда дело касалось Брайса. Мысль, что у Брайса непременно должны быть какие-то положительные качества, не давала ей покоя. Если б только она могла поговорить с ним, понять его чувства и мысли, узнать, что он думает об отчуждении между ним и семьей. Разумеется, сделать это в Скале Ворона не удастся. Ей придется отправиться в Кей.

Это не займет у нее много времени. Всего несколько часов. Она еще могла ездить верхом, и к тому же она возьмет с собой Меган. Нет. Меган брать нельзя. Если она расскажет Меган, та передаст Эйниону, а он, в свою

очередь, Мейдоку И они не пустят ее.

Чем больше Уинн размышляла, тем больше уверялась в том, что Мейдок в этом особом случае был не прав. Брайс не мог быть таким плохим, как его представляли Мейдок и Неста. Он поступил ужасно, будучи мальчиком, но его не следует отдалять от семьи за единственный грех на всю остальную жизнь. Она улыбнулась про себя. Она примирит братьев, и ее дети будут расти, окруженные любящими родственниками.

Но когда? Когда она сможет покинуть Скалу Ворона незамеченной?

Ей не хотелось, чтобы ее замысел раскрылся и за ней послали погоню, лишив ее шанса восстановить семью. Уинн нахмурилась. Когда? Надо торопиться. До наступления зимы, когда она уже не сможет сесть в седло. Она чуть не закричала от счастья, когда несколькими днями позже Мейдок объявил ей, что должен отправиться на пастбище в долину и проверить травы.

— Пастухи сообщили, что стали пропадать овцы, — сказал он Уинн.

— Это волк? — беспокойно спросила она.

— Нет, думаю, что не волк, поскольку не было обнаружено никаких следов крови и остатков бедных тварей. Мои северные соседи не отличаются большой честностью. Думаю, это они крадут моих овец. Если это так, я должен немедленно положить этому конец. Слабость — недостаток характера, а я не хочу прослыть слабым.

— Надолго ты уезжаешь, любовь моя?

— Дня на три, самое большее на четыре, дорогая, — ответил Мейдок и нежно поцеловал ее в лоб:

— Мне не хочется оставлять тебя одну, Уинн, но я ничего не могу поделать. В Скале Ворона ты будешь в безопасности, — Он протянул руку и положил ее Уинн на живот. — Ты уже чувствовала шевеление?

— Нет еще, — ответила она, улыбаясь. — Возможно, через несколько недель.

— Ребенок, — проговорил он. — Наш ребенок. Как ты его назовешь?

— Анвил, — ответила Уинн, — и Анхарид, если будет девочка.

Мейдок усмехнулся.

— Я не такой напыщенный дурак, чтобы надеяться, что у меня непременно родится сын. Мальчик или девочка — это не имеет значения.

Здоровый ребенок — вот чего я хочу. Здоровый ребенок и красивая жена. — Потом их губы слились в поцелуе, и Уинн обвила его руками, вздохнув с истинным и полным удовлетворением.

На следующее утро Уинн проводила мужа, но, поскольку день выдался

хмурый и дождливый, она решила подождать до завтра.

Когда лучи солнца озарили утро следующего дня, она порадовалась, что поступила мудро, отложив путешествие в Кей. Накануне вечером Уинн отпустила Меган до полудня. Та была тоже беременна и особенно плохо чувствовала себя по утрам. Меган с чувством поблагодарила хозяйку.

Уинн тщательно оделась, сожалея, что для поездки верхом потребуется одежда попроще, чем та, которую она выбрала бы для этого случая. Ей так хотелось выглядеть как можно лучше, чтобы произвести на Брайса благоприятное впечатление и завоевать его благосклонное внимание. Она почувствовала после первой встречи, что он такой же упрямый, как и Мейдок. Однако Брайса, безусловно, в большей степени заинтересует, что она собирается сказать ему, а не ее одежда. Короткий словесный поединок на свадьбе убедил ее, что в лице Брайса она имеет умного противника. Темно-зеленая туника, которую она надела, сделает ее незаметной в лесу. Голову она укутала тонким белым покрывалом, укрепив его простым золотым обручем, украшенным темно-зеленым агатом.

Уинн удачно выбрала время для поездки, отправившись на конюшню с первым лучом солнца. Конюхи еще были полусонные, хотя один, постарше остальных, уже бодрствующий в этот ранний час, заметил ей, что хозяин не одобрил бы ее поездки без охраны. Уинн с легкостью поборола его опасения.

— Я поеду недалеко, — сказала она с улыбкой, — только до подножия горы, на которой стоит замок, и, может быть, через мост. День слишком хорош, чтобы сидеть дома, не успеем мы оглянуться, как зима обрушится на нас. Кроме того, — она с улыбкой погладила себя по животу, — я скоро не смогу ездить верхом.

Конюхи ухмыльнулись, и один из них помог ей взобраться на маленькую кобылу.

— Помните, моя леди Уинн, не дальше моста, — предупредил он, широко улыбаясь.

Уинн спокойно направила лошадь к воротам замка и медленно стала спускаться с горы. Она знала дорогу в Кей, хотя никогда прежде не проезжала по этой тропе. Во время одной из бесед с Нестой, когда она с Ризом еще гостила в Скале Ворона, Уинн узнала от нее путь в Кей. У подножия горы бурлила река. Уинн, взглянув вверх, убедилась, что за ней никто не следит.

Она пустила лошадь рысью по каменному мосту, переброшенному через реку. Потом свернула вправо на узкую тропу, огибающую гору в направлении, противоположном тому, откуда она год назад приехала из

Гарнока. Неста сказала ей, что замок Кей расположен по другую сторону горы. Он построен на выступе, обращенном к другой долине.

По крайней мере ей не придется взбираться на лошади еще по одному крутому склону, с облегчением подумала Уинн.

Лес был густой, в некоторых местах лучи солнца с трудом пробивались сквозь зеленые заросли. Иногда, казалось, тропа пропадала, но Уинн это не страшило. Высоко в ветвях бука птица выводила трели такой чистоты, что трудно себе вообразить. Когда она подъехала к маленькому ручью, который прокладывал себе дорогу сквозь темные скалы, Уинн остановилась, чтобы дать лошади отдохнуть и напиться. Она спустилась на землю, привязала кобылу к дереву, а сама села на густой и мягкий мох. Вынув из переметной сумы вино, хлеб и сыр, Уинн решила подкрепиться. Она поразилась своей предусмотрительности, с вечера подготовив себе еду в дорогу. Слуги думали, что хозяйка из-за своего теперешнего положения захватила в покои еду, чтобы попозже перекусить.

Она улыбнулась про себя. Все в замке так добры к ней. Хотя Уинн считала себя счастливой и довольной всем в Гарноке, но она никогда не предполагала, что жизнь с Мейдоком окажется таким блаженством и станет еще лучше, когда не будет отчуждения между братьями. Она жевала хлеб с сыром, отметав, что сыр был гарнокский. В лесу пели птицы, вертелись на ближайших ветках, с любопытством поглядывая на нее. С легким смешком она раскрошила остатки хлеба и сыра и разбросала их вокруг себя. Поднявшись, Уинн облегчилась за густым кустарником.

Потом, отыскав поблизости большой валун, она встала на него и забралась на лошадь. Перейдя ручей, Уинн продолжила свой путь.

Через час тихой езды она оказалась по другую сторону горы. Солнце было уже высоко. Лес начал редеть, и впереди себя Уинн увидела замок Кей. Как и сказала ей Неста, он взгромоздился на довольно узком, высоком уступе, обращенном на туманную голубую долину. Замок был совершенно не похож на Скалу Ворона. Это было сооружение из сероватого камня, которое, казалось, случайно прилепилось к скале, на которой оно стояло. Замок не был большим, однако выглядел угрожающе. Дрожь пробежала по ее телу, но Уинн отбросила дурные предчувствия и направила лошадь прямо к замку. Добравшись до опущенного подъемного моста, она минуту помедлила, потом въехала на него.

На другой стороне моста ее встретил довольно угрюмый стражник.

— Ну? — потребовал он. — Выкладывай свое дело! Его светлости сегодня больше не нужна женщина!

— Я жена брата епископа, леди Уинн из замка Скала Ворона, — резко

объявила она. — Есть кто-нибудь, кто проводит меня к его светлости немедленно?

Приказ, прозвучавший в ее голосе, возымел на стражника действие.

Он кликнул своего напарника.

— Эй ты, Уилл! Здесь приехала жена брата его светлости. Помоги ей сойти с лошади и проводи к господину.

— Может, кто-нибудь даст моей кобыле меру овса? Она сегодня изрядно потрудилась. И приготовьте ее к моему отъезду, приблизительно через час, — бросила она стражнику — Да, госпожа, — последовал недовольный ответ.

Стражник по имени Уилл, снял Уинн с лошади и, не говоря ни слова, повернулся и пошел через опускающую решетку ворот во двор, тихий и пустой. Кругом царило неестественное безмолвие. Она поднялась за Уиллом по широкой лестнице в замок и вниз по коридору в Большой зал.

— Вы можете найти его светлость здесь, — сказал Уилл, тыча пальцем, а потом спешно удалился.

Зал был небольшой и закопченный. В нем царил полумрак из-за недостатка окон. Когда Уинн присмотрелась, она была потрясена открывшейся перед ней картиной. В центре зала находились козлы, с которых свисало бедное существо. Брайс, одетый в мирскую одежду, начал усердно хлестать отвратительным кнутом по обнаженной спине жертвы. Уинн стояла, парализованная ужасом. Вопль разорвал тишину зала, за ним последовал еще, еще и еще. Уинн с бешено бьющимся сердцем поняла, что жертвой была женщина.

— Брайс! — закричала она. — Прошу вас, перестаньте! — Уинн сделала несколько шагов вперед, чтобы он мог лучше разглядеть ее. — Какой бы поступок ни совершила эта бедная женщина, она, безусловно, не заслуживает столь жестокого наказания. — Подойдя к нему, она попыталась обуздать его гнев, положив руку ему на плечо.

— Уинн? — Слегка замутненные глаза его быстро прояснились. Отбросив свой кнут, он сурово спросил:

— Уинн Пауиса, что вы здесь делаете? Замок Кей — это последнее место, в котором я когда-либо ожидал вас увидеть. — Он взял ее руку и отвел от места страданий бедной жертвы, подведя к высокому столу. — Вина леди Уинн, — приказал он, и, когда она села, он вновь спросил:

— Зачем вы здесь?

— Я пришла просить вас прекратить ссору, которая давно разъедает вас и вашего брата Мейдока. У меня будет ребенок, и я хочу мира в семье.

— Где мой брат? Он, конечно, не знает, что вы здесь? — сказал

убежденно Брайс. Хитрый взгляд исходил от его небесно-голубых глаз.

— Да, он не знает. Наши северные соседи крадут овец на пастбищах внизу Мейдок отправился туда уладить это дело. Я подумала, что это самое подходящее время приехать в Кей и поговорить с вами.

— Ваш визит поразил меня. Мейдок, конечно, приказал, чтобы вас тщательно охраняли. Однако вы каким-то образом ускользнули от ваших сторожей. Я удивлен вашим умом.

— Ах, Брайс, не заговаривайте мне зубы, — сказала ему раздраженная Уинн. — Что вы ребенком попытались сделать с Нестой, ужасно, но вы теперь взрослый человек. Я не могу поверить, что вы так страшны, как утверждают Мейдок и Неста. Вы принадлежите церкви, Брайс. Неужели вы не можете мне помочь уничтожить ту пропасть, которая разделяет вас? Разве это не христианский поступок?

— Я не служу Богу, Уинн, — ответил Брайс, которого позабавили ее слова. — Я купил сан епископа ради власти, которую он мне дает. Да, это правда, мне пришлось стать духовным лицом, но я не учился для этого и не служу священником. Это было простой формальностью, на которой настаивали те, кто жаждал моего золота. — Он усмехнулся. Вы многого обо мне не знаете, поскольку мой брат не стал огорчать вас всей правдой обо мне.

— Так вы не хотите помириться с семьей? — спросила Уинн.

Он с горечью рассмеялся.

— Почему я должен этого хотеть, *belle soeur*! А Мейдок, могущественный волшебник — принц Венвинвина, и Неста, моя славная сестричка, которая, возможно, любит Мейдока больше, чем следовало бы? Что они могут предложить мне, чего у меня нет? У меня есть власть, богатство. Что еще нужно, Уинн Пауиса?

— Еще есть любовь, Брайс, — тихо проговорила Уинн.

— Любовь? — Он вновь захохотал. — Я могу купить любовь!

— Простое совокупление с женщиной еще не любовь, Брайс, — ответила ему пораженная Уинн, не обращая внимания на грубый намек относительно Песты.

— На что еще годится женщина, *belle soeur*? — последовал ужасающий ответ. — Женщина существует для наслаждения мужчины, а если он того желает, то она рождает ему детей, готовит еду и шьет одежду. Не больше. То призрачное чувство, которое вы именуете любовью, не существует, ибо я не испытал его никогда, а Бог свидетель, что я пережил полный букет чувств, доступных человеку.

— Любовь есть! — воскликнула Уинн. — Она существует между

матерью и ребенком, между мужем и его женой. Между братьями, Брайс!

Бесспорно, у вас есть какие-то теплые чувства к Песте и Мейдоку. Плохо, что вы так долго отделены друг от друга! Где-то к Рождеству Неста родит ребенка. Ранней весной у меня тоже появится дитя. Мое сердце не будет знать покоя, пока вы не вернетесь в лоно семьи, чтобы дети Несты и мои знали своего дядю.

— Господи, какая же вы добродетельная, — простонал он. — Удивляюсь, как Мейдок еще не умер от избытка вашей праведности! — Он швырнул кубок через весь зал. — Я услышал все, что желал. Позвольте мне теперь возобновить прерванное занятие. — Он встал и взглянул на женщину, лежавшую на козлах. — Эта особа огорчила меня и теперь понесет за это наказание.

— Брайс! Я насчитала по крайней мере пять ударов кнутом по спине девушки. Во имя Всевышнего, пощадите ее! Что могла она такого совершить, чтобы заслужить от вас такое жестокое наказание? — взмолилась Уинн.

Брайс медленно повернулся и посмотрел на нее. Она увидела все тот же помутившийся, почти что сумасшедший взгляд. Что-то знакомое почудилось ей, но она не могла определить, что это было.

— Вы считаете меня жестоким? — кротко спросил он.

— Думаю, вы можете быть таким, — четко ответила она.

— Да, — медленно проговорил он. — Я могу быть очень жестоким. — Он улыбнулся ей, и она вновь была поражена его красотой. Как сказала Песта, у него лицо ангела, а сердце дьявола. Сейчас она начала понимать, что оценка Песты оказалась верной, как бы горько ей ни было это признавать.

— Отпустите девушку, мой господин, — спокойно сказала Уинн. — Если она вас на самом деле так сильно огорчила, я возьму ее с собой, и вы больше ее не увидите. Крепостная она или рабыня, вы получите за нее сполна.

Брайс захохотал.

— Ласковая Уинн. Добродетельная Уинн. Великодушная Уинн! Вы утомили меня своей добротой! Бэррис! Где ты?

— Здесь, мой господин.

— Стражник появился из полумрака возле стола.

— Попридержи принцессу из Скалы Ворона, пока я не закончу то, что начал прежде. Если тварь попытается кричать, заткни ей рот!

Уинн бросилась вперед.

— Как вы смеете, Брайс!

— Госпожа, — Бэррис очутился рядом с ней, — сядьте. Я выполняю приказание, но мне неприятно применять силу к женщине.

Уинн с неохотой вернулась на место. По твердой решимости в глазах Бэрриса она поняла, что он на самом деле исполнит приказ хозяина. Ей оставалось только молиться, чтобы ее вмешательство не навредило бедняжке еще больше, видя, как Брайс опять приближается к жертве, угрожающе размахивая кнутом. Он усиливал ее страх, медленно поднимая и опуская кнут, чудовищный инструмент пытки, состоящий из полдюжины тонких кожаных полосок, каждая из которых была аккуратно завязана в тугий узелок вместе с наконечником копья, чтобы причинять еще большую боль.

Улыбаясь от наслаждения, Брайс несколько раз взмахнул кнутом в воздухе, а потом с ухмылкой злобно стеганул беспомощную жертву.

Крик агонии наполнил маленький зал, за ним раздались другие после каждого удара кнутом по нежной плоти, пока спина девушки не превратилась в кровоточащую массу липких рубцов. Однако рука Брайса беспрерывно поднималась и опускалась. Он начал хохотать, когда девушка отчаянно попыталась перевернуться, моля о пощаде.

Не в силах больше переносить это и не беспокоясь о своей безопасности, Уинн вскочила. Бэррис сделал неуклюжую попытку остановить ее, но она ускользнула от него, обежав вокруг стола, через весь зал и схватила Брайса за руку.

— Во имя Всевышнего, прекратите! — молила она. — Девушка при смерти!

Его рука с хлыстом на мгновение опустилась, он ненавидящими глазами посмотрел на нее. Затем в них зажглась дикая ненависть, и, подняв руку, он ударил Уинн с такой силой, что она рухнула на пол. Когда она потеряла сознание, одна мысль мелькнула в ее мозгу: Бронуин! Больше она ничего не помнила.

Очнулась Уинн в сыром, темном месте. Она тихо лежала, приводя мысли в порядок. Она была в темнице, на куче мягкой соломы. Хотя в камере не было света, за решеткой двери виднелось трепетание факела. Оно позволило ей оглядеться вокруг. Руки сразу же потянулись к животу, инстинктивно она поняла, что ребенок цел. Раздался слабый стон. Уинн с трудом поднялась на ноги, страдая от головокружения.

Потом, когда голова ее прояснилась, она стала искать, откуда шел звук. Она обнаружила бедную девушку, жестоко избитую Брайсом, которая лежала лицом вниз на другой куче соломы. Чтобы причинить ей еще большие страдания, в бесчисленные раны была втерта соль. Уинн

понимала, что ничем уже не сможет помочь бедняжке, только своим присутствием.

Опустившись на колени, она взяла холодную, как лед, руку девушки и начала кротко молиться. С величайшим трудом умирающая повернула голову, чтобы увидеть лицо Уинн. В глазах отразилась вся ее сильная боль.

— Благодарю! — смогла она прошептать. Потом с невероятным усилием она проговорила:

— Вы в... большей... опасности... чем... я... госпожа! — И, вздрогнув еще раз, она умерла.

Уинн чувствовала, как слезы катятся по щекам. Бедное создание, подумала она, когда до нее дошел смысл ее слов. Что она делала в этом месте? Как смел Брайс так ужасно обращаться с ней? Затем память начала медленно возвращаться. Он ударил ее! Не считаясь с ее высоким положением и состоянием, он ударил ее. Охваченная яростью, она вскочила на ноги и рванулась к дверям.

— Эй, стража! — гневно закричала она. И продолжала кричать до тех пор, пока из-за угла не появился Бэррис.

— Госпожа, потише, — умолял он ее.

— Выпустите меня отсюда немедленно! — приказала взбешенная Уинн.

— Не могу, — беспокожно ответил он, оглядываясь через плечо, будто ожидая увидеть что-то неприятное.

— Почему? — потребовала ответа Уинн.

— Приказ его милости, госпожа.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она у Бэрриса. — Я жена принца Мейдока.

— Госпожа, я не могу помочь вам, — в отчаяние ответил он. Потом, понизив голос, подойдя поближе, чтобы она смогла услышать его, продолжил:

— Я бы помог, если б это было в моих силах, но я не могу.

Зачем вы вообще приехали сюда? Это безумие!

Уинн разочарованно рассмеялась.

— Я приехала, чтобы восстановить мир между моим мужем и его братом, — ответила она Бэррису.

Стражник покачал головой.

— Вам не надо было сюда приезжать, госпожа. Только Господь наш и Пресвятая Дева могут сейчас помочь вам, но Бог не частый гость замка Кей. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! — закричала ему вслед Уинн. — Девушка, которая была

здесь вместе со мной, умерла, бедняжка.

Бэррис остановился, потом вновь повернулся к ней.

— Вы уверены, госпожа? — спросил он, не в силах сдержать слезы, бегущие по его обветренному лицу.

— Да, — мягко ответила она. — Я держала ее руку и молилась о ней, когда она умерла.

— Бедная Глэдис, — печально произнес он. — Ей было только пятнадцать.

— Ты знал ее? — тихо сказала Уинн. — Кто она и почему Брайс избил ее до смерти?

— Она была моей младшей сестрой, госпожа, — ответил он. — Глэдис приглянулась его светлости. Он велел ей явиться к нему и овладел ею. Она сопротивлялась, глупая девчонка, потому что скоро должна была выйти замуж. Но это не помогло. Его светлость поступил с ней по-своему. Она рассказала мне, что он заставлял ее делать чудовищные вещи, и она в конце концов не выдержала. Глэдис попыталась убежать, но ее схватили. Его светлость сказал, что ее участь послужит предостережением всем, кому вздумается послушаться его. Упокой Господь ее душу. — Он вновь отвернулся, проговорив тихо:

— Мне надо получить разрешение похоронить ее, но не сейчас. Его светлость еще гневается.

Он повесит ее на зубцы замка на съедение воронам.

Бэррис исчез за углом. Уинн простояла у двери несколько долгих минут, потом опустилась обратно на солому. Она огляделась, но, кроме тела несчастной Глэдис, в камере ничего не было. Ни ведра для нужды, ни кувшина с водой. Она была в подzemелье, поэтому не было даже маленького окошечка. Уинн не представляла себе, сколько она пролежала без чувств и который был сейчас час. Конечно, недолго. Что она собирается предпринять? Брайс, вероятно, сумасшедший, если решил держать ее в темнице. Да, Брайс на самом деле сумасшедший.

Бронуин. Это имя еще раз вспыхнуло в ее сознании. Уинн начала размышлять. Что-то знакомое промелькнуло во взгляде Брайса, но она не смогла тогда определить. Сейчас ей стало ясно. Это был тот самый взгляд, который зло бросала Бронуин Белая Грудь на Рианон. Но этого не может быть! А почему, собственно, не может быть? Если душа, обитающая в ее теле, раньше принадлежала Рианон, а душа Мейдока — Пауелу, а душа Несты — Анхарид, почему душа Брайса не могла принадлежать Бронуин? В таком случае это объясняет ряд вещей, включая и необъяснимую ненависть к ним Брайса, и его явное желание разрушить их счастье. Она

думала, что с прошлым все уже покончено. Какая она была глупая! Что ей теперь делать? Из-за своей глупости и гордости она подвергла себя и еще не родившегося ребенка опасности. Вконец обессиленная, она погрузилась в беспокойный сон.

Проснувшись она от звука ключа, поворачивающегося в заржавленном замке двери камеры. Она постаралась быстро подняться на ноги, не желая оказаться в еще более невыгодном положении, чем она была.

Дверь распахнулась, и появилась женщина, грубоватого вида.

— Я возьму вашу верхнюю тунику и рубашку, — проговорила она. — Его светлость сказал, что вы можете остаться в нижней тунике, и дайте мне ваши туфли.

— Зачем? — надменно спросила она.

— Потому что так велел его светлость, женщина! Я не задаю вопросов и делаю, что мне велят. Если не хотите неприятностей, поступайте, как я, — последовал резкий ответ. — Поторопитесь!

Уинн сняла мягкие кожаные туфельки с узких ножек и швырнула их в женщину, отвлекая таким образом ее внимание, чтобы за это время успеть спрятать золотую цепь под нижнюю тунику. Потом быстро скинула платье и запустила им в том же направлении. В гневе повернувшись к женщине спиной, она сняла нижнюю тунику и рубашку, которую поддала ногой, чтобы она отлетела в другой конец камеры. Она услышала, как со скрипом закрылась дверь в тот момент, когда она вновь надевала на себя нижнюю тунику, и ключ повернулся в замке.

Только тогда до нее дошло, что у нее по-прежнему нет воды, но гордость не позволила ей окликнуть старую каргу Брайс не станет морить ее голодом... а впрочем, вполне возможно.

Уинн села. Что, черт побери, они собираются делать с ее вещами? В коридоре вновь послышались шаги, и она опять встала. Дверь открылась. В камеру вошел Бэррис и еще какой-то человек. Минуту или две они глядели на тело бедной Глэдис, потом Бэррис сказал:

— Это, госпожа, суженый Глэдис, Тэм. Мы оба благодарим вас за вашу попытку помочь бедной нашей девочке.

Уинн кивнула, и когда они стали выносить тело из камеры, она обратилась к Бэррису:

— У меня нет воды и ведра для нужды.

Он молча кивнул. Дверь заскрипела и вновь закрылась. Уинн размышляла, не забудет ли он о ней, но вскоре Бэррис вернулся, неся с собой небольшое деревянное ведро, кувшин воды и деревянную миску, которые протянул ей.

— Спасибо тебе, Бэррис, — нежно сказала она, но он так же быстро ушел, как и появился. Уинн поставила ведро в дальний угол, почувствовав, что оно ей скоро потребуется. Кувшин с водой в другой, чтобы она случайно не опрокинула его.

В миске было нечто, напоминавшее густой горячий суп, неаппетитно пахнувший, и ломоть черного хлеба. Гримаса отвращения появилась на ее лице, но тем не менее она съела эту бурду, потому что не знала, когда ей доведется увидеть еду в следующий раз. К тому же надо подумать и о ребенке. Хлеб был черствый, но она запихнула его в карман нижней туники про запас. Подумав, она сняла золотую цепь и свадебный обруч и также убрала их в карман. Затем, попив из кувшина воды и облегчившись, она легла спать.

— Госпожа! Госпожа!

Уинн проснулась, сразу не поняв, где находится. Но голос Бэрриса вернул ее к реальности. Он осторожно тряс ее, пытаясь разбудить.

— Сколько я проспала? — спросила она.

— Всю ночь, госпожа. Его светлость требует вас в зал. Вы должны пойти со мной.

— Не оставишь ли ты меня на минутку одну, мне надо привести себя в порядок, Бэррис, и я пойду с тобой.

Он кивнул, вышел из камеры и прикрыл за собой дверь, не запирая ее. Сквозь решетку двери ей был виден его затылок. Уинн быстро облегчилась в ведро в углу камеры. Затем прополоскала рот, оставшейся водой умылась. Пригладив волосы мокрыми руками, она как смогла привела их в порядок.

— Бэррис, я готова, — сказала она, распахнув перед собой дверь. Она шла за ним по тускло освещенному коридору, потом по ступенькам в Большой зал замка Кей.

— Хорошо ли вам спалось, *belle soeur*? — любезно поинтересовался Брайс, когда она направлялась к подножию почетного стола.

— Насколько позволили скверные удобства. Приведите мою кобылу, думаю, мне давно пора вернуться домой. — Это было дерзким блефом с ее стороны.

— Полагаю, ваша кобыла давно уже дома, *belle soeur*, — услышала она в ответ. Он обворожительно улыбнулся ей. — Боюсь, что вы не вернетесь в Скалу Ворона. Видите ли, моя дорогая Уинн, своим простодушием выдали мне отличное оружие, чтобы уничтожить моего брата Мейдока. Я всю жизнь ждал такой возможности. Возможности, о которой никогда даже не смел мечтать, и все же я ее дождался! Вы, драгоценная жена Мейдока, невольно дали мне нож, который я собираюсь глубоко вонзить в его грудь!

— Не понимаю вас, Брайс! — сказала Уинн. Его восторги заставили бешено биться ее сердце.

«Господи! Да он дьявол! Мейдок! — прокричала она в душе. — Мейдок!»

— Мейдок всегда был для меня крепким орешком, — рассуждал Брайс. — Он был неуязвим, потому что у него не было слабостей, которые позволили бы мне нанести ему удар. А вот теперь он уязвим. Вы, Уинн, и ребенок, которого вы носите, — его ахиллесова пята. С вашей помощью я его уничтожу! Вчера вечером вашу лошадь отвели к тому месту, откуда она сможет самостоятельно найти дорогу домой. Как мне передали, ей это удалось. Лес уже прочесывают. Скоро найдут вашу разорванную и окровавленную тунику. Возможно, ваши туфли и рубашку. Всем станет ясно, что вас загрызли волки. Потеря любимой жены и ребенка убьет моего брата. Сознание того, что он не уберет вас и что вы, несомненно, умерли в страхе и ужасе, сломит его! Он никогда не оправится от этого удара. Я отомщу вам обоим!

— Почему, Брайс? Почему вы так нас ненавидите?

— Почему? — Смятение отразилось на его лице, потом он сказал:

— Потому что я вас ненавижу! Какая разница, почему? Ненавижу, и все!

Он не знает, подумала Уинн. Один инстинкт двигал им.

— Вам не одержать верх, Брайс. Что вы со мной сделаете? Убьете? — В душе она была не столь храбра, как старалась казаться.

— Убить вас? Разумеется, я не сделаю этого. Если б я вас убил, тогда мучения ваши закончились бы, *belle soeur*. Нет, нет! Я не собираюсь вас убивать. Я хочу, чтобы вы страдали от отчаяния так же, как и Мейдок.

Поверженный, он будет убиваться по вас и неродившемуся ребенку так же, как и вы, проживя жизнь где-нибудь в рабстве с его ребенком. Ребенок, который родится рабом, не будет знать другой жизни. — Брайс захохотал как безумный, а Уинн, словно пронзенная стрелой, не сводила с него глаз.

— Вы не сделаете этого! — закричала она. — Я молю не за себя или Мейдока, но сжальтесь над моим ребенком. Я выполню любое ваше желание, но снимите с моего ребенка бремя вины за грехи, которые, по вашему мнению, мы с Мейдоком совершили против вас! — Она упала на колени, умоляя его.

Смех внезапно оборвался.

— Бесплезно просить меня о сострадании. У меня его нет, Уинн.

Нисколько! А теперь выслушайте меня внимательно, ибо я повторять не намерен. Если хотите сохранить жизнь ребенку, держите рот на замке,

пока я буду вести дела с моим другом, Рори Бэном. Видите ли, *belle soeur*, всегда остается маленький шанс, если у вас есть ум, а я думаю, что он у вас есть, что однажды вы можете избежать участи, уготованной для вас мною столь тщательно. Если же вы попытаетесь помешать моим планам прямо сейчас, я сам лично вырежу из вашего чрева это отродье! Надеюсь, вы поняли меня? — От небесно-голубых глаз Брайса веяло ледяным холодом, а в голосе звучала несвойственная ему резкость.

Уинн поднялась и, вызываяще посмотрев на него, кивнула.

— Я поняла вас, Брайс, и проклинаяю за то, что вы сегодня совершили! Однажды Неста сказала мне, что вы сам сатана. Как бы мне хотелось, чтобы я в тот момент поверила ей, но, к моему стыду, я не смогла.

— А теперь помолчите, — бесстрастно сказал он и, повернувшись к Бэррису, приказал:

— Приведи Рори Бэна.

Уинн следила, как крошечный человечек входил в Большой зал. На макушке его росли ярко-рыжие волосы. Танцующей походкой он приближался к столу на своих коротких ножках. Его простая одежда имела унылый вид, но во всем облике было нечто властное. Вопрошающие глаза быстро скользнули по Уинн, потом сразу же посмотрели на Брайса.

— Рад снова видеть ваше преосвященство. Я уже собрался совершить переход через горы в Мерсию, когда меня настигло ваше послание.

Надеюсь, оно оправдывает задержку моего путешествия, ибо я не собирался останавливаться здесь. — Он слегка поклонился Брайсу — Когда же это визиты ко мне не оправдывали твоих надежд, Рори Бэн? — спросил Брайс, весело смеясь.. — Присоединяйся ко мне. Вина для моего гостя!

Рори Бэн вскарабкался в кресло рядом с Брайсом и с жадностью осушил кубок вина. Его быстро наполнили вновь.

— Дороги такие пыльные, — сказал он, а потом приступил к делу. — Чем могу служить вашему преосвященству?

— Эта женщина, — голос Брайса внезапно стал раздраженным. — Я хочу продать ее тебе, Рори Бэн. Она родилась здесь, в Кей, но с ней всю жизнь была морока. Нет ни одного воина, приглянувшегося ей, которого она не уложила бы в свою постель, а теперь нагуляла себе еще и ребенка. И похотливая тварь не знает даже, кто его отец! К несчастью, она красива, как вы, наверное, заметили, и мужчины постоянно дерутся из-за нее. Домашние рабыни не любят ее за высокомерие. Она причиняет мне больше беспокойства, чем стоит сама.

— Почему бы вам не выдать ее замуж за одного из ее ухажеров? — спросил Рори Бэн.

— И позволить ей наставить рога бедному малому и сделать его несчастным прежде, чем она успеет родить? Нет! Я хочу, чтобы ноги ее не было в Кей. Предложи мне разумную цену, и она твоя. Несомненно, у тебя отыщется состоятельный покупатель где-нибудь в Мерсии или Бретани, кто польстится на нее.

— Ну что ж, посмотрим товар, ваше преосвященство, а потом я решу.

— Уинн! Сними тунику! — приказал Брайс.

Она в ярости смотрела на него, но ответный взгляд Брайса был страшен. Ребенок, подумала она. Мне надо смирить свой гнев и помнить о ребенке. Уинн подняла руки, развязала горловину длинной нижней туники, и она упала на пол. Рори Бэн рассматривал ее обнаженную фигуру. Наконец он произнес:

— Я могу купить ее. Что вы за нее хотите?

— Медяк, — сказал Брайс.

— Вы сумасшедший! — рассмеялся работорговец. — Продано! Оденься, женщина. Твоя судьба решена. — Потом он повернулся к Брайсу. — Почему так дешево, ваше преосвященство?

— Потому что я хочу, чтобы она немедленно убралась из моего замка, и еще потому, что мне приятно оказать тебе такую любезность. Ты хорошо зарабатываешь на этом товаре. А когда-нибудь ты, может, окажешь услугу мне. Когда такой день придет, Рори Бэн, вспомни сегодняшней день, — сказал Брайс работорговцу.

— Конечно, ваше преосвященство, конечно, — уверял Рори Бэн своего хозяина. Затем он опять осушил кубок вина и, вставая, произнес:

— Нам лучше пуститься в путь. Хотя день только начался, но он летит быстро. — Он полез в кошелек, висевший у него на поясе, и извлек одну медную монету, которую вручил Брайсу. — Вашему преосвященству уплачено сполна. — Затем, опустив руку в другой мешок, висевший на поясе, извлек тонкую цепь и, подойдя к Уинн, свободно укрепил ее на талии; — Мы не причиним вреда твоему ребенку, — сказал он ей. — Ты не носила ошейника рабыни, женщина!

— Мне не хотелось портить ее хорошенькую шейку, — вмешался Брайс, — но у тебя, Рори Бэн, нет другого выбора.

— Посмотрим, — произнес работорговец, потом, обвязав другой конец цепи вокруг руки, кивнул Брайсу и сказал:

— Ну что ж, мы отправляемся в Мерсию, ваше преосвященство!

— Да хранит вас Бог, — благочестиво ответил Брайс.

Рори Бэн бросил на него насмешливый взгляд, потом, слегка дернув за цепь, потащил за собой Уинн.

— Господь и близко не подойдет к этому месту! — тихо пробормотал он. — Думаю, ты рада выбраться отсюда, эй, девушка? Как тебя зовут? Я слышал, как он говорил, но не помню.

— Уинн.

— Уинн, — повторил он. — Это означает — прекрасная на уэльском языке, верно? Да. Оно подходит тебе.

Они вышли из замка во двор. Она раздумывала, сказать ли ему правду сейчас или немного погодя, но решила повременить и убраться подальше от замка.

— Ты будешь сидеть за мной, женщина, — услышала Уинн Рори Бэна, когда они подошли к толстой лошади. — Когда мы догоним караван, ты пойдешь вместе со всеми, но до конца дня поедешь верхом.

Обхватив Рори Бэна за талию, Уинн оглянулась, чтобы посмотреть на замок, когда они выезжали со двора и спускались в туманную голубую долину. Она не надеялась, что ей удастся живой выбраться от Брайса, но вот чудо свершилось. Немного времени потребуется, чтобы все объяснить Рори Бэну, особенно принимая во внимание, что Брайс продал ее за медяк К тому же золотая цепь в кармане легко добудет ей свободу — Сэр, — учтиво обратилась она. — Я хочу поговорить с вами.

— В чем дело, женщина?

— Все не так, как вам рассказал Брайс, — начала она.

— Я подозревал это, — последовал ответ. — Это его ребенка ты носишь, я не сомневаюсь, что дьявол не захотел тебя или его. Он странный, жестокий человек. Что ж, тебе лучше быть подальше от него, а я найду тебе хороший дом, женщина.

— Мне не надо искать хороший дом, сэр. Он у меня уже есть. В замке Скала Ворона. Я жена принца Мейдока, Уинн Пауиса. Брат моего мужа вчера днем бросил меня в темницу, когда я приехала, чтобы поговорить с ним. Если вы вернете меня моему мужу, вы будете щедро вознаграждены.

— Почему же брат твоего мужа так поступил с тобой, женщина? — Короткое объяснение Уинн не убедило работорговца.

Уинн изо всех сил старалась, чтобы он поверил ей.

— Брайс из Кей и его старший сводный брат, мой муж, Мейдок Пауиса, заклятые враги. Я жду ребенка, и мне хотелось, чтобы в семье воцарился мир. Я дождалась, когда мой муж уехал по делам, и вчера утром ускользнула из замка. Когда добралась до Кей, то застала Брайса, избивавшего девушку. Я попыталась вступить за бедняжку но он ударил меня, и я потеряла сознание. Придя в себя, я обнаружила, что нахожусь в подземелье вместе с умирающей девушкой. Сегодня утром Брайс сообщил

мне, что собирается продать меня в рабство. Он сказал, что отправил мою кобылу назад в замок Скала Ворона, чтобы наши люди увидели, что она прискакала одна. Он отобрал большую часть моей одежды, порвал ее, испачкал кровью и оставил в лесу для моего мужа как свидетельство моей гибели. Таким образом он решил отомстить моему мужу, Мейдоку Брайсу угрожал разделаться с ребенком в моем чреве, если я задумаю помешать его чудовищному плану поэтому я ждала, пока мы не выберемся из Кей. Если вы вернете меня домой, мой муж щедро вознаградит вас, Рори Бэн. Мейдок очень любит меня, и я ношу его первого ребенка, — закончила свой рассказ Уинн.

Рори Бэн глубоко вздохнул и сказал в ответ:

— Может, ты говоришь правду, женщина, но я не могу быть полностью уверен. За долгие годы я наслушался множество историй менее правдоподобных, чем твоя, которые оказывались правдой, и более правдоподобных, которые были ложью. В одном я уверен, епископ из Кей злобный человек и враг, который не прощает ошибок. Я мало знаю Мейдока Пауиса, но мне известно, что он отличается от своего брата, как день от ночи. Брайс продал тебя за один медяк. Он явно хотел от тебя избавиться. Он возложил на меня обязанность выполнить его желание. Если я предам его, он не успокоится, пока не отомстит мне. Я знавал некоторых, которые пытались вести дела с его преосвященством не совсем честно. Все они умерли, причем мучительной смертью. Брайсу из Кей доставляют наслаждение страдания других. Вся округа живет в страхе попасться ему на глаза или навлечь на себя его гнев. Если я не оправдаю его надежд, то в этом мире для меня не останется угла, где бы я был в безопасности от его убийц.

— Мой муж защитит вас, Рори Бэн. Мейдок — принц Венвинвина, его семья хорошо известна своими волшебниками. Мейдок не позволит Брайсу причинить вам вред!

— Твой муж, если он на самом деле твой муж, волшебник он или нет, не смог тебя защитить от Брайса.

Уинн протянула ему свою руку.

— Посмотрите на эту руку, — сердито потребовала она. — Разве это рука рабыни? Это рука дамы! Неужели вы не слышите мою речь? Неужели ее тон и манера говорить не убеждают вас? Я не рабыня, рожденная в Кей. Я жена принца Мейдока и настаиваю, чтобы вы отвезли меня сейчас домой!

— Попридержи лучше свой норов, женщина, — мягко посоветовал ей Рори Бэн. — Некоторым это может не понравиться.

— Я могу заплатить вам, — в отчаянии сказала Уинн. — Золотом! Если вы просто отвезете меня домой. Что в этом плохого? Если я не та, за которую себя выдаю, вы повезете меня дальше. Но я действительно жена принца, и вам хорошо заплатят.

Он остановил лошадь и, обернувшись к ней, хитро взглянул.

— Какое золото? — спросил он.

В этот момент Уинн поняла, что неразумно будет сказать Рори Бэну, что у нее есть цепь и свадебный обруч. Этот человек охотно общается с Брайсом и ведет с ним дела. Ему нельзя доверять. Он украдет драгоценности и лишит ее всего.

— У меня есть золото в замке, — просто ответила она и улыбнулась. — Если вы только вернете меня домой, муж даст вам много золота.

Торговец раздраженно проворчал:

— Женщина, закрой рот! Я услышал все, что хотел услышать.

Уинн хотелось от ярости закричать, но она сдержалась. Рори Бэн, может быть, упрям, но не глуп. Она понимала, что его положение такое же трудное, как и ее. Черт бы побрал этого злодея Брайса! Зная, какое чудовище брат Мейдока, почему она все еще сомневается в мотивах его поступков? Ей следует беспокоиться о Мейдоке, который поверит в ее гибель. Она почувствовала, как тупая боль сковала сердце при мысли, что она причинила страдания человеку, которого любила.

Она почувствовала, как слезы покатались по ее щекам, и, рассердившись на себя за такое проявление слабости, Уинн смахнула их. В животе у нее заурчало. Она вспомнила о хлебе, припрятанном в кармане.

Уинн осторожно вынула его, стараясь не потревожить золотую цепь и обруч, которые тоже были спрятаны там. Хлеб был черствый, но она с жадностью начала его грызть, смачивая слюной.

Рори Бэн оглянулся.

— Ты ничего не ела сегодня, женщина?

Уинн покачала головой, проглотив кусок хлеба.

— Меня привели из подземелья сразу в Большой зал. Я оставила хлеб от вчерашней еды, если ту отвратительную бурду можно назвать едой.

— Будь терпелива, женщина, — посоветовал он ей. — Через час мы догоним караван. Они устроили привал на день, будет горячая пища.

Я не морю голодом товар. Работорговец, экономящий на еде, не получает солидного дохода. К тому же ты ешь за двоих, верно? О, ты принесешь мне большой барыш, женщина! Двойную цену за одну рабыню. И выглядишь ты хорошо, младенец еще не изуродовал твоей фигуры. У

меня есть на примете один человек. Состоятельный тан с туго набитыми денежными мешками, который щедро заплатит за такую плодовитую женщину, как ты, для своего бездетного сына. Будь умницей, моя дорогая, и твой новый хозяин освободит тебя из рабства! — Он захихикал, довольный собой.

Когда он отвернулся от Уинн и вновь стал смотреть вперед, она позволила себе роскошь еще немного всплакнуть, прежде чем окончательно успокоиться. У нее еще осталась золотая цепь и обруч, и она действительно собиралась вести себя по-умному, чтобы избежать судьбы, уготованной ей Брайсом. Ему не взять над ней верх и на этот раз!

Часть III. ЖЕНА ТАНА ИЗ ЭЛФДИНА

*И было так всегда
— любовь не знала
собственной глубины,
пока не приходил час
разлуки.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

Глава 11

Уинн быстро поняла, что убежать от Рори Бэна, ирландского работоторговца, не так просто. Они доехали до места стоянки каравана, и ее привязали длинной цепью к дереву, так что она могла ходить вокруг него, но это было и все.

Ее хорошо накормили, и вообще она не могла пожаловаться на плохое обращение. Маленький ирландец берег свой товар, потому что прежде всего он был хитрым торговцем. Они переночевали, а наутро караван Рори Бэна, состоящий приблизительно из тридцати рабов и по крайней мере пяти человек, которые помогали ему присматривать за товаром, двинулся в путь через горы из Уэльса в Бустер, город в Мерсии:

Несмотря на угрозу заставить Уинн идти пешком, Рори Бэн пожалел ее. Каждый день он сажал ее на свою лошадь, что не располагало к Уинн остальных рабов, но ей это было безразлично. Все ее мысли были поглощены одним: как спастись от рабства. Рори Бэн, однако, болтал в дороге, рассказывая ей про те места, по которым они проезжали.

Когда они переехали Ров Оффы и очутились в Мерсии, он объяснил ей, что по указу короля Мерсии, Оффы, были воздвигнуты эти земляные сооружения, чтобы четко провести границу между его владениями и владениями Пауиса.

— Но он построил их на земле Пауиса, — заметила Уинн.

Рори Бэн ухмыльнулся.

— Да, это так, женщина. Именно так он и поступил. Однако лорды Пауиса дали ему на это свое согласие. Приграничным городам повезло. И Херефорд, и Вустер процветают.

— Зачем вы везете меня в Вустер?

— У меня на примете есть на тебя покупатель, женщина, старший сын богатого тана, которого зовут Эдвин Этельхард. Его сыновья — Кэдерик Этельмар и Болдер Армстронг.

— Мне непонятны эти англосаксонские прозвища, — сказала Уинн.

— Это не так трудно. Здесь, в Англии, мужчина должен заслужить свое прозвище. Этельхард означает — благородный и храбрый. Вот и получается, Эдвин Благородный и Храбрый. Он происходит из рода Оффы и славится своей отвагой. Что касается его сыновей, то Кэдерик Этельмар знаменит своей смелостью, отсюда и прозвище — благородный и знаменитый. Его младший брат, Болдер, одинаково хорошо владеет копьем

и мечом, поэтому он носит имя — Сильная рука.

Сыновья год живут врозь, но всю жизнь их не покидает дух соперничества. В этом соперничестве до женитьбы старший, Кэдерик, одерживал верх. Его жена, Эдит Крукбэк, за восемь лет супружества не родила ему ни одного ребенка. Как и ни одна из его младших жен. У Болдера, однако, от жены, Элдры Свэннек, три дочери и сын; и две маленькие дочки от одной из двух его младших жен; а его другая младшая жена, как мне сообщили, ожидает первого ребенка.

Кэдерик получит наследство от отца только в том случае, если у него будут дети. Иначе все достанется сыну Болдера, Кэдерик, сама понимаешь, зол на свою жену и других женщин, которые не могут подарить ему детей. К его несчастью, он вступил в брачные союзы с несколькими бесплодными женщинами. Ты, моя прелестная девочка, явно плодовита. Я собираюсь продать тебя Кэдерiku, чтобы ты принесла ему детей, после того как родишь ребенка, который у тебя в чреве сейчас.

Я получу за тебя большие деньги, женщина!

— А никому не приходило в голову, что бесплоден сам Кэдерик? — поинтересовалась Уинн. — Сколько у него младших жен, Рори Бэн?

— Четыре, и все прехорошенькие.

— Этот жеребец из Мерсии забавляется с пятью кобылами и не может ни от одной из них получить приплод? Мне кажется, вы ожидаете чуда от меня или любой другой женщины, Рори Бэн.

Работорговец хихикнул.

— У Эдвина Этельхарда было несколько жен, прежде чем он добился двух сыновей. У Кэдерика сходная судьба. Неудачное начало, но прекрасный конец с такой дикой уэльской девочкой, как ты, у которой горячая кровь.

Уинн в отчаянии покачала головой. Этого ей только не хватало.

Попасть в дом к завистливым женщинам, большинство из которых бесплодны, а одна ожидает, что ее единственному сыну достанется большое богатое поместье, если у ее шурина не будет сыновей. Мейдок! Всем своим существом она потянулась к нему. Мейдок! Я жива!

Помоги мне! Найди меня! Но все оставалось по-прежнему Удастся ли ей когда-нибудь мысленно связаться с ним? Она должна до него добраться! Уинн не знала, что еще предпринять.

Рори Бэн решил отложить поездку в Вустер, потому что не хотел выставлять Уинн на публичные торги. Если она на самом деле та, за которую себя выдает, слух о ее продаже легко может дойти до Мейдока Пауиса. И тогда Рори Бэн очутится между двух огней: Мейдоком,

поскольку он фактически похитил его жену, и Брайсом, поскольку он не выполнил его поручения. Вместо этого он отправил своих людей и товар вперед в торговый город Херефорд, где он их в конце концов нагонит. А Уинн он повез прямо в Элфдин, поместье, принадлежащее Эдвину Этельхарду.

Они добрались до Элфдина почти затемно. Ворота во двор усадьбы как раз закрывали на ночь. Рори Бэна и Уинн проводили в зал, где в очагах весело горел огонь, унося прохладу осеннего вечера. Работорговец был предусмотрителен и переодел Уинн в чистое шелковое платье цвета лаванды, перехваченное в талии темно-фиолетовым плетеным пояском. Он дал ей время вымыть в ручье волосы и заплести их в аккуратную косу. Уинн обрадовалась такой возможности и, не обращая внимания на Рори Бэна, бесстыдно наблюдавшего за ней, вымылась вся целиком. Золотую цепь и обруч она благополучно спрятала в кармане нового платья.

Уинн с любопытством смотрела на высокий стол, к которому они направлялись. Могучего телосложения саксонец, воин по обличью, восседал на почетном месте. У него была большая голова, напоминавшая львиную, которую украшали прекрасные темно-каштановые волосы. Хорошо подстриженная борода была того же цвета. В голубых глазах сквозило откровенное любопытство. По обеим сторонам от него сидели двое молодых мужчин, по виду его сыновья. Кто из них кто? — заинтересовалась Уинн. Потом она заметила рядом с темно-русым мужчиной угрюмой наружности молодую женщину со страдальческим выражением на лице, у которой одно плечо было чуть выше другого. Значит, это Кэдерик и его жена, Эдит Крукбэк. По левую сторону от Эдвина сидел другой сын, более темноволосый, чем его брат, со своей женой, молодой женщиной гордого вида с надутыми губами и густой косой цвета соломы. Болдер и Элдра Свэннек, определила Уинн.

— Добро пожаловать в Элфдин, Рори Бэн! — раздался глубокий гулкий голос Эдвина Этельхарда. — Мы не виделись уже много месяцев.

Мне сказали, что вы прибыли только с этой юной девушкой.

— Я привез ее для вашего сына Кэдерики, мой господин. Эта красивая уэльская женщина — ответ на все его проблемы.

— Каждый раз, когда мой сын вводит в дом новую женщину, он требует от нее ответа на свое затруднительное положение, Рори Бэн. Почему вы думаете, что этой девушке удастся сделать то, в чем не преуспели другие? — Эдвин Этельхард с интересом посмотрел на Уинн.

— У меня есть доказательство ее плодовитости, мой господин. Она носит ребенка своего бывшего хозяина. Станный тип решил, что ему не

нужна ни она, ни ребенок — Рори Бэн понизил голос и доверительно заговорил:

— Это довольно известный церковник, мой господин. Вы понимаете, в чем трудность?

Тан кивнул и произнес:

— Что ж, давайте посмотрим ее, мой друг. Мне трудно сказать что-либо, пока она одета. — Он поднялся и спустился с помоста.

Рори Бэн быстро распустил шнурок, которым была завязана на шее туника Уинн, и она соскользнула с нее на пол. Уинн казалось, что у нее замерло дыхание. Это было ужасно! Стоять обнаженной перед незнакомым человеком — отвратительно, но быть выставленной напоказ перед всеми в этом зале казалось ей непереносимым. Никогда раньше она не задумывалась о судьбе рабов, поскольку ее семья была добра к ним. Но одной доброты мало, если человеком распоряжаются против его воли. «Когда я вернусь домой, — подумала она, — я обязательно поговорю об этом с Мейдоком. У нас не будет больше рабов!

Эдвин Этельхард медленно ходил вокруг обнаженной девушки, внимательно разглядывая ее. Он поднял ее руку, провел по ней своей рукой, осмотрел ладонь. Встав на колени, он ощупал сзади ее ноги. Поднявшись, посмотрел ей в лицо. Оно было прекрасно, но глаза нарочно избегали его, словно она отстранилась от всей неприятной процедуры осмотра.

— Открой рот, — приказал он. Глаза расширились от удивления, но она повиновалась. Он заметил, что дыхание у нее чистое, а зубы здоровые. Тан не дурак. Девушку явно похитили, она не рабыня от рождения. С пленницами иметь дело труднее. Он взял в ладонь ее грудь, и удивленный взгляд девушки моментально встретился с его взглядом.

Уинн вспыхнула, краска залила ее молочно-белую кожу, но она не проронила ни слова, и ее зеленые глаза опять стали непроницаемыми. Он отошел от нее и увидел едва округлившийся живот, но не удивился. Рори Бэн — честный человек и не соврал о положении девушки.

— Я желаю ее! — Кэдрик подался вперед, наклонившись над столом и с вожделием глядя на Уинн. Жена, сидящая рядом с ним, как всегда, выглядела удрученной. Эдвин Эдельхард не удивлялся, что у его сына нет от нее детей. Эдит — болезненное создание, но она принесла им в качестве приданого два с половиной надела⁴ земли. Умрет ли она или останется жить, земля эта теперь принадлежала им. У Кэдрика к тому же было еще четыре женщины, которых он использовал энергично и регулярно. Тан недавно подслушал, как они жаловались на постоянное внимание своего господина. Если б его сын был в состоянии стать отцом, в чем Эдвин стал

уже сомневаться, одна из этих женщин, конечно, родила бы ему сына либо дочь.

— Я хочу ее, отец, — вновь раздался хриплый голос Кэдерика. — Купи ее мне!

— У тебя, уже много женщин, и ни с одной из них ты, похоже, ничего не можешь сделать, — пошутил Болдер. — У меня только две младшие жены, думаю, что отец купит мне эту — Я не собираюсь покупать ее ни для кого из вас. Я сам возьму ее, для себя!

— Что? — воскликнули хором Кэдерик и Болдер, и обе снохи моментально оживились, глядя на него как на сумасшедшего.

— Отец, — возбужденно начала Эдра Свэннек, — не кажется ли вам, что вы стары для женщины?

— Эдра, мне сорок три, — ответил позабавленный ее словами Эдвин. — Я регулярно пользуюсь рабынями и крепостными женщинами поместья.

— Вы? — поразились Эдра. — А я и не знала.

— Что ж, дочь, теперь ты знаешь. У меня не было постоянной женщины с тех пор, как три года назад умерла добрая Милдред. Я хочу иметь женщину и эта прекрасно мне подходит, — закончил он. Потом повернулся к Рори Бэну — Сколько?

— Пять серебряных пенни, мой господин. Она редкая красавица и позаботится о вас в старости.

— Два серебряных пенни. Я не так еще стар, ты, ирландский разбойник, чтобы не смог произвести на свет еще одного сына от этой женщины.

— Мой лорд Эдвин, вы грабите меня после всех неприятностей, сквозь которые я прошел, чтобы доставить ее вам!

— Ты привез ее мне, потому что боялся продавать открыто на рынке.

Это не рабыня от рождения. Меня не проведешь. У нее руки и ноги женщины хорошего происхождения. Я не задаю тебе вопросов, поскольку хочу ее. Не шути со мной. Два серебряных пенни! — объявил тан.

— Три, мой господин, прошу вас. Три! Вы получите двух рабов за одну цену, — обхаживал его Рори Бэн.

— Девушка может умереть во время родов, и я потеряю их обеих.

Три серебряных пенни много. Два и ни пенни больше, или вы можете забрать ее в Херефорд.

— Я заплачу вам три! — закричал Кэдерик из-за стола.

Отец испепелил его взглядом.

— У тебя нет ничего, кроме того, что я тебе даю, Кэдерик. Не

выставляй себя большим дураком, чем ты есть на самом деле, сын мой. — Он взглянул на Рори Бэна. — Ну что, работорговец? Каково будет твое решение?

Рори Бэн трагически вздохнул.

— Вы, мой господин, вынуждаете меня заключить невыгодную сделку, — пожаловался он, — но я уступаю вам. Вижу что вы уже понравились женщине и она останется в Элфдине.

Глубокий раскатистый смех Эдвина Этельхарда заполнил большой зал.

— Девушка с радостью оказалась бы не здесь, а где-нибудь в другом месте, старый ты разбойник! — Ухмыляясь, он полез в кошелек, висевший у него на широком кожаном поясе, и вынул две серебряные монеты. — Вот, держи и можешь переночевать у меня, Рори Бэн. Скажи мне, моя новая рабыня говорит на моем языке?

— Да, мой господин, — ответил работорговец, взвешивая в ладони монеты, чтобы убедиться в их весе.

— Вес правильный, — усмехнулся Эдвин Этельхард и, повернувшись к Уинн, нежно сказал:

— Оденься, девушка, и скажи, как тебя зовут.

— Уинн, мой господин. — Она наклонилась и натянула на себя платье, аккуратно завязав его у шеи и перехватив вокруг талии пояском.

— Ты голодна?

— Да, мой господин. Я ничего не ела с утра, — тихо ответила Уинн и посмотрела ему прямо в лицо.

— Здесь ты не будешь голодать, Уинн. — Потом, обведя глазами зал и найдя то, что искал, он позвал:

— Элдред, ко мне.

Через весь зал шла, прихрамывая, старая женщина.

— Да, мой господин?

— Это Уинн. Возьми ее и накорми. Потом приведи в большую спальню, — приказал Эдвин.

Старуха кивнула и, улыбаясь Уинн беззубой улыбкой, сказала:

— Пойдем, девочка. Я вижу, тебя надо хорошенько накормить.

Рори Бэн сел за нижний конец стола, приняв от слуги тарелку горячей еды и кубок с элем. Эдвин Этельхард — гостеприимный хозяин, и он проведет эту ночь в тепле в Большом зале. Эдвин занял свое место за высоким столом, и начался возбужденный разговор.

Меньше всего Рори Бэн ожидал, что сам тан захочет купить женщину. Он пожал плечами и похлопал по своему кошельку с двумя новыми монетами. Прекрасный барыш! Брайс из Кей оказал ему хорошую услугу.

Кэдерик впал в ярость. Он так хотел получить уэльскую рабыню, а поскольку ему редко в чем отказывали в жизни, он никак не мог согласиться с решением отца оставить девушку для себя.

— Ты берешь ее только потому, что я хочу ее, — ворчал он.

— Я беру ее потому, что она первая женщина после твоей матери, которая взволновала мои чресла. Я еще не так стар, чтобы женщина не смогла возбудить меня. Этой удалось одним лишь взглядом. Я редко хочу что-нибудь для себя, Кэдерик. Чего не могу сказать ни о тебе, ни о твоих женщинах. Мне нет нужды объяснять тебе и твоему брату, что в Элфдине мое желание — закон. И так будет до моей смерти. А я, мои сыновья, собираюсь жить долго, особенно теперь, когда у меня для забавы появилась такая приятная партнерша.

Болдер расхохотался.

— Ты удивляешь меня, отец. Никогда не думал, что ты такой непредсказуемый в своих привычках.

Эдвин ухмыльнулся.

— Ты умнее брата.

— Я знаю.

— Можешь смеяться, если хочешь, — огрызнулся Кэдерик, — а если у отца будет от нее ребенок? Что тогда, Болдер Мудрый?

— Что ж, мой дорогой, нас будет забавлять сестричка или братик. Я отношусь к этому с восторгом, — подтрунивал над ним Болдер.

Кэдерик поднялся из-за стола и в гневе протопал из зала, а за ним поспешила его жена, Эдит Крукбэк.

— Бедняжка Эдит. Сегодня ночью ей достанется, — сказал Болдер.

— Только не ей; — тоном превосходства промолвила Элдра Свэннек. — Он будет поносить других вместо нее, непонятно, почему он уважает Эдит. Я тем не менее рада, отец, что вы выделили нам отдельные небольшие залы. Хейзел так кричит, когда он бьет ее. Теперь по крайней мере дети не будут просыпаться от шума.

— Вы дали сыновьям отдельные залы? — поинтересовался удивленный работороговец. — Очень щедро с вашей стороны, мой господин.

— Будь проклята щедрость, мой друг, — сказал, смеясь, тан. — У Кэдерики жена и еще четыре младшие жены. У Болдера жена и две младшие жены и шестеро шумных ребятишек, из которых только один мальчик. Одна из его женщин ожидает ребенка. Я рад видеть их в моем доме днем, но ночью, Рори Бэн, я хочу в своем возрасте покоя. Внуки бегают с криком по залу. Они еще маленькие, часто падают, а потом садятся и начинают реветь так, что разбудят и мертвого. Они бьют собак, таскают

их за уши и хвосты. Когда же те их кусают, ко мне приходят хнычущие мамы и жалуются на моих собак. Я дал своим сыновьям по небольшому залу, потому что мне так удобно. Некоторые считают это глупостью, другие заявляют, что я не люблю свою семью, но я люблю ее. Мне просто хочется мира и тишины по вечерам.

— Мне такая проблема не грозит, мой господин, поскольку у меня нет настоящего дома и семьи. Не могу сказать, завидую я вам или нет, — ответил работоровец.

— Построй себе дом и обзаведись доброй молодой женщиной, которая согревала бы тебя в старости. Это не такая уж плохая жизнь. А теперь я пожелаю тебе спокойной ночи. — Он встал из-за стола и, пройдя через весь зал, поднялся по лестнице в большую спальню дома.

Большая спальня была местом, где семья могла уединиться. Дом Эдвина Этельхарда был несколько богаче, чем у многих его соседей. За исключением соломенной крыши, он весь был выложен из камня. Большая спальня располагалась лишь над половиной зала, который был на первом этаже. Когда-то в ней спал сам тан, его покойная жена, Миллред, их сыновья, а позже и их жены. Спальные места размещались в нишах стен, оставляя место для стола, сундуков и скамеек.

Миллред держала в ней даже свой ткацкий станок. Тан отдал его Эдит Крукбэк после смерти жены. К тому времени он переселил сыновей в их собственные отдельные помещения. Его желание уединиться большинство соседей сочло странным.

Эддред ждала его в комнате.

— Я положила девушку на вашу постель, мой господин: Вы не дали мне никаких указаний.

Он кивнул, и она начала раздевать его.

— Я хочу, чтобы ты позаботилась об Уинн. Думаю, она не рабыня.

Пусть она днем выполняет легкую работу.

— Да, мой господин.

— Она хорошо поела?

— Да, мой господин. Бедная девушка была так голодна, и вместе с ней ее дитя. Несмотря на голод, она вела себя, как госпожа. Изящно ела, не то что женщины ваших сыновей.

— Да, длинноногая старая ведьма, — сказал он ей в ответ на молчаливый вопрос. — Она будет моей женщиной. Ты это хотела узнать? — Он усмехнулся.

— Пора, мой господин, — дерзко ответила она Эдвину, а потом смело оглядела его обнаженную фигуру — Вы еще молоды, мой господин.

У вас должна быть собственная женщина, негоже кувыркатся под забором с крепостными.

— Есть что-нибудь в Элфдине, чего ты не знаешь? — в притворной ярости спросил он.

Старуха весело захихикала.

— Не думаю, мой господин. Что еще остается делать женщине в моем возрасте, как не совать везде свой нос. — Она собрала его одежду и начала складывать ее. — Вода в лохани, мой господин.

Он быстро вымыл руки и побрызгал водой себе на лицо, стряхивая капли с бороды.

— Спокойной ночи, Элдред, — бросил он ей вслед, когда она, прихрамывая, спускалась с лестницы. Потом повернулся и пошел через всю комнату к своей постели и забрался в нее.

Уинн лежала далеко от него, у самой стены, повернувшись к нему спиной. По ее дыханию он понял, что она не спит, хотя притворяется спящей. Он снял с нее покрывало, восхищаясь грациозной линией ее спины, переходящей в прелестные округлые ягодицы. Она внезапно вздрогнула, и он, упрекнув себя за невнимательность, натянул покрывало на них обоих.

— Ты не спишь?

— Нет.

Он пододвинулся поближе к ней и, повернувшись на бок, привлек ее к себе, нежно взяв в руки ее груди.

— Скажи мне, ты ведь не рабыня от рождения? Мне хотелось бы знать, кто ты и как попала ко мне.

Уинн поведала свою историю. Что ей оставалось еще делать, хоть она и чувствовала себя неловко в ее теперешнем положении. Эдвин Этельхард производил впечатление доброго человека. Закончив рассказ, она спросила:

— Вы возвратите меня домой, мужу, мой господин?

— Нет. — Когда она напряглась в его руках, он продолжил:

— Так устроен мир, Уинн. Всегда есть пленники, которых продают в рабство.

Возможно, история, рассказанная тобой, истинная правда, а возможно, и нет. Я не могу везти тебя через всю страну, чтобы убедиться в правоте твоих слов. Тебя продали мне как рабыню, и я заплатил за тебя.

Со мной ты будешь в безопасности, Уинн, и твой ребенок тоже. У меня не было постоянной женщины с самой смерти жены. Ты займешь почетное место в моем доме. И если, родив своего ребенка, ты понесешь от меня, тем лучше. Я только буду рад еще одному малышу — Вы не можете овладеть

мною, — произнесла пораженная Уинн.

— Тебе не нравится сам акт? — мягко спросил он.

— Нет, нравится, но я замужняя женщина!

— Уже нет. Кем бы ты раньше ни была, с твоим прошлым покончено. Ты моя дикая уэльская девочка, и я хочу любить тебя. Что за прелестные у тебя груди, — заметил он и начал ласкать их.

С проворством, которое удивило ее самое, Уинн повернулась к нему лицом.

— Эдвин Этельхард, если мне суждено быть вашей рабыней, я ею буду.

Я буду выполнять все ваши приказания, но заклинаю вас, не заставляйте меня спать с вами. Наверняка найдутся другие рабыни и крепостные, которые будут только рады вашему вниманию, но я замужняя женщина.

— Рабыни не выходят замуж, — терпеливо объяснял он, — а ты моя рабыня, Уинн, и должна смириться с этим. Женщине, ожидающей ребенка, не стоит так волноваться, как ты.

— Я убегу.

— У тебя не будет такой возможности, — сказал он со смешком.

— Я улучу момент, — упорствовала Уинн.

— Обретя тебя, моя дикая уэльская девочка, я никогда тебя не отпущу. — Он потянулся к ней и поцеловал.

Она не успела вовремя разгадать его намерение. Он крепко закрыл своим теплым ртом ее губы, ласково прося ответить ему. Уинн изо всех сил старалась оставаться бесстрастной. Как она могла испытывать к нему какие-то чувства, когда она любит Мейдока? Мейдок. Почему ее мысленный призыв никак не достигнет его? За те недели, что она провела в пути из своего дома через горы и холмы в Англию, она ни разу не видела ворона, не говоря уже о Дью. Неужели он и вправду подумал, что ее нет в живых?

Эдвин Этельхард почувствовал, что она витает где-то далеко. Он прижал ее к матрасу и дал волю чувствам. Эта девочка заставила кипеть его кровь, что не удавалось прежде ни одной женщине. Даже его покойной жене, виновато подумал он. Когда Эдвин целовал ее, он понял, что хочет получить от нее больше, чем она в состоянии сейчас ему дать. Но в конце концов она ему даст все, что он пожелает. Ну а сейчас он должен внушить ей необходимость измениться, потому что, какая бы у нее ни была жизнь раньше, с ней теперь покончено. Чтобы быть счастливой, надо приспособиться к этой перемене. А он хотел, чтобы она была счастлива.

«Я не каменная», — подумала, к своему стыду, Уинн, когда он осыпал поцелуями ее лицо и напряженную шею.

— Не надо, — просила она и задрожала. — Пожалуйста, не надо.

— У тебя такая восхитительная кожа, — пробормотал он у пульсирующей шеи. — Слово шелк — Он коснулся языком и губами плоти, которую восхвалял. — Ты пахнешь свежим воздухом и солнцем, моя дикая уэльская девочка.

Она подумала было сопротивляться, но испугалась. Ей надо думать о своем ребенке. Ей доводилось слышать рассказы о войнах, подобных этому, которые впадали в неистовство в пылу битвы, а между ними была действительно битва. По мере того как его жаркие поцелуи и чувственные ласки становились все более страстными, Уинн вдруг почувствовала, как его большое обнаженное тело теснее прижимается к ней. Она все время была занята мыслью, как бы ей отвлечь Эдвина от его намерений, что даже не подумала об их общем состоянии. Теперь она осознала, что происходит, чувствуя, как в ней поднимается страсть.

Ей никогда не приходило в голову, что она может испытывать влечение к кому-нибудь, кроме Мейдока. В детстве ей, правда, приходилось слышать от бабушки и из невольно подслушанных разговоров женщин Гарнока, что такое возможно. Тело женщины — нежный и хрупкий инструмент. На нем можно играть, как на лютне, которая отзовется в умелых руках влюбленного. Она не сомневалась, что Эдвин Этельхард был как раз таким искусным любовником. И если сердце и душа еще оставались холодными, то тело ответило ему — Мой ребенок, — кротко запротестовала она, надеясь на невозможное, что ей удастся уклониться от его домогательств.

Его большая рука осторожно ласкала нежный, слегка выступающий живот, который только начал расти.

— Я не сделаю плохо ни тебе, ни твоему сыну. — Рука скользнула ниже и протиснулась между плотно сжатых бедер.

— Откуда вы знаете, что я ношу сына? — спросила она, чувствуя, как его пальцы изучают ее влагу. Жар смущения бросился ей в лицо.

— Потому что у такой женщины, как ты, первым всегда бывает сын, — ответил он и еще раз поцеловал ее.

Ее губы слегка раскрылись. Она просто ничего не могла поделать с собой. Он умело возбуждал ее. Она почувствовала, как его язык скользнул ей в рот, и ощутила его свежее дыхание. Найдя ее язычок, он искусно начал ласкать его, и Уинн не сумела сдержать легкий стон, вырвавшийся из глубины ее горла. Упругие соски болезненно покалывало. Его пальцы тем временем продолжали играть с ее чувствительной плотью между бедер.

Она буквально задыхалась от прилива желания, и, отстранив от него голову, Уинн перевела дух.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Уинн подняла на него глаза, пораженная, что в такой напряженной ситуации ей следовало бы робеть перед ним, этим человеком, с которым она так интимно переплелась. Ее розовые щеки привели его в восторг.

— Многие мужчины соединяются с женщинами, не заботясь, чтобы она тоже получала удовольствие. Мне же доставляет еще большее наслаждение сознание того, что моя возлюбленная удовлетворена так же, как и я. Я знаю, ты боишься за ребенка. Я крупный мужчина и могу раздавить такое хрупкое создание, как ты, если мы не примем меры предосторожности. Я не хочу, чтобы ты боялась меня. — Потом, к ее большому удивлению, он повернул ее на живот. — Подтяни ноги, Уинн, и поверь мне, я не причиню тебе вреда.

Она повиновалась ему, потрясенная тем, что тоже хочет его. Своими умелыми ласками он пробудил в ней страсть. Уинн вздрогнула, когда почувствовала, как его руки плотно обхватили ее бедра. Она сдержала крик, когда он осторожно проскользнул между бедрами. Ее спина слегка изогнулась, когда он, найдя ее проход, устремил свой детородный орган, погружая его в темную теплоту ее плоти. Она была поглощена им, чувствуя, как он входит в ее тайные глубины. Лицо пылало от стыда, она ощущала трепет его мужского органа, который пришел в движение, пальцы оставляли следы на ее белой коже, когда он крепко схватил ее за бедра, его большое «копье» бросалось вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад, до тех пор, пока она уже не могла больше одерживать крики и ее собственное тело не начало подниматься и опускаться с неистовой силой навстречу ему. Ее голова кружилась от смущения при таком натиске на ее самые уязвимые чувства. Она отчаянно старалась не дать ему возможности одержать над ней окончательную победу, но не могла прервать наслаждения, которое начало обволакивать ее.

Он стонал от напряжения. Стоны мужчины, близкого к кульминации и удовлетворенного своими усилиями, и все же он сдерживался. Она чувствовала это и поняла, что ему необходимо знать, что она тоже получает удовольствие, чтобы дать выход своей собственной удовлетворенной страсти.

— Нет! Нет! — всхлипывала она.

— Да! — неистово сопротивлялся он и погружался в ее восхитительную плоть. — Да, моя дикая уэльская девочка! — закричал он торжествующе, когда ее отчаянный вопль поражения зазвучал в его ушах, и

он излил свои горячие любовные соки в ее трепетную плоть.

Уинн расплакалась. Он быстро перевернул ее на спину и, взяв на руки, начал нежно баюкать.

— Ну, ну, не плачь, моя дорогая, — тихо приговаривал он. — Ну, успокойся, моя дикая уэльская девочка. Теперь ты знаешь, кому принадлежишь. Не плачь, Уинн. Не плачь!

Сначала она никак не могла остановиться.

— Я... я... я хочу домой! — всхлипывала она.

— Ты дома, моя любимая, я буду беречь тебя, чтобы ты никогда не оказалась вновь в беде. Этот Мейдок плохо берег тебя, — произнес он, и в его голосе послышалось неодобрение. — Я не допущу, чтобы тебя обижали, Уинн. Ты и твой ребенок будут со мной в безопасности. — Он посмотрел на нее своими голубыми глазами, и в них Уинн прочитала решимость сделать то, о чем он сейчас говорил. Это был сильный человек.

— Мой ребенок! — воскликнула она и быстро потрогала свой живот руками.

— С ним все в порядке. Через несколько недель мне придется больше не трогать тебя, чтобы не навредить ребенку, но у нас еще есть немного времени, чтобы насладиться друг другом. — Он гладил ее темные волосы. — У тебя волосы цвета воронова крыла. Они так отличаются от светлых волос саксонских женщин. — Он улыбнулся ей, и она заметила, что у него вполне хорошие зубы. Он был красив.

— Думаю, вы неплохой человек.

Он улыбнулся.

— Нет, я неплохой человек.

— Вы к тому же еще и решительны, — добавила Уинн, и он усмехнулся. — А я решительная женщина.

— Тогда мы прекрасно подходим друг другу, не так ли, моя дикая уэльская девочка? — Он быстро и крепко поцеловал ее. — Ты заставила меня вновь почувствовать себя молодым, Уинн. Я хочу заново начать жизнь! Я до смерти устал от моей старой жизни и всего того, что сопутствовало ей. Я хочу новую жизнь и чтоб ты стала ее украшением.

— А как быть с вашей семьей? Сможете ли вы с легкостью отбросить их, поскольку именно к этому, я подозреваю, вы и стремитесь?

— Кэдерик и его женщины, — проворчал таи. — Ах! Меня тошнит от них! Мой старший сын славный воин, но дурной человек, и я не знаю, почему он такой получился, может быть, моя жена, упокой Господь ее душу, была слишком мягка с ним. И все же она была хорошая женщина, не могу винить ее за парня. Мой дед был таким же, как Кэдерик.

Сильным, жестоким человеком. Возможно, именно поэтому у него нет потомства.

— А Болдер, мой господин? — поинтересовалась Уинн.

— Он унаследует поместье своего тестя, хотя Элдра также бросает взгляды на Элфдин. Она жадная женщина. Как бы мне хотелось получить от тебя сына, моя дикая уэльская девочка! — сказал ей Эдвин Этельхард. — Твой сын мог бы получить все мое состояние, если б я пожелал. Кэдерик задохнулся б от желчи, а Болдер счел бы мое решение забавным. Он по сути своей простой человек, и у него почти что нет самолюбия, хотя, как и старший брат, он хороший воин. Ему пришлось им стать, чтобы выжить в детстве, имея такого брата, как Кэдерик — Эдвин усмехнулся.

Уинн хихикнула. Она не смогла удержаться.

— Вот теперь я слышу приятный звук, — одобрительно проговорил тан.

— Это не означает, что я простила вас за то, что вы овладели мной.

Как вы могли? Мы даже не знаем друг друга.

Глаза Эдвина стали серьезными.

— Я хотел тебя. С того самого момента, как увидел тебя. Теперь я знаю, что сердцем и разумом ты сопротивляешься мне, Уинн. Однако твое прекрасное наливающееся тело не отвергает меня. Мне этого будет недостаточно, но пока я удовлетворен. Со временем мы полюбим друг друга, обещаю тебе. А после того как ты родишь своего ребенка, я возьму тебя в жены и освобожу от рабства.

Уинн печально покачала головой.

— Пока жив Мейдок Пауиса, я никогда не смогу стать твоей женой, Эдвин Этельхард, потому что я его жена. Это христианская земля, мой господин. И ваши сыновья женились в святой церкви, несмотря на то, что своих младших жен они держат по старинке. Я не могу в здравом уме выйти замуж при живом муже. Меня похитили и продали в рабство, но от этого я не перестала быть замужней женщиной. Вы можете взять мое тело, вы можете пробуждать во мне страсть, но я по-прежнему жена Мейдока.

— Тем не менее он считает тебя погибшей, ты мне сама сказала.

— Нет, Брайс из Кей замыслил заставить моего мужа поверить, что я мертва, но Мейдок любит меня. Мы связаны с ним сквозь время и пространство. Он узнает, что я еще жива, и будет искать меня и нашего ребенка и в конце концов найдет нас, — сказала Уинн твердым и решительным тоном.

— Ему никогда не отыскать тебя, моя дикая уэльская девочка. Ты обманываешь себя, полагая, что он чувствует, что ты жива. Если тебе так

спокойнее, верь в это, но со временем ты все же поймешь, что я прав.

Твой принц будет горевать по тебе. Это мне понятно, но он в конце концов возьмет себе другую жену, потому что не осмелится, чтобы его древний род прервался и чтобы тени его знаменитых предков прокляли его. Ты потеряна для Мейдока, а он потерян для тебя.

— Если вам удобнее верить в это, Эдвин Этельхард, тогда верьте, но со временем вы поймете, что я была права, — ответила Уинн.

Он быстро заснул, положив на нее руку собственника. Уинн, однако, несмотря на длинный, утомительный день, лежала без сна. Она понимала, как ей повезло, что ее купил Эдвин Этельхард. Любой другой был бы, безусловно, менее добрым. Рабыня! Нет, каково бы ни было ее положение в этой стране, ни сердцем, ни разумом она не была рабой. И она не собиралась вести себя как раба или позволить к себе относиться как к рабе. Она — Уинн из Гарнока, жена Мейдока Пауиса. Она свободная женщина и будет вести себя, как подобает свободной женщине, невзирая на ее положение в этом доме.

Время. Ей потребуется время, чтобы ознакомиться с окрестностями и выяснить, где она находится и как она может убежать к себе на родину. Был уже ноябрь, и зима вот-вот должна наступить. Есть ли у нее время, чтобы вернуться домой сейчас, или ей надо подождать весны?

Но придет весна, у нее уже родится ребенок. Ей будет сложнее пускаться в путь с малышом на руках, чем с еще не родившимся, который в чреве матери находится в большей безопасности. Она не знала, что делать.

Впервые в жизни она столкнулась с ситуацией, на которую, казалось, не было подходящего ответа.

Спать. Ей нужно спать. От усталости она стала нерешительной и пугливой. Если она хочет выжить и сохранить ребенка, она не может позволить себе такую роскошь. Мейдок! Ее сердце взывало к нему во мраке ночи. Мейдок! Почему он не слышит ее? Они любили друг друга с самого первого мгновения их встречи где-то далеко в туманном прошлом. Он неотступно следовал за ней через другие времена, чтобы добиться ее прощения и вернуть ее любовь. У него теперь есть и то и другое, но судьба вновь разлучила их. И все же она старалась мысленно пробиться к нему. Почему ой никак не даст о себе знать? Он не мог поверить, что ее нет в живых! Несмотря на то, что замыслил Брайс!

Несмотря на то, что творит Эдвин Этельхард. Мейдок не мог поверить в ее смерть!

А вдруг? И, словно отвечая ей на вопрос, в чреве Уинн в первый раз зашевелилось дитя. «Нет, маленький, — подумала она, обхватив изящными

руками живот, словно защищая его. — Твой отец не поверит, что мы оба умерли. Когда-нибудь он найдет нас. Обязательно!»

Глава 12

Когда на следующее утро Элдред разбудила ее, Уинн смутилась, увидев, что солнце давным-давно встало.

— Господин хотел, чтобы ты хорошо отдохнула, — успокоила ее старуха. — Мне было ведено не будить тебя до этого времени. — Она помогла Уинн умыться и одеться, дав ей темно-зеленую тунику поверх ее нижней, цвета лаванды. — Господин сказал, чтобы ты взяла ее. Она принадлежала раньше его жене, — сказала Элдред и повела ее вниз в зал.

За столом никого не было, когда Уинн спокойно уселась по левую сторону от места тана.

— Для рабыни ты смелая женщина, — сказала старуха.

— Я не раба, — твердо ответила Уинн, — хотя меня украли из моего дома и продали в рабство. Я не буду вести себя как рабыня.

Элдред хихикнула и поспешила из зала, но вскоре вернулась, неся деревянную тарелку со свежим хлебом, дымящуюся ячменную кашу и кубок темного эля, — Ешь. Господин велел мне показать тебе Элфдин, а потом дать тебе какую-нибудь легкую работу.

Легкую работу? Уинн чуть не рассмеялась, она не хотела оскорбить чувства Элдред. Вместо этого она принялась за еду, думая про себя, что каше не хватает аромата, хлеб слишком жесткий, зато эль отличный. Когда с едой было покончено, она вышла следом за Элдред во двор Элфдина.

— У лорда восемнадцать наделов земли, — сообщила ей старуха. — Он очень состоятельный человек.

— У моего мужа замок, а земли в десять раз больше, — ответила Уинн, но Элдред, похоже, не верила ей.

— Оглянись на дом, девушка. Разве он не хорош? К тому же каменный, а не деревянный, как у многих наших соседей, — хвасталась Элдред. — Ты видела в зале столбы, поддерживающие крышу и балки? Они расписаны узорами! А три очага! Это удобный и надежный дом, о котором можно только мечтать. — Она улыбнулась Уинн беззубой улыбкой. — А видишь стены вокруг господского дома? А окованные железом дубовые двери и ворота? Никому не победить нас, пусть только сунутся. — Элдред очень гордилась Элфдином.

— Хороший дом, — согласилась Уинн. — Он мне напоминает мой родительский дом в Гарноке.

— У господина есть церковь, — сообщила Элдред. — А еще кухня,

пекарня, звонница, чтобы предупреждать округу в случае опасности!

Церковь!

— А священник есть?

— Нет, — последовал смущенный ответ. — У нас был один, но он умер несколько лет назад. И с тех пор в Элфдине нет священника, ну и что же, скажу я, — пробормотала Элдред. — Здесь еще сильны старые обычаи, несмотря на все проповеди священников. Даже Гарольд Годвинсон держит «датскую» жену. И к ее детям относятся с таким же почтением, как к остальным, хотя король не одобряет это. Король Эдуард слишком святой человек.

— Не знаю, — ответила Уинн. — Мой король — Граффидд ап Льюилин. Мой отец был в родстве с Граффиддом.

— А еще господин построил залы для своих сыновей, — продолжала Элдред, не обращая внимания на замечание Уинн. — Они деревянные.

— Ты ведь не любишь сыновей Эдвина Этельхарда, правда? — мягко поинтересовалась Уинн.

— Да, хотя я всего лишь крепостная и мне не положено иметь свое мнение. Болдер, тот, что младше, неплохой человек, а жена его гордячка.

А вот Кэдерики злой. — Она понизила голос до шепота. — Мне кажется, у него никогда не будет детей ни от одной из женщин.

— Мне рассказали, что у Эдвина Этельхарда было несколько жен, прежде чем у него появились сыновья.

— Господин был обручен в колыбели и стал вдовцом в пять лет. Его опять обручили по второму разу, и он второй раз овдовел, когда ему не было еще и девяти лет. Тогда старый хозяин решил подождать; когда он подрастет, чтобы окончательно оформить брак. Первый сын появился у господина, когда ему было семнадцать, а второй в девятнадцать лет. После этого у леди Милдред было пять выкидышей. Бедная госпожа. Это была добрая душа. С Кэдерикиком все иначе. Бедная леди Эдит слишком слаба, чтобы рожать детей, это всем видно. А теперь взгляни туда, Уинн. Это четыре младшие жены Кэдерики. Самая высокая — Бирангари, пухленькая — Дагиан. Элф — та, что с длинной светлой косой, а самая молоденькая — Хейзел. Все они здоровые, сильные женщины, и все же он не может добиться от них детей. Мужчины обычно винят женщину в том, что у них нет сына, но можешь ли ты представить себе, что эти крепкие девушки не способны родить детей?

— Нет, — ответила Уинн. — На мой взгляд, они вполне годны на это, и я тоже считаю странным, что ни одна из них не понесла.

Четыре женщины Кэдерики, разгуливая вместе, теперь специально

подошли к Уинн и Элдред. Одна из них, это была Бирангари, смело заговорила.

— Значит, Элдред, это та самая рабыня, которую наш господин Кэдерик хотел для себя. Дикая уэльская девочка, — насмехалась она. — И вижу, плодовита, как корова. Тебе повезло, женщина, что господин тебя взял для себя, иначе я выцарапала бы тебе глаза.

— Ты никогда не пользовалась эликсиром из аронника и брионии, чтобы избавиться от пятен на лице, Бирангари? — медовым голосом спросила Уинн. — Если у тебя его нет, я для тебя приготовлю. Тебе не сохранить расположение Кэдерики с лицом, как червивое яблоко.

Бирангари буквально задохнулась и покраснела от ярости. Женщины, сопровождающие ее, нервно отпрянули назад.

— Как ты смеешь говорить со мной подобным образом! — завопила саксонка. — Ты раба! Раба! Ты не имеешь права заговаривать со мной, пока я тебе не разрешу! Я пойду к господину! Я прослежу, чтобы тебя избили!

Уинн бесстрашно шагнула вперед, чтобы встать прямо перед Бирангари.

— Ты можешь верить чему хочешь, ты можешь называть меня как пожелаешь. Но ты не в силах изменить то, что я не раба, никогда не была и не буду вести себя по-рабски. Я — Уинн из Гарнока, жена Мейдока, принца из Пауиса. Моя кровь и кровь моего ребенка намного лучше любой из вас! Я буду с уважением относиться к Эдвину Этельхарду, поскольку он лорд Элфдина и вдобавок хороший господин. Я одарю своей дружбой тех, кто захочет ее, но я никогда не буду ничьей рабой. Если вздумаешь еще раз обратиться ко мне, делай это учтиво или не обращай вовсе. — Потом Уинн повернулась к ним спиной и сказала Элдред:

— О какой легкой работе говорил господин!

— Подожди! — Это была опять Бирангари. — Ты на самом деле можешь приготовить средство, которое уничтожает все пятна на лице?

Уинн повернулась к ней.

— Если мне разрешат пользоваться домашней аптекой, я смогу.

— В Элфдине нет никакой аптеки, — ответила Бирангари.

— Должна быть. Я поговорю с Эдвином Этельхардом. А кто готовит для вас лекарства и мази?

— Никто. Когда-то жила одна старуха, но она уже умерла.

— А разве леди Милдред не была сведуща в медицине?

— Леди Милдред большую часть времени либо ткала, либо отдыхала. С возрастом ее стали одолевать хвори, — пояснила Бирангари.

— А если кто-нибудь поранится? — поинтересовалась Уинн.

— Тогда ему перевязывают раны и надеются на лучшее.

— Так не годится. Элдред, где Эдвин Этельхард? Мне надо немедленно с ним поговорить! Легкая работа может быть выполнена кем угодно, но целительница, а поскольку здесь в Элфдине некому лечить людей, тогда это станет моей обязанностью.

— Господин в поле. Там сегодня собирают колоски, — ответила Элдред.

— Отведи меня к нему, — решительно сказала Уинн. — Нельзя терять ни минуты.

Хмыкнув себе под нос, старуха повела Уинн через распахнутые ворота, вниз по дороге на поле. Там они отыскали Эдвина Этельхарда верхом на лошади, который с благожелательным видом наблюдал, как женщины и дети тщательно собирали после жатвы оставшиеся колосья овса, ржи, ячменя. Все, что они сумеют найти, останется им. Это будет добавка к их зимнему пропитанию, которое им дает хозяин. Удачный сбор означает более сытое существование зимой.

Когда Уинн и Элдред подошли к нему, Уинн внимательно разглядела Эдвина Этельхарда, потому что вчера у нее было слишком мало времени. Он был очень высок. Ростом, по крайней мере, с Эйниона.

Ловко сидел на коне. Красивое лицо дышало довольством и спокойствием. Вокруг глаз и рта разбегались морщинки. Большой чувственный рот подходил к его внешности. Ей вспомнились поцелуи, которыми он вчера осыпал ее, и она почувствовала, как теплая волна накрыла ее. Уинн заставила себя сосредоточиться лишь на его внешности. Его длинный, безупречно прямой породистый нос мог принадлежать и королю. Она перевела взгляд на его руки, державшие поводья, — большие, красивые, с длинными изящными пальцами.

— Доброе утро, мой господин, — учтиво приветствовала его Уинн, встав у правого стремени.

Серо-голубые глаза лорда мгновенно оживились, и он с улыбкой посмотрел на нее.

— Доброе утро, моя дикая уэльская девочка. Ты хорошо поспала?

— Да, благодарю вас, что дали мне отдохнуть, мой господин, но я узнала, что в вашем поместье нет целителя. Это правда?

— Да. Почему ты спрашиваешь? Ты больна? — забеспокоился он.

Уинн покачала головой.

— У меня прекрасное здоровье, мой лорд Эдвин. Я спрашиваю вас, потому что умею лечить людей. Пока я буду в Элфдине, я могла бы стать вашим домашним лекарем. Бيرانгари сказала мне, что в доме нет ни

аптеки, ни лечебных мазей, ни запаса лекарств. Если на Элфдин обрушится какая-нибудь страшная болезнь, вы потеряете много людей.

Не успел он ответить, как в поле раздался пронзительный вопль и крепостная женщина начала кричать. Тан направил лошадь в поле, и Уинн поспешила за ним, чтобы выяснить, что стряслось. В середине поля на коленях стояла женщина, прижав к груди маленькую девочку.

— Что случилось? — спросил Эдвин Этельхард.

— Моя дочь, господин! — всхлипывала женщина. — Моя дочь поранилась. Я не могу остановить кровь!

Уинн добежала до испуганной матери и ее девочки и опустилась около них на колени.

— Я целительница, — спокойно сказала она мелодичным и успокаивающим голосом, в котором, однако, слышались повелительные нотки. — Дай я взгляну на руку девочки.

В страхе мать отпустила дочкину руку, и кровь хлынула ручьем, вызвав новый крик матери.

— Замолчи! — прикрикнула Уинн и, приподняв слегка юбки, оторвала кусок ткани от рубашки. — Ты только пугаешь свою дочку. — Она начала тщательно и туго перевязывать руку девочке, чтобы остановить кровотечение. — Не отвезете ли вы ее в дом, мой господин? — попросила Уинн Эдвина Этельхарда. — Мне надо приготовить лекарственную мазь для раны. — Она повернулась к матери девочки. — Передай ребенка господину, женщина, и следуй за ним.

Тан взял малышку у плачущей матери и направил лошадь к дому. За ним шли Уинн и другие женщины.

— Элдред, мне понадобятся лук, соль, уксус, рута и мед, а также ступка и пестик. Ты можешь найти все это? И еще чистую ткань, порванную на полоски, миску и кувшин с кипятком.

Элдред деловито кивнула.

— Да, госпожа! Немедленно. — И она на удивление проворно пустилась вперед, обгоняя их, невзирая на свой почтенный возраст.

Когда они добрались до дома и вошли в зал, Элдред уже отдала приказания домашним слугам, и те метались взад-вперед в поисках необходимого.

— Положите ребенка на скамью возле очага, — распорядилась Уинн.

Эдвин Этельхард осторожно опустил девочку и отступил, наблюдая за Уинн. — Успокой своего ребенка, женщина. Ты облегчишь мне работу.

— Она умрет? — дрожащим голосом спросила испуганная женщина.

— Нет, мы остановили кровь, — спокойно ответила Уинн. — Мазь,

которую я приготовлю, защитит рану от заразы и не даст ей гноиться. — Уинн направилась к высокому столу, где Эдред уже расставила все необходимое. — Сними кожуру с лука, — попросила Уинн молодую служанку, — и тонко порежь его. — Она быстро собрала все, что ей требовалось.

Зал замер, слуги широко раскрытыми глазами следили, как Уинн растерла лук в густую пасту, которую затем смешала по очереди с измельченной солью и небольшим количеством уксуса.

— Приготовьте мне еще одну ступку, — приказала она.

Ее быстро принесли. Уинн взяла листья летней руты и истолкла их в тонкий порошок, потом добавила мед и тщательно все перемешала.

Оставшись довольна этой смесью, она добавила ее к луку, соли и уксусу и еще раз перемешала. Потом попросила, чтобы девочку принесли к столу.

Она осторожно развязала наскоро сделанную повязку, приговаривая при этом:

— Я вымою твою ручку, девочка, а потом прогоню с помощью вина всю злую жидкость. Тебе будет больно, но ты ведь храбрая, я знаю. — Улыбнувшись девочке, она как можно аккуратнее промыла пораненную руку, дую на нее, когда малышка начинала морщиться от боли. Когда рана наконец была хорошо промыта, Уинн сказала:

— Ты вела себя очень храбро, моя дорогая. Теперь я положу хорошую целебную мазь на твою рану и завяжу ее чистой тканью. — Разговаривая с девочкой, она ловко работала руками. — Приходи ко мне завтра утром, я посмотрю, как заживает твоя рана. Ну вот и все, — сказала она, заканчивая перевязывать руку. — А теперь иди к маме и передай ей, что я довольна тобой.

Малышка побежала к матери. Когда Уинн спустилась с помоста в зал, женщина подошла к ней и бросилась в ноги.

— Госпожа, благодарю вас за то, что излечили мою дочь. Да благословит вас Господь! — Потом, поднявшись с пола, она вместе с дочкой покинула зал, а за ней и все слуги.

— Эдред, найди мне каменный горшочек и переложи туда оставшуюся мазь. Она мне потребуется завтра, — сказала Уинн служанке.

— Да, госпожа! — последовал ответ.

— Ты на самом деле целительница, — тихо произнес Эдвин Этельхард, — и умеешь хранить спокойствие в трудную минуту. Думаю, Рори Бэн оказал мне большую услугу, чем предполагал. У тебя будет все, что нужно для приготовления лекарств, Уинн. В конце зала есть небольшая

комната, которую использовали как кладовку Элдред знает, что я имею в виду. Ты можешь взять ее для своей аптеки, а также все для ее оборудования.

— Благодарю вас, мой господин, — сдержанно ответила Уинн.

Он повернулся и отправился обратно в поле.

Остаток дня Уинн чистила и мыла крохотную комнатку, которую отдал ей тан. Домашние слуги принесли деревянный стол и скамью.

Уинн и старуха Элдред искали горшочки, чаши, кувшины — все, что годилось для аптеки.

— Где ты достала руту? — спросила Уинн.

— У повара.

Они заторопились на кухню, где Уинн обнаружила, что девочка, чью руку она лечила сегодня, внучка повара и свет его очей.

— У меня есть достаточно трав и специй, госпожа. Возьмите, что вам нужно. Как хорошо, что у нас в Элфдине теперь есть целительница, сказал он.

Элдред в изумлении покачала головой.

— Этот старый Хил всегда такой раздражительный. Не думаю, что вам удастся легко отыскать то, что нужно.

— Мне нужно гораздо больше того, что есть у повара. Мы отправимся завтра с утра за травами, может быть, я смогу сама набрать что-нибудь.

Хоть уже ноябрь, но погода стоит хорошая и растения еще не увяли.

Приближался час обеда, и Элдред сказала:

— Пойдемте, госпожа. Вы должны возвратиться в Большой зал и привести себя в порядок В спальню Элдред принесла таз с водой, чтобы Уинн могла умыть руки и лицо. Затем Элдред быстро расплела толстую тяжелую косу Уинн.

— У меня нет ни щетки, ни гребня, — посетовала Уинн.

— Господин сказал, что вы можете взять те, которые раньше принадлежали леди Милдред, — ответила Элдред и принялась расчесывать ее длинные волосы. — Господин поручил принести материю из кладовой, чтобы вы могли выбрать себе несколько кусков на платья. Я помогу вам сшить их. — Потом ее узловатые пальцы начали заплетать косу, умело вплетая в нее немного цветной шерсти. Закончив, она сказала:

— А теперь мы возвратимся в зал. Уже час обеда.

Когда они вошли в Большой зал, Уинн увидела Эдвина Этельхарда и его семью за столом. Она молча стояла в противоположном конце зала.

Наконец Эдвин с веселой улыбкой на лице позвал ее.

— Подойди, Уинн, и сядь рядом со мной. Болдер, уступи свое место,

чтобы Уинн могла сесть подле меня.

— Отец, ты посадишь за наш стол рабыню? Не сошел ли ты с ума? — гневно спросил Кэдерик, в то же время раздевая глазами приближающуюся Уинн.

— Это мой стол, Сью, — спокойно произнес Эдвин. — Да, я посажу Уинн рядом с собой. Она заслужила мое расположение.

— Раздвигая для тебя ноги? — оскорбительно сказал Кэдерик. — Это может сделать любая блудница, отец.

Прежде чем тан смог ответить своему сыну, Уинн спокойно заметила:

— Если б я раздвигала ноги для вас, Кэдерик Этельмар, все было бы иначе? В будущем вы будете говорить со мной уважительно. Я не сделала ничего дурного, чтобы заслужить вашу непочтительность. Вы также в уважительном тоне будете разговаривать с отцом, потому что он хозяин Элфдина, и хороший хозяин. — Шелестя юбками, она села за высокий стол.

— Что здесь происходит? — Голос Кэдерика был натянут, как струна, от невозможности проявить хоть какую-нибудь власть. — Эта женщина в доме всего лишь день, а ты не только посадил ее за наш стол, но и отвел ей комнату. Эта уэльская ведьма околдовала тебя, отец!

Раздался гулкий смех тана, заполнивший дом своим весельем.

— Кэдерик, Кэдерик! Твои страхи напрасны. Как я уже говорил, я купил Уинн потому, что впервые в жизни меня взбудоражила женская красота и я почувствовал желание. Если это колдовство, тогда, конечно, все мужчины поддаются ему время от времени. Что же касается комнаты, о которой твои сплетницы нашептали тебе, то это маленькая кладовая в конце зала. Уинн — целительница, и сегодня днем я был свидетелем ее мастерства, когда она лечила пораненную руку крепостной девочки. У нас в Элфдине уже много лет нет лекаря. Я благодарен Уинн за ее искусство, которое будет полезно для нашего дома. Лекарю нужно место для аптеки. Даже ты, мой сын, должен понимать, что знания Уинн окажутся бесполезными, если ей негде будет готовить лекарства, мази, эликсиры.

— Я тем не менее считаю, что ты слишком вознес эту рабыню! — проворчал Кэдерик.

— А я, мой сын, считаю, что ты слишком много позволяешь себе в моем доме, — ответил отец предостерегающим тоном. — Уинн здесь потому, что я этого хочу. Если не сможешь относиться к ней с уважением, тогда ты больше не будешь сидеть за моим столом.

На некоторое время воцарилась гнетущая тишина. У Элдры Свэннек неодобрительно подергивался рот, но она не проронила ни слова. Хотя она

надеялась, что Элфдин когда-нибудь станет принадлежать ее сыну Боку, Болдер и она со временем унаследуют дом ее отца и уедут отсюда. Сейчас же вся эта шумиха вокруг новой рабыни ее не беспокоила.

Эдит Крукбэк не поднимала от тарелки глаз, хотя она не прикасалась к еде. Со вчерашнего дня к Кэдерику нельзя было подступиться, после того как он увидел уэльскую женщину. Ночью он злился на своих четырех женщин от расстройств, что отец не отдал новую рабыню ему.

Эдит никогда не видела, чтобы похоть так переполняла его. И сознание того, что предмет его вожделений сейчас находится в постели отца, было для него невыносимо.

Эдит Крукбэк хорошо знала своего мужа. Когда она вышла за него замуж, то поняла, что он взял ее только из-за приданого — двух с половиной наделов земли. Ее отец был неглуп и тоже знал, что притягательность его дочери — в ее владениях. Чтобы защитить Эдит в будущем, он пообещал после своей смерти дать ей еще два с половиной надела. Это наследство может быть получено, если Эдит будет жива.

Если она умрет раньше его, тогда все достанется его старшему сыну. С дополнительными наделами земли Кэдерику Этельмар имел право получить титул тана. Она знала, как отчаянно ему хочется стать хозяином. Так как ее отец был в преклонном возрасте, Кэдерику надеялся добиться своей сокровенной мечты скорее, чем от своего отца, у которого прекрасное здоровье.

Эдит Крукбэк была по натуре мягкой женщиной и, как и ее отец, неглупа. Она сделала все, чтобы мужу было с ней удобно, и, к его удивлению, он стал ее другом. Дружьями они оставались и после десяти лет брака. Зная о своей физической слабости, она поощряла его похождения с женщинами, даже помогала ему в выборе, чтобы ее семья чрезмерно не пострадала. Так как Кэдерику относился к ней с уважением и любовью, то и его четыре младшие жены выражали ей те же чувства, поскольку невозможно было не любить Эдит. Уэльская девочка Уинн, однако, все изменила, Эдит никогда не видела Кэдерику в таком состоянии и боялась за него и за них всех.

Когда ужин закончился, женщины собрались вокруг одного из очагов, сплетничая. Элдра обратилась к Уинн:

— У моей дочки Уиллы кашель. Не могла бы ты сделать для нее какое-нибудь лекарство? Если не остановить болезнь, заболеют ее сестры, Виду и Года, а затем и наш малыш. Ему всего полгода. — Она старалась скрыть свое беспокойство.

— У вас в окрестностях есть вишневые деревья?

— Да. Элдред может показать тебе.

— В таком случае я смогу приготовить лекарство для твоих детей, но потребуется несколько дней, пока оно не наберет целительную силу.

Постарайся держать дочку отдельно от детей.

Элдра кивнула.

— Хорошо.

— А как насчет притирания для моего лица? — спросила Бирангари.

— Сначала мне надо оборудовать аптеку и собрать все необходимое.

У меня нет еще и половины. Потерпи, — и она улыбнулась Бирангари. — Я не забуду про тебя.

Хорошенькая молодая девушка со светлой косой застенчиво спросила:

— Не могла бы ты дать мне какое-нибудь средство, чтобы очистить желудок. Меня всю так и раздувает, и я плохо себя чувствую. К тому же я ношу ребенка.

Уинн посмотрела на девушку.

— Как тебя зовут?

— Деню, младшая жена Болдера Армстронга.

— Когда ты должна родить?

— Думаю, в мае.

— Я смогу помочь тебе, — сказала Уинн, думая про себя, что живот у Деню слишком велик для нескольких месяцев беременности. Однако у девушки был здоровый вид.

— Думаю, нам всем повезло, что вы очутились среди нас, Уинн, — тихо сказала Эдит Крукбэк. — Не каждому дано лечить людей, я это знаю. Это редкий дар.

— Меня учили моя мать и бабушка. Мой муж, Мейдок, тоже целитель и, — хитро добавила она, — известный волшебник Если я найду среди вас кого-нибудь, кто проявит способности к этому искусству, я научу ее всему, что знаю, чтобы вы не остались без целительницы, когда я оставлю Элфдин.

При ее словах женщинам стало как-то неловко. Уэльская женщина была раба, однако ни в ее поведении, ни в ее речи не было ничего рабского. В таком поведении пленников, рожденных свободными и оказавшимися в рабстве, не было ничего необычного. Им никогда не приходилось слышать о рабе или пленнике, проданном в рабство, который бы не смирился со своей участью. Женщины Элфдина были под такой защитой, что им и в голову не могла прийти мысль, что они легко могли оказаться на месте Уинн. В основном это были простые женщины, чья жизнь вертелась вокруг их мужчин и домашнего хозяйства.

Сказав Уинн все, что они хотели, жены и младшие жены переместились в другой конец зала, оставив ее в одиночестве.

— Вы напугали их, — подходя к ней, сказал Болдер Армстронг. — Напугали и заинтриговали моего отца и старшего брата.

— А вас? Знаю, вас я не заинтриговала и не напугала.

Он улыбнулся, и Уинн подумала, что он в большей степени похож на своего отца, чем Кэдерик.

— Нет, я не заинтригован и не напуган. Я восхищен. В вас есть какое-то волшебство, госпожа. Кто вы на самом деле?

— У меня нет никаких чар, Болдер Армстронг. Если б они были, я бы не стояла сейчас здесь. А была бы дома в Скале Ворона с моим мужем.

— Что такое Скала Ворона? Дом, как Элфдин?

— Скала Ворона — это замок. Он стоит на гребне горы между двух долин. Это родовой дом принцев Пауиса-Венвинвина, которые в настоящее время являются вассалами нашего короля Граффидда ап Льюилина, кузена моего отца, — спокойно рассказала Уинн. — Принцы Пауиса известны своей волшебной силой.

— Если ваш муж волшебник, госпожа, тогда почему он не нашел вас до сих пор? — спросил Болдер, приведя ее в замешательство.

Прежде чем она смогла обдумать ответ, к мужу подошла Эдра Свэннек.

— Я возвращаюсь к себе, — резко сказала она. — Уже поздно, и я устала. — Сейчас она даже не соизволила признать Уинн. Женщина была рабой, несмотря на ее манеры, кроме того, эликсир был обещан, и этого вполне достаточно.

— Спокойной ночи, Болдер Армстронг, — сказала Уинн, отвечая тем же, поскольку она не собиралась позволять Эдре Свэннек одержать над собой верх. По всему было видно, что эта женщина забияка, а Уинн не собиралась допускать, чтобы кто-нибудь ее задирал.

Повернувшись к чете спиной, она направилась к лестнице, ведущей в большую спальню. Там она застала Эдру, дожидаящуюся ее.

— Я хочу вымыться, — сказала Уинн.

— Ты с ума сошла? Ноябрь и уже ночь.

— Я привыкла мыться регулярно. Я моюсь почти каждый день. С момента моего похищения я помылась только раз, в ледяной воде.

— Глупость! Глупость! — ворчала Эдред.

— В доме есть лохань, которую можно было бы поднять сюда, в комнату? — упорствовала Уинн. — Еще мне нужна горячая вода.

Старуха от удивления вращала глазами, но, хотя и бормотала что-то

неодобрительное себе под нос, тем не менее спустилась в зал. Улыбаясь, Уинн стала рассматривать куски ткани, которые принесли из кладовой Эдвина Этельхарда, чтобы она смогла отобрать себе на платье.

Тут были и полотна, и шелк, и шерсть, и брокатель — все хорошего качества и разных цветов. Эдвин Этельхард явно не ограничивал ни себя, ни свою семью.

Она решила, что трех платьев ей хватит на зиму и весну, когда родится ее ребенок. Три нижние туники желтого, красно-оранжевого и темно-зеленого цветов. И верхние туники-платья сине-фиолетового, зеленовато-синего и пурпурного цвета. Все нижние туники и платья можно будет носить друг с другом и тем платьем, которое она носила сейчас.

Нижние туники будут из шелка. Пурпурное и сине-фиолетовое платья из легкой мягкой шерсти, зеленовато-синее из элегантной брокатели, которую она украсит золотой вышивкой и бисером. Еще Уинн отобрала себе штуку полотна на нижние рубашки и на одежду для малыша.

Элдред возвратилась ворча, в сопровождении нескольких молодых парней, двое из которых с большим трудом тащили наверх большую тяжелую дубовую лохань, другие несли ведра, из которых поднимался пар.

— Ну что? — раздраженно спросила Элдред. — Где ее поставить?

— Думаю, мы поставим ее на то место, где она и останется, вон в том углу.

— Она останется?! — воскликнула потрясенная старуха.

— Конечно, — спокойно ответила Уинн. — Зачем таскать такую тяжелую вещь вверх-вниз каждый день, когда здесь для нее места более чем достаточно? Нужно будет носить только воду — Поставьте ее вон там, — приказала Элдред ухмыляющимся парням. — Затем вылейте воду и убирайтесь!

Уинн ласково улыбнулась старухе и сказала:

— Я выбрала материю на платья. Мы можем начать завтра, когда я вернусь после поиска трав для аптеки. Ты принесла мне мыло?

— Да, принесла, — ответила Элдред и погнала вниз замешкавшихся парней. — Горлопаны, бездельники, — ворчала она.

Уинн быстро разделась и заколола косу наверх, говоря при этом:

— Эта рубашка порвана, потому что я оторвала от нее кусок, чтобы перевязать руку девочке. Мне нужен материал для пеленок и рубашечек для моего сына. — Она влезла в лохань и быстро села в нее. — Ахх-х! Как приятно вновь очутиться в теплой воде! Дай мне мыло и оставь простыню для вытирания. Я вымоюсь сама.

— Тогда я пошла спать, — проговорила Элдред, с улыбкой глядя на

Уинн. — Купаться ночью да еще в ноябре! — И она поспешно стала спускаться вниз.

Когда старуха ушла, Уинн услышала на лестнице шаги Эдвина Этельхарда, и он появился в комнате.

— Элдред сказала мне, что ты хочешь искупаться. Я присоединяюсь к тебе. — Он стал снимать одежду — Она поражена тем, что ты моешься почти каждый день.

— Разве саксонцы не моются регулярно, мой господин? — спросила Уинн. Она не была уверена, уместно ли будет ее смущение, но тот факт, что, едва зная ее, он вчера вечером овладел ею, делал ее скромность ненужной. К тому же она замужняя женщина и знает, как выглядит мужчина.

— Думаю, это зависит от человека, — ответил Эдвин. — Некоторые моются регулярно, другие нет.

— А вы? — Она подняла на него глаза.

— Да, — сказал он и встал в лохань, усаживаясь против нее. — Мне отвратителен запах немытого тела. — Он спокойно посмотрел на нее, но его глаза смеялись.

— Вы нашли что-нибудь смешное, мой господин? — спросила она едко.

— Да, — ответил он и усмехнулся.

— Что?

— Ты очень плохая рабыня. Ты просто ужасная рабыня, — проговорил он, еще раз усмехнувшись.

— Я не раба, — закричала она, переполняемая гневом.

— ТЫ, может быть, и не родилась рабой, Уинн, но сейчас ты на законном основании рабыня, моя рабыня. Однако ты ведешь себя скорее как жена, а не рабыня. Ты крепкой хваткой взяла мой дом. Я заметил, что слуги называют тебя госпожой. Даже мой младший сын и его женщины относятся к тебе с таким же уважением, как если б они обращались с моей женой.

— Это потому, мой лорд Эдвин, что я жена. Жена Мейдока из Пауиса и нахожусь в вашем доме против своей воли. Говорите и делайте что хотите, но вы не можете это изменить, потому что это правда. Я никогда добровольно не покорюсь вам. Пока я в вашем доме, я буду с уважением относиться к вам, потому что вы, как я уже сказала вашему сыну сегодня вечером, хороший хозяин.

Он не обратил внимания на взрыв ее чувств и весьма прозаически попросил:

— Помой меня, дорогая. Вода стынет, мы скоро простудимся. — Он повернулся к ней спиной.

«Мужчины, — раздраженно подумала про себя Уинн. — Они признают лишь то, что хотят признать, но это не имеет значения». Она не была рабой! Ни его, ни чьей-либо! Однако Уинн не могла не задуматься над тем, почему Мейдок еще не отыскал ее. Она не забыла замечания Болдера Армстронга сегодня после ужина. Уинн никогда не сомневалась, что Мейдок и его предки были волшебниками. Почему же он не приехал к ней? Почему ее поймали в эту довольно уютную клетку? Почему человек, который держит ее в ней, привлекает ее к себе все больше и больше, несмотря на краткое знакомство?

— Нежнее, дорогая, — предупредил он. — Ты сдерешь мне кожу с плеч.

Сумасшествие! Это какое-то сумасшествие, гневно размышляла про себя Уинн. Как такое могло с ней случиться? Она была счастлива и довольна, будучи женой Мейдока. И вот так внезапно очутиться рабыней этого очаровательного человека. Это приводило... приводило... приводило ее в ярость. Почему? Почему? Она плескала водой на намыленные плечи Эдвина Этельхарда. Сердиться не было смысла. Она своими руками разрушила свою счастливую жизнь с Мейдоком, не согласившись с его мнением о Брайсе. Теперь она страдала за свой порыв.

Внезапно тан повернулся и взял у нее кусок ткани, которым она его мыла.

— На будущее я запомню, что никогда нельзя отдавать себя в руки разгневанной женщины, — сказал он с юмором, при этом в его сероглубых глазах сверкали веселые огоньки — Почему ты сердисься, Уинн, и на кого?

— На себя, за то, что не поверила Мейдоку когда он сказал мне, что его брат просто дьявол. Если б я послушалась своего мужа, меня бы не было здесь с вами. Я была бы в безопасности в замке Скала Ворона. — И непрошенные слезы покатались по ее щекам.

Эдвин Этельхард с трудом сдерживал смех. Ему внезапно пришло на ум, в какой смешной ситуации они находились. Потом, трезво поразмыслив, он подумал, что ситуация скорее трагическая. Обнаженная, в ванне с чужим человеком, Уинн оплакивала прошлое, когда реальность была ее настоящим и будущим. Он, Эдвин Этельхард, был ее реальностью, и его поражало, как эта девушка овладела его сердцем. Что он на самом деле знал о ней?

— Ты устала. К тому же беременные женщины подвержены

внезапным и беспричинным слезам. Так было у моей Милдред.

— Я не ваша Милдред, — фыркнула она.

— Нет, конечно, ты не она. Ты моя дикая уэльская девочка. Мне кажется, Уинн, если поменьше горевать о прошлом, ты обретешь приятное и счастливое будущее.

Она отодвинулась от него и, встав на ноги, вышла из? лохани, чтобы вытереться. У Эдвина захватило дух от ее красоты. Прошлой ночью в постели он не мог как следует разглядеть ее. Теперь же он не в силах был отвести от нее глаз. Осматривая ее в зале, он хотел просто убедиться в ее физическом здоровье. Он заметил тогда, что она красива, но не настолько красива. Никогда в жизни у него не было столь восхитительной женщины. У нее были изящные ноги и руки. Высокое стройное тело только начинало наливаться. Он почувствовал, как загорается в нем желание, когда она, подняв руки, вынула заколки из волос, и коса упала с макушки, где была заколота. Ее груди колыхались в такт ее движениям.

Он вышел из ванны, и его возбужденное состояние стало явным. Их глаза встретились. Покраснев, Уинн быстро отвернулась от него.

— Я замерзла, — сказала она и, пройдя через всю комнату, шмыгнула под одеяло.

«Я завоюю ее, — подумал про себя Эдвин. — Я должен завоевать ее, потому что люблю ее. Мне непереносима мысль, что она может ненавидеть меня». — Он неторопливо вытерся и лег рядом с ней, обвив ее руками и нежно целуя сзади ее шейку. Она лежала совершенно неподвижно, и он вдруг разозлился.

— Я хочу тебя, — прорычал он.

— Как вам угодно, господин, — равнодушно ответила она. — Я ваша раба, и вы имеете право.

— Да! — сказал он в ярости. — Я твой хозяин, и у меня есть право. Я мог бы убить тебя, если б захотел, Уинн!

— Тогда сделайте это, потому что смерть лучше, чем рабство.

При виде ее страдания его ярость прошла.

— Нет, дорогая, я не причиню вреда ни тебе, ни твоему ребенку. Он повернул ее лицом к себе. — Взгляни на меня, Уинн, — ласково сказал он. — Ты должна смириться с неизбежностью. Если ты этого не сделаешь, то погубишь себя и, возможно, ребенка.

— Но жизнь можно изменить, мой господин, — настаивала она. Еще месяц назад я была нежно любимой женой принца Пауиса, однако этой ночью я лежу в постели другого человека, я его раба. Кто может поручиться, что в конце концов это не изменится?

У нее зеленые глаза, подумал он. Он понял это лишь сейчас. Ее рот так и манил к себе, спелый и влажный, губы от волнения слегка раскрыты. Он нежно коснулся губами ее губ и пробормотал:

— Да, все может измениться, дорогая, но сейчас разве ты не довольна мной? — Он чувствовал, как кровь гудела у него в ушах и настойчиво пульсировала в детородном органе.

Уинн видела желание в его глазах, и ею овладели печаль и отчаяние.

Ребенок зашевелился в ней, она знала, что ради малыша она должна выжить. Тем не менее она не могла не быть с ним честной.

— Я не знаю, Эдвин Этельхард, буду ли я когда-нибудь счастлива без Мейдока. — Потом, едва улыбнувшись ему, она добавила:

— Но я попытаюсь. «Это лучшее, что я могу сделать», — подумала Уинн. И они оба почти поверили неохотно произнесенным словам. Уинн перевернулась на живот и осторожно подтянула ноги. — Боюсь, если вы не удовлетворите свою страсть, мой господин, вы навредите себе, — проговорила она.

Он устроился за ней и нежно погрузился в ее плоть.

— Когда-нибудь ты будешь рада мне, — тихо проговорил он.

«Никогда», — подумала про себя Уинн, но вслух не произнесла ни слова. Он нежно и одновременно решительно проникал в нее, доставляя ей огромное удовольствие, несмотря на ее решимость остаться равнодушной. Когда он наконец заснул рядом с ней, Уинн опять попыталась мысленно связаться с Мейдоком, что делала каждую ночь после своего похищения. Между ними всегда была такая сильная связь.

Теперь же она чувствовала, что этой связи что-то мешает. Тем не менее она не могла прекратить своих попыток и никогда их не прекратит.

Планы побега тоже не покидали ее. Почти три недели Рори Бэн вез ее из Кей в Элфдин. Но ехали они медленно, так как рабы шли пешком.

Поэтому она предполагала, что ей потребуется столько же времени, если не больше, чтобы возвратиться в замок Скала Ворона. Она даже не знала точно направление, куда ей следует бежать, но надеялась, что сможет это выяснить.

Ей надо скоро пускаться в путь. Пока не лег снег и она еще в состоянии совершить такое путешествие. Она украдет лошадь! Она еще может ездить верхом и, если не осмелится пустить лошадь в галоп, по крайней мере поедет шагом. Ей потребуется несколько дней, чтобы разузнать все, что нужно для успешного побега. Она должна приложить все усилия, чтобы побег удался, потому что инстинкт ей подсказывал, что такого шанса у нее не будет. Мысль, что скоро она сможет покинуть

Элфдин, успокоила се, и Уинн наконец уснула.

Утром небо было серое и низкое. День, однако, выдался теплым. И, воодушевленная, Уинн взяла корзину и отправилась со старой Элдред за лекарственными травами для аптеки.

Сначала они побывали в садах, где Уинн как можно осторожнее содрала немного коры с вишневых деревьев, стараясь не повредить их. Потом они направились в поля и луга. Уинн повезло — она нашла болотный мирт, кору которого используют в качестве краски, листья, чтобы придать аромат элю, а из его сваренных сережек готовят благоухающий воск для свечей. К счастью, морозов еще не было, и Уинн удалось многое отыскать на полях и ближайшем болоте. Удивительно ароматный сладкий касатик, его желто-зеленые мечеобразные листья, растущие от корневища, можно использовать для приготовления духов, лекарств и в качестве ароматического средства. Среди древних каменных развалин Уинн нашла каперсы, большой запас каштанов и желудей, которые еще не уничтожили звери и не тронули черви. Желуди можно использовать очень широко. Истолченные, их добавляют в жир ягненка и готовят мазь от ожогов, желудевый чай может излечить дизентерию, но к нему надо обязательно добавлять мед, так как от желудей может болеть голова. Сваренные каштаны — прекрасное средство, возбуждающее страсть у холодного любовника.

К великому ее удивлению, Уинн обнаружила множество сосновых шишек, нетронутых птицами, и они остановились, чтобы отшелушить их, потому что под чешуйками могли поселиться маленькие червячки.

Такие шишки бесполезно брать домой, потом их приходится выбрасывать. Семена шишек помогают при болезнях мочевого пузыря и почек. В аптеке без них не обойтись.

Когда они прошли еще дальше, то встретили буквицу и шандру, а также палевую и болотную мяту, пудинговую траву — прекрасное средство от блох.

Внезапно Уинн остановилась, опустилась на колени и начала выкапывать растения. Они были большие, почти трех футов высоты и с ворсистыми листьями.

— Что это за урод такой? — спросила Элдред.

— Сырный сычужок, — ответила Уинн, — хотя многие называют его подмаренником. Сейчас на нем нет цветов, само растение делает молоко овец и коз жирным. Из стебля и листьев я могу получить желтую краску, чтобы придать сыру цвет, а из корней красную для шерсти.

— Никогда не слышала об этом, — грубовато сказала Элдред.

— Моя семья славится сырами уже много поколений. Наш сыр называют «гарнокское золото». К нам регулярно приезжают за ним торговцы из Корнуэла, Девона и Ирландии.

Они набрали на крошечную лужайку, где росли ромашки и еще один вид полыни, которая хорошо помогает от глистов, а чай из нее — от бессонницы.

— А вот тебе девясил, — позвала она Эддред и выкопала его. Высушенный и истолченный в порошок, корень смешивают с медом и уксусом и получают тоник. Когда они брели по другому краю небольшого болота, где уже нашли мирт и болотную мяту, Уинн заметила поздно цветущий арум и поспешила собрать его.

— Если б мне только удалось отыскать брионию, — пробормотала она.

— Она растет на тропе, ведущей к господскому дому, — отозвалась ее спутница.

— Я думала, ты мало что знаешь о травах, — съехидничала Уинн.

— Брионию я знаю. Для чего она?

— Я собираюсь приготовить Бирангари притирание для кожи из корня брионии, этого арума и козьего молока. И еще лимон, если я смогу его достать.

— Если спросишь меня, то я так тебе отвечу — это пустая трата времени, — заявила Эддред. — Ее лицо может быть гладким, как у младенца, но Кэдерик все равно не сможет добиться успеха ни с ней, ни с другой. Я слышала, что он мучает своих женщин бесконечными попытками получить наследника.

— Может быть, Бирангари хочет, чтобы ее кожа стала гладкой для собственного удовольствия, — предположила Уинн.

Стало холодать. Легкий ветерок, дующий с утра с востока, теперь сменился сильными порывами северо-восточного ветра. Небо потемнело. Эддред объявила:

— Скоро пойдет снег. Слишком долго было тепло. Когда в нашей долине такое случается, погода меняется быстро, и вскоре выпадает снег.

— Господи, пожалуйста, не надо! — прошептала Уинн.

— Выбросьте это из головы, дорогая, — ласково сказала ей старуха.

— Что? — вызывающе спросила Уинн.

— Побег. Будьте благоразумны, моя леди Уинн. Вы далеко от своего замка и к тому же с дитем. Зима уже на пороге. Если вы попытаетесь убежать из Элфдина, вас поймают. Если не поймают, сможете ли вы одна одолеть столько миль? Не думаете о себе, подумайте о ребенке.

— Я и думаю о ребенке. Мой сын — принц Пауиса, законно зачатый,

обречен родиться в рабстве! Как я могу допустить подобное, пока жизнь бьется в моем теле? Могу ли я позволить, чтобы мой сын никогда не знал своего отца, который скорбит о его потере, или не знал истории своего рода? Я не могу! Твой хозяин хороший человек. Мне повезло, благодаря ему я в безопасности; ноя вижу, что он проявляет ко мне больше внимания, чем ему следовало бы. Несмотря на мое прошлое, он каждую ночь берет меня в свою постель и овладевает мной. Он одинокий человек Он любит и хочет быть любимым. Я не могу дать ему свою любовь, потому что люблю Мейдока Пауиса, и всегда буду любить!..

— Моя леди Уинн, — терпеливо сказала Элдред, — вы должны смириться со своей судьбой, назначенной вам Богом. Мы — женщины, какой еще у нас есть выбор? Я крепостная, вы — раба. Такова воля Божья!

— Однако ты обращаешься ко мне, как обращался бы любой из моих слуг, моя добрая Элдред. В доме Эдвина Этельхарда есть и другие рабы, но с ними ты ведешь себя по-другому. Ты не считаешь меня рабой, как не считаю и я.

— Дождь начинается, — уклончиво сказала Элдред. — Надо торопиться домой, госпожа, — и с упрямым видом пошла вперед.

Уинн улыбнулась и побрела вслед за старухой.

Когда они добрались домой, Уинн отдала свою корзину Элдред, взяла пустую и направилась в огород набрать что удастся из домашних трав.

Если на самом деле пойдет снег, ударит мороз, то растения умрут до весны. Не обращая внимания на слабый дождь, она нарвала шалфея для успокоения нервов, сладкий укроп от жара, мяту, от болезней желудка и руту. В огороде росли латук, пастернак, свекла, шпинат. Все это шло в пищу, но могло применяться и для лечения. Латук от бессонницы, пастернак для возбуждения желаний, шпинат от кашля и грудных болей. Еще там росли лук, лук-порей, капуста, кабачки, огурцы. Уинн была поражена, что никто в доме не знал о применении и свойствах огородных растений. Встав на колени, она нарвала укроп, петрушку тмин, чьи семена тоже представляли ценность. Она обнаружила дикорастущую сладкую базилику, розмарин, майоран, а также садовый гелиотроп и тысячелистник прямо у огородной стены.

Повар Хил вышел из кухни и дружелюбно сказал:

— У меня есть лимоны, госпожа, если они вам понадобятся, большой запас яблок и немного винных ягод.

Уинн поднялась с колен и взяла корзину — Не могу найти лаванду. Не представляю, чтобы в настоящем хозяйстве не выращивали ее. Она не должна еще завянуть.

— Посмотрите за домом. У леди Милдред был маленький садик с травами и розами. Там вы найдете свою лаванду, госпожа.

Уинн поблагодарила его и торопливо пошла искать то, что осталось от садика леди Милдред. Она его действительно нашла там, где сказал Хил, и, конечно, в совершенно запущенном состоянии. После смерти Милдред за ним явно никто не ухаживал, и маленький садик одичал. В нем оказалось много лаванды. Когда она закончила срезать ароматные стебли, Уинн поняла, что устала и проголодалась. Ребенок довольно сильно шевелился в ней, как будто протестуя, поэтому она возвратилась домой.

Элдред уже приготовила для нее еду, зная, что Уинн не ела с раннего утра, а сейчас уже был полдень. На столе лежали сыр, свежий хлеб, хрустящие яблоки и сладкое вино, разбавленное водой, чтобы уменьшить его крепость.

— Вы невнимательны к себе, — ворчала Элдред. — Почему вы о себе не заботитесь? Вам теперь надо подумать о ребенке, моя госпожа.

— Если я буду сама о себе заботиться, что тогда тебе делать? — Она отрезала толстый кусок сыра и тонкий ломтик хлеба и начала с жадностью их есть.

— Хе! Хе! Хе! — раскудаhtалась довольная старуха. — Когда вы закончите трапезу, госпожа, мы примемся за шитье.

Как и предсказала Элдред, ночью пошел снег. Большие мокрые хлопья наполовину таяли, не успевая опуститься на землю, где они превращались в воду, поскольку земля была теплой. Снегопад напомнил Уинн, что она не смеет больше медлить. Ей ничего не удалось разузнать, в какую сторону ей надо бежать. Ни крепостные, ни рабы, к которым она обращалась, не знали и не проявляли к этому интереса. Она знала, что темные холмы к западу отделяют Англию от Уэльса, но к ним не было прямых дорог. Если б только Мейдок научил ее изменять свой облик, она давно бы уже превратилась в птицу и улетела обратно домой.

Она бродила по окрестностям, высматривая в небе старину Дью.

Уинн была уверена, что он найдет ее и освободит.

Эдвин Этельхард наблюдал за ней, легко разгадывая ее мысли, знал, что она ищет способ побега, и понимал, что Уинн возненавидит его, если ему придется спасти ее от самой себя и того опасного пути, на который она стремится ступить. Со временем она поймет, что он был прав, и, возможно, не перестанет его ненавидеть. Когда Уинн прожила в Элфдине уже три недели, он как-то вечером позвал ее в зал, где сидел в одиночестве. Семейство его уже давно разбрелось по своим помещениям.

— У меня для тебя есть подарок, — тихо сказал он и развернул ткань,

лежащую перед ним на столе.

— Что это? — спросила с интересом Уинн, расстроенная тем, что он делает ей подарок.

Он поднял предмет, и кровь отхлынула от ее лица.

— Нет! — сердце бешено забилося при виде блестящего бледно-золотого круга.

— Надень это, Уинн. Он сделан специально для тебя, тебя одной. Знак моего высочайшего расположения.

— Это ошейник раба, — с трудом произнесла она. — Я не буду носить ошейник раба! — Она чуть не плакала и изо всех сил старалась сохранить спокойствие.

Он поднялся и подошел к ней с ошейником в руках.

— Посмотри на него. Он сделан из прекрасного золота и украшен зелеными агатами, которые подходят к твоим глазам. — Он протянул руку и погладил ее нежную шею. — Я не допущу, чтобы на такой прелестной шее был железный или кожаный ошейник.

— Он будет натирать мне кожу, — в отчаянии прошептала она. — Вы ведь, конечно, не захотите, чтобы на ней остался след?

— Он будет свободно лежать у тебя на шее, а если на самом деле станет тереть, дорогая, тогда я прикажу подложить под него шерсть ягненка.

Она почувствовала, как ошейник обвился вокруг ее шеи и был заперт крохотным ключиком. Уинн сидела, парализованная ужасом, не способная ни пошевелиться, ни сопротивляться ему. Он ласково поцеловал ее шею и нежно прошептал ей на ухо:

— Теперь, Уинн, тебе не убежать от меня. Неужели я не знаю о твоих планах побега? Ах, дорогая, и как далеко тебе удалось бы уйти? Думаешь, что тебе удалось бы спастись от хищников, двуногих и четвероногих, подстерегающих тебя на пути домой? — Он встал перед ней на колени, обняв ее полнеющую талию. — Я влюблен в тебя, Уинн, с самого первого момента, как увидел тебя. Я не был бы так жесток с тобой, но я должен защитить тебя от твоей собственной неразумности.

С этим ошейником раба ты не сможешь убежать от меня. Для всех ты отмечена как раба.

— Я никогда не прощу вам этого.

— Со временем простишь, — ответил он с уверенностью. — И этот ошейник не будет на тебе вечно, Уинн. В тот день, когда ты станешь моей женой, я сниму его с тебя.

— Я не могу выйти за вас замуж, — закричала она, вскакивая на

ноги. — Почему вы не можете понять? Я Уинн из Гарнока, жена Мейдока, принца Пауиса!

— Нет, — произнес он, — Ты Уинн, уэльская рабыня, принадлежащая Эдвину Этельхарду, тану Элфдина. — Потом, поднявшись, он посмотрел на нее. — Ты, Уинн, самая любимая женщина Эдвина Этельхарда.

— Называйте меня как хотите, мой господин, — гордо произнесла она. — Вы не сможете сделать из меня рабыню, даже надев на меня ошейник. Я никогда не буду вашей женой. — Потом она повернулась и пошла из зала наверх в большую комнату.

«Она со временем полюбит меня, — подумал про себя Эдвин Этельхард.

— Непременно полюбит. Должна, потому что я не могу без нее жить!»

Глава 13

Мейдок вернулся домой из долины и застал слуг трепещущими от страха и скорби.

— Вчера рано утром она одна отправилась верхом на лошади, — смело сообщил ему Эйнион.

— Почему ты не поехал с ней? — грозно спросил принц, стараясь сдерживать неистовое биение сердца. — Где моя жена?

— Меня с ней не было, потому что я не знал о ее желании совершить прогулку верхом, мой господин. Если б я знал, то, конечно, был бы неотлучно при ней. Разве не я оберегал ее от несчастий всю жизнь? Она сказала конюхам и стражникам, что дальше моста не поедет. Они отпустили ее, надеясь, что с ней ничего не случится. Потом все занялись домашними делами, и никому в голову не пришло поинтересоваться, вернулась ли моя леди Уинн домой, до тех пор, пока не пришла ее лошадь.

— Ты отправил людей на поиски? — спросил Мейдок, заранее зная ответ. — Уинн! — раздался крик его сердца. — Где ты, дорогая?

— Я сам повел людей искать мою госпожу, но было уже темно. Утром, как только рассвело, мы опять отправились на поиски. Мы не нашли леди Уинн, а только ее тунику и рубашку. Они были порваны и окровавлены, словно какая-то дикая тварь... — Эйнион не смог договорить.

— Она жива! — гневно закричал Мейдок. — Как это могло случиться? Как?

— Мы не нашли тела, — придя в себя, согласился Эйнион. — Ни единой части. Ни туфель, ни драгоценностей, ничего, кроме этих двух вещей. Словно кто-то...

— ..Хотел заставить нас поверить, что Уинн мертва, — закончил Мейдок мысль Эйниона. Его голову уже переполняли разные предположения и тревожные мысли.

— Но у вас нет врагов, мой господин. Кто же мог совершить столь ужасное преступление?

Мейдок покачал головой.

— Не знаю, мой друг, но собираюсь выяснить.

В течение нескольких дней лес тщательно прочесывали в надежде отыскать хоть малейший след Уинн, но все напрасно. Ни тела, ни костей не нашли. Не осталось вообще никаких следов леди из замка Скала Ворона. Земля словно разверзлась и поглотила ее. Мейдок приказал объявить во

всем Пауисе об исчезновении его беременной жены, опасаясь, что ее похитили. Сходство между прежней их жизнью и теперешней не ускользнуло от Мейдока. Было назначено вознаграждение тому, кто сообщит принцу сведения о его жене.

Его следующим шагом было посещение Кей, поскольку он все еще слышал в ушах голос Уинн, уговаривающий помириться с братом. Неужели она пренебрегла его мнением и отправилась повидаться с Брайсом? Мейдок не мог допустить, чтобы она оказалась так неразумна, хотя во многом Уинн все еще оставалась ребенком.

— Почему ты являешься ко мне с таким многочисленным отрядом воинов за спиной? — вместо приветствия спросил его Брайс. — Ты не доверяешь мне?

— Нет, не доверяю. Моя жена пропала, Брайс. Ты не знаешь, где она?

— Присядь, Мейдок. Не хочешь ли вина? — спросил Брайс. — Твоя варварская настойчивость переходить сразу к делу лишает меня присутствия духа, дорогой брат.

— А твоя уклончивость, Брайс, очень для тебя характерна. Ты знаешь, где Уинн? — грозно спросил Мейдок.

От его пронизывающего взгляда Брайс почувствовал себя неудобно.

— Почему я должен знать, где Уинн, Мейдок? Мне жаль, что ты не смог уберечь свою жену, особенно когда она носит твоего наследника. Мне говорили, что беременные женщины с причудами. Может, она поехала в Гарнок? Ты отправил гонцов к ее брату? Может быть, она там? — Епископ Кей томно поднес к губам серебряный кубок, украшенный ониксами, и пригубил вино. Затем, поставив кубок, он улыбнулся Мейдоку и произнес:

— Если б я знал, где твоя жена, дорогой брат, я бы тебе все равно не сказал. Твое страдание восхитительно. Никогда не подумал бы, что твоя слабость будет заключена в женщине, Мейдок.

Каким заурядным и простым ты стал.

Темно-синие глаза Мейдока угрожающе сузились.

— Не вызывай меня на опрометчивый поступок, Брайс, — предостерег он.

Брайс презрительно расхохотался.

— Ты ничего со мной не сделаешь, Мейдок. Это противоречит твоей доброй натуре. Ты всегда употреблял свою силу лишь на добрые дела.

Кроме того, я твой брат.

Мейдок покачал головой.

— Ты прав, Брайс. Я не могу уничтожить тебя. Я не стану рисковать своей бессмертной душой даже ради мгновения высочайшего наслаждения,

которое я получу, убив тебя. Не сейчас. Не в этот миг времени.

Но наступит день, Брайс, когда поднимется во мне кельтский воин и я наконец убью тебя, даже если буду за это проклят.

— Вот в этом мы с тобой отличаемся, дорогой брат, потому что я могу убить тебя прямо сейчас, — ответил Брайс, улыбаясь.

— Где Уинн? — повторил вопрос Мейдок.

— Не знаю, — ответил Брайс и снова улыбнулся, но Мейдок знал, что он скорее примет смерть, чем откроет тайну.

Принц Пауиса повернулся и вышел из зала. Во дворе его нетерпеливо ждал вооруженный отряд.

— Ну что? — спросил Эйнион.

— Думаю, он знает, где Уинн, но ни за что не скажет мне.

— Дайте мне несколько минут, мой господин, — попросил Эйнион. — Мне он скажет!

— Нет. Он скорее умрет. — И принц утомленно прислонился к коню. — Она была здесь, Эйнион. Я чувствую это!

— Вы думаете, она еще здесь, мой господин? Возможно, он ее где-нибудь прячет? Мы обыщем замок Кей!

— Нет, ее увезли отсюда! — сказал Мейдок. — Я это чувствую. Мы тоже должны ехать, мой друг. — Он вскочил на коня и дал команду воинам следовать за ним.

Они выехали из замка и двинулись по дороге, ведущей к Скале Ворона. Оставив позади не больше одной-двух миль, отряд уже начал втягиваться в лес, как вдруг они услышали из зарослей чей-то голос.

— Пусть принц Пауиса сойдет с коня и один войдет в лес. Я расскажу ему о его жене.

— Это хитрость вашего брата, — мрачно сказал Эйнион.

— Нет, — ответил Мейдок, соскочив с коня. — Думаю, это голос удачи. — И он углубился в лес, пока голос не велел ему остановиться.

— Кто ты? — спросил Мейдок.

— Кто я, неважно, мой господин, — ответил мужской голос. — Мне известна судьба вашей жены, и я вам расскажу.

— Почему? Как я могу верить тебе? Если ты знаешь, что случилось с Уинн и нашим нерожденным ребенком, тогда ты, конечно, связан с моим братом, который замыслил этот заговор и желает мне только зла, — сказал Мейдок — Это так, мой господин, — согласился голос, — хоть я и служу вашему брату, он принес мне и моей семье большое горе. Я не смею открыто бросить ему вызов, потому что бессилён перед ним, но я могу отомстить, и он даже не будет знать. Ваш брат убил мою младшую сестру,

он забил ее до смерти, потому что она попыталась убежать от него после того, как он принудил ее удовлетворять его похоть такими дьявольскими способами, что я не могу описать вам, мой господин. Ваша добрая жена попыталась спасти мою сестру, а когда ей это не удалось, она держала Глэдис за руку и молилась о ней, пока бедняжка не умерла. Если б не она, моя сестра умерла бы в одиночестве и страхе. За эту доброту я в долгу перед вашей женой, а я всегда плачу долги.

— Где моя госпожа? — мягко спросил Мейдок Как похоже на Уинн — попытаться помочь одной из жертв Брайса даже в ущерб себе.

— Ваш брат послал за человеком по имени Рори Бэн, ирландским работорговцем. Он продал вашу жену этому человеку, который, как я знаю, отправился с ней в Англию. К сожалению, я не знаю, куда именно, мой господин.

— Ты уверен в том, что мне рассказал?

— Да, мой господин. Я был в зале, когда совершалась эта дьявольская сделка. Ваш брат угрозами заставил леди Уинн молчать. Он и раньше имел дела с Рори Бэном. Странно, но этот работорговец честный человек. Если вы поищите его по дорогам, ведущим в Англию, кто-нибудь да расскажет, где его можно отыскать, мой господин.

— Я вознагражу тебя, мой друг, — сказал Мейдок.

— Не надо, мой господин. Я уже вознагражден, надеюсь, оплатив добром за доброту вашей жены к моей сестре.

— Я, наверное, могу что-нибудь сделать для тебя, — продолжал настаивать Мейдок, но голос не отозвался, и он понял, что человек ушел.

Спешно вернувшись к своему отряду, Мейдок вскочил на коня и крикнул:

— В Скалу Ворона!

По дороге он поведал Эйниону все, что рассказал ему голос.

— Вы верите ему? — спросил Эйнион. — Уверены ли вы, что это не обман?

— Уверен! — мрачно ответил Мейдок — Это как раз то, что злодей Брайс сделал с Уинн.

— Что вы собираетесь сейчас предпринять, мой господин?

— Я должен все хорошенько обдумать, Эйнион. От моих решений зависит судьба Уинн и нашего ребенка.

Когда они возвратились в замок, Мейдок закрылся в своей комнате в башне, решая, какой лучше избрать путь поисков Уинн. В одном он был уверен: ему необходимо поговорить с Нестой, поскольку она тоже была частью этого. Распахнув настежь окно в башне, он произнес: «Кодэм из

айнм дом. Кодэм из айнм дом. Ти си Кодэм!»

Он мысленно представил ворона, старину Дью. Потом почувствовал плавные взмахи крыльев, когда они поднимали его вверх, он вылетел через окно, попав в воздушный поток, и устремился на юго-запад в Сант-Брайд.

День быстро угасал. Мейдок знал, что должен долететь до Сант-Брайда до захода солнца или ему придется провести ночь без крова, поскольку луна еще не родилась. Он пролетал над Гарноком и обрадовался, что имение процветает. Стада тучных коров паслись на поросших сочной травой лугах, мирно соседствуя с оленями. Он почувствовал запах соленой морской воды прежде, чем увидел само море. Но когда он долетел до него, солнце быстро спряталось за ярко-алый горизонт.

Потом появились башни и башенки Сант-Брайда, и черный ворон опустился на причудливый каменный балкон, выходящий на море.

«Мейдок из айнм дом. Мейдок из айнм дом. Ти си Мейдок!» — произнес он заклинание и снова стал человеком. Принц внимательно посмотрел в сторону моря, которое в тот момент было спокойно. Он сосредоточился и мысленно позвал Несту.

Она пришла, внезапно появившись на балконе. Ее просторное платье мягко обвевало ее уже довольно большой живот.

— Мейдок! Что случилось? Ты не прилетел бы, если б не что-то серьезное. С Уинн все в порядке? — Она поцеловала его в щеку.

— Уинн похитили и продали в рабство.

— Брайс! — сказала Неста. — Это дело рук Брайса, правда?

— Да. Приближается то время, когда я должен буду убить его. Другого пути нет.

— Господь найдет выход, Мейдок, а что известно об Уинн? Ты знаешь, где она? — Неста выглядела очень обеспокоенной. — Бедная девочка!

— Последние недели мы спорили с ней о Брайсе, — сказал Мейдок — Она не верила, что он настолько зол, что его нельзя исправить. Она хотела, чтобы мы простили его и семья вновь соединилась. Она хотела этого ради нашего ребенка и твоего тоже, сестра. Все, что мне удалось узнать, это то, что ирландский работороговец по имени Рори Бэн повез ее в Англию. Сначала я должен выследить его, прежде чем смогу найти свою жену. Я хотел предупредить тебя, Неста, потому что должен немедленно начать поиски. Когда родится твой ребенок, меня скорее всего не будет в замке.

— Семья Уинн знает о ее похищении, брат? Ты не можешь скрыть это от них. Через несколько дней приезжает ее бабушка, леди Энид, в Сант-Брайд, чтобы помочь мне при родах. Мне, Мейдок, будет неудобно скрывать от нее такую новость.

— Ты можешь сказать ей, Неста, и попроси не волноваться, потому что я отыщу Уинн и привезу домой целой и невредимой.

— Ты добрался до нее?

— Да, но безответно. Я кричу словно в пустое дерево. Ответа нет, но я знаю, что она жива. В случае смерти возникает совершенно другое ощущение.

— Может, это из-за ребенка, Мейдок. Вероятно, ребенок закрывает твой путь к Уинн, — предположила Неста.

— Ты ведь услышала меня.

— Да, — она кивнула, улыбаясь, — но мы были с тобой вместе всю нашу жизнь, брат. Кроме того, ты звал меня в моем собственном замке. А к Уинн ты стремишься через многие мили. Она, безусловно, напугана и беспокоится о судьбе вашего ребенка. Поверь мне, что страх за него поглотил ее всю, и она не может услышать тебя, поскольку думает только о том, как бы уберечь и сохранить вашего малыша. Вся ее сила обращена именно на это, я знаю по себе, Мейдок.

— Конечно, ты права, сестра, ни о какой другой причине, по которой я не могу с ней связаться, думать и не приходится, — согласился Мейдок. — Так тяжело, Неста! Я хочу добраться до нее, успокоить мою бесценную и не могу!

— А что Брайс? Что ты собираешься предпринять?

— Пока ничего, сестра. Все мои усилия должны быть направлены на поиски Уинн. На поиски Рори Бэна. Я не могу сейчас отвлекаться на Брайса.

— Ты не должен недооценивать Брайса, Мейдок, — предупредила Неста. — Хотя ты знаешь, какой это дьявол, ты всегда позволяешь ему перехитрить себя. Почему ты не приставил к Уинн охрану, когда узнал, что ее доброе сердце решило примирить всех нас.

Мейдок покачал головой и глубоко вздохнул.

— Ни на один миг, сестра, я не мог поверить, что Уинн будет искать встречи с Брайсом. Как я мог предвидеть такую доброту в ее сердце?

— Ты никогда по-настоящему не знал ее, верно, Мейдок? Небеса помогают вам обоим! В том другом времени и в другом месте у нее была такая же доброта, что и сейчас, в этом времени и этом месте. Тебе надо было распознать в ней это, но ты не смог, — упрекнула его Неста.

— Нет, не смог, — согласился Мейдок, — и еще раз моя слепота дорого нам стоит, но у меня сейчас есть по крайней мере моя сила, и я использую ее до конца, чтобы разыскать Уинн. Я верну ее домой, чтобы мы могли наконец прожить наши жизни вместе, как и собирались.

Неста обняла его.

— Ты должен войти в замок и переночевать, Мейдок.

— Что ты скажешь Ризу? — спросил он с улыбкой.

— Что мой брат приехал неожиданно, — ответила Неста, слегка подмигнув ему — Риз все еще в благоговейном трепете перед нашей семьей, Мейдок, и не потребует подробных объяснений.

Неста оказалась права. Риз был более чем в восторге, что этот вечер он проведет в обществе своего шурина, и предложил любую помощь, какая потребуется Мейдоку в поисках Уинн. Если ему и было интересно узнать, каким образом его шурин приехал к ним столь неожиданно, без лошади и свиты, то он держал свое любопытство при себе. И даже проснувшись утром и не обнаружив в замке Мейдока, он не изумился. Его это не касалось, а его отношения с братом жены основывались на взаимном доверии.

Мейдок возвратился в свой замок, в уединенную комнату в башне и начал вызывать чары, которые могли дать ему возможность взглянуть на Уинн либо дать намек на то, где ее искать, но, к его великому удивлению, колдовство в этом случае оказалось бессильно. Он отправил в Англию своих людей на поиски работорговца, известного под именем Рори Бэн. Они проследили его путь сначала до Херефорда, а потом в Вустер, где след его терялся. Никто не знал, в какие края направился маленький ирландец. Хотя хозяин гостиницы, у которого он останавливался, слышал, как постоялец упоминал Бретань, или это была Византия, он не был уверен. Одно было вне сомнений: среди рабов, принадлежавших Рори Бэну, никто не помнит рабыню, внешнею напоминающую Уинн.

— У него мог быть на примете покупатель на нее, и это затруднит наши поиски, мой господин, — сказал Эйнион. — От Кей нет прямой дороги в Англию. Сначала Рори-Бэну пришлось идти на юг, потом опять на север в Херефорд и Вустер. Мы вынуждены будем проделать тот же путь, но только медленно, чтобы по дороге выспрашивать о состоятельном тане, который купил дорогую рабыню.

— Откуда ты знаешь, что он не продал ее кому попало, Эйнион? — спросил принц слугу своей жены.

Эйнион обнажил зубы в свирепей улыбке.

— Я еще помню свое пребывание в руках работорговцев, мой господин. В любой стране такие женщины дорого стоят. И не только это.

Она с ребенком — вот доказательство ее плодовитости и дополнительная прибыль ее покупателю. Кто бы он ни был, это должен быть богатый человек, и нам нужно сначала найти его, прежде чем мы

сможем отыскать леди Уинн.

— Мы выезжаем утром, — порывисто сказал Мейдок, Эйнион покачал головой.

— Нет, мой господин. Ни вы, ни я ничего не сможем разузнать. Я слишком внушительный, а вы, мой господин, слишком царственны. Простые люди таких боятся. Отправьте тех, которые растворятся в толпе, и об их наружности быстро забудут, если кого-то насторожат их вопросы.

Вы должны разделить территорию на участки, где будут вестись поиски, и туда пошлите по человеку.

— Который, — сказал Мейдок, быстро оценив мудрость идеи Эйниона, — отправится в путь как бродячий торговец, но не один, а с помощником. Они прочешут отведенный им участок вдоль и поперек, выспрашивая, кто на этой территории имеет средства, чтобы купить себе дорогую рабыню. А когда выяснится, где находится моя жена, Эйнион, тогда один из них может быстро доскакать до замка Скала Ворона и сообщить эту новость.

— А уж потом, мой господин, — закончил Эйнион, — мы можем пускаться в путь сами и благополучно вернуть мою госпожу и вашего ребенка домой.

— Карту! — закричал Мейдок. — Нам нужна карта! Отправляйся в долину в монастырь, у них есть карты, которые нам нужны, передай старшему пастуху, чтобы он дал монахам шесть овец от лорда из замка Скала Ворона.

— Мне сказать монахам, зачем нам потребовалась карта, мой господин?

— Нет, я не хочу, чтобы мой брат знал, что мы делаем. Неста считает, что я недооцениваю Брайса, и она права. Нам нужны глаза и уши в замке Кей. Незнакомец, сообщивший мне о судьбе Уинн, воин, чью юную сестру Брайс забил до смерти после того, как изнасиловал ее.

Найди мне этого человека и убеди его помочь нам, Эйнион.

— Что предложить ему, мой господин? Золото мы ему не можем дать, у него могут его обнаружить, — мудро заметил Эйнион.

— Скажи этому воину, что я дам ему службу здесь, в Скале Ворона, и приют для его семьи, — ответил Мейдок — Если он почувствует, что ему угрожает опасность, даже до окончания поисков, Эйнион, передай ему, чтобы он не мешкая приходил ко мне вместе со своими близкими. Я не хочу запятнать руки кровью невинного человека, но я желаю знать, что делает Брайс, еще до того, как он сам об этом узнает.

— Очень хорошо, мой господин, — сказал Эйнион и, отвесив поклон,

удалился.

Мейдок поднялся в башню, в свою уединенную комнату, и устремил взгляд в сумерки. Начал падать снег. Он почувствовал, как разрушительная волна накатила на него. Зима. Зима уже на пороге. В плохую погоду трудно будет начать поиск. Где-то за горами, на английской стороне Рва Оффы была его жена. Страшно ли ей? В безопасности ли она?

Чувствовала ли она своим сердцем, что он стремится к ней и уже сейчас ищет ее? Его терзала мысль, что Уинн, несомненно, родит без него их ребенка, если только не произойдет чуда. Что, если она умрет при родах? Что будет с их сыном? Он гневно отбросил мрачные мысли.

Терпение. Добродетель, которую он не особенно любил, но которую развил в себе по необходимости сквозь многие века. Он знал, что еще раз должен проявить терпение. Когда у него будут карты, он поделит огромную территорию, разделяющую его и Уинн, на маленькие участки. Каждый из них будет тщательно прочесан в поисках хоть малейшего следа Уинн. На это нужно время и счастливый случай.

Уинн храбрая, она должна знать, что он не бросит ее одну, что он не поверил пустой уловке Брайса. Он ищет ее и обязательно найдет и возвратит на принадлежащее ей по праву место рядом с ним. Уинн тоже должна быть терпеливой. Она должна понять, сколько трудностей предстоит ему преодолеть, чтобы отыскать ее.

Время. Почему бежит так быстро, когда жизнь приятна, и так медленно, когда вы хотите, чтоб оно ускорило свой бег? Уинн смотрела сквозь узкое окно в большой спальне на сильный серый ливень. Прошло лишь пять месяцев после ее похищения, а казалось, что она покинула Скалу Ворона много лет назад. Зима была холодной, а сейчас, в этот долгожданный день весеннего равноденствия, дождь лил нагоняющими тоску потоками. Она отвернулась от окна, слеза скатилась по ее щеке. Где Мейдок? Почему он ее еще не нашел? Конечно, он не поверил, что она мертва. Он не поверил бы ни за что! Как мог он оставить ее одну рожать их ребенка? Она уже была в родах с раннего утра, но никому ничего не сказала. Если рядом с ней нет мужа, она не хотела никого другого видеть подле себя. С того дня, когда Эдвин Этельхард надел ей на шею ошейник раба, Уинн почувствовала, словно какие-то чары не пускали к ней Мейдока. Не было никакой возможности избавиться от ненавистного ошейника. Эдвин закрыл его на ключ, который носил при себе. Сначала Уинн потребовалось все ее мужество, чтобы не сойти с ума, потому что ошейник не только открыто заклеил ее, но он оказался отличным сдерживающим средством, как и предполагал тан. Она никуда не могла пойти, чтобы ее, как

рабыню, не заметили, что означало крушение ее надежд на побег.

Вначале она злилась на свою судьбу, но потом по здравом размышлении поняла, что Эдвин — единственный, кто сможет освободить ее.

Поэтому Уинн решила убедить его, что она довольна своей участью.

Она знала, как сильно он хочет сделать ее своей женой. После рождения ребенка она примет его предложение. В Элфдине нет священника, поэтому они не могут официально считаться мужем и женой, пока не привезут святого отца. Ее положение изменится только в одном — она вновь станет свободной. Когда она расскажет священнику о своем затруднительном положении, он, конечно, запретит этот брак. У Эдана не будет другого выхода, как отпустить ее домой. В своем отчаянном положении и по наивности Уинн была убеждена в успехе ее замысла, поскольку хотя Эдвин и отличался упрямством, но он был благородным человеком. Поэтому все прошедшие месяцы она со всеми была приветлива, несмотря на свой золотой ошейник, она никогда не забывала, что она — Уинн Гарнока, жена Мейдока, принца Пауиса.

«Мейдок!» — полушепотом позвала она. Сильная боль схватила ее, она шумно вздохнула, потом еще раз. Когда боль прошла, Уинн разогнулась и медленно побрела через всю спальню к стулу, предназначенному для родов, с отверстием в центре, который уже был установлен для нее.

Уинн сняла верхнюю желтую и нижнюю сиреневую туники. Аккуратно сложила их и убрала в большой резной сундук, который дал ей Эдвин для ее вещей.

В сундуке хранились вещи, необходимые ей для родов. Она вынула несколько плотных кусков ткани и расстелила их под стулом, затем выложила крошечную детскую распашонку, чепчик и пеленку, полотенце и, наконец, склянку с растопленным салом ягненка, чтобы протереть младенца. Еще одна резкая схватка согнула ее, и Уинн громко застонала. Она уселась на стул, раздвинув ноги и подняв к талии рубашки. И как только она это сделала, из нее хлынул поток воды. Раздраженно бормоча, Уинн медленно поднялась, опустилась на колени, убрала мокрые тряпки и постелила свежую ткань.

Мокрые она отложила в сторону для стирки. Выбросить что-то на ветер было для нее проклятием: как большинство женщин ее времени, она отличалась бережливостью. Затем Уинн вернулась к своему стулу.

Боль. Еще один приступ боли охватил ее. Она уцепилась за ножки стула, стараясь не кричать слишком громко. Она знала, что Эдвин осматривает залитые водой ячменные поля, которые были засеяны на этой

неделе. Его сыновья и их семьи днем обычно находились в своих помещениях. Эддред Уинн сознательно отправила на кухню обсудить с Хилом, что надо сажать в огороде в этом году. Повар попросил ее взять на свое попечение эту небольшую часть его владений. «Чтобы вы могли иметь все, что вам необходимо для аптеки, госпожа», — сказал он.

Схватки участились, начались потуги. Она не могла удержаться и с сильным стоном потужилась раз, второй, третий. На короткий миг боль отступила. Потом вновь охватила ее. Уинн не в силах была уже остановить ее, поскольку ребенок вот-вот должен был родиться. Не сумев сдержаться, Уинн громко закричала, тужась при этом. Боль раздирала ее. Она чувствовала, что ребенок появляется на свет, но в этот миг ей вдруг пришло в голову, сможет ли она действительно без помощи родить сына Мейдока. У нее вновь вырвался пронзительный крик, потом, к ее облегчению, она услышала на лестнице знакомые шаги.

Эдвин Этельхард ворвался в большую спальню и бросился на колени подле нее. Руки его скользнули под стул.

— Ребенок наполовину родился, моя дикая уэльская девочка.

— Я не хочу, чтобы вы были здесь, — с трудом выдохнула она в то время, как очередной спазм сжал ее, и она еще раз потужилась. — Я... я хочу Мейдока! — Тем не менее она была рада ему, хотя и не признавалась в этом.

— Потужься еще, еще, — спокойно говорил он ей, не обращая внимания на ее показной гнев.

— Я ненавижу вас! — выкрикивала она ему в лицо, но подчинялась.

Внезапно Уинн поняла, что ее труды почти закончены. Из-под стула она услышала какой-то слабый звук, за которым почти сразу раздался крик младенца. Тяжело дыша и превозмогая не такие сильные, как раньше, боли, она освободилась от последа и с удовольствием наблюдала, как Эдвин нежно протирал ребенка. Он умело надел на младенца крошечную распашонку и чепчик, со знанием дела запеленал его и вручил Уинн.

— У тебя сын, моя дикая уэльская девочка! — одобрительно сказал он. — Как ты назовешь его?

Уинн посмотрела на сына, и слезы навернулись ей на глаза. «Как он похож на Мейдока», — печально подумала она. Они собирались назвать его Анвиллом, как и того ребенка из другого времени, но она знала, что обстоятельства рождения ее сына не позволяют ей дать ему это имя.

Когда-нибудь они станут свободными, но Уинн не хотела забыть зло, причиненное им Брайсом. Взглянув на Эдвина Этельхарда, она кротко ответила:

— Его зовут Арвел ап Мейдок. Арвел — значит оплакиваемый, потому что сын Мейдока, принца Пауиса, находится далеко от своего дома, оплакиваемый всеми; его матерью, проданной в рабство, отцом, который так ждал его и потерял еще до рождения. — Она передала младенца обратно тану. — Возьмите его, мой господин, и положите осторожно в колыбель, пока я займусь собой.

— Если вы выйдете за меня замуж, я выращу вашего сына, как своего собственного, — сказал Эдвин, укладывая малютку в колыбель.

— И он не будет считаться рабом? — спросила Уинн, приводя себя в порядок после родов. — Наследник Пауиса-Венвинвина не должен быть рабом!

— Нет! С момента его рождения он свободен, и я это объявлю всем, моя дикая уэльская девочка! — прочувствованно объявил Эдвин Этельхард.

Уинн вытащила чистую рубашку из сундука и надела, бросив прежнюю в кучу грязного белья. Потом медленно забралась в постель. У нее все болело, и она чувствовала ужасную усталость.

— Не уверена, что поступаю правильно, но я буду вашей женой, — пообещала она, — если священник, узнав мою историю, обвенчает нас.

Он кивнул.

— Сейчас у нас в Элфдине нет священника, хотя я обращался с просьбой в епархию в Вустер, они пока не дали нам своего благословения. Пока не пришлют священника, ты, Уинн, будешь жить со мной открыто, как моя жена. Я объявлю всем, что собираюсь обвенчаться с тобой, чтобы к тебе относились с почтением, как к хозяйке дома, все твои дети — это мои дети. Нет ничего необычного в таком соглашении перед вторым браком у нашего народа. А теперь отдыхай, моя дикая уэльская девочка. Ты хорошо потрудились сегодня. Я отправлю Элдред приглядеть за Арвелом, не бойся за него. — Он наклонился и нежно поцеловал ее, его вьющаяся борода пощекотала ей щеку. Потом он ушел.

«Я поступила правильно, — засыпая, думала Уинн. — Арвел никогда не будет рабом, что бы ни случилось». Она проследит, чтобы Эдвин выполнил все свои обещания. К ней, как хозяйке Элфдина, будут относиться с большим уважением, чем сейчас к целительнице Уинн.

У нее кружилась голова от счастья, и облегчение переполняло ее. Она, пройдя через родовые муки невредимой, родила красивого и здорового ребенка. Сына. Несмотря на дождь, на дворе весна. Мейдок найдет их. Зима, конечно, помешала его поискам. Теперь, когда пришла весна, он их разыщет. И это произойдет до окончания ее шестинедельного выздоровления после родов, в крайнем случае вскоре после него. Даже

если Эдвин заявит на нее свои супружеские права, она знала, что кормящие женщины не беременеют. Все будет хорошо.

Мейдок скоро найдет ее, а тем временем ее новое положение в доме защитит ее сына.

Эдвин Этельхард на самом деле сдержал слово. Через несколько дней он привел Уинн в зал. На ней была надета кремовая туника, которую украшали вышитые золотыми нитками изящные бабочки. Под нее Уинн надела шелковую нижнюю тунику ярко-желтого цвета. Это был подарок Эдвина на следующий день после рождения Арвела. Платье было сшито по его повелению втайне от Уинн. На правом плече была приколотая круглая золотая брошь, украшенная зелеными агатами — еще один подарок от нового мужа.

Эдвин собрал всю семью, слуг, свободных людей и крепостных, сколько мог вместить зал. Уинн должна была признать, что он выглядел чрезвычайно привлекательным в алом кафтане, надетом для этого торжественного случая. Он даже надушил роскошную каштановую бороду, а вьющиеся волосы изящно ниспадали на широкие плечи. Да, у него была очень красивая и внушительная внешность.

Он подвел ее к креслу с высокой спинкой, установленному перед помостом в конце зала. Уинн села, а Эдвин встал подле нее.

— Сегодня я освободил эту женщину и ее сына от оков рабства, — объявил он. Он наклонился, отомкнул ключиком золотой ошейник на шее Уинн и положил ей на колени. — Он твой, делай с ним что хочешь, моя дикая уэльская девочка.

— Я отошлю его в женский монастырь Сант-Фрайдсуайд с просьбой отслужить мессы за упокой души матери ваших сыновей, леди Милдред, — сообщила Уинн. Одобрительный шепот встретил ее слова. Лишь Кэдерик бросил на нее злобный взгляд. Она чувствовала его глубокую ненависть.

— Сегодня я освободил эту женщину и ее сына из рабства, — повторил Эдвин, — а сейчас объявляю перед всеми собравшимися, что беру ее в жены. Когда к нам пришлют священника, мы официально скрепим наш союз, но вы все знайте, что, согласно нашим старинным традициям, я вправе сделать леди Уинн своей женой, объявив об этом публично перед всеми вами. Я усыновляю ее сына Арвела. А сейчас подходите и дайте обет верности новой хозяйке Элфдина.

— Ты посадишь эту... эту уэльскую рабыню на место нашей матери? выкрикнул Кэдерик. — Как ты можешь? — Краска ярости залила его лицо, и он стал непригляден.

— Уинн была похищена, Кэдерик. Она благородного

происхождения, — ответил ему отец.

— Как ты можешь это знать? Потому что она тебе это рассказала? Я не верю ни одному ее слову! Ты старый дурак, мой отец! Эта уэльская ведьма околдовала тебя! Ты уже отведал ее. Зачем тебе жениться на ней?

— Потому что я люблю ее, — ответил Эдвин, и глаза его стали суровыми. — Потому что я здесь хозяин и желаю жениться на ней. А теперь на колени перед моей госпожой и клянись ей в верности, Кэдерик, либо я в этот день лишу тебя наследства!

На мгновение показалось, что Кэдерик открыто не повинуется отцу, но Эдит Крукбэк ласково потянула его за рукав. Даже не взглянув на свою жену, старший сын Эдвина упал перед Уинн на колени и торопливо пробормотал необходимые слова клятвы верности. Закончив, он посмотрел на нее, и Уинн поняла, что Кэдерик никогда не простит ей этот день. Когда он поднялся, его место занял Болдер Армстронг и, подмигнув ей, он дал клятву верности.

Поднявшись, он озорно спросил:

— Мне вас называть мамой, госпожа?

— Нет, если вы не чувствуете себя стариком, — приятным голосом ответила Уинн.

Ее замечание разрядило напряженную обстановку в зале. Затем все собравшиеся тоже опустились на колени и хором поклялись в верности новой хозяйке дома. Был подан эль и провозглашен тост за здоровье новобрачных. Потом зал опустел. Осталась только семья. Эдвин поднял Уинн и отнес ее в постель в большой спальне, так как она еще не вполне оправилась после родов Арвела. За ними шла Элдред.

— Я так счастлива за вас, госпожа, — чуть не плача от радости, сказала старуха, помогая Уинн раздеться и лечь в постель. — Я уже не надеялась увидеть хозяина вновь счастливым, но после вашего появления он снова помолодел! Вы не будете с ним несчастны. Так хорошо опять увидеть детишек в этом зале, как когда-то.

Уинн ничего не ответила. Она была огорчена тем, что, несмотря на принятые лекарства, у нее пропало молоко, . Она неохотно согласилась позволить внучке Элдред, которая родила мертвого ребенка за день до рождения Арвела, выкормить ее сына.

— Я знаю, как вы огорчены, госпожа, но ребенка надо кормить, чтобы он выжил. У моей внучки тоже должна быть цель, чтобы выжить. Ее ребенок умер, и муж тоже! Она молода, здорова, и у нее нет дурной болезни. У нее много молока, оно потекло за неделю до рождения ребенка.

У Уинн не было другого выхода, как взять несчастную Гиту

кормилицей сына. Девушка, на два года моложе Уинн, была благодарна за то, что у нее появилась цель в жизни. Она нежно нянчила Арвела, а Уинн было стыдно, что ее переполняло сильное чувство зависти. У Гиты должно быть место в большой спальне. Единственной служанке в доме была оказана такая честь, потому что Уинн боялась отпустить сына от себя.

Приближалось лето. Уинн с нетерпением ждала появления Мейдока, но он не приезжал. Она старалась быть терпеливой, поскольку считала, что отыскать ее так же трудно, как первый весенний цветок. Пришел Белтейн, а с ним и годовщина их свадьбы. Уинн пошла в поле перед рассветом, чтобы нарвать цветов, пока с них не сошла роса. Она омыла лицо росой, зная, что в ней заключены волшебные свойства.

Слезы беззвучно текли по щекам. Она посмотрела в разгорающееся от утренней зари небо в надежде увидеть старину Дью, но его не было.

Летали малиновки, жаворонки, ласточки, перекликались кукушки, но не слышно было резкого хриплого крика ворона. Она старалась мысленно добраться до него, но не могла сосредоточиться.

Его лицо. Ей все труднее и труднее становилось представлять себе суровое и прекрасное лицо Мейдока. Казалось, она не видела его так давно. А прошло лишь семь месяцев. Столько произошло за это время, как они расстались. Ее мучила мысль, что она не увидит его снова. Становилось все труднее избегать настойчивых домогательств Эдвина. Уинн достигла такой точки в их взаимоотношениях, что сомневалась, хочет ли она на самом деле отвергать его. Она все еще не окрепла после рождения сына и была тронута любящей добротой тана. Уинн несколько не сомневалась в его любви. Эдвин относился к Арвелу как к своему сыну. Вчера вечером она неожиданно вошла в большую спальню и застала его там. Он держал Арвела в своих медвежьих объятиях, напевая колыбельную песенку. Это несправедливо, подумала тогда Уинн. Это Мейдок должен держать своего сына на руках и петь ему колыбельную, но Мейдока, принца Пауиса, нигде не было. Отыщет ли он их когда-нибудь? Как ей быть с проблемой наследства Арвела, когда он подрастет? Нужно ли ей сказать ему, или пусть он считает доброго саксонца своим отцом? Нет, уж Кэдерик позаботится, чтобы Арвел узнал, что он приемный сын. Уинн глубоко вздохнула. Она подумала, что, вспомнив отдаленное прошлое и покончив с ним, они заживут счастливо, но этому, видимо, не суждено сбыться. Почему судьба вновь жестоко разлучила их, когда они только начали свою супружескую жизнь?

— Мне надо примириться с моим теперешним положением, — громко произнесла Уинн. — Так дальше продолжаться не может! Сколько еще мне

ждать Мейдока? Почему он до сих пор не приехал за нами? И приедет ли вообще? — Она вновь вздохнула, а потом наклонилась подобрать букет цветов, который положила на землю, когда умывалась росой. Распрямившись, она увидела Эдвина Этельхарда, идущего к ней через поле.

— Я проснулся, а тебя нет, — окликнул он ее, помахивая рукой.

Она пошла ему навстречу.

— Майское утро, — сказала Уинн, не сочтя нужным дальнейшие объяснения.

Протянув к ней руки, он обнял ее и поцеловал.

— Я потерял тебя, дорогая.

— Ты подумал, что я убежала, Эдвин? — полушутя спросила Уинн.

— Ты не бросишь Арвела, ты хорошая мать, Уинн. У нас должно быть больше детей.

Она задышалась в его объятиях, зная, что должно последовать за его словами.

— Ты уже оправилась после родов, и я хочу тебя. Я не могу больше ждать! — Его рука ласково гладила Уинн по спине, стараясь расслабить ее. — Ты моя жена, Уинн. Я объявил это перед сыновьями, своей семьей, слугами и крепостными. Никто не отрицал законность твоего права в Элфдине. Даже Кэдерик. Настало время стать моей женой в полном смысле.

«От этого не убежать», — подумала она, все чувства у нее перемешались. Взглянув на него, она проговорила:

— Конечно, мой господин, это ваше право. Вы добры со мной, я ни в чем не могу отказать вам. — Что еще она могла сказать?

— Ты не отдаешь мне своего сердца, — печально произнес он.

Уинн кивнула.

— Да, — согласилась она, — но, вероятно, так будет не всегда. Мне нужно время. Вы дали мне все, кроме времени. Может быть, я никогда не полюблю вас, но я буду заботиться о вас и с почтением к вам относиться.

— Я хочу от тебя ребенка, Уинн.

— Если на то будет воля Божья, мой господин, — спокойно ответила она.

— Но сердцем ты надеешься, что Творец не допустит этого, ибо тогда тебе придется расстаться со своими воспоминаниями.

— Я никогда не забуду того, что было, Эдвин Этельхард, и у тебя нет права просить меня об этом. Арвел — часть тех воспоминаний. Разве я могу отказать от него и его отца? Чтобы совесть твоя была чиста?

Ты мог бы вернуть меня в Паусис к Мейдоку, если бы захотел, но ты не сделал этого. Тем не менее ты знаешь, что я говорю правду о своей прошлой жизни, хоть ты это и отрицаешь. Мерсия и Паусис — союзники. Жена моего короля — дочь графа Элфгара. Ты не пострадал бы ни в коей мере, если бы вернул меня и моего сына нашему народу, но ты этого не сделаешь. Своими действиями, мой господин, ты признал мой статус. Ты оказал мне честь, объявив перед всеми своей женой, но мне интересно, согласится ли церковь обвенчать нас. Ты только того и хочешь, чтобы ребенком еще больше привязать меня к себе, — проникательно продолжала Уинн. — А что, если Мейдок появится в Элфдине после того, как я буду носить в чреве твоего ребенка, которого ты отчаянно хочешь? Или если он придет, когда я рожу его тебе? Я буду разрываться между вами двумя, а это несправедливо!

Господи, как бы мне хотелось вновь невинной девчонкой оказаться в Гарноке! — Она сердито вырвалась из его объятий и направилась к дому.

Эдвин Этельхард печально смотрел ей вслед. Она была права. Это несправедливо, но шансы Мейдока отыскать Уинн слишком слабы. Их земли разделяет такое пространство! Он честно купил ее. Даже если все, что она рассказала ему, правда, он все равно по закону не обязан возвращать ее в Паусис. Он любит ее, расстаться с ней — значит разбить себе сердце. Теперь она его жена. Ему нет еще и сорока четырех лет. Уинн заставила его снова почувствовать себя молодым. Молодой мужчина с плодovitой молодой женой. У них будут дети! Он недоволен своими двумя сыновьями. Он хочет для Элфдина других сыновей, и они у него будут.

Глава 14

Следы Уинн в Англии не обнаружены, или по крайней мере так с неохотой донесли своему господину, принцу Пауиса-Венвинвина, люди, посланные им на поиски его пропавшей жены.

— Она в Англии, — упрямо сказал Мейдок — Я знаю это!

— Англия велика, мой господин, — ответил Эйнион. — Наши люди прочесали все окрестности вдоль границы, точно следуя по пути ирландского работорговца Рори Бэна, поскольку его караван всегда замечают люди, живущие в тех краях. Он не похож на остальных работорговцев — у него добрый и веселый нрав. Рори Бэн не продал ни одного раба, пока не прибыл в Вустер, где его появление заметили многие. В народе говорят, что у него отменный товар, его рабы крепки, здоровы и послушны. Рори Бэна всегда радушно встречают в Вустере.

— И никто не помнит среди рабов женщину, внешне напоминающую мою жену? — Мейдок начал походить на человека, потерявшего рассудок от горя.

— Нет, мой господин. Никто не видел среди рабов леди, похожую на мою госпожу Но это не значит, что ее не было среди них. Он мог спрятать ее, ведь в более крупном городе за нее дадут большую цену Рори Бэн хоть и неплохой малый, но говорят, что он всегда выгодно продает свой товар. Или он мог втихую продать ее по дороге, как мы уже говорили. В этом нет ничего необычного. В этом случае будет труднее отыскать мою госпожу.

— Почему мы не нашли ее? — гневно воскликнул Мейдок.

Эйнион украдкой бросил на своего господина сочувствующий взгляд, чтобы не обидеть его.

— Мой господин, на это нужно время. Каждый саксонец, который может собрать себе пять наделов земли и построить дом, домовую церковь, пекарню и маленькую колокольню с колоколом, поднимается до положения тана. В некоторых частях Англии надел равняется ста двадцати акрам земли, а в других лишь сорока. Сейчас, мой господин, много танов. Любой из них с туго набитым серебряными монетами кошельком может позволить себе приобрести мою леди Уинн.

— А мой ребенок! — взорвался Мейдок. — Он, конечно, уже появился на свет, а я не знаю, сын у меня или дочь, осталась ли жива после родов моя жена или нет и не родился ли мертвым мой сын после такого потрясения, которое пережила Уинн. Я — Мейдок Пауиса! Принц

могущественной семьи Венвинвина, и несмотря на все мое волшебство, не могу отыскать жену и ребенка! Какая польза от этой волшебной силы, которой я владею, если я не в состоянии вернуть тех, кто мне дороже всего на свете?

— Не все потеряно, мой господин. Вы должны набраться терпения.

Ваша раздражительность — плохой помощник в поисках леди Уинн.

Мейдок с удивлением уставился на великана и рассмеялся.

— Эйнион, Эйнион! И почему ты такой мудрый? Я — человек, привыкший получать все, что захочу, потому что я принц Пауиса-Венвинвина, но в данном случае я, кажется, не лучше любого крестьянина, работающего на моих полях.

— Возможно, это для вас урок, мой господин, — ответил Эйнион, улыбаясь принцу.

— Возможно, — задумчиво согласился Мейдок.

— Мы продолжим наши поиски, мой господин.

— Отправь побольше людей.

— Я бы не советовал этого делать, чтобы не вызвать подозрений, — заметил Эйнион. — Хотя жена короля Граффидда англичанка, саксонцев нельзя назвать нашими друзьями. Англия сейчас — беспокойное место. Эдуард, может быть, и король, но граф Гарольд прибрал к рукам большую часть земель, если не для себя, так для своих алчных братьев.

Только Мерсия не попала ему в лапы, хотя он отхватил от нее жирный кусок, именуемый Херефордширом. Его единственный епископ, Элдред Вустера, был посвящен в сан архиепископа Йорка. Хотя этот коварный клирик вынужден был оставить свою епархию в Вустере Вульфстану, Элдред тем не менее остался лордом Освальдстоу в юго-западной Мерсии он самый важный землевладелец, к тому же на службе у графа Гарольда, которому дал священную клятву.

— Епископ Вульфстан тоже, — заметил Мейдок, — хотя его первойшая клятва — это клятва его Богу, но ты прав, мой добрый Эйнион.

Гарольд Годвинсон не любит Уэльс и особенно короля Граффидда. Если он узнает, что племянница Граффидда находится в Англии в качестве рабыни, Уинн и нашему ребенку может угрожать еще большая опасность. Мы должны как можно осторожнее продолжать наши поиски.

Если я так стремлюсь вернуть домой мою жену, то и Уинн, должно быть, рвется домой. — Он на мгновение задумался, потом спросил:

— Проследили уже путь работорговца мимо Вустера?

— Да, мой господин. Он отправился на побережье, откуда морем поплыл в Бретань с двадцатью рабами.

— Пошли кого-нибудь вслед за ним разузнать о моей госпоже. Если ничего не удастся выяснить, тогда пусть по морю держат путь на Бретань. Найдут Рори Бэна и порасспросят его. Если необходимо, привезти его в Скалу Ворона, но найти его! А мы тем временем продолжим поиски Уинн и нашего ребенка по другую сторону Рва Оффы.

Мейдок отвернулся от Эйниона, а тот, зная, что его отпустили, поспешил выполнять приказания своего господина. Хотя Мейдок и не догадывался об этом, но Эйниону была понятна его боль. Меган недавно родила ему первого ребенка, дочку, которую они назвали Гвинеди, что означает — благословенная. Эйнион знал, что, потеряй он жену и дочь, ему было бы очень трудно жить дальше. Он восхищался Мейдоком, который, как он знал, безумно любил Уинн. Другие женщины просто не существовали для принца. Эйнион понимал, с каким трудом Мейдок оставался спокойным перед лицом такого несчастья. Как и принц, Эйнион был уверен, что Уинн жива, но он сомневался, что им удастся отыскать ее. А если это произойдет, смогут ли эти двое влюбленных счастливо воссоединиться? Сам пережив рабство, Эйнион понимал участь красивой женщины лучше, чем его хозяин. Время здесь играло очень важную роль.

Прошло уже шесть месяцев, и Англия, веками славившаяся более сырым и холодным климатом, чем любое другое место на земле, была обласкана солнечной и теплой погодой. На полях зрело зерно. Элфдин был процветающим поместьем с хорошим хозяином, который при случае ловко увеличивал свои владения. Эдвин Этельхард не мог реально претендовать на безусловное владение своими землями. Он владел ими по желанию своего лорда, в данном случае графа Мерсии, Эдвина. Элфдин и его первоначальный земельный участок были в его семье со времен великого короля Мерсии Оффы.

Как гласит легенда, именно предок Эдвина Этельхарда подал королю Оффы идею построить знаменитый вал и земляные сооружения, которые протянулись на семьдесят миль вдоль границы между его королевством и уэльскими землями, особенно Пауисом. Начальный участок Эдвина составлял всего семь наделов. К тому времени, когда он унаследовал Элфдин и был утвержден в своем наследстве предыдущим графом Элфгаром, поместье выросло до двенадцати наделов земли. Эдвин Этельхард добавил к ним еще шесть.

В 1062 году в Элфдине, как, впрочем, и по всей Англии, существовал четкий общественный порядок. Рабы и крепостные были низшим слоем общества. У рабов не было никакого имущества, и жизнь их зависела целиком от хозяина. Крепостным было чуть-чуть легче, они тоже были всем

обязаны щедрости хозяина и привязаны к его земле от рождения до смерти. Они, однако, могли иметь небольшое имущество. В Элфдине было мало рабов. Те, которые попали в поместье рабами, вскоре обычно поднимались до уровня крепостных, если своим поведением заслуживали это. Рабов, доставляющих хлопоты, обычно быстро продавали, поскольку ни один тан не допускал неповиновения на своих землях.

За крепостными на социальной лестнице стояли бедняки-арендаторы. Большинство из них в Элфдине было ремесленниками. Среди них был кузнец, горшечник, мельник, два пильщика и медник. Каждому тан дал домик, несколько акров земли для обработки, инструменты и оборудование для его ремесла. Взамен они должны были отрабатывать один день в неделю на Эдвина Этельхарда и дополнительно три дня во время сбора урожая, когда требовались дополнительные рабочие руки на полях. В целом же они свободные люди. Если им не понравится у одного тана, они вольны переехать в другую деревню или к другому тану.

Каждый батрак-арендатор стремился стать фермером. У фермера могло быть до двадцати акров земли, взятых в аренду у своего лорда.

Вообще лорды помогали человеку, достигшему такого уровня, скотом, орудиями труда, семенами и даже мебелью для дома. Фермер был трудолюбив и надежен, господин мог на него положиться. Когда фермер умирал, его имущество, конечно, возвращалось обратно лорду, но, как правило, оно передавалось наследнику, если тот зарекомендовал себя таким же хорошим хозяином, как его предшественник.

Фермер два дня работал на лорда, а весной во время сева и осенью при сборе урожая — три, он должен был помогать вспахивать общую землю. На Михайлов день⁵ фермер должен отдать лорду десять пенсов; два мешка зерна и две курицы на день святого Мартина⁶; ягненка на Пасху и по одной свинье ежегодно за право фермера пасти его свиней в господском лесу.

Это была тяжелая повинность, и большинство фермеров имело большие семьи, которые помогали им вести хозяйство.

Эдвин Этельхард был относительно свободен от сельских хлопот благодаря своим беднякам-арендаторам и фермерам. На нем, как на тана Элфдина, лежали другие, более важные обязанности. Он должен был кормить, защищать и сопровождать гонцов графа Эдвина, проезжающих через его земли. Если пожалует сам граф, тану надлежало оказать ему радушное гостеприимство, равно как и его свите. Тан не видел графа Эдвина с раннего детства, когда тот вместе со своим сыном приезжал в Элфдин посмотреть на Эдвина Этельхарда. Добраться до Элфдина было не

так просто, как и до других поместий. Располагался он вдали от больших дорог.

Тем не менее Эдвин Этельхард серьезно исполнял свои обязанности вассала. Он следил за охотничьими угодьями графа, ловил и строго наказывал любого браконьера; смотрел, чтобы были, где необходимо, поставлены заборы, и содержал их в порядке. На землях Элфдина стоял каменный мост, который был переброшен через небольшую речку и вел к узкой тропе, которая спускалась по холмам к большой дороге. Тан следил, чтобы этот мост вовремя ремонтировался.

Раз в месяц тан Элфдина вместе с двумя другими танами заседал в местном суде сотни, где улаживались мелкие дела и споры, наказывались незначительные преступления. Дважды в год в его обязанность входило сидеть на скамье в суде графства в Вустере, который заслушивал более серьезные дела и выносил приговоры именем короля. Эдвин Этельхард никогда не уклонялся от исполнения этого долга, поскольку был благородным человеком.

Но самой важной обязанностью тана была военная служба. На два месяца ежегодно он и его сыновья призывались на службу к графу Эдвину и королю Эдуарду Мужчины, подобные им, были опорой армии, которая по зову короля или графов защищала Англию. Во время междоусобиц таны создавали небольшие отряды воинов и шли на помощь сюзерену. Они снабжали своих людей продовольствием и всем необходимым. Раз в месяц мужчины в Элфдине брались за оружие и упражнялись в стрельбе на деревенском лугу. Ров Оффы не всегда защищал уэльсцев от набегов за скотом.

Но вот уже не один год сменялся другим, а жители Элфдина не видели посторонних, кроме королевского сборщика податей, который регулярно приезжал в поместье за двумястами семьюдесятью шиллингами, которые должен уплатить короне Эдвин Этельхард. Каждый надел оценивался в пятнадцать шиллингов. Он собирал деньги на королевскую подать с ренты, от продажи излишков скота и продовольствия, за аренду мельницы.

Элфдин, как и все английские поместья, обеспечивал себя всем необходимым. Здесь выращивали зерно, овощи, скот, пряли шерсть, варили пиво, делали масло и сыр. Жизнь в Элфдине ненамного отличалась от жизни Уинн в Гарноке. А в замке Скала Ворона она прожила недолго и не успела привыкнуть к его роскоши. Она с каждым днем все уютнее чувствовала себя в новом доме.

Когда Уинн появилась в Элфдине, она постоянно думала о Мейдоке.

Теперь она обнаружила, что ее мысли заняты Арвелом и Эдвином и ее

обязанностями хозяйки Элфдина. Мейдок, который следовал за ней сквозь время и пространство, чтобы помириться с ней, казалось, не мог отыскать ее по другую сторону Рва Оффы. Может быть, он не хотел, а может, такова их судьба — разлучиться вновь после того, как они разобрались со своим прошлым. Ни она не могла мысленно добраться до него, ни он до нее. Уинн не понимала, почему такое происходит, но знала, что жизнь тем не менее продолжается. Она в долгу перед Эдвином за ту любовь, которую он щедро расточает на нее и Арвела.

Он был удивительно страстным человеком. Ее поражало, как в его годы он мог так влюбиться. Он был еще и внимательным. В день Белтейна, когда Эдвин решительно объявил, что период ее выздоровления закончен и что он намерен воспользоваться своими правами супруга, она колебалась по нескольким причинам, и в конце концов согласилась подчиниться его желаниям. Она смутилась, не увидев в тот вечер за высоким столом никого, кроме Эдвина. Они ужинали вдвоем. Еда на удивление оказалась тонкой, а вовсе не той, которую она заказала приготовить Хилу.

Эдвину была подана корзина свежих устриц вместе с кубком густогопряного вина. Перед ней же лежала лакомая грудка каплуна, сваренного в белом вине, а также кубок пряного вина. С широкой улыбкой Элдред поставила деревянную тарелку с отварным аспарагусом и блюдо с каштанами, приготовленными с одним-единственным листиком мяты. Уинн от смущения покраснела. Еда, поданная им, предназначалась для возбуждения их страсти. Она едва прикоснулась к еде, хотя Эдвин ел с удовольствием.

— Я должна искупаться, — проговорила она наконец, когда не в силах была дольше оставаться за столом, — Я весь день провела на воздухе и вся пропахла потом.

— Ванная ждет вас, моя госпожа, — прокудахтала Элдред.

Краем глаза Уинн увидела Гиту с Арвелом на руках, выскальзывающую из зала.

— Гита! — резко окликнула она. — Куда ты собралась с моим сыном?

Слишком поздно для прогулок.

— Я его несу в домик, который дал мой лорд Эдвин, — радостно ответила Гита. — Ох, госпожа, он такой красивый, в нем есть очаг и спальная полка с пуховой периной.

— Я не хочу, чтобы кто-то нарушал наше уединение, Уинн, — решительно объявил тан, прежде чем она могла что-то возразить. — Я не допущу, чтобы Арвелу угрожала опасность. — Потом он повернулся и взглянул с улыбкой на молодую кормилицу — Ты можешь взять нашего

сына и идти к себе, Гита.

Улыбка осветила лицо девушки, она сделала реверанс и удалилась из зала. Эдред тоже незаметно исчезла. Рассерженная Уинн поднялась из-за стола и бросилась по лестнице в большую спальню. Как смел он разлучить ее с Арвелом? Войдя в спальню, она увидела ее. Кровать!

Огромную кровать с медными кольцами и парчовым пологом! Кровать с матрасом, периной, валиками под подушками и нижним покрывалом!

— Ох-х-х! — с трудом выдохнула она, пораженная, и почувствовала, как слезы навернулись на глаза. — Ох-х!

— Ты говорила о кровати с первого дня своего появления здесь, — сказал Эдвин, и она вновь удивилась, поскольку не слышала его шагов. — Я знаю, как тебе было неудобно на нашем простом спальном ложе.

— Но где ты отыскал ее? — спросила Уинн, растроганная его заботой и злясь, что ее собственный гнев кажется таким ничтожным по сравнению с его добротой.

— Я немного повидал свет и знаю, что такое кровать. Один из моих пильщиков особенно искусен в изготовлении мебели. Я объяснил ему, что мне нужно, и думаю, замысел удался. Упругие ремни сделаны из оленьей кожи. Они не порвутся под нашим общим весом. Матрас набит сеном, соломой, лепестками роз и лавандой. Перина и покрывало будут удобные, обещаю тебе.

— А подушки? Где ты взял подушки?

— В Вустере, когда в прошлом месяце поехал в суд графства, — ответил он, улыбаясь. — Я удивил тебя, Уинн, верно?

— Да, ты меня действительно поразил, — призналась она.

— Будут и другие изменения, — пообещал он. — В двух днях пути от Элфдина есть поместье Элфлих. Его хозяин — мой дальний родственник, Эдвин Этельсборн. Его дом все считают необычным. Вместо большой спальни он построил несколько отдельных комнат. Мы вскоре навестим его и посмотрим, как он все это устроил. Потом сделаем и у нас в Элфдине. Ну как тебе, Уинн, нравится моя идея?

Она кивнула:

— Да.

— Очень хорошо! А теперь давай искупаемся, дорогая. Мне не терпится опробовать нашу новую кровать. Я отправил нашу любопытную старуху Эдред на ночь к Гите. Так что если тебе нужна помощь, я охотно буду твоей служанкой.

В углу их ждала большая ванна. Уинн быстро разделась, заколола волосы и вошла в теплую воду. За зиму она приготовила несколько кусков

замечательного мыла, которое ароматизировала лавандой, поскольку это была единственная сухая трава, которая нравилась ей во время беременности. Она умыла лицо, намылила тело и ополоснулась, когда он наконец вошел в ванну.

Взяв у нее кусок мыла, он повернул ее спиной к себе и проговорил:

— Дай я помою тебя, моя любовь. — Его губы слегка касались ее влажной шеи.

Он притянул ее к себе, и она мгновенно ощутила его настойчивый детородный орган. Его уже переполняла страсть. Он взял в свои мыльные руки, словно в чаши, ее грудь и начал ласкать ее. Грубыми большими пальцами он поигрывал с чувствительными сосками, в то время как, склонившись к ней, языком облизывал раковину ее ушка.

— Ты знаешь, как сильно я тебя хочу, Уинн? — прошептал он нежно.

— Да, — тихо отозвалась она. Ну почему его руки так ласковы и столь возбуждающе действуют на нее?

— Я хочу, чтобы ты тоже захотела меня, — проговорил он, и кончик его языка проскользнул ей в ухо, щекоча его.

— Нет, — отозвалась она неуверенно.

— Да, — пробормотал он. Одна рука держала ее грудь, а другая томительно скользила вниз, обжигая тело Уинн пылкими прикосновениями. Он продолжал покрывать ее шею поцелуями в то время, как его палец проскользнул между нижними губами к маленькой чувствительной жемчужине ее страсти. Не спеша и настойчиво он поглаживал ее, вызывая во всем теле приливы восторга.

Она прикусила нижнюю губу, пытаясь остаться равнодушной к его ласкам, но ее бедра, казалось, стали двигаться сами по себе, и ей не удалось сдержать слабый стон, вырвавшийся через сжатые губы. Она чувствовала «его» — твердого и требовательного — у своих ягодиц.

— Мы никогда не кончим мыться, — слабо запротестовала она, — и вода остывает.

— Тогда помой меня, — тихо прорычал он и, повернув Уинн к себе лицом, страстно поцеловал ее. — Всего меня!

Он слегка держал ее за талию, когда она начала намыливать его.

Дыхание ее участилось. Хотя Уинн и не хотела признаваться, но этот человек, называющий себя ее мужем, необычайно возбудил ее. Ее груди касались его мускулистой, заросшей волосами груди, и она вспыхнула от смущения, увидя, какие торчащие у нее были соски. — Я не смогу тебя как следует вымыть, если ты не отпустишь меня, мой господин, — сказала она наконец, пытаясь овладеть собой.

Он отпустил ее.

— Я не хочу мешать тебе выполнять супружеские обязанности, — подтрунивал он над ней и усмехнулся, когда она залилась краской.

Уинн пыталась каким-то образом вымыть его. Она с серьезным видом мыла его грудь и руки, плечи и шею. Взяв кусочек ткани, она умыла ему лицо и уши, поругивая его при этом.

— Мужчины! Вы ничуть не лучше мальчишек! Вы только посмотрите на эти уши! Когда ты в последний раз мыл их? Уши надо мыть со всем остальным!

Эдвин, довольный, усмехнулся, его взгляд потеплел, когда он смотрел на нее. Вот что ему было нужно в жизни. Молодая жена, бранящая его, чья страсть — несмотря на то, что она ее отрицает, — будет согревать его долгими зимними ночами. Он игриво выхватил у нее кусочек ткани.

— Дай-ка мне теперь посмотреть твои ушки, женушка! Ах, да они безупречно чистые. — Он прикусил мочку ее уха, и она вскрикнула.

— Мой лорд Эдвин! Ведите себя прилично, или я никогда не закончу мыть вас. Вода почти уже ледяная! Повернитесь, чтобы я могла помыть вам спину — Только на этот раз поосторожней, моя госпожа, — попросил он, вспоминая предыдущее совместное купание.

Эта ванна была рассчитана на одного человека. Они стояли так тесно друг к другу, что Уинн не могла вымыть ему ноги и ступни и сказала ему об этом.

— Тебе придется сделать это самому. — Но он схватил ее за руки и опустил к своему «копью».

— Не вымоешь ли этот грубый инструмент, госпожа? — кротко попросил он, но не отпустил ее, даже когда она с пылающим лицом провела тканью по его плоти. Он не отрываясь, пристально смотрел ей в глаза, прося о более интимных ласках. Он поигрывал губами с ее губами, и наконец, не в силах больше сдерживать себя, выдохнул одно-единственное слово:

— Пожалуйста!

— Ах-х! — вздохнула она, не в состоянии отказать ему. — Ты жесток, мой господин. — Потом ее пальцы сомкнулись вокруг его мощного «копья», нежно лаская его, поглаживая до тех пор, пока он не подумал, что может излиться лишь от одного простого удовольствия, которое она ему доставляла.

— Сегодня вечером, — почти простонал он, — я взгляну в твое лицо, когда овладею тобой, моя дорогая жена. Знаешь ли ты, как мне хочется увидеть твою страсть? — Он обнял ее и жадно поцеловал в губы, передавая

ей свое желание.

Уинн подняла руки, обхватив его шею. Она глубоко вздохнула, когда ее груди крепко прижались к его груди. Она не могла сдержаться.

Ей было восемнадцать, и радость бытия переполняла ее. Появится ли Мейдок или нет, она не могла больше отвергать этого восхитительного человека. Она страстно хотела насладиться с ним любовью.

— Не здесь, — прошептала она. — Мы не можем допустить, чтобы такая замечательная кровать стояла без дела, Эдвин, мой господин.

Он вылез из ванны и, повернувшись, поднял ее и опустил на пол. Он был готов уже забраться в постель, но Уинн остановила его, объяснив, что кровать намокнет. Они тщательно вытерли друг друга, потом Эдвин задержал Уинн, чтобы насладиться ее красотой. Уинн зарделась от его взгляда. Ее зеленые глаза слегка расширились при виде его обласканного «копья».

Эдвин протянул руку и погладил ее.

— Ты так прекрасна, — произнес он нежным, полным любви голосом. — Никогда не знал, что женщины могут быть такими красивыми. — Он распустил ее волосы, и они упали, окутав ее, как шелковая мантия. — Они черные, словно ночь, и мягкие, как атлас. У Арвела твои волосы.

— Его отец тоже темный, — мягко заметила Уинн.

— Я его отец. Арвел такой же мой сын, как и того, из чьего семени он вырос. Я не хотел пугать тебя и поэтому не говорил раньше, но когда Арвел появился на свет, пуповина обвилась вокруг его шеи. Цвет его тельца, однако, был нормальный. Я освободил его и очистил ему горло от слизи. Это я вдохнул в него жизнь.

Уинн, пораженная, смотрела на Эдвина. Вся страсть мгновенно исчезла.

— Он мог умереть, — прошептала она, ужаснувшись не просто от его открытия, но от того, что ее упрямство могло стоить жизни Арвелу, не подоспей вовремя Эдвин.

— Я был рядом с тобой, чтобы ребенок благополучно появился на свет, — сказал Эдвин, правильно поняв ее мысли. — Я полюбил мальчика с самого первого момента, как увидел его. Он вырастет здесь, в Элфдине, сильным и хорошим человеком.

— Дай Бог, чтобы он был похож на тебя, мой господин. Большого я и не желаю. — Она обняла его за шею и нежно поцеловала. — Спасибо тебе, Эдвин, за то, что спас моего сына, когда ты мог просто дать ему умереть.

— Я никогда не мог допустить такого, моя дикая уэльская девочка.

Нет, я так глубоко люблю тебя. Я никогда не сделаю тебя несчастной, Уинн. Никогда!

— Не говори так, мой господин. Это слишком серьезное обещание.

Он взял ее на руки и медленно понес к кровати.

— Ты будешь со мной счастливее, чем когда-либо прежде, моя прекрасная жена, — ответил он, нежно укладывая ее на покрывало, прижимая к подушкам и целуя до тех пор, пока у нее от удовольствия не закружилась голова.

Счастливее, чем прежде? Возможно ли сейчас такое? Когда-то, о, это было, кажется, так давно, она думала, что счастливее ее нет на свете женщины. Когда-то, давно, но то время прошло. И она начала понимать, что, похоже, оно никогда не вернется. Она гладила сзади его тело и чувствовала покалывание под пальцами. Когда он вновь начал осыпать ее поцелуями, ее пальцы переплелись в его густых волосах. Его теплый и слегка влажный рот целовал и покусывал ее тонкую шею.

Она разожгла его чувства. Ее пахнувшая лавандой кожа была живым шелком под его пальцами. Волосы, как вороново крыло, такие мягкие и благоуханные. Он чувствовал бег крови в ее теле, где бы ни касался его губами. Он начал посасывать ее соски, которые, казалось, так и манили к себе. Эдвин эгоистично радовался, что у Уинн нет молока, иначе ему было бы отказано в этом удовольствии.

Уинн не могла припомнить, чтобы ее тело было столь чувствительным, так чутко откликалось на его ласки. «Может быть потому, что это было так давно», — виновато рассуждала про себя Уинн. Она вся трепетала от каждого прикосновения его губ, и тупая боль начала тянуть низ живота. Она тихо постанывала и неуловимыми движениями тела побуждала его овладеть ею, но тан не торопился. Он желал ее с самого первого момента, как увидел. Их прежние любовные утехи во время ее беременности лишь возбудили его плотский аппетит.

Он устроился рядом с ней, и они начали ласкать друг друга. Ее губы посинели от его поцелуев, но она не чувствовала боли. Она нащупала пальцами боевые шрамы на его теле, когда ласкала его. Она выскользнула из объятий и поцеловала каждый огрубевший кусочек кожи, а он вздрагивал от ее прикосновений. Он перевернулся на спину и посадил се на себя.

— Ты ведь не боишься страсти, правда? — спросил он, улыбнувшись в ее зардевшееся лицо.

— Нет, даже с самого начала не боялась, — честно призналась она и, подавшись вперед, прикусила его нижнюю губу, возбуждающе коснувшись

грудью жестких волос на его груди.

Не в силах больше сдерживать себя, он погладил их и произнес:

— Я хочу продлить это блаженство с тобой, моя дикая уэльская девочка, но мои желания вот-вот взорвутся. Позволь мне хоть раз овладеть тобой, а потом я целую вечность буду ублажать тебя.

— Уинн улыбнулась ему.

— Ты оригинален в своих любовных признаниях, мой господин. Я тоже мечтаю завершить наш союз! — Затем, ему на удивление, она слегка отодвинулась назад. Ее зеленые полуприкрытые глаза сверкали. С глубоким вздохом она томно заключила в себя его плоть. — Ты хотел увидеть мое лицо, когда мы будем любить друг друга этой ночью, — нежно проговорила она, глядя ему в глаза. — Тебе это нравится, мой господин?

— Нет, — ответил он и мгновенно повернул ее так, что она оказалась внизу. — А вот теперь нравится. Жена должна покоряться мужу, моя дикая уэльская девочка!

Уинн рассмеялась ему в лицо.

— Почему?

— Потому что мужчина — хозяин в доме, — последовал ответ, и он неспешно задвигался.

— Между нами никогда не будет мира, мой господин, пока ты не признаешь меня равной в уединении нашей спальни, — ответила Уинн, заставив себя сохранять спокойствие.

— Равной мне? — Он начал делать резкие, быстрые движения бедрами и ягодицами.

— В нашей постели. — Она, слегка задыхаясь, притянула его голову к себе и поцеловала. Ее язычок проскользнул ему в рот.

— Моя дикая уэльская колдунья, — пробормотал он. Ее язычок уже облизывал его горло, зубы покусывали у него мочку уха. Его движения убыстрились.

— Равная тебе! — упорствовала она. Уинн не знала, как долго может это выдержать.

— Да! — почти прорычал он, а она, лежа под ним, откликнулась на его страсть, их тела с силой прижались друг к другу, ягодицы напряглись, а бедра стали скользкими от усилий.

Уинн почувствовала, как забытое восхитительное чувство сильной страсти овладевало ею. Дав волю своим ощущениям, она воспарила, поднимаясь за наслаждениями все выше и выше в поисках полнейшего завершения. Она слышала, как бешено колотилось сердце перед приближающимся для них обоих финалом. Прекрасное лицо Эдвина было

искажено яростными желаниями, и как только его страсть прорвалась, он издал победный клич, опускаясь в изнеможении на нее.

Теперь Уинн чувствовала биение его сердца. Ощущение того, как его любовные соки устремились в нее, было пронзительно острым. Она лишь на миг отстала от него в экстазе, впад в полубессознательное состояние, когда восхитительное удовлетворение овладело ею, и она обессилела от наслаждения. Долгое мгновение они так и лежали, не шевелясь, и Уинн поняла, что ей нравится ощущать на себе тяжесть его тела. В нем было что-то успокаивающее. И несмотря на то, что их бурное слияние произошло в годовщину ее свадьбы с Мейдоком, Уинн не чувствовала ничего, кроме счастья. Мейдок ушел из ее жизни так же таинственно, как и появился, а на его месте был человек, которого она любила.

Она поцеловала его в макушку. Он улыбнулся, взглянув на нее. Уинн не могла не улыбнуться в ответ.

За многие ночи страсти, которые последовали за этой первой ночью, она осознала, что любит его. Не с таким безрассудством и необузданным пылом, как она любила Мейдока, гораздо спокойнее и глубже.

Пришла осень, и Уинн с радостью обнаружила, что она вновь с ребенком. Ребенком Эдвина Этельхарда.

Ее муж, а она и в самом деле привыкла думать о нем как о муже, был в восторге. Болдер бросил злое непристойное замечание о мужской силе отца. Женщины в семье были рады за нее, потому что Уинн по-настоящему становилась одной из них. Лишь Кэдерик был недоволен и резок — Ты уверен, что она понесла от тебя? — однажды октябрьским вечером спросил он отца. — Говорят, эти уэльские бабы распущенны. Ты с моей матерью произвел только двух детей. Почему ты думаешь, что эта женщина носит твоего ребенка? Это может быть отродье какого-нибудь конюха или пастуха, а ты в своем старческом слабоумии прихорашиваешься и скачешь по залу, словно молодой жеребец, оповещая о случившемся, к чему ты, вероятно, не имеешь отношения.

Уинн, сидевшая возле своего ткацкого станка у главного очага, встала и подошла к мужу. Ее маленькая ручка залепила увесистую пощечину пасынку — Как ты смеешь? Как осмелился ты оскорбить твоего отца? И меня тоже? Ты, Кэдерик Этельмар, не имеешь на это права. Твой отец, а мой муж, в свои сорок три года больше мужчина, чем ты когда-либо будешь для всех своих женщин! Твоя мать, упокой Господь ее душу, не могла больше рожать после того, как ты и твой брат появились на свет. Такое иногда случается с женщинами. Отец ничем себя не запятнал, он всегда оставался верен ей в своей жизни. Иначе ты увидел бы знакомые черты

лица среди юных крепостных. Но она мертва, — продолжила Уинн, — и твой отец взял в жены меня. Я молода и плодовита. Я дам твоему отцу столько детей, сколько он захочет, Кэдерик Этельмар! Если ты не сможешь сдержать в будущем свой язык, можешь не приходить в наш дом. Меня это не оскорбит, и я не позволю оскорблять твоего отца, — закончила Уинн и вернулась к своему станку.

— Она слишком горда, твоя «датская» жена, — произнес Кэдерик, потирая щеку, удивленный силой удара, от которого он чуть не закачался, но только потому, уверял он себя, что она застала его врасплох.

Если бы она оказалась под ним, между его сильных бедер, он заставил бы ее кричать о пощаде.

— «Датская» или нет, Уинн — моя жена, и ребенок, которого она носит, — мой ребенок, сын, которого она родила прошлой весной, — мой, я усыновил его.

«Датская» жена означало, что их брак не освящен церковью. Это было общепринятым правилом в Англии того времени среди многих состоятельных саксонцев, которые одновременно имели двух и больше жен, если так пожелали, несмотря на запрет господствующей христианской религии. Старые обычаи отмирают с трудом, и бывают причины, по которым мужчины хотят взять жену. Могущественные лорды женятся ради богатства, власти; богатые, чтобы приумножить свое богатство, но любовь везде принимается во внимание. «Датской» женой называли женщину, которую мужчина брал ради любви. Женились обычно по каноническому праву ради более прозаических целей. Дети, рожденные от «датской» жены либо от любой наложницы, считались законными наравне с детьми жены, с которой венчались ради власти и золота. У наложниц не было того престижа и положения в доме, как у жены или «датской» жены. К «датской» жене относились с уважением и почетом, как к законной жене.

С того самого вечера Кэдерик не позволял себе грубых замечаний по поводу брака отца и его жены. Не то чтобы он стал менее резок, но Эдит Крукбэк предостерегала. Ведь своим невоздержанным языком он угрожает собственному наследству — Сейчас ты законно объявлен наследником Элфдина как старший сын отца, — внушала она ему, — но если ты будешь продолжать оскорблять Эдвина Этельхарда, он вправе разделить все земли между теми, кого он выберет сам, или лишит тебя наследства совсем. Он уже усыновил Арвела, сына Уинн. А твоя мачеха весной принесет ему еще одного ребенка. Это может быть еще один мальчик. Ты называешь отца стариком, но он совсем не стар. Однажды женщины поддразнивали Уинн ее престарелым мужем, и она, залившись краской, сказала нам по секрету,

какой он страстный любовник. Он каждую ночь берет ее, а иногда и по два раза, мой муж! Он может занять полдюжины ребятишек, прежде чем ослабеет его страсть, Кэдерик! Продолжай оскорблять Уинн и своего отца, и окажешься без дома, с пятью мерами земли после смерти моего отца.

Последовав совету жены, с чьим мнением он всегда считался, Кэдерик прекратил свои нападки на отца и Уинн.

В то время в политической жизни государства соперничали два человека. Король Эдуард был скорее святым, чем властелином. Сын Эммы Нормандской и Этеярьеда, прозванный Исповедником, он с юных лет жил при нормандском дворе в изгнании и взшел на трон только после смерти двух сводных братьев. Его жена была дочерью покойного графа Годвина, ее тоже звали Эдит. Но их брак был лишь на бумаге, потому что Эдуард, глубоко религиозный человек, удалился бы в монастырь, если бы ему не помешали в этом, поскольку он был наследником престола по прямой линии.

Его обет безбрачия, однако, означал, что от его союза с дочерью Годвина не будет детей. Эдуард избрал наследником трона своего кузена Вильгельма Незаконнорожденного, герцога Нормандии. Годвин бы не одобрил его выбора, но его сейчас уже не было в живых, а руководство делами спокойно перешло к его сыну Гарольду. Эдуард был последним представителем старой династии английских королей, выходцев из Уэссекса. В жилах Гарольда Годвинсона не текла королевская кровь. Чем ближе был бездетный король к могиле, тем ближе про двигался к трону Гарольд Люди, подобные Кэдерик, поддерживали Гарольда. Он был англосакс, и им было все равно, что он не королевской крови. Эдвин Этельхард, напротив, считал, что выбор короля Эдуарда надо уважать. Кроме того, Эдвин сказал Уинн, что он не верит в способность Гарольда сдержать волну вторжений викингов. А Вильгельм сможет. Гарольд свергнет Англию либо в одну войну, либо в другую, потому что такие люди любят войны. Это их занятие. Вильгельм же предпочитает мир, хотя сам — прекрасный воин. Война отбирает золото. Мир, наоборот, приносит золото. Поэтому отец и сын по вечерам спорили на разные лады, и ни один из них не мог разрешить этого спора.

Уинн нравилось их слушать, так как она узнавала многое об английской политике. Ее занимала мысль, останется ли герцог Вильгельм, в случае, если корона достанется ему, на английской стороне от Рва Оффы или двинется со своими рыцарями на Уэльс. Грозит ли опасность Гарноку? Или Сант-Брайду? Она часто думала о своей семье и надеялась, что когда-нибудь Эдвин позволит ей навестить их. Застанет ли она в живых Энид?

Она вздохнула, потом, почувствовав шевеление младенца в чреве, погладила рукой живот. Два ребенка за два года. Ей хотелось подарить Эдвину еще ребятишек, но Уинн решила после рождения ребенка по крайней мере два года не заводить больше детей. Несмотря на молодость и силу, это было для нее утомительно. Поэтому она тайком приготовила и убрала специальные шарики, которые не допустят новой беременности. Мужчины такие недогадливые в этих делах.

Наступил день святого Мартина. Арендаторы-ремесленники и фермеры прибыли в Элфдин с податью тану Семейство Эдвина Этельхарда отметило праздник жареным гусем и печеными яблоками. У Арвела уже прорезалось несколько зубов, и он с наслаждением грыз гусиную ножку.

Это был прелестный малыш с синими глазами отца и темными волосами.

Он рос в счастливой и спокойной обстановке. Когда ему было что-то нужно, он указывал на это пальчиком и громко кричал: «Ба!»

На радость Эдвина, мальчик, завидя его, всегда звал «Па!» Арвел любил всех, кроме Кэдерика, при появлении которого затихал, предчувствуя опасность.

На Рождество Уинн вспомнила Несту, о которой за последние месяцы мало думала. Первенцу Несты исполнился годик. Ей не хватало веселой сестры Мейдока, и ей было интересно, вспоминает ли Неста о ней.

«Это была уже другая жизнь», — размышляла Уинн, на мгновение сделавшись печальной. Ее похитили больше года назад, но, несмотря на хорошее лето и мягкую зиму, Мейдок так и не приехал за ней. Иногда ей приходила в голову мысль, а жив ли он, не умер ли от разбитого сердца, как и предсказывал злодей Брайс. Теперь это больше не имело значения.

Она — жена Эдвина. Скоро она родит ему ребенка. Она любит его.

Глава 15

На пятый день апреля в году 1063-м, через два дня после своего девятнадцатилетия, жена тана Элфдина родила дочь. Эдвин был в таком же восторге, как и Уинн.

— Это избавит нас от трудностей, — сказала Уинн. — Несмотря на свое молчание, Кэдерик по-прежнему ревнует. Сводная сестра не будет представлять для него угрозы.

— У меня есть для тебя подарок в честь такого события. Я построил новый дом и сделал фермером одного из своих крепостных, который умеет разводить пчел. Нам ведь нужен в Элфдине пчеловод. Рента за землю, которую он получил от меня, будет принадлежать тебе, моя любовь.

Когда наша дочь будет выходить замуж, это будет частью ее приданого.

— Замечательно! — воскликнула Уинн и засмеялась. — Ты сделал мне сладкий подарок, мой господин.

— Ты уже подумала об имени для нашей дочери? — спросил он, глядя с любовью на малютку, у которой, как и у него, были темно-каштановые волосы, а глазки, предполагал он, станут зелеными, как у матери. Малышка не была хрупкой, как Уинн, она скорее походила на крепкого саксонского младенца.

— Я хочу назвать ее Аверел — по месяцу, в котором она родилась. Это прелестное имя, а наша дочка, несмотря на крепкое сложение, будет со временем прехорошенькая. Она вылитая ты, Эдвин. Взгляни! У нее твой носик и ротик, а ручки точно как у тебя.

Он, довольный, засмеялся.

— Аверел Этельхардсдаттер. Да, мне тоже нравится это имя, моя дикая уэльская девочка!

— Па! — Арвел настойчиво тянул Эдвина за кафтан. Ему уже исполнился год и один месяц, и он был достаточно сообразителен. Он сразу понял, что этого большого человека, которого он обожал, отвлек от него другой центр внимания.

Эдвин с улыбкой взял мальчика на руки.

— Арвел, мой сын, взгляни. У тебя маленькая сестренка. Ее зовут Аверел, теперь ты должен всегда ее защищать, пока она однажды не выйдет замуж и о ней будет заботиться другой мужчина.

Арвел подался вперед и уставился глазенками на спеленутого

младенца. Сочтя его исключительно неинтересным, он засунул в рот большой палец и прижался к приемному отцу.

— Па, — радостно произнес он, уютно устроившись в теплых объятиях Эдвина.

Болдер Армстронг, войдя в их большую спальню, увидел нежную семейную сцену.

— Старая Элдред сказала мне, что у меня появилась маленькая сестра, — сказал он, улыбаясь отцу и мачехе. Склонившись, он посмотрел на малютку, потом засмеялся. — Она похожа на тебя, отец. Как ее зовут?

— Аверел.

— Прелестно. Жаль, что мне не придется наблюдать, как она будет расти. Только что прискакал гонец с сообщением, что отец Элдры при смерти. Мы должны как можно скорее покинуть Элфдин. Мы с Элдрой отправимся прямо сегодня. Остальные сложат наши вещи и последуют за нами вместе с детьми.

— Ты уже сообщил брату? — спросил Эдвин.

Болдер скорчил гримасу.

— Да. И как ты думаешь, что он сказал мне? Что отец Эдит продолжает жить, таким образом лишая его законного наследства и титула тана, в то время как я, младший брат, стану теперь выше его. Как его раздражает моя удача.

Болдер утаил от отца, что его старший брат пришел к мысли, что он скорее унаследует Элфдин, чем получит остаток приданого Эдит. Поскольку Эдвин, конечно, состарится, ублажая молодую жену, в то время как его тесть усердно заботится о себе, как заботились бы о новорожденном наследнике королевского трона.

— Зайди проститься к нам перед отъездом, — сказал Эдвин младшему сыну. — Я правильно поступил, выбрав тебе в жены Элдру Свэннек, Болдер. Она хорошая жена и мать. Помни, как нужно возделывать землю, и следуй мудрому примеру наших предков. Расширяй свое поместье при каждом удачном случае. Это самый лучший совет, который я могу тебе дать.

— Я не забуду его, отец. — Болдер поднялся и вышел из спальни.

— Я буду скучать по Болдеру и его женщинам. Хотя, мой господин, со всеми женщинами в Элфдине приятно жить под одной крышей. Вот этого мне больше всего и не хватало в Скале Ворона. Мне составляла компанию только моя служанка, Меган. В Гарноке у меня была бабушка и сестры. Хотя с Кейтлин и Дилис было жить непросто, зато с малышкой Мар не было проблем. — Она зевнула.

Он видел, как отяжелели ее веки.

— Ты устала, дорогая. Родить ребенка — тяжелая работа, я знаю.

Отдохни сейчас. — Встав, он взял Арвела на руки.

— Да, роды — трудная работа, — отозвалась Уинн, — и ты это хорошо знаешь, поскольку был со мной оба раза, Эдвин. — Она улыбнулась ему, чувствуя сильный прилив нежности к этому человеку. Она действительно начала признавать его своим мужем, хотя церковь так и не прислала в Элфдин священника, чтобы следить за духовным благополучием его жителей. Ей надо было торопить решение этого дела. Однако Уинн медлила. Что скажут духовные лица о ее статусе?

.Она не страшилась за судьбу Аверел, поскольку Эдвин объявил их дочь своим собственным ребенком и законно усыновил Арвела. И хотя она смирилась со своим положением, в дальних уголках сердца она все еще тосковала по Мейдоку. И по их волшебному дому на Скале Ворона. Ее печалило, что принц не знает о сыне. Ну почему он не нашел ее?

Эдвин склонился над ней и поцеловал Уинн в лоб, придерживая Арвела, когда тот потянулся, чтобы обнять мать, оставив влажный поцелуй на щеке.

— Ма-а-а, — произнес малыш. Он был таким счастливым и довольным ребенком.

— Выспись хорошенько, моя любовь, — сказал тан и унес ее сына.

Она прислушивалась к шагам, когда они спускались по лестнице.

Арвел что-то лепетал своим тонким голоском, и, ей на удивление, Эдвин, казалось, прекрасно понимал его.

Уинн улыбнулась, думая, как ей и ее сыну повезло, что они попали к Эдвину Этельхарду. Что касается Аверел — она дочь тана. Уинн посмотрела на малышку. Она была на удивление хорошенькая для новорожденной, с кудрявыми темно-каштановыми волосами и здоровыми румяными щечками.

— Какая ты счастливая девочка, Аверел Этельхардсдаттер, — сказала она малышке. — Ты у папы единственная дочь, и я не сомневаюсь, что он избалует тебя, потому что он добрый человек.

Она услышала шаги и, подняв глаза, увидела, как в спальню с хмурым видом вошел Кэдерик Этельмар.

— Значит, ты наконец разродилась, верно? — с таким приветствием он обратился к ней.

— У тебя сестра, Кэдерик, — спокойно сказала Уинн, еле сдерживая себя, чтобы не вспылить.

— Хорошо, дай-ка я посмотрю на нее, — сказал он снисходительно, и

Уинн приподняла край покрывала, которое защищало личико ее дочери. Кэдрик уставился на малютку. — Как ее зовут? — спросил он.

— Аверел.

— Она похожа на отца, — сухо заметил он.

— Да, — нежным голосом ответила Уинн. Ей было приятно услышать, что Кэдрик признал Эдвина отцом Аверел. Теперь он никогда не откажется от сводной сестры, потому что в нем сильно чувство кровного родства, к которому он относился с почтением.

— Она должна была быть моим ребенком, — зарычал он на Уинн.

— Ты не захотел бы иметь дочь, Кэдрик, — спокойно ответила она.

— Я бы дал тебе сына, — с горечью сказал он. — Мой отец стар, и семья его слабо. Ты бы понесла от меня сына, если б отец не увел тебя от меня.

— Когда только ты запомнишь, что отец твой здесь хозяин? Он не украл меня у тебя, поскольку я никогда не принадлежала тебе, и ты знаешь, что это так. Почему ты упорно держишься за эту выдумку?

— У меня могут быть от тебя сыновья, уэльская женщина, — упрямо повторил он. — Моему отцу не нужны больше дети. У него есть два крепких сына и куча внуков благодаря моему брату. Ему ни к чему молодая жена и дети. Мне же нужны сыновья, а эти бесполезные существа, которыми я окружил себя, не могут произвести на свет даже какую-нибудь хилую дочь! Мне нужна ты! Ты колдунья!

Она сомневалась, что ее пасынок когда-нибудь полюбит ее. Уинн поняла, что ей необходимо заставить Кэдрика посмотреть правде в глаза, а сейчас был как раз подходящий момент.

— Кэдрик, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос, — ласково сказала она. — Ты болел серьезно когда-нибудь в жизни?

Он задумался, его широкий лоб наморщился от умственного усилия.

Наконец он произнес:

— Один раз. Только один раз.

— Ты можешь мне рассказать о своей болезни?

— За год до моего брака с Эдит у меня распухли и болели щеки. Я был похож на самца лягушки во время брачных игр. Несколько дней у меня был жар. После я узнал, что мать опасалась за мою жизнь. — Он, довольный, усмехнулся. — Мой член тоже распух. Вот свидетель, я был щедро одарен. Уверен, лучше, чем многие. Во время болезни он увеличился вдвое. Признаюсь, я огорчился, когда он снова стал прежнего размера, — закончил Кэдрик с вождением.

— Непохоже, что у тебя когда-нибудь будут дети, — прямо заявила ему

Уинн.

— Что?

— Я целительница, Кэдерик, как моя бабушка и мать. Болезнь, которую ты описал мне, не страшна для маленьких детей, девочек и мальчиков. Но для мужчины или юноши эта болезнь опасна, особенно если она поразила мужской орган, как в твоём случае. Она убивает жизнь в мужском семени. Я это знаю.

— Ты лжешь, уэльская ведьма! — разозлился он на Уинн. Щеки над бородой густо покраснели.

— Нет, Кэдерик, я не обманываю тебя и не хочу быть с тобой жестокой, — участливо сказала Уинн. Ей было жаль его, она чувствовала его боль. — Среди целителей хорошо известно, что семя мужчин и юношей становится фактически безжизненным после этого недуга. Так бывает всегда, хотя мы и не знаем, почему.

— То, что у меня нет детей, не моя вина, — упрямо продолжал он. — Виновата Эдит, потому что она слаба и не может зачать, но это наша общая потеря. Я не виню Эдит, она хорошая жена.

— А как с другими? С Бирангари, Дагиан, Элф и маленькой Хейзел?

Они крепкие и здоровые девушки, однако не беременеют, Кэдерик.

Вина заключена в тебе, вернее, не вина, а жестокая случайность, обрушившаяся на тебя болезнь, от которой ты пострадал. Не думаю, что у тебя будут дети, даже от меня.

— Ты целительница, уэльская женщина, — мрачно начал он. — Не можешь ли ты приготовить какого-нибудь зелья от моей хвори, если твое предположение на самом деле верно?

— Нет такого средства, чтобы помочь тебе, — смело сказала ему Уинн. С этим человеком уже давно никто не говорил откровенно. Ему надо примириться с неизбежным ради них всех.

— Никакого? Думаю, ты лжешь! Ни один мужчина, такой охотник до женского тела, как я, просто не может иметь безжизненное семя. Во всем виноваты женщины! Только не я! — Уинн увидела в его глазах отчаяние и страх.

— Редко, очень редко мужчина, перенесший эту болезнь, может иметь потомство, — сказала Уинн, не желая обнадеживать его. — Может, некоторые известные мне лекарства чувств помогут тебе достичь невозможного, Кэдерик. Когда я поправлюсь после родов, я займусь этим. Твоим женщинам я тоже дам лекарство, а теперь оставь меня. Я утомлена и хочу спать.

Кэдерик вышел из большой спальни, не проронив ни слова и не

посмотрев на Уинн и на ребенка. Уинн глубоко вздохнула, чувствуя одновременно жалость к Кэдерику и раздражение. Мужчины, подобные ему, всегда измеряют свое мужское достоинство по количеству убитых ими людей, изнасилованных или соблазненных женщин и по числу детей, особенно сыновей, которых они произвели. Репутация Кэдерики, когда дело касалось убийства, насилия и обольщения, была на высоте. Но полное отсутствие детей, безразлично какого пола, было заметным недостатком, который ставил под сомнение его личные качества. Несмотря на всю его враждебность по отношению к ней, она посмотрит, чем ему можно помочь. Им никогда не стать друзьями, но Уинн понимала, что Эдвину будет приятно, если его сын и жена перестанут быть врагами.

Так думала она, засыпая. Ей очень хочется угодить Эдвину. Он так старается сделать ее счастливой. Неужели она и в самом деле любит его?

Да, но не так, как Мейдока. Уинн сомневалась, что сможет когда-нибудь полюбить другого человека, как своего принца. «Мейдок, — засыпая, она мысленно обратилась к нему, — почему ты не пришел?»

Уинн. Она никогда не покидала его мысли. Прошло полтора года, как она исчезла. Иногда, в моменты мрачного упадка духа, он сомневался, жива ли она еще. И существовала ли когда-то вообще? Уинн Гарнока, с ее длинными черными волосами и зелеными-презелеными глазами.

Словно земля разверзлась и поглотила ее. Больше года они вновь и вновь прочесывали вдоль и поперек местность по пути следования каравана Рори Бэна в надежде отыскать хоть какой-то ее след. В конце концов Мейдок решил, что его жены нет в Англии. Рори Бэн, очевидно, скрыл ее от людских глаз и взял с собой в Бретань. Мейдок возвратил домой всех своих людей и погрузился в тягостное ожидание. Он ждал возвращения Эйниона, который лично отправился за ирландским работником. Эйнион вернулся в замок с неутешительными вестями.

— Сначала я последовал за Рори Бэном в Бретань, мой господин, потом в Италию, где наконец догнал его, когда он собирался со своим грузом рабов двинуться в Византию.

— Он сказал тебе, где Уинн? — нетерпеливо спросил Мейдок. Он так похудел за те месяцы, что Эйнион его не видел.

— Ее с ним нет, мой господин, — тихо ответил Эйнион. — Сначала он притворился, что ничего о ней не знает. Его нельзя было даже подкупить. Только тогда, когда я попытался ускорить это дело более энергично, — Эйнион хмыкнул, — применив физическую силу, он сознался, что моя госпожа была у него.

— Где она? — Под темно-синими глазами Мейдока были большие

красные круги. Он почти не спал в последнее время.

— Я ничем не мог заставить его сказать, где она, мой господин. Он живет в полнейшем страхе перед вашим братом, Брайсом из Кей. Он думает, что если предаст его, то епископ отыщет его, где бы он ни находился. Он уверен, что ваш брат убьет его, если он нарушит клятву. Я мог разорвать его по кусочкам, он все равно ничего не сказал бы мне.

Так велик его страх, мой господин.

Однако окольными путями я выяснил кое-что полезное для нас. Среди рабов Рори Бэна был мальчик, которого работорговец предназначал для одного благородного человека в Византии. Работорговец оказался, как и говорит о нем людская молва, незлым человеком. Мальчику была дана некоторая свобода. Подслушав мой разговор с Рори Бэном, он пришел ко мне, когда я оставил ирландца. Мальчик рассказал мне, что уже много месяцев находится у Рори Бэна. Он обещал мне помочь в поисках, если я выкуплю его и помогу вернуться в родную Ирландию.

— Он помог тебе?

— Да, мой господин. Он дорого мне обошелся, но его покупка этого стоила. Когда они из Ирландии перешли в Уэльс, Рори Бэн оставил своих людей и живой товар приблизительно в десяти милях от замка Кей. Он получил послание явиться к епископу. Когда через несколько дней он их догнал, с ним была прекрасная темноволосая женщина, с которой он очень заботливо обращался. Мальчик это отчетливо помнит, потому что Рори Бэн позволил женщине ехать с ним на лошади верхом за его спиной, а не идти вместе с остальными рабами. Незадолго до их прибытия в Вустер Рори Бэн вновь покинул свой караван, взяв с собой женщину. Мне, мой господин, ясно, что леди Уинн никогда не покидала Англию! — торжествующе заключил Эйнион.

— Но мы не смогли отыскать ее, — с отчаянием в голосе произнес Мейдок — Где она может быть, если только работорговец не убил и не закопал где-нибудь ее тело? — Он побледнел при этой мысли, ненавидя свою беспомощность.

— Мой господин, она здесь, — решительно сказал Эйнион. — Наши люди, очевидно, пропустили ее, ведь территория, на которой искали леди Уинн, очень обширна. Теперь мы сузили ее до окрестностей Вустера. Вы и я отправимся вместе, нанося визиты каждому тану в этой округе, пока не отыщем ее.

Принц медленно кивнул, крошечная искорка надежды зажглась в его сердце.

— Будем считать Вустер центром округа. Пойдем на поиски из города

сначала на север, потом на восток, на запад и, наконец, на юг. Мы должны пуститься в путь поскорее, Эйнион, потому что граф Гарольд и наш король Граффидц столкнулись друг с другом, как два оленя-самца из-за оленихи.

— Гарольд старается произвести впечатление на короля Эдуарда, чтобы тот изменил свою волю и объявил Гарольда наследником престола, а не герцога Нормандии Вильгельма. Граффидц скоро призовет к себе вассалов. Если меня здесь не будет, я не смогу ответить на этот призыв. Меня не интересует их схватка, я хочу только отыскать Уинн — и вернуть ее и ребенка целыми домой.

— Не разгневаются ли Граффидц ап Льюилин на вас, если вы не явитесь к нему? — спросил Эйнион.

— Когда моя жена и ребенок вновь окажутся дома, я объясню ему причину, почему я не смог встать под его знамена. Он поймет, Уинн ведь его родственница, хотя и дальняя. К тому же, почему мы должны играть в эти военные игры, теряя лето, когда они все равно ни к чему не приводят? Почему саксонцы считают, что от скуки они должны разорять уэльсцев, я не знаю, — заключил Мейдок — Может быть, потому, — ответил Эйнион, — что мы от скуки грабим саксонцев и воруем у них скот, мой господин. — Глаза великана заблестели.

— У саксонцев на самом деле превосходный скот, — согласился с улыбкой Мейдок. — Но я не позволю втянуть себя в эту битву. Хотя моя семья и титул древние, этот маленький гористый мир Пауиса-Венвинвина не имеет большого значения для сильных мира сего. Граффидц, несомненно, может обойтись и без меня.

Однако в своих предположениях Мейдок оказался не прав. Вести всегда медленно доходили до Скалы Ворона. Принц не знал, что в начале зимы самый могущественный граф Англии, Гарольд, вторгся в Уэльс и сжег поместье Граффидда, Рудлэн. Королю и его семье едва удалось спастись бегством, и Граффидц был взбешен.

Граффидц ап Льюилин был сыном Льюилина ап Сейсилла, короля Гвинда и Анхарид, дочери короля Дихюбарта. В детстве никто не предполагал, что из него выйдет серьезный правитель. Но юноша превратился в крупного воина и, к великому удивлению многих, сумел привлечь людей под свои знамена. У Граффидда ап Льюилина были обаяние и притягательная сила, редко встречающиеся у мужчин.

Он вынужден был бороться за наследование Гвинда. В том самом году, когда он его добился, Граффидц завоевал также Пауис и разбил мерсийцев, когда они осмелились вторгнуться на его территорию. Тогда он заключил союз с графом Элгаром, скрепив его женитьбой на дочери графа, Эдит.

Потом Граффидц отправился завоевывать Дихюбарт, родину своей матери. Однако все это время он питал лютую ненависть к саксонским графам Уэссекса. Сначала к Годвину, который стремился заполучить Эдит в жены своему сыну, а вот теперь к его сыну, Гарольду, который нагло похвалялся, что убьет Граффидда и возьмет Эдит себе в жены.

С приходом весны Гарольд вновь появился в Уэльсе, теперь уже под знаменем перемирия, заключая мир и обмениваясь заложниками со всеми, кто с ним встречался. Это ослабило положение Граффидда, поскольку большинство уэльских лордов не хотели воевать. Они хотели мира.

Гарольд предлагал мир, в то время как Граффидд слал гонцов, призывая своих вассалов совершить еще один поход против саксонцев Уэссекса.

Граффидц сразу же понял, что Гарольд пытается отвести угрозу со стороны уэльсцев и обезопасить свой фланг, чтобы полностью сосредоточиться на внутренних делах Англии, настраивая ее против герцога Нормандии Вильгельма. Когда наступит время, Вильгельм не замедлит заявить свои права на трон. Граффидд знал Вильгельма лишь как славного воина. Он понимал, что герцог может добиться всего, настраивая Англию против Гарольда и ему подобных, при этом ему будет не до Уэльса, ведь надо не забывать еще и о норвежцах. Граффидц понимал, что может извлечь для себя большую пользу, помогая Вильгельму постоянными нападениями на Гарольда.

Гарольду это тоже было ясно. Он не хотел одновременно воевать с норманнами и с уэльсцами. Это будет проигрышная игра. Граффидд ап Льюилин контролировал большую часть Уэльса, Уничтожив его, Гарольд рассчитывал выбрать среди уэльсцев человека, способного возглавить их как нацию. Для этого граф Гарольд и отправился в Уэльс, подорвал его опору среди завистливой и мелкой знати. Успех превзошел все его ожидания.

Мейдок ничего об этом не знал, так как его владения были слишком далеки, чтобы Гарольд хотя бы вспомнил о них. Принц держал путь в Англию, в то время как Гарольд шел в Уэльс. Пока Мейдок проводил весну и зиму, прочесывая английскую территорию в радиусе двадцати километров от Вустера, король боролся за свою жизнь. Эту битву он проиграл в начале августа, когда был убит несколькими своими людьми, которых подозревали в том, что они состоят на службе у Гарольда. Убийцы не дождались момента, чтобы насладиться плодами своего преступления. Сыновья Граффидца отплатили за смерть отца. Гарольд ознаменовал свой триумф, объявив, что берет вдову Граффидца, Эдит Мерсии, в жены.

Младший брат Эдит, теперь граф Мерсии, не был достаточно силен, чтобы возразить против такого нарушения приличий или даже оказать сопротивление графу Уэссекса. «Датская» жена Гарольда, тоже Эдит, мать его троих сыновей, приняла это как неизбежное. Теперь под контролем Гарольда была почти вся Англия, после короля, конечно. Дело было за одним — чтобы умер король.

А в Элфдине Эдвин и Кэдерик спорили о положении в Англии все яростнее. Эдвин продолжал поддерживать решение короля назначить герцога Нормандии своим преемником. Кэдерик упорствовал, что королем должен быть Гарольд. Когда летние дни стали убывать и приблизилась осень, не стало ни одной трапезы, не омраченной спором двух мужчин.

— Гарольд обычный саксонский берсеркер, — настаивал Эдвин однажды вечером, когда в очередной раз разгорелся спор.

— Его поддерживает народ, — откликнулся Кэдерик.

— Гм, народ, — фыркнул его отец. — Народ не правит, а его поддержку можно купить за кружку эля на полпенни. Ты глупец! Гарольд не сможет отразить натиск норвежцев. Они, кажется, тоже считают, что могут заявить свои права на эту землю. Ты думаешь, они вежливо посторонятся, когда наступит момент, и поддержат Гарольда? Лишь дурак может поверить в это! Только Вильгельм Нормандии сможет удержать Англию. Его боятся как военачальника. Если будет править он, норвежцы не посмеют выступить против него.

— Нормандский герцог — иноземец! — взорвался Кэдерик. — Ты окажешь поддержку иноземцу, а не Гарольду? Это измена, скажу я тебе!

— Измена? — Эдвин вскочил на ноги. — Ты осмелился назвать меня Древнескандинавский витязь, который становился невменяемым во время битвы. изменником, ты, неблагодарное отродье? — Тан потянулся к кинжалу, висевшему на поясе, но Уинн остановила его руку.

— Кэдерик, — гневно сказала она, — немедленно покинь зал! Ты не вернешься сюда, пока не извинишься перед отцом. Я больше не потерплю эту постоянную перебранку за столом.

Кэдерик открыл было рот, чтобы возмутиться, но его жена яростно зашептала ему на ухо:

— Уинн права, мой господин! Пойдем сейчас! — Эдит бросила на Уинн одобрительный взгляд и вместе с другими женщинами вывела Кэдерику из зала.

Эдвин опустил на свое место. Уинн наполнила его кубок крепким красным вином, он быстро осушил его.

— Я хочу еще одного сына, — решительно объявил он.

— У тебя есть Болдер, а у него двое сыновей, — ласково сказала ему Уинн. — Если Кэдерик огорчает тебя, тогда сделай Болдера своим наследником. Ведь именно его сыновья в конце концов унаследуют Элфдин.

— Нет! Я хочу сделать наследником сына из твоего чрева! — Он поднялся, крепко схватив ее за запястья. — Пойдем, моя дикая уэльская девочка. Я горю желанием взять тебя и сделать нового сына для Элфдина! — Он потянул ее к лестнице, ведущей в большую спальню.

Уинн знала, что спорить с ним бесполезно, пока он в таком состоянии. Кэдерик все больше и больше действовал на нервы отцу. Если бы только отец Эдит умер. Тогда Кэдерик будет иметь свои собственные земли и получит титул тана. Он забрал бы всех своих женщин и оставил их семью в покое. Постоянные стычки плохо действуют на Эдвина.

В спальне она с нежным смешком высвободилась из его плена, рукой отстраняя его.

— Нет, мой господин-жеребец, — игриво проговорила она, — на этот раз я не дам тебе порвать мое платье, как в прошлый раз.

— Моя кладовая полна красивых дорогих тканей, — ответил он. — Я даю тебе их все, моя дорогая. Ты можешь сделать себе сто новых платьев. — Он опять потянулся к ней.

Уинн ускользнула от него.

— Нет! — решительно сказала она, словно говорила с непокорным ребенком. — У меня есть более интересные занятия, чем шитье у очага. Кроме того, ты ведь знаешь, как я ненавижу бросать вещи на ветер.

Позволь мне раздеться для тебя, а потом я раздену тебя, Эдвин. — Ее голос теперь стал соблазнительным и нежным. Она обольстительно улыбнулась ему. Сняла золотой обруч и аккуратный покров из белого полотна с темной головы и отложила их в сторону.

— Очень хорошо, — согласился Эдвин, неуклюже опускаясь в кресло с легкой улыбкой на лице. — «Она знает, как со мной обращаться», — подумал он про себя и развеселился. Он не обижался на это, потому что все, что она делала, было ради детей и ради него. В ней совсем не было эгоизма. Она действительно поразительная женщина.

Уинн заметила, как гаев его испарился, и она успокоилась. Она выскользнула из красной туники, потом из нижней желтой и, наконец, за ними последовала полотняная рубашка. В доме она не носила обувь. Уинн подняла руки, чтобы снять подвески в ушах, положила их к своей одежде.

Неторопливо расплела косу, расчесав пальцами густые темные волосы.

— Положи руки на голову, — нежно приказал он, а потом со стороны

оценивающе стал смотреть на ее буйную красоту. Ее упругие молодые груди пополнили после родов. Соски потемнели, из коралловых стали темно-коралловыми. Живот был плоский, но в нем была приятная его глазу округлость. Ноги полные, но не толстые. Он никогда не устанет смотреть на нее, решил Эдвин, и, словно уловив его мысли, Уинн опустила руки и стала перед ним.

Она ласково подняла его с кресла и начала раздевать. Сначала сняла кафтан с украшенным воротом. Потом нижнюю тунику и рубашку Он сбросил с ног домашние туфли, в то время как Уинн, опустившись на колени, начала развязывать подвязки на его чулках, а потом, свертывая их вниз, сняла с ног. Она ласкала руками его ноги и бедра, от чего дрожь сладостного предвкушения пробежала по телу Эдвина. И, когда она взяла в руки его наполовину поднявшийся детородный орган и поднесла к губам, он не мог сдержать стон, вырвавшийся из самой глубины его тела.

Она крепко держала его, острым язычком поглаживая крутой чувствительный кончик Другая рука в это время ласкала низ его живота.

Потом она взяла его в рот, энергично посасывая, разжигая в нем яростную страсть, от которой он начал содрогаться. Он опустил руки и погрузил пальцы в ее черные шелковистые волосы, массируя ей голову все более настойчиво, пока наконец не закричал ей:

— Довольно!

Когда она отпустила его, он поднял ее на ноги и поцеловал обжигающим поцелуем. Уинн обвила руками его шею, прижимаясь к нему обнаженным телом и ощущая его твердое «копье», настойчиво пульсирующее у ее бедра. Он повалил ее на кровать, раздвинув ей бедра, которые широко раскинулись на краю. Встав перед ней на колени, подался вперед, чтобы любить ее так же, как она только что любила его. Ее любовные соки текли беспрестанно, она задыхалась, извиваясь под его языком, который не знал покоя, двигаясь туда-сюда с умелой утонченностью до тех пор, пока она почти обезумела от наслаждения, которое он ей доставлял и которое она с жадностью принимала. Он устремил свой искусный язык еще дальше вперед, в женский проход, поглаживал и ласкал ее, пока она не начала всхлипывать от желания, которое не могло быть утолено.

— Пожалуйста, — молила она.

Его язык лизал ее теплую плоть, он пробормотал:

— Еще рано, моя дикая уэльская девочка.

Она чуть не кричала, когда язык начал облизывать ей живот, пощекотал пупок и поднялся к груди. Его сильное тело тоже поднималось

следом за языком, вдавливая ее в матрас и перину всем весом.

— Ты убьешь меня, — почти что всхлипнула она, и он рассмеялся.

— Я хочу поглотить тебя всю, — прорычал он ей на ухо, целуя его, потом он вновь закрыл своим ртом ее рот, упиваясь ее поцелуями, вкушая ее язык и губы. Одной рукой он держал ее руки над ее головой, потом не торопясь умело устроил Уинн между своими крепкими бедрами, свободной рукой направляя свое «копье» в цель.

Всхлипывая, Уинн бросилась навстречу устремленному оружию, страстно поглощая его в себя, вырывая руки из его хватки, чтобы обнять его.

Он яростно устремился вглубь, погружаясь с каждым ударом. Уинн ощутила, как теряет контроль над собой. Между ними раньше не было такой неистовой любви. Ее ногти впились ему в спину, но он, казалось, не замечал этого, бросаясь взад-вперед, его ягодичные мышцы напряглись от усилий. Их обуревала неистовая страсть.

— Сына! — простонал он ей на ухо. — Я хочу от тебя сына, моя дикая и сладкая уэльская жена!

Уинн услышала его слова и поняла их, но ее собственное желание было столь велико, что она не могла не сосредоточиться на нем. Ее тело стало яростно отвечать на его любовь. Сильная мучительная дрожь пронеслась по ней, когда она почувствовала, что его страсть прорвалась, орошая ее тайный сад обильным семенем. Восхитительно! Необычайно восхитительно, она была готова умереть от наслаждения, погружаясь в темноту, падая, падая, падая, пока от нее ничего не осталось, но в этот момент глаза ее открылись. Она жива. Изумительное чувство удовлетворения пропитало ее от трепещущих подошв ног до макушки. Эдвин лежал распростертый подле нее, тяжело дыша. Потянувшись, она взяла его за руку и, сначала сжав ее, поднесла к губам и поцеловала его пальцы.

— Я обожаю тебя, Уинн, — тихо проговорил он ей в ответ. Она слышала глубокую любовь в его голосе.

— А я люблю тебя, Эдвин, — отвечала она, осознавая, что это на самом деле правда. Как она могла не любить этого доброго и славного человека, который был так терпим с нею? Как могла она не любить отца своей дочери? Это не означало, что она не любила отца своего сына, но прошло два года с тех пор, как ее похитили из Уэльса. И за все это время Мейдок не появился и даже не прислал весточку, что приедет за ней. Она не могла ждать вечно. Она наконец обрела душевный покой. Опершись на локоть, она посмотрела в бородатое лицо Эдвина. — Да, мой господин, я

люблю тебя, — мягко проговорила она, и ее зеленые, как лес, глаза наполнились слезами, но она не была уверена, были ли это слезы счастья или печали.

— Уинн! — радостно произнес он ее имя, лицо озарилось счастьем от ее слов. — Ах, моя дикая уэльская девочка, я никогда не сделаю тебя несчастной и буду любить тебя вечно! Клянусь тебе!

«Вечно», — подумала Уинн, когда их губы слились в сладостном поцелуе. Было ли на самом деле такое понятие, как «вечно»? Нет. Есть лишь миг вечности, и мудрые наслаждаются этим мгновением до конца, потому что он проходит и никогда больше не возвращается.

— А я буду любить тебя, пока жива, — пообещала она, зная, как важно ему услышать от нее эти слова.

В последующие недели все обитатели Элфдина заметили, что тан ходит такой счастливый, каким его никто никогда не видел. Его счастье передавалось людям. Всем, но только не Кэдеру — Она околдовала его, — жаловался старший сын тана жене.

— Он любит ее, — терпеливо объясняла ему Эдит. — В этом нет никакого волшебства.

— Он никогда не вел себя так с моей матерью, — ворчал Кэдерик.

— Твои родители были одного возраста, мой господин, и они поженились ради выгоды, как и мы все, — ответила Эдит, сочувствуя своему мужу, который, вероятно, никого не любил в своей жизни, включая и ее.

Его всегда переполняла горечь и зависть, и Эдит не знала причин этого.

— Твой отец находится на рубеже, разделяющем зрелость и старость.

Он не ожидал уже встретить любовь на своем веку Он не только нашел любовь, но встретил ее в лице красивой, доброй, молодой женщины, которая подарила ему еще одного ребенка. Уинн, возможно, принесет ему много детей. Тебе лучше посмотреть правде в глаза и смириться с ситуацией, мой муж, — мудро посоветовала Эдит. — Уинн тебе не враг, — Она сказала, что у меня не будет детей.

— Думаю, она права.

— Она не права, — закричал он на нее. — Я могу получить от нее сыновей. Я знаю это! — Он стал угрюмым, потом мрачно добавил:

— Когда-нибудь Элфдин будет моим, и Уинн тоже будет принадлежать мне! Она станет рожать мне сыновей, захочет того или нет, иначе я убью ее!

Часть IV. НАЛОЖНИЦА БОЛЬШОГО ЗАЛА

*Когда любовь
манит тебя,
Иди за ней,
Хоть путь ее
тяжел и крут.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

Глава 16

Приближалось Рождество, и в лесах, принадлежавших Элфдину, заметили огромного кабана. Тан пригласил старшего сына на охоту.

— На святки у нас на столе будет великолепная кабанья голова, — пообещал Эдвин, целуя утром Уинн, его рука проскользнула под рубашку, чтобы взять полную грудь.

— Полежи подольше в постели, мой господин, — соблазняла его Уинн. — Лучше поохотиться сегодня здесь, чем в холодном сыром лесу — Она притянула его голову к себе и поцеловала долгим неторопливым поцелуем, возбуждающе поигрывая языком у него во рту.

С глубоким вздохом Эдвин зарылся лицом в ее душистые волосы на долгое сладостное мгновение, потом с сожалением оторвался от нее.

— Ты, моя дикая уэльская колдунья, можешь подождать от меня удовольствия, а кабан, увы, нет. Если эта тварь уйдет за пределы моих владений, то достанется кому-то другому — Ты уверен, что я буду дожидаться удовольствий от тебя? — подшутила она.

— Да, — самоуверенно ответил он, схватив ее на руки с притворным гневом, когда она выскочила из постели. Он на короткий миг прижал ее к себе, а затем, поставив на ноги, нежно шлепнул по ягодницам. — Позаботься о моей еде, жена!

— Для этого у нас есть домашние слуги. Мне же лучше отправиться в мою аптеку и приготовить зелье, чтобы удержать тебя.

На самом же деле Уинн подошла к колыбели, где лежала, проснувшись, голодная дочка. Быстро поменяв пеленку, Уинн опять уселась на кровать и дала малышке грудь. Аверел жадно зачмокала, Эдвину пришлось отвести глаза. Вид их ребенка, сосущего материнскую грудь, возбудил его гораздо сильнее, чем он хотел. Даже сейчас он не верил своей счастливой судьбе, которая послала ему молодую и прекрасную жену.

Пришли слуги и принесли в спальню воды для мытья. Закончив кормить дочь, Уинн передала ее молодой служанке, которая смотрела за Аверел. В свои восемь месяцев девочка была хорошенькая и здоровенькая. Она походила на отца, и у нее, как и у Эдвина, были темно-каштановые волосы. Только глаза, сделавшись из голубых зелеными, стали такими же, как у матери. Обычно жизнерадостная, Аверел могла разбушеваться в самый неожиданный момент.

— У нее характер саксонского рыцаря, — говаривала Уинн мужу, когда

их дочка кричала и редела от гнева. В эти редкие моменты только он мог утихомирить ее, а Уинн качала головой с притворным отчаянием. — Она уже обводит тебя вокруг своего хорошенького пальчика. Боюсь, ты избалуешь ее.

Они искупались и быстро оделись на предстоящий день. В то время, пока Эдвин и Кэдерик будут охотиться на кабана, Уинн и остальные женщины займутся украшением дома к празднику. Они спустились в зал на утреннюю трапезу. На столе лежал свежий хлеб, твердый острый сыр, стояли тарелки с ячменной кашей и молодой сидр. Арвел и его няня, Гита, уже ждали их. Сын Уинн по-прежнему спал в домике Гиты со своей кормилицей, поскольку он еще не был отлучен от груди и завидовал, когда мать кормила сестричку. Остальные члены семьи торопливо вошли в зал. У Кэдерика, на удивление, было хорошее настроение. Он и его отец добродушно подшучивали друг над другом на разные лады, споря, кто из них первым заметит кабана и, конечно же, кому выпадет честь первым убить его.

За стенами зала слышался яростный лай собак, когда их привели из псарни. Кроме псарей, на охоту отправлялись несколько дюжин слуг, которые должны сегодня быть загонщиками. Их задачей было выгнать кабана на открытое место из его логовища, где лучники, фермеры тана, смогут выстрелить в него. Хотя они уступают право убить зверя лорду или его сыну, тем не менее они тоже получают удовольствие от охоты.

Но если грозит неминуемая опасность, тогда они не замедлят пустить в зверя стрелу.

У тана был большой лук, сделанный из лучшего тиса и стянутый превосходной тетивой. Рога лука были украшены полированной костью, оправленной в серебро. Подбадриваемый матерью, маленький Арвел потопал ножками к приемному отцу, пытаясь справиться с тяжелым футляром для лука. Эдвин усмехнулся и, нагнувшись, отобрал его у малыша.

— Скоро я научу тебя стрелять из лука, мой маленький сын, — сказал он, улыбнувшись мальчику и взъерошив его волосы.

Синие глазки Арвела загорелись от удовольствия, потому что он понял слова Эдвина.

— Па! — сказал малыш, энергично кивая головой.

— Он говорит еще что-нибудь, кроме «па»? — угрюмо проговорил Кэдерик — Он говорит то, что и любой другой ребенок в его возрасте, то есть мало, — резко заметила Уинн. — Но откуда тебе знать это, Кэдерик, ведь у тебя нет детей. — Она вручила Эдвину нарукавник на левую руку. —

Это тебе, моя любовь. Я посылала за ним в Вустер.

Он взял подарок, улыбаясь от удовольствия, поворачивая его в руке.

Нарукавник был тоже сделан из полированной кости и оправлен в серебро, как и его лук — Прекрасная вещь, Уинн. Благодарю тебя!

— Солнце уже взойдет, прежде чем мы отправимся на охоту, если ты не расстанешься с этой женщиной, отец, — проворчал Кэдерик — Он прав, — быстро согласилась Уинн, предупреждая спор между отцом и сыном. — День не обещает быть хорошим, я предчувствую, что пойдет снег, мой господин. Если станет сыро, возвращайся домой. У меня нет желания ухаживать за больным все святки и Рождество.

Эдвин обвил ее рукой за талию и крепко поцеловал.

— Я вернусь при первых хлопьях снега или каплях дождя, моя дикая уэльская девочка. Помни, что ты должна ждать меня. — Он усмехнулся.

— Я буду ждать, мой господин, — нежно ответила Уинн и, встав на цыпочки, укусила его за мочку.

Тан захохотал во все горло.

— Ох, самка, за свою смелость ты заплатишься сегодня ночью! — Потом поцеловал ее в последний раз и вышел из зала.

— Он тебя сильно любит, — сказала с печалью в голосе Эдит.

— Я тоже его полюбила, — ответила Уинн подруге.

— Ты когда-нибудь вспоминаешь о другом?

— Да. — честно призналась Уинн. — Как мне не вспоминать, когда Арвел вылитый отец?

— Ты его по-прежнему любишь?

— Да, — отозвалась Уинн, слегка улыбнувшись, словно подсмеиваясь над собой. — Не думаю, что когда-нибудь смогу перестать любить Мейдока Пауиса, но в то же время я люблю и Эдвина. Не спрашивай меня, Эдит, потому что я сама этого не понимаю.

— Ты счастливая. Ты любишь и любима.

— Кэдерик любит тебя. О, я знаю, ты думаешь, что он не способен на это, но он любит.

— Нет, — ответила Эдит, и слезы хлынули из ее кротких голубых глаз. — Он помнит лишь о том, что отец обещал ему еще два с половиной надела земли, если он будет со мной хорошо обращаться. Он мечтает об этой земле, чтобы самому получить титул тана.

— И все же Кэдерик любит тебя, — твердо ответила Уинн. — Насколько я знаю, он всегда был добр с тобой, Эдит. Он обращается к тебе за советом и ценит твое мнение. Тебя это может поразить, но он твой друг.

Он пропадет без тебя.

— Однако он берет в свою постель других женщин, и не только четырех своих младших жен, Уинн. Нет ни одной хорошенькой девушки, крепостной или фермерши, которая бы ускользнула от его ищущего взгляда.

— Это все его отчаянное желание иметь детей. И ты знаешь, Эдит, что все объясняется этим. Он никому так не доверяет, как тебе.

— Кэдерик рассказал мне о твоём приговоре. Зачем ты ему это сказала в гневе, чтобы отомстить за его дурное к тебе отношение? — Эдит беспокойно теребила кусок туники. Она была старше Уинн на несколько лет, однако испытывала благоговейный трепет перед юной женой свекра. В конце концов, Уинн целительница, а к целительницам относятся с уважением.

— Кэдерик сказал мне, что в юности перенес тяжелую болезнь. Она поразила не только его лицо и шею, но также и его мужское естество.

Лекарям хорошо известно, что когда такое происходит, семя мужчины становится безжизненным. Иногда, но крайне редко, такой мужчина может произвести одного ребенка, но это маловероятно. Вот это я и сказала Кэдериду, но он не поверил мне, Эдит.

Эдит понимающе кивнула.

— Я всегда считала себя не способной родить ребенка, — медленно сказала она, — и, честно говоря, Кэдерик мало уделял мне внимания, прежде чем взять других женщин. Потом появились Бирангари, Дагиан, Элф и, наконец, Хейзел. Поначалу я завидовала, но скрывала свои чувства, чтобы не вызвать неудовольствия Кэдерика, поскольку моя неспособность произвести ребенка была, конечно, не его виной. Но как только все эти девушки оказались такими же бесплодными, как и я, мы стали друзьями. Как и я, они горы сдвинули бы с места ради ребенка. Я какое-то время уже начала подозревать, что все дело в моем муже, думаю, и его другие женщины тоже.

Но ни одна из нас не произнесла этого во весь голос.

— Конечно, нет. Кэдерик измеряет мужское достоинство по количеству сыновей, как ты хорошо знаешь.

— Бедный мой муж, — произнесла Эдит, чуть не плача.

— Солнце встало, нам пора отправляться за ветками сосны, розмарином, миртом и остролистом, — сказала Уинн, указав на небо через открытую дверь зала. — Эти декабрьские дни такие короткие, Эдит. А где остальные? Они, конечно, не допустят, чтобы мы сделали все одни.

Элдред, пойдя приведи остальных женщин лорда Кэдерика, которые так предусмотрительно исчезли. Мы с ними тотчас же встретимся там, где

растет мирт.

— Да, госпожа, я приведу вам лентяек.

Она быстро заковыляла, бормоча что-то себе под нос.

— Она старая, хотя все еще резва, — заметила Уинн, с улыбкой посмотрев на Эдит, которая наконец овладела собой.

Застегнув на себе накидки изящными серебряными брошками, две женщины взяли плетеные корзинки и поспешили к ожидающим их женщинам Кэдерика. Их уважение к Уинн было столь велико, что они не мешкая пошли к назначенному месту.

Уинн радостно их приветствовала.

— Хейзел, ты самая маленькая, собирай ягоды мирта на нижних ветках, а Бирангари, как самая высокая, оберет верхние ветки. Когда закончите, нарежьте больших и красивых веток для зала. Элф, ты разумно надела перчатки, как я погляжу. Возьми тогда мой нож и нарежь остролиста. Дагиан, Эдит и я нарежем веток сосны.

— А розмарин? — поинтересовалась Бирангари.

— У меня много его в огороде, — ответила Уинн. — Мы нарвем его, когда вернемся.

День выдался довольно ясный, ветер был несильный. Вдали в лесу раздавался звук охотничьего рожка, лай собак. Женщины почти не замечали звуков охоты, они были поглощены своим делом. Корзинки наполнялись ягодами мирта, которые придадут особый аромат святочным свечам. В руках у них были охапки веток, которыми они украсят дом. Хейзел сбегала в дом за слугами, чтобы те помогли донести ветки.

Вернувшись в дом, женщины поспешили на кухню готовить праздничные свечи. Повар Хил, недовольный вторжением женщин, ворчал что-то себе под нос, однако отправил сына за оловянными формочками. Сладкие пироги, пропитанные медом и посыпанные сверху маком, загадочно появились на столе рядом с кувшином холодного пенистого сидра. Ягоды мирта нагрели, чтобы вытопить из них ароматный воск, который влили в другой котелок, наполненный пчелиным воском, потому что святочные свечи всегда делались из пчелиного воска. Формочки аккуратно заполнили, осторожно поместив фитили.

— Думаю, это будут самые удачные свечи, которые мы когда-либо делали, — объявила Эдит. — Я не заметила ни одного пузырька воздуха, который испортил бы наши труды.

— У нас будет веселый праздник и удачный благодаря кабану, отозвалась Бирангари.

— Давайте отнесем пироги и сидр в зал. Думаю, мы заслужили отдых,

прежде чем начнем украшать дом. Свечи установим лишь завтра, сказала Уинн.

Они пришли в зал и уселись у глазного очага перекусить и посплетничать. Пошатываясь на своих некрепких ножках, вошел Арвел, которого все кругом баловали. Теперь, когда семейство Болдера покинуло Элфдин, в доме из детей остались лишь Арвел и Аверел, кого еще можно было баловать. Страстно желая иметь собственных детей, жена Кэдерики и его другие женщины не могли не обожать детей Уинн. Она молча наблюдала за ними, чувствуя их боль и желая всей душой, чтобы судьба была милостива к ним.

Наконец, когда уже нельзя было больше тянуть время, шесть женщин с помощью Элдред и служанок начали украшать зал ветками.

Комната, обычно простая, стала приобретать праздничный вид. Аромат сосны — крепкий и свежий — заполнил зал. Закончив наконец, они отошли в сторону полюбоваться на свои труды и все вместе улыбнулись.

— Лучше, чем в прошлом году, — воскликнула маленькая Хейзел, хлопая в ладоши, а остальные засмеялись.

— Она права, — согласилась Бирангари. — Это будут самые замечательные святки, я просто знаю это!

Солнце стало опускаться в прохладное пятно полинялой краски за западными холмами. В середине декабря закат наступал тогда, когда в июле была середина дня. Уинн с беспокойством смотрела в раскрытую дверь зала.

— Кабан, наверное, ускользнул от них, — обронила Эдит. — Им придется отправляться на охоту завтра.

— Подожди, — сказала Бирангари, склонив голову набок. — Мне кажется, я слышу лай собак.

— Да, — согласилась Эдит. — Они возвращаются. Давайте выйдем и посмотрим, убили ли они зверя.

Уинн подхватила на руки сына и вместе с другими поспешила встречать возвращающихся охотников. Они уже видели их на тропе, ведущей к дому. Но подождите... не хватало одного всадника, и это был Эдвин. Уинн сунула Арвела в руки Эдит и бросилась навстречу мужчинам. Только тогда она заметила за лошадью Кэдерики носильщиков с ношей. Ее сердце бешено забилося, и она припустилась еще быстрее.

Добежав до охотников, она увидела раненого Эдвина, лежащего на своем щите.

— Что случилось? — потребовала она ответа у пасынка. — Ну, рассказывай, что произошло, либо Бог свидетель, я голыми руками вырву

сердце из твоей груди! — На ее лице была маска необузданной ярости.

— Говоришь как... настоящая... саксонская жена, — с трудом произнес Эдвин, слабая улыбка тронула его губы. — Я... поправлюсь... дорогая.

— Что произошло? — повторила Уинн, сверкая глазами на Кэдерика. Не успел он ответить ей, как она начала отдавать приказания. — Ты! — пальцем указала на одного охотника. — Беги во всю прыть в зал и передай старухе Элдред, чтобы она приготовила горячую воду, вина и мой мешок с травами. И еще повязки! И освободите высокий стол. Я хочу, чтобы мой господин лежал там, когда я буду его осматривать. — Ее взгляд упал на носильщиков. — Вы не можете идти быстрее? Кэдерик, я жду твоего объяснения! — «Господи, какой Эдвин бледный», — в страхе подумала она.

Наконец они добрались до дома. Когда Эдвина внесли в зал и осторожно положили на высокий стол, Кэдерик Этельмар поведал о случившемся обступившим его женщинам. Уинн, слушая рассказ Кэдерика, разрешила на Эдвине одежду, чтобы лучше разглядеть раны.

— Мы почти весь день выслеживали кабана, — начал Кэдерик. — Несколько раз мы даже видели его, но ни разу не были настолько близки к нему, чтобы убить. Наконец после полудня зверь остановился в зарослях вереска в самой дальней части леса. Эдит, дай мне вина. У меня горло пересохло.

Его жена быстро поставила рядом с ним кубок, и, осушив его, Кэдерик вытер рот тыльной стороной ладони.

— В лесу было темно и мрачно, — продолжал он. — Собаки были готовы броситься на кабана. Они лаяли, выли и рвались за ним прямо в заросли. Несколько было убито и покалечено, но потом вся стая напала на него. Он вырвался из своего укрытия и бросился прямо на нас. Я сделал удачный выстрел, Эдит, но споткнулся о камень и упал. Зверь устремился прямо на меня. Я уже слышал его отвратительное дыхание, когда пытался удрать с его пути. Тогда отец рванулся вперед и пустил стрелу. Зверь был слишком близко от него, но он убил его единственным выстрелом. В предсмертной агонии кабан сильно боднул отца. Он спас мне жизнь, — закончил Кэдерик. На минуту на его лице появилось юношеское выражение, и сердце Эдит рванулось к мужу.

Зал затих, пока Уинн мрачно разрешила на Эдвине одежду. Похоже, рана была где-то в паху. Нижняя часть тела тана была вся окровавлена.

Часть крови уже засохла и потемнела, медленно вытекающая была ярко-алого цвета. Он сморщился, когда ей пришлось отдирать кусок ткани, которая уже прилипла к коже.

— Извини меня, любовь моя, — сказала Уинн.

— У меня так... кружится голова, — слабо прошептал он.

— Элдред! Дай господину вина, настоящего на травах, — приказала Уинн.

Наконец все раны открылись перед ней, и вид их ужаснул ее. Кабан сдох, но перед своим концом жестоко ранил Эдвина. Было по крайней мере три больших раны в верхней части бедра и в паху. Все глубокие, но две уже перестали кровоточить. Третья рана была самая серьезная, потому что зверь задел артерию, проходящую в паху. Отверстие было невелико, но кровотечение не прекратилось.

Уинн смотрела на рану, кусая от огорчения губу. Она ведь не хирург, а здесь нужна была помощь хирурга. Если бы прокол был больше и более открытый, она могла бы зашить сама. Чтобы добраться до артерии и успешно закрыть ее, ей нужно больше открыть рану. Она не осмеливалась, ее пугало отсутствие навыков. Если она рискнет и разрежет слишком глубоко, она может причинить еще больший вред, чем кабан. Однако если она не остановит кровотечение, Эдвин умрет. Он увидел ее нерешительность.

— В чем... дело? — спросил он, отталкивая прочь скрюченную руку Элдред с кубком вина.

Его не надо беспокоить, подумала Уинн и сказала:

— Я обдумываю лучший способ лечения, мой господин.

Он заметил в ее глазах скрытое беспокойство, но не стал дальше настаивать. Она постарается сделать все, что в ее силах, ну а если такова воля Божья, что ему суждено умереть, тогда ни молитвы, ни надежды не могут помочь.

— Выпей вина, любовь моя, — посоветовала она. — В него добавлены яйца и тонизирующие травы. Я должна успокоить твоего сына, прежде чем возьмусь за дело. — Поцеловав его в лоб, она спустилась с помоста, на котором стоял стол, в зал и направилась к тому месту, где стояли Кэдерик и Эдит.

— Он будет жить? — прямо спросил Кэдерик.

— Не знаю, — честно ответила Уинн. — У него три раны, две довольно глубокие, но они перестали кровоточить, а третья рана затронула артерию. Она недостаточно широка, чтобы я могла зашить артерию. Я попытаюсь другим способом остановить кровь.

— Если тебе это не удастся, тогда он умрет. Ты это говоришь, уэльская женщина?

— Да, — ответила Уинн, и ее зеленые глаза наполнились слезами.

— Тогда ты будешь моей, — безжалостно объявил он.

Эдит буквально задохнулась, пораженная жестокими словами мужа.

— Никогда! — яростно ответила Уинн и, отвернувшись от них, направилась к Эдвину — Ох, Кэдерик, как ты можешь произносить такие слова, когда твой отец на смертном одре? — всхлипывала Эдит.

Ок отвел ее к скамье у очага, и они вместе сели. Голубые глаза Эдит переполняло беспокойство, но муж приложил к ее губам ласковые пальцы, чтобы остановить слова, готовые сорваться с ее уст.

— Она может дать мне ребенка, Эдит, — тихо произнес он. — Пока жил отец, у меня не было другого выбора, как признавать ее его женой.

Но скоро отец умрет. Уинн будет моей, и я смогу с ней делать все, что пожелаю. — Его глаза блестели от предвкушения удовольствия.

— Если на то будет воля Божья и отец умрет, она станет его вдовой, и к ней следует относиться так же почтительно, как к жене. Ты таким образом хочешь проявить к ней свое уважение? Подчинив ее себе? Ох, Кэдерик! Я никогда не подозревала в тебе такое бесчестье.

— Уэльскую женщину привезли в этот дом как рабыню. И она часть моего наследства. Я могу делать с ней, что захочу — Твой отец освободил ее в этом зале перед всеми нами, — тихо плакала Эдит. — Она твоя мачеха, и то, что ты предполагаешь совершить, означает кровосмешение! Это худший из грехов, мой муж! Не делай этого, Кэдерик, молю тебя! Мы найдем тебе новую молодую плодовитую наложницу, только не Уинн!

— Я не желаю никого другого, только ее!

Во взгляде Эдит жалость смешалась с отвращением.

— Молю тебя, мой муж. Я мало чем могу помочь тебе, если ты настаиваешь на своем.

Уинн не позволила переносить Эдвина из зала. Слуги нежно подняли его, чтобы подстелить соломенный тюфяк Уинн промыла, прижгла и обработала его раны со всей тщательностью. Большие раны, хоть и страшные на вид, заживут легко, если она сможет избежать нагноений.

С меньшей, более опасной раной гораздо труднее, поскольку ей никак не удавалось остановить медленное кровотечение. Несколько раз, сильно надавив в области раны, ей удавалось остановить кровь, но когда она отпускала руку, рана вновь открывалась, и жизненные силы Эдвина начинали вытекать из нее.

К середине ночи Уинн забилась в темный угол зала и несколько коротких минут проплакала от отчаяния. Им нужен хирург! У нее просто нетумения расширить рану и зашить артерию. Большую часть ночи Эдвин то терял сознание, то снова приходил в себя. Хотя у него начался жар, Уинн

знала, что таким образом тело борется с болезнью. Потеря крови — вот что убьет его. К концу ночи сознание у тана на короткое время прояснилось.

— Приведи семью, — сказал он Уинн, и она бросилась будить всех, заснувших прямо в зале. Никто не покидал их во время этих часов.

Когда все собрались перед Эдвином, он произнес:

— Я умираю. Я это чувствую. Кэдерик, сын мой. Ты мой наследник Элфдин твой. Я даю тебе мое отцовское благословение, но ты должен мне кое-что пообещать.

— Что угодно, отец! — сказал Кэдерик, не в силах скрыть своего стремления получить наследство.

Легкая горькая улыбка коснулась губ тана, и он продолжал уже с большим трудом:

— Будь добр с Эдит. С твоими женщинами.

— Обещаю, отец.

— Поклянись, что ты будешь почитать и защищать свою маленькую сестру Аверел, мой сын.

— Клянусь, отец! Я жизнью своей буду беречь ее и позабочусь, чтобы она в свое время вышла замуж. — И в этой клятве он был искренен, поскольку не держал зла против малютки.

— И Арвел тоже! Я... сделал его... своим...

— Мальчик не пострадает от меня, отец, — сказал возможно более уклончиво Кэдерик Нет, Арвел не пострадает, если его мать окажется сговорчивой, а это зависело от безопасности ее ребенка. Кроме всего прочего, Уинн была хорошей матерью, и Арвела он будет держать заложником, что обеспечит покорность матери.

— Уинн! — прохрипел Эдвин.

— Я здесь, любовь моя, — отозвалась Уинн, склонившись над ним, чтобы ему легче было говорить.

— Я никого не любил, кроме тебя... моя дикая... уэльская... девочка.

Никогда.

— Эдвин, — почти простонала она. — Я не смогу вынести того, что произойдет! Я всю жизнь училась спасать людям жизнь, но у меня нет знаний хирурга. Прости меня!

Он улыбнулся и слабо кивнул:

— Прощаю.

— Я люблю тебя, Эдвин. Вначале я не могла, но потом полюбила. Как можно не полюбить тебя? Ты самый добрый, самый лучший человек, которого я знала в своей жизни!

— Лучше, чем... другой? — нежно спросил он.

— Да! — быстро ответила она, и он вновь улыбнулся, зная, что она обманывает его, но эта самая ложь уверила его, что она на самом деле его любит, по крайней мере так, как она любила своего принца.

Потом тан заговорил вновь:

— Кэдерик, сын мой!

— Да, отец?

— Поклянись, что ты будешь чтить, уважать и защищать мою жену и мою вдову. Поклянись, что ты будешь охранять Уинн! — Это отняло у тана почти все оставшиеся силы.

Кэдерик посмотрел на умирающего отца. Жизнь в его глазах быстро угасала. «Осталась минута-другая», — подумал он бесстрастно.

Внезапно ужасающая мысль поразила тана. Вытянув удивительно сильную руку, он схватил сына.

— Клянись! — прохрипел он, стараясь скрыть отчаяние в голосе, когда сама его жизнь подходила к концу. — Клянись!

— Кэдерик, мой муж, во имя Всевышнего, молю тебя, поклянись, — просила Эдит.

— Мой господин! Мой господин! — Его четыре младшие жены, обступив его со всех сторон, цеплялись за него раздражавшими его пальцами. Он стряхнул их всех.

— Клянись! — Голос Эдвина перешел в шепот, но они все еще ясно слышали произнесенные слова.

Холодные глаза Кэдерики встретились с глазами Уинн, когда предсмертный хрип вырвался из горла Эдвина Этельхарда.

Эдит и другие женщины упали на колени и начали молиться, когда рука тана разжалась и выпустила руку сына, безжизненно упав.

Старая Элдред медленно прошаркала через весь зал и распахнула дверь навстречу утру. Широкий луч солнца брызнул по полу. Где-то вдали послышалась светлая песня жаворонка. А потом, не спуская ни на минуту глаз с Уинн, новый тан Элфдина произнес безжалостным, резким голосом:

— Теперь, уэльская женщина, ты моя!

Глава 17

Несмотря на яркий декабрьский солнечный свет, день был мрачный.

Уинн отошла от тела Эдвина и направилась к Эдит.

— Как вы обычно хороните своих умерших? — спросила она коленопреклоненную женщину. «Сегодня день зимнего солнцестояния, — подумала она. Подходящий день для того, чтобы умереть, как и любой другой». Беззвучные слезы катились по ее липе.

Обессиленная, Эдит с трудом поднялась на ноги.

— В старые времена среди нашего народа существовал обычай сжигать усопших. Люди, живущие к югу от нас, предавали своих мертвых земле и клали вместе с ними в могилу столько вещей, сколько покойный заслуживал и сколько могли позволить себе его родственники. С приходом священников мы просто хороним. Кладбище — рядом с маленькой церковью.

— Ты сможешь мне подготовить тело? — спросила Уинн. Она чувствовала себя уставшей и была сражена словами Кэдерики у тела бедного Эдвина. У нее болели груди, и, взглянув вниз, она обнаружила, что ее туника была не только в пятнах крови, но и молока.

— Конечно, я помогу тебе, — быстро отозвалась Эдит, видя, в каком состоянии находится Уинн, и обняла ее, — но сначала тебе надо покормить Аверел.

— Не начинай без меня, — мрачно сказала Уинн. — Я должна, как жена, оказать Эдвину последнюю дань моего уважения, которое он заслужил. — Она освободилась из рук Эдит и взяла у няни спящую дочь.

Усталой походкой она поднялась по лестнице в большую спальню, где поменяла Аверел пеленку, а потом села, полностью изнуренная, покормить Аверел. Она баюкала малютку, пока та с жадностью сосала ее грудь.

Обжигающие слезы медленно катились по ее щекам. Уинн задумалась над той угрозой, которая сейчас нависла над ней.

Кэдрик откровенно заявил о своих намерениях, но она просто не могла допустить подобного. Уинн отдавала себе отчет в том, что сейчас она очутилась в худшем положении, чем тогда, когда Рори Бэн привез ее в Элфдин. Тогда она просто носила дитя, теперь их у нее двое, и их жизнь зависит от нее. Ей не удастся убежать с ними. Она должна остаться в Элфдине, но как уклониться от похоти Кэдерики, вот что занимало ее мысли. Ей нужен отдых и время, чтобы все хорошенько обдумать.

Интуиция подсказывала ей, что Эдит ей в этом поможет.

Она почувствовала на себе его взгляд и, подняв глаза, увидела стоящего в спальне Кэдерика. Сколько времени он был здесь, она не знала. Он надменно стоял, опираясь на перемычку двери. У нее возникло непреодолимое желание убить его прямо на месте.

— Что тебе нужно? — спросила она ледяным тоном, не скрывая своей ненависти и отвращения к нему. — Твою сестру огорчит, если ты помешаешь ее еде. Ты уже отправил гонца к брату?

— Если задумала сбежать из Элфдина, — сказал он угрожающе, — расстанься с этой мыслью. Меня огорчит, если придется поставить тебе клеймо, как сбежавшей рабыне.

— Я не рабыня, и ты это прекрасно знаешь. Я вдова твоего отца и мать его дочери и не собираюсь никуда забирать Аверел из ее дома, где она находится в безопасности под защитой своего брата. Я никогда не брошу своих детей, Кэдерик. Поэтому я остаюсь здесь, чтобы быть уверенной, что ты верен своей клятве отцу.

— Ты не боишься меня, правда? — спросил он, подойдя к ней. Он протянул руку и коснулся ее головы.

— Нет, — спокойно ответила Уинн, — я не боюсь тебя, Кэдерик. Я презираю тебя, потому что, несмотря на твое имя, ты трус и хвостун в моих глазах. Если ты попытаешься приставать ко мне, я приложу все силы, чтобы убить тебя. Проще я сказать не могу.

Он неприятно расхохотался, его пальцы схватили Уинн за косу, заставляя ее приподнять лицо, чтобы он мог взглянуть в ее зеленые глаза.

— Несмотря на наши разногласия с отцом, уэльская женщина, я восхищался им и перед ним в долгу, который не смогу никогда ему вернуть, потому что он отдал за меня жизнь. Даю тебе месяц, чтобы ты как следует оплакивала моего отца, а потом ты перейдешь в мою постель.

Каких сыновей ты принесешь мне, уэльская женщина! Мне все равно, что ты не любишь меня, кроме детей, мне от тебя ничего не нужно. Роди их мне, и я буду обращаться с тобой, как с королевой.

— А если я не дам тебе детей, которых ты так отчаянно жаждешь, Кэдерик Этельмар? Что тогда? — свирепо спросила Уинн и подняла свою покормленную дочку к плечу, чтобы она отпрыгнула.

— Ты дашь мне, уэльская женщина, — зарычал он. — Ты дашь! — И он, наклонившись, впился в нее губами.

У пораженной Уинн хватило присутствия духа больно укусить губы обидчика. Когда он с ревом ярости отпрянул от нее, она плюнула ему в лицо.

— Это вес, что ты когда-нибудь получишь от меня, Кэдерик Этельмар. Гнев и презрение! Ничего больше. Держись подальше от меня, мой господин!

Мгновение у него был такой вид, будто он вот-вот набросится на нее, столько ярости отразилось на его побагровевшем лице. Потом внезапно ярость, охватившая его, исчезла, и новый тан Элфдина разразился смехом.

— Клянусь Богом, Уинн, — он впервые назвал ее по имени, — что ты за женщина! Что ты за женщина! — Потом, повернувшись, вышел из спальни, оставив ее потрясенной и, если это вообще возможно, еще более уставшей и опустошенной.

Она снова села, убаюкивая Аверел. Посмотрев на личико дочки, она почувствовала, как слезы вновь стали заволакивать глаза. Как похожа малышка на Эдвина. Как похож Арвел на Мейдока. Неужели до конца ее дней приятные, с горьким привкусом, воспоминания об этих двух удивительных мужчинах будут являться ей? Что с ними станет? Головка Аверел теперь лежала на ее руке, Уинн встала, чтобы уложить девочку в колыбель, потом вышла из спальни и вернулась в большой зал, где ее ждали.

— Уилла, — обратилась она к няне своей дочери, — поднимись в спальню и сядь подле твоей маленькой хозяйки. — Потом, повернувшись к женщинам, сказала:

— Давайте подготовим лорда Эдвина в последний путь.

С тела Эдвина сняли одежду и нежно обмыли его. Рана, убившая его, уже не кровоточила, сморщилась и стала белой. Эдред поднялась в большую спальню и вернулась с лучшей одеждой покойного. Сначала они надели на него красно-оранжевые чулки с желтыми подвязками накрест, потом мягкие кожаные туфли с острыми носками. Поверх полотняной рубашки была надета нижняя туника желтого цвета и длиннополый кафтан из сине-фиолетовой, с золотом, парчи, который был перехвачен позолоченным кожаным поясом. Ему старательно расчесали темно-каштановые вьющиеся волосы.

Уинн нежно расчесала прекрасную бороду Эдвина, обнаруживая то тут, то там серебристые волоски, которых раньше не замечала. У нее опять потекли слезы. С тяжелым вздохом она надела на шею Эдвина его любимую золотую цепь. В зал внесли деревянный гроб.

— Где его оружие? — спросила она, ни к кому персонально не обращаясь.

— Оно у меня, — ответил Кэдерик.

Тело положили в гроб, и Уинн расправила одежду, чтобы она лежала

ровно. Меч тана пристегнули к его поясу, его лук и колчан положили по обе стороны. Руки Эдвина скрестили на груди, щит положили так, словно он держал его руками. Уинн отошла чуточку назад и посмотрела на Эдвина. — «Он хорошо выглядит», — печально подумала она.

Гроб с телом тана отнесли в церковь и поставили перед алтарем, чтобы слуги могли проститься со своим погибшим хозяином. Вдова поднялась к себе в комнату вымыться и переодеться в чистое платье.

Потом она вернулась в церковь и пробыла у гроба мужа до самых похорон. В маленькой церкви ярко горели свечи. Уинн безмолвно стояла на коленях рядом с гробом, едва замечая торжественную процессию плачущих слуг и фермеров.

— Его надо предать земле сегодня до захода солнца, — сказал Кэдерик — Я не хочу, чтобы его призрак ходил по Элфдину, — Эдвин мертв, и ты можешь похоронить его сегодня, — резко сказала Уинн, — но он знает, что у тебя на сердце, Кэдерик Это было последнее, что он увидел в твоих глазах перед смертью. Не скорбь или сыновняя почтительность, а необузданная похоть к его жене. Пусть твоя смерть когда-нибудь будет еще более жестокой.

Весь декабрьский день люди Элфдина прощались со своим господином; Когда наконец все прошли, Гита привела Арвела. Уинн поднялась с колен и, взяв сына на руки, показала ему Эдвина.

— Па умер, — пролепетал Арвел. — Гита говорит. — Слеза скатилась по его пухленькой щечке.

— Да, мой сынок. Па умер и ушел на небеса к нашему Господу Богу.

Мы должны помолиться за него.

И по ее щеке потекла слеза.

Арвел посмотрел на мать серьезным взглядом Мейдока, его лицо было похоже на лицо отца в миниатюре, и мрачно произнес:

— Рик плохой. Не люблю! Хочу па, мама!

— Па не вернется, Арвел, — терпеливо она пыталась втолковать малышу, — ты не должен сердить лорда Кэдерика, мой сынок. Па это не понравится. Ты понял маму?

Мальчуган кивнул головой, но Уинн видела, что ему трудно понять ситуацию, в которой они оказались. Зачем это ему? Ему нет еще и трех лет. Она повернулась к Гите.

— С этого момента, Гита, ты должна еще больше беречь Арвела, ты поняла меня?

— Да, госпожа, — ответила она. — Не беспокойтесь, я буду держать малютку подальше от глаз нового господина. Мы не дадим ему повода для

неудовольствия.

Они похоронили Эдвина на закате, рядом с могилой его первой жены, леди Милдред. Уинн сама закрыла гроб, но прежде в последний раз поцеловала мужа в холодные жесткие губы, так не похожие на его прежние, любящие и мягкие.

— В старые времена жен хоронили вместе с мужьями, — заметил Кэдерик ко всеобщему ужасу.

Охваченная скорбью, Уинн не ответила ему; когда могилу закопали, она осталась возле нее.

— Оставь ее! — шикнула Эдит на мужа, который хотел заставить Уинн вернуться в зал.

— Она умрет от простуды, — запротестовал он. — Я не могу допустить, чтобы она навредила себе. Ты знаешь, что она мне нужна!

— Пока у нее есть Арвел и Аверел, о которых она должна заботиться, она не сделает с собой ничего дурного, — мудро сказала Эдит.

Когда продрогшая Уинн наконец возвратилась в зал, в ее лице не — было ни кровинки. Она не остановилась у очага отогреть руки, а прямо направилась в большую спальню, позвав с собой домашнего слугу.

Спустя несколько минут она появилась вновь, за ней следом слуга таскил тяжелый деревянный сундук — Что ты делаешь? — сурово спросил Кэдерик.

— Я уйду из большой спальни. Теперь она по праву твоя и Эдит.

— Ты должна остаться.

— Нет! — упрямо ответила она и, повернувшись к слуге, велела перенести свои вещи в аптеку. Слуга шатался под тяжестью сундука.

— Ты должна спать в большой спальне, — повторил Кэдерик. — В аптеке нет места для тебя, моей сестры и няни.

— С твоего позволения, мой господин, твоя сестра и Уилла могут остаться в большой спальне. А я нет. Я буду спать на тюфяке в аптеке. Я домашний лекарь, и мое право быть там. — Она повернулась и через весь зал направилась к маленькой комнатке.

— Она со вчерашнего дня ничего не ела, — забеспокоилась Эдит. — Я скажу, чтобы ей отнесли тарелку с едой, — Если она станет есть, — ледяным тоном произнес Кэдерик, — тогда пусть присоединится к нам за высоким столом. Она вдова моего отца, и ее место среди нас.

— Кэдерик, прошу тебя, позволь мне только сегодня вечером поухаживать за ней. Ее горе больше, чем ты можешь себе представить.

— Тогда отнеси ей еду Ты должна не спускать с нее глаз, Эдит, и следить, чтобы она оставалась здоровой. Она родит мне сына до исхода

нового года.

Эдит печально покачала головой при этих словах мужа. Уинн не похожа ни на одну из женщин, которых она знала прежде. Ни Эдит, ни младшим женам никогда не пришло бы в голову отказать в чем-нибудь Кэдерик, а Уинн сделала это. Эдит знала, что Уинн скорее всего права в оценке отчаянного состояния Кэдерика. Детей не будет, и, когда Кэдерик устанет добиваться их от Уинн, что тогда? Что станет с ней? Эдит знала, что ежедневно терпеть неудачу — для Кэдерика слишком большое испытание, чтобы он мог его вынести.

— Господь и пресвятая Дева Мария, помогите нам всем, — прошептала она кротко.

Все последующие дни Эдит со всевозрастающим беспокойством наблюдала за Кэдериком, который неотступно следил за Уинн, когда она попадала в его поле зрения. Ни она, ни другие женщины раньше не видели его таким. Он был одержим Уинн.

— Что, если она принесет ему ребенка? — задала вопрос Бирангари, который был у всех на уме. — Что с нами будет?

— Уинн уверяла меня, что он не может иметь детей, — старалась успокоить их Эдит. — Она говорит, что перед самой нашей свадьбой Кэдерика поразил тяжелый недуг, который уничтожил жизненную силу его семени.

— Что, если он, несмотря на это, влюбится в Уинн? — спросила Дагиан.

— Она его презирает, — высказалась маленькая Элф.

— Да, — согласилась Хейзел. — Думаю, если б не дети, она убила бы себя после смерти лорда Эдвина, но она без ума от своих детишек — И все равно он околдован ею, — сказала Бирангари.

— Мы должны помогать ей, пока не излечим нашего мужа от болезни, которая гложет его, — сказала Эдит. — Уинн всегда была с нами добра, даже когда лорд Эдвин сделал ее своей женой. Она не виновата, что Кэдерик желает ее. Она не поощряла его. Она будет рада вести жизнь вдовы Эдвина и целительницы Элфдина и растить детей в мире со всеми нами.

— Как нам помочь ей, Эдит? — спросила Бирангари.

— Дайте мне поговорить с ней. Она скажет, что нам делать.

— Он дал мне только месяц для оплакивания мужа, — объяснила Уинн Эдит. — Потом, он говорит, я должна прийти в его постель. Этого никогда не будет, Эдит!

— Но что ты сделаешь?

Уинн покачала головой.

— Честно сказать, не знаю, но мне приятно, что в тяжелый для меня момент я могу положиться на тебя и остальных женщин.

Кэдерик, однако, ожидал, что его беспомощная жертва попытается перехитрить его. С ловкостью, которой Уинн в нем даже и не подозревала, он ровно через пять недель после смерти отца дождался, когда все его женщины были в пекарне. Уинн в это время в аптеке готовила лекарство от головной боли для одного из слуг. Кэдерик схватил и потащил отбивающуюся Уинн в большую спальню. Он сразу же засунул ей в рот кляп, чтобы никто не услышал ее криков. Уложив Уинн на кровать, которую сделал для нее Эдвин, он привязал ее ноги и руки к столбикам кровати пеньковой веревкой. И оставил в таком положении.

Когда ее ярость несколько утихла и сердце перестало бешено колотиться в груди, Уинн лихорадочно начала обдумывать ту опасную ситуацию, в которой она очутилась. Она попробовала прочность веревок, но они были крепкими и при малейшем движении врезались в кожу Кляп, хотя и не позволял ей кричать, не причинял чрезмерных неудобств. Она могла дышать и глотать. Пораженная, Уинн поняла, что ничего не сможет сделать. Ей просто оставалось ждать следующего шага Кэдерики, ясно представляя себе, что это будет за шаг.

От чувства полной беспомощности она некоторое время лежала не двигаясь, потом гнев снова обуял ее. Ей казалось, что она уже несколько часов лежит привязанная к кровати, как вдруг до нее донесся звук шагов на лестнице Ленивой походкой он подошел к кровати и долгим, пристальным взглядом посмотрел на нее. Наконец протянул руку и вынул кляп.

— Кэдерик, ты не боишься, что я закричу?

— Можешь кричать, сколько хочешь, Уинн. Я отослал Эдит и остальных женщин в мои покои. Здесь тебе помочь некому — Сколь умен ты, мой господин, чтоб так умело подготовить это насилие.

Он непринужденно рассмеялся, успокоенный ее беспомощностью.

— Ты, Уинн, глупо поступаешь, воюя со мной. Ты ведь знаешь, что я все равно добьюсь своего. Что ты можешь сделать, чтобы помешать мне? Ничего! Так не лучше ли тебе отдаться мне по доброй воле? Знаю, мои женщины тебе рассказали уже, какой я великолепный любовник, — хвастался он и, склонившись к ней, оттолкнул ее голову набок, чтобы поцеловать в шею.

— Ты вызываешь во мне отвращение, — ледяным голосом произнесла она. — Нет ничего мужественного в том, чтобы насильственно овладеть женщиной, мой господин. — Прикосновение его влажного рта к ее коже

было омерзительным.

— Можешь меня ненавидеть, если хочешь, Уинн, я все равно добьюсь от тебя детей. Это единственное, чего я хочу от тебя, от твоего плодовитого чрева.

— У тебя не будет детей, Кэдерик, — спокойно отозвалась Уинн. Почему ты упорно отказываешься это понять? Скольких женщин ты проткнул своим оружием, которым ты так гордишься? И ни одна не принесла тебе ребенка. Как ничего не вышло из всех твоих усилий прежде, так ничего не получится и сейчас. Зря будешь стараться, позоря меня перед всеми в Элфдине и покрывая позором память отца. Ты нарушаешь правила приличия и морали своим похотливым отношением ко мне. Неужели тебе не стыдно?

В ответ он снял с пояса нож и стал срезать с нее одежду Уинн смолкла, она была бессильна. У нее в голове промелькнула мысль, что, к счастью, на ней надето простое рабочее платье и к тому же сильно поношенное.

Когда Кэдерик окончательно содрал с нее одежду и она предстала перед ним обнаженной, он встал, уставившись на нее остекленевшим взглядом.

Уинн почувствовала покалывание в груди и едва не рассмеялась.

— Освободи меня, Кэдерик. У меня начинает течь молоко, и твою сестру надо покормить. Развяжи меня немедленно и принеси мне Аверел! Я никуда не смогу уйти без одежды, а мою ты окончательно испортил своей бессмысленной яростью.

Новый тан, словно большая собака, помотал головой, в глазах его отразилось понимание. Наклонившись, он развязал веревки, а потом сказал, удаляясь из спальни:

— Я принесу тебе мою сестру.

Уинн потеряла болевшие запястья и лодыжки. Потом, поднявшись, она пошла к месту, где стояла ванна, в поисках горшка. Ее мочевой пузырь был готов вот-вот лопнуть, и она боялась, что замочит всю постель, если б Кэдерик не освободил ее. Облегчившись, она вернулась к постели и забралась в нее, натянув покрывало в тот момент, когда в спальню вошел Кэдерик, неся Аверел.

— Она замечательная, крепкая девочка, не правда ли? — довольным тоном спросил он. — Подари мне таких же здоровых детей, уэльская женщина, и обещаю тебе, у нас с тобой не будет никаких затруднений! — Он передал Аверел матери, любовно взъерошив кудряшки малышки.

Уинн улыбнулась дочке, поцеловав ее, прежде чем поднести к своей полной груди.

— Кэдерик, не будет у тебя никаких детей, — мрачно повторила она. — Почему ты не хочешь понять?

Он не ответил ей, и, когда она закончила кормить девочку, он откинул покрывало и снова привязал лодыжки к кровати прежде, чем она смогла запротестовать.

— Покачай мою сестру одной рукой, — приказал он. Когда удивленная Уинн начала баюкать дочь, он быстро привязал ее другую руку.

Потом, отобрав у нее Аверел, сказал:

— Я скоро вернусь, — и вышел из спальни, унося ребенка.

Уинн лихорадочно соображала, что ей делать. У нее не было времени на то, чтобы свободной рукой развязать веревки. Она слышала, как Кэдерик возвращает Аверел няне. Похоже, ей не удалось убедить его в тщетности задуманного им плана и ей не избежать насилия. Оставалось, возможно, лишь одно средство против него. Уинн поняла, что выбора нет.

Как-то Эдит по секрету поведала ей, что Бирангари и остальные женщины недавно жаловались, что Кэдерик не может завершить того, что с таким воодушевлением начинает. Хотя он хвалится своей удалей, заметила Эдит, у него слишком быстро изливается семя. А недавно даже этого не стало. Его мужское естество, неистовствующее и готовое к подвигам, слишком часто теряет силу до того, как он может овладеть женщиной. Уинн знала, что сила внушения может оказаться опасным оружием, и вот сейчас она должна воспользоваться им, если хочет спасти себя.

Кэдерик вновь появился в спальне с мерзкой улыбкой на лице. Когда он сел рядом с ней на кровать, она ударила его свободной рукой, но он только рассмеялся и, схватив руку, крепко привязал. Раздевшись, он вскарабкался на нее и пробежал руками по ее сжавшемуся телу.

— В тот первый вечер, когда Рори Бэн показал нам всем твои прелести, я захотел тебя. Мое «копье» стало крепким, и я готов был взять тебя прямо в тот же миг в зале у всех на глазах. — Он сжал ей груди, и на одном соске появилась капелька молока. Кэдерик потянулся, чтобы слизнуть ее, а потом яростно начал сосать.

— Ты, бесхребетный ублюдок, тебе не овладеть мной! — Она сощурила глаза, и они превратились в узкие, сверкающие зеленым огнем щелки. Затем молча, усилием воли, заставила посмотреть ей в лицо. — Я пыталась предостеречь тебя от безумного поступка, Кэдерик Этельмар, но ты не оставил мне другого выбора, как прибегнуть к искусству магии, которому обучил меня мой первый муж, принц Мейдок. Овладей мной, и я наложу проклятие на твое мужское естество так, что оно не сможет даже поднять свою красную головку, чтобы поприветствовать меня!

Пораженный ее угрозами, Кэдерик оторвался от груди и посмотрел ей прямо в лицо.

— Тебе не остановить меня, — неуверенно произнес он. Ее жестокие слова уже зародили в нем сомнения.

Теперь Уинн широко открыла глаза и тяжело посмотрела на него.

— Неужели, мой господин? — Она расхохоталась. — Мои чары уже начинают действовать. Разумом ты меня сильно хочешь, но в твоём «жезле» уже нет страсти, не так ли, мой господин?

Он посмотрел на нее с гневом и страхом.

— Твое естество лежит мягкое и сморщенное у тебя между ног, мой господин. — Она оттолкнула его от себя, и он, пораженный, упал назад. Каким-то чудом веревки, державшие ей руки, ослабли, и она смогла освободить их, сразив его еще больше.

— Колдовство! — задыхаясь прошептал он и перекрестился.

Руки Уинн быстро скользнули вниз, и она раздвинула нижние губы, открывая его выпученным глазам свою сладкую тайную плоть. Поддразнивая его, она ласкала себя, приговаривая при этом:

— Даже я, в самом похотливом виде, не могу поднять твоего хилого червяка, Кэдерик Этельмар! Ох! Ох-х-х! — Она изображала страсть, которую, разумеется, не испытывала, но этого было достаточно, чтобы свести его с ума. Отпрянув от нее, он простонал:

— Ведьма! Ведьма! Ты лишила меня мужской силы! Но хоть тебе и удалось на время уцелеть, я еще вернусь к тебе позже. Ты примешь мое оружие в свои сопротивляющиеся ножны и будешь умолять, чтобы я овладел тобой еще и еще!

Уинн презрительно рассмеялась.

— Никогда, ты, дурак! Ты никогда не возьмешь меня! Никогда!

Яростно осыпая ее проклятиями, он наклонился, чтобы снова привязать ее. На этот раз Уинн знала, что веревки не ослабнут, потому что они больно врезались ей в тело.

— А теперь, уэльская ведьма, жди моего возвращения, — прорычал он, — и приготовься хорошенько меня обслужить! — В гневе Кэдерик вырвался из спальни, и его шаги загрохотали по лестнице.

Уинн осталась одна, и ее охватила неумемная дрожь. На этот раз она избежала его насилия, но сколько времени сможет она вести эту игру, чтобы держать его на расстоянии, она не знала. Уинн замерзла. Так замерзла! Спальня была не натоплена, а зимний день, хоть и был мягким, но все же на дворе стоял январь. Она знала, что вряд ли кто поднимется к ней в спальню, потому что теперь все жили в вечном страхе перед

Кэдерином. Кроме того, она не смогла бы вынести такого позора перед слугами.

День тянулся медленно. Снизу, из зала, стали раздаваться звуки попойки. Прислушавшись, она различила голос Кэдерики, который становился все более и более воинственным. Уинн могла разобрать два или три молодых женских голоса, сначала хихикавших и смеявшихся.

Потом, когда день начал угасать, голоса стали испуганными и притихшими. Служанки, поняла Уинн, такие же беспомощные, как и она. В спальне стало тускло, и наконец ее окутала темнота. Уинн лежала, дрожа от холода. Но вот на лестнице раздались шаги, и она, собравшись с духом, приготовилась к новому натиску.

Он, шатаясь, вломился в комнату, почти таща за собой юную девушку. Со свечой в руке, спотыкаясь, он обошел спальню, зажигая лампы, а потом остановился в ногах кровати, где она могла его отчетливо видеть. На нем была рубашка и чулки. Он стянул рубашку и остался совершенно голым.

— Делай, как я тебя учил! — приказал он девушке. Он был крупным мужчиной, довольно волосатым, но, в отличие от отца, был склонен к полноте.

У девушки широко раскрылись глаза при виде связанной Уинн. Она упала на колени и, взяв бессильное естество хозяина в рот, начала сосать его. Было видно, что это занятие не доставляет ей удовольствия.

Глаза ее были плотно закрыты, а рот честно трудился, чтобы возбудить его, зная, что в случае неудачи ее ждет наказание.

Кэдерики бесстрастно стоял, пока она старалась изо всех сил выполнить его приказ.

— Приготовься, уэльская женщина. Когда я займусь тобой, ты узнаешь, кто твой хозяин. Ты делала подобное для моего отца, а? Скоро ты будешь доставлять мне удовольствие именно так — Хватит, женщина! — Он оттолкнул девушку. — Убирайся! — прорычал он на нее, и она поспешно убежала. Он повернулся к Уинн, раскачивая рукой свое естество. — У моего отца, конечно, не было такого превосходного «жезла», — хвалился он с плотоядной ухмылкой.

— У твоего отца он был в два раза толще и по крайней мере на два или дюйм длиннее, Кэдерики Этельмар, — злобно ответила Уинн, а потом рассмеялась. — Таким жалким подобием «жезла» ты со мной ничего не сделаешь.

— Тварь! — зарычал он и бросился на нее. — Я тебе покажу, что именно я могу сделать!

Хотя сердце у нее колотилось, Уинн заставила себя смеяться еще

сильнее. Потом, внезапно оборвав свое веселье, она объявила:

— Я наложу проклятие на твой слабый, тщедушный детородный орган, Кэдрик Этельмар. Пусть он лишится силы и сморщится, когда ты попытаешься овладеть мной. Взгляни вниз! Он уже стал мягким и бессильным! — Она ощутила на себе его большое тело, он отчаянно пытался рукой всунуть в нее свое бесполезное орудие. Она извивалась под ним, чтобы не допустить этого и добиться его поражения.

Он застонал от расстройства, когда понял, что теряет над собой контроль. Он хочет ее! Он должен иметь ее! Только она может дать ему детей, которых он жаждет, но она не даст! Нет! Эта уэльская ведьма лишила его мужской силы. То, что так восхищало всех женщин, которых он имел с одиннадцати лет, теперь лежало слабое и бесполезное.

Жертва ее колдовства. Едва не плача, он отпрянул от нее и вылетел из большой спальни в одних лишь чулках.

Уинн вновь охватила дрожь. Она промерзла до костей и ослабла. Эдвин всегда говорил, что его старший сын суеверен, как и леди Милдред.

Уинн воспользовалась сегодня этой слабостью, но сколь долго она могла идти по этому пути, ей было неизвестно. Господи, она так промерзла, и груди опять начали болеть. Сколько еще ей здесь лежать, думала она. И вдруг на лестнице раздался звук мягких шагов.

На мгновение в дверях появилась женская фигура, и Эдит бросилась к ней.

— С тобой все в порядке, Уинн? — Не дожидаясь ответа, она наклонилась и стала развязывать веревки. — Кэдрик пришел весь в гневе.

На нем была рубашка и чулки. Он потребовал, чтобы Бирангари и остальные обслуживали его. Что произошло? Он только и делал, что бормотал о проклятиях и ведьмах. Когда я уходила, он собирался избить бедную Хейзел ни за что. Матерь Божья! Ты вся замерзла! — Она вынула из сундука, стоявшего в ногах кровати, рубашку и надела ее на Уинн.

Потом шерстяную нижнюю тунику. — В зале никого нет, и жарко топят очаги. Пойдем, ты отогреешься.

Вдвоем они спустились в зал, и Уинн села на скамью у главного очага, а Эдит в это время налила ей кубок вина.

— Держи, — сказала жена нового тана, протягивая Уинн кубок. — Тебе будет лучше, когда ты его выпьешь.

Уинн выпила вино и, посмотрев на Эдит, спросила:

— Ты знала, что он собирается схватить меня сегодня утром?

Эдит отрицательно покачала головой.

— Если б я знала, то предупредила бы тебя, — искренне ответила

она. — Ему ведь не удалось добиться своего, правда?

— Да, — ответила Уинн, слегка улыбнувшись. — Мне очень жаль, что бедняжке Хейзел попадет за меня.

— Чем ты привела его в такую ярость? Я никогда не видела его в таком состоянии.

— Я сказала ему, что наложила проклятие на его детородный орган.

Я вспомнила, что Эдвин когда-то сказал, что Кэдерик суеверный. Вот я и подумала, что в такой обстановке мне удастся лишить его присутствия духа, если я сделаю вид, что проклинаяю его.

Эдит кивнула.

— Да, Кэдерик суеверен, это ты хорошо придумала, но боюсь того, что будет завтра. Он не тот человек, чтобы легко смириться с поражением. Однажды его сбросила молодая лошадь, он снова поймал ее, сел и скакал до тех пор, пока не загнал. Она после этого едва годилась даже для повозки. Мой муж — жестокий человек. Он не простит тебе, Уинн.

Ты поразила его в самое уязвимое место.

Уинн немного согрелась, и кровь быстрее побежала по телу.

— Эдит, — сказала она, посмотрев подруге прямо в лицо, — мне все равно, простит меня Кэдерик или нет. Все, что я прошу, это оставить меня в покое и выполнить обещание, данное Эдвину по отношению к Аверел и Арвелу.

— Он сдержит слово, — ответила Эдит. — Я прослежу за этим, но я боюсь за тебя, Уинн. Кэдерик найдет способ отомстить тебе, можешь быть уверена. Нам остается только ждать.

— Я вдова его отца, он не может со мной плохо обращаться. Сегодня он попытался; и ему это не удалось. Среди наших людей пойдут разговоры, и Кэдерик не захочется надолго оставаться предметом их насмешек. Его «я» велико. Он постарается, чтобы о случившемся забыли, а самый быстрый способ добиться этого — сделать вид, что ничего не произошло. Не обращать внимания. Если он так и поступит, насмешки быстро прекратятся.

— Дай Бог, чтобы так оно и было, Уинн, — озабоченно сказала Эдит, — но боюсь, что этого не произойдет. Кэдерик не забудет.

На следующий день Уинн расстроилась, увидя Хейзел с подбитым глазом, а Дагиан — всю в синяках.

— Приходите ко мне в аптеку, я полечу вас.

— Несправедливо, что мы должны страдать из-за твоего поведения, — жаловалась Дагиан, когда Уинн успокоительным эликсиром смазывала ее больные руки.

— Да, это несправедливо, — согласилась Уинн, — но я не могу дать Кэдерику детей и не позволю совершить над собой насилие. Мне очень жаль, что вас избили, но это не я била вас, а Кэдрик Этельмар. Вините его, а не меня!

Дагиан с горечью вздохнула.

— Я знаю, — сказала она.

В течение нескольких следующих дней в Элфдине воцарился тревожный мир. Женщины, занимаясь своими обычными делами, двигались по дому боязливо и тихо. Кэдрик едва глядел на Уинн и остальных женщин.

Но вот однажды вечером, когда все сидели за столом, новый тан сказал:

— Чтобы Элфдин оставался процветающим поместьем, мы должны все нести бремя хозяйственных забот и приносить пользу дому. — Его холодный резкий взгляд остановился на Уинн. — Ты, госпожа, ты и твои дети берете много, а отдаете мало.

— Я домашний лекарь, мой господин, — ответила она кротко, не желая вызывать его гнев. В последние дни Кэдрик был переменчивым, как никогда. Этот разговор был начат им неспроста, но она не знала, к чему клонит Кэдрик — И что же ты делаешь как целительница? — спросил он почти вежливо.

— Я собираю и выращиваю травы. Выкапываю лекарственные корни и ищу кору для целебных примочек. Я готовлю все необходимые микстуры и отвары, лечу ушибы, раны и вообще забочусь о больных, — ответила Уинн. — На это уходит много времени, мой господин. Нет ни одного дня, когда бы я не была занята.

Он наморщил лоб, изображая сосредоточенность, потом глубокомысленно произнес:

— Ты можешь выкапывать корни и собирать травы только в теплое время года. Достаточен ли запас лекарств в твоей аптеке, уэльская женщина? Ты готова к любой неожиданности?

— Да, мой господин. У меня в аптеке достаточно лекарств, которые только и ждут, чтобы из них приготовить целебные смеси, — правдиво ответила Уинн.

— Понятно, — почти промурлыкал Кэдрик, и внезапно все женщины за столом насторожились в ожидании, что будет дальше. Новый тан широко улыбнулся. — Как мне кажется, ты делаешь мало, чтобы отплатить за свое содержание и содержание твоих детей. За мою сводную сестру я беру ответственность на себя и не собираюсь от нее уклоняться, но твой сын —

это другое депо. При нем состоит крепостная Шта, которая могла бы работать в поле. Как ты расплатишься со мной за его содержание и потерю Гиты?

Вопрос поразил Уинн. Что ему отвечать? Она — вдова его отца и по всем законам не обязана отчитываться ни за себя, ни за детей, ни за пользование крепостными.

— Ты отказываешься принести мне ребенка, госпожа. Ты прокляла само мое мужское естество. Придешь ли ты ко мне по доброй воле, если я буду обращаться с тобой ласково? Возможно ли это?

— Никогда! — Слово сорвалось с губ прежде, чем она успела подумать. Она быстро постаралась смягчить свою резкость. — Кэдерик Этельмар, пожалуйста, пойми меня. Я любила твоего отца, и, хотя я сочувствую твоему трудному положению, отдаться тебе — значит предать память Эдвина. Я не могу предать человека, любившего меня, который был так добр ко мне и чью дочь я родила.

— Пусть будет так, — объявил Кэдерик вкрадчивым голосом. — Ты выбрала свою судьбу, уэльская женщина. Не хочешь быть моей, станешь наложницей зала. Таким образом станешь расплачиваться за содержание свое и сына. — Он вновь улыбнулся, но глаза оставались холодными.

Эдит закричала, как раненый зверь, а остальные в ужасе посмотрели на Уинн.

— Кэдерик, молю, заклинаю тебя, не делай этого, — молила Эдит.

— Замолчи! — прикрикнул он на жену и, повернувшись к Уинн, спросил:

— Ты знаешь, кто такая наложница зала? Эта женщина назначается лордом обслуживать гостей-мужчин дома, как они того пожелают.

Во времена моего отца наложницы зала не было. Он считал, что жестоко принуждать женщину к такому труду. Я ничего не вижу плохого в том, чтобы оказать моим гостям самое широкое гостеприимство.

Уинн поднялась и произнесла с отвращением и ненавистью:

— Я не пойду на это, Кэдерик Этельмар. Как смеешь ты даже предлагать такое? Когда я думаю, что твой отец отдал за тебя свою жизнь, мне становится дурно.

— Ослушайся меня, и твое отродье пострадает за это, — бесстрастно сказал он.

— Так ты держишь свое слово, свою священную клятву отцу заботиться обо мне и моих детях, Кэдерик Этельмар? Твоя низость безгранична.

— Я не обещал моему отцу заботиться о тебе, уэльская женщина. Я

сказал, что буду заботиться о сводной сестре, Аверел, и что мальчик не пострадает от моей руки. Да, так оно и будет. Но что помешает мне продать его первому работорговцу, которого я встречу в Бустере, когда в следующий раз отправлюсь туда? — Он бессердечно рассмеялся. — Хорошенький мальчик принесет мне хорошие деньги и с лихвой расплатится за мое беспокойство. Ты будешь делать то, что я скажу, иначе я отберу у тебя сына. Как ты объяснишь отцу своего сына, когда он придет вас освободить, где его сын? — И новый тан опять расхохотался. — Если история, рассказанная тобой моему отцу, на самом деле правда, в чем я сомневаюсь, как далеко ты пойдешь, чтобы защитить свое отродье, уэльская женщина? Ты ведь хорошая мать, верно?

— Я возьму моих детей и уйду из Элфдина. Как-нибудь найду дорогу домой.

Кэдрик с криком вскочил на ноги.

— Никуда ты не пойдешь, уэльская женщина! Ты и твои дети останутся в Элфдине, и ты будешь наложницей зала за содержание своего сына! Ты могла быть моей женщиной, но поскольку ты сочла это Отвратительным, будешь принадлежать любому, кто пожелает. Ты будешь обслуживать гостей в моем зале, как в псарнях суки обслуживают кобелей. Поняла меня? — Он схватил ее за руку, больно впившись пальцами в нежное тело.

Ярость захлестнула ее, и изо всех сил Уинн ударила его свободной рукой. Затем, вырвавшись от него, она метнулась в свою крошечную комнату, единственное относительно безопасное место. Там и нашла ее Эдит, напуганную, чуть не плачущую, но вместе с тем разгневанную и бесстрашную.

— Я убью его! Я вырежу черное сердце из его волосатой груди и съем у всех на глазах! — сказала Уинн, скрежеща зубами.

— Не бойся, — успокаивала ее Эдит. — Кэдрик может говорить, что захочет, но тебе не придется зарабатывать себе на жизнь таким образом, Уинн. Мы защитим тебя, я обещаю!

— Как?! Вы все в ужасе от Кэдерика. Вы не слушаетесь его. Мне надо бежать отсюда! Другого выхода нет, и в этом вы можете помочь мне, потому что я не оставлю моих детей.

— Кэдрик никогда не узнает, что мы помогаем тебе, — терпеливо объяснила Эдит. — Успокойся, Уинн, и подумай немного. Через Элфдин проходит мало гостей. Когда кто-нибудь придет и Кэдрик предложит тебя, мы позаботимся, чтобы предложение не было принято.

Доверься нам в этом доме, мы твои друзья.

— Как ты можешь помешать похотливому мужчине в исполнении его желаний? Вы же не можете предложить ему другую женщину Потому что Кэдерик тогда станет интересоваться, почему наложница не исполняет свои обязанности. Нет, Эдит, это невозможно. Я должна убежать из Элфдина!

— Из-за страха ты поступаешь неразумно. Подумай, прошу тебя. Как ты остановишь моего мужа и удержишь от его подлой цели, Уинн? Ты запугала его и заставила поверить, что ты прокляла его детородный орган.

— Но это было легко, учитывая, что Кэдерик суеверен и что он не может исполнять как следует свои мужские обязанности, — сказала Уинн. — Я только сыграла на его слабости, но мужчины, проходящие мимо Элфдина, будут похотливы, полны силы и скрытых страстей и готовы переспать с хорошенькой женщиной. Я не смогу отпугнуть их.

Нет, Эдит, это невозможно! — закончила она.

— Тебе не придется пугать этих мужчин, Уинн. Это будет наша задача! Бирангари, Дагиан, Хейзел, Элф и моя! Мы будем убеждать любого, посетившего наш зал, что ты колдунья. Что ты сделала нашего бедного мужа неспособным исполнять свои супружеские обязанности. И если они ценят свое мужское естество, то и близко не подойдут к тебе. Если все-таки отыщется один смельчак, то мы заранее подсыплем ему в вино сонного порошка. Кэдерик не должен знать о нашем обмане. Ни один не рискнет лишиться мужской силы, но ни один и не признается, что испугался простой женщины. Что может поделаться с этим Кэдерик? Не станет же он загонять их к тебе между ног, верно? — Эдит громко рассмеялась. — Я думаю, это и в самом деле хороший план. А как тебе?

Уинн медленно кивнула. План был хорош!

— Эдит, почему так происходит, что ты меня все время изумляешь? Она обняла подругу. — Спасибо тебе, Эдит, и другим тоже спасибо. Вы действительно самые лучшие мои друзья, которые у меня когда-либо были.

Зима была на исходе, с приближением весны дни становились длиннее. Женщины в Элфдине занимались своими ежедневными делами. Не было еще ни одного посетителя, но они знали, что с приходом тепла они появятся. Все дело во времени. Однажды в Элфдине остановился тан, чьи владения были дальше на северо-запад, по дороге к Вустеру — Могу я предложить вам услуги наложницы зала? — весело обратился Кэдерик к гостю, когда они сидели после трапезы за кувшином вина. — Это особенно аппетитная и пикантная женщина. Уинн! Ко мне!

Нам нужно ублажить гостя.

— Она не саксонка, — заметил гость, которого звали Уилфрид.

— Нет, уэльская женщина. Она полюбилась отцу перед его

смертью, — ответил Кэдерик, потом, посмотрев на Уинн, стоящую перед высоким столом, добавил:

— Уинн, покажи груди.

Женщины договорились между собой, что Уинн будет вести себя покорно в любой ситуации, подобно этой, в присутствии Кэдерика, чтобы успокоить его подозрения потом, когда он узнает, если на самом деле узнает, что гость отказался от ее услуг. Уинн бесстрастно разделась.

— Разве они не прекрасны: такие большие, что на них, как на подушке, может покоиться ваша голова? — Кэдерик смеялся сдавленным голосом, подталкивая полупьяного Уилфрида, который, подавшись вперед, с наслаждением облизал губы и с вожделием смотрел на Уинн.

— Да, — произнес он, — я с удовольствием поваляюсь с вашей наложницей, Кэдерик Этельмар. Очень не люблю путешествовать из-за того, что я мужчина, который обслуживает ежедневно всех своих женщин.

Когда я вынужден пускаться в путь, моя мужская сила не имеет выхода, и я заболеваю. Я уже три дня в пути, и мне предстоит провести в седле еще два дня, прежде чем я достигну места назначения, не говоря уже об обратной дороге. Похоже, с ней будет приятно позабавиться.

— Подожди гостя в его постели, Уинн, — приказал Кэдерик с довольной ухмылкой.

Холодно кивнув головой, Уинн оделась и отошла от высокого стола.

Бирангари наклонилась к Кэдерiku и что-то зашептала ему на ухо.

Поднимаясь, он попросил у гостя извинения за короткую отлучку и ушел со своей женщиной. Эдит скользнула на место мужа и кротко обратилась к Уилфриду:

— Мой господин, не берите эту женщину.

— Что? — Уилфрид выглядел озадаченным.

— Она колдунья, мой господин. Мой муж желал овладеть ею после смерти отца. Она наложила проклятие на его детородный орган, и с тех пор он потерял свою силу. Она грозит проделать это с каждым, кто попытается ею овладеть, — Это правда, госпожа? — Тан Уилфрид был определенно обеспокоен откровениями Эдит.

— Да, мой господин, — ответила Эдит, энергично кивая головой.

— Зачем же тогда ваш муж предлагает такую женщину гостям? Почему он ее просто не прогонит? — размышлял вслух Уилфрид.

— Он не может ее прогнать, потому что обещал умирающему отцу позаботиться о ней. Уинн была фавориткой старого тана. Она наша целительница, — объяснила Эдит. — Мой муж щедрый человек, но временами несколько недалновидный. Он самый гостеприимный из хозяев

и безрассудно предлагает вам эту женщину, надеясь угодить гостю.

— Вы уверены, что эта женщина проклянет меня? — спросил Уилфрид, устремив взгляд на то место, где стояла Уинн. Она была необычайно аппетитна, и ему очень не хотелось лишиться удовольствия.

— Вы видели ее улыбку, мой господин? Она никогда не улыбается.

Она питала слабость к старому тану, но на самом деле она холодная, жестокая и бессердечная женщина. Она не колеблясь наложит на вас проклятие. Думаю, ей доставляет удовольствие портить мужчин. Ах!

Сколько страданий она нам всем принесла! — Эдит вздохнула, драматически положив руку на сердце. — Я не пожелаю такого несчастья вашей жене и вашим женщинам. Мой бедный Кэдерик! Ему никогда не быть прежним, хотя, — тут Эдит понизила голос так, что Уилфрид вынужден был наклониться вперед, чтобы расслышать ее, — вы не должны напоминать ему о нашем общем горе, о котором я вам рассказала. — И Эдит смахнула слезу, или так по крайней мере показалось тану Уилфриду. И в груди его проснулось сострадание к этой кроткой, доброй женщине, которая пытается спасти его.

— Ну, ну, — успокаивал он ее, похлопывая по руке. — Кэдерик не узнает, о чем мы с вами говорили, госпожа. Что же до наложницы, передайте ей, что я передумал. Кэдерик об этом тоже не нужно знать.

На следующее утро тан Уилфрид покинул Элфдин, обещая заехать на обратном пути, но так и не вернулся. В течение теплых летних месяцев у них несколько раз останавливались гости, поскольку Кэдерик опрометчиво окунулся в политическую борьбу Король Эдуард был плох, и Гарольд Годвинсон добивался английского трона. Ни один из этих посетителей, однако, не воспользовался услугами наложницы.

Сначала Кэдерик был удивлен, но потом, когда дни проходили за днями, а Уинн оставалась нетронутой, он стал свирепеть. — Найдется ли кто-нибудь, кто поможет мне заставить эту гордую тварь подчиниться? — ворчал он.

— Вероятно, мой муж, это сам Господь не дает тебе возможности осуществить твой жестокий план, — смело ответила ему Эдит. Она единственная могла говорить с ним без страха перед наказанием. — Думаю, Бог спасает тебя от самого себя, и я благодарна ему за это.

Кэдерик пришлось не по душе слова жены. Каждый день он смотрел, как Уинн кормит Аверел, которая уже стала учиться ходить по залу на маленьких нетвердых ножках. Он наблюдал, как она сидела у очага, кормя свою дочь, а у ее колена стоял Арвел, что-то лепеча и нежно поглаживая головку Аверел. Мальчуган обожал свою маленькую сестру «Как

странно, — думал про себя Кэдерик. — Этот маленький мальчик с черными, как вороново крыло, волосами и темно-синими глазами, этот настоящий уэльский ребенок и я имеем много общего. Аверел! Аверел — его и моя сводная сестра».

С каждым днем, видя перед собой Уинн и ее детей, Кэдерик озлоблялся все больше и больше. Ее чрево было так же плодородно, как его засеянные поля. Однако она отвергла его, лишив возможности заиметь от нее детей, которых он так отчаянно жаждет.

Он сделал ее самой низкой из низших в зале, однако все относились к ней как и в дни, когда его отец был жив. Что еще хуже! По какой-то странной причине ни один гость не воспользовался ее услугами. Она оставалась холодной и нетронутой. Это сводило его с ума. Он хотел покарать ее. Он хотел покорить ее. Он хотел уничтожить ее, как она уничтожила его.

Он обещал себе отдать ее первому, кто овладеет ею в его присутствии, чтобы он был уверен в ее падении и унижении, и он ждал этого дня и этого человека.

Глава 18

И снова пришла осень. В один из дней появилась повозка торговца, которая прогромычала по второй, едва различимой, тропе к Элфдину. День уже клонился к вечеру. С полей и из домов сбежались любопытные крепостные и фермеры, для которых каждый новый человек вносил разнообразие в их скучную, однообразную жизнь. Повозку тащила запыленная, усталого вида лошадь, которая вошла в господский двор, словно к себе домой, и резко остановилась.

На повозке сидели двое мужчин. Один был крупный с седыми волосами до плеч. Спустившись с повозки, он объявил грубым голосом:

— Я — Бода, торговец. Я приехал продать свой товар и ищу место для ночлега. — Бода прихрамывал.

Кэдерик Этельмар выступил вперед.

— Я тан Элфдина. Добро пожаловать в мой зал. Дайте мне посмотреть ваш товар, и мы поговорим.

— Очень хорошо, мой господин, — сказал Бода и повернулся к своему спутнику, исхудалому, неуклюжему малому с бессмысленным взглядом. — Ты, дурак, покажи товар!

— Кто это? — спросил Кэдерик.

— Мой сын Тови. Он от рождения недоумок.

— Зачем ты возишь его с собой?

— А почему бы и нет? Платить ему не нужно, и он слишком глуп, чтобы обворовывать меня, верно, Тови? — Торговец хихикнул.

Тови одарил собравшихся ухмылкой и кивнул. Он определенно выглядел полудурком.

— Раб стоил бы мне денег, мой господин. А Тови я лишь регулярно кормлю да изредка бью. Или кормлю изредка, а бью регулярно? — Торговец посмеялся над собственной шуткой. Потом он сказал:

— Если у вас есть женщины, которым вы хотите оказать внимание и проявить щедрость, пригласите их сюда. У меня есть много украшений и разных безделушек, которые приглянутся дамам.

Кэдерик растерялся, он не решил для себя, насколько он сегодня готов быть щедрым, но Эдит и младшие жены в последнее время были особенно услужливы.

— Приведи свою госпожу и других, — приказал он слуге, стоявшему недалеко от него.

Торговец и его сын начали показывать свой товар. Кэдерик был поражен разнообразием вещей, извлекаемых из маленькой повозки, которая, казалось, едва могла вместить и половину всего. Тут были и железные горшки, и стеклянные сосуды, а также обычный запас соли и специй, но Кэдерику сразила необыкновенная роскошь новых товаров, которые стал показывать торговец. Он не смог удержаться от одобрительного возгласа.

Бода кивнул, словно порадовался проницательности молодого тана.

— У нас большая семья торговцев, — словоохотливо пояснил он. У меня девять братьев, и мы торгуем от Англии до Византии. Старший брат делает для нас закупки, потому что покупать в Константинополе дешевле, чем здесь, в Англии, или через посредников. Товары потом направляются на корабле к нам туда, где мы находимся. Зимой я живу в Лондоне, а когда дороги делаются проезжими, мы с Тови отправляемся по стране в нашей повозке, обменивая и продавая наш товар.

— Твоя повозка вмещает очень много, — заметил Кэдерик.

— Все дело в упаковке, мой господин, — заверил его Бода, легкомысленно взмахнув руками.

Из дома пришли женщины и разохались над товаром. Ткани, выложенные на деревянных козлах, привели их в восторг. Там было восхитительное полотно из Генуи, алый шелк из Лукки, голубые и белые шелка, а также прекрасное сукно из Флоренции. Прекрасной работы тисненые кожаные пояса, простые и с золотым тиснением в виде листьев. Серебряные и бронзовые брошки из Византии и оттуда же красивый серебряный кубок, который особенно приглянулся Кэдериду. Он долго вертел его в руках, не в силах расстаться.

Выбор украшений был отменным. Бусы из синего и белого стекла, хрусталя и фаната. Золотые круглые броши с гранатом и серебряные броши с лунным камнем. Золотые и серебряные браслеты, а также декоративные булавки. Кулон из горного хрусталя в серебре привлек внимание Бирангари, а Эдит приглянулась бронзовая шкатулка для работы, с гравировкой. Другие обсуждали более простые сокровища вроде шкатулок из слоновой кости и игольницы с иголками.

А Уинн понравился прекрасно расписанный сундук для приданого.

— Он пригодился бы Аверел, — задумчиво произнесла она. — Никогда не рано заполнять девочке сундук приданым. — Если бы Эдвин был жив, он тотчас же купил бы его для дочери. От Кэдерику она этого не ждала. Поэтому, повернувшись, она незамеченной ушла обратно в дом.

Торговец и его сын заночуют у них в зале. Эдит знала, что Кэдерик

предложил Уинн им для развлечения. Его желание сломить ее дух не ослабевало, а двое незнакомцев были первыми гостями в Элфдине за долгое время. Когда Кэдерик наконец удалился в дом, Эдит и другие женщины обступили торговцев. Издалека казалось, что они болтают, спрашивая его о чем-то и стараясь поторговаться с ним.

— Сегодня вечером, сэр, мой муж предложит вам услуги наложницы зала. Не принимайте это предложение, если вам дорога ваша жизнь.

— Почему? — грубым голосом спросил Бода, всматриваясь в них с любопытством своими налитыми кровью глазами.

— Она колдунья, — опередила Эдит Дагиан.

— Да, — быстро подтвердила Дагиан и понизила голос. — Она лишила нашего мужа мужской силы, когда он пытался овладеть ею. Теперь он не способен ничего сделать ни с одной из нас, хотя хвастается и делает вид, что все в порядке.

— Здесь нет детей, — мрачно добавила Хейзел, — кроме детей самой уэльской колдуньи. Ее проклятие сделало нас всех бесплодными.

— Почему он от нее не избавится? — подозрительно поинтересовался Бода.

— Ее купил еще старый хозяин, чтобы она служила целительницей дома, — ответила Эдит. — У нас нет другой целительницы или кого-то другого, кто мог бы лечить людей. Поэтому наш господин и не отпускает ее, хотя мы молили его об этом.

— Если она целительница, то почему она еще и наложница зала? — сделал осторожную попытку Бода.

— Она была любимой женщиной старого хозяина и родила ему ребенка, — сказала Эдит. — После смерти отца наш муж пытался овладеть ею, поскольку он большой любитель женского тела. Когда он не стал слушать ее увещаний, она наложила на него проклятие. В отместку наш муж сделал ее наложницей зала. Но мы предупреждаем всех, кому он предлагает ее, потому что, как добрые христианки, мы не можем допустить, чтобы она прокляла еще какого-нибудь мужчину. Она поклялась, что проклянет любого, кто осмелится овладеть ею. И поверьте мне, сэр, она сдержит свое обещание!

Торговец понимающе кивнул.

— Благодарю вас, госпожа, что предупредили меня. Я не хочу быть искалеченным. У меня молодая вторая жена.

Сидя в безопасности на скамье в большой спальне, женщины хихикали над тем, как они напутали торговца.

— От него воняет луком, — сказала маленькая Элф. — Я это

чувствовала, даже стоя за Бирангари.

— По крайней мере он не потревожит Уинн, — с облегчением произнесла Эдит.

— Он неуклюж и страшен, как грех, — заметила Бирангари. — Но меня пугает его сын. Вы видели, как он следил за нами краем глаза? Она вздрогнула. — Не хотела бы я повстречаться с ним на узкой тропе лунной ночью.

— Он просто полудурок, — заметила Элф. — Ты думаешь, что придурковатые мужчины хотят женщин? Да они наверняка и не знают, как это делается, — заметила она.

— Как ужасно! — завопила Хейзел. — Как ты можешь думать об этом?

— А очень просто. Кэдерик предложит Уинн торговцу, тот откажется, — сказала Элф. — А что, если потом он предложит ее полудурку? Мы ведь не говорили с ним, и он не знает всего, чтобы отказаться. Что, если он сможет взять ее, несмотря на недостаток ума? Кто-нибудь из вас подумал об этом? — закончила Элф, довольная собой, что все так тщательно обдумала.

— Торговец и близко не подпустит сына к Уинн, — уверенно сказала Эдит. — Даже если это создание и может взять женщину, торговец захочет защитить своего сына от проклятия. Вспомните: бедняга бесплатная рабочая сила для отца.

Когда они пришли в час обеда в зал, то застали Кэдерика улыбающимся и в особенно хорошем настроении. Бода и его сын сидели с ним.

На столе перед каждой, кроме Уинн, был подарок. Для Эдит Кэдерик купил ту самую бронзовую шкатулку, которой она восхищалась.

— Открой ее! Открой! — ликовал он.

Внутри она обнаружила игольник с иглами и восхитительную, золотую с гранатами, брошь.

— Мой дорогой муж, — произнесла она, и глаза ее увлажнились.

Никогда, со дня свадьбы, когда он приехал с подарками, она не получала от него такого обилия даров. «Почему сейчас?» — думала она, будучи тем не менее довольной.

Улыбающаяся Бирангари застегивала серебряный кулон с горным хрусталем на изящной шее. Она и не мечтала, что получит его. Схватив руку Кэдерика, она благодарно поцеловала ее, и Кэдерик ухмыльнулся.

Для Дагиан был приготовлен гребень из слоновой кости в таком же футляре, украшенном синим стеклом и лунными камнями. Хейзел

получила гранатовое ожерелье, все бусинки которого были надеты на золотую цепочку Элф пришла в восторг от серебряной брошки с лунным камнем. Они отталкивали друг друга от Кэдерика, стараясь выразить ему свою благодарность, что было ему весьма приятно, и он похлопывал и пощипывал их ниже талии.

— Ты, конечно, тоже сделал себе подарок, мой муж, — сказала Эдит, когда волнение улеглось.

— После трапезы я скажу тебе. — Он загадочно ухмыльнулся.

Это был простой семейный ужин. Жаркое из кролика, хлеб, сыр, сладкий пирог с яблоками. Свежесваренный эль, достоинства которого Кэдерик оценил сполна. «Как хорошо видеть его таким счастливым», — подумала Эдит. Она не могла припомнить, когда она видела его таким радостным, как в этот вечер. Когда со стола убрали посуду, Кэдерик широко улыбнулся. Было видно, что он вполне доволен собой.

— Перед ужином Эдит спросила, купил ли я что-нибудь себе у Боды, — начал Кэдерик — Да, я купил! — Опустив руку под стул, он вынул серебряный кубок, который ему так хотелось иметь, и поставил его на стол. — У моего отца в этом зале никогда не было такой ценной вещи, — хвалился он. — Бода говорит, что кубок из мастерской Симона из Константинополя, одного из лучших серебряных дел мастера во всей Византии. Взгляни на гравировку, Эдит! Это большой бык сражается со львом. Бода говорит, что это лев. Как бы мне хотелось поохотиться на льва! — Лицо Кэдерика выражало удовольствие, и его переполняло мальчишеское возбуждение. — Да, у меня есть еще кое-что, моя жена. — Он вытащил из кармана маленький пузырек с каким-то красноватым порошком, шепча ей при этом:

— Бода говорит, что это вернет мне мою мужскую силу, Эдит. Это волшебный порошок. Его нужно добавлять в вино и пить семь дней, а после этого я дам моим женщинам сыновей! Разве это не замечательно?

— Кэдерик, это все редкие и дорогие вещи. Что можешь ты дать взамен такой же ценности? — с беспокойством спросила Эдит.

— Бода хочет жену для своего сына, Тови, — хитро ответил Кэдерик. — У полудурка недавно появилась охота к женской плоти, и Боду уже пришлось возместить урон двум мужчинам, чьих женщин он взял без разрешения. Ничего лучше дурак не знает. — Он захохотал. — Поэтому Бода решил взять ему жену. Взамен за все ваши подарки, серебряный кубок и волшебный порошок я согласился предоставить ему невесту.

— А что, если полудурок даст своей жене детей, Кэдерик? Подумай об этом, прошу тебя, мой господин, — сказала Эдит. — Разве это не жестоко?

— Не бойтесь, дорогая госпожа, — вмешался Бода, очевидно, опасаясь, что Кэдерик откажется от их уговора, если жена убедит его в этом. — И у моей жены, и у меня с головой все в порядке. У нас есть еще три дочери, все разумные. Бедняга Тови, наш младший и единственный сын, был таким образом проклят. Моя молодая вторая жена подарила мне двух сыновей. Все мои внуки в добром разуме. Я уверен, что дети, которые могут родиться у Тови от здоровой женщины, будут в полном рассудке. Девушка, которую дает нам ваш супруг, не пострадает. О ней будут заботиться, обещаю вам.

— Сделка уже заключена, Эдит, — твердо сказал Кэдерик. — Я хочу серебряный кубок, а еще больше порошок, который, как уверяет меня Бода, снимет проклятие уэльской колдуньи. Неужели ты не хочешь, чтобы я снова был здоров?

Что еще она может ему ответить, кроме «да», подумала Эдит. Ее муж приобрел им всем прекрасные подарки в обмен на крепостную девушку. Эдвин Этельхард никогда бы так не поступил, но потом она отбросила эту мысль. Кэдерик был тяжелым человеком, но он всегда хорошо относился к ней. Что может изменить одна девушка? Зная повадки мужа, Эдит была уверена, что девушка, должно быть, в чем-то провинилась. Крепостные всегда плодили детей. Казалось, кроме этого, им нечего было делать. Она улыбнулась мужу и спросила:

— Какая девушка отправится с Бодой и его сыном, мой господин?

Раздался ужасающий ответ:

— Уинн.

— Ты не можешь! — закричала Эдит, в то время как у остальных перехватило дыхание, как от удара, но Уинн, побелевшая от ярости, поднялась на ноги.

— Я не крепостная, чтобы мной можно было распоряжаться, Кэдерик Этельмар! — закричала она ему — Я вдова твоего отца! Так ты чтить память Эдвина Этельхарда? Отдавая его вдову полудурку низкого происхождения?

— Сейчас я хозяин Элфдина, а не мой отец! Ты сделаешь то, что я скажу, и отправишься туда, куда я тебя пошлю!

— После смерти Эдвина я хотела вместе с детьми вернуться домой в Гарнок, но ты не помог мне. Это ты настоял, чтобы я осталась здесь и ты мог свободно овладеть мной. Когда же у тебя ничего не вышло, ты искал способ унижить меня, сделав наложницей зала. И в этом ты не преуспел, Кэдерик Этельмар! Тебе не удастся и эта позорная попытка. — Спустившись с помоста, она окликнула Элдред:

— Приведи мне детей.

Я сегодня ухожу из Элфдина!

Кэдерик встал, жилы на шее потемнели и вздулись от ярости.

— Да, уэльская ведьма, ты ускользала от меня на каждом шагу, но сейчас тебе это не удастся! Я поклялся себе, что первый, кто согласится взять тебя на этом столе у меня на глазах, будет твоим хозяином! Торговец сказал, что его сын возьмет тебя в жены и примет мои условия. Да будет так! — Потом, посмотрев на Боду и Тови, сказал им:

— Она ваша.

Даже не оглянувшись, Уинн отвернулась от своего мучителя и быстро пошла по залу. Неожиданно полудурок оказался перед ней, глупо припрыгивая и хихикая. Он вызывал в ней полное отвращение, и она отпрянула назад, когда он попытался схватить ее.

— Хорошая леди, — радостно смеялся он. — Отец говорит, ты теперь моя жена.

Уинн ударила Тови.

— Убирайся от меня! — сказала она тихим, жестким голосом, словно отмахиваясь от назойливого насекомого. Тови проворно отскочил в сторону, и его на удивление сильные пальцы обхватили ее тонкое запястье.

Дернув ее к себе, он схватил одну из грудей Уинн и сжал, приговаривая:

— Хорошая леди. — У него слегка текла слюна.

Уинн опять ударила его, но он вновь увернулся от нее и стал тащить обратно к помосту. Она яростно сопротивлялась, безуспешно колотя его.

— Отпусти меня, дурак! Немедленно отпусти меня! Кэдерик, я убью тебя за это! Не сомневайся, что я отомщу тебе так ужасно, что ты будешь всю жизнь сожалеть о сегодняшнем вечере! — Остановившись как вкопанная, она на мгновение задержала их движение и сильно ударила Тови по его костлявой голени. Он заворчал, но потом довольно легко дотянул ее до высокого стола.

— Моя жена плохая, — хныкал Тови отцу — Не любит Тови, отец.

— Ну, ну, сынок, не огорчайся. Сделай приятное леди, как я тебя учил.

Ты должен взять ее. Добрый господин, который дал тебе ее, хочет посмотреть, как ты это сделаешь.

— Кэдерик, во имя Иисуса Христа и пресвятой Богородицы, молю тебя, не допусти этого, — плакала Эдит и, упав рядом с мужем на колени, взяла его руку. — Возьми назад шкатулку и все остальное, мой господин. Я не хочу их, если ты не заменишь Уинн другой девушкой. Отдай любую, но не Уинн! Что мы будем делать без целительницы, мой муж? — пыталась

она урезонить его.

— Да, мой господин, — сказала Бирангари, к ней присоединились другие и с легким вздохом положили обратно на стол свои подарки. — Пожалуйста, освободи Уинн.

— Элфдин обходился без целительницы много лет, прежде чем появилась уэльская женщина, — холодно ответил Кэдерик. — Проживем и без нее. Таково мое желание — отдать ее сыну торговца. Бода, твой сын может выполнить мое условие? Если так, пусть начинает! Здесь! На моем столе перед всеми нами, потому что ты, моя дорогая жена Эдит, мои младшие жены, останетесь, чтобы посмотреть, что происходит с теми, кто не повинуется мне и огорчает меня.

Кэдерик щелкнул пальцами, подав условленный сигнал, и несколько слуг выбежали вперед и начали срывать с Уинн одежду. Они крепко держали ее, сдирая подряд платье, нижнюю тунику и, наконец, изящную рубашку.

Уинн отчаянно боролась с ними, потом ее обуял безумный страх, и она начала кричать. Ноги замерли и не могли двинуться. Они понесли ее на помост, все еще сопротивляющуюся, но уже слабо, и положили на большой стол. Полудурок, увидя ее обнаженной, начал радостно хихикать и похотливо ласкать себя. Слуга держали ее руки и широко раздвинули ноги, когда Тови залез на жертву, гогоча от сладострастного возбуждения.

Эдит и другие женщины пронзительно закричали, придя в ужас, когда полудурок показал свое большое и налитое кровью естество.

Уинн безуспешно боролась со своими мучителями. Ее сердце отчаянно колотилось в груди, она отпрянула назад, когда Тови прикрыл ее всем своим телом, у нее кружилась голова оттого, что она не могла как следует дышать, но она полностью понимала, что с ней происходит.

Тови начал ворчать, как зверь, устраиваясь на ней. Она почувствовала, как он входит в нее, рукой направлял огромный «жезл», неторопливо погружаясь в ее плоть. Уинн начала беспомощно кричать под его натиском, слабо пытаясь сбросить его. Рот Тови влажно коснулся ее, но она с отвращением быстро отвернула голову. Потом услышала, как знакомый голос настойчиво зашептал ей на ухо:

— Продолжай бороться со мной, дорогая, иначе я не смогу успешно довершить свой обман!

Этого не может быть! После трех лет? Не может быть! Страх куда-то ушел, хотя она была, как ошпаренная кошка, под этим человеком. Уинн направила на него свой взгляд и увидела перед собой темно-синие глаза Мейдока Пауса! Она сходит с ума! Так оно и есть! Она сходит с ума.

Голова у нее каталась из стороны в сторону, и перед ней промелькнуло лицо Кэдерики Этельмара. Его переполняла похоть и садистское наслаждение. От возбуждения он буквально пускал слюни, надеясь, что Уинн наконец-то сломлена.

— Так ее, полудурок! — подбадривал он Тови. — Бери ее! Задай ей жару! — И он захохотал, завидуя дураку и его победе, которую он так страстно желал.

Голова Уинн повернулась лицом к ее насильнику.

— Мейдок? — прошептали губы.

— Да, дорогая, — услышала она и, к своему удивлению, с полной уверенностью узнала человека, овладевшего ею.

— Нет! Нет! Нет! — застонала Уинн, ужаснувшись своей внезапной реакции. Это было непереносимо.

— Сделай вид, что потеряла сознание, — учил он ее, но Уинн и так уже лишилась чувств. Мейдок заставил себя поскорее закончить свое дело. Потом, продолжая изображать слюнявого Тови, он слез с бесчувственной Уинн, смеясь и вытирая о тунику свое ставшее мягким оружие. — Леди хорошая сейчас, отец. Тови хорошо взял ее.

Эдит и другие женщины горько плакали. Маленькую Элф вырвало на пол. Женщины поднялись и, шатаясь, побрели из зала, поддерживая друг друга в своем позоре и печали. Их всхлипывание продолжало раздаваться сверху из большой спальни.

— Вина! — крикнул Кэдерику слугам. — Я выпью за невесту! — И он буйно захохотал.

Принесли вино и разлили по кубкам. Трое мужчин быстро выпили его. Уинн медленно стала приходить в сознание, вспоминая, что с ней произошло, и задавая себе вопрос, действительно ли ей послышался голос Мейдока, исходящий из уст идиота.

— Теперь забирайте эту тварь, — сказал Кэдерику и швырнул кубок на стол рядом с ее ухом. — Она ваша, тем лучше!

Уинн приподнялась и с горечью сказала ему:

— Я хочу своих детей! Я не поеду без них, Кэдерику! Если ты попытаешься спрятать их, я найду способ вернуться в Элфдин и убью тебя!

Верни мне моих детей!

— Я избавился от мальчишки несколько дней назад, — сказал он с жестокой ухмылкой и, схватив ее за грудь, сильно стиснул. — Хорошо придурок обслужил тебя? — Он с вождением пожирал ее глазами.

— Арвел! — пронзительно закричала Уинн. — Ты убил Арвела! — С трудом поднявшись на колени, она бросилась на него, собираясь ногтями

выцарапать ему глаза, дико оскалив зубы.

— Я не убиваю детей, — ответил он презрительно, отталкивая ее от себя. — Рори Бэн, работорговец, проходил мимо несколько дней назад. Тебя в тот момент, как всегда, не было, ты где-то собирала свои проклятые корни и ягоды. Он сказал, что человек, который продал тебя, хочет получить твоего сына. Я и продал ему твое отродье! — Кэдерик опять загоготал. — И хорошо на этом заработал! Рори Бэн очень хотел купить мальчишку и не скрывал этого.

— Арвел, сын мой, — заплакала Уинн, а потом прорычала:

— Я найду моего сына, но ты, дьявол, не получишь мою дочь!

— Забирай девочку, — бросил он ей. — Мне не придется кормить ее или давать ей приданое. Я ничего не должен отцу. Если бы он сначала не украл тебя у меня, ты бы мне принесла детей, и я был бы счастливейшим человеком. Отправляйся ко всем чертям!

— Пойдем, жена, — сказал Тови, поднял ее со стола и сопротивляющуюся понес из зала.

— Где ребенок? — спросил Бода. — Я не хочу, чтобы уэльская женщина была несчастна.

— В большой спальне с няней. Уилла принесет ее вам на заре перед вашим отъездом. Не хотите ли маленькую женщину на ночь, а? Не сомневаюсь, что ваш сынок будет счастлив разделить с вами невесту — И Кэдерик вновь мерзко рассмеялся. Потом он резко бросил:

— Убирайтесь! Дело сделано! Я не приглашаю вас вновь посетить Элфдин. Не возвращайтесь сюда.

— Не бойтесь, мой господин, — спокойно сказал Вода. — У нас нет нужды еще раз проезжать мимо вас. — Он учтиво поклонился и покинул зал, оставив Кэдерику Этельмара наедине с вином.

Во дворе стояла повозка торговца. Бода взобрался в нее, стянув с себя грязный серо-белый парик. Уинн лежала, одетая в чистую рубашку, на узкой скамье, которая служила спальным местом. При его появлении глаза ее широко раскрылись: парик в руке, рыжие волосы горят огнем при свете фонаря.

— Эйнион! — всхлипнула она. — Ой, Эйнион! — Она села, облегчение разлилось по ее измученному телу.

Великан заключил ее в свои медвежьи объятия и крепко обнял.

— Леди! Моя леди Уинн. Хвала Всевышнему, мы вас наконец нашли!

— Но ты не похож на себя, — произнесла Уинн, пристально всматриваясь в него, — и все же я узнала твою буйную голову и твой дорогой голос.

Эйнион засмеялся.

— Мой лорд Мейдок — мастер перевоплощений, моя леди Уинн. Ты ведь не узнала его в отвратительном облике Тови, правда?

— Нет.

— Моя кожа выкрашена смесью коры и ягод, чтобы напоминала кожу пожилого человека, — пояснил Эйнион. — Глина изменила мне форму носа. Я горблюсь и научился изменять походку У меня даже голос другой. Замечательная маскировка, моя леди Уинн, верно?

— Очень хорошая, Эйнион, — согласилась Уинн, а потом взглянула на другого человека в повозке. — Это на самом деле ты, Мейдок? Я не могу узнать тебя в таком виде. Там, в зале, мне вдруг показалось, что я увидела твои глаза. — Ее начало трясти.

Мейдок протянул руку и укутал ей плечи небольшим куском мягкой шерсти.

— Это действительно я, дорогая. Я не смею принимать свой прежний вид, пока мы не покинем этого места. Этот саксонский тан не обрадуется, узнав, что он вернул тебя мужу. Он, кажется, получил огромное удовольствие, опозорив тебя.

— Это место называется Элфдин, мой господин. Оно три года было моим домом, — произнесла Уинн, и он мгновенно почувствовал укор в ее голосе. — Я прожила здесь дольше, чем в Скале Ворона. — Потом она взглянула на Эйниона. — Где моя дочь?

— С няней в большой спальне. Он сказал, что даст ее мне утром.

— Я не уеду отсюда без Аверел, — твердо сказала Уинн.

— Аверел! — сказал Мейдок. — Я думал, что мы договорились назвать дочь Анхарид.

— Аверел не твоя дочь, мой господин, — ответила Уинни заинтересовалась, почему, говоря ему это, она почувствовала какое-то горькое удовлетворение. Его приезд сюда, конечно, был счастливым случаем, но это произошло так поздно, и ее мучила обида.

Глаза Мейдока потемнели.

— Это дочь того скота, который называет себя хозяином этого места?

— Нет, — презрительно ответила Уинн. — Ее отец — Эдвин Этельхард, прежний владелец Элфдина. Он умер десять месяцев назад на охоте, пожертвовав собой, чтобы спасти жизнь старшего сына, той свиньи, которая сейчас правит в этом зале.

— А мой ребенок? Ты благополучно родила его?

— Да. У тебя сын, мой господин. Прекрасный, здоровый мальчик. Я назвала его Арвелом, а не Анвиллом, поскольку этот ребенок родился в

неволе и был оплакиваем всеми.

«Неволя, — горько подумала Уинн, — которая могла кончиться гораздо раньше, если б ты поторопился вызволить меня из нее».

— Где мой сын? — спросил Мейдок. Она, казалось, проявляла больше беспокойства о дочери, чем о сыне.

— Разве ты не слышал, что сказал Кэдерик Этельмар в зале, мой господин? Он продал его Рори Бэну, который, пока мы сейчас разговариваем, везет его к твоему брату в Кей! — Глаза ее налились слезами. — Почему ты не приезжал все это время за нами, мой господин? Почему?

Я ждала и ждала, молилась и молилась, чтобы ты освободил нас, но ты не приходил. Словно мы никогда не существовали для тебя, Мейдок.

— Это несправедливо, Уинн, — сказал он, и гаев начал постепенно подниматься в нем. У нее ребенок от другого человека, и когда она начала говорить о нем, по тону было видно, что Уинн глубоко любит его.

Любит ли она еще своего саксонца? И любила ли она его когда-нибудь?

— Ты не приходил! — повторила Уинн.

— Мы искали тебя с самого начала, дорогая, — начал он. Потом терпеливо, как только мог, Мейдок стал объяснять свои отчаянные поиски ее и их ребенка. — Сначала мы должны были убедиться, что ты осталась в стране. Последние восемь месяцев мы с Эйнионом разъезжали по Мерсии. Вустер был центром, от которого мы отправлялись в разные концы страны, останавливаясь в каждом поместье в поисках тебя, Уинн.

— Прошло три года, — тихо произнесла Уинн. — Три года день в день, Мейдок.

— Три года, за которые ты успела устроить себе новую жизнь и принести другому человеку ребенка, — резко ответил он, не сдержав переполнявший его гнев. — Как произошло, что Кэдерик смог завладеть моим сыном и продать его, а ты, Уинн, даже не знала об этом? Проявляла ли ты к моему сыну столько же заботы, сколько к дочери этого человека, саксонца?

Ее рука быстро поднялась, и тяжелая пощечина обожгла его лицо.

— Не смей ругать меня как мать, мой господин. Где ты был, когда родился Арвел? Я была здесь, в Элфдине, и жизнь твоему сыну спас именно этот саксонец, кому я позже родила дочь. Арвел появился на свет с пуповиной, обмотавшей ему шею. Я пыталась родить его одна, без помощи, потому что боялась и была горда а вместе с тем зла на тебя, что ты не нашел нас. Эдвин услышал мои крики и помог мне родить Арвела.

Твоего сына! Он появился из твоего семени, но отцом ему был Эдвин Этельхард! Именно Эдвин усыновил его, следил, как он делает первые шаги, сидел со мной, когда у малыша был жар, и именно его Арвел называл «па».

Он был потрясен резкостью ее тона так же, как и словами, которые она бросала в него.

— Вы не должны сейчас ругаться, — вступил Эйнион. — Не сейчас, когда наконец нашли друг друга. Если продолжите, тогда дадите Брайсу одержать над вами еще одну победу — Ты любила своего саксонца? — тихо спросил Мейдок.

— Да, но не так, как люблю тебя.

Люблю. Она произнесла «люблю»! Не «любила», а «люблю».

— Смею ли я надеяться, что ты меня все еще любишь?

— Думаю, что да, но люблю человека, которого знала три года назад. Я твоя жена, Мейдок, это не изменилось. Но нам придется заново узнавать друг друга. Я уже не та Уинн из Гарнока, которую ты когда-то знал. Я старше и, надеюсь, умнее. — Она повернулась, чтобы поговорить с Эйнионом. — Утром, когда мы заберем мою дочь, нам надо немедленно ехать прямо в Кей. Один Бог знает, что уготовил этот дьявол для моего сына. Мы должны спасти его!

— А как с вашими вещами? — поинтересовался Эйнион.

— У Кэдерика от вина дурная голова, — с улыбкой ответила Уинн. — Его женщины отнесут в постель, и он проспит всю ночь и все утро. Я смогу забрать вещи и Аверел.

Едва забрезжил рассвет, как Эдит прокралась к повозке и тихо позвала:

— Уинн! Уинн! Ты здесь?

Уинн вышла из повозки и обняла подругу.

— Все в порядке, Эдит.

— Но как такое может быть? — забеспокоилась Эдит. — Я не понимаю, как ты можешь быть такой радостной после того, что с тобой произошло вчера вечером. Это было ужасно! Я никогда не прощу мужу такое жестокое обращение с тобой, Уинн. Никогда!

Уинн обняла Эдит и ответила:

— Помнишь, как я всегда говорила тебе, что мой муж однажды придет за мной? Вот он и приехал.

— Что?! — Голубые глаза Эдит расширились от удивления, потом она воскликнула:

— Ох, Уинн! Моя бедная, бедная Уинн! Эта ужасная ночь совсем помутила твой рассудок!

— Нет, нет, Эдит! Я так же в своем уме, как и ты, — уверяла ее Уинн. — Бода, торговец — мой слуга Эйнион, так хорошо загримированный, что даже я не узнала его сначала. Что же касается его сына, Тови, то это и есть мой муж, Мейдок, тоже изменивший свою внешность. Я не буду объяснять тебе все в подробностях, Эдит, но ты должна мне поклясться, что никому не расскажешь. Никто не был мне таким другом, как ты, Эдит. Я не могу оставить тебя в неведении, чтобы ты беспокоилась обо мне. Знай, что я покидаю сегодня Элфдин и отправляюсь в свой родной Уэльс. Я еду домой, Эдит. Я всегда верила, что вернусь туда.

Слезы счастья за свою подружку потекли по лицу Эдит.

— Мне будет не хватать тебя, Уинн. С другими женщинами приятно поговорить, но ты была мне другом. Я буду скучать по Арвелу и Аверел. Теперь в Элфдине не останется детей.

— Почему ты не сказала мне об Арвеле?

— Я ничего не знала до вчерашнего вечера. Неужели ты думаешь, что я допустила бы это, если б в моей власти было остановить Кэдерику?

Знай я о его намерении, я бы спрятала мальчика. Вчера я пошла в деревню к крепостным. Там я узнала, что Кэдерику продал Гиту Рори Зэну, чтобы она продолжала заботиться о маленьком Арвеле. Куда их повез работоторговец?

— В замок брата моего мужа, в Кей. Он самый злобный человек во всем христианском мире. Одному Богу известно, что он замыслил для моего сына. Мы отправляемся в Кей, как только я соберу вещи и возьму Аверел.

— Пойдем теперь в дом. Бирангари и я сложили все, что могли, но, может, ты захочешь взять что-нибудь из аптеки. Там все принадлежит тебе, к тому же твой путь будет долог и труден.

— Спасибо, Эдит. Я возьму несколько самых необходимых вещей, а остальное оставлю тебе. Ты должна занять мое место целительницы в Элфдине. Я записала в небольшую книгу все мои рецепты и их применение. Теперь это твое.

Две женщины вернулись в дом. Уинн взяла то, что хотела, из аптеки.

Затем с помощью других женщин сундук Уинн и маленький сундучок Аверел принесли к повозке. Уилла, няня Аверел, выглядела удрученной.

Ее маленький носик покраснел от слез.

— Не хотела бы ты поехать с нами, Уилла? — спросила Уинн девушку, которая родилась и всю жизнь провела в Элфдине.

— Если б я могла, госпожа. Здесь меня ничто не держит.

Когда все, кроме Эдит, вернулись в дом, Уинн сказала Мейдоку:

— Дай мне серебряный пенни, мой господин, чтобы я могла купить эту девушку.

Порывшись в кармане, Мейдок вынул монету и вручил ее Эдит.

— Скажите вашему мужу, что Бода захотел, чтобы эта девушка продолжала ухаживать за ребенком. Что вы отказались отпустить ее меньше чем за пенни, думая, что Бода не даст таких денег, — учил ее Мейдок. — Ваш муж, несомненно, будет удивлен, что вы так выгодно продали ее, потому что девушка не стоит и полпенни. Поэтому он обрадуется и не придаст значения тому, что вы продали его собственность.

— Вы не полудурок, — медленно ответила заинтересованная Эдит. Она пристально всматривалась в существо, которое знала под именем Тови.

Затем она посмотрела на Уинн. — Он светлый под своей маскировкой?

— Да, у него светлое лицо.

— Вы сохраните нашу тайну, леди Эдит? — ласково спросил ее Мейдок — Я так долго искал мою жену, чтобы вернуть ее домой.

— Я буду хранить вашу тайну, мой господин. Но вы не должны думать, что я это делаю потому, что не люблю своего мужа, Кэдерика Этельмара, или я непокорная жена. Я его люблю и почитаю, хотя он и не из самых приятных людей. Уинн моя подруга, а Кэдерик всегда скверно обращался с ней. Я не считаю, что мой, супружеский долг сообщить ему, что он вернул Уинн ее дорогому мужу. Это, как вы понимаете, обрадует его. Уинн была словно горячка в его крови. Сознание того, что он не может ею овладеть, сделало бесчувственным его сердце, и он стал более жесток, чем раньше. Будет лучше, если он останется в неведении, веря, что унизил ее. Еще одно поражение будет непереносимо для него, — тихо закончила Эдит.

— Забота, которую вы проявляете о спокойствии вашего мужа, достойна восхищения, моя госпожа, — искренне сказал ей Мейдок. — Думаю, вы мудрая и терпеливая женщина.

Эдит слегка улыбнулась.

— Езжайте с Богом, — сказала она. Потом обняла Уинн. — Вряд ли мы встретимся еще. Я рада, что все закончилось хорошо, несмотря на Кэдерика.

— Если тебе когда-нибудь потребуется моя помощь, дай мне только знать в Скалу Ворона. Мне никогда не отплатить за твою доброту. — Уинн в последний раз обняла Эдит. — Да хранит тебя Господь, моя подруга.

Оставаться дольше значило вызвать подозрения. Эдит повернулась и пошла в дом. Уинн с дочкой на руках и Уилла влезли в повозку, а Эйнион и Мейдок под видом Бода и Тови сели на козлы Эйнион хлестнул поводьями

по спине лошади, и повозка загромыхала со двора Элфдина на тропу, которая вела к другой плохо различимой дороге, по которой они доберутся до Уэльса. Небо на востоке начало окрашиваться зарей нового яркого дня.

Глава 19

Они были в пути уже пять дней. Теперь стало ясно, что Кэдерик, если даже и пришел в какое-нибудь извращенное состояние духа, не послал за ними погоню. Мейдок и Эйнион решили, что они спокойно могут принять свой прежний вид. Уилла, которой почти сразу открыли правду, смотрела на них широко раскрытыми глазами. Она с трудом скрывала свое восхищение Эйнионом. Уинн почувствовала, что ей надо сообщить о Меган.

— Неужели вы сказали ей о моей жене? — проворчал он.

— Нет необходимости, чтобы ты соблазнил няню моей дочери, — едко заметила Уинн. — Уверена, ты не чурался женского общества за все те месяцы, что был вдали от Скалы Ворона.

Брови Эйниона от удивления поднялись. Она стала зрелой женщиной. Ребенок, выросший в милую, красивую девушку, теперь превратился в цветущую женщину, с которой, как он подозревал, придется считаться. Ему было интересно, понял ли это Мейдок. Или принц будет продолжать обращаться с ней, как с возвращенной драгоценностью?

Эйнион усмехнулся про себя.

— Не скажу, что я хранил верность Меган только в своем сердце, но она достаточно умна, чтобы не задавать подобных вопросов, пока я верен ей в Скале Ворона, — просто ответил он.

— Странно, как тебя еще не убил какой-нибудь рассвирепевший отец или муж. Ты не изменился, Эйнион, и я рада этому. Все остальное изменилось.

— Да, — согласился он. Они сидели перед небольшим костром в укромной долине, где огонь не сможет привлечь разбойников. — Вы изменились, — сказал он ей.

— У меня не было выбора. Это был вопрос выживания. Я думала не о себе, а о ребенке, которого носила в то время.

Он кивнул.

— Вы с Мейдоком все еще на ножах. Неужели никак нельзя залатать разрыв между вами?

Уинн улыбнулась ему — Я надеюсь, Эйнион, но Мейдок отказывается понимать, каково было мне. Еще нам надо отыскать сына.

— Каков он, мальчик? Аверел совсем на вас не похожа.

— Да, она, без сомнения, вылитый отец, — ответила Уинн,

улыбнувшись, — а Арвел сын своего отца. Он — зеркальное отражение Мейдока. Мне достаточно было взглянуть на его сына, чтобы вспомнить Мейдока. Он здоровый, умный и сообразительный для мальчика своего возраста. Если б Эдвин был жив, он никогда бы не продал моего сына, он считал его своим.

— Если Брайсу понадобился мальчик, моя госпожа, он нашел бы способ украсть его, — заметил Эйнион.

— Но зачем ему мой сын?

— Он хочет нашего сына, — сказал присоединившийся к ним Мейдок, — потому что у него извращенный ум и у него есть какой-то гнусный план, который его терзает.

— Сколько нам потребуется времени, чтобы добраться до Кей? — спросила Уинн.

— Мы не едем ни в Кей, ни в Скалу Ворона, дорогая Я отвезу тебя и Аверел в Гарнок. Если мы вернемся с тобой домой, Брайс быстро узнает об этом.

Он поймет, что мы скоро явимся к нему за нашим сыном. На наше счастье, я не знаю случая, чтобы Брайс причинил когда-нибудь вред ребенку, а этот ребенок — его племянник, его кровь. Думаю, Арвел будет в безопасности, пока Брайс остается в неведении о нашем воссоединении. Если он все-таки узнает, наш сын может поплатиться жизнью. Нам надо все тщательно обдумать. У нас — только один шанс. Я это чувствую сердцем.

— Надеюсь, ты не так долго будешь вызволять из беды нашего сына, как меня? — резко сказала Уинн.

— Ты несправедлива, — так же запальчиво ответил он. — Я тебе объяснял уже не один раз, что поначалу мы даже не знали, где ты. Ведь Брайс хотел заставить нас поверить в твою смерть. Я не поверил его уловке, но пока не убедился, я просто не знал, где искать. Потом мы потеряли месяцы, преследуя ирландского работорговца, чтобы выяснить лишь одно — что ты не покидала Англию. Нам мешала погода, и нам пришлось прочесывать огромную территорию. На своем пути мы встречались с сотнями танов и в сотнях залов искали тебя. Ты могла оказаться в любом из них, Уинн.

— Я почти потеряла надежду, что ты приедешь.

— Похоже, ты была в безопасности, — сухо заметил Мейдок. — Уилла разболтала Эйниону всю историю, как твой саксонец влюбился в тебя с первого взгляда. Ты тоже влюбилась в него?

— Я полюбила его постепенно, потому что он был хорошим и добрым человеком. Разве я должна была погибнуть только потому, что ты опять

исчез из моей жизни, Мейдок? — резко спросила Уинн. — Мне надо было думать об Арвеле, его безопасности — вот что прежде всего занимало мои мысли. Думаю, я умерла бы в те первые месяцы, если б не терпение и доброта Эдвина и сознание того, что я должна продолжать жить ради ребенка, если не ради себя самой. Ну, ты доволен? Хрупкая память о потерянной любви? Последуешь ли за мной еще раз в другой миг времени, чтобы мы вновь соединились? Любовь, я поняла, — это не только благородство и чистота чувств, Мейдок Любовь — это смех и слезы. Печаль и боль. Отдавать и жаждать чего-то. Ты должен научиться всему этому, если мы хотим быть счастливыми.

— Ты так изменилась, — проговорил он и улыбнулся, упиваясь ее красотой. Его синие глаза потеплели. — Ты всегда была взрослее меня, Уинн, а я на шаг отставал от тебя. Учи меня, дорогая, чтобы я по крайней мере в этой жизни мог идти в ногу с тобой.

— Я буду тебя учить, мой господин, но ты должен догонять меня, потому что я не буду тебя ждать. — Потом она взяла его руку и потерлась о нее щекой. — Я соскучилась по тебе, мой господин. Я рада, что мы вместе.

Повернув к ней голову, он поцеловал руку, ласкавшую его лицо, и с отчаянием произнес:

— Господи! Как я мечтаю хоть о небольшом уединении! Не помню, чтобы я когда-нибудь так хотел тебя, как сейчас.

Уинн тихо рассмеялась.

— У нас еще будет на это достаточно времени, мой господин. — И, подавшись вперед, нежно поцеловала его. — Но прежде давай отыщем нашего ребенка.

Мейдок выглядел удивленным.

— Ты хочешь сказать, что не примешь меня, пока мой сын Не будет в безопасности?

Улыбка мгновенно сошла с лица Уинн.

— Для тебя, мой господин, — ледяным тоном произнесла она, — Арвел просто плод воображения, для меня же он плоть и кровь. Ты говоришь как собственник, «мой сын», но он твой лишь по рождению.

Пока еще не твой! До тех пор, пока не вернешь его домой, не увидишь его дорогое милое личико, которое так похоже на твое, не прижмешь его крепко к себе, не завоюешь его любовь и доверие. Неужели твое плотское желание не исчезнет, зная все это? От моего ничего не осталось! — Она отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Мейдок поднялся от костра и пошел в темноту.

— Вы слишком суровы с ним, Уинн из Гарнока, — строго сказал

Эйнион, — и вы не правы. — И это говоришь мне ты, который с детства был моим щитом? — Уинн заплакала, она выглядела такой жалкой, но Эйнион не утешал ее.

— Ради вас, моя госпожа, он многим пожертвовал.

— Чем? — фыркнула она.

— Своей волшебной силой.

— Что? — Слезы Уинн мгновенно высохли.

— Да. Только я знаю об этом, потому что если другие узнают о его жертве, они используют это против него. Он понимает, что могущественное положение, которое всегда занимали принцы Венвинвина, было связано с их репутацией волшебников. Мы живем в трудное время, моя госпожа. Если силой Мейдока считают его волшебство, тогда потеря его будет огромной, если не роковой, слабостью. Скалу Ворона всегда оберегала от алчных соседей именно эта волшебная сила.

Даже Брайс боится принца.

— Не настолько, чтобы не похитить меня и выкрасть моего сына.

— Брайс не так умен, как думает. Он играет на любви принца к своей семье и его уважении к жизни, — мудро заметил Эйнион.

— Ты говоришь, Мейдок отказался от своей волшебной силы. Расскажи мне об этом.

— До моего отъезда на поиски работорговца Рори Бэна, — начал Эйнион, — принц вызвал меня к себе. Он так отчаянно искал вас своим мысленным оком, но не мог обнаружить и был в полном недоумении, почему В облике старины Дью он рыскал по стране, но опять не нашел вашего следа. Волшебство в этом деле оказалось бессильно. Его осенило, сказал он мне, что Творец, вероятно, дает ему понять, что время волшебства прошло. С каждым уходящим днем он все больше убеждался в этом. Поэтому после долгих душевных поисков он решил, что для того, чтобы отыскать вас и вашего ребенка, он должен сделать окончательную уступку Творцу, равно как и вы когда-то, так он мне сказал, отказались от своей волшебной силы ради любви к нему в другом месте и другом времени. «Как, — спросил он меня, — может он сделать для вас меньше, чем вы когда-то для него?» Я не понял, когда он мне это сказал, моя госпожа, но, думаю, для вас понятно.

Уинн молча кивнула, беззвучные слезы текли по лицу от сознания того, на какую жертву пошел Мейдок ради нее и ребенка.

— Мы вместе отправились в церковь, и я был свидетелем, как принц Мейдок перед алтарем Господа Бога отказался от своей силы. И теперь он не передаст ее вашим детям, моя госпожа.

— А что стало с его искусством изменять облик? Думаю не отрекся от него.

Эйнион кивнул.

— Он не может так легко расстаться с этим даром, потому что это знание было передано его семье по наследству их дальним предком от древнего кельтского божества, Кенунноса. Принц, однако, поклялся никогда не пользоваться им и не передавать своим потомкам. Хотя все они будут обладать способностью изменять облик, без необходимого волшебства эта сила будет все время оставаться спящей. Итак, вы видите, моя леди Уинн, что принц многое отдал за то, чтобы вернуть вас, когда он мог просто смириться с вашей потерей и найти другую жену. — Эйнион поднялся со своего места рядом с ней у пылающего костра. — Поищу теперь себе постель, госпожа.

Оставшись одна, Уинн всматривалась в танцующие языки пламени.

Как она могла позволить себе быть настолько погруженной в свою праведность и не вспомнить о чувствах Мейдока? Она, может быть, и изменилась, но повзрослела ли она на самом деле, думала Уинн. Возможно, это не имело бы большого значения, если бы она не любила его. И никогда не переставала любить, даже когда позволила себе любить и Эдвина. Она глубоко вздохнула. Почему жизнь не может быть проще? Потом она нежно засмеялась, когда ощутила, что он вернулся к ней.

Он сел рядом.

— Почему ты ничего мне не рассказал?

— Чтобы ты могла пожалеть меня?

— Почему я должна жалеть тебя? Когда Рианон все отдала ради Пауэла, он испытывал жалость? — Уинн повернулась, чтобы видеть его лицо в свете костра. — То, что ты сделал, это самый прекрасный поступок любви, который один может сделать для другого. Мои чувства к Эдвину Этельхарду никогда не уменьшали моей любви к тебе, Мейдок Пауиса. С самого начала бытия мы оба почему-то стали единым существом, хотя внешне остались разными людьми. Не знаю, пойму ли я это когда-нибудь?! — Протянув руку, она дотронулась до него и нежно спросила:

— Не поцелуешь ли ты меня, мой господин?

— Если я поцелую, дорогая, то захочу большего. — Лицо его исказилось, словно от боли.

— Но не больше того, что я хочу дать тебе, Мейдок, — тихо ответила она.

От ее слов на его точеном лице появилось удивление. Он поднялся, увлекая ее за собой. Уинн коснулась его щеки. Нежными пальцами она

провела по его гордому лицу, словно изучая его заново. Густые брови, которые поднимались над его затуманенными темно-синими глазами.

Длинный нос и тонкие губы, сурово лежащие над глубокой впадиной в его подбородке. С легкой улыбкой она сказала:

— Ты похож на разбойника.

Улыбнувшись ей в ответ, он схватил ее руку и, перевернув ее, поцеловал в ладонь.

— Мне придется сейчас показаться еще более свирепым, чтобы уберечь нас от опасности, — проговорил он, привлекая Уинн к себе.

Она обняла его шею и крепко прижалась к его худому сильному телу — Неужели мне надо бояться, мой дорогой господин? — Ее губы были в дразнящей близости от его.

Со стоном он закрыл ее рот неистовым поцелуем. Уинн почувствовала, как от его прикосновения радостно запрыгало в груди ее сердце, и в то же время у нее было ощущение, что она вся охвачена огнем. Казалось, словно это первый их поцелуй, но только лучше. Она лучше, чем прежде, знала свое тело, и с интересом вопрошала себя, что вызвало это открытие. Грудь ее набухла и стала твердыми, а ноги ослабли. Кровь будто превратилась в поток горячего меда, который не спеша струился по телу лишая ее спокойствия.

Мейдок, казалось, переживал то же самое. Его тело безошибочно реагировало на чувственное возбуждение, исходящее от тела его жены.

Он вновь застонал.

— Увы, дорогая, мне придется овладеть тобой прямо здесь, ведь нам .с тобой негде уединиться!

Уинн тихо засмеялась и ответила:

— Ты не найдешь ни Эйниона, ни Уиллы на полмили отсюда, мой господин, поскольку он знает иногда меня лучше, чем я сама. Аверел спит в повозке. А Эйнион увел Уиллу в какое-нибудь укромное место, чтобы уговорить ее, хотя она едва ли откажет ему, потому что похотлива. Если ты хочешь меня, Мейдок Пауиса, мы можем предаться нашей страсти без помех — Сказав это, Уинн начала раздеваться перед ним.

Он расстелил на земле перед костром свой плащ и последовал ее примеру. Наконец они встали обнаженные, лицом друг к другу, равные, как могут только быть мужчина и женщина. Он протянул руку и нежно сжал ее грудь. Уинн улыбнулась ему и ласковыми пальцами стала ласкать его мускулистое плечо.

— Распусти для меня свои волосы, — попросил он, и она расплела толстую, тяжелую косу, расчесав черные волосы пальцами. Они

заструились по ее изящной спине роскошными волнами. Он поймал одну небольшую прядь между пальцев и поцеловал ее, вдыхая тонкий аромат. — Ты так прекрасна. Никогда не было женщины, похожей на тебя, Уинн из Гарнока.

— И ни одного мужчины, как ты, Мейдок, — отозвалась она, ее глаза переполняла вновь любовь к нему Их губы слились в страстном поцелуе, когда Уинн обвила руками его тело. Мейдок привлек ее к себе еще раз, сжав ее круглые ягодицы. Они неистово целовались, прижимаясь влажными устами друг к другу, жарко касаясь шеей, грудью, плечами; языки бешено сражались, лаская друг друга, когда они опустились на колени на плащ. Его голова склонилась, покрывая обжигающими поцелуями ее трепещущие груди, он чувственно облизал ее соски и посасывал их так сильно, что почувствовал у себя во рту молоко и, полувсхлипывая, не мог несколько минут остановиться, так возбудил его этот явный признак ее плодовитости.

Голова Уинн кружилась от избытка чувств, когда он, словно лев, ласкал ее. Она забыла глубину его страсти и, вероятно, просто не осмеливалась вспомнить ее. Его рот обжигал ей кожу, словно угольки костра.

Он доставлял ей такое наслаждение, что она не представляла, как ей отплатить ему тем же, но тем не менее с радостью принимала его, как никогда раньше. Он всегда так восхитительно действовал на нее. Один только его взгляд превращал ее в нераскаявшуюся блудницу.

— Посмотри на меня, дорогая, — тихо попросил он Уинн, и та поняла, что глаза ее от восторга закрыты.

Она с трудом подняла веки и взглянула прямо в его любящее лицо, наполовину утонув в темно-синих глазах.

— Ты сомневалась в моей любви к тебе, моя драгоценная жена?

— Я никогда не сомневалась в твоей любви, мой муж.

Удовлетворенный ответом, он опустил голову и начал осыпать поцелуями ее жаждущее тело. Уинн радостно вздохнула, Мейдок молча улыбнулся, его тело двигалось, согласуясь с его действиями. Она была открыта ему, и он проскользнул между атласными бедрами, покрывая каждое из них горячими поцелуями. Он просунул под нее руки, обхватил округлости ее ягодиц, напоминающие персик, чтобы удержать ее в одном положении, так как она начала хныкать в возбужденном ожидании. Он вдыхал свойственный только ей женский аромат. Затем поцеловал теплую, нежную плоть ее чувствительного бугорка.

— Ох-х-х! Да! — поощряла она его и, опустив руки, широко раскрыла

для него нижние губы.

Он слегка коснулся ее только кончиком языка, и она задрожала от этой ласки. Он подождал минуту, другую, потом еще раз нежно дотронулся до нее, на этот раз она затрепетала сильнее. Маленький сочный бугорок ее женского начала, казалось, жил своей собственной жизнью под его трепещущим языком. Набухнув, он стал темнее, передавая свое наслаждение всему ее телу трепетными волнами восторга. Она задыхалась и вновь начинала дышать, когда порыв сменялся порывом, пульсируя по телу. Осторожно он посасывал ее маленькую драгоценность, и Уинн нежно вскрикивала, едва перенося наслаждение, которое он ей доставлял.

— Я хочу, чтобы ты вошел в меня. Я не могу больше выдержать эту сладостную пытку, Мейдок! Дай мне всего себя!

Его рот вновь закрыл ее губы. Он прикрыл ее своим крепким телом, и она обхватила его руками. Подняв ее ноги, он вошел в нее и начал медленно накачивать ее глубокими, томительными ударами своего могучего естества. С криком восторженного блаженства Уинн обвила ногами его торс, бедра неистово бросались ему навстречу — Ах-х-х, приятно! Так приятно! — почти стонала она, а он крепко держал ее, потому что она бешено металась в экстазе. Она отчетливо ощущала в своем теле его пульсирующий и трепещущий член. Каждый новый бросок поднимал ее еще на одну ступеньку блаженства. Их желание обладать друг другом было взаимным. Она была ему глубоко созвучна, поэтому и он откликался на глубинные толчки, нарастающие в недрах ее существа, которое дрожало и вибрировало, когда Уинн с откинутой назад головой ловила ртом воздух. Ее полностью охватило вздымающееся, трепетное чувство, которое, стремясь вверх, могло сокрушить ее.

Мейдок застонал, словно от боли, когда его собственная поднимавшаяся страсть угрожала затопить его.

— Я не могу больше ждать! — закричал он, и Уинн ощутила, как в ее томимый жаждой укромный сад хлынула теплая жизненная сила.

— Ах-х-х, моя дорогая любовь, — прошептала она ему, когда ее тело жадно принимало дань возлюбленного, и спустя некоторое время он вздрогнул от окончательного и полного облегчения в то время, как она парила над ним.

Они лежали вместе, раскинувшись. Потрескивал огонь в костре. Их удовлетворенные тела были влажными от усилий. Наконец Уинн произнесла:

— Мы умрем от простуды, если не оденемся, мой любимый господин.

Он нежно поцеловал ее в шею, пощипывая влажную кожу, и прилег

рядом с ней на бедро. Его пальцы заскользили вниз между ее грудей, и он сказал:

— Только сейчас я осознал, как соскучился по тебе, дорогая.

Уинн нежно рассмеялась.

— Я тоже, — призналась она, садясь и доставая рубашку — Прикройся, Мейдок, а то если Уилла увидит тебя, она тут же захочет, как захотела Эйниона.

Он усмехнулся и начал одеваться. Когда они оба были одеты, подбросили дров в костер и уютно устроились рядом, держась за руки.

— Как мы вернем нашего сына? — спросила его Уинн.

— Пока не знаю, но, как я уже сказал, тебе лучше укрыться в Гарноке, чтобы Брайс не знал, что мы опять вместе.

— Я оставлю Уиллу и Аверел в Гарноке с бабушкой. Хотя Уилла не может кормить мою дочь. Думаю, там найдется кто-нибудь. Они будут в Гарноке в безопасности. А я отправлюсь с тобой. Мы можем рассчитывать на помощь Риза из Сант-Брайда?

— Риз, конечно, поможет нам, если я его попрошу, но я не стану этого делать. Кей нельзя брать силой, особенно когда дело касается Арвела.

Мы вернем нашего сына хитростью и ловкостью.

— На этот раз тебе придется убить Брайса, — сказала Уинн.

— Ты говоришь, как моя сестра.

— Ты не можешь заявиться в Кей, требуя своего ребенка, и ожидать, что Брайс покорится без борьбы. Ох, Мейдок, любовь моя! Ты давал брату столько возможностей измениться, но он не сделал ничего. Видно, его главная цель — уничтожить тебя и все, что с тобой связано. Но я убеждена, что, если он даже достигнет своего, то все равно не будет удовлетворен. Его ненависть к тебе — это глубокая болезнь души, которая началась не здесь и не сейчас. Ты знаешь это, как и я. Мы не можем жить, постоянно оглядываясь, что еще уготовил нам этот дьявол! Убей его! Положи этому конец! Не позволяй ему еще раз разлучить нас, как это он уже сделал однажды.

Мейдок глубоко вздохнул.

— А если я убью его, не буду ли я у него в долгу? Умрет ли окончательно ненависть, которая обитает в нем, или она вновь возродится в другом месте и в другое время, чтобы мы снова боролись с ней, Уинн?

Она покачала головой.

— Я не знаю, что тебе ответить, Мейдок. В одном я убеждена: чтобы мы жили в мире, с Брайсом надо поступить так, чтобы он не мог нам больше вредить.

— Он мой брат, — беспомощно ответил принц.

— Он использует эту родственную связь против тебя, Мейдок! нетерпеливо ответила Уинн. — Он стоил нам трех лет жизни. Он жестоко разлучил нас, желая уничтожить тебя, продал меня в рабство, хотя, благодаря Всевышнему, мне повезло в этом рабстве. Он украл нашего ребенка. Для чего, Мейдок? Зачем ему нужен наш сын? Какое злодеяние он сейчас замышляет? И к этому человеку ты испытываешь жалость? Твой брат не знает такого слова. Если ты сохранишь ему жизнь, все последующие несчастья, которые принесет нам Брайс, будут следствием твоей ошибки, мой господин, потому что именно ты позволишь ему вызвать новые разрушения.

— Я знаю, дорогая, что твои слова справедливы, но не надо бояться.

Хотя это и трудно, но я прослежу, чтобы Брайс больше никогда никого не обидел. — Потом Мейдок попытался пошутить:

— Думаю, мне лучше убить Брайса, чем слушать, как ты и Неста браните меня. Моя сестра так и не простила мне, что я не уберег тебя, Уинн.

Уинн улыбнулась.

— Как Неста? Я часто думала о ней, особенно вначале, когда она должна была родить. Кто у нее, сын или дочь?

— У Несты два сына. Старший Даффид, младший Тристан.

— Как мне хочется ее увидеть! — сказала Уинн, а потом нахмурилась. — Мы не можем сообщить Несте и Ризу о нашем возвращении, пока не вернем сына. Расскажи мне о бабушке, сестрах, Дьюи.

— Твоя бабушка здорова, хотя и горюет о тебе, даже зная, что ты жива.

Дьюи уже почти что мужчина, а Мар становится красавицей. Она единственная из твоих сестер, кто может соперничать с тобой.

— А Кейтлин и Дилис?

Мейдок рассмеялся.

— Они преуспели, хотя старшая теперь не разговаривает с младшей.

— С какой стати? Они всегда были друзьями, если их странные отношения можно назвать дружбой.

— Все верно, но вспомни: раньше Кейтлин была всегда впереди. Теперь, однако, события повернулись в пользу Дилис. За четыре года замужества она родила четырех детей. Трех мальчиков и одну девочку.

Девочка — одна из двойни. У Кейтлин всего один сын, которого она любит до безумия. Дважды у нее был выкидыш в очень маленький срок. Хотя муж обращается с ней как с королевой и она единолично командует в

Коуде, тем не менее Кейтлин недовольна и зла на младшую сестру, которая обошла ее.

— Артур жалуется на недостаток детей?

Мейдок усмехнулся.

— Нет, он просто не осмеливается.

Уинн рассмеялась. Она долго не вспоминала о Кейтлин, но сейчас ее вновь охватили воспоминания. Нет, Артур не будет жаловаться. Он уже узнал злопамятность Кейтлин и ее жуткую способность мстить тем, кто вызвал ее неудовольствие.

— Как жаль, что я не смогу пригласить сестер в Гарнок, — проговорила Уинн, и ее охватил приступ смеха.

Они добрались до Гарнока к концу непогожего дня.

Прижав к груди старшую внучку, Энид только могла выговорить:

— Я знала, что он привезет тебя домой невредимой, дитя мое! — Глаза ее переполняли слезы счастья, которые катились по измученному лицу.

Уинн обняла бабушку и поразилась переменам, произошедшим в ней. Энид постарела и двигалась медленнее, чем раньше. Ее милое лицо избороздили морщины.

— Я привезла тебе правнучку, бабушка, — сказала Уинн и протянула ей дочь. — Это Аверел Этельхардсдаттер.

Энид постаралась скрыть удивление и, наклонясь, улыбнулась малышке.

— Мне нравится твое имя, Аверел. — Потом она взяла ее на руки и поцеловала в щечку.

Аверел смотрела на Энид широко раскрытыми глазами, размышляя, готова ли она принять в свою жизнь нового человека. Сколько всего изменилось для нее за последние несколько недель! Она полюбила рыжего гиганта, который позволял ей ехать на козлах повозки и держать поводья. Уилле он тоже понравился. Однако она не была уверена в отношении того темного человека, который всегда, казалось, следил за ее матерью и мало обращал на нее внимания.

Аверел решила быстро. Обвив маленькими ручками шею Энид, она поцеловала прабабушку и произнесла: «Ба». Взрослые вокруг нее рассмеялись.

— Она прелестное дитя, — сказала Энид, очень довольная, — но она совсем не похожа на тебя, Уинн.

— Аверел копия отца. Его звали Эдвин Этельхард, он был таном поместья Элфдин, недалеко от города Бустер в Мерсии. Он считал меня своей женой, и ко мне относились, как к хозяйке.

— Уинн! — окликнул ее юношеский, но сильный голос.

Уинн обернулась и увидела высокого черноволосого молодого человека. На мгновение она не могла поверить своим глазам.

— Дьюи? Ох-х-х! Ты стал мужчиной! Почти, — добавила она и обняла брата.

— Я обручен, — объявил он гордо, — с Гвенвивар из Клидака. Через два года мы поженимся. Я сделал выбор сам.

— Ты правильно поступил, — сказала Уинн, вспоминая семью. — У них сильная порода молочных коров. Надеюсь, твоя Гвенвивар принесет тебе скот как часть приданого.

— Да, это для меня главное в ней, — произнес он с ухмылкой.

— Вот плут! — улыбаясь, воскликнула бабушка. — Только не говори мне, что ее нежные карие глаза не привлекли тебя. Она — восхитительное дитя с золотистыми волосами. Мне сказали, что ее бабушка по отцовской линии саксонка. — Потом Энид легонько шлепнула его. — Неужели у тебя нет приветливых слов для сестры, которая вернулась после трех лет рабства в Мерсии? Где твои манеры, Дьюи? — Она вздохнула и объяснила Мейдоку:

— Все они одинаковы. Гарнок прежде всего.

— Я рад, что ты благополучно вернулась домой, Уинн, — сказал Дьюи, а потом ответил бабушке:

— Если бы я не ставил Гарнок на первое место, как меня учила Уинн, где бы все были? — Его красивое лицо приняло оскорбленное выражение.

— Он прав, — согласилась Уинн, — я горжусь тобой, Дьюи!

— Кто этот ребенок? — спросил ее брат, переводя взгляд на дочку Уинн.

— Твоя племянница.

— Она похожа на саксонку, — ответил он, и Уинн пришлось еще раз объяснить происхождение Аверел. Дьюи взял малышку на руки и улыбнулся ей. — Здравствуй, бельчонок, — нежно сказал он и погладил ее по головке. — Она как маленький коричневый бельчонок — с такими же мягкими волосами и подозрительными глазками.

В зал вошла Мар, и вновь Уинн была поражена. Ее младшая сестра подросла и выглядела, как игривая молодая женщина. Мейдок был прав.

Мар быстро превращалась в красавицу. В длинных каштановых волосах мерцали золотистые огоньки, зеленые глаза были похожи на лесное озеро — такие же таинственные. Она застенчиво приветствовала сестру. Но ее внимание привлекла Аверел, при виде которой она улыбнулась.

Мар тотчас же взяла ее на руки, и Аверел ответила ей взаимностью, довольная тем, что нашла кого-то достаточно молодого, чтобы понять ее.

Они сели за вечернюю трапезу Мейдок рассказал родственникам Уинн, что она родила ему в рабстве сына и что недавно его брат Брайс послал за ним работоторговца Рори Бэна.

— Я хочу оставить Уинн в Гарноке, пока я поеду в Кей, чтобы освободить нашего сына из рук Брайса. После этого мы вместе вернемся на Скалу Ворона, — закончил он. Потом добавил:

— Но никто не должен знать, что она здесь. Я не хочу, чтобы Брайс испробовал еще один из своих злых трюков!

— Все последние дни пути я думала и решила, что должна поехать в Кей с тобой, Мейдок Ты не сможешь заставить Брайса вернуть ребенка, а я, думаю, смогу. Он никак не ожидает, что я снова открыто выступлю против него в его зале. Я много думала над этим. Сначала мне казалось, что мы сами можем справиться, но теперь я поняла, что тебе надо ехать в Сант-Брайд и договариваться с Ризом о помощи. Брайс не посмеет отказаться вернуть нам Арвела, видя вооруженный отряд за нашей спиной и меня в его зале. У него просто не будет выбора.

— Он может закрыться в замке с тобой и вашим сыном в качестве заложников, — вступил в разговор Дьюи. — Ты подумала об этом, Уинн?

Не уверен, что твоя идея удастся.

— Я тоже не уверен, дорогая, — согласился Мейдок с Дьюи.

— Брайс на самом деле может выдержать осаду, — честно призналась Уинн, — но как долго? Кей — это не Скала Ворона. К нему можно легко подойти с одной стороны. У него есть источник воды внутри, как в Скале Ворона? Я знаю точно, что нет. Когда я была там, то видела, как слуги несли воду в ведрах через подъемный мост.

— Да, — задумчиво проговорил Мейдок, — они берут воду в ручье за стенами замка, но тем не менее, дорогая, неразумно тебе ехать в Кей.

— Подумай над этим, Мейдок! — упорствовала Уинн. — Разве ты не можешь представить удивление Брайса, когда я с уверенным видом появлюсь перед ним в своем лучшем наряде и драгоценностях? Когда я предстану перед ним и потребую вернуть моего сына, наследника Пауиса Венвинвина?

— Да, он будет поражен, но, зная своего брата, могу сказать, что он скоро оправится от потрясения и прикажет бросить тебя в темницу.

Нет, Уинн, это невозможно.

— Нет, возможно! — закричала она, и все сидящие за столом нервно заерзали на своих местах. Уинн редко выходила из себя, но когда это

случалось... — Пусть Брайс знает, что я пришла не одна, за моей спиной армия. Он поймет, что у него нет выбора, кроме как вернуть мне Арвела. О да, он может сначала решить, что выдержит осаду, но, подумав, быстро сообразит, что у него нет другого выбора, Мейдок. Вспомни своего брата. Он никогда не совершает преступлений открыто. Он, как существо, живущее под камнем, не выносит дневного света. Для Брайса важно то, как он выглядит, какое впечатление производит. Он одинаково в восторге как от своей способности выглядеть обаятельным и простодушным, так и от собственной злобы.

— Это правда, — признал Мейдок, — но меня пугает мысль, что ты можешь оказаться внутри замка Кей. Мы не должны больше разлучаться.

— Мейдок, мой дорогой господин, нам удалось обрести мир, думаю, мы всегда будем вместе.

— Я все еще не убежден в мудрости твоего предложения, — честно признался Мейдок, — но я отправлюсь в Сант-Брайд за помощью моего шурина. Мы вернемся в Гарнок и еще раз все обсудим. согласишься ли ты с решением, которое мы примем с Ризом?

— Да.

— А теперь поклянись, что ты не сорвешься в Кей, пока я буду в Сант-Брайде. Что ты подождешь нас. — Его темно-синие глаза были наполовину серьезны, наполовину смешливы. Просьба его была разумна, ибо, взглянув на лицо Уинн, было ясно, что она, словно ребенок, задумала какую-то шалость. — Обещай мне, моя леди из Скалы Ворона, или я попрошу твоего брата запереть тебя в хлеву до моего возвращения.

— Очень хорошо! — произнесла она с плохо скрываемой досадой, и ее семья рассмеялась.

На следующее утро Мейдок один отправился в Сант-Брайд. Он доверял жене, но в то же время понимал, что ее нетерпение поскорее освободить их сына может привести к тому, что она ослушается его и нарушит данное слово. Эйнион остался, чтобы охранять свою госпожу, как делал это всегда. Если у Уинн появится мысль улизнуть из Гарнока, у нее не будет такой возможности, поскольку Эйнион не будет спускать с нее глаз.

— Ты мог бы поехать с ним, — ворчала на Эйниона Уинн.

— Один он доедет быстрее, — последовал вежливый ответ. — В этом деле время для нас очень важно. Мы должны осадить Кей до того, как выпадет зимний снег.

Уинн кивнула.

— Будем надеяться, что зима задержится или по крайней мере будет

мягкой, если наступит рано, . — ответила она ему и посмотрела на сереющее небо с низкими дождевыми облаками.

— Погода все еще теплая. Время есть, — сказал Эйнион.

Прошла неделя. Неделя, за которую она возобновила свои связи с семьей. Без Мейдока она могла свободно говорить об Эдвине, что она и сделала.

— Ты любила его, мое дитя. Я сужу по тому, с какой нежностью ты вспоминаешь о нем. Что с ним случилось? — спросила Энид.

— Почти год назад Эдвин пошел на охоту на кабана. Слуги заметили его в его лесу. Это было незадолго до Рождества. Он хотел иметь к празднику кабанью голову. Его старший сын, Кэдрик, несчастный человек, поехал с ним. Когда кабана выгнали из чащи, Кэдрик спрыгнул с лошади, стремясь убить зверя и блеснуть перед отцом. Он ранил кабана, но тот бросился на него. Эдвин встал между сыном и зверем и убил его, но сам был тяжело ранен подстреленным кабаном. Он спас Кэдрику жизнь. На следующий день ближе к заре, когда Эдвин был уже близок к смерти, Кэдрик отказался поклясться умирающему отцу, что будет заботиться обо мне. Мой бедный господин умер, зная, что оставляет меня в опасности.

Потом Уинн объяснила бабушке, как Кэдрик был одержим ею и непоколебимо уверен, что Уинн сможет принести ему детей, чего не сделали ни Эдит, ни другие женщины. Брат и сестра Уинн с широко раскрытыми глазами слушали рассказ старшей сестры. Они посмеялись, когда Уинн поведала им об уловке, благодаря которой женщины спасали ее от посягательств гостей Элфдина, когда Кэдрик сделал ее наложницей зала. Она рассказала им, как Кэдрик в гневе и расстройстве поклялся отдать ее первому, кто в его присутствии на высоком столе овладеет ею, и о Боде и его полудурке-сыне Тови.

— Как замечательно, что ты вырвалась от этого ужасного саксонца, — серьезно сказала Мар, прижимая к себе Аверел, уютно устроившуюся у нее на коленях. — Как бы мне хотелось когда-нибудь встретить человека, который любил бы меня, как принц Мейдок любит тебя, дорогая сестра. — Ее зеленые глаза затуманились тайными мыслями и надеждой на будущее.

— Он будет здесь в нужное время, — сказала ей Уинн. — Тебе надо только подождать, а Дьюи, я знаю, будет относиться к тебе с той же любовью и почтительностью, что и ко мне. Выходи замуж только по любви.

— Да, — согласился Дьюи. — Если он подходит и если он доступен, Мар, клянусь в том, что он будет твой!

С легкой улыбкой Мар взяла свою племянницу, мурлыча что-то себе под нос. Дьюи, весело извинившись, отправился в поле приглядывать за

работами.

— А что Мейдок? — поинтересовалась Энид. — Сможешь ли ты полюбить его вновь, Уинн?

— Я никогда не переставала его любить. Я сама считаю это странным, но так оно и есть на самом деле. И хотя я вновь и вновь ломаю над этим голову, но ответа так и не нахожу, как я могу любить двух мужчин одновременно. Они разные. Теперь, когда один из них потерян, я могу полностью отдать свое сердце другому.

— А что было бы, если б твой саксонец не был убит?

Уинн покачала головой.

— Не знаю. Случись такое, думаю, я убежала бы от них куда глаза глядят и жила бы одна там, где они не могли бы меня найти. Страшно даже подумать об этом. Как я могла бы выбрать? Каждый дал мне по ребенку.

— Гм. — Энид вздохнула, лицо ее стало серьезным. У нее тоже не было ответа на такой возможный вопрос. Господь Бог лучше человека улаживает такие дела.

Глава 20

Мейдок вернулся в Гарнок через восемь дней, привезя с собой не только Риза, но и Несту. Две женщины бросились навстречу друг другу, плача от счастья.

— До этого момента я и не представляла, как по тебе соскучилась, — всхлипывала Уинн.

— Я тоже, — отвечала Неста. — Дай мне взглянуть на твою дочь!

Мейдок говорит, что она восхитительна.

— Он это сказал? — Уинн была ошеломлена. Мейдок, казалось, не очень-то желал проявить хоть какое-то отношение к Аверел. Это больно ранило Уинн, особенно когда она вспоминала любящую заботу Эдвина об Арвеле.

Неста мгновенно поняла мысли Уинн.

— Он на самом деле сказал, что Аверел восхитительна. Он совсем очарован ребенком. Ему просто трудно примирить свои чувства к ней с сознанием того, что она была зачата другим человеком с его женой.

— Это еще одна жестокая рана, которую Брайс нанес Мейдоку, — сказала Уинн.

— Да, — ответила Неста, — но не бойся, дорогая сестра, Мейдок в конце концов примирится с твоими потерянными годами. Главное, что мы вновь все вместе.

— Мейдок должен уничтожить Брайса навсегда, — внезапно сказала Уинн.

— Да, — согласилась Неста. — Поражение, которое мы нанесем Брайсу, озлобит его больше любого другого, перенесенного им раньше. Он не тот человек, чтобы легко принять поражение. Есть только один путь — уничтожить его. Уничтожить окончательно, — Теперь ты видишь, брат Мейдок, — прогремел глубокий голос Риза, — почему я не боюсь оставлять Несту в Сант-Брайде или Пендрагоне. Она идеальная супруга. — Он, довольный, улыбнулся и взял ее хрупкую руку, словно собрался повести вперед. — Посмотри на нее.

Она выглядит, как сказочная принцесса, но кровожадна, как скандинавский витязь, с которым мне случалось иметь дело.

— Разве я не права в моей оценке, мой господин? — решительно потребовала ответа Неста и пристально взглянула на него острым взглядом.

— Ты права, любовь моя. Мы должны вырвать жало у этой змеи,

которая зовется Брайс, раз и навсегда. — Потом Риз улыбнулся Уинн. — Добро пожаловать домой, Уинн из Гарнока! — сказал он и быстро заключил ее в свои медвежьи объятия. Затем, поставив ее обратно на землю, восхищенно произнес:

— Думаю, вы такая же сильная, госпожа, как и моя жена, раз смогли перенести такой плен. Женщины из народа Кимри напоминают закаленные мечи — такие же красивые и прочные.

— Какой прекрасный комплимент, мой господин, — похвалила его Уинн и зарделась от удовольствия. — Я вижу, вы успешно выучились у Несты придавать изящную форму фразе, но чтобы вы не вскружили мне лестью голову, мне бы хотелось знать, обсуждал ли Мейдок с вами мой план освобождения нашего сына. Если да, то что вы о нем думаете?

— Сестра, я думаю, вы совершенно правы в своей оценке лорда Кей, — удивил ее Риз. — Он трус, и лучше всего подступить к нему неожиданно.

— Вы согласны со мной? — Уинн была поражена.

— Да. Это самый удачный способ начать войну против него. Застать его врасплох! Воображаю себе его красивое лицо, когда вы смело входите в его зал, требуя своего сына! — Раскаты смеха Риза отдались в зале Гарнока эхом. — Он может легко захлебнуться собственной желчью, вот будет жалость-то! Это избавит нас от необходимости выпустить ему кишки, как свинье.

Уинн повернулась к Мейдоку, и он пожал плечами в знак согласия.

— Я, кажется, должен склониться перед вашей с Ризом мудростью, дорогая. Я не воин, я человек логики и благоразумия.

— И ты не должен нести ответственность за убийство дьявола. Я сделаю это сам за тот грех, который он пытался совершить с моей дорогой Нестой, когда она была девочкой. Только дьявольское отродье с извращенной душой может обидеть женщину и ребенка.

Уинн побледнела.

— Да, Мейдок уверяет меня, что Брайс не причинит вреда Арвелу. А что, если он уже сотворил зло?

Мейдок покачал головой.

— Я знаю, что о;; ничего не сделал дурного мальчику, — успокоил он жену — Если бы Брайс хотел навредить нашему сыну или даже убить его, он это сделал бы в Элфдине, убедившись, что мы оба знаем о беде.

Он, однако, не пошел на это. Он устроил все тайно, так, что ты сразу не узнала, а я бы вообще оставался в неведении, не найди я тебя, дорогая. Нет, Брайс не тронул Арвела.

— Мы должны отправиться в Кей как можно скорее, — сказала Уинн. Потом обратилась к Ризу:

— Где ваша армия, мой господин? Вы не привели с собой в Гарнок никакой вооруженной силы.

— Мои люди еще четыре дня назад выехали в Кей. Они передвигаются только ночью. Войско, которое я веду, может вызвать подозрение не только у наших соседей, но и у Гарольда Годвинсона в Англии. Теперь, когда он замыслил убить нашего короля, он боится нас. К тому же молва может докатиться до Кей. Брайс не должен быть предупрежден о нашем приближении, не надо, чтобы и англичане вмешивались в это семейное дело. Я отправил послание в Скалу Ворона, чтобы люди Мейдока тоже по ночам подтягивались к Кей. Если мы выйдем завтра вечером, у нас будет достаточно времени, чтобы встретиться с ними.

— Ты тоже поедешь? — спросила Уинн Несту.

— Да, я должна. Я обязана увидеть конец всему этому и убедиться, что Брайс уже никогда не сможет никому из нас навредить.

В тот вечер Мейдок и Уинн уединились в повозке, в которой приехали в Гарнок. Она была поставлена во дворе в стороне от дома. Освобожденная от вещей, она оказалась довольно просторной. На доски был положен матрас, набитый луговой травой и душистым клевером, поверх него перина и несколько овечьих шкур. Отбеленное полотно, закрывающее повозку сверху и по бокам, полностью укрывало их от любопытных взоров. Они лежали обнаженные, лаская друг друга.

— Ты восхитительна, — тихо прорычал он, покусывая плавный изгиб ее бедра.

— Плутишка! — И она игриво шлепнула мужа. — Разве я тебя недостаточно кормлю, что ты пытаешься съесть еще и меня?

— Я люблю угощаться тобой, — тихо прошептал он. Потом он перевернул ее на спину и, вылив из кубка немного вина ей на живот, начал слизывать его языком. — Я пьян от желания, Уинн.

— И такой же грубый, как жеребец.

Ее сердце отбивало бешеный ритм. Как она его любила!

— Да, — признал он и, перекатившись на спину, попросил ее:

— Полюби меня, дорогая! Мне нужно почувствовать твои губы.

Приподнявшись на бок, Уинн посмотрела на распростертого мужа, его налитое кровью твердое естество взметнулось вверх. Она наклонилась и потерлась о него щекой, потом поцеловала рубиновый кончик, высунув язычок, начала нежно водить им по гладкой поверхности головки, при этом крепко сжимая его пальцами.

Он простонал от удовольствия, когда она взяла его в рот, наслаждаясь от теплого соприкосновения ее языка.

— О Господи! — внезапно воскликнул он. — Моя страсть к тебе, моя красивая жена, вот-вот прорвется!

Отпустив его, она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Я еще не ощущаю желаний, — честно призналась она. — Какие вы, мужчины, быстрые, подогретые собственным вожделением и, несомненно, вином. Мы, женщины, возбуждаемся не так быстро. Увы, хотя я доставлю тебе все удовольствия, какие только смогу, Мейдок, мой дорогой господин, я не готова ответить на твою неистовую удивительную страсть.

«Какая из моих прежних женщин могла сделать такое честное признание», — думал он. Другие мужчины, он знал, разгневались бы от такого отказа жены немедленно удовлетворить их желание, с ними никогда не могло произойти такого. Протянув руку, он стал ласкать ее полные груди, висящие над ним, как две луны. Видя, как удовольствие постепенно отражается в ее глазах, он слегка улыбнулся. Его всегда восхищала в Уинн ее восторженная готовность заниматься любовью. Подняв голову, он стал облизывать ее соски, играя с чувствительной розовато-бежевой плотью до тех пор, пока они не сжались. Она зажмурилась от удовольствия. Он обхватил руками ее за талию и опустил голову в глубокую долину между нежными грудями, потерся лицом об ароматную кожу. Запах белого вереска, согретого теплом ее тела, нахлынул на него.

Нежно перевернув ее на спину на мягких овечьих шкурах, он раздвинул ей ноги. Его голова склонилась, и он начал ртом искать ее медовую сладость. Опытный язык стал искусно ласкать чувствительную кораллово-розовую плоть. Она начала под ним корчиться и стонать от истинного наслаждения. Он почувствовал, как в нем нарастало собственное желание, когда она повторяла: «Мейдок! О Мейдок, любовь моя!» — с настойчивостью, которую он тоже узнал.

Когда он дважды довел ее с помощью языка до полного оргазма, он заполнил ее всю своей пульсирующей страстью, неистово скача на ней, пока они оба не достигли общего удовлетворения в третий и последний раз. Потом, лежа рядом с женой, Мейдок заключил ее в свои объятия.

Начался дождь. Уинн лежала счастливая, прислушиваясь к звуку капель, падающих на полотняный верх повозки. В голове ее вертелись разнообразные мысли. Завтра вечером они отправятся в Кей. За несколько дней они доберутся до него. Арвел, ее драгоценный сын! Их сын. Как ей хотелось подержать его на руках Как будет Мейдок гордиться своим маленьким сыном! Ей было интересно знать, для чего Брайс выкрал

ребенка.

Брайс с его ангельским лицом и черной душой. Скоро она это узнает. Дождь прекратился к середине следующего утра, но стало холоднее.

Энид пошарила в сундуках и нашла одежду, которую носила Уинн несколько лет назад, до того, как она уехала в Скалу Ворона. Вместе с Мар они просидели почти всю ночь, переделывая одежду, чтобы Уинн могла одеться потеплее для предстоящего путешествия.

— Это не те элегантные туалеты, которые ты привыкла носить в Скале Ворона, — извинялась бабушка, — но они чистые и теплые, в них ты не промокнешь от дождя и не замерзнешь от пронизывающего ветра.

Уинн ласково поблагодарила Энид, потом добавила:

— Я уже не носила элегантных платьев несколько лет и не стыжусь своей старой одежды. — Она провела пальцами по мягкой шерстяной материи платья-туники. Нижняя туника была подбита кроличьим мехом. И верхняя, и нижняя туники были зеленого цвета, в тон тяжелой зеленой накидки, отороченной волчьим мехом. Уинн заколола накидку красивой серебряной брошью с единственным зеленым агатом посередине.

— Меган привезет для Уинн в Кей более нарядную одежду, чтобы она могла предстать перед моим братом во всем великолепии, — сказал Мейдок Энид.

Аверел уже заснула в своей колыбели, когда они наконец покинули Гарнок. Малышка поняла, что ее мамы не будет с ней некоторое время, но не возражала, потому что с ней остается Мар. Обняв Уинн и шумно поцеловав ее в щеку, она потопала из зала, держась за руку Мар. Потом, внезапно вырвавшись от Мар, побежала через весь зал и бросилась к Мейдоку Он поднял ее, посадил на колени и ласково спросил:

— Что случилось, Аверел?

— Па? — произнесла Аверел, и ни у кого не возникло сомнения, что это был вопрос. По какой-то необъяснимой причине Аверел потребовалось определить, кто в ее жизни Мейдок и она хотела узнать это именно сейчас — Да, зайчонок, я твой па, — ответил Мейдок И, посмотрев поверх маленькой головки, чуть не расплакался от благодарности, которую выражали прекрасные глаза Уинн.

— Па придет? — спросила Аверел.

— Да, па вернется, — успокоил он ее.

Аверел обвила ручонками его шею и обняла со всей своей детской силой. Потом, спустившись с колен принца, побежала обратно к Мар, и они вместе покинули зал.

— Благодарю тебя, — просто сказала Уинн мужу.

— Не стыди меня больше, — тихо проговорил он. — Разве ее отец, Эдвин Этельхард, не принял всем сердцем моего сына? Из-за своей гордости я медлил, но сейчас в присутствии наших семей я говорю, что признаю Аверел Этельхардсдаттер своей дочерью. Я дам ей приданое и буду относиться так же, как к своим собственным детям.

Месяц освещал их путь, когда они выехали из Гарнока. Энид смотрела им вслед шесть лошадей вырисовывались на вершине холма. Дьюи настоял на том, чтобы поехать. Ни Уинн, ни Энид никак не могли отговорить его.

— Ему уже четырнадцать, давно пора набираться боевого опыта, — согласился Риз. — Как вы думаете, сможет он защитить Гарнок в случае нападения, если у него нет военного опыта?

— Но у него также нет наследника, — возражала Уинн.

— Не думаю, что будет битва, — успокоил ее страхи Риз. — Брайс не тот человек, который может рассчитывать на преданность своих людей. Если что и будет, то лишь небольшая стычка. Мы поставим парня в тыл, чтобы он мог наблюдать и учиться, — успокаивал ее лорд из Сант-Брайда, а сам подмигнул Дьюи, который улыбнулся ему в ответ в восторге от заговора.

Когда наступило утро, они остановились в уединенной пещере у ручья, по очереди дежуря и поддерживая небольшой костер. Дьюи поймал днем в ловушку зайца и, ободрав его, сварил. Он был жестким и имел особый запах, но они съели его с аппетитом. Погода оставалась хорошей. Ночью они двинулись в путь.

— Нам повезло, — прогремел Риз. — Я уж подумал, что дождь, зарядивший прошлой ночью, не кончится. Нет ничего хуже, как ехать в дождь, если не в снег.

— Где мы встретим нашу армию? — спросила его Уинн.

— Они будут прятаться в лесу недалеко от Кей и ждать нас. Им придется быть осторожными, чтобы их не обнаружили. Неожиданность — вот ключ к нашей победе, — объяснил Риз. — Когда враг застигнут врасплох, он теряет способность действовать умно или следуя своей интуиции. В большинстве случаев страх движет им, побуждая на неверные решения.

— Риз — блестящий тактик, — с гордостью сказала Неста.

Лорд Сант-Брайда улыбнулся, вполне довольный оценкой своих способностей его любимой женой.

— Когда пойдешь в замок, Уинн, не бойся. Мы немедленно овладеем мостом, а ты предложишь амнистию воинам в замке.

— Если мы хотим застать Брайса врасплох, почему мы не можем

овладеть сразу всем замком? — спросила Уинн. — Ты, кажется, так уверен, что они окажут нам небольшое сопротивление.

— Все верно, — ответил Риз, — но мы не знаем, где твой сын, Уинн.

Хотя мы в силах захватить замок, но где гарантия, что сможем взять в плен Брайса в первом штурме. Если он не будет в наших руках, твоему сыну угрожает опасность. Лучше придерживаться первоначального плана. Поверь мне, никто не может быть удивлен больше, чем хозяин Кей, увидя тебя царственно гордой, входящей в зал, требующей своего сына. — Он усмехнулся. — Ах, Господи, как бы мне хотелось это увидеть.

Уинн ехала молча, вспоминая тот день, когда она видела Брайса из Кей. Сейчас у нее за спиной будет армия, и она будет бороться за своего сына. Она теперь умнее, чем четыре года назад. На этот раз Брайсу не одержать над ней победу. Еще одна утренняя заря и еще один яркий день. Они разбили лагерь в лесной чаще, не разжигая костер. Несмотря на густой лес, их можно было обнаружить по поднимающемуся вверх дыму костра. Смирившись со своей участью, они подкрепились холодными ячменными лепешками с толстыми ломтями гарнокского сыра, сладкими хрустящими яблоками и запили добрым вином, которое согрело их перед сном. Сегодня Неста и Уинн будут в первый раз нести караул. Женщины сами настояли на этом.

— Мейдок сказал, что у тебя два сына, расскажи мне о них. На кого они похожи, на тебя или Риза?

— Младший, Тристан, вылитый Риз. Он шумный, задиристый. Что касается Даффиды, он похож на нас обоих, хотя у него, так же, как у меня, каштановые волосы. Он умный, как Риз, но более вдумчивый.

Сант-Брайд не пострадает, когда Даффид унаследует его. Пендрагон я дам Тристану, потому что он будет постоянно горячиться под властью старшего брата. Но расскажи мне о своем Арвеле.

Уинн улыбнулась.

— Он — копия отца. Спокойный мальчик, постоянно наблюдающий и слушающий. Он и Даффид будут хорошими товарищами друг для друга.

— Помню, мама говорила, что Мейдок был таким же в детстве. Он совершенно не был похож на горячего Брайса. Мейдок подумает, прежде чем сделать что-то. Брайс же просто действует, не думая о последствиях — Вот это и пугает меня, — сказала Уинн. — Что Брайс будет действовать. Зачем ему понадобился мой сын?

Неста покачала головой.

— Только в извращенном мозгу Брайса можно найти ответ, дорогая Уинн.

Погода благоприятствовала им. Они ехали в холодной ясной ночи.

Луна прибывала и своим светом серебрила ландшафт. Они медленно продвигались вперед, приближаясь к замку Кей. Уинн плотнее завернулась в свою накидку с капюшоном, подбитым мехом. Резкий ветер сек лицо. Пальцы окоченели в меховых рукавицах из хорошо продубленной кожи козленка. «Согреюсь ли я когда-нибудь?» — думала Уинн.

Как ей хотелось очутиться в хорошо протопленном зале у пылающего очага и отогреть руки и ноги.

Они ехали несколько дней, пока наконец однажды ночью в пути Мейдок не объявил:

— До зари мы доедем до Кей. Меган уже должна быть там. У тебя будет достаточно времени, дорогая, чтобы переодеться.

Уинн устало кивнула.

— Не могли бы мы день передохнуть? Я так устала.

— Горячая еда вернет вам силы, моя госпожа, — вступил в разговор Эйккон и, протянув руку, похлопал ее по плечу.

— Он прав, — сказал Мейдок. — Мы не смеем задерживаться больше, чем нужно, под носом у Брайса, иначе потеряем наше преимущество перед ним, Уинн.

— Горячая еда, — вздохнула Уинн. — Как ты думаешь, это будет тушенная оленина? Или барашек?

— Если съешь много, захочешь спать. Тебе, Уинн, надо отдохнуть ровно столько, чтобы восстановить твои силы, — советовал Риз.

Неста бросила на Уинн сочувствующий взгляд. Она устала так же, как и ее подруга, но ей по крайней мере не надо было идти в замок и бросать вызов Брайсу.

— Неужели ты не устал, Риз? — спросила Уинн.

— Нет. С каждым шагом, приближающим меня к Кей, я ощущаю прилив сил. Битва или сама мысль о ней возбуждает меня. Я люблю это!

Битва волнует меня, будоражит мне кровь и заставляет бешено биться мое сердце. Я ощущаю полноту жизни, как никогда!

— Бедный Риз, — рассмеялась Неста. — У него было так мало волнующих минут после нашей свадьбы, кроме тех, которые он переживал в нашей постели. Разве не так, мой господин? Я не позволю ему больше играть в войну с другими мелкими лордиками, если, конечно, на нас не нападут.

Риз усмехнулся.

— Ты, моя дорогая госпожа, предложила мне взамен множество приятных и бесконечных восторгов Тем не менее должен признать, что с

нетерпением жду этого рискованного предприятия. Мне доставит наслаждение убить Брайса, потому что никто другой не заслуживает быть убитым.

— При твоём умении владеть оружием я не сомневаюсь в этом, — сказала Неста, — но берегись моего брата Брайса. То, что ему недостает в ловкости, он восполняет хитростью. Не ошибись, полагая, что он благородного происхождения и будет вести себя по-рыцарски. Загнанный в угол, он постарается одержать победу честным или грязным путем. Ему все равно, каким! Не давай ему пощады!

— Меня беспокоит, что ты взял на себя роль палача Брайса, — произнес Мейдок. — Чувствую, это должен сделать я.

— Нет. Смерть Брайса не должна лечь у твоего порога, и тебе не следует пачкать руки его кровью, Мейдок Пауиса. Боюсь, это позволит твоему брату одержать окончательную победу над тобой. Мы не дадим ему такой возможности! Он умрет, зная, что окончательно проиграл. Что его семья восторжествовала над ним. Нет! Он не должен одержать победы!

Глава 21

Личные покои Брайса располагались в северной башне замка Кей.

Ему нравилось, что окна выходят на север, потому что ни солнце, ни луна не поднимались в том направлении и во время своего ежесуточного путешествия по небосклону их свет лишь ненадолго касался его комнат, в которых обычно было холодно от резкого северного ветра.

Ему нравился холод. Даже ребенком он не любил тепло.

Покои были обставлены с роскошью и тщательно вычищены, поскольку Брайс терпеть не мог беспорядка и грязи. Изысканные гобелены закрывали стены. На них изображались сцены любовных извращений, совершенно не подходящие человеку духовного звания. Их выткали шесть монахинь в ближайшем монастыре, которые облегчали свою скуку, время от времени наведываясь в постель Брайса. Мебель была сделана из тяжелого, хорошо отполированного дуба. В покоях было еще одно удобство, известное немногим. В спальне епископа за одним из гобеленов была дверь, ведущая к крепостному валу замка. Таким путем Брайс мог попасть в любую часть замка в непредвиденном случае.

Вот именно такой случай и подоспел, когда взволнованный слуга пытался разбудить своего господина.

— Ваша светлость! Ваша светлость! — Он нежно похлопывал по плечу Брайса.

Ледяные глаза мгновенно открылись, Брайс сел.

— В чем дело? Не разбуди ребенка, а то тебе не поздоровится. — Лицо мальчика было еще в слезах после вчерашнего вечера, когда Брайс отхлестал его за то, что Арвел хотел спать в комнате кормилицы, а не в покоях своего дяди. «Мальчик быстро научится повиновению», — с мрачным удовольствием подумал про себя Брайс.

— Ну, зачем ты разбудил меня в этот немыслимый час? — грозно спросил он слугу. — Если это несерьезно, ты пожалеешь о своей ошибке. — И он холодно посмотрел на него.

— Мой господин, — начал слуга, стараясь скрыть огромное и глубокое удовлетворение от того, что собирался доложить своему ненавистному хозяину, — мы в осаде, мой господин. Я подумал, что вы захотите узнать это. — Он учтиво поклонился к на несколько шагов отступил назад, чтобы избежать возможных ударов.

Глаза Брайса сощурились от размышлений.

— Кто смел осадить замок Кей? — громко спросил он.

— Не могу сказать, но, несомненно, они скоро откроют себя, — смело ответил слуга.

— Пошел вон! — прикрикнул на него Брайс, свешивая ноги с кровати. Поднявшись, он натянул через голову рубаху, наклонившись, надел чулки и сапоги. Из сундука вытащил шелковый кафтан переливчатого синего цвета с богатой вышивкой, подбитый куницей, и надел его.

Потом, убедившись, что мальчик спит, приподнял гобелен и проскользнул в маленькую дверь. Он быстро поднялся по ступенькам, толкнув опускающую дверь на верху лестницы, влез на сторожевую площадку.

— Мой господин! — Один из воинов бросился помочь ему.

Брайс отпихнул его и, подойдя к зубчатой стене, уставился вниз.

Ровное открытое место, которое он так тщательно очистил перед замком, было заполнено воинами, стоящими плечом к плечу, ряд за рядом.

Заходящая луна, еще достаточно яркая, бросала призрачный свет, который падал на верхушки шлемов собравшихся воинов, придавая им зловещий вид. Не было слышно ни звука. Брайс понятия не имел, кто они, и в раздражении слегка посвистывал.

— Что нам делать, мой господин? — спросили его воины.

Епископ Кей беспомощно посмотрел на солдата и произнес:

— Почему ты меня спрашиваешь? Я не воин. Кроме того, они не проявляют враждебности к нам. Они только стоят перед нашими воротами. — Пожав плечами, он пошел прочь от стены и вернулся вниз в свои покои. Присев на корточки возле кровати на колесиках, он стал будить Арвела.

— Просыпайся, мой племянник. Уже почти утро.

Поставив полусонного мальчика на ноги, он быстро одел его, потом, взяв на руки, понес его вниз в зал.

Саксонская женщина, Пта, бросилась навстречу и взяла у него Арвела.

— Я покормлю его, мой господин, — сказала она, быстро наклонив голову, чтобы избежать его взгляда.

Он кивнул, задумчиво разглядывая ее. Она была хороша собой, с большой пышной грудью и широкими бедрами. Она, без сомнения, недурна в постели. Он позабавится с ней, прежде чем продаст ее обратно Рори Бэну, когда тот в следующий раз будет проходить мимо. Придет время, чтобы стереть из памяти Арвела счастливые детские воспоминания. Его племянник должен привыкнуть к суровой реальности.

Его мысли обратились к мальчику, когда Гита кормила его с ложки горячей кашей. Сын Мейдока! Его единственный сын! Единственный

наследник. У него в руках сын ненавистного брата! Брайс улыбнулся.

Он отобрал у Мейдока его жену, но это было лишь началом мести.

Мейдок, кажется, не очень-то пострадал от потери жены — женщине действительно легко найти замену. Первого сына, однако, не восполнить никем, и самое главное, что Мейдок даже не подозревает о существовании мальчика. Для этого еще придет свой черед. Так размышлял Брайс, и улыбка показалась на его лице.

Он отправил Рори Бэна обратно в Мерсию, когда решил, что мальчика можно отнять от груди и он выдержит дальний путь.

— Привези мне ребенка. Если это мальчик, тем лучше, но маленькая девочка тоже сгодится. — Мальчика он может вырастить как своего собственного сына, научить его ненавидеть то, что ненавидит Брайс, а под этим, конечно, подразумевается Мейдок. Он так крепко привяжет к себе племянника, что Мейдоку никогда не удастся отогреть холодное сердце Арвела. А когда мальчик будет достаточно взрослый, скажем, лет четырнадцати, он привезет его в Скалу Ворона, чтобы оттеснить других детей, которых вторая жена родит его брату. Наследник, которого научили ненавидеть и презирать собственного отца! Наследник Скалы Ворона, приученный к настоящему злу, чьей главной задачей будет убить отца и, возможно, братьев. Это была безупречная месть!

А если юная жена Мейдока родила дочь, тогда у него в голове есть другой план. Он заботливо вырастит девочку, посвятив ее в восторги плоти как можно раньше. Он сам лишит ее девственности и заставит девушку полюбить его так, что она готова будет выполнить любое его приказание. Он надеялся, что она будет похожа на свою мать. Тогда в один прекрасный день, когда она вступит в пору своего совершенства, он введет ее в замок брата и велит соблазнить Мейдока. Она, конечно, не будет знать, что он ее отец. Когда она по-настоящему устроится у Мейдока в качестве любовницы и в ее чреве будет зреть его ребенок, он откроет правду своему брату. Что его возлюбленная — его дочь! Что ребенок, которого она носит, не только его отпрыск, но еще и его внук или внучка! Брайс чуть не рассмеялся вслух над этим планом и не мог выбрать, какая месть лучше. Он будет полагаться в выборе на судьбу А судьба послала ему племянника.

Арвел был сильным, здоровым и умным мальчиком. Он будет легко учиться, когда он отучит его от детских присычек. Он разрешил Рори Бэну купить и кормилицу Как мудро заметил работорговец, ему еще потребуются уход женщины. Он будет чувствовать себя более спокойно с кем-то знакомым и поэтому вряд ли заболеет или умрет или, что еще хуже, по мнению Брайса, невзлюбит лорда замка Кей, которого он должен научиться

любить, доверять ему и бояться.

Брайс медленно потягивал свой утренний эль. Он умел терпеливо ждать, а терпение ему сейчас нужно как никогда. Пройдет десять — двенадцать лет, прежде чем он представит племянника отцу. Он сочинит историю, которую расскажет Арвелу, как получилось, что он стал жить с любящим дядей. Он не станет говорить об этом с мальчиком, пока тот не спросит, а это, он знал, будет лишь через несколько лет. К тому времени Арвел мало что сможет помнить о своей прежней жизни. В его памяти останутся лишь годы, прожитые в Кей. Брайс поведает своему племяннику, что отец выбросил его с матерью из замка, когда влюбился в другую женщину и захотел сделать ее своей женой. Так как Мейдок не умер от горя, потеряв Уинн, Брайс знал, что ему придется жениться вторично, и чем скорее, тем лучше. В конце концов, Уинн исчезла три года назад. Он может даже сделать вид, что желает помириться с Мейдоком и Нестой, чтобы иметь доступ в их жизнь и поощрить Мейдока к новому браку, что, как он знал, всем сердцем одобрит его сестра. Да, пора Мейдоку жениться. Но ни он, ни Неста не должны знать об Арвеле. Пока не наступит нужный момент.

На лице его вновь появилась улыбка, и он усмехнулся. Арвел будет обучен ненавидеть Мейдока слепой беспричинной ненавистью. Он будет неустанно повторять мальчику как он с матерью был выброшен из замка, чтобы отец мог предаваться удовольствию с другими женщинами. Его будет терзать присутствие сводных братьев и сестер, любимых отцом, которых он балует и которому безразличен его первенец, самый достойный среди них и жестоко им брошенный.

Он взлелеет в Арвеле такое желание заполучить замок Скала Ворона, что когда придет время познакомиться с Мейдоками, он будет жаждать смерти отца, чтобы овладеть его богатством и титулом. Он захочет убить человека, который отстранил его от себя и виновен в смерти красивой и нежной матери.

Брайс бросил взгляд в зал. Уинн Гарнока. Она стояла перед ним в великолепном платье-тунике зеленого цвета, расшитом узором из золотых дубовых листьев и желудей. Талия была перехвачена поясом из золотых дисков, скрепленных друг с другом, а в центре каждого был вправлен круглый полированный агат, тоже зеленого цвета. Вокруг шеи висело золотое ожерелье с жемчугом, а в ушах висели в тон ожерелью жемчужные капли.

Ее прекрасные волосы, разделенные на прямой пробор, были заплетены в одну косу, которую украшали золотые ленты и мелкие

жемчужины. Густой мех темно-коричневой куницы украшал кайму и широкие рукава ее платья. Вокруг лба лежал обруч, выложенный драгоценными камнями.

Уинн Гарнока. Она была самой красивой женщиной, которую он когда-либо знал. Даже Неста недостойна держать ей свечу. Как часто он сожалел, что не овладел ею в ту ночь, когда она была его пленницей. Насилие доставило бы ему удовольствие, он показал бы ей, насколько он лучший любовник, чем его брат, Мейдок. Он насладился бы ее мольбами, но в таком случае у нее мог быть выкидыш, и месть тогда была бы неполной. Его самоконтроль достоин похвалы, подумал Брайс.

Ах, прекрасная Уинн Гарнока! Со вздохом сожаления он закрыл глаза, чтобы отбросить видение, но оно не исчезло.

Брайс плотно прикрыл глаза, но когда открыл их вновь, она все еще стояла на прежнем месте, улыбаясь ему. Не может быть! Он почувствовал, как боль сжимает ему грудь. Он попытался перевести дух. Она начала приближаться к нему; слегка приподнявшись, Брайс перекрестился, словно отгонял дьявола.

Раздался смех Уинн и прозвенел колокольчиком в зале.

— Это чудо, что крыша не упала на нас, Брайс, — поддразнила она его. — Что за кощунство взывать к крестному знамени!

— Ты лишь плод моей фантазии, — смог проворчать он.

— Скорее твоей преступной совести, но увы, я вполне реальна, дорогой. Я вернулась из Мерсии, куда ты меня отправил, и пришла за своим сыном, Арвелом. Верни его мне.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — напрасно лгал Брайс, его холодный взор устремился туда, где Пита кормила Арвела. Саксонская женщина дрожала от страха в тени, обхватив мальчика.

— Верни мне моего сына! — повторила Уинн, теперь ее голос звучал жестко и настойчиво. — Мне неизвестно, для каких мстительных или извращенных цепей ты похитил моего сына, но я хочу вернуть его, Брайс, и я его верну! Мейдок мечтает поздороваться со своим наследником.

— Где мой брат? — Потом в глазах его загорелась догадка. — Он там, за воротами, верно?

— Да.

— Если он так хочет получить ребенка, моя прекрасная Уинн, почему тогда он не прибегнет к своему хваленому волшебству? Я ожидал этого от Мейдока, — глумился он.

— Сегодня не будет волшебства, Брайс. Дело не в нем, а в тебе и твоём зле, которому придет конец. Теперь отдай мне сына! — Уинн стояла с

решительным видом перед высоким столом.

— Моя госпожа! — позвала Гита. — Мы здесь.

— Гарри! — пролаял лорд Кей, и мгновенно выскочил громадный стражник — Отнеси ребенка в мои покои. Что же касается тебя, саксонская предательница, — обратил он свое внимание на Гиту, — ты сегодня же оставишь Кей, и благодари Бога, что я не накажу тебя, как ты этого заслуживаешь! Госпожа может рассказать тебе, как я ловко умею хлестать по спинам своих слуг Стражник потянулся за Арвелом, который тотчас начал кричать:

«Мама! Мама!», в то время как Гита смело пыталась удержать своего маленького подопечного. Сильным рывком Гарри удалось вырвать Арвела и броситься бегом с мальчиком, который теперь громко выл во всю силу своих легких. Плачущая Гита бросилась к Уинн.

— Все в порядке, Гита, — нежно успокоила она обезумевшую от горя кормилицу. — Теперь уходи из замка. За воротами ты будешь в безопасности с моей служанкой Меган. Я скоро принесу тебе обратно Арвела.

— Неужели ты думаешь, что она так свободно пройдет через мои ворота? — высокомерно спросил Брайс, когда Гита бросилась из зала.

— Твои ворота уже взяты моим мужем и лордом Сант-Брайда. Тебе также следует знать, что все твои воины, кроме тех, которые в замке, уже сдались нам. — Она повернулась и обратилась к нескольким оставшимся людям Брайса:

— Мы предлагаем амнистию тем из вас, кто присоединится к своим товарищам и уйдет с миром.

Брайс с горечью рассмеялся, когда горстка людей опрометью бросилась из зала.

— Паразиты! Негодяи! — кричал он вслед. — Я еще одержу сегодня победу, и вы приползете ко мне. Не вздумайте, ибо я убью любого, кто вернется, голыми руками!

— Ты побежден, Брайс Кей. Выходи теперь и посмотри своей смерти в лицо, как человек, а не трусливое подлое существо.

— Моей смерти? — Брайс по-настоящему поразился. — Что ты хочешь сказать этим? Ты победила. Что еще ты хочешь от меня?

— Мы хотим твою жизнь, — торжественно произнесла Уинн.

— Мою жизнь? Вы хотите мою жизнь? — Почему он повторял все, что она говорила?

— Твою жизнь, дьявол! — глубокий голос Риза Сант-Брайда прогремел в зале, и могучий лорд в полном вооружении вышел вперед,

готовый к битве.

— Я не буду сражаться с вами, — дерзко ответил Брайс, — я не воин, как вы!

— Ты будешь драться со мной, трус. У тебя нет другого выбора, как умереть от моего меча, подобно собаке! Прежде чем кончится этот день, ты будешь в аду, где тебе и надлежит быть. Ты более чем кто-либо заслужил страдания за эти грехи.

Брайс взглянул в зал. Он медленно заполнялся воинами. Он нервно пододвинулся к высокому столу.

— Где мой брат Мейдок и сестра Неста? — хныкал он, как ребенок — Ты их больше не увидишь, — отвечал ему Риз.

— Вы откажете осужденному человеку в последней просьбе? — Брайс жалобно скулил, пытаясь выдавить из себя слезу — Ха-ха-ха, обманщик! Не думай вызвать мое сочувствие своими лживыми слезами. К подобным тебе у меня нет жалости.

— Уинн, я взываю к тебе! — выл Брайс, протягивая тонкие длинные руки.

— Я тебе ничего не должна, — холодно ответила она. — Ты похитил меня у мужа, продал в рабство вместе с неродившимся ребенком. Ты причинил Мейдоку и мне боль намного большую, чем ты когда-либо знал. Я ничего тебе не должна, потому что ты не первый раз встаешь между нами, и я думаю, ты это хорошо знаешь.

— Непохоже, чтобы ты сильно пострадала в рабстве, в которое, как ты заявляешь, я тебя продал, — сказал он с насмешкой.

— Только не благодаря тебе, Брайс Кей! — гневно бросила Уинн.

— Хватит разговоров, — резко сказал Риз. — Пора, трус!

Брайс рванулся из-за укрытия высокого стола и, мотнувшись через угол зала, исчез через маленькую дверь, спрятанную за стулом с высокой спинкой. С яростным ревом Риз бросился за ним, следом Уинн. Они очутились в небольшом внутреннем коридоре, который вел к каменной лестнице. Над ними раздавался топот ног убегающего Брайса, Риз и Уинн начали быстро подниматься по ступеням.

— Лестница, вероятно, ведет в его покои, — закричала Уинн, следуя за Ризом. — Он не даст загнать себя в ловушку. Там есть еще один выход.

— Не бойся, — отозвался Риз. — Я отыщу нору этого ничтожного дьявола и отправлю его душу в ад, не пройдет и часа!

На верху лестницы они натолкнулись на запертую дверь, но, не желая упускать из рук добычу, Риз быстро вышиб ее. Они ворвались в прихожую. Впереди них захлопнулась дверь. Они поспешили открыть ее, но Ризу

пришлось опять проламываться через дубовую дверь, которая легко поддалась под его могучими ударами, как раз в тот момент, когда Брайс и его единственный оставшийся стражник выскочили через другую дверь, но закрыть ее не было времени.

Они бежали вверх по узкой лестнице, Риз пыхтел под тяжестью своих доспехов, но тем не менее не терял боевого духа. Уинн слышала перед собой плач своего сына. Отчаянные всхлипывания Арвела разрывали ей сердце. «Господи, — молилась она про себя, — спаси и сохрани моего сына!

Не дай нам потерять его». Она пробежала еще один поворот лестницы и увидела перед собой уже открытую опускную дверь и протискивающихся сквозь нее Брайса и Гарри. Когда незадачливый стражник попытался захлопнуть перед ними дверь, Риз, оскалившись, громко прорычал:

— Попробуй сделать это, и ты мертвец!

Гарри, все еще держа Арвела за талию, отпрянул назад, весьма напуганный.

Потом они все оказались на крыше замка. Риз глубоко вздохнул и произнес:

— Теперь давай сразись со мной, ты, ублюдок, и покончим с этим фарсом!

— У меня нет оружия, — захныкал Брайс.

— Дай ему твой меч! — приказал он Гарри, и стражник благополучно освободился от оружия и передал его хозяину.

Брайс в гневе посмотрел на него и пожаловался:

— Этот меч не для благородного человека.

— Это твой единственный шанс, ты, трусливый, пускающий соплю дьявол, — презрительно бросил ему Риз и, подняв свой палаш, он нацелился на врага, который зашатался, но, удачно отразив удар, отскочил назад.

С беспощадной точностью лорд Сант-Брайда гнал своего врага через крышу замка к зубчатой стене вдоль края. Четко вырисовываясь на фоне ярко-голубого полуденного неба, сражались два человека. Яростно звенел металл, когда хорошо закаленные палаши ударялись друг о друга, и звон этот эхом отдавался в чистом тихом воздухе.

А внизу все обитатели замка вместе с воинами Риза и Мейдока, сбившись в кучки, будто загипнотизированные, смотрели вверх, где разыгрывался завораживающий и вместе с тем ужасающий спектакль. Это была битва не на жизнь, а на смерть, и воины наблюдали в большинстве своем с открытыми ртами. Меган и Гита, коленопреклоненные, горячо

молились Господу Богу, чтобы он сохранил жизнь лорду Сант-Брайда и помог одержать победу над злым лордом Кей. Неста, однако, не сомневалась в способности мужа одолеть ее брата.

— Это лишь дело времени, — тихо сказала она Мейдоку.

— Ты не чувствуешь угрызений совести или грусть? — спросил он ее. Неста покачала головой.

— Нет. Как я могу, дорогой брат? Как можешь ты? Однако я понимаю, что в твое доброе сердце закралась жалость к Брайсу, несмотря на все зло, которое он причинил тебе. Вероятно, ты лучше меня. Я не понимаю этого, но знаю, что Брайс должен умереть, чтобы мы были в безопасности. Просто нет другого пути.

— Интересно, извлечет ли он из этого урок? — произнес вслух Мейдок.

— Этого я не могу тебе сказать. Его так переполняют зависть, гнев и горечь! Чувствую, он всегда будет опасен для нас и самого себя. Может быть, со временем. — Она перевела глаза на Стену замка, где сражались насмерть ее муж и брат.

Уинн тоже следила за поединком. Если она и боялась, то не осознавала этого, поскольку все ее мысли были заняты сыном. Она взглянула на Гарри.

— Дай мне Арвела, — мягко попросила она.

Он покачал головой.

— Не смею, госпожа, пока это не закончится, — ответил стражник, и она пожалела его, находящегося между двух огней. С Арвелом ничего не случится. Уинн знала, что Гарри не причинит вреда ее ребенку.

— Перестань плакать, Арвел, — сказала она малышу. — Мама здесь, рядом, ты у Гарри в безопасности, и мы скоро поедem домой.

Арвел засопел, но, успокоенный, прекратил реветь и смотрел на мать широко открытыми глазами.

Уинн перевела взгляд на сражавшихся мужчин.

Не спеша и обдуманно Риз дрался с Брайсом, осыпая уларами и тесня его назад и приближая его конец. Он изматывал соперника для окончательного улара. Большое сердце Риза колотилось от напряжения. Пот горячими ручьями стремился по лицу и холодными — по спине. Ни на Ризе, ни на его противнике не было кольчуг, потому что лорд Сант-Брайда считал недостойным сражаться хорошо вооруженным, когда его враг не защищен. Риз полагался на собственное умение. Он вынужден был признать, что Брайс хорошо владел оружием, несмотря на все его уверения в обратном. Он, однако, видел, что изнеженная и чувственная жизнь, которую вея Брайс, с обилием прекрасной еды и еще более прекрасных вин,

подточила его силы «Я хочу побыстрее положить этому конец», — внезапно подумал Риз. Он знал, что чем дольше свирепствует их дуэль, тем вероятнее случайный удар врага, который может серьезно покалечить или даже убить его. Он хотел жить долго и счастливо с красавицей Нестой и своими сыновьями, которые еще слишком малы, чтобы остаться сиротами. С внезапным неистовым боевым кличем, который поразил всех, а Брайса особенно, Риз обрушил серию яростных ударов на противника, заставляя Брайса пасть на колени.

Ужаснувшись, что неминуемая смерть глядит ему прямо в глаза, Брайс выискал способ спасти свою жизнь самым низким, бесчестным образом. Движимый инстинктом самосохранения, который удивил даже его самого, он проворно нагреб пригоршню грязи и мелких камней и швырнул прямо в лицо Ризу. Слепленный Риз мог только беспомощно колотить Брайса, который встал на ноги и поднял палаш, чтобы сразить насмерть лорда Сант-Брайда. Ужаснувшись от такого поворота событий, Уинн пронзительно закричала от отчаяния.

Пока шел поединок, день начал убывать, и вот на фоне облагороженного закатными лучами неба появился огромный черный ворон. Он устремился вниз с хриплым криком, целясь прямо в голову и лицо Брайса. От изумления Брайс выронил оружие, безуспешно пытаясь защититься от громадной птицы Ворона, однако, это неупержало от его явной цели уничтожить Брайса Кей. На фоне пламенеющего оранжево-золотого неба большая птица с яростными криками обдуманно теснила Брайса. На его красивом лице и руках, которые он поднял, чтобы закрыть себя, было уже несколько открытых кровоточащих ран от острого клюва ворона. Птица била врага своими большими крыльями. Брайсу некуда было деться.

С пронзительным криком ворон в последний раз налетел на Брайса и сбросил его вниз. Тело упало на подъемный мост с громким и неприятным звуком. Оно распласталось лицом вверх, давая возможность стоящим поблизости взглянуть на лицо Брайса, искаженное яростью, удивлением и ужасом.

— Мейдок! — прошептала Уинн, когда ворон с торжествующим криком взмыл в пылающее алое небо. Потом она повернулась и свирепо обратилась к Гарри:

— Давай моего ребенка!

Не говоря ни слова, стражник швырнул Арвела в руки матери, и Уинн, прижав к себе сына, пролезла через опускающую дверь и заторопилась вниз по лестнице. Она пролетела через покои Брайса, потом опять по следующей лестнице вниз в тепер уже опустевший зал. Едва ступив ногами на землю,

она бросилась прочь из замка Кей, коснувшись на мосту подолом платья тела Брайса и, оглянувшись, посмотрела вверх.

Вдруг, к ужасу ее и Несты, раздался голос:

— Проклятая наглая птица!

И откуда-то из-за рядов стоящих воинов вылетела стрела, попав ворону в грудь. Птица тяжело упала на землю. С криком Уинн толкнула Арвела к Гите и бросилась к тому месту, где лежал ворон. Упав на колени, она взяла бедную птицу на руки и услышала его слабый голос:

— Мейдок из айм дом. Мейдок из айм дом. Ти... си... Мейдок!

Стоящие вокруг них испуганные воины одновременно отпрянули назад от неожиданности.

— Это принц! — услышала она.

— Моя дорогая любовь, — причитала Уинн, и слезы текли по ее бледному лицу — Чем ты заслужил такой конец?

— Я убил брата, — слабо ответил он. — Увы, дорогая, кажется, иного пути не было.

— С Арвелом все в порядке, — сказала она, когда дрожь прошла по всему телу.

На миг затуманившиеся глаза Мейдока прояснились, и он прошептал:

— Покажи мне моего сына.

— Гита! Принеси Арвела! — закричала Уинн.

И когда Гита, испугавшись, попятилась назад, Неста взяла племянника из рук саксонской девушки и поднесла его Мейдоку.

Мейдок полюбовался сыном и с удивлением сказал:

— Он похож на меня. Это хорошо, дорогая.

Затем глаза его быстро начали тускнеть, и, видя это, Уинн горько заплакала.

— Мейдок! Мой господин и моя любовь! Не оставляй меня!

Она нежно прижала его к себе, ее темные волосы, которые распустились во время погони за Брайсом, теперь закрыли их, как занавес.

Ее обильно текущие слезы намочили спереди ее платье и его кафтан.

— Ты выживешь, дорогая, — так тихо прошептал он, что ей пришлось наклониться к нему еще ближе, чтобы услышать его. — Ты должна! — Потом его душа покинула тело, и он ушел от нее.

— Мейдок! Мейдок! — отчаянно звала она. — Не уходи, любовь моя!

Не уходи! Ты должен узнать Арвела! И есть другой! Я не сказала тебе о новом ребенке, которого должна родить тебе и который растет у меня под сердцем! Ребенок нашего воссоединения! Мейдок!

Неста, вернув Арвела Гите, теперь наклонилась и нежно помогла Уинн

подняться на ноги. Она тоже заплакала при виде мертвого тела ее любимого брата. Риз, шатаясь, появился на подъемном мосту, все еще полуслепой от песка, который бросил в него подлый противник — Что случилось?

— Ты разве не видел? — проговорила Уинн.

— Что не видел? — спросил Риз. — Я почти одолел Брайса, когда этот ничтожный ублюдок бросил мне в лицо грязь, и я на некоторое время ослеп. Все, что я мог слышать, это хлопанье крыльев и крик птицы. Я ничего не видел.

— Мейдок спас тебя, — сказала ему Уинн. — Хотя он поклялся никогда больше не изменять облик, он нарушил клятву, чтобы поразить Брайса и спасти тебя, Риз. Теперь он мертв! Прострелен стрелой одного из наших людей. — На мгновение слезы опять бурно потекли из ее глаз.

Потом она проговорила:

— Пойдем, мой господин. Я должна приготовить тебе из трав примочки для твоих глаз. Не думаю, чтобы серьезно пострадало зрение, но глаза скорее всего поцарапаны и требуют моего ухода. Неста, отведи мужа в замок — У нее такое холодное сердце, — сказал Риз Несте, когда они вновь вошли в Кей. — Ее муж умер, она всплакнула, а потом сказала, что полечит мои глаза. Слава Богу, у меня ты, мой ангел!

— Дорогой Риз, — ласково сказала Неста, — ты никогда не понимал Уинн Гарнока. Она любит моего брата всем своим существом. Она до смерти будет оплакивать его, и обещаю тебе, она никогда не выйдет второй раз замуж. Она вырастит Арвела и нового ребенка, которого носит, в любви к отцу, словно он живет рядом с ними. Они будут знать его, как живого, а не просто чтить его память. Ее скорбь будет всегда ее тайной скорбью, как и ее любовь к Мейдоку Она холодна сердцем! Нет, ее сердце разбито, но она будет продолжать жить, как хотел этого Мейдок, и она выживет, чтобы вырастить своих детей. Мейдок всегда будет в ее сердце и повседневных мыслях. Что у них есть, было и будет снова — это любовь, которую время не может уничтожить. Дорогой Риз, мой дорогой господин! Я так тебя люблю! — И Неста Пауис обвила руками мужа и страстно поцеловала его. — Я никогда не смогу отблагодарить Мейдока, — проговорила она, и Риз знал, что именно имела в виду его жена. Мейдок спас ему жизнь.

Он ласково освободился из объятий Несты.

— Мы должны помочь Уинн, — сказал он.

— Ты должен предложить ей помощь, но позволь ей самой решить, принять ее или нет, — ответила Неста, и он кивнул в знак согласия.

А за стенами замка тело Брайса подняли с моста.

— Что нам с ним делать, госпожа? — спросил Уинн капитан стражи, не видя поблизости никакого другого авторитета.

— Положите его в замке на высокий стол. После того, как я полечу глаза лорда Сант-Брайда, мы покинем это место, но прежде подожгите замок. Он должен быть полностью уничтожен.

— Но уже ночь, госпожа, — запротестовал капитан.

— Ты будешь искать здесь приют? — спросила его Уинн, и он отрицательно покачал головой.

— А что с моим лордом Мейдоком? — взволнованно спросил капитан.

— Мы отвезем моего господина в Скалу Ворона. Приготовьте носилки для его тела, чтобы можно было нести с почетом и достоинством, которых он заслуживает.

— Мне найти лучника, госпожа?

Зеленые глаза Уинн сурово посмотрели на воина.

— Зачем? Он не знал, что делает. Я не хочу никого наказывать. Я прощаю лучнику, кто бы он ни был. И кто он был, не хочу знать!

Она отвернулась от капитана и вошла в зал, чтобы заняться глазами Риза.

Ее желания были немедленно исполнены. Когда она закончила лечение глаз лорда Сант-Брайда, Брайса положили на стол, холодного, одеревеневшего. Они навалили на него мебель, тряпки, хлам — все, что могло хорошо гореть. В верхних помещениях замка по углам, щелям уже разбросали пылающие головешки. И вот Уинн взяла факел и зажгла погребальный костер Брайса. Алые языки пламени взметнулись вверх, бросая на стены замка темные пляшущие тени. Несколько минут Уинн стояла, наблюдая, не в силах уйти, пока не увидела, как огонь начал пожирать тело Брайса.

Потом, почувствовав на руке прикосновение Риза, она наконец повернулась и медленно вышла из большого зала замка Кей. Уже снаружи, на другой стороне подъемного моста, она остановилась и вновь посмотрела, как горит замок, теперь уже весь объятый пламенем. Он стоял, как маяк на фоне темного ночного неба, однако Уинн не ощущала тепла огня.

Мейдок умер. Слова жгли ее сознание, как головоломка. Она вновь его потеряла, в тот момент, когда их воссоединение дало ей надежду, что трудности у них позади и что они будут вместе всегда. Однако выбор остался за Мейдоком. Конечно же, он не выбирал смерть, но он просто не мог допустить, чтобы погиб его друг. Риз, чье чувство чести не позволило Мейдоку уничтожить Брайса, теперь был обязан своим существованием

великой жертве принца. Поступок Мейдока имел, конечно же, отношение к ней и Арвелу, печально подумала Уинн. Какие бы грехи он ни совершил против них в другом времени и месте, они, конечно, были искуплены бескорыстным отказом от собственной жизни в этом времени и месте. Горькое утешение, но она поняла смысл происшедшего.

Неожиданно в ее холодную руку скользнула маленькая ручка, и она услышала голос сына:

— Где мой дядя, мама?

Уинн посмотрела на него.

— Арвел, твой дядя мертв. Он никогда больше не обидит тебя.

Арвел кивнул ей, напоминая Мейдока, и сердце Уинн отозвалось болью.

— Мы можем ехать домой, мама?

— Да, мой господин принц.

Глаза Арвела расширились от ее слов.

— Я принц?

— Ты принц Пауиса-Венвинвина, Арвел ап Мейдок, — сказала ему мать.

— Мой дом не в Элфдине? — Арвелом неожиданно овладела эта новость;

— Нет, мой господин принц.

— Где мой дом, мама?

— Ты лорд Скалы Ворона, мой сын.

Подошел Риз и произнес:

— Что бы ты ни захотела, Уинн Гарнока, какая бы помощь тебе ни потребовалась, все будет исполнено в благодарность за то, что сделал для меня Мейдок, долг которому я никогда не смогу заплатить, и во имя наших родственных уз.

Она кивнула.

— Благодарю тебя, мой господин, — ответила она ему, а потом сказала Арвелу:

— Это твой дядя, мой сын, Риз, лорд Сант-Брайда.

Риз торжественно поклонился маленькому мальчику.

— Всегда к вашим услугам, мой господин принц. Могу ли я чем-то помочь вам сейчас?

— Возьмите меня к себе на лошадь, дядя, — ответил мальчик.

Когда все были в седлах, Арвел приказал Ризу встать во главе отряда воинов.

— Сейчас я еду домой, — сказал он. — Я еду домой в Скалу Ворона.

Они двинулись прочь от горящего замка, маленький мальчик на крупной лошади своего дяди вел их вперед. За ними носильщики, окруженные стражниками с факелами, несли тело Мейдока Пауиса-Венвинвина. Следом шли женщины. Вооруженный отряд замыкал колонну. Ночное небо над ними освещала яркая луна. Уинн посмотрела на луну. Она сияла чистым белым светом на черном фоне.

Затем вдруг на мгновение первозданная красота была закрыта тенью пролетающего ворона. Уинн подумала, что, возможно, она могла даже услышать крик птицы. Но если б она услышала, это был бы другой крик.

Мейдок умер. Еще раз их разлучил жестокий миг времени. Она не сомневалась, что однажды они вновь будут вместе; и в следующий раз... о, в следующий раз будет даже лучше!

Она не замечала ни слез, струящихся по ее прекрасному лицу, ни тайной, легкой улыбки, появившейся на губах. Ничто не имело для нее значения, кроме детей — Арвела, Аверел и нового ребенка, которого она носила в себе. Дети, Скала Ворона и ее воспоминания. Да! Ее воспоминания. Какие это были воспоминания!

Эпилог. УЭЛЬС. 1805 ГОД

*Не забудь, что я,
вернусь к тебе.*

*Еще немного, и я
страстным желанием*

*Соберу прах и пену
для другого тела.*

*Еще немного, один
лишь миг покоя на
ветру,*

*И другая женщина
родит меня.*

*Кахлил Джибран,
Пророк*

— Я не уверена, нет, в самом деле, я совсем не уверена, что мы разумно поступили, отпустив наших молодых людей без должного сопровождающего, — беспокоилась леди Марселла Бауен, ни к кому конкретно не обращаясь. Это была крупная красивая женщина лет сорока пяти.

Газовый шарф в виде тюрбана был повязан на ее седеющих локонах.

Она близоруко смотрела вслед отъезжающим всадникам.

— Чепуха, моя дорогая, — весело ответил ее дородный муж, сэр Румфорд Бауен. — Лето... отсутствие церемоний здесь за городом, знаешь... не беспокойся.

— Да, в самом деле! — отозвался добрый приятель сэра Румфорда, сэр Уильям Торлей. — Отсутствие церемоний в порядке вещей здесь, в Тритауер Уелсе.

— Нам следовало бы поехать в Бас, — проворчала леди Марселла.

— Бас уже не в моде, моя дорогая. Сам Бруммель считает так. Да и тон этим летом довольно легкомысленный, — сказал своей супруге сэр Румфорд.

Она сердито взглянула на него и язвительно спросила:

— И с какой целью, хотелось бы мне знать, сэр? Каждый подходящий жених хорошего происхождения из Лондона сейчас Бог знает где, вместо

того, чтобы быть в одном, центральном, месте, Басе, где их могут хорошо рассмотреть и оценить семьи юных леди тоже благородного происхождения. Мистер Бруммель превратил естественный порядок вещей в хаос. Если б он был приличным человеком, он бы полностью раскаялся. Однако, зная его, я думаю, он считает это все забавным, негодник! Как нам найти мужа для Гонории, хотелось бы мне знать?

— Ну, ну, моя дорогая, — попытался успокоить свою жену сэр Румфорд, — здесь, на курорте, есть несколько молодых людей, со временем ожидают и другие.

Леди Марселла вздохнула с видом мученицы. Как можно объяснить эти вещи мужчине? Тритауэр Уелс — это не Бас. Даже нельзя сравнивать с Басом. Новый водный курорт только этим летом открылся для отдыхающих. Сэр Уильям и еще несколько джентльменов, чье богатство и титулы были результатом их успешных торговых операций, вложили средства в этот курорт. Прислушавшись к мнению Бруммеля, что время Баса прошло, эти джентльмены и их семьи перекочевали в Тритауэр Уелс, к большому огорчению их дам.

Жены вкладчиков были единого мнения. Необходимо, чтобы их сыновья женились на девушках и дочери вышли замуж за юношей, занимающих более высокое положение на общественной лестнице, а не в своем кругу. Какая польза от денег, если ты не можешь купить, что больше всего хочется? И вот теперь, увы, месяцы тщательной подготовки пошли прахом, потому что Тритауэр Уелс в Черных горах Уэльса едва ли можно считать центром сливок общества. Он и в самом деле расположен на краю света.

— Слава Богу, Олимпия уже обручена, иначе мы окончательно были бы погублены, — заявила леди Марселла. — Гонории, в конце концов, только семнадцать, и у нас есть по крайней мере еще год, прежде чем мы должны начать по-настоящему беспокоиться.

— Когда дело касается мужчин, тебе не стоит беспокоиться о Гонории, — криво усмехнувшись, заметил ее муж — Она привлекает их, как цветок пчел.

— А вы разве не несете ответственность за свою племянницу, мисс Катрин? — поинтересовалась робкая жена сэра Уильяма, леди Доротея.

— Сначала надо подумать о Гонории, — твердо ответила леди Марселла с материнской заинтересованностью. — Дорогая Китти, в конце концов, получит наследство, и к тому же она американка, самый желанный улов для молодого человека хорошего происхождения. Фактически, — лукаво продолжила леди Марселла, доверительно наклонившись к леди

Доротее, — я считаю ее возможной партией для нашего старшего сына, Джорджа. Может быть, однако, мне следует поискать для Джорджа жену с английским состоянием. Он и Китти, кажется, не очень-то увлечены друг другом.

— Они не любят друг друга? — заинтересовалась леди Доротея, горя желанием чуть-чуть посплетничать.

— Нет, любят как кузены, но не думаю, что они составят хорошую пару как муж и жена.

— А что, если ее выдать замуж за одного из ваших младших сыновей? — спросил сэр Уильям, проникая в суть вещей. Они с женой были бездетны, но их очень интересовала судьба детей Бауенов.

— Невозможно! — ответила леди Марселла. — Энском готовится посвятить себя церкви. Пройдет какое-то время, прежде чем он сможет жениться. Дариус в армии. Его полк скоро должен отправиться в Индию. Американская жена совсем не годится для Дариуса. Что же касается Нестора, его служба во флоте его величества не позволяет ему обзавестись женой, хотя когда-нибудь и он женится, но он моложе дорогой Китти. Нет, это будет либо Джордж, либо другой подходящий джентльмен, но, увы, мы не в Басе. Здесь нет подходящих джентльменов. Ни для Гонории, ни для Китти. — Она бросила сердитый взгляд на мужа. — Клянусь, они завянут здесь этим летом, бедняжки!

— Мне кажется, что ни одна из них вообще не завянет, — живо откликнулся сэр Румфорд. — Они мечтали об этой верховой прогулке.

— Куда они поехали? — заинтересовалась леди Доротея.

— В горы. Существует местная легенда о разрушенном, замке на вершине горы. Они должны встретиться там с несколькими приятелями Джорджа, которые путешествуют верхом. Они вернутся вместе с нашими детьми позже и останутся здесь, в Тритауэр Уелсе, на несколько недель. Вполне приятные молодые люди. Жених Олимпии, сэр Хэлси Хэлстед, и два других, сэр Фредерик Гэлтон и сэр Томас Смолл. Оба вполне подходящие, моя дорогая, или ты забыла? — усмехнулся он.

— Они в самом деле подходящие! Ты прав, Румфорд, я совершенно забыла, что Фредерик Гэлтон и Том Смолл приезжают в Тритауэр Уелс. — Леди Марселла расцвела.

— Сэр Томас Смолл? Да ведь он получил наследство, когда ему было пять лет. Он вырос у своей незамужней тетки. Я ходила в школу с Эмилией Смолл, — взволнованно сказала леди Доротея. — Вы знаете, он сказочно богат. У него также собственность в Индии и Америке. Мне говорили, что деньги поступают от чая, мехов, не говоря уже об огромных

землевладениях.

— В самом деле? — спросила леди Марселла, чуть не мурлыча, в ее синих глазах зажегся интерес. — Мы встречали его только дважды.

Один раз в Оксфорде и второй раз, когда Джордж привез его домой во время каникул. Он красивый молодой человек. Скорее он драматически красив, подумала я. Я не знала о его прекрасном происхождении, моя дорогая Доротей. Как мило с твоей стороны просветить меня. Он, конечно, весьма подходящая партия для Гонории. Он не обручен, не так ли? — беспокойно спросила она.

— Я ничего не слышала, — ответила Доротей Торлей, в восторге оттого, что она знает нечто такое, что неведомо ее внушительной приятельнице.

— Тогда, возможно, к лучшему, что я не отправила с детьми сопровождающего, — вслух решила леди Марселла. — Обстановка будет более свободной для знакомства. О, я надеюсь, Гонория не сделает ничего неподобающего, что отпугнуло бы этого достойного джентльмена, — забеспокоилась она.

— Не волнуйся за Гонорию, моя дорогая. Она только чуть-чуть смела. Большинство джентльменов находят это очаровательным в молодой девушке.

Леди Марселла еще раз посмотрела в ту сторону, куда удалились молодые люди, но маленькие уэльские пони уже скрылись из виду. Она нахмурилась.

— Клянусь вам, я прямо чувствую, как мама беспокоится, отпустив нас без должного провожатого, — сказала мисс Олимпия Бауен, когда они рысью ехали в горы.

Все рассмеялись, потом ее брат Энском заметил:

— Думаю, мне следует пожурить тебя за столь крамольную мысль, моя дорогая сестра.

— Ты еще не приходский священник, Энни, — резко заметила Олимпия.

— Я бы и не стал им, не будь Джордж таким неучтивым, родившись раньше меня, — озорно ответил Энском Бауен.

— Не обвиняй меня, — отозвался Джордж Бауен. — Ты вообще представляешь себе все трудности быть наследником? Я бы скорее предпочел учиться на священника, Энни, чем нести ответственность за Бауенбрук Хаус в Лондоне, поместье Бауенвуд в Вустере и, конечно, в первую очередь исполнять обязанности поставщика лучшего чая его королевского величества.

Путешественники опять рассмеялись, а затем мисс Гонория Бауен сказала:

— Не забудь, Джордж, что мама рассчитывает женить тебя на какой-нибудь неприлично богатой и плодовитой молодой наследнице.

— У богатых и плодовитых наследниц обычно лошадиные лица. И. это только справедливо, — сказал им Джордж.

— Я оскорблена, Джордж, — отозвалась их кузина мисс Катрин Уильямс. — Я неприлично богата, хотя не знаю, плодовита ли, но уж, конечно, у меня не лошадиное лицо.

— Тогда выйди за меня замуж, Китти, и положим конец всем нашим беспокойствам. Предупреждаю тебя, как только мама пристроит Гонорию, она будет искать тебе мужа!

— Дорогой Джордж! — Китти протянула свою руку и похлопала его по руке. — Ты заслуживаешь девушки, которая влюбилась бы в тебя без оглядки. Мне же нужен человек, которого смогу полюбить навсегда. Мы не подходим друг другу, и ты это прекрасно знаешь.

— Ты самый закоренелый романтик, дорогая Китти, — сказала ей Олимпия.

— А ты разве не любишь сэра Хэлси, кузина? — поинтересовалась Китти.

Благородная мисс Олимпия покраснела до корней своих коротких каштановых волос и уверенно произнесла:

— Я, конечно, люблю Хэлси!

— Тогда не позволишь ли и мне найти свою счастливую судьбу, как нашла ее ты?

— Любовь! Любовь! Любовь! Неужели это единственное, о чем вы, глупые существа, собираетесь все время говорить? — спросил Дариус Бауен, лейтенант бенгальских улан его величества. — Мне рассказали, что замок, который мы отправились осмотреть, был отлично укреплен самой природой. Как гласит легенда, его никогда не удавалось захватить во время войн.

— Тогда почему он необитаем, мой младший брат? — спросил Джордж Бауен.

— Не имею представления. Возможно, семья приобрела собственность в долине и в спокойный век решила спуститься со своей горы. С какой стати жить в заброшенном месте, если в этом нет необходимости, скажу я!

— Мистер Тритауер, первоначальный владелец источников, говорит, что замок когда-то принадлежал семье принцев-волшебников, — сказала Гонория. Она, как ее отец и младший брат, была блондинкой с большими

искренними глазами. Их немного наивное выражение пленяло людей. Как и ее старшая сестра и кузина, она была модно подстрижена а la Grecque. Завитки ее волос были весьма трогательны. В семье, где все женщины высокие, она была миниатюрной.

— Мистер Тритауер говорит, — продолжала Гонория, — что его прабабушка всегда рассказывала о волшебнике-принце и его красавице жене и какой-то ужасной трагедии, которая разлучила их.

— Обычная уэльская сказка, — сухо заметила Олимпия:

Не обращая на нее внимания, Гонория продолжала:

— Прабабушка мистера Тритауера обычно плакала, рассказывая эту историю. Она говорила, что могла ощущать печаль в самих камнях этих руин. Разве это не замечательно! — В свои семнадцать лет она была безумно романтична.

— У мистера Тритауера пристрастие к драматическому. Полагаю, он рассказывает эту бамберийскую сказку каждой доверчивой девушке, которая приезжает на курорт. Потом он дает ей на день напрокат одного из своих пони для путешествия по окрестностям. Думаю, необычайно доходное дело.

— Это не бамберийская сказка! — с негодованием воскликнула Гонория. — Ты ведь им веришь, Китти, правда?

Однако Катрин Уильямс не слышала свою кузину. Она никак не могла избавиться от овладевшего ею чувства, что она уже была здесь, «Я знаю, где мы едем, — думала она про себя. — Я знаю точно, где мы едем!» Хотя это было несколько поразительное открытие, оно не особенно пугало, потому что у нее прежде уже были подобные чувства.

— Китти! — Голос Гонории настойчиво пытался привлечь ее внимание.

— Что? Да, Гонория, в чем дело?

— Мистер Тритауер ведь не рассказывал мне бамберийскую сказку просто для того, чтобы мы наняли его осликов, не так ли? Его история о принце и его жене — правда, я уверена в этом!

— Конечно! — заверила ее Китти и удивилась, откуда у нее такая уверенность.

Пони перешли старинный каменный мост, перекинутый через маленькую горную речку, и Китти, когда начала подниматься в гору, ощутила, как в ней нарастает волнение.

Узкая тропа из полустертых временем камней, которую определенно проложила природа, заросла лишайниками.

— Боже мой! Это похоже на дорогу самого рока, — воскликнула

удивленная Олимпия.

— Вот видишь! — радостно закричала Гонория и ударила ногами по толстым бокам пони, чтобы первой добраться до вершины горы.

Другие последовали за ней по тропе, которая становилась все более крутой и извилистой, пока наконец, сделав последний поворот, они не оказались среди развалин некогда обитаемого замка. Черные камни где поднимались ввысь, где лежали беспорядочным нагромождением. Их можно было принять за часть самой горы.

— Прабабушка мистера Тритауера была права! — сказала, смеясь, Гонория, спрыгивая с пони. Все последовали ее примеру и стали бродить среди руин, оживленно болтая. Одна лишь Китти была странным образом молчалива и задумчива. Во всем здесь чувствовалась печаль, как и предсказывала бабушка мистера Тритауера, подумала Китти, но вместе с тем было и счастье. Огромное счастье и даже больше!

— Ой! Ой! — сказала Гонория почти благоговейно. — Разве это не божественный вид? Замок, похоже, построен на гребне самой горы.

Отсюда видно две долины.

— Я не уверена, что твой мистер Тритауер не ввел тебя в конце концов в заблуждение, — резко сказала Олимпия. — Здесь нет никакого замка и никогда не было. Просто каменные образования так располагаются на горе, что создается впечатление о бывшем жилье.

— Ты совершенно не права, Олимпия, — спокойно произнесла Китти таким необычно тихим голосом, что они все повернулись взглянуть на нее. Она шла не спеша, к удивлению ее кузенов, словно искала что-то особенное, потом ее зеленые глаза вдруг загорелись. — Горные образования не делают ступеней, Олимпия. Взгляни сюда!

Пораженные, они следили, как Китти царственной походкой поднималась по покрытой мхом и лишайником каменной лестнице.

— Боже милостивый! — воскликнул Джордж. — Китти абсолютно права. Это, конечно, лестница.

— Что ж, очень хорошо, — согласилась Олимпия, потом вздрогнула. — Это лестница, Джордж и Гонория правы. Это замок, но меня знобит от холода. Теперь, когда мы все пришли к единому мнению, может, мы вернемся в Тритауер Уелс?

— Дорогая сестра, нам нужно подождать остальных. Неужели ты не помнишь, что твой возлюбленный и два моих знакомых должны присоединиться к нам здесь?

Однако, прежде чем Олимпия смогла ответить, небо над ними с присущим британским своенравием внезапно потемнело. Раздался

угрожающий раскат грома, и на них закапали крупные капли дождя.

Вскрикнув одновременно, сестры Бауен поискали глазами какое-нибудь укрытие и были быстро препровождены тремя братьями в углубление в одной из стен замка. А Китти спряталась от дождя в алькове на верху лестницы, где она стояла. Она чувствовала себя в безопасности.

Словно она была отсюда родом. Словно стояла на этом самом месте раньше. Она вздохнула с внезапным ощущением счастья, и на мгновение все окружающее ее исчезло, кроме этого волшебного ощущения, которое она испытывала в этот миг.

Потом ее внимание привлекло какое-то движение в том месте, где они вступили на территорию замка. Она с улыбкой наблюдала, как трое молодых людей, модно одетых джентльменов, верхом на великолепных лошадях, с гиканьем и смехом рысью въехали на вершину горы.

Спрыгнув с лошадей, они бросились бежать по траве, ища убежища от непогоды.

После нескольких минут дождя, который лил серебристыми потоками и сопровождался захватывающими вспышками молний и ударами грома, гроза прошла, направившись вниз, в долину.

Она слышала, как внизу молодые люди знакомились. Раздался игривый смех Гонории. Это был звук, свойственный ее кухне, который всегда издавала Гонория, увидя джентльмена, который ее заинтересовал.

Китти устремила взор вдаль над густо поросшей лесом долиной.

Легкий ветерок играл ее черными кудрями, она не спешила покинуть свою маленькую нишу и присоединиться к остальным. Она глубоко вздохнула от чувства полного покоя и удовлетворения, как вдруг ощутила рядом с собой чье-то присутствие.

— Ваши кузены послали меня за вами, мисс Кэтрин, — услышала она глубокий мужественный голос. — Я сэр Томас Смолл. Взглянув на вас снизу, я подумал, что вы вообще не имеете никакого отношения к Бауенам. Вы скорее волшебная хозяйка этой башни.

Китти обернулась. С ее розовых губ уже готова была сорваться умная острота, но она застряла у нее в горле, когда зеленые глаза встретились с темно-синими, подернутыми дымкой, — глазами молодого человека. «Ты нашел меня наконец!» Сердце дико забилось, когда эти слова пролетали в ее голове. «Я знаю этого человека», — лихорадочно подумала она, в то время как она твердо была уверена, что никогда в жизни не видела этого красивого юноши. Но сердце и душа настаивали: «Я знаю этого человека!» И, не в силах бороться со своим волнением, она отдалась восхитительным чувствам, обволакивающим ее.

Сэр Томас Смолл ласково улыбнулся Кэтрин Уильямс и, взяв ее изящную ручку, тихо сказал:

— Да, дорогая мисс Кэтрин, я чувствую то же самое. Вы не должны думать, что я сумасшедший, хотя я не уверен, что не лишился разума.

Поверите ли вы мне, прекрасная хозяйка башни, когда я скажу, что верю в то, что нам суждено пожениться? Поверите ли вы, моя дорогая, что я собираюсь сделать вас своей женой, как только ваши опекуны позволят нам обвенчаться? Господи! — Он провел нетерпеливой рукой по волнистым черным волосам. — Что вы должны подумать обо мне?

Клянусь вам, я не лунатик. Никогда прежде я не вел себя так с женщиной! — Он нежно сжал ее руку. — Вы выйдете за меня замуж, дорогая, правда?

Киттс медленно кивнула, зачарованная его взглядом. Она изучала его лицо, будто пытаясь что-то отыскать в нем, но не знала что.

— Я не думаю, что вы сумасшедший, сэр, потому что на меня тоже нахлынули знакомые ощущения и вместе с тем совершенно неведомые мне. Однако сердцем я знаю, что вы говорите правду, и с радостью выйду за вас замуж.

Он медленно поцеловал ее руку. Тепло его губ наполнило ее восхитительным жаром. «Все так странно устроилось», — подумала она, погружаясь в глубину его замечательных, подернутых дымкой глаз. На краткий сладкий миг она увидела это место таким, каким оно было когда-то: внизу в большом зале горели каминные, разноцветные шелковые знамена свисали с балок, взад-вперед сновали слуги. Потом внезапно все исчезло, и он улыбался ей.

— Мы присоединимся к остальным, дорогая? — спросил он и, не дожидаясь ответа, повел ее, вниз по мокрым каменным ступеням разрушенной лестницы.

Когда они спускались, Китти неожиданно поняла, что ждала все свои восемнадцать лет — нет! — она ждала века этого высокого темноволосого незнакомца, который на самом деле вовсе не был незнакомым. Им изначально предопределено быть вместе в этом месте и времени. Да!

Они поженятся, хотя, она знала, ее тетушка будет особенно шокирована. Но ее и Тома, Китти была уверена, ждет изумительная жизнь.

Инстинкт, о котором она никогда не подозревала, уверял ее в этом. На мгновение она заинтересовалась, возможно ли умереть от полнейшего, истинного счастья. Она никогда не думала, что такая радость возможна.

Когда они спустились с лестницы, она услышала крик птицы и, взглянув вверх, увидела большого черного ворона, парящего в ярко-

голубом небе. «Запомни!» — Китти услышала слово так отчетливо, будто кто-то прошептал его ей на ухо. Запомни! Да, она действительно запомнит. Как можно забыть этот замечательный миг, который соединил их вместе — воссоединил их, она была уверена в этом, — еще раз, но в глубине своего существа она знала, что в этот раз это будет Вечно.

notes

Примечания

1

Белтейн — старый кельтский праздник В этот день 1 мая разжигают костры

2

Мерлин — волшебник в сказаниях о короле Артуре, занимался черной магией и стал ее жертвой. Дама с озера чарами завлекла его в куст терновника, где он спит до сих пор.

3

Майское дерево — столб, украшенный цветами, разноцветными флажками, лентами, вокруг которого танцуют 1 мая.

4

Надел — 120 акров .

5

29 сентября.

6

13 ноября — празднуется день святого Мартина.

Содержание

[Бертрис Смолл Ворон](#)

[Пролог. ГДЕ-ТО В ВЕЧНОСТИ](#)

[Часть I. УИНН ИЗ ГАРНОКА УЭЛЬС, 1066](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Часть II. ХОЗЯЙКА ЗАМКА. СКАЛА ВОРОНА. УЭЛЬС, 1061](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Часть III. ЖЕНА ТАНА ИЗ ЭЛФДИНА](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Часть IV. НАЛОЖНИЦА БОЛЬШОГО ЗАЛА](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Эпилог. УЭЛЬС. 1805 ГОД](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)